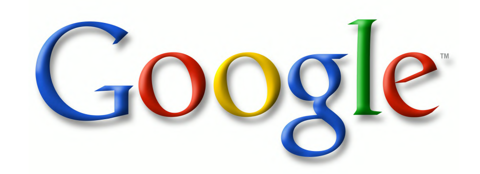
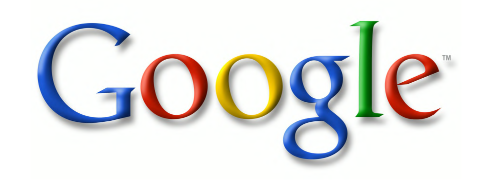
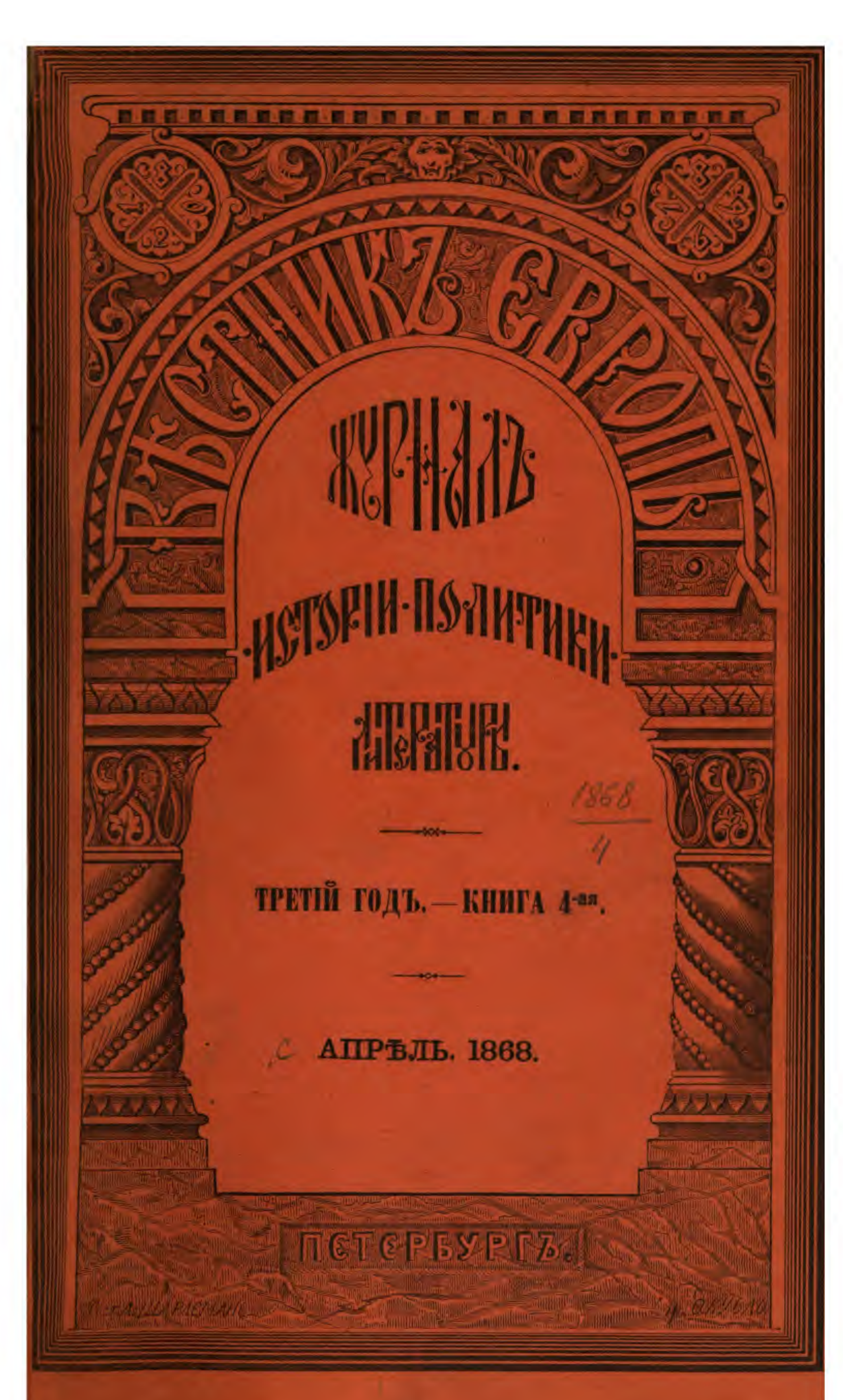




SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
6 Oct. 1879


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1868
4
ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-ая.
АПРѢЛЬ. 1868.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1868.

Въ майской книгѣ печатается трагедія гр. А. К. Толстаго: „Ѳедоръ Іоанновичъ“, въ пяти дѣйствіяхъ.

ГЕТМАНСТВО
ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО

I [1]).

28-го сентября 1659 года, царскій главный воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой прибылъ въ Переяславль съ наказомъ, гдѣ ему поручалось утвердить въ Малой Руси гетмана, кого пожелаютъ и изберутъ казаки. Выговскому не отнималась надежда на примиреніе. Трубецкой долженъ былъ и его пригласить на раду, какъ будто бы ничего не было, и даже признать

[1]) Настоящая монографія есть, по ходу описываемыхъ въ ней событій, непосредственное продолженіе статьи, напечатанной во II-мъ томѣ «Историческихъ монографій и Изслѣдованій», подъ названіемъ: «Гетманство Выговскаго, и сочиненія: «Богданъ Хмельницкій». Авторъ, какъ то было и прежде, пользуется, главнымъ образомъ, дѣлами бывшаго Малороссійскаго приказа, хранящимися въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ министерства юстиціи. Эти дѣла состоятъ изъ столбцевъ, заключающихъ черновыя граматы, отписки, письма разныхъ лицъ и копіи; эти документы доставляли матеріалъ преимущественно для изученія и описанія дѣлъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ періодъ времени отъ изгнанія Выговскаго до избранія Брюховецкаго въ гетманское достоинство, т. е. отъ конца 1659 до половины 1663 годовъ. Что касается до правой стороны Днѣпра, то для исторіи этого края въ томъ-же періодѣ служили источниками польскіе акты, напечатанные въ третьемъ отдѣлѣ IV-го тома Памятниковъ Кіевской Археологической Коммиссіи, именно письма и донесенія малороссійскихъ гетмановъ на правобережной Украинѣ, Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери, а также письма разныхъ польскихъ пановъ, имѣвшихъ сношенія съ казаками. Кромѣ того, какъ добавочный къ этому источникъ, служило сочиненіе Коховскаго: Annalium Poloniæ Climacteres etc., гдѣ изложены событія Украины, имѣвшія отношеніе къ польской исторіи, авторомъ-современникомъ описываемыхъ происшествій. Сочиненіе: Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora, изданное въ двухъ томахъ въ 1840 г.

его въ гетманскомъ званіи, еслибъ этого хотѣли казаки. Но это сказано было, очевидно, для соблюденія вида справедливости и готовности предоставить казакамъ управляться по своимъ правамъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ правительство могло писать изъ Москвы что угодно, будучи увѣрено по ходу дѣлъ, что Выговскаго никакъ не захотятъ выбирать казаки послѣ того, какъ они его недавно низложили; напротивъ, еслибъ онъ осмѣлился пріѣхать въ Переяславль, то казацкая рада приговорила бы его къ казни. По прибытіи въ Переяславль, московскій военачальникъ получилъ, чрезъ переяславскаго полковника Тимоѳея Цыцру, письма отъ Юрія Хмельницкаго, обознаго Носача и семи заднѣпровскихъ полковниковъ [1]). Въ нихъ извѣщалось, что на радѣ

Эдуардомъ Рачинскимъ, есть варіантъ сочиненія Коховскаго. Для описанія собственно битвъ подъ Чудновымъ и Слободищемъ служили современныя спеціальныя сочиненія объ этомъ событіи, и важнѣе всѣхъ—дневникъ Свирскаго: Relatio Historica belli Szeremetici per Septembrem, Octobrem, Novembrem gesti anno 1660. Составитель этой брошюры, напечатанной въ Замостьѣ въ 1661 году, духовнаго званія, пользовался, какъ самъ говоритъ, свѣдѣніями, доставленными ему отъ участниковъ дѣла. Польскій археологъ Амвросій Грабовскій, въ сборникѣ разныхъ матеріаловъ, изданныхъ имъ подъ названіемъ: Oyczyste Spominki, напечаталъ съ старинной рукописи: Diaryusz wojny s Szeremetem, i Ciecirą półkownikiem Perejasławskim, która się odprawowała w Miesiącu Wrześniu, Październiku i Listopadzie, roku 1660. Этотъ дневникъ есть варіантъ и чуть ли не оригиналъ реляціи Свирскаго. Кромѣ этого дневника, существуетъ другое современное сочиненіе для того же событія, писанное Зеленевицкимъ и напечатанное въ 1668 году въ Краковѣ подъ названіемъ: Memorabilis Victoria de Szeremetho exercitus Moschorum duce cum a duobus cosacorum exercitibus armis et auspiciis serenissimi Joannis Casimiri Polon. et cet. regis potentissimi ad Cudnoviam reportata. Авторъ, священникъ и деканъ, пользовался также извѣстіями, которыя слышалъ отъ очевидцевъ, но украсилъ слишкомъ свой разсказъ риторикою; вообще, упомянутый прежде дневникъ достоинъ больше довѣрія. Для описанія черной рады въ Нѣжинѣ, гдѣ избранъ былъ Бруховецкій, служилъ, кромѣ лѣтописи Самовидца, разсказъ другого очевидца, Гордона, помѣщенный въ его дневникѣ, изданномъ по-нѣмецки г. Поссельтомъ, подъ названіемъ: «Tagebuch des Generals Patrick Gordon». Кромѣ этихъ источниковъ, для дѣлъ малороссійскихъ того времени служили источниками: «Лѣтопись Самовидца», лѣтопись Грабянки и лѣтопись Самуила Величка. Изъ нихъ, «Лѣтопись Самовидца», писана человѣкомъ казацкаго званія и участникомъ описываемыхъ событій, и притомъ съ безпристрастіемъ; для этого періода, какъ вообще для всей исторіи Малой Руси второй половины XVII вѣка, она есть важный источникъ. Лѣтопись Грабянки—компиляція разныхъ книгъ и рукописей, составленная уже въ XVIII вѣкѣ для этого періода, немного представляетъ важнаго, при имѣніи другихъ болѣе непосредственныхъ источниковъ. Что касается до лѣтописи Величка, то этимъ источникомъ можно пользоваться не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, потому что въ немъ попадается много анахронизмовъ и явно-позднѣйшихъ вставокъ. Наконецъ, для изложенія отношеній Малой Руси къ центральной части, служили оффиціальныя граматы того времени, напечатанныя въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. 1) и въ III-мъ томѣ Собранія государственныхъ граматъ и договоровъ.

[1]) Черкасскаго Одинца, каневскаго Лизогуба, бѣлоцерковскаго Кравченка, паволоцкаго Богуна, уманскаго Ханенка, и Грицка гуляницкаго (бывшаго нѣжинскаго).

казацкой, происходившей на рѣкѣ Русавѣ, Выговскій низложенъ съ гетманства, и казаки отдали знамя, булаву, печать и всѣ гетманскія дѣла Юрію Хмельницкому. Трубецкой немедленно отправилъ къ заднѣпровскому войску путивльца Зиновія Яцына съ письмомъ, гдѣ уговаривалъ Юрія служить вѣрно государю по примѣру своего родителя, Богдана, а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ казаковъ убѣждалъ послѣдовать примѣру лѣвобережныхъ полковъ: принесть повиновеніе великому государю въ своихъ винахъ и учиниться у государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему.

Въ казацкомъ войскѣ послѣ раздѣлки съ Выговскимъ, при неопытности и молодости Хмельницкаго, началъ входить въ силу Сомкò, шуринъ Хмельницкаго. По извѣстію Украинской лѣтописи, онъ внутренно досадовалъ, что выборъ въ гетманы палъ не на его особу, но дѣлать было нечего. За Юрія стоялъ горячѣе всѣхъ Иванъ Сиркò, и убѣждалъ казаковъ никого не допускать къ гетманству, кромѣ сына Богданова. Сомкò долженъ былъ притворяться довольнымъ и поздравить своего молодого племянника. Войско изъ подъ Бѣлой-Церкви прибыло въ Трехтемировъ, и тамъ, на просторной долинѣ, называемой Жéрдева, собралось на рàду.

Прежде всего всѣ въ одинъ голосъ изъявляли признаніе Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ: — Будь подобенъ отцу своему, кричали казаки, будь, какъ онъ, вѣренъ и доброжелателенъ его царскому пресвѣтлому величеству и матери своей Украинѣ, сущей по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

На этой рàдѣ составлены были статьи, которыя слѣдовало представить царскимъ воеводамъ на утвержденіе. Положили просить о томъ, чтобы подтвердили всѣ статьи Богдана Хмельницкаго, а къ нимъ присоединили новыя. Ясно, что ихъ требовала и сочиняла партія казацкихъ старшинъ, хотѣвшихъ удержать и расширить автономію Украины, и, признавая верховную власть царя, насколько возможно охранить независимость своего края отъ тѣснѣйшаго подчиненія Москвѣ. Для этого хотѣли возвысить власть гетмана такъ, чтобъ только онъ, будучи главнымъ правителемъ Украины, велъ сношенія съ Москвою, чтобы мимо его безъ вѣдома его и всей старшины, безъ подписи гетманской руки и безъ приложенія войсковой печати, никакія писанія, присланныя изъ Украины, не были принимаемы у московскаго правительства; чтобы всѣ люди, принадлежащіе къ войску запорожскому, а особенно шляхта, находились подъ его вѣдомствомъ и судомъ, и чтобы ему одному повиновались непосредственно всѣ полковники съ своими полками и отнюдь не выходили изъ его послушанія. Это установлялось для того, чтобы не допустить недовольнымъ

обращаться прямо въ Москву и чрезъ то давать поводъ московскому верховному для Украины правительству непосредственно вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла; казаки въ такомъ вмѣшательствѣ видѣли нарушеніе своихъ правъ, своей вольности, а главное—боялись послѣдствій въ будущемъ: когда войдутъ въ обычай такого рода отношенія, то мѣстныя выборныя власти потеряютъ и силу и значеніе, и, наконецъ, можетъ дойти до того, что окажутся ненужными. У воеводъ и ратныхъ московскихъ людей были столкновенія съ жителями Украины; поэтому, полагали домогаться, чтобъ напередъ воеводы царскіе были въ одномъ Кіевѣ, а въ другихъ малорусскихъ городахъ ихъ не было вовсе; сверхъ того, чтобъ московское войско, когда придетъ въ Украину, состояло подъ верховнымъ начальствомъ гетмана войска запорожскаго. Гетману слѣдовало предоставить и право принимать чужеземныхъ пословъ безъ ограниченія, посылая впрочемъ въ Москву списки подлинныхъ граматъ, а въ случаѣ заключенія мира и трактатовъ Россіи съ сосѣдними государствами, особенно съ поляками, татарами и шведами, гетманъ долженъ высылать отъ войска запорожскаго коммиссаровъ съ вольнымъ голосомъ и значеніемъ. Гетманъ долженъ выбираться вольными голосами однихъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ отнюдь не участвовали въ избраніи лица, не принадлежащія къ войску запорожскому. Право участія въ выборѣ не простиралось на посполъство; казаки боялись, чтобы, такимъ образомъ, не было выбрано лицо, не расположенное стоять за интересы казацкаго сословія, или такое лицо, которое окажется слишкомъ угодливымъ верховной власти въ ущербъ мѣстной самостоятельности. Составители статей хотѣли оградить отношенія своего края и въ церковномъ отношеніи: они напоминали, чтобъ церковь малорусская находилась непремѣнно подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ константинопольскаго патріарха, а тѣмъ самымъ заключала отличіе отъ московской церкви, имѣвшей своего мѣстнаго верховнаго патріарха въ Москвѣ. Постановлялось условіе, чтобы митрополитъ кіевскій, мимо константинопольскаго патріарха, отнюдь не былъ принуждаемъ къ подчиненію и послушанію иной, какой бы то ни было власти; Москва отнюдь не должна была допускать утверждаться вліянію поставленныхъ при ея помощи іерарховъ: требовалось для этого, чтобы по смерти каждаго кіевскаго митрополита, также и другихъ епископовъ, преемники ихъ поставлялись не иначе, какъ по вольному выбору духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки выговаривали себѣ невозбранное право заведенія школъ «всякого языка», гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было. Наконецъ, просили полной амни-

стіи, вѣчнаго «непамятозлобія и запомненія» всего, что̀ недавно дѣлалось. Видно было ясно, что казаки на этотъ разъ хоть и изъявляли желаніе быть вѣрными Москвѣ, но въ тоже время боялись ее; соглашались находиться въ зависимости отъ нея, но только въ такой зависимости, которая была бы до того слаба, что, при случаѣ, можно будетъ отъ нея избавиться.

Порѣшивши предложить въ такомъ духѣ договоръ, казаки отправили къ Трубецкому обратно присланнаго послѣднимъ Зиновія Яцына, а вмѣстѣ съ нимъ послали своего полковника Дорошенка, изъявить желаніе, чтобы государь велѣлъ казакамъ быть подъ своею рукою на правахъ и вольностяхъ своихъ, какъ это было при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ. Трубецкой вручилъ Дорошенку царскую жалованную грамату и вмѣстѣ съ нимъ послалъ къ Юрію Сергѣя Владыкина пригласить новоизбраннаго гетмана со старшиною ѣхать къ нему въ Переяславль.

4 октября, казацкая ра̀да отправила къ Трубецкому вмѣстѣ съ Владыкинымъ снова Петра Дорошенка и съ нимъ черкасскаго полковника Андрея Одинца и каневскаго Ивана Лизогуба. Они привезли Трубецкому два письма: одно отъ гетмана, другое отъ всѣхъ полковниковъ, и четырнадцать статей въ смыслѣ составленныхъ на жердевской ра̀дѣ условій, которыхъ содержаніе изложено выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили боярина и воеводу прибыть за Днѣпръ къ Трехтемировскому монастырю.

Трубецкой, прочитавъ статьи, сказалъ Дорошенку и его товарищамъ:—«Здѣсь есть кое-что новое противъ договора съ Богданомъ Хмельницкимъ, а у меня есть тоже новыя статьи для утвержденія войска запорожскаго, чтобы въ немъ напередъ не было измѣны, и междоусобія и напраснаго пролитія крови христіанской. Мы къ вамъ на ра̀ду не поѣдемъ; пусть вашъ новоизбранный гетманъ прибудетъ сюда безъ сумнительства вѣру учинить и крестъ цѣловать на вѣчное подданство».

Казацкіе послы напрасно уговаривали Трубецкаго поступить по ихъ желанію. Казаки надѣялись, что московскій бояринъ, находясь посреди казацкаго войска, будетъ уступчивѣе. Но это видѣлъ Трубецкой и, напротивъ, стоялъ на томъ, чтобы казацкіе начальники пріѣхали къ нему и принуждены были договариваться посреди московской ратной силы. Дорошенко просилъ, чтобы бояринъ, по крайней мѣрѣ, для увѣренности, послалъ своихъ товарищей въ казацкое войско въ то время, какъ гетманъ со старшиною пріѣдетъ къ нему въ Переяславль. И на это Трубецкой не поддался, но согласился однако послать за Днѣпръ товарища своего, окольничаго и воеводу Андр. Вас. Бутурлина, не въ качествѣ заложника, а для того, чтобы привести къ присягѣ ка-

зацкое войско. Трубецкой сдѣлалъ замѣчаніе, что если казаки будутъ далѣе упрямиться, то онъ пошлетъ на нихъ ратную силу, и Шереметеву изъ Кіева велитъ идти на нихъ въ тоже время[1]). Но чтобъ не раздражить казацкихъ полковниковъ до крайности, бояринъ не говорилъ имъ о рѣшительной невозможности принять привезенныя ими статьи, откладывалъ дѣло до прибытія гетмана и даже подавалъ имъ нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, ихъ желаніе исполнится. Тѣмъ не менѣе послы казацкіе, Дорошенко и его товарищи, оставлены были въ Переяславлѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе отъ Юрія Хмельницкаго и казацкихъ полковниковъ; къ послѣднимъ посланъ былъ еще разъ Сергѣй Владыкинъ.

Рѣшительныя заявленія Трубецкаго поставили казаковъ въ такое положеніе, что имъ оставалось только повиноваться. Въ противномъ случаѣ, приходилось воевать съ царскимъ войскомъ,— но на это половина войска не согласилась бы; народъ малорусскій, подъ вліяніемъ свѣжей непріязни къ Выговскому и его шляхетскимъ затѣямъ, былъ бы противъ этого весь. Притомъ, трое полковниковъ были задержаны въ московскомъ станѣ: военачальникъ не выпустилъ бы ихъ. 1 октября, Юрій Хмельницкій извѣстилъ Трубецкаго, что онъ ѣдетъ въ Переяславль.

Трубецкой отпустилъ задержанныхъ чиновниковъ и отправилъ за Днѣпръ, для приведенія къ присягѣ казацкаго обоза, своего товарища Бутурлина, но приказалъ ему только тогда перевозиться на правый берегъ Днѣпра, когда казацкое начальство будетъ уже на лѣвомъ. Онъ не довѣрялъ казакамъ и ему не довѣряли казаки. На другой день, 8 октября, Юрій Хмельницкій увидѣлъ, что Бутурлинъ стоитъ на берегу Днѣпра и не перевозится. Юрій послалъ ему сказать, что пока Андрей Васильевичъ не переѣдетъ на правый берегъ Днѣпра, казацкій гетманъ со старшиною не переѣдутъ на лѣвый. Бутурлинъ отправилъ къ Трубецкому спросить, что ему дѣлать. Трубецкой приказалъ Бутурлину, для успокоенія казаковъ, послать за Днѣпръ своего сына Ивана, а самому отнюдь не ѣхать, прежде чѣмъ гетманъ не перевезется. Такъ поступилъ Бутурлинъ. Казаки увидя, что сынъ Бутурлина уже на правой сторонѣ Днѣпра, успокоились и переѣхали на лѣвый. Тогда и Бутурлинъ, воротивши сына назадъ, самъ переправился на правый берегъ.

Эти обстоятельства показываютъ, какъ мало искренности и довѣрія существовало тогда между обѣими сторонами и, слѣдо-

---

[1]) См. гр. IV, 63.

вательно, напередъ можно было предвидѣть, какъ мало прочности могло быть въ томъ, что между ними будетъ постановлено.

Настойчивость Трубецкаго не всѣхъ сломила. Съ Юріемъ Хмельницкимъ прибыли обозный Носачъ и войсковой есаулъ Ковалевскій: они оставлены при своихъ урядахъ и пріѣхали просить прощенія за вины свои. Кромѣ ихъ пріѣхалъ новый войсковый судья Иванъ Кравченко, избранный вмѣсто низложеннаго соучастника Выговскаго—Богдановича-Заруднаго, и писарь Семенъ Остаповичъ Голуховскій, избранный вмѣсто Груши. Изъ полковниковъ съ праваго берега были въ Переяславлѣ съ Юріемъ—черкасскій Андрей Одинецъ, каневскій Иванъ Лизогубъ (бывшіе уже прежде съ Дорошенкомъ и задержанные Трубецкимъ), корсунскій (начальникъ казацкой артиллеріи) Яковъ Петренко, кальницкій Иванъ Сиркò и бывшій прилуцкій Дорошенко, уже тогда по своимъ дарованіямъ, ловкости и воспитанію стоявшій впереди въ дѣлахъ. Но полковники: кіевскій Бутримъ, чигиринскій Кирилло Андріенко, брацлавскій Михаилъ Зеленскій, подольскій или винницкій Евстафій Гоголь, паволоцкій Иванъ Богунъ, бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, уманскій Михаилъ Ханенко не пріѣхали въ Переяславль и не хотѣли покориться Москвѣ. Юрій, увидѣвшись съ Трубецкимъ, скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія и объяснялъ, что эти полковники не явились по тому, что надобно было оставить ихъ для обороны края противъ поляковъ и татаръ. Онъ объявилъ московскому военачальнику, что имѣетъ право подписаться за нихъ. Со стороны духовенства явился на ра̀ду въ Переяславль одинъ только кобринскій архимандритъ Іовъ Заенчковскій. Кромѣ ихъ, прибыло нѣсколько сотниковъ, товарищей и дворовые люди Юрія.

II.

Трубецкой, прежде собранія ра̀ды, на которой слѣдовало отъ имени царя утвердить Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ и постановить новыя договорныя статьи, написалъ къ Ромодановскому, и въ Кіевъ къ Шереметеву, чтобы и тотъ и другой спѣшили съ ратною силою въ Переяславль, приказалъ съѣзжаться на ра̀ду нѣжинскому и черниговскому полковникамъ и разсылалъ грамaты къ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ городовъ и мѣстечекъ лѣвой стороны Днѣпра, приказавъ имъ ѣхать на ра̀ду и объявить поспольству, чтобы оно съ ними туда же съѣзжалось. Бояринъ замѣтилъ, что поспольство лѣвой стороны не долюбливаетъ казаковъ и расположено къ

московской сторонѣ; онъ, поэтому, надѣялся, при большемъ стеченіи народа, вытребовать отъ казацкихъ начальниковъ то, что было нужно для московскаго правительства, и притомъ такъ, что все будетъ дѣлаться по волѣ большинства народнаго.

Просидѣвъ одинъ день во дворѣ, гдѣ его помѣстили, Юрій отправилъ къ Трубецкому есаула Ковалевскаго просить свиданія. 10 октября, бояринъ приказалъ всѣмъ быть у себя. Бояринъ обошелся съ Юріемъ ласково, сообщилъ ему царскую милость, извѣстилъ, что царь его похваляетъ за то, что онъ желаетъ оставаться въ подданствѣ у великаго государя и побуждалъ подражать своему отцу въ непоколебимой вѣрности царю. Старшины и полковники били челомъ объ отпущеніи своей вины предъ царемъ и говорили, что они отлучились отъ царя по-неволѣ: то были обычныя отговорочныя фразы того времени. Бояринъ объявилъ имъ царское прощеніе за прошлое и проговорилъ наставленіе, чтобы они впередъ оставались подъ высокою рукою царскаго величества на вѣки неотступны. — Великій государь (онъ сказалъ имъ) велѣлъ учинить въ Переяславлѣ ра̀ду и на ра̀дѣ избрать гетманомъ того, кто вамъ и всему войску запорожскому надобенъ, и постановить статьи, на которыхъ всему войску запорожскому быть подъ рукою его царскаго величества.

Послѣ этого свиданія прошло нѣсколько дней. Московскіе воеводы прибывали одинъ за другимъ съ своими ратями. 13 октября, прибылъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, 14— окольничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Переяславль безпрестанно наполнялся людьми различныхъ состояній. Съѣхались около боярина вѣрные царю полковники лѣвой стороны: нѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силичъ, полтавскій Ѳедоръ Жученко, прилуцкій Ѳедоръ Терещенко, лубенскій Яковъ Засядко, миргородскій Павелъ Андреевъ съ своими писарями и сотниками; стекались изъ ближнихъ мѣстъ войты, бурмистры и мѣщане.

Пятнадцатаго октября, Юрія и старшину опять позвали къ Трубецкому, который встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ прибывшими вновь воеводами. Съ ними были дьяки: думный Ларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ и Ѳедоръ Грибоѣдовъ. Съ Юріемъ и полковниками былъ и наказный гетманъ Безпалый. Казацкой старшинѣ прочитана была царская вѣрющая грамата на имя Трубецкаго: въ ней отъ царя поручалось боярину утвердить новоизбраннаго казацкаго гетмана, постановить статьи и привести всѣхъ къ присягѣ. Потомъ прочитаны были статьи, привезенныя Трубецкимъ: ихъ было два рода, — однѣ старыя, тѣ, на которыхъ присягалъ покойный Богданъ Хмельницкій, другія новыя,

написанныя не вполнѣ въ прежнемъ смыслѣ и прямо противныя тѣмъ, которыя измышляли казаки на жердевской радѣ. Юрій со старшиною, не смѣя опровергать ихъ, не изъявлялъ одобренія, а просилъ только прочитать ихъ на цѣлой радѣ казацкой и сказалъ: на какихъ статьяхъ быть намъ и всему войску запорожскому подъ самодержавною рукою его царскаго величества, мы будемъ бить челомъ на радѣ, чтобы про то все было вѣдомо всему войску запорожскому.

Этими словами показалось, что казацкимъ старшинамъ, руководившимъ молодымъ гетманомъ, не нравятся привезенныя изъ Москвы статьи, и что они все еще, считая себя вольнымъ народомъ, думаютъ договариваться на такихъ условіяхъ, какія сами для себя найдутъ выгодными и представятъ, а не на такихъ, которыя имъ предложатъ подъ страхомъ. Трубецкой, можетъ быть, по принятому обычаю запросить побольше, чтобы скорѣе получить то, что нужно, сказалъ:

— Великій государь повелѣлъ въ городахъ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ и вѣдать уѣзды тѣхъ городовъ, какъ было встарь, оттого что тѣ города изстари принадлежали къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи. Такъ и теперь надобно учинить попрежнему, а казаки, которые устроены землями въ уѣздахъ тѣхъ городовъ, пусть живутъ на своихъ земляхъ при воеводахъ (т. е. подъ властью воеводъ, а не гетмана), если ихъ нельзя будетъ помѣстить въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, бояринъ изъявлялъ притязаніе отнять у гетманской власти значительную часть края. Онъ былъ по историческимъ правамъ справедливъ. Но и у противной стороны были равносильныя права.

Юрій на это отвѣчалъ:

— Въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ и Почепѣ издавна устроено много казаковъ, и за ними много земель и всякихъ угодій. Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой казацкій полкъ. Если вывести оттуда казаковъ, то казакамъ будетъ домовное и всякое разореніе, и права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь пожаловалъ войско запорожское, велѣлъ всѣмъ намъ быть подъ его самодержавною рукою на прежнихъ правахъ и вольностяхъ и владѣть всякими угодьями попрежнему; и въ царскихъ жалованныхъ граматахъ написано, что права казацкія и вольности не будутъ нарушены ни въ чемъ. Если же начать переводить казаковъ изъ тѣхъ мѣстъ, то у нихъ начнутся большія шатости. Пусть государь-царь пожалуетъ насъ: велитъ

Новгороду-Сѣверскому и Стародубу и Почепу и Чернигову оставаться въ войскѣ запорожскомъ.

Трубецкой возразилъ ему:

— Вы говорите, что Новгородъ-Сѣверскій приписанъ къ войску запорожскому, а когда это сталось? Тогда, когда войско запорожское отлучилось отъ польскихъ королей; а когда войско запорожское было за королями польскими, въ тѣ времена Новгородъ-Сѣверскій не былъ прилученъ къ войску запорожскому, а оставался за сенаторами. Казаки тамошніе новопоселенные и съ старыми казаками не живали. Стало быть, если можно будетъ ихъ перевести на иныя мѣста, то переведите; а некуда перевести — пусть тамъ живутъ подъ воеводами.

Юрій и за нимъ полковники стали бить челомъ, чтобы города, о которыхъ идетъ рѣчь, оставались въ войскѣ запорожскомъ.—Не говорите объ этихъ городахъ на ра̀дѣ—сказали они—а если только объявите, такъ будетъ въ войскѣ запорожскомъ междуусобіе и безпокойство.

Трубецкой не сталъ болѣе настаивать. 17 октября, устроена была генеральная ра̀да за городомъ въ полѣ. Сходились не одни казаки; толпы мѣщанъ и поспольства изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ привалили туда. Московскіе воеводы ѣхали съ ратными московскими людьми. Трубецкой приказалъ объявить, что онъ велитъ казакамъ при себѣ учинить ра̀ду и выбрать по своимъ войсковымъ правамъ гетмана, кого они себѣ излюбятъ, а потомъ пусть останется этотъ гетманъ неотступно въ подданствѣ подъ государевою самодержавною рукою со всѣмъ войскомъ запорожскимъ навѣки.

Присутствіе воеводъ и московскаго войска не могло нравиться многимъ. Московскій бояринъ своими поступками возбуждалъ ропотъ; жаловались, что онъ считаетъ войско запорожское какъ-бы побѣжденнымъ, а не вольнымъ народомъ, и намѣренъ устроить его судьбу, какъ хочется Москвѣ, а не самому войску. Еще оскорбительнѣе показалось казакамъ, когда Трубецкой приказалъ князю Петру Алексѣевичу Долгорукому съ своимъ отрядомъ приблизиться и окружить мѣсто ра̀ды. Такая ра̀да должна была отправиться несвободно, подъ московскимъ оружіемъ, и слѣдовательно, поступать и дѣлать такія постановленія, какія угодны будутъ московской власти.

Сначала произнесли присягу на подданство тѣ заднѣпровскіе старшины и полковники, которые прибыли съ Хмельницкимъ. Лѣвобережные уже прежде присягнули. Потомъ послѣдовалъ выборъ; всѣ безпрекословно огласили гетманомъ Юрія Хмельницкаго: то-есть одобрили въ Переяславлѣ то, что уже было сдѣлано

за Днѣпромъ. Потомъ прочитаны были статьи переяславскаго договора 1654 г.; а потомъ читались новыя статьи, которыя теперь московское правительство сочло нужнымъ дать казакамъ, чтобы поставить ихъ въ зависимость болѣе тѣсную, чѣмъ та, въ какой они находились по условіямъ присоединенія Малой Руси въ Москвѣ при Богданѣ Хмельницкомъ. Гетману воспрещалось принимать иноземныхъ пословъ; гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ обязанъ былъ идти въ походъ, куда будетъ царское изволеніе, слѣдовательно и за предѣлы Малой Руси, тогда какъ по прежнимъ статьямъ служба казацкая ограничивалась только внутри. Гетманъ обязывался не поддаваться никакимъ прелестямъ, не вѣрить никакимъ возбужденіямъ противъ Московскаго государства, казнить смертію тѣхъ, которые станутъ возбуждать неудовольствіе противъ Московскаго государства и заводить ссоры съ московскими людьми, а порубежные воеводы будутъ казнить тѣхъ великоруссовъ, которые станутъ подавать поводъ къ ссорамъ. Гетманъ лишался права ходить съ войсками запорожскими на войну, куда бы то ни было, не могъ никому помогать и не посылать никуда ратныхъ людей безъ воли государя, равнымъ образомъ обязанъ былъ карать тѣхъ, которые пойдутъ для такой цѣли самовольствомъ. Вопреки выраженному въ Жердевскихъ статьяхъ желанію избавиться отъ московскихъ воеводъ, въ предъявленныхъ отъ московскаго правительства статьяхъ требовалось, чтобы воеводы московскіе съ ратными людьми находились въ городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ, Умани; они, впрочемъ, не должны были вступать въ права и вольности казаковъ; ратные люди должны были кормиться изъ своихъ запасовъ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ московскіе воеводы замѣняли прежнихъ польскихъ, именно—въ Кіевѣ, Черниговѣ и Брацлавлѣ они могли пользоваться тѣми самыми мѣстностями, которыя нѣкогда предоставлялись на содержаніе польскихъ воеводъ. Реестровые казаки освобождались отъ постоя ратныхъ людей и дачи подводъ. Эти повинности ложились исключительно на поспольство. Казакамъ давалось право вольнаго винокуренія, пивоваренія и медоваренія, но съ тѣмъ, что они могли продавать вино въ аренды только бочками, а никакъ не квартами въ раздробь, медъ же и пиво гарнцами, и за самовольное шинкарство подвергались наказанію. Посполитые лишены были этой свободы. Такимъ образомъ выходило, что поспольство, которое согнали въ Переяславль съ цѣлію поддержать московскую власть противъ сомнительнаго расположенія къ ней казаковъ, должно было нести тягости, отъ которыхъ освобождались казаки. Въ Бѣлой Руси казакамъ не позволялось находиться, но тѣ, которые тамъ завелись, могли,

если захотятъ, переселиться въ казацкія мѣста, а если не захотятъ, то должны были отбывать повинности, лежавшія на поспольствѣ. Равнымъ образомъ тѣ, которые въ бѣлорусскомъ краѣ носили званіе полковниковъ и сотниковъ, начальствуя надъ новообразованнымъ тамъ казачествомъ, должны были лишиться своего званія; слѣдовало, между прочимъ, вывести казацкую «залогу» изъ Стараго Быхова, гдѣ тогда засѣли недруги Москвы, Самуилъ Выговскій и Иванъ Нечай, которые умертвили многихъ московскихъ людей, взявши ихъ въ плѣнъ на вѣру: тамъ не должно находиться никакого другого войска, кромѣ государева. Очистить Бѣлую Русь отъ казаковъ требовалось подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Бѣлой Руси никогда не было черкасъ, т. е. казаковъ, и притомъ край по сосѣдству съ ляхами: отъ того у казаковъ съ ляхами будутъ нескончаемыя ссоры. Казаки лишены были права безъ доклада государю избирать новаго гетмана по смерти прежняго и перемѣнять живого, хотя бы гетманъ оказался измѣнникомъ. Слѣдовало, въ послѣднемъ случаѣ, извѣстить государя, а государь отправитъ кого захочетъ учинить сыскъ; и когда обвиненный окажется дѣйствительно виновнымъ, тогда его смѣнятъ и поставятъ на его мѣсто другого, по выбору казаковъ, но непремѣнно съ царскаго утвержденія. Эта статья, повидимому, охранила гетманскую власть и вообще мѣстное малорусское правительство отъ безпорядковъ и буйства, но въ тоже время, вопреки домогательству жердевской рады не дозволять никому сноситься прямо съ Москвою мимо гетмана, открывала широкій путь такого рода сношеніямъ въ ущербъ мѣстной власти, давая возможность недругамъ гетмана и другихъ начальствующихъ лицъ обращаться къ царю и въ приказы съ доносами, а московскому правительству доставляла возможность слѣдить за тайнами въ Малой Руси, и вмѣшиваться слѣдственнымъ и судебнымъ образомъ въ дѣйствія ея правительства. Гетману воспрещалось безъ рады и совѣта всей казацкой черни избирать лицъ въ полковники и вообще въ начальническія должности. Въ этомъ случаѣ возстановлялось старинное казацкое право, нарушенное въ послѣднія времена Богданомъ Хмельницкимъ. Московскому правительству было выгодно возстановить его, потому что оно надѣялось на преданность себѣ большинства черныхъ людей. Новоизбранный полковникъ долженъ быть непремѣнно изъ своего полка; всѣ начальные люди должны быть православнаго исповѣданія; даже недавно принявшіе православіе не допускались до начальническихъ должностей. Объявлялось, что это постановляется для того, что отъ иноземцевъ бывали всякія смуты, и простые казаки терпѣли отъ нихъ утѣсненія. Гетманъ не имѣлъ права су-

дить и казнить смертію полковниковъ и вообще начальныхъ людей до тѣхъ поръ, пока государь не пришлетъ кого нибудь къ управѣ. Эта статья въ то время обезпечивала такія лица, какъ Тимоѳей Цыцура или Василій Золотаренко, которые, по поводу недавнихъ событій, нажили себѣ много враговъ, и послѣдніе могли настроить противъ нихъ молодого гетмана; на будущее время, эта статья, на ряду съ другими, усиливала вліяніе московскаго правительства и ослабляла мѣстную верховную власть: а это выгодно было для дальнѣйшихъ государственныхъ видовъ Москвы. Хотя казаки, по прежнему, не лишались права избирать гетмана, но гетманъ обязанъ былъ, по избраніи, явиться въ Москву видѣть царскія очи и не прежде могъ именоваться гетманомъ войска запорожскаго, какъ получивши знамя, булаву и бунчукъ отъ правительства. При гетманѣ должны находиться съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судьѣ, писарю и есаулу. Казаки должны были обязаться отдать московскому правительству жену и дѣтей измѣнника Выговскаго, брата его Даніила и всѣхъ Выговскихъ, какіе только есть въ запорожскомъ войскѣ, и впередъ не допускать отнюдь въ раду лицъ, оказавшихъ недоброжелательство къ московскому правительству. Кромѣ Выговскихъ, къ этому разряду относились: Григорій Гуляницкій, Самуилъ Богдановичъ, Григорій Лѣсницкій и Антонъ Ждановичъ. Кто допуститъ ихъ въ раду, тотъ за это подвергнется смертной казни; равнымъ образомъ, тому же наказанію подвергался всякій изъ старшинъ или изъ простыхъ въ войскѣ запорожскомъ, кто не учинитъ вѣры хранить эти статьи или, учинивши, нарушитъ послѣ.

Въ это время, Малая Русь сдѣлалась притономъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Руси. Изъ уѣздовъ Брянскаго, Карачевскаго, Рыльскаго и Путивльскаго, отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ бѣгали боярскіе люди и крестьяне въ Малую Русь, составляли шайки около Новгорода-Сѣверскаго, Почепа и Стародуба, нападали на имѣнія и усадьбы своихъ прежнихъ владѣльцевъ и дѣлали имъ всякія «злости и неисправимыя разоренія». По настоящему договору слѣдовало такихъ бѣглецовъ отыскивать и возвращать на мѣсто прежняго жительства.

Казацкая рада, окруженная со всѣхъ сторонъ московскими войсками, должна была безпрекословно соглашаться. Статьи, постановленныя на Жердевскомъ полѣ, привезенныя боярину Трубецкому полковникомъ Дорошенкомъ съ товарищами для утвержденія — не признаны, а дѣйствительными положено признать тѣ, которыя составлены въ Москвѣ и поданы на Переяславской радѣ Трубецкимъ.

18 октября, по приказанію Трубецкаго, Юрій со старшиною,

полковниками и выбранными изъ всѣхъ полковъ казаками ѣхали къ соборной церкви въ городъ. Изъ церкви вышелъ со крестами и образами кобринскій архимандритъ и каневскій игуменъ Іовъ Заенчковскій, съ нимъ былъ переяславскій протоіерей Григорій Бутовичъ, со священниками и діаконами. Послѣ молебна казаки были приведены къ вѣрѣ по записи, присланной изъ посольскаго приказа. Въ этой записи гетманъ обязался быть на вѣки неотступнымъ подъ царскою рукою, по повелѣнію государеву стоять противъ всякаго недруга, не приставать къ польскому, турецкому и крымскому и другимъ государямъ, служить со всѣмъ войскомъ запорожскимъ царю, царицѣ и ихъ наслѣдникамъ, не подъискивать никакихъ другихъ государей на земли, принадлежащія московскому государю, извѣщать государя о всякомъ злоумышленіи противъ него, ловить и представлять измѣнниковъ, стоять противъ всякихъ непріятелей царскихъ, не щадя головъ своихъ, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, какъ укажетъ государь, держать совѣтъ съ тѣми боярами и воеводами, которыхъ пошлетъ государь при своихъ письмахъ, и утверждать войско запорожское быть въ совѣтѣ и соединеніи съ московскими ратными людьми, не отъѣзжать изъ полковъ къ непріятелю, не учинить измѣны въ городѣ, гдѣ ему случится быть съ царскими полками, не сдавать непріятелю городовъ, не отходить самому въ иное государство, не ссылаться съ недругами его царскаго величества и не приставать къ измѣннику Выговскому и его единомышленникамъ.

Послѣ присяги, бояринъ пригласилъ гетмана, старшину и полковниковъ на пиръ, гдѣ, по обычаю, возносили заздравную чашу государеву. Вѣроятно, тутъ же подписаны казацкими начальниками статьи и присяжный листъ, ибо въ статейномъ спискѣ объ этой подписи говорится послѣ извѣстія о пирѣ. Гетманъ изъявилъ согласіе на всѣ требованія московскаго правительства за всѣхъ полковниковъ, которые были въ отсутствіи и оставались на правомъ берегу Днѣпра. Онъ увѣрялъ, какъ и прежде, что они остались для обереганія границъ, и старательно скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія, вѣроятно, надѣясь, что можно будетъ ихъ уговорить.

Такимъ образомъ, Трубецкой обдѣлалъ дѣло въ пользу московской власти искусно. Но это дѣло заключало въ себѣ на будущія времена дальнѣйшія причины измѣнъ, безпорядковъ и народной вражды.

III.

Когда Хмельницкій воротился въ Чигиринъ, и въ собраніи всѣхъ полковниковъ приказалъ прочитать статьи, поднялось негодованіе, ропотъ на Хмельницкаго и на старшинъ, бывшихъ въ Переяславлѣ. Самые старшины, обозный, судьи, есаулы и генеральный писарь Голуховскій нарекали на гетмана и другъ на друга. Недовольство охватывало не только тѣхъ, которые прежде были нерасположены къ Москвѣ и боялись ее, но и тѣхъ, которые стояли за вѣрность ей; въ переяславскихъ статьяхъ видѣли нарушеніе казацкихъ правъ, упрекали Москву въ лукавствѣ; многіе тогда же были готовы нарушить этотъ насильственно выжатый договоръ, но прежде рѣшили послать посольство въ царскую столицу просить отмѣны переяславскихъ статей. Посланъ былъ черкасскій полковникъ Андрей Одинецъ съ Петромъ Дорошенкомъ, Павломъ Охрименкомъ, Остапомъ Фецькевичемъ и Михайломъ Булыгою. Дорошенко изъ хитрости уклонился на этотъ разъ отъ чести быть первымъ лицомъ въ этомъ посольствѣ, тогда какъ, по всему вѣроятно, заправлялъ имъ онъ. Они прибыли въ Москву въ декабрѣ.

На переговорахъ съ боярами они изустно, по данному имъ наказу, домогались измѣненія нѣкоторыхъ статей, постановленныхъ въ Переяславлѣ. «Въ двухъ грамотахъ (сообщали они) отъ его царскаго величества, присланныхъ нѣсколько недѣль тому назадъ, государь обѣщалъ намъ, казакамъ, своимъ милостивымъ государевымъ словомъ содержать свое запорожское войско по прежнему; и мы также обѣщались по присягѣ, данной покойнымъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, служить государю вѣрно и вѣчно. Просимъ, чтобы воеводы царскіе были только въ Кіевѣ и Переяславлѣ, а въ другихъ украинскихъ городахъ не находились и не наѣзжали въ нихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда съ ними будутъ посланы ратные люди на оборону края противъ непріятеля, если откроется надобность». Имъ прочитали соотвѣтствующую этому предмету статью новаго переяславльскаго договора и отвѣчали, что государь приказалъ быть по статьямъ переяславскимъ, да еще прибавили такое объясненіе: «Въ прежнихъ статьяхъ, постановленныхъ при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ не написано, въ которыхъ городахъ быть московскимъ воеводамъ, такъ стало быть новыя статьи не нарушаютъ старыхъ.»

Далѣе, посланцы просили, чтобы гетману и судьямъ возвращено было право судить и казнить смертію по закону. Имъ

прочитали соотвѣтствующую статью переяславскаго договора и объявили, что для этого будетъ присылаться отъ царя московскій человѣкъ къ ихъ суду на исправленіе. Если кто окажется по суду виновнымъ, такого казнить, но не иначе, какъ по согласію съ присланнымъ отъ царя. Замѣтили при этомъ, что такъ поступить нужно для того, что измѣнникъ Ивашка Выговскій казнилъ многихъ казаковъ за вѣрную службу государю.

И теперь высказалось, хоть не прямо, то недовѣріе къ боярамъ и дьякамъ, находившимся въ Москвѣ, которое выразилъ когда-то Выговскій опасеніемъ, будто въ Москвѣ нерасположенныя къ малоруссамъ лица читаютъ царю совсѣмъ не то, что̀ присылается изъ Малой Руси. Послы просили, чтобы присылаемыя изъ войска запорожскаго грамоты читались царю при самихъ послахъ. Имъ на это припомнили, что подобнаго требовалъ уже измѣнникъ Ивашка Выговскій, вымышляя, будто его листы не доходятъ до царя, но этого никогда и не бывало и не будетъ. Листы ихъ всегда чтутся царю и государю, и всегда вѣдомо то, что̀ въ этихъ листахъ написано.

Послы просили, чтобъ царь приказалъ не принимать никакихъ листовъ и челобитенъ изъ Малой Руси, мимо гетмана, и не давать пріема никакимъ посланцамъ, если только не привезутъ съ собою гетманскаго письма, отъ кого бы они ни пріѣхали отъ имени ли войска запорожскаго, отъ старшины или отъ черни, отъ поспольства или отъ запорожцевъ, были бы то лица духовнаго или мірского званія, — потому что такіе люди пріѣзжаютъ клеветать и другъ на друга и на казацкое правительство, да заводить ссоры. На эту просьбу имъ отвѣчали, что если кто пріѣдетъ въ Москву безъ гетманскаго листа, то въ Москвѣ разсмотрятъ, по царскому повелѣнію, за чѣмъ онъ пріѣхалъ: для своихъ ли дѣлъ, или для смуты. Если для своихъ,—то царь дастъ указъ, смотря по этимъ дѣламъ, а если окажется, что онъ пріѣхалъ для смуты, то его царское величество не повѣритъ никакимъ наговорамъ и велитъ объ этомъ написать къ гетману. «Пусть гетманъ ничего не опасается; а быть по вашему прошенію нельзя (сказали бояре),— чрезъ то вольностямъ вашимъ будетъ нарушенье, и вы сами свои вольности умаляете.»

Отговорки были самыя благовидныя, но онѣ не успокоивали казацкихъ пословъ, потому что, съ правомъ каждому пріѣзжать въ Москву мимо гетмана, неудержимо разрушалась дисциплина казацкаго правительства: ему нельзя было ничего затѣять такого, что̀ бы для Москвы оставалось тайною; оно всегда было подъ страхомъ; оно всегда могло опасаться доносчиковъ, которые, подсмотрѣвши, подслушавши или замѣтивши въ Малой Руси что

нибудь такое, что не нравится въ Москвѣ, располагали бы верховное правительство противъ гетмана и старшинъ. Казацкіе послы просили, чтобы тамъ, гдѣ царскіе послы будутъ договариваться съ польскими королями и съ окрестными монархами, были послы войска запорожскаго и имѣли вольный голосъ. Для малоруссовъ казалось унизительно и оскорбительно, если сосѣди станутъ рѣшать судьбу ихъ отечества, не спрашивая у нихъ самихъ о ихъ желаніи. Они представили въ этомъ случаѣ самое убѣдительное побужденіе. Это требованіе соединялось у нихъ съ вопросомъ, касавшимся вѣры. Шло дѣло объ епархіяхъ, архимандритіяхъ, игуменствахъ, захваченныхъ уніатами, и вообще о церковныхъ имуществахъ. Нужно было домогаться, чтобы уніаты отдали православнымъ то, что неправильно захватили: по этому-то и казалось необходимымъ, чтобъ казацкіе послы, знавшіе мѣстныя обстоятельства и подробности, присутствовали при такихъ съѣздахъ. Московское правительство въ этомъ пунктѣ сдѣлало уступку, дозволивъ, чтобы при съѣздѣ московскихъ пословъ съ польскими находилось два или три человѣка отъ войска запорожскаго, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ этихъ лицъ отнюдь не было сторонниковъ Ивашки Выговскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы домогались, чтобы гетману дозволено было принимать иностранныхъ пословъ изъ окрестныхъ государствъ, съ тѣмъ, что эти сношенія не обратятся во вредъ Московскому государству, и гетманъ будетъ обязанъ доставлять царю чрезъ своихъ посланцевъ подлинныя граматы съ печатьми, присланныя отъ иноземныхъ властей. Въ доводъ того, что такія сношенія не будутъ опасны и предосудительны, и что гетманъ со старшиною не употребитъ во зло этого права, посланцы представили письма, присланныя недавно изъ Крыма.—Изъ нихъ можете уразумѣть (говорили они), какъ иновѣрцы недовольны согласіемъ между христіанами, и какъ, напротивъ, радуются смутамъ и враждѣ нашей.—Бояре отвѣчали, что царь похваляетъ гетмана за вѣрность, но тѣмъ не менѣе отказали въ просьбѣ о дозволеніи принимать пословъ, и сообщили, что царь повелѣваетъ оставить все по силѣ переяславскихъ статей, а дозволяетъ сноситься съ валахскимъ и мультанскимъ владѣтелями только о малыхъ порубежныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, и этого важнаго признака самостоятельности не добились казаки.

Гетманъ явился тогда ходатаемъ въ пользу осужденныхъ за измѣну: просилъ о Данилѣ Выговскомъ, Иванѣ Нечаѣ, Григоріѣ Гуляницкомъ, Григоріѣ Лѣсницкомъ, Самуилѣ Богдановичѣ, Германѣ Ганоновѣ и Өедорѣ Лободѣ, а также и о взятыхъ въ плѣнъ казакахъ Иванѣ Сербинѣ и другихъ, просилъ отпустить ихъ, чтобы

не быть имъ «баннитами», налагалъ на себя условіе, однакожъ, не принимать ихъ въ урядъ. На это гетманскимъ посланцамъ отвѣчали, что государь жалуетъ гетмана: этимъ людямъ не быть баннитами, но указъ объ этомъ данъ будетъ тогда, когда гетманъ самъ прибудетъ въ Москву. Насчетъ пріѣзда его въ Москву посланцы извинялись, что онъ не можетъ этого сдѣлать скоро, по причинѣ внутреннихъ нестроеній, но исполнитъ царскую волю тотчасъ, какъ скоро успокоится все въ Украинѣ. На это посланцамъ сказали, что когда гетманъ увидитъ государевы пресвѣтлыя очи, а великій государь увидитъ его вѣрное подданство, то пожалуетъ его по достоинству, — лучше было бы, чтобы онъ пріѣхалъ нынѣшнею зимою.

Послы еще просили, чтобы на войсковую армату (артиллерію) было отдано староство житомирское; на это отвѣчали и замѣтили, что на армату отданъ уже Корсунъ со всѣмъ уѣздомъ, и слѣдуетъ этому оставаться по силѣ переяславскаго договора.

Гетманскіе посланцы, не добившись совершенно ничего, возвратились съ досадою: неудачная просьба еще болѣе раздражила казаковъ противъ Москвы. Все это подготовило ихъ показать при случаѣ явное нерасположеніе.

IV.

Между тѣмъ, тогда же обращались въ Москву лица и мѣста изъ Малой Руси сами по своимъ дѣламъ, и къ нимъ московское правительство было снисходительнѣе и щедрѣе. Изъ мѣстностей Малой Руси, городъ Нѣжинъ, какъ съ своимъ казацкимъ полкомъ, такъ и съ своимъ мѣщанствомъ, болѣе другихъ былъ поставленъ въ это время въ пріязненное положеніе къ Москвѣ. Полковникъ нѣжинскій Василій Золотаренко былъ однимъ изъ руководителей поворота Украины на сторону Москвы и противодѣйствовалъ Выговскому изъ Нѣжина; протопопъ Филимоновъ сообщалъ въ Москву то, что дѣлается въ Украинѣ; за то Нѣжинъ особенно и пострадалъ во время войны съ Выговскимъ; а между тѣмъ, съ другой стороны, нужно было для нѣжинскаго полка испросить особое прощеніе за участіе казаковъ этого полка въ возстаніи подъ начальствомъ Гуляницкаго. Тогда малоруссовъ пугала мысль, что ихъ за измѣну станутъ переселять: такой слухъ носился еще въ то время, какъ Трубецкой заключалъ договоръ въ Переяславлѣ. Золотаренко отправилъ въ Москву посланцевъ и выпросилъ нѣжинскому полку особую жалованную грамату;

всѣмъ обывателямъ духовнаго и мірскаго чина и всему мѣщанству и поспольству объявлялось прощеніе, царское обѣщаніе не переселять никого съ мѣста жительства и вообще царская милость.

Въ началѣ 1660 г., городъ Нѣжинъ отправилъ въ Москву просьбу объ утвержденіи своихъ городскихъ муниципальныхъ правъ. Тогда и гетманъ Юрій Хмельницкій послалъ отъ себя ходатайство за Нѣжинъ. Полковникъ Золотаренко просилъ за разоренный войною монастырь. Посланъ былъ въ Москву войтъ Александръ Цурковскій съ товарищами отъ мѣщанскихъ чиновъ; они испросили у государя жалованную грамату на неприкосновенность ихъ городского суда: никто не могъ нарушить ихъ приговора, не допускалась апелляція въ Москву посредствомъ зазывныхъ листовъ. Въ уваженіе понесенныхъ мѣщанами разореній, царь имъ далъ льготы на три года отъ платежа дани, состоявшей въ размѣрѣ двухъ тысячъ польскихъ злотыхъ, взимаемыхъ съ арендъ, шинковъ и мельницъ посредствомъ откупного способа; нѣжинцы въ эти льготные годы освобождались также отъ подводной повинности, но исключая царскихъ посланниковъ и гонцевъ, а также иностранцевъ, ѣдущихъ прямо къ царю. Находившіеся въ этомъ посольствѣ мѣщане испросили для себя каждый особыя льготы и данныя, кто на грунтъ, кто на домъ, кто на мельницу, подъ предлогомъ, что онъ былъ разоренъ въ прошедшую войну. Такія-то просьбы, обращенныя прямо въ Москву, мимо гетманскаго правительства, подрывали невольно, мало по малу, мѣстную автономію Малой Руси; здѣсь завязывались почти тѣ же отношенія, какія нѣкогда были въ Великомъ-Новгородѣ передъ его покореніемъ Москвою; малоруссы находили возможность и выгоду обращаться въ Москву прямо, мимо своего правительства, и ѣздили въ Москву по частнымъ дѣламъ за судомъ. Полковники отправляли свои посольства и сами отъ себя ѣздили. Кто хотѣлъ изъ начальныхъ людей и имѣлъ средства, тотъ и ѣхалъ въ Москву въ надеждѣ получить подарки, льготы или милости. Такъ, изъ дѣлъ того времени видно, что пріѣзжали въ Москву Якимъ Сомко, переяславскій полковникъ Тимоѳей Цыцура съ полковою «старшиною»: писаремъ, обознымъ, хорунжимъ, есауломъ и сотниками, и другіе — и всѣ они получили въ Москвѣ соболей, кубки и прочее. Въ мартѣ пріѣхалъ Василій Золотаренко съ товарищами. Они пріѣхали за тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ московскимъ посольствомъ въ Борисовъ, на предполагаемую коммиссію, которая собиралась для порѣшенія недоразумѣній и споровъ съ Польшею, такъ какъ на участіе въ этомъ дѣлѣ каза-

ковъ согласилось московское правительство, сдѣлавши въ этомъ единственную уступку просьбамъ, привезеннымъ Одинцемъ съ товарищами. Настоящіе посланцы имѣли съ собою инструкціи, вѣроятно, составленныя на казацкой радѣ; тамъ имъ предписывалось приступать не иначе къ миру, какъ только въ такомъ случаѣ, когда поляки согласятся исполнить то, что обѣщали по гадячскому договору, и что утвердили уже на сеймѣ: именно, уничтоженіе церковной уніи — чтобъ оставлена была въ Руси, принадлежавшей Рѣчи-Посполитой, одна греческая вѣра, чтобы церковныя достоинства, то-есть митрополія кіевская, епископства, архимандритіи и иныя монастырскія начальства отдавались по вольному избранію безъ всякаго различія людямъ, какъ шляхетскаго, такъ и не-шляхетскаго происхожденія, а митрополитъ былъ бы рукополагаемъ отъ патріарха константинопольскаго; чтобы русскій языкъ былъ удержанъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ; чтобы посольства къ королю и Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ были принимаемы не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, а также и отвѣты словесные, письменные были бы даваемы не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Таковы были главныя требованія по отношенію къ церкви и общественному устройству соединенныхъ съ Польшею русскихъ областей, заявленныя въ то время Малой Русью въ лицѣ пословъ войска запорожскаго. Кромѣ того, посольство малорусское должно было домогаться суда надъ Тетерею и надъ полковникомъ Пиво. Первый убѣжалъ изъ войска запорожскаго, захвативъ съ собою тысячу червонцевъ, принадлежавшихъ митрополиту Діонисію Балабану, и взявъ съ собою граматы и привилегіи польскихъ королей и великихъ литовскихъ князей — начиная отъ Гедимина и кончая Іоанномъ Казимиромъ; сверхъ того, увезъ деньги и вещи, принадлежавшія вдовѣ Данила Выговскаго, дочери Хмельницкаго. Его подозрѣвали въ стачкахъ съ іезуитами; посланцамъ поручалось стараться, чтобы всѣ «договоры Тетери, составленные Богъ-знаетъ какимъ мудрымъ слогомъ, на строеніе и собраніе отцевъ іезуитовъ, на кляшторы (римско-католическіе монастыри) и воспиталища, подкрѣпляемые краденою войсковою казною, не имѣли силы.» На полковника Пиво они жаловались, что онъ опустошилъ межигорскій монастырь и митрополичьи маетности.

На предполагаемомъ съѣздѣ въ Борисовѣ должны были опредѣлиться границы русскихъ земель съ Польшей, у которой эти земли должны быть отняты. Польша старалась удержать свой бывшій территоріальный размѣръ, а Московское государство хотѣло удержать за собою все, что добровольно

отдавалось или было завоевано оружіемъ въ послѣднее время. Малая Русь хотѣла соединить во единой цѣлости свой народъ подъ властію Московскаго государства, домогалась присоединенія провинцій, которыя населены были однимъ съ нею народомъ и показывали участіе въ прошедшей борьбѣ противъ Польши. Такимъ образомъ, съ одной стороны предполагалось присоединить къ Московскому государству Бѣлую Русь въ слѣдующихъ границахъ: начиная отъ Динабурга до Друи, отъ Друи шла предполагаемая линія на Дисну, отъ Дисны рѣкою Ушачею до верховьевъ этой рѣки, отсюда до Доскина, отъ Доскина до верховьѣвъ рѣки Березины до Борисова, отъ Борисова до Свислочи, отъ Свислочи до Позыды рѣки, противъ Зыцина, отсюда рѣкою Позыдою до Припети, а потомъ рѣкою Припетью до Днѣпра. Малая Русь составляла отдѣльный край съ Волынью и Подолью, и польскому королю не слѣдовало вступать въ тѣ земли, гдѣ великаго государя войска запорожскаго люди; край этотъ, подъ именемъ Малой Руси по рѣку Бугъ, долженъ оставаться при Московскомъ государствѣ во вѣки. На такихъ границахъ должны прекратиться взаимные набѣги, и съ этихъ поръ какъ Польша не должна посылать ратныхъ людей за Бугъ, такъ равно и гетману, и писарю, и полковникамъ и всякаго званія запорожскимъ людямъ не задирать поляковъ, не начинать никакихъ военныхъ дѣлъ и не хотѣть имъ никакого лиха. Царь отправилъ на коммиссію боярина Никиту Ивановича Одоевскаго, Петра Васильевича Шереметева, князя Өедора Өедоровича Волконскаго, думнаго дьяка Александра Иванова и дьяка Василія Михайлова.

Борисовская коммиссія, гдѣ долженствовало разграничить Русь съ Польшею, не имѣла никакого значенія. Едва только открылся съѣздъ, какъ начались военныя дѣйствія. Поляки, принявши Выговскаго съ Украиною по гадячскому трактату, тѣмъ самымъ нарушили виленскій договоръ, посягая на земли, еще фактически принадлежащія московской странѣ. Въ Польшѣ явно высказывали, что избраніе Алексѣя Михаиловича въ преемники Яну Казимиру было обманъ, и на самомъ дѣлѣ московскому царю не доведется быть польскимъ королемъ. Московское правительство также было убѣждено, что война неизбѣжна, и, не смотря на борисовскій съѣздъ, не прекращало военныхъ дѣйствій.

Въ Литвѣ было московское войско подъ начальствомъ Хованскаго въ числѣ тридцати тысячъ и князя Долгорукаго, а въ январѣ Хованскій взялъ Брестъ: городъ былъ сожженъ, жители истреблены. Весною Хованскій подошелъ подъ мѣстечко

Ляховицы, принадлежавшее Сапѣгѣ, напалъ на литовскій отрядъ и разбилъ его. Послѣ этой побѣды онъ сталъ станомъ подъ Ляховицами и пытался взять этотъ городокъ. Между тѣмъ собралось литовское войско къ великому литовскому гетману. На мѣсто взятаго въ плѣнъ московскими людьми Гонсѣвскаго, король послалъ туда Чарнецкаго, достигшаго въ ту пору высоты военной славы. У него, говорили, было тысячъ шесть, да за то хорошаго войска. Соединившись съ Сапѣгою, онъ напалъ на Хованскаго, осаждавшаго Ляховицы, которыя уже изнемогали отъ голода въ осадѣ и готовы были сдаться московскому воеводѣ. Хованскій былъ разбитъ и убѣжалъ съ войскомъ. Горячій Чарнецкій хотѣлъ было гнаться за нимъ до Смоленска въ предѣлы Московскаго государства, но Сапѣга остановилъ его, и, по его совѣту, опи оба вмѣстѣ пошли на Долгорукаго, который стоялъ подъ Шкловомъ.

Когда вѣсть о разбитіи Хованскаго дошла до Борисова, коммиссары съ обѣихъ сторонъ поняли, что имъ разсуждать не о чемъ, если война опять началась, и, слѣдовательно, споръ между Польшею и Русью можетъ рѣшиться оружіемъ, а не словами. Они разъѣхались. Такъ и прекратилось дѣло соглашенія.

На югѣ также открылись непріязненныя дѣйствія. Такъ, на Украинѣ готовилось большое царское войско подъ начальствомъ боярина Василія Борисовича Шереметева, грозившее идти въ польскіе предѣлы. Съ своей стороны, коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій вторгся съ войскомъ на Подоль, не хотѣвшую возвратиться къ Польшѣ; хлопы зарывали хлѣбъ свой въ землю, жгли сѣно и солому и сами бѣжали въ крѣпости и запирались съ казаками. Польское войско лишено было продовольствія и подвергалось всѣмъ неудобствамъ дурной погоды. Пытались взять Могилевъ-на-Днѣстрѣ — не удалось; нападали на Шарогродъ — также не было удачи. Съ своей стороны, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, вышедши изъ Кіева, разбилъ и въ плѣнъ взялъ Андрея Потоцкаго съ его отрядомъ. Это было зимою. Съ наступленіемъ весны поляки готовились идти и на завоеваніе Украины и заключили договоръ съ крымцами. Ханъ обѣщалъ послать султана Нураддина съ восьмидесятью тысячами орды. Выговскій дѣятельно подвигалъ поляковъ на Москву.—«Я желалъ бы (писалъ онъ къ коронному канцлеру Пражмовскому), чтобы нашъ милостивый панъ король показалъ свою готовность къ войнѣ созваніемъ посполитаго рушенія; какъ начнетъ расти трава, мы двинемся на непріятеля и, безъ сомнѣнія, съ Божіею помощію, при пособіи татарскихъ войскъ, мы поразимъ надломленныя казацкія силы; Москва потерпитъ еще разъ пораженіе,

подобное Конотопскому, и будетъ просить мира.» Между тѣмъ поляки пытались склонить на свою сторону молодого гетмана, и это было возложено на того же Казимира Беневскаго, который успѣлъ составить гадячскій договоръ. Беневскій писалъ къ Юрію и старался расшевелить въ немъ злобу противъ Москвы за смерть зятя его Данила; по словамъ Беневскаго, его страшно замучили: терзали кнутомъ, отрѣзали пальцы, буравили уши, вынули глаза и залили серебромъ. «Еслибъ (писалъ Беневскій), мой большой и любезный пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ это, — не только взялся бы за оружіе, но бросился бы въ огонь. Не Польши бойся, а Москвы, пане гетмане; она скоро захочетъ доходовъ съ Малой Руси и будетъ поступать съ вами, какъ съ другими.» Съ другой стороны, онъ его предостерегалъ, что Польша уже не такъ слаба какъ прежде и, освободившись отъ шведской войны, можетъ обратить на Украину свои всѣ силы. Юрій, хотя уже и былъ недоволенъ Москвою, но не поддался ковнямъ Беневскаго и въ февралѣ отвѣчалъ ему: — «Трактуйте, господа, съ его величествомъ царемъ, а не съ нами; ибо мы всецѣло остаемся преданными, вѣрными подданными его царскаго величества, нашего милосердаго государя. Что его царское величество съ вами панами постановитъ, тѣмъ мы и будемъ довольны, и не станемъ думать о перемѣнахъ. Никто не долженъ полагать и надѣяться, чтобы мы замыслили отдѣлиться отъ его царскаго величества. Пусть Богъ покараетъ того, кто своимъ непостоянствомъ и хитростію не сохранилъ по своей присягѣ вѣрности его царскому величеству и надѣлалъ бѣдъ Украинѣ; ужъ Богъ покаралъ его и еще покараетъ. А Хмельницкій, одинъ разъ присягнувши его царскому величеству и отдавши ему Украину, не подумаетъ отлагаться.» Но въ томъ же письмѣ гетманъ заявлялъ и признаки желанія независимости: «Хотя я и моложе лѣтами Выговскаго и не такъ разуменъ, какъ онъ, не хочу однако, чтобы мое гетманство было утверждено царскими граматами или королевскими привилегіями; ибо войску запорожскому за обычай по своему желанію имѣть хоть трехъ гетмановъ въ одинъ день!» Также точно и въ письмѣ своемъ къ Діонисію Балабану, нареченному митрополиту, нерасположенному къ Москвѣ, Юрій писалъ: «Разъ освободившись изъ польской неволи и начавши служить его царскому величеству, мы никогда не подумаемъ измѣнить и отступать отъ нашего православнаго монарха и государя, который — если мы присмотримся получше къ дѣлу, — больше есть нашъ природный государь, чѣмъ кто нибудь другой. Поэтому, съ упованіемъ на неизреченное милосердіе его, желаемъ, чтобы и твое преосвящен-

ство, недовѣряя людскимъ вѣстямъ, поспѣшилъ къ осиротѣлой своей каѳедрѣ.» Діонисій Балабанъ, упорно ненавидѣвшій Москву, былъ очень далекъ отъ того, чтобъ склониться на такія убѣжденія и представленія; да не прочна была преданность Москвы и самого гетмана и вообще всякаго, кто только въ Украинѣ думалъ о политикѣ: казаки готовы были оставаться въ связи съ Москвою, но въ тоже время желали какъ можно шире для своего края автономіи, а Москва, напротивъ, хотѣла допустить ее какъ можно менѣе, и какъ можно тѣснѣе привязать Украину къ себѣ наравнѣ съ другими землями русскими, въ разныя времена подчиненными ея власти. Тутъ-то и былъ корень раздоровъ на многія лѣта; и ужъ, конечно, не слабому Юрію можно было разрѣшить такія вѣковыя недоумѣнія.

V.

Польша грозила Московскому государству походомъ въ Украину. Московское правительство поручило боярину Василію Борисовичу Шереметеву защищать эту страну вмѣстѣ съ казаками.

Шереметевъ собралъ совѣтъ на раду подъ Васильковымъ на Кадачкѣ. На немъ, кромѣ воеводъ, данныхъ ему въ помощь, были и гетманъ Юрій Хмельницкій, старшина и полковники. Былъ здѣсь молдавскій господарь Константинъ Щербань, доброжелатель Москвы за это время. По извѣстіямъ польскихъ лѣтописцевъ и дневниковъ, у Шереметева было тогда 27,000, а казаковъ одиннадцать полковъ. Вопросъ шелъ о томъ, защищаться ли на Украинѣ и ожидать прихода туда поляковъ, или же самимъ идти въ польскія владѣнія. Тимоѳей Цыцура подделывался къ надменному и самонадѣянному характеру боярина Шереметева и понуждалъ идти впередъ.

Онъ говорилъ:

— Съ такимъ войскомъ, съ такою силою, какъ можно ждать и только защищаться! У тебя, бояринъ, во всемъ порядокъ: жалованье раздается исправно; ратные люди вооружены, и казны и запасовъ достатокъ, служилые твои никому не въ тягость, не безчинствуютъ какъ поляки, не причиняютъ слезъ бѣднымъ жителямъ, а царскимъ жалованьемъ довольны; нарядъ у тебя большой, подвижной, легкій; пушки искусно приправлены на своихъ мѣстахъ; зелья и свинцу много, ружьевъ разнаго рода безъ числа, топоры, заступы, лукошки, телѣги, гвозди, всякая снасть въ порядкѣ, вьючныхъ лошадей много, да все хорошія, неистомленныя,—играютъ, когда пасутся. Сколько у тебя въ войскѣ бое-

вого запасу, а въ Кіевѣ еще болѣе сберегается. А у ляховъ что? Они отважны только съ тѣмъ, кто ихъ боится; а кто самъ смѣло въ глаза смотритъ имъ, для тѣхъ они не страшны. Мы, казаки, у нихъ Украину отняли; московское войско Литвою завладѣло; шведъ-Прусы у нихъ завоевалъ; только и остался у нихъ, что свой польскій уголъ, да и тотъ они потеряютъ, какъ только услышатъ о нашей силѣ; у нихъ вѣдь безурядица: шляхта разорена, и жолнѣры ропщутъ, что имъ жалованья не платится, посполитство отъ большихъ налоговъ съ голоду умираетъ; теперь-то самое время ихъ доканать. Гдѣ у короля такая сила, чтобы противъ нашей устояла! Мы не только что въ Польшѣ побываемъ, а всю Польшу завоюемъ, и самого короля съ королевою въ полонъ возьмемъ, лишь бы только насъ казаковъ не обдѣлили добычей, если будемъ служить вѣрно и достойно. Я же за себя уступаю все золото и серебро вамъ, пусть только позволятъ мнѣ взять, что понравится изъ дворца королевскаго.

Шереметеву была очень по нраву такая льстивая рѣчь. Но тутъ подалъ голосъ противъ Цыцуры князь Григорій Козловскій, который съ своей ратью стоялъ подъ Уманью, присмотрѣлся къ украинскимъ казакамъ, понималъ духъ ихъ, и съ осторожностію, въ обличеніе Цыцуры, говорилъ такъ:

— А мой совѣтъ, такъ лучше намъ не идти въ Польшу, а стоять за Украину и укрѣпить города гарнизонами. Довольно будетъ съ насъ и Украины потрудиться. Мнѣ кажется, войско наше совсѣмъ не такъ прекрасно, какъ описываетъ панъ полковникъ Цыцура, а главное—вѣрность казацкая не такъ крѣпка и тверда; она вертится въ разныя стороны. Къ какому государю не обращались казаки? Кому не поддавались, и кому не измѣняли! Турку кланялись, татары ими недовольны, Ракочи черезъ ихъ измѣну въ Польшѣ потерпѣлъ, да и шведу не очень-то корыстно отозвалась дружба съ ними. И нашъ великій государь, е. ц. в., узналъ уже, что значитъ ихъ гибкая вѣрность. Поэтому нужно намъ не въ Польшу идти, а оставаться на Украинѣ. Когда придутъ сюда поляки съ татарами, легче будетъ намъ обороняться въ краѣ, гдѣ много городовъ, замковъ, гарнизоновъ, чѣмъ въ чистомъ полѣ въ чужой землѣ. Если мы ихъ заведемъ сюда, у насъ будутъ запасы, а ихъ мы запремъ, какъ въ осадѣ, посреди непріязненныхъ имъ городовъ, и поразимъ голодомъ и недостаткомъ. Они сами будутъ хотѣть сражаться и дойдутъ до того, что съ отчаянія начнутъ приступать къ городамъ; тутъ-то мы свѣжими и здоровыми нашими силами потопчемъ примученныхъ и надорванныхъ. А то, когда мы пойдемъ въ ихъ землю, какъ бы они насъ истомленныхъ далекимъ

путемъ гдѣ нибудь не осадили! Мы не знаемъ силы и числа польскаго войска. Какъ можно такъ смѣло думать, что оно и мало и негодно. А если нѣтъ?! А что, если наши силы будутъ слабѣе ихнихъ? Тогда вѣдь намъ бѣда. Поляки не спускаютъ бѣгущему непріятелю. Въ военномъ дѣлѣ малая ошибка большую бѣду дѣлаетъ, словно пожаръ—отъ малой искры загорается да расходится такъ, что никакія человѣческія силы погасить не могутъ.

Но Шереметеву не понравились эти разсужденія, и потому другіе военачальники начали поддерживать Цыцуру. Князь Щербатовъ говорилъ потомъ главному боярину и доказывалъ возможность вести войну и идти съ войскомъ въ глубину Польши. Шереметеву понравились слова Щербатова, и еще болѣе стала противна рѣчь Козловскаго. Онъ не стерпѣлъ, чтобъ не сказать послѣднему грубости, по своему обычаю.

— Такія неразумныя рѣчи умаляютъ достоинство е. ц. в. Какъ хочешь думай, да не говори: черезъ то власть подрывается. Мы идемъ въ Краковъ и завоюемъ Польшу.

— Тебѣ, бояринъ, лучше знать, сказалъ Козловскій, чѣмъ мнѣ; не стану спорить и послушаю; стану на томъ мѣстѣ, гдѣ ты мнѣ укажешь: готовъ защищать его, или мертвымъ лежать на немъ.

Говорилъ ли что нибудь тогда Юрій Хмельницкій, неизвѣстно. Послѣ рады на Кадачкѣ, онъ ушелъ въ Корсунь, и оттуда отправилъ въ Москву посланцевъ, двухъ корсунскихъ сотниковъ, съ граматою, гдѣ извѣщалъ о радѣ, которая положила идти въ Польшу, и просилъ прислать, вмѣсто Шереметева, другого воеводу на Украину для обороны ея отъ татарскихъ набѣговъ въ то время, когда Шереметевъ съ московскою ратью и съ казаками отправится въ походъ. Въ ознаменованіе вѣрности гетмана, посланцы его повезли схваченнаго Богушенка, который былъ посыланъ Выговскимъ, бывшимъ уже въ званіи кіевскаго воеводы, въ Крымъ. У него отобрали нѣсколько писемъ къ Выговскому отъ хана и отъ разныхъ мурзъ; изъ этихъ писемъ видно было, что Выговскій велъ тогда дѣятельное сношеніе съ Крымомъ и подвигалъ крымскаго хана съ ордами на Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій просилъ освободить Ивана Нечая, взятаго въ Быховѣ и отправленнаго въ Москву; онъ просилъ этого ради вниманія къ женѣ его, сестрѣ своей. — «Сестра моя проливаетъ слезы кровавыя—писалъ гетманъ—и на меня нарекаетъ и докучаетъ мнѣ, чтобъ я билъ челомъ вашему царскому величеству.» Это была не первая просьба о Нечаѣ.—«Многажды (говоритъ Юрій въ томъ же письмѣ) писалъ я вашему величе-

ству объ Иванѣ Нечаѣ, но никогда не могу счастливымъ быть, чтобъ получить желаемое. Чаю, писанье мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило.» Эта послѣдняя нросьба молодого гетмана не была уважена. Московское правительство указывало на вины зятя Хмельницкаго: какъ онъ именовалъ себя польскимъ подданнымъ и посылалъ въ разныя мѣста *прелестныя* письма, и былъ взятъ въ Быховѣ съ оружіемъ. — «Его нельзя отпустить въ войско запорожское — было сказано въ отвѣтѣ — потому что учнетъ желать добра польскому королю, а польскій король ведетъ войну съ его царскимъ величествомъ.» Это семейное обстоятельство способствовало недоброжелательству Хмельницкаго къ Москвѣ. Сестра побуждала его мстить за мужа. Полковники и знатные казаки роптали на переяславскій договоръ, жаловались, что Москва хитро забираетъ въ руки войско запорожское, насилуетъ права и вольности казаковъ, и побуждали Хмельницкаго думать, какъ-бы сбросить съ себя «московское ярмо». Бояринъ Василій Шереметевъ раздражалъ гетмана своею невнимательностію и презрѣніемъ къ нему, а полковники указывали ему на это и возбуждали въ немъ досаду. Тогдашній митрополитъ Діонисій Балабанъ, недоброжелатель Москвы, дѣйствовалъ противъ нея на свою паству духовнымъ оружіемъ; вмѣшательство московскихъ властей въ дѣло избранія митрополита, тогда казалось, угрожало малороссійскому духовенству потерею ихъ правъ, порабощеніемъ церкви свѣтской власти царя. Балабанъ, какъ и вообще тогдашніе образованные малоруссы шляхетскаго рода, не смотря на свое православіе, склонялся на польскую сторону, когда приходилось выбирать между Польшею и Москвою. Былъ у него нѣкто Бузскій, проповѣдникъ, котораго онъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ королемъ. Этотъ Бузскій, пріѣхавъ отъ короля въ Украину, поселился въ Чигиринѣ и настроивалъ Хмельницкаго на сторону короля, расточалъ ему ласки королевскія и обѣщанія милостей и наградъ.

Шереметевъ, раздражая противъ себя казацкаго старшину, навлекъ нерасположеніе къ себѣ лично и малорусскаго духовенства чрезвычайною надменностью и высокомѣріемъ. Говорятъ, дѣлая смотръ на Лыбеди, онъ учредилъ обѣдъ и пригласилъ къ нему настоятелей кіевскихъ монастырей. За обѣдомъ, послѣ нѣсколькихъ стопъ крѣпкаго меду, выпитаго въ сопровожденіи грома пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, Шереметевъ началъ превозносить свое войско и сказалъ: — «Отцы честные, слышите: вотъ этими войсками, врученными мнѣ отъ государя моего, я обращу въ пепелъ всю Польшу и самого короля представлю государю

моему въ серебрянныхъ цѣпяхъ.» На эту похвалку замѣтилъ ректоръ братскихъ школъ: — «Надобно Богу молиться, а не на множество вой уповать.» Тогда бояринъ сказалъ: — «При моихъ военныхъ силахъ можно съ непріятелемъ управиться и безъ помощи Божіей!» Съ ужасомъ услышали малоруссы такой отзывъ, и сочли его великимъ богохульствомъ, и это разнеслось между духовными и свѣтскими, и вооружало умы противъ «москалей» вообще [1]).

Все, что̀ происходило въ Украинѣ, все это передано было польскимъ военачальникамъ однимъ ловкимъ шляхтичемъ. Коронный гетманъ не разъ посылалъ въ Украину лазутчиковъ, и они ворочались безъ успѣха, но этотъ шляхтичъ отличился за всѣхъ. Онъ умѣлъ хорошо говорить по-украински и легко сошелся съ русскими. Сперва онъ попробовалъ прикинуться «москалемъ», но это не удалось. — «Москали—толкуетъ современникъ— по своему варварству не допускали къ себѣ въ большую дружбу иноземцевъ, даже и украинцевъ». Удобнѣе онъ затесался между казаковъ, одѣлся бѣдно по-мужицки, выдавалъ себя за дейнека, пьянствовалъ, обращался съ мужичьею грубостію и неловкостію, проклиналъ ляховъ, славилъ казаковъ, пѣлъ казацкія пѣсни, и казаки приняли его за своего брата. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ съ своимъ балагурствомъ, съ своимъ знаніемъ казацкихъ обычаевъ, дошелъ до того, что запанибратился съ начальниками, пилъ съ ними медъ и пиво, и вывѣдалъ, насколько нужно было, положеніе московскихъ людей и казаковъ; узналъ навѣрное и то, что казаки въ данное время не терпятъ «москалей», и поляки могутъ воспользоваться этою непріязнію. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ исчезъ изъ казацкаго лагеря, и можетъ быть только тогда догадались казаки, кто былъ этотъ гость. Онъ-то принесъ польскимъ военачальникамъ вѣрныя свѣдѣнія о совѣтѣ воеводъ, о ихъ замыслахъ идти на Польшу, о числѣ войска, о недовольствѣ Хмельницкаго на Москву и на Шереметева, о непріязни между великорусскими служилыми и украинцами, и наконецъ, о мѣдныхъ копѣйкахъ, которыми платили тогда жа-

---

[1]) Это извѣстіе находится у Величка. Польскіе современные историки передаютъ этотъ разсказъ еще въ болѣе рѣзкомъ видѣ. Въ «Исторіи Яна Казимира», неизвѣстнаго автора говорится, будто Шереметевъ, обращаясь къ иконѣ Спасителя, воскликнулъ: — Не буду тебя считать Богомъ и Спасителемъ, если ты мнѣ не дашь въ руки польскаго короля, чтобъ я его могъ отдать великому государю. — Когда окружавшіе замѣтили ему, чтобъ онъ не богохульствовалъ, Шереметевъ разгнѣвался на нихъ, а потомъ смѣялся, «какъ будто что нибудь доброе сдѣлалъ». Сопоставивъ малорусское и польское извѣстіе, окажется вѣроятнымъ, что Шереметевъ чѣмъ нибудь подалъ поводъ къ составленію о немъ такихъ толковъ. (См. Hist. panow. Jana Kaz. II, 86).

лованье и московскимъ ратнымъ людямъ и казакамъ. Надобно замѣтить, что даже безропотно покорныхъ своихъ старыхъ подданныхъ Москва выводила тогда изъ терпѣнія принужденіемъ брать мѣдную монету за серебрянную, а украинцевъ тѣмъ болѣе.

Войско польское было тогда подъ начальствомъ короннаго гетмана Станислава Потоцкаго и польнаго гетмана Любомирскаго, прославившаго себя въ шведскую войну. Одна часть съ короннымъ гетманомъ стояла близъ Тарнополя, другая съ Любомирскимъ находилась еще въ Пруссіи. Но когда пришло извѣстіе, что дѣло съ Москвою опять наклонится къ войнѣ, Любомирскій прибылъ къ королю, предъ нимъ и передъ сенаторами требовалъ уплаты жалованья, и въ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ труды и нужды войска. Король и сенаторы положили написать къ сборщикамъ налоговъ приказаніе, поторопиться сборомъ недоимокъ на жалованье войску; само правительство, однако, сознавало тогда же, что это средство ненадежно. Послѣ продолжительныхъ войнъ, средства народа умалились, и нельзя было надѣяться на скорую уплату; притомъ самые сборщики въ то время не отличались безкорыстіемъ и часто не пропускали случая погрѣть руки на счетъ общественнаго интереса. Старались успокоить жолнѣровъ и заставить ихъ продолжать службу, не разбойничая и не буйствуя; но удержать жолнѣровъ одними надеждами было трудно; тогда поддержали войско паны частными своими пожертвованіями. Самъ Любомирскій въ числѣ другихъ заплатилъ солдатамъ значительную часть изъ собственныхъ доходовъ. Любомирскій повелъ свое войско на соединеніе съ войсками Потоцкаго на Волынь, и тамошніе владѣльцы, зная, что это войско идетъ для укрощенія казаковъ, слѣдовательно, для безопасности прилежащаго казакамъ края, дали войску квартиры и безденежно снабжали его обильными запасами.

Все польское войско состояло тогда изъ двѣнадцати полковъ пѣхоты и болѣе десяти конныхъ полковъ, снаряженныхъ на счетъ пановъ и находившихся подъ командою снарядителей; да сверхъ того было два конные полка нѣмецкихъ и артиллерія изъ двѣнадцати орудій, подъ начальствомъ динабургскаго старосты Вульфа. Кромѣ всей этой силы въ войскѣ было большое число служекъ, годныхъ къ бою, и превосходившихъ число самыхъ жолнѣровъ.

Но силы Польши противъ Руси не ограничивались собственнымъ войскомъ. На сторонѣ ея была еще крымская орда, которую тогда привлекалъ болѣе всѣхъ Выговскій, находясь въ званіи кіевскаго воеводы. Уже давно крымскій ханъ сердился на Польшу

за то, что она медлила и не дѣйствовала рѣшительно противъ казаковъ и Москвы. Въ письмахъ, писанныхъ къ Выговскому ханомъ и разными сановниками его, выражались о полякахъ въ такомъ смыслѣ: — «Уже намъ словъ не достаетъ: нѣсколько лѣтъ черезъ частыя писанья и разныхъ посланцевъ сообщали мы вамъ, чтобы вы какъ можно скорѣе соединили войска свои съ нашими войсками и наступали на непріятеля. Вы же въ письмахъ своихъ постоянно говорите о великихъ усиліяхъ своихъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаете. Наши войска нѣсколько мѣсяцевъ въ сборѣ ожидаютъ въ Бѣлгородѣ отъ васъ извѣстія, и стоятъ безъ дѣла. Еще не слыхано, чтобы орда столько времени напрасно стояла; зима прошла, уже и весна минула, лѣто пройдетъ, наступитъ осень, пора дождливая». Когда, наконецъ, собрались поляки и дали знать въ Крымъ о своемъ выступѣ, шестьдесятъ тысячь крымскихъ и нагайскихъ ордъ съ прибавкою янычаръ выступили въ Украину. Августа 26, Потоцкій двинулся съ своимъ войскомъ изъ подъ Тарнополя на Подолѣ и дошелъ до Ожеховцевъ.

VI.

Когда такимъ образомъ поляки собирались громить Украину, Шереметевъ выступилъ изъ Кіева по направленію на Волынь, и думалъ войти въ Польшу прежде, чѣмъ поляки узнаютъ о его движеніи. Хмельницкій шелъ за нимъ другою дорогою шляхомъ-Гончарихою. Когда московское войско дошло до Могилы Перепетихи, Хмельницкій прибылъ къ боярину. Шереметевъ принялъ его, какъ прежде принималъ, сухо и неуважительно, показывая видъ, что онъ мало нуждается въ его помощи. По извѣстію лѣтописи Величка, когда Юрій ушелъ изъ московскаго лагеря, ему передали, что Шереметевъ, проводивъ его, при многихъ сказалъ, указывая на гетмана: — «Этому гетманишкѣ приличнѣе бы еще гусей пасти, чѣмъ гетмановать.» Такъ, при поджигательствѣ недоброжелательныхъ къ Москвѣ старшинъ, Шереметевъ этою выходкою не только охладилъ Хмельницкаго къ усердію, но еще самъ содѣйствовалъ къ готовности отпасть отъ Москвы, когда придетъ случай.

Московское войско прошло мѣстечко Хвастовъ и двинулось на Котельню. Хмельницкій все продолжалъ идти боковымъ путемъ — шляхомъ-Гончарихою. Когда московскіе люди доходили до Котельни, отправленный на подъѣздъ изъ польскаго войска Кречинскій схватилъ нѣсколькихъ казаковъ и повелъ въ польскій

лагерь. Они разсказывали, что Шереметевъ идетъ съ войскомъ въ 80,000, и думаетъ онъ съ Цыцурою, что Потоцкій все еще стоитъ подъ Тарнополемъ, и что у Потоцкаго всего на все какихъ нибудь тысячь шесть, а о панѣ Любомирскомъ всѣ думаютъ, что онъ далеко гдѣ-то за Вислой. Такое невѣдѣніе непріятеля о польскихъ силахъ было очень пріятно полякамъ. Куда же направляются москали? спрашивали поляки казаковъ. Тѣ отвѣчали, что на Чудново. 9 сентября, военачальники составили военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ порѣшено было немедленно идти на встрѣчу непріятелю. Войска двинулись по шляху-Гончарихѣ, по которой шелъ съ казаками Хмельницкій. Правою стороною командовалъ Потоцкій, лѣвою Любомирскій, артиллерія занимала средину; по сторонамъ ихъ шли татары. Они дошли до Гончарскаго поля. Московское войско тѣмъ временемъ доходило до Любара, перваго волынскаго города на границѣ казацкой Украины. — «Когда, говоритъ современный дневникъ, польскія войска проминули мѣсто, означаемое тою примѣтою, что тамъ прежде стояла корчма въ полѣ, оба предводителя поѣхали вмѣстѣ и въѣхали на высокую могилу (насыпь). Оттуда они увидали вдали людей, которые двигались между кустарникомъ близъ Любара. Гетманы послали подъѣздъ впередъ провѣдать, что̀ это такое. Отправленный подъѣздъ воротился скоро и донесъ, что это непріятельское войско. Тогда Потоцкій послалъ извѣстить Нураддина и приглашалъ его послать передовой отрядъ противъ московской рати, а самъ выслалъ противъ непріятеля два драгунскихъ полка, два полка Выговскаго и польскаго короннаго писаря. Нѣсколько полковъ, кромѣ того, отправилось еще и охотою. Тѣ, которымъ принадлежали эти полки, были тогда съ ними. Выговскому пришлось идти противъ русскихъ. Онъ вступилъ въ битву съ передовыми изъ московскаго войска. Московскіе люди сначала было погнали татаръ, а потомъ отступили отъ польскаго войска. Поляки поймали какого-то раненаго московскаго начальнаго человѣка и нашли у него планъ расположенія войска. Это очень помогло полякамъ. Они узнали, что московскіе люди стали обозомъ и окапываются.»

15 сентября, собрали военный совѣтъ. Смѣлые говорили:—Не давать врагу отдыха, чтобы онъ не устроился; наступать на него немедленно.—Осторожные возражали:—Еще къ намъ не подоспѣли орудія, и пѣхота не пришла и не устроилась. Лучше мы ихъ осадимъ и будемъ ихъ медленно томить.

— Нѣтъ, сказалъ Потоцкій, отъ медленности у насъ охладѣетъ мужество, а у враговъ прибудетъ. Татары подумаютъ, что мы трусимъ.

Рѣшено было дѣйствовать быстро, наступать на непріятеля, не давать ему покоя и мучить частыми приступами. Войско подвинулось къ московскому обозу. 16 сентября, московскіе люди и казаки вышли изъ табора, сошлись съ правою стороною польскаго войска, но когда бросились на нихъ польскіе копѣйщики, то подались назадъ. Татары ударили на нихъ съ боку, изъ лѣса. Московскіе люди отступили въ свой обозъ. Поляки подъѣзжали къ ихъ окопамъ и кричали:—Трусы негодные! выходите, расправимся въ открытомъ полѣ.—Но московскіе люди не выходили, а отстрѣливались изъ окоповъ. Поляки палили изъ пушекъ въ московскій таборъ и съ удовольствіемъ глядѣли, какъ доставалось боярскимъ шатрамъ, которые издали виднѣлись своею пестротой. Болѣе всѣхъ отличался у нихъ и былъ героемъ этого дня коронный хорунжій Янъ Собѣскій, будущій герой-король Польши. —«Онъ доказалъ, говоритъ современное описаніе, что недаромъ онъ правнукъ великаго Жолкѣвскаго». Вечеромъ бой прекратился. Современное извѣстіе (конечно, невѣрное) говоритъ, будто московскихъ людей убито до 1,500, казаковъ 200, а поляковъ только 60, преимущественно изъ полка Собѣскаго. Плѣнные и перебѣжчики изъ польскаго стана разсказали Шереметеву о силахъ польскихъ, да и самъ онъ собственными глазами удостовѣрился, какъ ложно описывалъ это войско Цыцура, потѣшая его боярское чванство. Гораздо пріятнѣе было полякамъ отъ вѣстей, сообщенныхъ казаками, перебѣгавшими въ польскій обозъ. Они извѣщали, что вообще казаки не терпятъ «московитянъ», и очень многіе готовы съ радостію перейдти къ полякамъ, лишь бы тѣ имъ простили, что они связались съ «москалями»...

Предводители поручили написать увѣщаніе къ казакамъ Стефану Немиричу, брату убитаго Юрія, пану православной вѣры. «Вы знаете, казаки — писалъ Немиричъ — кто я таковъ; съ древнихъ временъ домъ Немиричей соединенъ съ русскимъ народомъ и кровью и происхожденіемъ. Мы — дѣти Украины. Я братъ Юрія Немирича, столь преданнаго казакамъ, вашего товарища. Я не хочу для васъ быть хуже моего брата. Если вы, казаки, будете держаться москалей, то васъ будутъ убивать, брать въ плѣнъ и опустошать домы ваши. Неужели за какихъ нибудь измѣнниковъ-негодяевъ такое множество казацкаго народа будетъ терять своихъ дѣтей, которые принуждены стоять за москалей. Удивляюсь, что вы подружились съ москалями; вамъ изъ этого вездѣ только вредъ, а не выгода. Сравните милости московскаго государя съ благодѣяніями польскаго короля; москали даютъ вамъ вмѣсто золота и серебра мѣдныя деньги; всѣхъ васъ разоряетъ и истощаетъ Москва; запрягаютъ васъ

въ рабское ярмо; а всемилостивый король отеческою рукою даетъ вамъ свободу, сожалѣетъ о бѣдствіяхъ, въ которыя вы впали, и которыя вамъ грозятъ впереди; король посылаетъ вамъ прощеніе за нынѣшнія и прошлыя ваши прегрѣшенія. Сами видите, что войско наше сильно; примѣръ Хованскаго показываетъ вамъ, что оружіе польское торжествуетъ не столько числомъ войска, и храбростію, сколько Божіей милостію. Истощенная междоусобіями и пораженная чужими врагами, Польша была при послѣднемъ издыханіи; уже ее по частямъ дѣлили сосѣди: москаль, шведъ, брандербургецъ, молдаванинъ, угръ, — но божеское провидѣніе воздвигло своими руками добрыхъ гражданъ. Побойтесь гнѣва Божія. Отступитесь отъ москалей, не слушайте льстивыхъ убѣжденій Шереметева, передайтесь на сторону нашу, къ собственному нашему и вашему войску, и напишите къ Хмельницкому, чтобъ и онъ также думалъ о своемъ собственномъ спасеніи, а не о москаляхъ».

Это письмо прочтено было въ лагерѣ московскомъ казакамъ Цыцуры. Казаки, говоритъ современникъ, и готовы были перейдти къ полякамъ, и по тогдашнему нерасположенію къ Москвѣ, и по всегдашней привычкѣ измѣнять, но никто еще первый не рѣшался идти и показать примѣръ. Цыцура еще тогда не считалъ московскаго дѣла потеряннымъ. Съ своей стороны, Шереметевъ прибѣгалъ къ подобнымъ же средствамъ, и написалъ къ султану Нураддину письмо. Онъ писалъ:—«Его царское величество пожалуетъ тебѣ втрое больше подарковъ, если только теперь ты отступишь отъ польскаго короля съ татарами». Нураддинъ не хотѣлъ и слушать объ этомъ и величался передъ поляками своею дружбою къ нимъ. Онъ отдалъ письмо Шереметева Любомирскому, а тотъ поблагодарилъ за него деньгами.

Нѣсколько дней не происходило ничего важнаго, кромѣ незначительныхъ «герцовъ», и еще разъ отличился на нихъ Янъ Собѣсскій. Чуть было не схватили его московскіе люди, увидѣвши на немъ золотистый терликъ, и закричали: честнőй человѣкъ, честнőй человѣкъ (т. е. знатный)! Но онъ ушелъ отъ нихъ счастливо. Передъ тѣмъ пронеслась вѣсть, что Шереметевъ хочетъ отступить. Шереметевъ какъ будто хотѣлъ показать полякамъ противное: ночью московскіе люди сдѣлали вылазку изъ своихъ окоповъ и хотѣли было неожиданно напасть на польскій станъ. Перебѣжчики были у нихъ вожаками; но поляки въ пору узнали объ этомъ, ударили тревогу, и московскіе люди отступили.

Тутъ окончательной опытъ научилъ Шереметева, что Козловскій одинъ говорилъ правду, когда всѣ прочіе изъ подобострастія къ главному воеводѣ потакали Цыцурѣ. Шереметевъ теперь

озлобился на Цыцуру и раздражилъ его противъ себя. Говорятъ, что, услышавъ отъ Шереметева нѣсколько непріятныхъ выраженій и видя, что бояринъ не благоволитъ къ нему, Цыцура тотчасъ же задумалъ перейдти къ полякамъ, но Шереметевъ, догадавшись о намѣреніи казацкаго полковника, обласкалъ казаковъ и объявилъ имъ награды въ Кіевѣ, если они благополучно убѣгутъ отъ поляковъ. Единственная надежда была на Хмельницкаго, и Шереметевъ съ другими воеводами помышляли отступить, чтобы перебраться на шляхъ-Гончариху, гдѣ шелъ Хмельницкій. 24-го сентября рѣшено было отступать. Воеводы убрали свои палатки, свернули знамена, устроили свое войско. Но прежде, чѣмъ войско сдвинулось съ мѣста, выслали ратныхъ людей съ топорами и бердышами рубить деревья, раскапывать пни и каменья.

Только-что предводители рѣшили отступать, поляки уже знали объ ихъ рѣшеніи отъ перебѣжчиковъ и положили напасть на нихъ во время отступленія, когда они будутъ переходить черезъ заросли и переправы.

На другой день непріязненныя войска не начинали сраженія, и только между охотниками происходили герцы. Польское войско было на-готовѣ, и предводители велѣли дожидаться знака, когда можно двинуться, а сами ожидали, когда тронется съ мѣста ихъ непріятель. Сообразивъ, что непріятель пойдетъ по неудобной дорогѣ, польскіе гетманы расположили войско свое такъ, чтобъ можно было нападать на отступающихъ и спереди, и сзади, и съ боковъ. Коронный гетманъ съ своею половиною долженъ былъ пересѣчь путь московскому войску и не давать ему далѣе хода, а Любомирскій долженъ былъ напирать и преслѣдовать позади. Каждая половина войска раздѣлялась, въ свою очередь, на двѣ части, такъ что одна часть изъ каждой половины должна была охватывать бока непріятельскаго обоза; сверхъ того, изъ обѣихъ половинъ отобрана была еще пятая часть въ резервъ; она должна была, по требованію, поспѣвать на помощь какой-нибудь изъ четырехъ, которыя будутъ въ дѣлѣ и доставлять свѣжихъ воиновъ на мѣсто убитыхъ. «Тогда — по замѣчанію современника Зеленевицкаго — предводители, слѣдуя обычаю древнихъ римскихъ полководцевъ, говорили жолнѣрамъ возбудительную рѣчь такого содержанія:

— «Намъ теперь слѣдуетъ рѣшить, кому владѣть Украиною. Московскій государь безъ всякаго права овладѣлъ этимъ краемъ польской Рѣчи-Посполитой, и черезъ это вы остаетесь и бѣдны, и нищи, и отечество не въ силахъ вознаградить васъ. Мы съ охотою дали вамъ трехмѣсячное жалованье, въ видѣ подарка,

изъ собственныхъ суммъ; это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно вознаградить васъ польское королевство. Возвратимъ ему эту богатую и изобильную страну—Украину. Тогда мы приложимъ все стараніе, чтобы вамъ были выплачены слѣдуемыя суммы. Но тутъ дѣло идетъ не объ однихъ нашихъ выгодахъ. Какъ сыны истинной католической церкви, вы сражаетесь, ревнуя о вѣрѣ, которая должна быть вамъ драгоцѣннѣе самой жизни. Видите скорбь истиннаго правовѣрія; греческая схизма торжествуетъ; осквернены священные пороги храмовъ; алтари разорены; святые дары—о ужасъ!—потоптаны святотатственными ногами, храмы отданы для совершенія въ нихъ суевѣрныхъ обрядовъ врагамъ истинной церкви, Христовой. Подвизайтесь за вѣру и свободу, поражайте святохулителей и стяжайте себѣ вѣчную славу въ отдаленномъ потомствѣ.»

Жолнѣры отвѣчали восклицаніями, увѣряли въ готовности храбро сражаться за католическую вѣру и выгоды польскаго государства.

Въ ночь съ двадцать-пятаго на двадцать-шестое, московское войско двинулось; оно поставлено было пѣшими колоннами рядовъ въ восемь, внутри четвероугольника изъ возовъ; но пройдя немного, увидѣли, что въ восемь рядовъ идти неудобно, и перестроились въ шестнадцать рядовъ. Устройство подвижного обоза, довольно сложное, было сдѣлано съ такою быстротою, что поляки изумлялись.

Московскіе люди думали, что поляки узнаютъ объ ихъ отступленіи спустя нѣсколько часовъ, и не воображали, что поляки давно слѣдятъ ихъ каждый шагъ. И не успѣли московскіе люди пройдти на выстрѣлъ изъ лука, какъ поляки были передъ ними и за ними. Поляки двинулись по ближайшему направленію прямо черезъ лѣсъ и перерѣзали имъ путь. Сначала путь шелъ черезъ лѣсныя заросли; и тѣмъ и другимъ негдѣ было развернуться. Но когда русскіе потомъ вышли на просторное мѣсто, тутъ поляки ударили на нихъ со всѣхъ сторонъ. Польскіе копѣйщики кидались на обозъ. Ратные люди государевы, сидя и стоя на возахъ, недвижимо держали свои длинныя копья, и польскіе всадники натыкались на нихъ. Польскія пушки каждую минуту посылали въ обозъ ядра, пули и гранаты; царскіе пушкари безъ торопливости отвѣчали имъ изъ своихъ. Весь обозъ шелъ тихо и спокойно, преодолѣвая большія трудности, черезъ топи и яры. Хладнокровіе московскихъ людей изумляло поляковъ. Никто изъ обоза не отвѣчалъ на ругательные вызовы и похвалки. Среди грома орудій не раздавались человѣческіе голоса, кромѣ невольнаго стона раненыхъ. Казаки усердно помо-

гали московскимъ людямъ, и не только отражали непріятельскіе налеты, но даже вырывали изъ рядовъ и утаскивали къ себѣ плѣнныхъ и обращали въ тылъ польскихъ удальцовъ.

«Въ этомъ шествіи, московскій обозъ (говоритъ польскій очевидецъ) походилъ на огнедышащую гору, извергающую пламя и дымъ, и поляки уподоблялись еврейскимъ отрокамъ въ вавилонской пещи, ибо ангелъ Господень невидимо осѣнялъ насъ тогда».

Послѣ полудня велѣно было польскому войску остановиться на отдыхъ; между тѣмъ приказали придвинуть къ московскому обозу всѣ орудія, сколько ихъ было у поляковъ. Царскому обозу приходилось скоро всходить на гору: было опасное мѣсто; тутъ-то удобно было полякамъ разорвать четвероугольникъ, а было для нихъ неизбѣжно разорвать его, и этого-то добивались поляки до сихъ поръ напрасно. Впередъ была отправлена засада подъ начальствомъ Немирича. Любомирскій замѣтилъ, что въ своихъ налетахъ на непріятельскій обозъ, польскіе удальцы болѣе кричали, чѣмъ дѣлали, и отдавалъ предпочтеніе хладнокровію враговъ. Онъ самъ выѣхалъ передъ ряды жолнѣровъ и говорилъ имъ:—«Болтовня и безтолковый крикъ не разломаютъ непріятельскаго обоза; нужнѣе неустрашимый духъ и твердыя руки, владѣющія оружіемъ. Москаль убѣгаетъ отъ насъ не по-заячьи, а по волчьи, оскаливши зубы: видите, какимъ крѣпкимъ оплотомъ онъ оградилъ свое бѣгство. Держитесь согласно хоругви, не выскакивайте безъ толку изъ строя, и дружно всѣ сложите вмѣстѣ руки и груди, сломите непріятельскую ограду въ ея серединѣ, — вы добудете побѣду».

Московскіе люди продолжали идти по прежнему хладнокровно, спокойно, и дошли, наконецъ, до опаснаго мѣста, гдѣ нужно было спускаться въ яръ и всходить на гору. Тогда польскіе предводители замыслили правое крыло своего войска переправить черезъ яръ въ другомъ мѣстѣ, и зайти московскому обозу впередъ; но имъ надобно было переправляться черезъ топкій яръ; отъ этого московскіе люди успѣли уже взвезти двѣ части своего обоза на гору, прежде чѣмъ поляки могли ихъ не допустить до этого. Немиричъ завязалъ битву на горѣ, но долженъ былъ отступить и пропустить непріятеля, получивъ самъ рану. За то польское войско съ боковъ и съ тыла наперло на оставшихся внизу московскихъ людей; усилилась пушечная пальба; польскія пушки подошли сколько возможно ближе. Московскіе люди отбивались по прежнему, съ спокойствіемъ пробивали себѣ путь на гору. Русскіе потеряли, по одному извѣстію, семь [1]), по другому [2]), во-

[1]) Zielienewicki, 96.

[2]) Оуск. ѣр. II, 151.

семь пушекъ, да восемьсотъ возовъ съ запасами. Поляки нашли въ нихъ себѣ продовольствія, и очень обрадовались утомленные пѣхотинцы, которые терпѣли недостатокъ. Битва прекратилась вечеромъ. Полилъ сильный дождь. Поляки считали за собою побѣду, несмотря на то, что потеряли много убитыми. Татары не участвовали вовсе въ битвѣ, и ихъ стали даже подозрѣвать въ томъ, что они приняли отъ московскихъ людей подкупъ. Другіе толковали, что татары оттого не ходили въ битву, что вообще имъ несносно слышать громъ огнестрѣльнаго оружія.

Слѣдующая ночь была темная. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Оба враждебныя войска стояли въ грязи, безъ крова. Польскія лошади оставались безъ корма. Поляки не могли достать ни дровъ, ни огня; только пѣхота, огибавшая непріятельскіе обозы, была счастливѣе, отнявши возы. Гетманы провели ночь вмѣстѣ, въ одной каретѣ.

Когда взошло солнце, поляки увидали, что московскихъ людей уже не было, и удивились ихъ терпѣнію и неутомимости. — «Не побоялись—говоритъ современникъ—ни темноты, ни дурной дороги; не мучило ихъ ни безпокойство, ни труды и тревоги прошлыхъ дней».

Русскіе шли ночью, и на разсвѣтѣ приближались къ мѣстечку Чуднову на рѣкѣ Тетеревѣ. Узнавши, что Хмельницкій недалеко, Шереметевъ спѣшилъ сойтись съ нимъ: отъ этого зависѣло единственное спасеніе. Какъ ни были изнурены поляки трудами прошлаго дня, но гетманы рѣшились, во что-бы то ни стало не давать непріятелю отдыха, и приказали немедленно идти за непріятельскимъ обозомъ, чтобы прежде, чѣмъ московскіе люди дойдутъ до Чуднова, захватить чудновскій зàмокъ. Поляки двинулись, а между тѣмъ, идя по слѣдамъ собирали съ убитыхъ дѣтей боярскихъ металлическія и жемчужныя пуговки, и смѣясь говорили, что «москали» убираются по-бабьи.

Когда Шереметевъ увидѣлъ, что поляки его преслѣдуютъ, то приказалъ сжечь мѣстечко Чудново, ибо самъ не надѣялся удержать его, и боялся, чтобы враги не нашли въ немъ опоры. — «Самъ Богъ навелъ на него такую ошибку» — говорили послѣ поляки.

Потоцкій поскорѣе послалъ занять уцѣлѣвшій отъ огня зàмокъ, укрѣпленный дубовымъ палисадомъ.— «Здѣсь намъ подручно говорили поляки, занявши зàмокъ; все видно, а выстрѣлы непріятеля доставать до насъ не будутъ».

Московскій обозъ сталъ на низменномъ мѣстѣ, казаки стояли на возвышеніи. Весь союзный обозъ представлялъ, по растяженію, подобіе греческой дельты. Поляки окружили непріятелей сво-

ихъ со всѣхъ сторонъ, уставили пушки и начали палить безъ отдыха. Крѣпко поражали они московскихъ людей изъ садовъ разрушеннаго мѣстечка, да съ возвышенія, на которомъ стоялъ зàмокъ. Кругомъ на равнинѣ раскинулись татары и ловили каждаго русскаго, кто осмѣлится выдти изъ обоза за травою. Русскіе были лишены пастбищъ.—«Намъ нечего съ ними драться и терять людей»—рѣшили предводители. Пресѣченъ имъ путь къ добыванію живности, голодъ заставитъ ихъ безъ боя сдаться». Инженеры принялись копать канавы, чтобъ отвести воду и лишить московскій обозъ этой необходимости.

Такъ прошло время до седьмого октября. Въ этотъ день татары привели плѣнныхъ казаковъ.—«Мы идемъ съ Хмельницкимъ, показали они въ распросѣ,—идемъ на помощь къ Шереметеву. Самъ Хмельницкій и старшины хотѣли бы съ вами соединиться, да поспольство не хочетъ. Присягнули за москалей драться до послѣдняго».

По совѣту Любомирскаго, тогда оставлена была вся пѣхота и артиллерія держать въ осадѣ Шереметева. Коронный гетманъ страдалъ лихорадкою, но пересилилъ себя, показывалъ примѣръ терпѣнія и мужества: его водили подъ руки, и онъ трясся отъ лихорадки, но командовалъ и дѣлалъ распоряженія. Любомирскій съ конницею и со многими панами отправился на казаковъ.

VI.

Хмельницкій шелъ медленно по Гончарихѣ. Вокругъ него были благопріятели гадячской коммиссіи: Гуляницкій, Махержинскій, Лѣсницкій, изгнанный изъ рàды по царскому повелѣнію. Носачъ присталъ къ нимъ снова. Полковники и сотники, недовольные переяславскими статьями, не хотѣли сражаться. Простые казаки возмущались при мысли брататься съ ляхами. Въ то время, когда одни хвалили гадячскій договоръ, другіе показывали къ нему омерзеніе, ибо этотъ договоръ допускалъ введеніе ненавистнаго для народа шляхетскаго достоинства между казаками, и подрывалъ казацкое равенство. Молодой, безхарактерный гетманъ былъ озлобленъ противъ боярина, былъ недоволенъ царемъ за то, что въ Москвѣ не исполняли его просьбъ, но все еще колебался; поспольство проклинало ляховъ; старшины бранили москаля. Въ этой нерѣшимости казацкій обозъ едва двигался, и когда московскій достигъ Чуднова, казаки достигли до мѣстечка Слободища.

Седьмого октября, поляки пришли подъ Слободище, за нѣ-

сколько верстъ отъ Чуднова. Казацкій обозъ стоялъ на возвышеніи, близъ него было разрушенное мѣстечко Слободище: печи, бревна, погреба и всякаго рода мусоръ преграждали путь черезъ него. Съ другой стороны, тянулся болотистый вязкій лугъ. Любомирскій, какъ только увидѣлъ привычныхъ враговъ польской короны, закричалъ въ голосъ своему войску:

— «А, вотъ они,—вотъ сѣмя преступнаго мятежа, змѣиное изчадіе; вотъ гадины, ихъ же гнуснѣе земля никогда не питала! Теперь, поляки, потребуйте отъ нихъ назадъ свободнаго званія, согните вашимъ оружіемъ шеи подлаго холопья: пусть они кровью смоютъ свое дворянство.»

Любомирскій зналъ, что Хмельницкій и старшины вовсе не желаютъ помогать Шереметеву, но зналъ также, что простые казаки ненавидятъ поляковъ, а старшины ихъ не любятъ и только; по временному нерасположенію къ москалямъ, они могутъ стать на сторону Польши, а при малѣйшемъ благопріятномъ вѣтрѣ отъ Москвы всегда предпочтутъ ее Польшѣ. Любомирскій поэтому и хотѣлъ повести дѣло такъ, чтобы потомъ можно было законно уничтожить гадячскій договоръ и ссылаться на то, что казаки пріобрѣтенное своимъ оружіемъ отъ поляковъ, потеряли оружіемъ поляковъ. Негодованіе при видѣ враговъ, отъ которыхъ стались всѣ неисчислимыя бѣды польской націи, закипѣло у пановъ и шляхты. Не вошли еще предводители въ переговоры, а ужъ половина войска, пришедшаго съ Любомирскимъ, принялась мостить плотину черезъ лугъ. Воевода кіевскій, бывшій гетманъ Выговскій, отличался передъ всѣми противъ своихъ прежнихъ соотечественниковъ и прежнихъ подчиненныхъ.

Предпріятіе полякамъ не удалось такъ легко, какъ полагали. Казаки колебались-было при видѣ поляковъ, но увидя, что поляки наступаютъ на нихъ съ оружіемъ, стали защищаться и отбили съ урономъ тѣхъ, которые лѣзли на казацкій таборъ черезъ развалины мѣстечка; а тѣ, которые шли черезъ лугъ, забились въ болото и принуждены были повернуть назадъ, преслѣдуемые казацкими выстрѣлами.

Но въ казацкомъ лагерѣ дѣла направлялись, безъ боя, въ пользу поляковъ. Тамъ поднялась неописанная неурядица; старшины упрекали Юрія, обвиняли одинъ другого, спорили, кричали, совѣтовали, и такъ сбили съ толку гетмана, что онъ, будучи въ добавокъ въ первый разъ въ битвѣ, совсѣмъ потерялся и кричалъ:

— Господи Боже мой! Выведи меня изъ этого пекла; не хочу гетмановать, пойду въ чернецы! Буду Богу молиться. За

что̀ я черезъ вѣроломство другихъ терпѣть буду. Если меня Богъ теперь избавитъ, непремѣнно пойду въ чернецы.

— Отложи пане гетмане, свое благочестіе на будущее время, сказали ему старшины; лучше подумай, какъ спасти себя и всю Украину. О чернечествѣ подумаешь на волѣ, когда опасность пройдетъ, а теперь давай-ка лучше ударимъ сами себя въ грудь, да и пошлемъ къ полякамъ просить мира; пообѣщаемъ имъ вѣрность и подданство Рѣчи-Посполитой, а москаль пусть себѣ, какъ знаетъ, такъ и промышляетъ.

— Видимо, говоритъ обозный Носачъ, что самъ Богъ помогаетъ польскому королю; лучше заранѣе войти въ милость у короля, а то и душамъ нашимъ кара будетъ, и полякамъ отданы будемъ; пожалѣемъ послѣ, да не воротимъ.

Другіе разсуждали, какъ бы еще сохраняя нѣкоторое сочувствіе къ Москвѣ, но также находя, что обстоятельства вынуждаютъ казаковъ измѣнить ей.—«Если ляховъ побѣдить не можемъ, говорили эти, если здѣсь всѣ погибнемъ, москалямъ отъ этого никакой пользы не станется, а если сохранимъ себя, то послѣ и москалю пригодимся.» Подобнымъ благопріятелемъ для москалей оказывался тогда писарь Семенъ Голуховскій. Заклятые противники ляховъ изъ черни кричали:—«Здѣсь орда; пошлемъ лучше къ татарамъ; они намъ давніе пріятели; они сойдутся съ нами.» По этому совѣту громады, старшины отправили посольство къ Нураддину, съ письменнымъ предложеніемъ отстать отъ поляковъ и пристать къ казакамъ. Неизвѣстно, что̀ и какъ отвѣчалъ имъ Нураддинъ, но письмо казацкое онъ передалъ Любомирскому, и въ другой разъ показалъ, такимъ образомъ, свою преданность, и въ другой разъ получилъ отъ поляковъ вещественную признательность за свои добродѣтели.

Въ то время, когда въ казацкомъ таборѣ бросались на всѣ стороны, а Хмельницкій, потерявшись, перемѣнялъ свои намѣренія каждую минуту, является къ нему посланецъ съ письмомъ отъ Выговскаго, а въ письмѣ было сказано:— «По праву, данному мнѣ надъ тобою отцомъ твоимъ, я, какъ твой попечитель, заклинаю тебя душою твоего родителя, довѣрься полякамъ и приведи къ тому же своихъ, и отступи отъ Москвы. Самъ знаешь, сколько зла мы отъ нея видѣли. Теперь силы Шереметева потоптаны, сокрушены; онъ гаснетъ, какъ лампада безъ масла, гдѣ свѣтильня только дымитъ, а ужъ не свѣтитъ. Не ожидай, пока погаснетъ; тогда вся тягость военная обратится на тебя одного. Король милостивъ, проститъ прошлое, и не только все забудетъ, но сохранитъ и утвердитъ всѣ права казацкія. Казаки

болѣе могутъ надѣяться отъ великодушія польской націи, чѣмъ отъ московскаго варварства и тиранства.»

Такъ какъ Хмельницкій и старшины не знали навѣрное, чья возьметъ, поэтому и послали разомъ и къ полякамъ, и къ московскимъ людямъ. Къ Шереметеву послали Мороза съ извѣстіемъ, что на казаковъ напали поляки, и просили Шереметева поспѣшить на помощь по направленію къ мѣстечку Пятку. Въ тоже время поѣхалъ полковникъ Петръ Дорошенко съ двумя товарищами въ польскій лагерь. Надобно было обходиться съ поляками такъ, какъ будто мирятся съ ними не по принужденію, а по доброму желанію.

Дорошенко былъ допущенъ къ Любомирскому, и говорилъ:

— Что это значитъ, ваша милость, за что нападаютъ на насъ поляки? Мы вовсе не хотимъ воевать съ вами и только по необходимости должны противъ васъ защищаться, потому что вы нападаете на насъ. Казаки не хотятъ быть врагами поляковъ. Мы пришли сюда затѣмъ, чтобы отвлечь Цыцуру отъ москалей, и теперь готовы соединиться съ вами, если вы примете насъ благосклонно.

Любомирскій, гордый своими подвигами, началъ высокомѣрно обращаться съ казацкимъ посломъ, а полковникъ принялъ также видъ собственнаго достоинства и сказалъ:

— Панъ гетманъ! забудьте причины старой ненависти и примите притекающихъ къ лону отечества; а иначе на нашей сторонѣ правда, у насъ есть самопалы и сабли. Наше оружіе славно. Смотрите, чтобъ изъ него не выскочилъ такой огонь, отъ котораго затмятся всѣ ваши надежды на побѣду, а то и вовсе станутъ дымомъ!

Пріѣхалъ Нураддинъ, и послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, обращаясь разомъ и къ Любомирскому и къ казакамъ, онъ сказалъ гетману: — «Панъ гетманъ, уважь казакамъ, не годится отвергать ихъ просьбы; они вѣрные подданные короля. Притомъ же, если будешь на нихъ злиться,—тебѣ это можетъ быть вредно. Счастіе еще не покинуло ихъ. Если ихъ раздражить, то они будутъ кусаться по своему обыкновенію. Не дразните этихъ пчелъ; лучше съ нихъ медъ получайте. Больше славы будетъ вамъ обратиться на москаля и угостить его, какъ слѣдуетъ угощать такого незваннаго гостя.»

Любомирскій, стараясь, сколько возможно, высказать свою силу и могущество, и тѣмъ вынудить у казаковъ самыя выгодныя для поляковъ условія, сказалъ Дорошенку:

— Хоть казаки за многократные мятежи и измѣны Рѣчи-Посполитой заслуживаютъ, чтобы ихъ карать, но король далъ мнѣ

милостивое приказаніе относительно васъ; притомъ же я уважаю просьбу султана Нураддина и приказываю протрубить прекращеніе военныхъ дѣйствій. Примиряемся съ вами. Пусть Нураддинъ, ходатай за васъ, казаковъ, посовѣтуетъ вамъ не бунтовать болѣе.

Нураддинъ приложилъ руку къ груди и сказалъ:

— Я ручаюсь за казаковъ; они бунтовать не будутъ, и останутся въ повиновеніи Рѣчи-Посполитой.

Потомъ онъ ухватился за рукоять своей сабли, и подбѣжавъ къ Дорошенку, скороговоркою произнесъ:

— Казакъ! вотъ этою саблею нашъ татарскій ханъ будетъ вамъ мстить, если вы не будете постоянны и не сдержите вѣрности и послушанія королю.

Любомирскій сказалъ, чтобъ казаки присылали съ своей стороны къ великому гетману для заключенія договора. Самъ онъ тотчасъ уѣхалъ къ главному войску.

Тѣмъ временемъ Шереметевъ, не зная ничего, что̀ дѣлается въ лагерѣ казацкомъ, и получивши черезъ казака Мороза извѣстіе отъ Хмельницкаго, четырнадцаго октября двинулся далѣе въ путь по направленію къ Пятку. Но только-что прошли московскіе люди съ версту или немного болѣе, какъ увидали, что поляки уже подѣлали шанцы и поставили своихъ копѣйщиковъ, которые, искусными и ловкими движеніями, не разъ были опасны московскимъ посошнымъ людямъ, недавно взятымъ отъ сохи. Русскіе безстрашно шли на нихъ. Но тутъ ударили на нихъ сзади и съ боковъ—съ трехъ сторонъ. Русскіе отбивались, пробивались и сохраняли все свое желѣзное упорство, непоколебимое хладнокровіе, презрѣніе къ смерти;—подъ выстрѣлами, посылаемыми къ нимъ со всѣхъ сторонъ, они силились достигнуть цѣли—соединенія съ казаками. Тяжелъ былъ имъ каждый шагъ. На пути имъ была разоренная деревушка. Тамъ былъ прудъ. Плотина была прорвана. Вода разливалась по лугу. Мостовъ не было. Грязь была до того велика, что нельзя было двинуться и одной телѣгѣ, не только цѣлому обозу. Въ этомъ-то мѣстѣ пріударили на нихъ поляки дружнѣе и сильнѣе. Русскій обозъ началъ сходить съ дороги вправо, къ лѣсу, чтобы идти суше, но тутъ появились татары; заиграла султанская музыка, говоритъ очевидецъ, называя такимъ образомъ дикій крикъ и гикъ орды. Татары пустили на московскую рать градомъ свои стрѣлы. Русскіе старались добраться до лѣса, гдѣ думали укрѣпиться снова подъ его защитою. Но польскіе копѣйщики бросились съ своими длинными копьями и такъ поражали русскихъ, что прокалывали однимъ копьемъ разомъ двухъ и трехъ; изъ пу-

шекъ и ружьевъ палили поляки въ московскій обозъ со всѣхъ сторонъ; русскіе отвѣчали горячо и неустрашимо, и, говоритъ очевидецъ, еще не случалось видѣть такого густого огненнаго дождя. Поляки прорвали обозъ, таскали возы, брали пушки, уносили знамена. Татары понеслись вслѣдъ за поляками, какъ вòроны на добычу, и стали грабить, что попало. Русскіе собрали послѣднія силы и выбили изъ своего обоза непріятеля. Уже часть обоза ихъ была оторвана, но остальная сомкнулась снова, и подъ выстрѣлами польскихъ пушекъ, изъ которыхъ не лѣнился угощать ихъ генералъ Вульфъ, достигла опушки лѣса и тамъ стала окапываться. Тогда нѣсколько сотъ казаковъ, вырвались изъ обоза и убѣжали, но ихъ всѣхъ татары истребили.

Татарамъ досталась карета Шереметева, и въ ней набрали они соболей, золота и серебра вдоволь.

Поляки могли сказать, что побѣдили непріятеля, но эта побѣда обошлась имъ черезъ-чуръ дорого: много они потеряли своихъ людей, а еще болѣе лошадей, такъ что, не смотря на всѣ выгоды, которыя обстоятельства войны представляютъ для ихъ страны, не легко будетъ сломить желѣзное упорство и стойкость царскаго войска. Поляки отправили къ Пятку отрядъ подъ начальствомъ князя Константина Вишневецкаго, перерѣзать впередъ путь отступающему непріятелю.

Хмельницкій слышалъ громъ орудій, когда происходила битва. Послѣ посылки Дорошенка въ обозѣ казацкомъ все еще колебались, и гетманъ не зналъ, на чтò рѣшиться. Но когда достигло туда извѣстіе, что московское войско разбито, и находится въ безвыходной осадѣ, тогда казаки увидали, что поляки одолѣли, и мириться съ ними неизбѣжно. Они послали коммиссаровъ для заключенія договора въ польскій обозъ подъ Чудновымъ.

Когда казацкіе коммиссары явились, паны спросили ихъ: — «Чтò за причина, что вы, казаки, послѣ гадячскаго договора прибѣгли опять къ Москвѣ»?

— Казаки, отвѣчали коммиссары, стали недовольны гадячскими статьями потому, что его милость король далъ шляхетское достоинство только нѣкоторымъ, а другимъ не далъ; оттого послѣдніе стали досадовать за такую неровность между своими побратимцами, что одни будутъ шляхтичами, а другіе не будутъ, и такъ, на злость другимъ, многіе и отдались москалямъ.

— Это показываетъ, сказали имъ, что княжество русское противно правамъ казацкимъ и свободѣ; поэтому мы оставимъ вамъ всѣ вольности, какъ слѣдуетъ по гадячскому положенію, а русское княжество уничтожимъ; все войско запорожское и городовое украинское приметъ снова гадячскій договоръ, и будетъ его

держаться, отъ москалей отречется на вѣки и будетъ готово идти на войну, куда пошлетъ его милость король.

Оставить гадячскій договоръ, уничтожить русское княжество значило уничтожить всю сущность гадячскаго договора. Полякамъ несносно было это русское княжество, а на все прочее они легче могли согласиться, такъ какъ все прочее, безъ русскаго княжества, не давало Украинѣ вида самостоятельнаго государства, федеративно связаннаго съ Польшею, а ставило казаковъ въ положеніе одного изъ видовъ войска польской Рѣчи-Посполитой.

— Его милость панъ гетманъ Юрій Хмельницкій, сказали коммиссары, не думалъ вовсе отпадать отъ короля, но если случилось, что нарушенъ былъ гадячскій договоръ, то это сдѣлалось не оттого, чтобы онъ и мы всѣ не вѣрили его милости королю, и не желали ему добра, а оттого, что москали сильно напали на насъ. Гетманъ нашъ все-таки не подавалъ руки врагамъ короля, и пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы помогать москалю, да и не подалъ ему никакой помощи, а послалъ насъ принести увѣреніе въ своемъ послушаніи и вѣрности королю.

Имъ отвѣчали: — Ихъ милости паны гетманы принимаютъ съ признательностію такія чувствованія пана гетмана».

Коммиссары со стороны польской были: брацлавскій воевода князь Михаилъ Чарторысскій, стольникъ сендомирскій Шомовскій, хорунжій коронный Янъ Собѣскій, и хорунжій львовскій. Семнадцатаго октября былъ составленъ новый договоръ. Гетманы утверждали прежній, гадячскій, исключая всѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ русскому княжеству; признано было обоюдно, что русское княжество оказывается мало нужнымъ для казацкихъ вольностей и не служитъ для прочнаго вѣчнаго мира, а потому оно уничтожалось, а казацкій гетманъ обязывался отослать королю пункты, относящіеся до этого предмета для уничтоженія. Гетманъ казацкій со всѣмъ войскомъ отрекался отъ подданства царю московскому и обязывался обратить оружіе вмѣстѣ съ поляками на пораженіе Шереметева, а впередъ не принимать никакихъ покровительствъ, кромѣ королевскаго. Съ своей стороны польскіе гетманы объявляли прощеніе Цыцурѣ, если онъ оставитъ Шереметева, когда ему прикажетъ казацкій гетманъ, его непосредственный начальникъ; также точно полки Нѣжинскій и Черниговскій, которые находятся на московской сторонѣ, должны были отстать отъ нея по приказанію гетмана, а если они не послушаютъ этого приказанія, то казацкій гетманъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ какъ противъ непріятелей. Равнымъ образомъ гетманъ обязывался укро-

щать оружіемъ всякое волненіе, которое бы произошло въ Украинѣ или Запорожьи противъ казацкаго договора съ поляками. Положено было плѣнныхъ польскихъ отпустить, и казаки не должны будутъ безпокоить владѣнія крымскаго хана, какъ союзника Рѣчи-Посполитой.

Послѣ составленія и подписи договора послали въ казацкій таборъ двухъ пановъ, князя Константина Вишневецкаго и стольника сендомирскаго Шомовскаго для приведенія къ присягѣ казаковъ. Хмельницкій, 18 октября, прибылъ въ польскій лагерь подъ Чудновымъ.

Его приняли отлично, со знаками уваженія. Гетманы польскіе и Любомирскій пригласили его къ себѣ въ шатеръ; тамъ онъ и ночевалъ у нихъ.

На другой день спокойно и безъ споровъ совершилась обоюдная присяга. Сначала присягнули оба гетмана коротко соблюдать договоры, поставленные коммисіею гадячской 6-го сентября 1658 г., и на коммисіи чудновской, 1660 г. 17 октября.

Гетманъ Юрій Хмельницкій въ присягѣ своей обѣщалъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, отъ старыхъ до меньшихъ, быть въ послушаніи у короля, отречься отъ всѣхъ посторонних протекцій, особенно же отъ царя московскаго, не поднимать рукъ противъ Рѣчи-Посполитой, не имѣть сношеній съ посторонними государствами, не принимать ни откуда, не отправлять никуда посольствъ безъ вѣдома короля, и быть готовымъ идти на войну противъ всякаго непріятеля Рѣчи-Посполитой. Въ добавокъ онъ обѣщалъ усмирять оружіемъ всѣхъ, кто будетъ поднимать бунтъ въ войскѣ запорожскомъ.

Послѣ совершенія обоюдной присяги, Хмельницкаго пригласили на пиръ; веселились вдоволь, пѣли: «Тебе Бога хвалимъ»; играла музыка, палили изъ пушекъ, пили взаимно здоровье и увѣряли другъ друга въ непоколебимой дружбѣ и братствѣ. Послѣ обѣда, окончившагося уже вечеромъ, Хмельницкій послалъ приказаніе Цыцурѣ отступить отъ москалей и присоединиться къ полякамъ.

— Я прошу вашихъ милостей, сказалъ Хмельницкій, обратившись къ польскому гетману, пусть будетъ безопасенъ нашимъ казакамъ переходъ къ королевскому войску, чтобъ татары не напали на вѣрныхъ его величеству королю казаковъ.

Предводители обѣщали разставить польскіе отряды, чтобы казаки изъ московскаго обоза могли перейдти къ полякамъ безпрепятственно отъ своевольной орды. Нураддинъ за свою орду поручился, что казаки будутъ цѣлы.

Цыцура, когда получилъ это извѣстіе, не показалъ его всему

казацкому войску, можетъ быть потому, что тогда бы узнали московскіе люди и стали мѣшать свободному переходу казаковъ, можетъ быть и потому, что ожидалъ отъ простыхъ казаковъ сопротивленія. Онъ промедлилъ одинъ день. 21 октября ему данъ былъ знакъ: выставленъ былъ бунчукъ Хмельницкаго. Тогда Цыцура взялъ свою хоругвь и вышелъ изъ обоза. За нимъ послѣдовало до двухъ тысячъ казаковъ. Тотчасъ же орда, увидѣвъ это, обратилась на нихъ, но тутъ поляки, посланные для обороны казаковъ, стали представлять, что султанъ Нураддинъ поручился за цѣлость казаковъ. Татары, обыкновенно мало послушные въ такихъ случаяхъ, не хотѣли знать этого и начали бить казаковъ; нѣсколько поляковъ, хотѣвшихъ оборониться, были задѣты татарскимъ оружіемъ. Погибло до двухъ сотъ казаковъ. Иные были захвачены въ плѣнъ татарами. Тогда нѣкоторые, видя, что ихъ бьютъ, вмѣсто того, чтобы принимать дружелюбно, повернули назадъ въ московскій обозъ. Только Цыцура съ небольшой горстью своихъ успѣлъ достигнуть польскаго обоза.

VII.

Въ это время московское войско приходило въ крайне отчаянное положеніе. Обозъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами; они сдѣлали около него валъ, поставили на валъ пушки и палили безпрестанно. Не было выхода для пастбища лошадей; вонь отъ людскихъ и конскихъ труповъ заразила воздухъ до того, что на далекомъ пространствѣ нельзя было не затыкать носа. Не ставало запасовъ, не ставало пороха, и тотъ, какой былъ, отсырѣлъ. Дожди лили какъ изъ ведра день и ночь, въ обозѣ грязь и навозъ повыше колѣнъ, людямъ негдѣ было ни лечь, ни укрыться отъ ненастья и отъ польскихъ пуль и ядеръ. Положеніе московскихъ людей было выше всякаго человѣческаго терпѣнія.

Двадцать-шестого октября, явился въ польскій обозъ изъ московскаго думный человѣкъ, Иванъ Павловичъ Акинѳіевъ. Онъ былъ, видно, человѣкъ по-тогдашнему образованный и риторъ. Допущѣнный къ гетману, онъ говорилъ:

— Заключимъ, поляки, миръ на взаимныхъ условіяхъ для блага обоихъ народовъ, и русскаго и польскаго; мы происходимъ отъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного ствола, говоримъ сходными языками, похожи другъ на друга и по одеждѣ и по нраву; притомъ же мы сосѣди и христіане, искупленные кровію Христовою. Божіе правосудіе покарало насъ: вотъ уже много лѣтъ

мы васъ воюемъ, а вы насъ. Сіе прискорбно ангеламъ Божіимъ, и пріятно врагамъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Если бы двѣ руки, вмѣсто того, чтобы ловить волка, стали бы терзать одна другую, то все тѣло досталось бы звѣрю. Такъ и мы, христіане, между собою ссоримся и отдаемъ тѣло Христова народа магометанамъ. А когда бы мы соединенными силами ополчились на врага св. Креста, то освободили бы святую землю, орошенную кровію Христовою, и исполненную всѣхъ утѣхъ Асію, и весь свѣтъ бы себѣ покорили и истребили бы нечестивое сѣмя агарянское.

Ораторъ понравился полякамъ. Онъ свелъ рѣчь на казаковъ и сказалъ такъ:

— Теперь уже и самимъ намъ явно, что казаки есть причина несчастій нашихъ и толикаго кровопролитія. Да будетъ проклято самое имя ихъ, ибо они призывали то насъ противъ васъ, то васъ противъ насъ, — и вамъ и намъ измѣняютъ и въ то же время продаютъ себя инымъ государямъ: и турецкому, и угорскому, и шведскому, и, я думаю, они самому аду продали бы себя, если бы на нихъ явился покупщикомъ дьяволъ, ему же они уже и такъ себя записали.

Иванъ Павловичъ приглашалъ поляковъ разорвать союзъ съ татарами и заключить съ Москвою; доказывалъ невыгоды и непрочность дружбы съ невѣрными, изъявлялъ готовность отступиться отъ Украины и выдать всѣхъ казаковъ, которые находятся въ московскомъ войскѣ.

Ему отвѣчали: — «Пусть бояре вышлютъ на переговоры коммиссаровъ, а мы вышлемъ своихъ.»

Съ московской стороны выбраны были коммиссарами князь Щербатовъ, князь Козловскій, и думный дворянинъ Иванъ Павловичъ Акинѳіевъ. Съ польской — воевода бѣльскій князь Димитрій Вишневецкій, воевода черниговскій Беневскій, подкоморій кіевскій Немиричъ и Шомовскій, стольникъ сандомирскій. Отъ татаръ двое мурзъ.

Нѣсколько дней однако прошло въ переговорахъ. 29 октября, съѣхались коммиссары и разъѣхались. Такая же неудачная сходка послѣдовала 30 октября. Татары не хотѣли какъ будто вовсе мириться съ Москвою.

Московскимъ людямъ блеснула надежда. Извѣстіе пришло, что Барятинскій съ войскомъ, находящимся въ Кіевѣ, выступилъ на выручку Шереметева. Скоро однако надежда эта исчезла. Барятинскій дошелъ до Брусилова; жители не пустили его и встрѣтили выстрѣлами, а поляки въ пору узнали о Барятинскомъ и послали противъ него отрядъ, которому, однако, не пришлось

биться съ Барятинскимъ. Послѣдній воротился въ Кіевъ. Впрочемъ у Барятинскаго было такъ мало войска, что онъ не могъ выручить осажденныхъ. Шереметеву не было исхода: приходилось согласиться на то, что оставляетъ побѣдитель. Когда сходились коммиссары, польскіе обращались съ московскими высокомѣрно. Изъ московскихъ коммиссаровъ князь Щербатовъ говорилъ очень униженно:—«Мы просимъ васъ оказать по-христіански милосердіе, ради Христа.» Козловскій не принялъ участія въ этой просьбѣ. Онъ молчалъ съ суровымъ лицомъ, и не боялся раздражать побѣдителей своею благородною выдержкою.

Беневскій говорилъ имъ нравоученія въ такомъ тонѣ:

— Видите, ваши милости, какъ Богъ караетъ несправедливую войну и вѣроломно нарушенный договоръ. Благодарите Бога, что напали на такой великодушный народъ, какъ мы, поляки. Другіе вамъ не простили бы этого.

Московскіе коммиссары спросили: на какихъ условіяхъ можетъ быть освобождено московское войско изъ осады? Беневскій сказалъ:

— Хотя бы вы цѣлый адъ призвали себѣ на помощь, и тогда не вырвались бы изъ нашихъ рукъ. Остается вамъ одно: отдаться на милосердіе вашихъ побѣдителей. По обычной милости наияснѣйшаго короля, вамъ даруется жизнь и свободное возвращеніе, но безъ оружія; вы должны отступиться отъ казаковъ и вывести московское войско изъ украинскихъ городовъ.

Такое требованіе было выше правъ, какія были у Шереметева. Отказаться отъ цѣлой страны не могъ полководецъ. Но некуда было дѣться московскимъ людямъ: они должны были согласиться на все. Они только выпросили, чтобы побѣдители имъ дозволили взять ручное оружіе. Договоръ былъ составленъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ въ такомъ смыслѣ: московскіе люди всѣмъ таборомъ могутъ выдти и положить оружіе; войска царскія должны выступить изъ городовъ малорусскихъ: Кіева, Чернигова, Нѣжина, Переяславля, и не оставаться отнюдь ни въ одномъ мѣстѣ. Всѣ они должны идти въ Путивль, а пока они не выйдутъ, Шереметевъ со всѣми начальствующими лицами, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, должны оставаться заложниками въ польскомъ лагерѣ. Все войско московское должно также до этого времени оставаться въ кіевскомъ воеводствѣ около Котельны въ мѣстахъ, какія укажутъ предводители. Шереметевъ и начальники должны, сверхъ того, присягнуть, что и послѣ ихъ отпуска не будутъ оставаться въ малорусской землѣ. Казаковъ московскіе предводители должны оставить совершенно, и находящіеся въ московскомъ лагерѣ казаки должны выйти, положить оружіе и

знамена къ ногамъ польскихъ гетмановъ, и съ тѣхъ поръ находиться въ ихъ распоряженіи, какъ подданные Польши. Послѣ выхода всѣхъ московскихъ войскъ изъ малорусскихъ городовъ, московскимъ людямъ отдается ихъ ручное оружіе, т. е. ружья, мушкеты, пистолеты, карабины, сабли, запалы, протазаны, алебарды, бердыши и топорки; все это повезется за ними до прежней коронной границы и отдастся московскимъ войскамъ подъ Путивлемъ, а пушки останутся побѣдителямъ. При отпускѣ военно-плѣнныхъ въ отечество, поляки обязывались ихъ не грабить, не побивать, въ плѣнъ не брать, и не дѣлать имъ тѣсноты и безчестья.

Шереметевъ написалъ къ Барятинскому въ Кіевъ письмо, извѣщалъ о происшедшемъ, и требовалъ, чтобы Барятинскій выступилъ изъ Кіева, оставивъ нарядъ въ городѣ. Въ концѣ своего письма Шереметевъ приписалъ собственною рукою: «Крѣпокъ Кіевъ былъ Юріемъ Хмельницкимъ и казаками, а они отступили; теперь города не крѣпки будутъ; можно людей потерять.»

Шереметевъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что нечего болѣе добиваться московскому правительству удерживать Малую Русь, когда туземцы показали нежеланіе оставаться подъ властію царя. Но писарь Хмельницкаго, Семенъ Голуховскій, еще до сдачи Шереметева, тайкомъ прислалъ товарищу Барятинскаго Чаодаеву письмо, въ иномъ смыслѣ:

«Хотя я съ паномъ гетманомъ — писалъ онъ — и присягнулъ королю, но поневолѣ; а я помню присягу его царскому величеству и милости царскія. Пѣшихъ и конныхъ поляковъ 30,000, орды 40,000: пану Шереметеву нельзя вырваться. Его обозъ кругомъ осыпали валомъ. Ради Бога, ваша милость, постарайтесь, чтобы скорѣе ратные люди его царскаго величества были присланы на Украину, ибо непріятель думаетъ посягать на всю нашу землю; пусть царскіе люди по городамъ будутъ осторожны и не вѣрятъ никому по присягѣ, чтобы не сдѣлали того, что Цыцура, который, по-старому, ляхамъ передался. Остерегайтесь, а меня не выдавайте; запасайтесь всякою живностію и не вѣрьте прелестнымъ листамъ, хотя и къ вашей милости писаннымъ.»

Барятинскій изъ этого письма могъ заключить, что въ Малой-Руси еще не все безнадежно потеряно, и что казаки могутъ еще служить царю. Барятинскій не послушалъ Шереметева. Онъ говорилъ:

— Мнѣ царь даетъ указы, а не Шереметевъ.

Татары заартачились. Султанъ созвалъ къ себѣ мурзъ. — Что намъ дѣлать? Спрашивалъ онъ. Поляки съ Москвою мирятся. И

намъ развѣ мириться?—Мурзы въ одинъ голосъ сказали:—«Если поляки мирятся съ Москвою, значитъ они отступаютъ отъ братства съ ордою.»—Султанъ поѣхалъ въ польскій лагерь и объявилъ, что онъ не согласенъ.

— Какъ можно выпускать Москву — говорилъ онъ — когда она почти въ неволѣ, чуть-чуть-жива, чуть панцыри на плечахъ на нихъ держатся, чуть оружіе носятъ.

Предводители успокоили его нѣсколько доказательствами и, главное, подарками.—Прошло послѣ того еще два дня. Польскіе предводители старались какъ нибудь устроить примиреніе московскихъ предводителей съ татарами. Шереметевъ предложилъ татарамъ выдать всѣхъ казаковъ, которые оставались еще въ обозѣ московскомъ. Московскіе люди злились на казаковъ болѣе, чѣмъ татары. 3 ноября (23 октября ст. ст.), московскіе люди начали выгонять изъ своего обоза казаковъ безоружныхъ. Татары бросились на нихъ и неистовствовали надъ ними; однихъ били, другихъ ловили арканами. Казаки бросались назадъ въ обозъ, но московскіе люди начали палить на нихъ и помогали своему непріятелю.—«Это было (говоритъ современникъ) настоящее подобіе охоты или скорѣе рыбной ловли. Московскіе люди бѣгали съ крюками и арканами, ловили малоруссовъ и продавали татарамъ. Малоруссы были тогда очень дешевы. Голодный московскій человѣкъ, поймавши казака, отдавалъ его татарину за кусокъ хлѣба, за горсть соли или муки, или за одно яблоко. Татары поступали съ казаками по произволу: однихъ связывали и вели въ неволю, другихъ убивали для забавы.»

На другой день, въ четвергъ, 4 ноября (24 окт. ст. ст.), московскіе люди, полагаясь на договоръ и на честь своихъ побѣдителей, отворили сами обозъ, и чахлые, голодные, похожіе больше на привидѣнія, чѣмъ живыхъ людей, стали выходить изъ окоповъ и должны были отдавать оружіе. Коммисары выѣхали къ нимъ. Немиричъ, на прекрасномъ конѣ въ богатомъ нарядѣ, изображалъ лицо короля Яна Казимира. Русскіе должны были бросать къ ногамъ его свои алебарды, протазаны, ружья, мечи, топоры, бердыши, знамена и барабаны. Другіе коммиссары съ офицерами вошли въ московскій обозъ и увозили изъ него пушки.—Отдавайте эти орудія намъ, побѣдителямъ, когда не умѣли ими защититься отъ насъ, говорили имъ насмѣшливо поляки.—Шереметевъ съ воеводами явился къ гетманамъ. Они приняли великодушно побѣжденныхъ и пригласили къ столу. Шереметевъ ничего не ѣлъ, и выпилъ только полрюмки вина. Когда зашла рѣчь о казакахъ, бояринъ вспыхнулъ и сказалъ:—Проклятое отродье! истинные дьяволы! они меня погубили и продали: сами въ бѣду ввели и въ бѣдѣ измѣ-

нили. Заведутъ въ пропасть, да потомъ и смѣются! Всему виною Цыцура. Я хотѣлъ въ Кіевѣ оставаться, да послушалъ его и погубилъ царское войско. Я уже два года сидѣлъ въ Кіевѣ, какъ войско наше было въ Украинѣ, и видѣлъ ихъ измѣну и хотѣлъ идти къ столицѣ, — видѣлъ, что мнѣ не отсидѣться между вами и черкасами, а Цыцура бунтовщикъ меня удерживалъ. Онъ и вамъ зла много надѣлалъ. Возьмите у него душу; хоть бы у него было сто душъ, всѣ у него отнимите! — Поляки любовались печальнымъ расположеніемъ духа и отчаяніемъ побѣжденнаго московскаго вождя. «Вотъ онъ — говорили они — вотъ тотъ, кто чуть съ неба не прыгалъ; теперь смотрите, какъ присмирѣлъ.» Этого не могли они сказать о князѣ Козловскомъ. Онъ хранилъ молчаніе и своею благородною суровостью внушилъ къ себѣ уваженіе.

Татары недовольны были тѣмъ, что имъ только отдали казаковъ. Опять стала роптать вся орда Нураддинова. — У насъ — кричали татары — добыча пропадаетъ! Поляки милостивѣе къ врагамъ своимъ, москалямъ; за столько трудовъ, за столько страданій, за столько крови хоть бы обозъ московскій дали облупить, хоть бы если не соболиныя, такъ овечьи мѣха нашли бы мы тамъ: все-таки было бы чѣмъ отъ холода прикрыться.—Мурзы пришли къ польскимъ предводителямъ и говорили:

— Отдайте намъ обозъ московскій, а не то султанъ Нураддинъ напишетъ къ султану Калгѣ; у него тридцать тысячъ людей, а стоитъ онъ на границѣ Польши.

Гетманы старались умѣрить требованія Нураддина, а между тѣмъ послали пять сотъ человѣкъ нѣмецкой пѣхоты на стражу въ московскій обозъ на ночь, на случай нападенія татаръ.

Но тутъ между польскими жолнѣрами возникъ ропотъ.—Какая же теперь награда за наши труды, раны, голодъ и нужды? кричали они; нѣтъ ничего! Мы надѣялись, что, по крайности, намъ отдадутъ московскій обозъ.

Предводители собрали совѣтъ:

— Намъ — говорили они — во что бы то ни стало надобно охранить московскій обозъ отъ татарскаго и всякаго нападенія. Помните, что сдѣлалось съ седмиградскимъ войскомъ Ракочи подъ Чернымъ Островомъ. Оно отдалось полякамъ на милость; а потомъ татары взяли всѣхъ въ неволю. Это большое безчестье польской націи. Смотрите, чтобы и теперь того же не случилось. Мы отобрали у Москвы оружіе, будетъ подло отдать ихъ безоружными на рѣзню татарамъ. Изъ христіанскаго сострадания, по правиламъ чести мы должны охранять ихъ и проводить въ безопасное мѣсто. — Другіе возражали:—Несправедливо и

жалко оскорблять орду. Татары всегда готовы подать намъ помощь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ продолженіе шести лѣтъ войны, они были безъ хлѣба, безъ крова, безъ жалованья, постоянно сражались противъ враговъ Польши, не взирая на отдаленность пути, на дурныя дороги; не колебали ихъ вѣрности наши военныя неудачи. Терпѣливо они ожидали, что ихъ вознаградятъ въ тѣ дни, когда Польша успокоится. И теперь мы ихъ позвали на помощь. Татарину отказать въ грабежѣ и ясырѣ — все равно, что пожалѣть для званнаго гостя хлѣба-соли. Сообразите еще и то, что султанъ Калга можетъ придти и насильно отнять у насъ то, чего мы не хотимъ дать добровольно. Они станутъ съ врагами и начнутъ противъ насъ биться. Непріятель нашъ даромъ получилъ отъ поляковъ свободу; пусть же онъ ее купитъ у нашихъ союзниковъ.

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Вѣроятно, поляки услыхали, что Барятинскій не думаетъ сдавать Кіева, а слѣдовательно, условіе не исполнялось, и поляки имѣли предлогъ считать себя не связанными, договоръ же не состоявшимся. Послали къ татарамъ сказать, что московскій обозъ отдается имъ на волю.

Татары бросились со всѣхъ сторонъ на московскій обозъ. Стража, поставленная прежде для охраненія его, получила приказаніе отступить. Началось всеобщее разграбленіе и убійство безоружныхъ. Напрасно ратные люди бросались къ ногамъ татаръ и просили пощады. Татары гнали ихъ въ неволю, а тѣхъ, которые оказывали какое нибудь сопротивленіе, убивали. Поляки смотрѣли на эту сцену. Польскій историкъ говоритъ, что имъ жаль было русскихъ. На другой день татары потребовали Шереметева.

Шереметева отдали Нураддину. Его заковали и отправили въ Крымъ. Онъ сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ, и наконецъ, по просьбѣ своего шеферкази ханъ приказалъ его расковать. Несчастный бояринъ пробылъ въ татарской землѣ двадцать два года. Щербатова, Козловскаго и Акинфіева повезли въ Польшу показать королю. Когда ихъ привезли и представили, имъ приказывали стать предъ польскимъ королемъ на колѣни. Козловскій не согласился на такое униженіе, и поляки толкнули его въ затылокъ, чтобъ онъ упалъ. — Вотъ — говорили они тогда — не хотѣлъ преклонить колѣна, такъ стукнулся лбомъ. — Козловскій всталъ, оправился, принялъ спокойный и благородный видъ, не говорилъ дерзостей, какъ князь Семенъ Пожарскій хану, подъ Конотопомъ, но и не унижался предъ иноземнымъ государемъ, врагомъ своего государя.

Н. Костомаровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ-ГОДЪ

въ

ГРУЗІИ

IV *).

Городской домъ грузина. — Увеселенія и праздники: рождество, новый годъ, масляница, вичака и пасха.—Храмовые праздники и присутствіе на нихъ порченыхъ. — Гадальщицы и знахарки.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ знакомаго намъ деревенскаго дома въ Грузіи. Почти каждый имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристроиваются дома сосѣдей, различнаго вида и величины; здѣсь также, какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерея, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилье состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго, что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ залою. Полъ — или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ. Въ

*) См. выше, стр. 9—52.

комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахта), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ: бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницею.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню (мангалъ), наполненную угольями и причиняющую очень часто угаръ.

Грузинъ рѣдко сидитъ дома; съ ранняго утра онъ почти всегда уходитъ «въ городъ». По походкѣ и одеждѣ можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ грузинъ. Серебрянная цѣпочка на груди, крашенные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры иногда всѣ серебрянныя — составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ считаетъ невѣжливымъ поклониться первому; онъ ждетъ пока не поклонится ему первымъ князь. Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Дома днемъ остаются только одни женщины. Грузинки занимаются своимъ туалетомъ и разнощиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета. Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Они готовы въ тихомолку пококетничать, но весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ, все населеніе выходитъ изъ саклей и кучами располагается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ въ лѣтнюю пору видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудъ, разряженныя дѣвушки, собравшись въ кружокъ, при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ жизнь не многимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ *курси* (родъ большого ящика изъ рамъ, покрываемаго одѣяломъ), надъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ курси, употребляется *мангалъ*, а у бѣдныхъ просто глиняная чашка, наполненная угольемъ. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина, и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ, онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли его владѣтелямъ, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники. Избалованный роскошною природою, воздухомъ, наполненнымъ ароматомъ цвѣтовъ, туземецъ выбираетъ мѣстность для пира гдѣ нибудь подъ открытымъ небомъ, въ обширныхъ садахъ, подъ сплошною тѣнью фруктовыхъ деревьевъ или въ виноградныхъ бесѣдкахъ, построенныхъ надъ водою въ виду горъ. Какъ полный хозяинъ разнообразной природы, онъ требуетъ, чтобы и вода журчала, и птички пѣли, и съ горъ дышалъ пахучій вѣтерокъ.

Собравшіеся на праздникъ садятся въ кружокъ, на коврахъ; передъ ними разстилаютъ скатерть (супру), на которую выставляется все, что̀ только есть лучшаго у хозяина. Гости сидятъ, или поджавъ подъ себя ноги или полулежа; у каждаго подъ головой мутака [1]). Вокругъ разложены цвѣты, ароматическія травы; корзины наполнены фруктами, а на верху ихъ красуется хитро связанный букетъ цвѣтовъ на трехъ ножкахъ. Грузинъ не любитъ пировать дома въ комнатѣ. Часто въ глубокую полночь, пирующіе выходятъ на улицу и, разославъ посреди ея скатерть, продолжаютъ кутежъ. Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ въ компаніи и съ туземною музыкою пройтись по базару, посмотрѣть или самому участвовать на кулачномъ бою. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однихъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ. Двое-трое дюжихъ мужчинъ ходятъ съ палками, отгоняя зѣвакъ, нарушающихъ порядокъ. Борцы долго кружатся другъ около друга, и наконецъ дѣло завязывается; они переплетаются руками, и послѣ долгихъ усилій болѣе ловкій беретъ

---

[1]) Продолговатая подушка.

верхъ. Охвативъ руками противника, онъ сжимаетъ его или, ловко подставивъ спину и перекинувъ черезъ плечо, растягиваетъ на землѣ; по воскресеньямъ грузины играли въ *«криви»*.

Слово *криви* означаетъ на грузинскомъ языкѣ драку и сраженіе. Игравшіе раздѣлялись на двѣ стороны. Лѣтомъ это былъ просто кулачный бой (муштисъ-криви), происходившій непремѣнно въ улицахъ, а зимою вмѣсто кулаковъ употреблялись пращи и деревянныя сабли. Зимнее сраженіе всегда происходило за городомъ и называлось *сардатисъ-криви* или *квисъ-криви*.

Криви имѣло свой уставъ, освященный народнымъ обычаемъ. Отбитое оружіе, кушакъ, шапка, бурка считались законною добычею.

Криви происходило всегда при огромномъ стеченіи народа и привлекало множество молодежи. Въ глазахъ грузинской женщины, юноша, прославившійся на криви, пріобрѣталъ особенную прелесть; оттого всѣ юноши спѣшили на криви, и она была всегда многочисленна по числу участниковъ игры [1]).

При двухъ-стороннемъ боѣ, драку начинаютъ мальчики, потомъ взрослые, но не такъ опытные, и затѣмъ уже идутъ самые отчаянные бойцы. Сбивши противника, побѣдитель топчетъ его ногами до тѣхъ поръ, пока его не выручитъ противная партія. Сторона, показавшая тылъ, преслѣдуется на значительное разстояніе, и бой прекращается только передъ вечеромъ. Любители кулачнаго боя дарятъ деньги лучшимъ бойцамъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ, каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе другихъ употребляемая—прыганіе черезъ спину другого.

Для пляски составляются два отдѣльные ряда. Передъ каждымъ находится пѣвецъ и зурна съ барабаномъ. Пѣвецъ поетъ речитативомъ. Сперва на одной сторонѣ пѣвецъ провозглашаетъ куплетъ, и ему тихо повторяетъ его половина, а другая молчитъ; потомъ второй пѣвецъ поетъ съ своею половиною, а первая молчитъ. Посреди двухъ группъ двигается плясунъ. Онъ

---

[1]) См. Біографію кн. Д. О. Бебутова. 1867 г. стр. 5.—Также Воен. Сборн. 1867 г. № 6 и 7.

идетъ сначала медленно и тихо; потомъ, оживляясь все болѣе и болѣе, то присѣдаетъ къ землѣ, то подпрыгиваетъ, то носится въ полусидячемъ положеніи, то перекувыркивается или ходитъ довольно долго на рукахъ съ перегнутыми назадъ ногами.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ сельскихъ увеселеній являются *перхули*. Составляется кругъ, причемъ дѣйствующія лица стоятъ другъ около друга съ опущенными руками. Затягиваютъ пѣсни, по содержанію рисующія отношенія грузинъ къ лезгинамъ и подъ звуки этихъ пѣсенъ кругъ медленно подвигается. Вдругъ играющіе сдвигаются плотнѣе, переплетаются руками и начинаютъ подпрыгивать такъ сильно, «что земля дрожитъ подъ ногами и острые гвозди отъ подковъ глубоко врываются въ землю.»

Кромѣ этихъ общихъ увеселеній, каждый праздникъ, въ особенности годовой, имѣетъ свою особенность, хорошо рисующую характеръ его празднователей.

Утромъ, наканунѣ рождества, грузинки запасаются мѣдными деньгами и прячутъ ихъ подъ *кечу* (войлокъ). Деньги эти назначаются въ подарокъ каждой партіи мальчиковъ, славящихъ Христа. Въ домѣ каждаго грузина печется огромное количество *левашей*, грудою складываемыхъ на *хончахъ* — деревянный подносъ или лотокъ. Съ послѣднимъ закатомъ солнца, каждый домъ освѣщается и передъ образами зажигаются восковыя свѣчи. Толпа мальчиковъ, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ и, въ сопровожденіи дьячка, держащаго образъ Божіей Матери, славятъ Христа. Пропѣвъ: «*Рождество твое...*» они поздравляютъ хозяевъ и желаютъ имъ многихъ такихъ же дней. Молодая хозяйка вынимаетъ изъ-подъ *кечи* деньги и даритъ ими мальчиковъ.

Молодые грузины, собравшись также толпою, ходятъ изъ дома въ домъ, славятъ Христа и поздравляютъ хозяевъ съ наступающимъ праздникомъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *алило* и сопровождается особою пѣснею, выражающею поздравленіе и просящею въ награду, однажды навсегда опредѣленную часть съ напитковъ и съѣстного. Хозяева благодарятъ за поздравленіе, дарятъ поздравителей, и тѣ отправляются къ сосѣднему дому [1]).

Собственно праздникъ рождества не имѣетъ у грузинъ никакихъ особенностей. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго

---

[1]) Кавк. 1854 г., № 24, 49 и 56. — «Канунъ Рождества и Рождество въ деревнѣ», Ив. Гзеліевъ. Закавказс. Вѣстникъ 1854 года, № 51.

года самый доходный день для торгующихъ сластями. Каждая хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупательницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками. Возвратившись съ базара, хозяйки принимаются за печеніе разныхъ хлѣбовъ. Пекутъ *хлѣбы счастія*, обсыпанные изюмомъ, отдѣльно для каждаго члена семейства; чей хлѣбъ опадетъ, тому умереть непремѣнно въ предстоящемъ году. Пекутъ хлѣбъ *бакила* или *бацила*, одинъ—въ образѣ человѣка, въ честь св. Василія Великаго, празднуемаго православною церковью въ день новаго года и называемаго у грузинъ *Бацила*; остальнымъ хлѣбамъ даютъ разную форму: книги, пялецъ, ножницъ или пера, смотря по ремеслу хозяина. Семейство варитъ *гозинахи*—грецкіе или миндальные орѣхи въ меду или сахарѣ—и *алвахи*, густо перетопленный медъ. Разложивъ ихъ на нѣсколькихъ *хончахъ*, посылаютъ при встрѣчѣ новаго года къ знакомымъ, съ пожеланіемъ состарѣться въ сладости. Въ отвѣтъ на это получаютъ въ подарокъ яблоки, утыканные гвоздикой, леденцы или другія сласти.

Вечеромъ, въ теченіе ночи слышатся повсюду ружейные выстрѣлы—это тѣшится молодежь, провожая старый годъ и встрѣчая новый. Во всѣхъ домахъ растворены двери, чтобы счастіе, которое, по вѣрованію грузинъ, разгуливаетъ въ эту ночь по свѣту, не встрѣтило затрудненія войти въ домъ.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство — такъ заведено изстари, и грузинъ тому слѣдуетъ безпрекословно, вѣря въ то, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушитъ порядокъ, то и въ будущемъ году въ соотвѣтствующій день произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ *табля*, онъ уложилъ *хлѣбы счастія*, поставилъ чашку меду и четыре горящія свѣчи, нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

— Я вошелъ въ домъ—говоритъ онъ семьѣ, держа въ рукахъ подносъ—да помилуетъ васъ Богъ. Нога моя, — но слѣдъ да будетъ Ангела.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнату съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастіе.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

— Да благословитъ васъ Господь Богъ, говоритъ хозяевамъ каждый вошедшій въ домъ. Я пришелъ въ домъ вашъ по стопамъ ангела.

Пришедшаго принимаютъ съ патріархальнымъ радушіемъ; угощаютъ сластями, подчуютъ сладкой водкой и дѣлаютъ подарокъ на счастіе. Знакомые, встрѣчаясь на улицахъ, перекресткахъ дорогъ, обнимаются, цѣлуются и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ достать изъ-за пазухи заранѣе приготовленный леденецъ, сахаръ, конфетку или красное яблочко.

— Желаю вамъ также сладко состарѣться, говорятъ они, подавая въ подарокъ яблоко, хотя оно и оказывается въ послѣдствіи кислымъ.

Каждый имѣющій оружіе долженъ въ этотъ день непремѣнно выстрѣлить, въ знакъ побѣды надъ врагами. Въ прежнее время князья, являясь къ царю, бросали пулю на столъ, стоявшій передъ нимъ.

— Въ сердце врага твоего! произносили они, поздравляя съ праздникомъ [1]).

Въ день крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Іордань съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія *(сахнисъ-саквети)*, охотникъ — свои прадѣдовскія шашки и кинжалы. Все это погружается вмѣстѣ съ крестомъ въ воду. Молодые несутъ сосуды за святою водою; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе за водою съ кувшинами съ нетерпѣніемъ ждутъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: *«Во Іорданѣ крещающуся»*, раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или доплывъ

---

[1]) «Новый годъ у грузинъ», І. Романовъ. Кавк. 1846 г., № 3.—«О святкахъ въ Тифлисѣ и народномъ суевѣріи въ Грузіи». Кавк. 1847 г. № 3. — «Канунъ Рождества и Рождество въ дерев.» Ив. Гзеліевъ. Закавк. Вѣстн. 1854 г., № 51.—«Цкалъ-куртхева», Ив. Гзеліевъ. Закавк. Вѣстн. 1855 г., № 3.

до половины возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при томъ такъ направить своихъ лошадей, чтобы они грудью встрѣтили волны, только-что освященныя крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воду, бѣжитъ къ своему дому и, стараясь не уступить въ этомъ никому первенства, быстро взбирается на крышу дома, гдѣ черезъ отверстіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба, приговаривая: *мовида зети манана* (пришла манна). Подъ отверстіе подносятъ закваску люди, нарочно для этого остающіеся дома.

Во многихъ мѣстахъ Грузіи принято въ этотъ день справлять поминки по умершимъ. Въ преддверіи храма устраивается трапеза, назначенная памяти усопшихъ и называемая *табла*. Благословивъ ее, священникъ дѣлитъ на двѣ части: одну отправляетъ къ себѣ домой, а другую раздаетъ нищимъ. Простой народъ вѣритъ, что *табла* чудеснымъ образомъ доставляется умершему на тотъ свѣтъ. Существуетъ объ этомъ цѣлая легенда, будто бы одна умершая женщина чудеснымъ образомъ воскресла и потомъ разсказывала, что была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находятся мертвые.

— Видѣла я тамъ, говорила женщина, всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Они тоже видятъ и замѣчаютъ все, что между нами происходитъ; рады нашему счастію, сочувствуютъ нашему несчастію. Они чрезвычайно благодарны всѣмъ тѣмъ, которые чаще дѣлаютъ въ честь ихъ поминки. Чѣмъ ихъ поминаютъ здѣсь, все то всецѣло доставляется имъ туда! Я сама видѣла, какъ тамъ около нихъ рѣзвились тѣ овцы, коровы и быки, которыхъ здѣсь рѣзали въ память ихъ.

— Слава Богу, приговариваютъ добродушные и легковѣрные грузины, слушая подобные разсказы, если и тамъ такая же жизнь какъ здѣсь [1]).

Передъ наступленіемъ масляницы каждое семейство запасается мукою и хорошимъ масломъ, чтобы въ понедѣльникъ напечь на цѣлую недѣлю: *назуки*—простой хлѣбъ, и *када*—сдобный. Многіе пекутъ эти хлѣбы въ четвергъ на масляной недѣли, въ день св. Шіо, отчего они и называются иногда *шіосъ-када*.

Въ каждомъ домѣ устраиваются качели или подъ навѣсомъ, или подъ балкономъ. Дѣвушки, одѣтыя по праздничному, качаясь поютъ пѣсни съ припѣвомъ: *клеріаріа* (такъ называютъ грузины

---

[1]) «Цкалъ-куртхева», Ив. Гзеліевъ. Закавк. Вѣстн. 1855 г., № 3.

масляницу). Вечеромъ собираются на крышѣ дома одного изъ сосѣдей и танцуютъ живую лезгинку подъ звуки тайры (бубна). Здѣсь же можно видѣть грузинскаго менестреля съ его инструментомъ, похожимъ на волынку. Этотъ странствующій поэтъ-музыкантъ, за нѣсколько грошей поетъ передъ каждымъ домомъ хвалебную пѣснь, и грузины любятъ слушать его импровизацію.

По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика.* Онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ же самый *берика* носитъ иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хороводы женщинъ, для смѣха и представленія этого звѣря упоминаемаго въ пѣсни.

Сидѣльцы лавокъ пускаютъ другъ въ друга большой мячъ, съ крикомъ: *клеріаріа,* или накинувъ на себя запыленную рогожу или обрывокъ войлока, бросаются какъ пугало на сосѣда и привѣтствуютъ его съ масляницей. Въ сумерки, въ предмѣстьи города разгарается кулачный бой. Въ деревняхъ играютъ въ *чаличи* (жгутъ).

Нѣсколько человѣкъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ круга, пока кого нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія идетъ въ кругъ испытывать наслажденіе отъ жгута.

Въ деревняхъ, въ первый день масляницы, молодые грузины наряжаются, и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ.

Партія наряженныхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори*—свиньи, т. е. человѣка, наряженнаго свиньею. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свиными шкурами, сшитыми въ видѣ чахла.

На голову наряженнаго надѣвается свиная голова съ огромными зубами. Толпа замаскированныхъ приходитъ въ каждый домъ, гдѣ нѣтъ траура, и начинаетъ пляску. *Гори* бѣгаетъ вокругъ наряженныхъ и бьетъ ихъ своими клыками, и часто такъ сильно, что на клыкахъ его остаются клочки тулупа. Въ отвѣтъ на это, маскированные бьютъ свинью деревянными саблями, до тѣхъ поръ, пока она не притворится убитою. Берикееби самовольно входятъ въ *марань* [1]) и пьютъ вино,—что имъ не запрещается. Хозяева выносятъ имъ въ подарокъ яицъ, и, передавая наряженнымъ, выщипываютъ изъ бороды берики волосъ и кладутъ его въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ несли побольше яицъ. Маскированные ходятъ всю масляницу изъ деревни въ деревню, и случается, что встрѣтившись съ другою та-

---

[1]) Мѣсто приготовленія и храненія вина.

кою же партіею, вступаютъ въ непріязненныя дѣйствія и открытую войну. Побѣдители отнимаютъ все, что только успѣли собрать побѣжденные. Въ послѣдній день масляницы наряженные предаются кутежу и уничтожаютъ все, что было собрано въ теченіе недѣли.

У простого народа, въ четвергъ, на масляницѣ, въ день св. Шіо существуетъ обыкновеніе изгонять мышей изъ дому. Взявъ въ одну руку сдобный хлѣбъ, а въ другую прутъ шиповника, хозяйка ходитъ вокругъ комнаты, постукиваетъ прутикомъ и приговариваетъ: *мышь, мышь, выходи!*

Обойдя всѣ углы, она передаетъ хлѣбъ и прутъ мальчику, который ожидаетъ ихъ у дверей, и, получивъ, бѣжитъ безъ оглядки за деревню—иначе мыши могутъ опять вернуться домой—и тамъ съѣдаетъ хлѣбъ, а корку, воткнувъ на конецъ прута, бросаетъ.

Въ прежнее время, въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной, слуги приходили къ своимъ господамъ съ *палахою*—палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ и, чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро отдариваться [1]).

Передъ заговѣньемъ грузины заготовляютъ роскошный, по средствамъ, ужинъ, приступая къ которому по обычаю умываютъ руки, и, если въ семействѣ есть лицо, не присутствующее на ужинѣ, то при умовеніи рукъ выливаютъ нѣсколько капель воды на землю—какъ долю отсутствующаго члена семейства. Подъ конецъ ужина выливаютъ изъ стакана нѣсколько капель вина на полъ, въ память усопшихъ. По народному повѣрью, послѣ ужина посылаютъ ужинъ волкамъ, т. е. бросаютъ около мякинницы кости, съ увѣренностію, что отъ этого волки въ теченіе цѣлаго года не станутъ трогать скотину [2]).

Въ чистый понедѣльникъ, у грузинъ бываетъ *кееноба* или *возстаніе шаховъ*—праздникъ, установленный въ воспоминаніе побѣды грузинъ надъ персіянами. Въ прежнее время дѣло рѣшалось между двумя лицами: одинъ изъ нихъ представлялъ шаха, а другой грузинскаго царя. Между ними завязывался бой, въ которомъ шахъ всегда былъ побѣждаемъ; его бросали въ воду, какъ-бы съ намѣреніемъ утопить. Съ зрителей собирали деньги, на которыя толпа игравшихъ пировала [3]).

---

1) Масляница у грузинъ. Кавк. 1846 г. № 6.—«Маскар. грузинской черни». Кавк. 1849 г. № 16.

2) Агебисъ-гаме (заговѣнье), Ив. Гзеліевъ. Закавк. Вѣстн. 1855 г., № 6.

3) «Масляница у грузинъ». Кавк. 1846 г., № 6.

Въ послѣднее время характеръ игры этой измѣнился. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, городъ дѣлился на двѣ части; въ каждой выбирали по одному шаху, одѣвали ихъ богато и сажали на тронѣ, на видномъ мѣстѣ,—такомъ, съ котораго мнимый шахъ могъ бы видѣть всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ.

«На улицѣ, говоритъ кн. Д. О. Бебутовъ, въ своихъ запискахъ [1]), держали богато убраннаго коня для каждаго шаха, и тутъ же были отряды его войска, называвшіеся по именамъ улицъ. Каждая улица имѣла свое знамя; отрядомъ командовалъ знаменитый боецъ. Шахъ приказывалъ брать дань съ каждаго прохожаго, не принадлежавшаго къ его участку. Знаменщикъ, съ нѣсколькими ассистентами, бѣжалъ къ указанному шахомъ прохожему, преграждалъ ему дорогу и, поставивъ передъ нимъ знамя, требовалъ, именемъ шаха, дани. Никто не отказывался и давалъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Жертвователя пропускали, провожали съ тріумфомъ, провозглашая его имя и сумму пожертвованія; шахскій казначей заносилъ имя въ списокъ, а деньги на приходъ.»

Такъ какъ шахи избирались обыкновенно на первыхъ дняхъ масляницы, то они ежедневно въ теченіе цѣлой недѣли собирали деньги, употребляя на это утро, а послѣ обѣда прогуливались каждый въ своей части города. Собранная сумма, каждымъ изъ шаховъ, достигала иногда до значительныхъ размѣровъ и употреблялась въ послѣдствіи каждою стороною на кутёжъ и попойку участниковъ игры. Въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ великаго поста, назначалось обыкновенно окончательное сраженіе между двумя шахами. Поутру, въ прощальное воскресенье открывались переговоры между противниками. Каждый изъ шаховъ употреблялъ различныя хитрости къ тому, чтобы переманить на свою сторону какой либо цѣлый отрядъ противника или отдѣльныхъ бойцевъ, и предводителей, пользовавшихся извѣстностію по своей силѣ и ловкости. Если какая нибудь улица, составлявшая отдѣльный отрядъ, оставалась недовольною или шахомъ или дѣлежемъ собранныхъ денегъ, то измѣняла — что было, впрочемъ, весьма рѣдко—или оставалась нейтральною.

Послѣ полудня того же дня, т. е. воскресенья, оба шаха выѣзжали за городъ съ особеннымъ церемоніаломъ. Впереди несли знамена каждой улицы, за ними шли сановники шаха, самъ шахъ верхомъ, и наконецъ, его войско съ запасомъ провизіи и напитковъ. Въ головѣ колонъ шли музыканты играя на

[1]) Біографія князя Д. О. Бебутова, стр. 6.—См. также Военный Сборникъ 1867 г. № 6 и 7.

зурнахъ, бубнахъ, литаврахъ и большихъ трубахъ; — пѣсенники пѣли военныя пѣсни, импровизаторы разсказывали речитативомъ народу о славныхъ подвигахъ предковъ, и, наконецъ, плясуны и скоморохи довершали картину параднаго шествія.

Выйдя за городъ, каждый изъ шаховъ старался занять тѣ стратегическіе пункты, которые считалъ или выгодными для защиты или же такіе, съ которыхъ предполагалъ начать бой въ слѣдующій день. Разставивъ пикеты, установивъ разъѣзды и запасясь лазутчиками, для полученія точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятеля, обѣ стороны пировали весь остальной день и ночь, встрѣчая въ полѣ первый разсвѣтъ великаго поста.

Съ ранняго утра понедѣльника, толпы народа, женщины и дѣти гурьбою спѣшили за городъ и разсыпались живописною вереницею, по высотамъ окружающимъ Тифлисъ.

Завязывался бой, въ которомъ принимали участіе всѣ сословія народа: князья [1]), дворяне, ремесленники, взрослые и дѣти. Послѣдпія всегда открывали военныя дѣйствія метаніемъ камней изъ пращей, въ защиту отъ которыхъ у каждаго бойца была бурка. По мѣрѣ сближенія сторонъ, противники переходили къ бою на деревянныхъ сабляхъ.

«Метаніе камней, пишетъ Д. О. Бебутовъ, и рукопашныя схватки продолжались безъ рѣшительнаго перевѣса на чью-либо сторону. Повидимому, чего-то боялись и чего-то ожидали. Около часу по-полудни вдругъ у непріятеля поднялась тревога, отряды начали двигаться въ разныхъ направленіяхъ, а зрители, размѣстившіеся по гребню горы, переходили въ противуположную сторону.

«Наши стали приготовляться къ общему нападенію и заняли всѣ приступы и тропинки, ведущія на вершину Сололакской горы [2]). Причина тому была слѣдующая: шахъ нашъ отправилъ въ полночь, секретно, одинъ отрядъ въ обходъ Сололакъ, верстъ за шесть, въ деревню Табахмелы. Отряду предписывалось выступить въ понедѣльникъ и къ двѣнадцати часамъ спуститься къ Сололакской горѣ во флангъ непріятелю, при чемъ на горѣ отъ Окроканы поставить лучшихъ пращниковъ, для обстрѣливанія врага съ тыла.

«Едва стали показываться передовые люди обходнаго отряда на флангѣ у непріятеля, младшіе воины уступили поле стар-

---

[1]) Кн. Бебутовъ разсказываетъ объ этой игрѣ, какъ участникъ боя, въ которомъ онъ поплатился разсѣченною губою.

[2]) См. Біографію кн. Дав. Осип. Бебутова. Описываемый бой происходилъ въ промежутокъ времени отъ 1803—1806 года.

шимъ, и послѣдніе начали приступъ къ горѣ. Пращники съ обѣихъ сторонъ вышли тысячами, осыпая другъ друга камнями, словно градомъ; раненые отходили, а мѣста ихъ заступали люди все старше и старше. Рубились повсемѣстно, атакующихъ опрокидывали и сбрасывали съ горы; товарищи ихъ поддерживали и возстановляли равновѣсіе. Бой продолжался около часу съ перемѣннымъ успѣхомъ. Нижняя сторона успѣла, однакоже, утвердиться на половинѣ горы, укрываясь, по возможности, отъ летѣвшихъ сверху камней. Въ это время обходная колонна подошла по гребню и завязала бой на флангѣ. Верхняя сторона должна была ослабить себя высылкою лучшихъ бойцовъ своихъ противъ упомянутаго отряда.

«Бой былъ въ полномъ разгарѣ, знаменитые бойцы приняли уже въ немъ участіе и дрались на сабляхъ.

«Метаніе камней изъ пращи прекращено, потому что, по правилу боя, когда начинается сабельная рубка между знаменитыми бойцами, тогда употреблявшій въ дѣло пращу считался трусомъ. Верхняя сторона начала отступать; отряды нижней заняли гору, и непріятель бѣжалъ внизъ по Сололакскому ущелью, преслѣдуемый до самаго дома главнокомандующаго, находившагося хотя и на томъ-же мѣстѣ, гдѣ теперь, но внѣ черты города. Для воспрепятствованія бѣглецамъ ворваться въ городъ, всѣ городскіе ворота были заперты.

«Главнокомандующій кн. Циціановъ со свитою вышелъ на балконъ своего дома, чтобы посмотрѣть на сражавшихся. Ему сказали, что причиною неудачи былъ самъ шахъ верхней стороны, оскорбившій знаменитаго своего бойца Саато, тѣмъ, что не далъ ему требованной части денегъ. Саато съ 40 или 50 человѣками отборныхъ бойцовъ согласились не принимать участія въ игрѣ.

«Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Саато, и на вопросъ: можетъ ли онъ возстановить честь верхней части города, получилъ удовлетворительный отвѣтъ.

«Принявъ отъ князя Циціанова кошелекъ съ червонцами, Саато бросился на противниковъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

«Преслѣдуя врага по пятамъ, Саато взобрался почти уже до вершины Сололака и думалъ сбросить противниковъ въ оврагъ... Въ эту-то минуту пращникъ попалъ ему въ правый глазъ... Саато упалъ. — Завязалась ожесточенная свалка: одни хотѣли унести своего предводителя, другіе не давали и бились упорно.

«Къ мѣсту побоища подъѣхалъ верхомъ кн. Циціановъ. Онъ тотчасъ же разослалъ всю свою свиту и князей съ приказаніемъ прекратить битву и отыскать того пращника, который, вопреки законамъ «*криви*», дерзнулъ во время сабель-

ной рубки вышибить камнемъ глазъ Саато. Бой прекратился. Саато остался живъ, но безъ праваго глаза; вѣроломнаго же пращника не нашли. Этотъ день обошелся безъ убитыхъ, ибо сраженіе происходило съ соблюденіемъ правилъ «криви», за исключеніемъ лишь единственнаго, только-что упомянутаго случая. Не мало было впрочемъ разрублено головъ, выбито глазъ, переранено лицъ и носовъ. Добыча была также значительна» [1]).

Такъ Тифлисъ проводилъ первый день великаго поста. Въ другихъ городахъ и селеніяхъ характеръ *кеенобы* былъ отличенъ отъ тифлисской.

Обыкновенно въ понедѣльникъ утромъ выбирали *кеени* изъ числа лицъ, отличающихся своею бойкостію, веселостію и шутливостію. На выбраннаго надѣвали колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу на изнанку, лице пачкали сажею, а въ руки давали мечъ, конецъ котораго украшенъ яблокомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ.—Ему предоставляли власть царя или шаха, оказывали всевозможныя почести, каждый становился передъ нимъ на колѣни и снималъ шапку — горе тому, кто будетъ замѣченъ въ грубости или неучтивости. Неучтивцу—кеени приказываетъ выколоть глаза. Виновнаго хватаютъ, намазываютъ сажею глаза и въ такомъ видѣ представляютъ повелителю.

Часто между шутками приходится нѣкоторымъ грузинамъ испытывать серьёзное наказаніе и непріятности.

Верхомъ на ослѣ, сопровождаемый народомъ, музыкою и предшествуемый знаменемъ, *кеени* объѣзжаетъ городскія улицы или сельскіе переулки и, достигнувъ возвышеннаго мѣста, садится на скамью, замѣняющую ему тронъ. Каждый проходящій, какого бы званія онъ ни былъ, долженъ остановиться передъ повелителемъ, поклониться и что нибудь подарить. Свита его раздѣляется на двѣ стороны; изъ обѣихъ сторонъ выступаютъ лучшіе бойцы и завязывается кулачный бой, ободряемый и поощряемый криками присутствующихъ, принимающихъ въ немъ живое участіе, ибо, по народному предразсудку, Господь благословляетъ обильнымъ урожаемъ земли той стороны, которая побѣдитъ на кулачномъ бою, бывающему въ этотъ день.

Вечеръ середы страстной недѣли простой народъ посвящаетъ обряду *кудіанеби*, въ которомъ главную роль играетъ нечистая сила.

Существуетъ между грузинами легенда, что однажды ночь застигла трехъ путниковъ, принужденныхъ расположиться на бе-

---

[1]) Біографія кн. Д. О. Бебутова, стр. 8—11. — См. также Воен. Сбор. 1867 г., № 6 и 7.

регу какой-то рѣки. Путники были: Соломонъ премудрый, его жена царица и служитель.

Закинувъ въ воду рыболовную сѣть, они вытащили три рыбы, положили ихъ въ котелъ, развели огонь и начали варить. Рыба сварилась, — котелъ снятъ съ огня.

— Меня называютъ всѣ опорою мудрости, говорилъ Соломонъ, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлою ночью. Снилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ неизвѣстный человѣкъ; въ головахъ его росла яблоня съ плодами, въ ногахъ—тоже яблоня, но болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнія.

Вода въ котлѣ зашумѣла, выскочила одна рыба и исчезла въ рѣкѣ.

Служитель сталъ за тѣмъ разсказывать Соломону, что какой-то вѣщій голосъ твердитъ ему объ убійствѣ Соломона.

— Если мое предчувствіе справедливо, говорилъ онъ, стоя на колѣняхъ передъ своимъ повелителемъ, то одна изъ двухъ свареныхъ рыбъ пусть возвратится къ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по твоему слову.

Рыба ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ осталась только одна рыба. — Царицѣ сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ, около нее засуетились, начали тереть ей грудь розовою водою.—Очнувшись, царица призналась Соломону, что она замышляла убить его.

— Двѣнадцать лѣтъ, говорила она, какъ я люблю царя острововъ; справедливость этого подтвердитъ даже рыба безгласная.....

Послѣдняя рыба выпрыгнула вонъ, и котелъ опустѣлъ.— Соломонъ потребовалъ къ себѣ *Кундзулеля* (островитянина), моурава бѣсовъ. — Кундзулель явился.

— У меня есть мѣдный кувшинъ, если возмешься наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу, сказалъ Соломонъ.

Островитянинъ принялъ предложеніе съ восхищеніемъ. Три дня и три ночи шелъ въ кувшинъ потокъ чертей, подвластныхъ островитянину, но онъ все-таки не могъ наполниться до горлышка.

— Полѣзай уже и ты, сказалъ Соломонъ Кундзулелю, а за тобою кстати послѣдуетъ и выигранная тобою царица — твоя любовница.

Лукавый влѣзъ, крышку захлопнули, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать. Оковавъ крестообразно, кувшинъ бросили

въ самую глубь моря.—Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы.—Прошло послѣ того пятнадцать вѣковъ, о злыхъ духахъ и помину не было.—Грузины жили спокойно.—Рыболовы вытащили какъ-то, нечаянно, этотъ кувшинъ и, думая найти кладъ, разбили его.—Темной тучей разсыпались черти изъ кувшина.—«Тѣ, которые попали при такой суматохѣ, въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи, т. е. водяными; инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ, отчего произошли *лѣшіе;* другіе устремились въ ущелья, въ горы, въ пещеры и пропасти и основались тамъ».

Такимъ образомъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и, по понятію грузинъ, преимущественно старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби,* т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльборусъ) на шабашъ. Путешествіе свое туда они совершаютъ на кошкахъ, которыхъ хватаютъ ночью у грузинъ. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесяти-лѣтняго старца до пяти-лѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ, не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и съ заклинаніемъ, состоящимъ въ повтореніи словъ: *ари-урули-урули-урули кудіанеби* (фраза непереводимая, но выражающая однако проклятіе надъ кудіанебами). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, *кудіанеби* дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣлъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый *чіа-кокона,* и забираются въ тѣ дома, которые не были ограждены вѣтвями шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія на гору Ялбузъ.—«Попытайте войти, говоритъ корреспондентъ «Кавказа», въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательнѣе: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватали непріязненные ѣздоки — *кудіанеби».*

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь *Амиранъ,* заключенный туда по слову Божію съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ привязанъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать

сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака — единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный пёсъ безъустали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, еслибы грузинскіе кузнецы ежегодно въ утро страстного четверга не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день второго пришествія[1]...

Грузины соблюдаютъ строго только первую половину великаго поста и тогда почти всѣ говѣютъ и постятся; во вторую же половину, мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

У туземцевъ существуетъ преданіе, что «св. Іосифъ въ страстную пятницу выкопалъ могилу въ чистой скалѣ, до которой не касалось ничто грѣшное; потомъ снялъ со креста святое тѣло Христово, завернулъ его въ свѣжую, чистую и бѣлую бязь, отнесъ на своей спинѣ и похоронилъ въ приготовленномъ мѣстѣ». На другой день, въ страстную субботу, въ сумерки, пришли ко гробу Господню, въ отчаяніи, три святыя жены—небесная и земная царица Марія, Маѳа и Марія, сестры св. Лазаря. Говорятъ, что они въ рукахъ держали красныя яйца. Прійдя оплакивать Христа, жены встрѣтили восторженнаго ангела, объявившаго имъ, что Спаситель воскресъ и всталъ изъ гроба. Жены вернулись и пошли отыскивать Христа.

Отсюда грузины ведутъ, впрочемъ, общій обычай красить къ празднику Пасхи яйца и ими поздравлять другъ друга.

У кого не было яицъ, тѣ выдумали средство пріобрѣтать ихъ къ празднику Пасхи,—извѣстному у грузинъ подъ именемъ *агдгома*,— установленіемъ особаго обычая.

За нѣсколько дней до наступленія праздника, начиная съ пятницы страстной недѣли, мужчины собирались толпами, преимущественно охотники покутить, попить и поѣсть на чужой счетъ. Собравшаяся толпа предавалась предварительно кутежу: пила изъ красныхъ чашекъ или турьихъ роговъ огромныхъ размѣровъ и за тѣмъ обходила всѣ дома селенія, поздравляя хозяевъ съ предстоящимъ праздникомъ пасхи. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *чона* — припѣва къ пѣсни. Въ самой пѣсни желаютъ хозяину, чтобы домъ его былъ также обиленъ какъ марань Шіо, чтобы въ немъ всѣ и все было полно, сыто и счастливо. Поздравляющіе взбираются на кровлю дома и черезъ отверстіе ея

---

[1]) «Кудіанеби» Н. Берзеновъ Кавк. 1854 г. № 28. — «Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи», его же. Кавк. 1858 г., № 28 и 55.— «Кудіаноба», Н. Берзеновъ. Кавк., 1850 г. № 33.

спускаютъ на веревкѣ корзину. Хозяева кладутъ въ корзину одно яйцо и отпускаютъ поздравителей. Чонисты, будучи по большей части на-веселѣ, часто не довольствуются поданнымъ.

— *Оролобаа* (двойное), кричатъ они сверху въ отверстіе, высказывая тѣмъ желаніе, чтобы хозяинъ не скупился и положилъ вмѣсто одного, — два яйца.

Собравши такимъ образомъ достаточное количество яицъ, чонисты съ терпѣніемъ ожидаютъ наступленія высокоторжественнаго дня.

Празднованіе пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Грузинъ, впрочемъ, не очень пристрастенъ къ христосованью, къ размѣну яицъ, катаніе которыхъ замѣняетъ игрою въ мячъ. Игра эта особенно въ большихъ размѣрахъ развита въ Имеретіи. Приготовляютъ мячъ, величиною съ арбузъ, и обшиваютъ его галунами. Народъ дѣлится на двѣ стороны, въ средину между которыми бросаютъ мячъ. Каждая сторона старается завладѣть имъ, поднимается жестокая драка; честь и слава той сторонѣ, которой достанется мячъ,—онъ сулитъ ей, по народному вѣрованію и предразсудку, въ теченіи цѣлаго года изобиліе и удачу во всемъ. Иногда послѣ боя мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусочковъ, которые раздаются нѣсколькимъ домохозяевамъ, увѣреннымъ, что храненіе кусочка мяча доставитъ изобиліе ихъ домамъ, урожай и т. п.

Во вторникъ послѣ пасхи, въ Тифлисѣ бываетъ праздникъ *джоджооба* или *додооба*—праздникъ ящерицъ. На Авлабарѣ за Собачьею слободою (дзаглисъ-убани), подъ крутымъ навѣсомъ скалистаго берега рѣки Куры, существуетъ пещера. Не смотря на то, что путь къ ней труденъ и опасенъ, потому что идетъ по самому краю берега, каждая грузинка считаетъ своею обязанностію, запасшись кускомъ сахару, побывать въ этой пещерѣ, помолиться тамъ и оставить сахаръ на пищу ящерицамъ—жителямъ пещеры. На чемъ основано начало этого обычая—неизвѣстно; преданіе говоритъ только то, что здѣсь жилъ мужъ, имѣвшій способность однимъ прикосновеніемъ рукъ уничтожать на лицѣ веснушки [1]).

Отпраздновавъ пасху, грузины съ нетерпѣніемъ ждутъ мая мѣсяца. Февраль и мартъ имъ не нравится. «Февраль дуетъ, —

[1]) Мта-цминдскій праздникъ, Н. Берзеновъ, Кавк. 1851 г., № 43.

мартъ шубу шьетъ, говорятъ они, и если бы одинъ день жизни оставался марту, то и тогда ему довѣрять нельзя: подъ конецъ онъ любитъ *замахать хвостомъ,* чѣмъ производитъ снѣгъ, дождь и слякоть.»

Существуетъ повѣрье, что 7 мая бываетъ такой дождь, отъ котораго выростаютъ чрезвычайно длинные волосы. Весь этотъ день, молодыя дѣвушки, съ открытыми головами, танцуютъ до упаду на кровляхъ дома, ожидая орошенія своихъ волосъ [1]).

Наканунѣ 1-го мая у одной изъ подругъ собираются дѣвушки и молодыя женщины. Изъ среды себя онѣ выбираютъ одну, которая должна собрать на завтрашній день воды изъ семи разныхъ источниковъ. Вода эта предназначается для *вичакъ*—гаданья.

Избранная дѣвушка встаетъ рано утромъ 1-го мая, такъ рано, что и солнце еще не всходило, и молча отправляется изъ дому. Она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ во все время пути къ источнику и обратно. Если она забудется и станетъ говорить съ посторонними ранѣе, чѣмъ придетъ домой съ водою, то вода потеряетъ свою силу, и дѣвушка, выливъ её изъ кувшина, должна снова идти за сборомъ. Подруги ея, поднявшись также рано, отправляются собирать цвѣты, для украшенія сосуда, въ которомъ будетъ вичакская вода.

Вода собрана и сосудъ украшенъ цвѣтами. Каждая изъ участницъ загадала о томъ, что ей хочется знать въ будущемъ, и на всякій вопросъ опустила въ воду: или кольцо, серьгу или наперстокъ, а за неимѣніемъ ихъ и просто камушекъ. Въ такомъ положеніи вичакская вода остается до Вознесенья.

Въ день Вознесенія, вичаки оканчиваются, и происходитъ розыгрышъ. Подруги собираются, приглашаютъ маленькую дѣвочку, но непремѣнно такую, которая была бы первенецъ у родителей; она обязана вынимать вещи изъ сосуда. Сосудъ съ вичакскою водою поставленъ посреди комнаты. Около него садится дѣвочка, и во избѣжаніе лицепріятія, закрывается вмѣстѣ съ сосудомъ покрываломъ. Вокругъ нее садятся всѣ участницы игры, въ ожиданіи рѣшенія своей будущей судьбы. Одна изъ дѣвушекъ начинаетъ пѣть особые вичакскіе стихи:

1

Яблоко есть у меня
Разукрашенное;
Братъ просилъ — не дала:
Милымъ оно
Мнѣ въ подарокъ дано.

2

Рѣчка бѣжитъ,
Волнуется;
По рѣчкѣ плывутъ
Два яблочка...
Вотъ и милый мой

---

[1]) Кавк. 1854 г. № 91, стр. 366 примѣч.

Возвращается;
Вижу, какъ рукой,
Шапкой манитъ онъ.

3

У нашего дома цвѣтетъ огородъ
Въ огородѣ тамъ травка растетъ;
Нужно травку скосить молодцу,
Нуженъ молодецъ красной дѣвицѣ...

4

Хлѣбъ испекла я изъ пшена,
Показался ячменнымъ онъ мнѣ...
Ахъ, далекъ ты отсюда, мой милый!
Но какъ вернешься съ пути —
Рѣчи польются изъ устъ,
Словно сахаръ, сладкія. —

5

Воспѣвая розу, я цвѣты сбираю;
Соберу и насыплю цвѣтовъ я въ мѣшокъ,
И мѣшокъ тотъ кругомъ обошью;
И пойду поброжу съ сакли на саклю,
И лучше тебя я найду молодца. —

6

Поднялась я на гору крутую,
Мыть бѣлье подвѣнечное,
Мыло-жъ было съ позолотою;
На глазахъ же слезы горькія...
Ахъ родные, не горюйте вы, —
На роду мнѣ такъ написано!...

7

Пошла я подъ камень тяжелый, —
И пару лишь платья взяла....
Ахъ, скажите вы роднымъ моимъ,
Доля тяжкая мнѣ досталася.

Послѣ каждаго стиха вынимается изъ сосуда одна вещь, и та, кому принадлежитъ она, выслушиваетъ объясненіе смысла, выпавшаго на ея долю стиха. Первые четыре куплета сулятъ хорошее: долгую жизнь, счастіе, скорое возвращеніе милаго, исполненіе желанія, свадьбу и проч. Послѣдніе же три, — потерю кого нибудь изъ близкихъ, разореніе или скорую смерть.

На волю гадавшей предоставляется, выслушавъ толкованіе, открыть или нѣтъ собранію то, о чемъ она гадала. Стихи поются до тѣхъ поръ, пока не будутъ вынуты всѣ вещи изъ сосуда. Гаданіе кончено. Хозяйка угощаетъ гостей, и всѣ присутствующіе заключаютъ его рѣзвою лезгинкой, подъ звуки монотонной, но «живой, какъ горный потокъ, *дайры* (бубенъ)», или *томашею* — національною пляскою грузинъ, гдѣ дѣвушка сладострастно плыветъ подъ звуки національной музыки. — Стройныя формы грузинки обрисовываются *кабою* (женская одежда); локоны небрежно падаютъ изъ-подъ шитой *тавксаквари* (головной уборъ) и переплетаются съ концами нѣжной *чикилы* — косынки съ опущенными концами, на которую надѣвается тавксаквари.

Мужчины въ день Вознесенія занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы, медленно и спокойно течетъ рѣка Кура, кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ въ бѣлыхъ чадрахъ въ разныхъ мѣстахъ покрываютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы;

въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами* — длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. «На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней во весь опоръ, пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ вслѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всѣ глаза смотрятъ назадъ и на лету ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ.» Громы рукоплесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера [1]...

Изъ другихъ праздниковъ замѣчательны у грузинъ праздникъ Успенія Божіей Матери и *Геристоба*, или праздникъ въ честь св. Георгія.

Народъ по преимуществу чтитъ Богоматерь. Часто грузинъ не знаетъ ни одной молитвы, но всегда призываетъ на себя покровительство Божіей матери. Мѣсяцъ августъ на грузинскомъ языкѣ носитъ названіе *Маріамобисъ-тве*, т. е. мѣсяцъ св. Маріи. Во все продолженіе августа многія женщины ходятъ босикомъ по обѣту. Основаніемъ къ тому послужило то, что св. Нина, просвѣтительница Грузіи христіанскою вѣрою, столь чтимая народомъ, пошла въ Грузію по избранію и указанію Богоматери [2].

Праздникъ Успенія Божіей матери извѣстенъ подъ именемъ *самеба*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи празднуется съ особымъ торжествомъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два праздника: Алёвскій въ Карталиніи не подалеку отъ г. Душета [3], и Марткопскій [4] — въ Кахетіи, въ древнемъ монастырѣ св. Антонія, въ 24 верстахъ отъ Тифлиса.

Подошвы горъ, у храмовъ, въ обыкновенное время пустынныя, оживляются въ этотъ день множествомъ богомольцевъ, располагающихся въ палаткахъ, шалашахъ или просто подъ открытымъ

---

[1] «Грузія и Грузины», Д. Бокрадзе, Кавк. 1851 г. № 15.

[2] Въ честь св. Нины бываетъ праздникъ 14-го января. См. Закавк. Вѣстн. 1855 г. № 4. Подробности о жизни и проповѣди св. Нины можно найти въ Закавк. Вѣст. 1849 г. № 12—18, 44 и 45. Грузія и Арменія изд. 1848 г. ч. I, 117—133, 209—217. Историч. изобр. Грузіи, стр. 46.—Маякъ 1844 г. т. XV, смѣсь, стр. 31. 33 и многія другія.

[3] См. Алёвскій успенскій праздникъ въ Карталиніи, Закавк. Вѣст. 1854 г. № 37.

[4] Закавк. Вѣст. 1845 г. № 4.—Описаніе праздника, см. Кавк.: «Письмо къ брату въ Орелъ 18-го августа 1846 г.» 1846 г. № 34.—Закавказск. край, Гакстгаузена, изд. 1857 г. ч. I, 98—105.

небомъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, наканунѣ праздника, гора блистаетъ тысячами огней, оглашается звуками зурны и пѣснями сазандаровъ — поэтовъ-импровизаторовъ.

Въ Карталиніи, въ деревушкѣ *Арбо*, 22-го августа празднуется съ особымъ торжествомъ *Геристоба*—праздникъ въ честь Георгія побѣдоносца.

Грузины признаютъ Георгія подъ шестидесятью тремя различными названіями: Каппадокійскій, Виѳлеемскій, Квашветскій и проч. Оттого грузинъ, обращающійся съ молитвою къ святому, произноситъ: «Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ-три святыхъ Георгія.»

Всѣ названія этого святого прописываются въ *авгорозѣ*— большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой, и пишется первая глава евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаще же всего на такомъ лоскуткѣ бумаги пишется письмо, по преданію, будто бы писанное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю царю эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлится прикоснуться духъ и какія бы то ни было опасности»... Носящій это письмо застрахованъ отъ нечистой силы. Листъ складывается особеннымъ образомъ, зашивается въ канаусовый мѣшечекъ, носимый на груди вмѣстѣ съ крестомъ, или же пришивается на правомъ плечѣ бешмета, около разрѣзовъ, подъ мышкой.

Деревня Арбо лежитъ неподалеку отъ Патара-Ліахви. Въ центрѣ ея находится церковь во имя святого Георгія, по преданію построенная царицею Тамарою. Въ церкви стоитъ икона св. Георгія, сдѣланная въ видѣ креста изъ позолоченнаго серебра. Близъ храма есть особенное мѣсто, куда богомольцы приводятъ коровъ, овецъ и пѣтуховъ для принесенія въ жертву Георгію. Хозяинъ не можетъ самъ зарѣзать свою жертву, онъ проситъ о томъ *натэби*—лицо, собственно только для этого избранное. Зарѣзавъ приведенное животное, *натэби* беретъ за это въ свою пользу половину туловища, голову и шкуру. Послѣ жертвоприношеній и обѣдни начинаются игры. Тутъ появляются и *кадаги*—личности близко подходящія къ тѣмъ, которыя называются у насъ кликушами.

Въ глазахъ простого народа *кадаги* считаются провозвѣстницами гнѣва небеснаго и избранными для обличенія. Простолюдинъ полагаетъ, что эти существа больны отъ образа. Грузины толпою слѣдуютъ за *кадагою* [1]) и слушая съ полнымъ вниманіемъ ихъ несвязныя рѣчи, съ подобострастіемъ исполняютъ

[1]) Мужчины рѣдко бываютъ кадагами, это принадлежность женщинъ.

всѣ приказанія, какъ бы тягостны они ни были. Народъ вѣритъ словамъ ихъ безусловно. Передъ пророчествомъ такая женщина падаетъ на землю, приходитъ въ изступленіе, корчится, рветъ на себѣ волосы, ударяетъ руками и ногами о скалистую землю,— во рту выступаетъ пѣна, лицо ея искажается, и въ такомъ видѣ начинается пророчество.

— Ты грѣшный человѣкъ, говоритъ кадага, обращаясь къ кому нибудь. Прошлаго года, въ такой-то день, передъ вечеромъ, ты затѣялъ богопротивное дѣло. Не отнѣкивайся! ты не помнишь... забылъ... но отъ меня ничего не скрыто—я все знаю. Иди-ка лучше, несчастливецъ, вотъ въ такую-то церковь, помолись тамъ образу, да зарѣжь потомъ корову.

Иногда *кадага* приказываетъ взойти на какую-нибудь высокую гору, гдѣ находятся остатки древняго монастыря, или просто покаяться въ своихъ грѣхахъ въ духанѣ (кабакъ). Грузинъ, къ которому обращено было подобное обличеніе кадаги, припоминаетъ что разъ дѣйствительно подумалъ о недобромъ дѣлѣ— беретъ деньги и отправляется куда приказано. Послѣ подобнаго пророчества, всякое веселье прекращается; народъ дѣлается унылымъ, повсюду слышатся глубокіе вздохи, удареніе себя въ грудь, сопровождаемые словами: «Очисти насъ Боже, очисти» [1])!

Кромѣ этихъ порченыхъ существъ, у грузинъ есть *мкитхави* (гадальщицы) и *екими* (знахарки).

Мкитхави—это женщины, которыя разсказываютъ будущее, не стѣсняясь ни лицомъ, ни званіемъ, но предсказанію ихъ преимущественно подлежатъ только сердечныя стороны и желанія.— Знахарки — это туземные доморощенные лекари, къ которымъ грузины часто обращаются за совѣтомъ.

У нихъ существуютъ свои собственныя лекарства. Отъ подагры надо достать лапку зайца, убитаго на канунѣ Рождества, и носить ее нѣсколько дней подъ рубашкою. Если болитъ правая нога, то надо носить лѣвую заячью ногу; если лѣвая — то правую. Отъ ревматизма надо живую змѣю поджарить на сковородѣ, и добытымъ такимъ образомъ жиромъ, производить втираніе, пока не получишь облегченіе или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ пока не наскучитъ.

Отъ золотухи ребенка брѣютъ, надѣваютъ на голову холстинную ермолку, пропитанную смолою, и въ такомъ видѣ оставляютъ его на двѣ недѣли. Потомъ, когда смола вопьется въ тѣло, ермолку разомъ срываютъ съ головы. Туземцы полагаютъ, что эта операція помогаетъ росту волосъ.

---

[1]) «Грузинскія гадальщицы», Кавк. 1853 г. № 56; Кавк. 1847 г. № 3.

Лихорадку прогоняютъ десятью зубками чесноку, который толкутъ, мѣшаютъ съ медомъ и даютъ больному на тощакъ. Цѣлый день больной не долженъ пить, не смотря на сильную жажду— иначе лекарство не подѣйствуетъ.

Отъ бѣльма толкутъ кизиловыя косточки и вдуваютъ въ глазъ; отъ глухоты прикладываютъ къ уху корень травы *харизъ-дзири*. «Корень этотъ необходимо держать крѣпко, ибо онъ имѣетъ такое влеченіе къ больному уху, что можетъ вырваться изъ рукъ и войти внутрь головы больного [1].»

Отъ глаза совсѣмъ другой способъ леченія. Взойдя на тахти, знахарка беретъ отъ хозяйки поясъ, и подойдя къ дѣвушкѣ, начинаетъ нашептывать надъ ея головою. Потомъ даетъ одинъ конецъ пояса въ руки паціентки, начинаетъ измѣрять его локтемъ, сопровождая это дѣйствіе вздохами и отчаянными зѣвками. Минутъ съ десять продолжается подобное заклинаніе отъ порчи глазомъ. Частое зѣваніе знахарки служитъ знакомъ тому, что дѣвушку сглазили очень сильно, ибо при послѣднемъ третьемъ измѣреніи поясъ оказался не въ мѣру длиненъ—значитъ помочь трудно.

V.

Суевѣрія и предразсудки грузинскаго народа.

Наступаетъ весна въ Грузіи. Черныя шиферныя горы, почти цѣлый годъ мрачныя, одѣваются теперь яркою зеленью, поля покрываются травою; миндальныя деревья укутаны серебромъ, персиковые—пурпуромъ; воздухъ полонъ аромата. Длинныя вереницы журавлей тянутся на нашъ сѣверъ, ласточки щебечутъ...

Проснувшись рано утромъ, грузинъ торопится прежде всего выпить глотокъ вина, потому что безъ этого, онъ, по народному повѣрью, не можетъ побѣдить ласточки, а не побѣдивъ её, будетъ страдать цѣлый годъ лихорадкою. Точно также, если онъ услышитъ голосъ кукушки прежде чѣмъ успѣетъ съѣсть кусочикъ хлѣба, онъ уже не можетъ побѣдить её.

Народная легенда заставила грузина уважать эту птицу, и вотъ по какому случаю:

Гдѣ-то далеко, близъ Индіи, есть царство карликовъ, куда попалъ одинъ грузинъ, неизвѣстно, впрочемъ, какимъ образомъ. Карлики ѣли и пили очень мало: одного чурека да полтунги вина имъ хватало на цѣлую недѣлю. Грузинъ, привыкшій къ

[1] «Простонародныя лекарства грузинъ» И. См. Кавк. 1851 г. № 9.

обильной и разнообразной пищѣ, былъ въ отчаяніи. Чужестранецъ сталъ размышлять о томъ, какъ бы ему убраться во-свояси, но рѣшительно не зналъ, какъ это сдѣлать. Пока онъ раздумывалъ, прошло три зимы; тоска по родинѣ замучила бѣднаго странника. Непредвидѣнный случай вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Я отправляюсь въ Грузію, не хочешь-ли идти вмѣстѣ со мною, предложилъ ему одинъ изъ карликовъ.

Грузинъ, конечно, обрадовался, и въ началѣ апрѣля, запасясь провизіею, они отправились въ путь.

Долго они шли, наконецъ, достигли до границы, гдѣ оканчивалось царство карликовъ.

— Слушай, товарищъ! говорилъ карликъ грузину, я чуть только перешагну границы нашего царства, тотчасъ превращусь въ птицу,—ту, которую зовутъ у васъ кукушкой. Тогда я не буду ходить, а летать, но полечу медленно, чтобы ты могъ поспѣвать за мною. Смотри же, будь остороженъ, не теряй меня изъ виду, а то не найдешь дороги.

Перешли границу. Не успѣлъ оглянуться грузинъ, какъ карликъ превратился въ птицу. Грузинъ, остолбенѣвъ, смотрѣлъ за полетомъ кукушки. Та полетѣла вдаль, а грузинъ стоялъ, не двигаясь. Кукушка, видя, что путникъ не слѣдуетъ за ней, вернулась назадъ и ударомъ крыла по щекѣ вывела товарища изъ задумчиваго положенія.

Путники пошли далѣе. Въ послѣднихъ числахъ мая, они достигли Грузіи. Грузинъ пригласилъ кукушку къ себѣ въ домъ, хотѣлъ угостить ее, но она, подъ предлогомъ того, что боится кошекъ и ребятишекъ, отказалась, говоря, будто «довольна и тѣмъ, что Богъ далъ ей въ день по одному воробью, которые летаютъ за нею всюду [1]).

Народное суевѣріе заставляетъ грузина побѣждать все вновь появляющееся весною: перелетныхъ птицъ, которыхъ зимою не бываетъ, вновь родившихся животныхъ и домашнихъ птицъ.

Кто обутый увидитъ гусенятъ—тотъ побѣдилъ ихъ; увидавшій ихъ босымъ рискуетъ страдать болѣзнью ногъ. Побѣдить утенятъ можетъ только причесанный,—это спасеніе отъ головной боли. Слышать крикъ совы надо стоя на ногахъ и на одномъ мѣстѣ, иначе будешь шататься какъ сова, съ мѣста на мѣсто.

Повѣрье это объясняется самою легендою о происхожденіи совъ. Злая мачиха играетъ тутъ первенствующую роль.

---

[1]) «Признаки весны: царство кукушекъ». Кн. Р. Эристовъ, Кавк. 1849 г., № 18.

«У крестьянина было два сына, которыхъ онъ любилъ искренно и нѣжно. Со смертью жены, оставшись вдовымъ, онъ перенесъ свою любовь и привязанность на дѣтей и успѣлъ ихъ на столько привязать къ себѣ, что они забыли о потерѣ матери. Спустя нѣкоторое время, крестьянинъ также позабылъ о потерѣ нѣжно-любимой жены и женился на другой. Съ тѣхъ поръ прошли красные дни для дѣтей. Злая мачиха преслѣдовала ихъ всюду, бранила и била безъ всякой причины. Мальчики обращались съ жалобою къ отцу, но тотъ, будучи слабъ къ молодой женѣ, утѣшалъ дѣтей тѣмъ, что, взыскивая съ нихъ, мачиха желаетъ имъ добра. Дѣти стали избѣгать мачихи, и считали себя счастливѣйшими когда посылали ихъ въ поле пасти коровъ и телятъ, гдѣ они могли вдоволь наиграться. Заигравшись однажды, они не замѣтили, какъ день склонялся къ вечеру, не замѣтили и того, что все стадо разбрелось по лѣсу. Собравъ стадо, они недосчитались одного теленка, и какія средства ни употребляли мальчики, но теленка все-таки найти не могли. Становилось все темнѣе и темнѣе. Испуганные темнотою ночи и воемъ шакаловъ, бѣдныя дѣти прижались другъ къ другу и горько плакали. Идти домой они не рѣшались. Угрозы мачихи и ея побои были для нихъ гораздо страшнѣе, чѣмъ всѣ предстоящія опасности въ лѣсу и во время ночи. Скотъ снова разбрелся въ разныя стороны, а это еще болѣе лишало мальчиковъ возможности возвратиться домой. Дѣти просили у Бога, какъ спасенія для себя, чтобы онъ превратилъ ихъ въ птицъ и тѣмъ избавилъ отъ злой мачихи. Молитва ихъ услышана; они сдѣлались совами, которыхъ до этого времени на свѣтѣ вовсе не было. Совы полетѣли въ глубь лѣса, «но страхъ внушенный мачихою былъ такъ великъ, что они, ставъ совами, все еще не забыли о теленкѣ. Да и теперь совы въ лѣсу не усидятъ на одномъ мѣстѣ, а все летаютъ съ дерева на дерево, ища теленка».

— Иповне (нашелъ-ли)? кричитъ одна.

— Вера, вера (нѣтъ, нѣтъ)! отвѣчаетъ другая.

Вообще, надо замѣтить, что суевѣріе у грузинъ проявляется во всей первобытной формѣ.

Прокричитъ ли пѣтухъ послѣ заката солнца, грузинъ вѣритъ, что врагъ собирается на хозяевъ пѣтуха. Если говорить часто о чемъ нибудь, то оно должно совершиться какъ-бы по неволѣ. Повѣрье это выразилось у русскаго народа въ поговоркѣ, — «накликать бѣду».

Неблагословенной сѣтью грузинъ не станетъ ловить рыбу.— Онъ вѣритъ, что такою сѣтью, вмѣсто рыбы, будешь таскать камни, а пожалуй вытащишь и бѣсенка.

Грузины имѣютъ множество признаковъ, по которымъ заключаютъ о будущемъ. Объясненіе примѣтъ зависитъ отъ того, кто и какъ на себѣ испыталъ ту или другую примѣту. Для одного чихнуть два раза сряду означаетъ добро, для другого напротивъ. У кого *играетъ* правый глазъ, тотъ надѣется на хорошее, а иной доволенъ и игрою лѣваго глаза. Объ этомъ существуетъ у грузинъ цѣлая рукописная книга: *О пѣніи членовъ* (!), пользующаяся большею популярностію. Въ книгѣ подробно изложено значеніе игры членовъ человѣческаго тѣла, всѣхъ и каждаго порознь, начиная съ бровей, до ногъ съ ихъ пальцами, суставами и ногтями [1]).

Кто привѣситъ зубъ волка къ лошади, тотъ увеличиваетъ быстроту ея хода. Къ волчьему хвосту прибѣгаютъ для открытія домашняго вора изъ числа нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ лицъ. Каждый изъ обвиняемыхъ долженъ перепрыгнуть черезъ зажженный хвостъ; виновный узнается по корчамъ, которыя поражаютъ его при этомъ. Укушенный бѣшеною собакою бросается къ зеркалу, и если въ немъ увидитъ ея морду вмѣсто своего лица, то вѣритъ въ непреложность своей смерти, а если наоборотъ, то считаетъ себя выздоровѣвшимъ.

По народному повѣрью, если лисица поваляется на засѣянномъ мѣстѣ, то оно лишается произрастанія. Отъ сообщенія лисы съ псомъ раждается искуситель. Если поймать удода во вторникъ, а въ середу зарѣзать и высушить каждое перышко и косточки птицы — то онѣ обладаютъ множествомъ талисмановъ. Кто имѣетъ въ своемъ кошелькѣ гребень удода, будетъ имѣть всегда успѣхъ въ судѣ; владѣющій клювомъ удода и пришившій нижнюю часть его къ рукаву, можетъ когда захочетъ избавиться отъ соперника въ любви и избѣжать всякихъ ссоръ и треволненій. Носить на рукавѣ правый глазъ удода, значитъ пользоваться всегда расположеніемъ своего господина. Колдовство изчезаетъ, если мозгомъ удода окурить заколдованное мѣсто. «Если беременная женщина носитъ на рукавѣ сердце этой-же птицы, то она внѣ всякой опасности отъ преждевременныхъ родовъ. Кто на правомъ рукавѣ будетъ носитъ язычекъ удода, тому нечего бояться отравы. Когда собираешься къ царскому порогу, сдѣлай напередъ мазь изъ крови удода и льняного масла, помажь ею себѣ ноздри и ступай съ Богомъ.»

Всѣ эти любопытныя для себя указанія грузинъ находитъ

---

[1]) «Очерки деревен. нрав. Грузіи», Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 1, стр. 282, примѣч.

въ рукописномъ лечебникѣ — *Карабадимъ*, къ которому весьма часто обращается во время недуговъ.

Болѣзнь у грузинъ нерѣдко представляется въ видѣ пластическихъ образовъ или духовъ. Болѣзнь оспы, напримѣръ, не считается физическою, но болѣзнью живою — обществомъ высшихъ разумныхъ духовъ, которые, имѣя власть надъ человѣкомъ, посѣщаютъ непремѣнно каждаго, и обрекаютъ на смерть того, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя ихъ гнѣвъ. Господство духовъ надъ человѣкомъ послужило основаніемъ къ тому, что ихъ прозвали *батанами* (господинъ) и даже ангелами. Больного, съ самыми первыми признаками оспы, укладываютъ въ саклѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ, и около него ставятъ столикъ, уставленный лучшими вещами, имѣющимися въ домѣ. Куски сахара, яблоки, преимущественно краснаго цвѣта, и другіе мѣстные фрукты, стаканъ съ молокомъ, крендели и обрѣзки разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій — все это размѣщается на столикѣ возлѣ больного.

По понятію грузинъ, духи какъ и люди нуждаются въ пищѣ и питьи. Они берутся за приготовленное имъ кушанье въ глубокую полночь, когда повсюду царствуетъ тишина, и всѣ погружены въ мертвый сонъ.

Приготовивъ для духовъ столъ, грузины принимаются за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. Если въ домѣ не случится чонгури [1]), то достаютъ у сосѣда и играютъ подлѣ больного, а въ промежутокъ между музыкою всѣ домашніе считаютъ необходимымъ пѣть пѣсню, слѣдующаго содержанія: «Лилія-баюшки, роза-баюшки, лилія-баюшки-баю! Къ намъ пожаловали батонеби, лилія-баюшки пожаловали и развеселились, лилія-баюшки-баю!»

По увѣренію старухъ, батонеби большіе охотники до пѣнія и музыки. Они, по разсказамъ, сами играютъ на чонгури и поютъ такъ сладко и очаровательно, что пѣніе ихъ можно сравнить только съ ангельскимъ пѣніемъ.

---

[1]) Чонгури — музыкальный инструментъ употребительнѣйшій у грузинъ. Чонгури городской, не то что деревенскій, «городской чонгури это аристократъ, въ сравненіи съ своимъ сельскимъ, буквально неотесаннымъ, собратомъ.» Въ городахъ существуютъ три видоизмѣненія этого инструмента: *тори*, просто *чонгури* и *чіанури*. Въ деревенскомъ чонгури нѣтъ украшеній, нѣтъ серебряннаго ободочка съ надписью: *плаваю въ океанѣ блаженства и очарованія;* струны его не металлическія, а изъ жилъ нарѣзанныхъ на тонкія ниточки и навощенныхъ. Грузины любятъ этотъ инструментъ и сложили про него пѣсню: «Чонгури мой чонгури — поетъ селянинъ — вдали вырѣзанный изъ груши (дерева); наслѣдіе моего отца, временъ моего дѣда.» Вообще о музыкальныхъ инструментахъ см. Кавк. 1850, № 65.

Во все время болѣзни, утромъ и вечеромъ около больного курятъ *базму* — составъ изъ мелко-истолченыхъ грецкихъ орѣховъ, смѣшанныхъ съ хлопчатою бумагою. Составъ этотъ имѣетъ видъ курительныхъ свѣчей желтоватаго цвѣта. Базмѣ приписываютъ волшебную силу. Разсказываютъ, что если оспа изуродовала больного, или лишила его какого-либо органа, то стòитъ только мѣсяцъ или два покурить въ саклѣ базму, и тогда больному возвратится прежнее здоровье. Если въ домѣ есть отчаянно больной оспою, то стòитъ только зажечь базму и поставить ее тайкомъ на кровлѣ сосѣда, гдѣ есть также больной, тогда первый выздоровѣетъ, а послѣдній сдѣлается жертвою батонеби. Къ послѣднему средству прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко.

Во время посѣщенія батонеби никто не смѣетъ плакать по больномъ, ни носить трауръ, пока они не распростятся окончательно съ семействомъ, хотя бы умершій отъ нихъ былъ единственный сынъ у родителей. Нельзя стрѣлять изъ ружья, рѣзать куръ и свиней, потому что батонеби при посѣщеніи считаютъ ихъ, и потомъ, если курица или свинья будетъ зарѣзана, то бѣда всему семейству [1]).

Лихорадка представляется грузинами въ видѣ существа страшно-худощаваго и блѣднаго, въ которомъ нѣтъ и признака живительной крови; тѣло ея одинъ скелетъ, движущійся посредствомъ какой-то невѣдомой силы. Этотъ суровый образъ лихорадки странствуетъ по-бѣлу свѣту и кого навѣститъ, тотъ неминуемая жертва болѣзни.

Раннею весною, по сказанію грузинъ, у главнаго входа въ городъ Гумбри (нынѣшній Александрополь) собираются три брата, геніи лихорадки. Отсюда они начинаютъ свое путешествіе: одинъ идетъ въ Кахетію, другой — въ Карталинію, а третій — въ Арменію. Съ наступленіемъ зимы, братья опять соединяются въ Гумбри [2]). По сказанію «Карабадима», есть двадцать пять родовъ лихорадки, но противу всѣхъ существуетъ одна молитва: «Аврамъ, Саврамъ, Турманъ, гора лихорадки — лекарственная, сказано въ молитвѣ. Если ты не христіанинъ, а жидъ, то ради имени священника Каіафы; если татаринъ или персіянинъ, то ради Магомета, — удались отъ сего раба Божія. Авгсиръ (?) взобрался на кедръ ливанскій, крича, рыдая и сокрушаясь. Отчего ты плачешь, сила трясущая? Разрѣжу я тебя вдоль и поперегъ и брошу въ пропасть клокочущую, и моя молитва да уничтожитъ тебя» [3]).

---

[1]) «Обрядъ у грузинъ во время болѣзни оспы». Закавк. Вѣст. 1854 г., № 44.
[2]) Газ. Кавказъ, 1854 г., № 41.
[3]) «О грузинской медицинѣ», Н. Берзеновъ. Кавк. календ. на 1857 г., 490.

Мигрень представляется въ образѣ быка, грызущаго желѣзо. Противъ него надо переписать на лоскуткѣ чистой бумаги, потомъ обмочить его въ уксусѣ и приложить ко лбу, слѣдующую молитву: «На краю *сѣнокоса* [1]), завелся *шакеки* (мигрень), грызущій желѣзо, какъ волъ сѣно. Св. Георгій проклялъ его, и на утро онъ исчезъ».

Чесотка, по понятію народа — безродное чудовище, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло, гложетъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ.

«Гой ты Іело, Іело юродивый, безпріютный! говоритъ заклинаніе. Откуда исходишь и куда входишь?—Исхожу изъ черной скалистой горы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, да не допуститъ тебя Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; не позволю я тебѣ войти въ человѣка; раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвяжись отъ раба Божіяго».

Надо трижды прочесть въ день субботній эту молитву надъ больнымъ при двухъ зажженныхъ свѣчахъ. Части тѣла, на которыхъ больше сыпи, намазать мазью изъ толченой сѣры, смѣшанной съ чухонскимъ масломъ, и выздоровленіе несомнѣнно [2]).

Вообще у грузинъ почти противу каждой болѣзни есть свои лекарства и различныя заклинанія. Въ нихъ къ чистотѣ религіозной примѣшивается часто народное суевѣріе. Значительная часть необыкновенныхъ въ жизни приключеній, добрыхъ или худыхъ, приписывается вліянію невидимыхъ сверхъестественныхъ силъ, и весьма часто злыхъ. Противодѣйствіе имъ народъ ищетъ въ одной силѣ Творца. Если туземный докторъ не помогаетъ больному, то старухи утверждаютъ, что несчастный болѣнъ отъ образа (хатисъ-ганъ), т. е., что онъ оскорбилъ образъ или словомъ или помышленіемъ. Больного ведутъ въ церковь къ образу, служатъ молебенъ, приносятъ жертвы и часто оставляютъ на церковномъ помостѣ въ ожиданіи выздоровленія. Особенною извѣстностью пользуется въ этомъ отношеніи тифлисская церковь во имя св. Георгія, называемая Квашветы. Здѣсь часто можно встрѣтить одержимыхъ недугами, пріѣхавшихъ издалека искать защиты и милости этого святого, особенно чтимаго народомъ [3]).

Къ молитвѣ и заступничеству святыхъ, грузины прибѣгаютъ и во дни бѣдствій.

---

[1]) Аллегорическое изображеніе головы.

[2]) «Слѣды прошедшаго». Кавк. 1852 г. № 33.—Кав. кал. на 1857 г., 490.

[3]) Кавк. 1847 г., № 3.

Простой народъ приписываетъ многія бѣдствія нечистой силѣ. Появятся ли въ посѣвѣ *гвардзли* (плевела), онъ говоритъ, что нечистый портитъ ихъ нивы. Простолюдинъ вѣритъ, и весьма искренно, въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Въ случаѣ какого-нибудь бѣдствія онъ хватаетъ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ старухъ, и, часто въ присутствіи князей и духовенства, добивается признанія въ сношеніи съ нечистою силою. Въ 1834 году, въ нѣкоторыхъ деревняхъ случился неурожай гóми и кукурузы. Народъ рѣшилъ, что это продѣлка вѣдьмъ и колдуновъ. Схвативши нѣсколькихъ лицъ, бросали ихъ въ воду, вѣшали за руки на деревья и прикладывали раскаленное желѣзо къ голому тѣлу, выпытывая, какимъ образомъ и отчего произошелъ неурожай [1]).

Въ самой столицѣ Грузіи, хотя давно не слышно о колдунахъ и вѣдьмахъ, но нечистая сила водится однако же и до сихъ поръ. Городскіе жители еще помнятъ о приключеніи, совершившемся съ одною старою повивальною бабкою, приключеніи, достовѣрность котораго, по ихъ мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію [2]).

Даже въ 1851 году, послѣ бывшаго затмѣнія солнца, между народомъ распространилась вѣсть, что во внутренности всѣхъ тифлисскихъ куръ завелись змѣи, и что всѣ онѣ отравлены. Зараженіе объясняли тѣмъ, что куры клевали зерна, спадавшіе съ неба отъ дракона, сражавшагося съ солнцемъ во время затмѣнія. Куры подвергнуты были жестокому гоненію. Ихъ или били или продавали за безцѣнокъ, по 5 копѣекъ, тогда какъ обыкновенная средняя стоимость курицы была отъ 30 до 40 копѣекъ.

«Видитъ ли грузинъ-поселянинъ, что красная полоса, у обозначившейся на горизонтѣ радуги, болѣе и ярче полосы другого цвѣта, онъ заключаетъ, что въ текущемъ году вина будетъ много, и онъ повеселится вдоволь. Падающія звѣзды ему вѣщаютъ смерть его собратій; ибо онъ убѣжденъ, что у всякаго есть своя звѣзда, отъ теченія которой зависитъ участь человѣка, обусловливающая его жизнь, счастливую или несчастную, смотря по тому, подъ какою звѣздою онъ родился на свѣтъ» [3]).

Когда западъ горитъ заревомъ кроваваго цвѣта, суевѣрному грузину кажется, что будетъ кровавая война.

Каждый грузинъ непремѣнно суевѣренъ и суевѣренъ съ малолѣтства. Суевѣріе всасывается съ молокомъ матери и переходитъ въ обряды и обычаи.

---

[1]) «О святкахъ въ Тифлисѣ и народн. суевѣріи въ Грузіи». Кавк. 1847 г., № 3.
[2]) Тамъ же. — См. также Закав. Вѣст. 1854 г., № 43.
[3]) Кавказъ, 1858 г. № 34.

Въ Кахетіи, напримѣръ, во время засухи, крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ куклъ, называемыхъ *Лазаре*, ходятъ съ пѣснями по селенію. «Лазаре, Лазаре, поютъ они... Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи...» Изъ дому, передъ которымъ поютъ дѣвочки, выходитъ хозяинъ, выноситъ пѣвуньямъ въ подарокъ нѣсколько яицъ или немного муки и обливаетъ водою куклу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. Отъ этого произошла, какъ полагаютъ нѣкоторые, грузинская поговорка: «онъ мокръ, какъ Лазаре».

Дѣвочки ходятъ и поютъ до тѣхъ поръ, пока не выпросятъ у неба облаковъ.

Тучи накопляются, но вмѣсто ожидаемаго дождя пошелъ градъ. Старухи тотчасъ же зажигаютъ свѣчи, сохраненныя отъ праздника пасхи. Нѣкоторыя женщины выносятъ золу и развѣваютъ ее на воздухъ, приговаривая: «Дай Богъ чтобы такъ развѣялся градъ»! Другіе опрокидываютъ на дворѣ вверхъ дномъ котелъ или тазъ, полагая, что градъ превратится въ дождь.

Существуетъ также обыкновеніе *пахать дождь*. Восемь паръ дѣвушекъ запрягаются въ плугъ и тащутъ его къ рѣкѣ. По поясъ въ водѣ, онѣ протаскиваютъ его взадъ и впередъ и затѣмъ мокрыя возвращаются домой [1]).

Дождь запаханъ; онъ оросилъ поля, обѣщающія обильную жатву.

Богатые грузины во время жатвы разбиваютъ въ полѣ палатку. Недостаточные люди жнутъ сами. Богатые нанимаютъ осетинъ или имеретинъ, которые ходятъ цѣлыми толпами отъ одной деревни въ другую. Помѣщики прежде созывали своихъ крестьянъ, и у богатыхъ собиралось иногда нѣсколько сотъ жнецовъ. Жать начинаетъ тотъ, кто славится своею быстрою работою. Съ крикомъ: *опума! опума!* онъ бросается на ниву и идетъ впереди всѣхъ, ловко складывая на обѣ стороны сжатые снопы. Остальные работники слѣдуютъ за нимъ.

Наступаетъ полдень, пора обѣда, и сама хозяйка спѣшитъ на ниву. На встрѣчу ей выходитъ одинъ изъ жнецовъ и подаетъ крестъ сложенный изъ колосьевъ. Хозяйка вынимаетъ пару шерстяныхъ чулокъ, заранѣе приготовленныхъ и даритъ ихъ подателю. Крестообразно сложенные колосья выносятся на встрѣчу каждому, кто только проѣдетъ мимо нивы и работниковъ. По обычаю, привѣтствуемый долженъ отплатить также подаркомъ, но если онъ этого не сдѣлаетъ, то жнецы вправѣ пропѣть на его счетъ какой-нибудь сатирическій куплетъ, съ припѣвомъ *опума*.

---

[1]) Кавк. 1847 г. № 10.—Кавк., 1854 г. № 52.

Съ окончаніемъ работы жнецы возвращаются въ деревню, гдѣ ожидаетъ ихъ хорошій ужинъ. Особенно отличившійся работою получаетъ отъ хозяина въ подарокъ шапку и голову быка, зарѣзаннаго для угощенія, какъ почетный подарокъ [1]).

Жатва окончена; хлѣбъ убирается, свозится на арбахъ и складывается высокими продолговатыми скирдами (дзна) близъ гумна. Затѣмъ обмолачивается при помощи незатѣйливаго механизма *кеври* [2]) и ссыпается въ *ормо* — ровъ, обыкновенно вырываемый на дворѣ дома или на самомъ гумнѣ, въ два или болѣе аршина глубиною. Стѣны *ормо*, для предохраненія отъ сырости, приготовляютъ слѣдующимъ простымъ способомъ. Вырытую яму наполняютъ сухими дровами или бурьяномъ и зажигаютъ его. Потомъ, выбравъ изъ ямы песокъ и угли, обмазываютъ стѣны ея глиною, толщиною пальца въ два, и опять разводятъ огонь, жаръ котораго высушиваетъ глину. Затѣмъ дно и бока ямы выстилаютъ соломою или тонкимъ тростникомъ и ссыпаютъ туда всякаго рода хлѣбъ въ зернѣ. Сверхъ зеренъ кладутъ слой соломы или сухой мякины, закрываютъ отверстіе досками и надъ ними насыпаютъ конусообразный земляной холмикъ, обозначающій мѣсто храненія хлѣба [3]). Въ этомъ отношеніи грузины нисколько не подвинулись впередъ. Какъ молотили и хранили они хлѣбъ въ 1802 году, такъ молотятъ и хранятъ его и теперь [4]).

Мякина и солома искрошенная мелко, отъ самаго способа молотьбы, складываются въ *сабдзели* — сараи и служитъ единственнымъ кормомъ для скота и лошадей во время зимы.

За сборомъ хлѣба, слѣдуетъ сборъ винограда [5]).

Сборъ винограда самое веселое время для грузинъ. По окончаніи работъ и приготовленія вина, достаточные грузины начинаютъ разъѣзды другъ къ другу и собираясь цѣлыми компаніями, по нѣскольку дней гостятъ у своихъ знакомыхъ. Кутежъ,

---

[1]) «Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи», Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г., №№ 71 и 72.

[2]) Описаніе устройства *кеври* смотри тамъ же.

[3]) Записки Буткова, рукоп. Арх. Глав. Шт.—«Описаніе деревенск. нравовъ Грузіи», Н. Берзеновъ. — Кавк. 1854 г. №№ 71 и 72.

[4]) Любопытна замѣтка Буткова о способѣ печенія хлѣба въ Грузіи.—«Хлѣбъ пекутъ, пишетъ онъ, въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, въ кои входитъ 4 ведра и болѣе. Такой горшокъ вкапываютъ въ землю, либо облѣпливаютъ яму только глиною, потомъ разводятъ въ немъ огонь, отчего онъ скоро раскаляется, тогда вѣшаютъ хлѣбныя лепешки по внутреннимъ стѣнамъ надъ жаромъ, гдѣ они скоро упекаются». Такъ приготовленный хлѣбъ носитъ названіе *чурека*.

[5]) О сборѣ винограда см. «Десять лѣтъ на Кавказѣ», Современникъ 1854 г., т. 47, а также статьи Н. Берзенова, помѣщенныя въ газетѣ Кавказъ.

пиры и веселья служатъ началомъ къ праздной зимней жизни туземца, который любитъ уничтожать зимою то, чѣмъ запасся лѣтомъ....

VI.

Сословное дѣленіе грузинскаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія, грузины, по сословіямъ, дѣлились: на князей, дворянъ, купцовъ, макалаковъ, домовыхъ служителей и крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что высшее сословіе народа грузинскаго явилось еще въ то время, когда въ Грузіи не было царей, и страна управляема была мамасахлисами [1]) или домоначальниками. Роды младшихъ братьевъ мамасахлисовъ, получая удѣлъ, составили фамиліи товадовъ или князей [2]). Царскій титулъ въ Грузіи явился около 300 лѣтъ до Р. Хр. Царь грузинскій (Мепѐ) Фарнавазъ I, родомъ персъ, вводя въ Грузію персидскія постановленія, раздѣлилъ всю страну на нѣсколько областей [3]). Въ составъ Грузіи входили тогда верхняя Имеретія (т. е. области Рачи, Гуріи), нынѣшній Ахалцыхскій пашалыкъ, Карталинія и Кахетія. Въ каждой области Фарнавазъ установилъ должность эриставовъ [4]) (нѣчто въ родѣ нашего воеводы). Въ эти званія были опредѣляемы предпочтительно князья грузинскіе. Эриставство раздѣлялось на моуравства или земское начальство, которое было ввѣряемо младшимъ князьямъ, подчиненнымъ эриставамъ. Званій этихъ достигали вообще черезъ заслуги. Такое административное управленіе Грузіи продолжалось до исхода VI вѣка по Р. Хр.

Царь Бакаръ III возвысилъ еще болѣе княжеское достоинство тѣмъ, что отдалъ эриставства и моуравства въ управленіе княжескихъ родовъ, что сдѣлало ихъ какъ-бы вассалами царей и полными владѣтелями эриставствъ. Такимъ образомъ явились въ Грузіи намѣстники съ феодальнымъ управленіемъ. Между тѣмъ, фамиліи князей увеличивались или младшими членами царствующей династіи или знатными родами, при присоединеніи къ Грузіи чужихъ владѣній, вмѣстѣ съ ихъ владѣтелями. Такъ, съ

---

[1]) Мамасахлисъ, въ буквальномъ переводѣ, означаетъ отецъ дома, т. е. глава семейства, начальникъ рода, племени.

[2]) Названіе князя, которое на грузинскомъ языкѣ выражается словомъ *товади*, произошло отъ *тави*—голова.

[3]) *Эристи* по грузински значитъ народъ, а *тави* — голова.

[4]) Въ запискахъ академика Буткова сказано, что тогдашняя Грузія была раздѣлена на 8 областей. Арх. Главн. Шт. въ С.-Пет.

присоединеніемъ Сомхетіи, присоединились и мелики ея, Орбеліяни и друг. Мелики или владѣльцы армянскіе были потомъ переименованы въ тавади.

Владѣтельные князья, получившіе въ управленіе своего рода эриставства, старались во всѣ послѣдующія времена поддерживать свое значеніе и независимость. Мало повинуясь царямъ, они управляли своими удѣлами почти самовластно. Императоры константинопольскіе, цари и шахи персидскіе, а впослѣдствіи и султаны турецкіе, поддерживали могущество этихъ вассаловъ съ цѣлію, ослабленіемъ власти царя, сохранять свое верховное владычество надъ Грузіею. Владѣтельные эриставы отказывались иногда помогать царямъ въ борьбѣ ихъ съ непріятелемъ. Царь не могъ доставить полной силы закону, если онъ не подтвержденъ былъ согласіемъ князей, — это не мѣшало, впрочемъ, тѣмъ же князьямъ подчиняться обычаю, по которому царь имѣлъ право каждаго князя лишить жизни, членовъ, выколоть глаза, оставляя въ то же время изувѣченнаго въ княжескомъ званіи и при его владѣніи.

Главные князья [1]) получали отъ шаховъ, вмѣсто ордена, шапку съ перьями, извѣстную подъ именемъ *тачжи*, въ отличіе царской, которая называлась *томаръ*.

Царь Ираклій II, пользуясь смутами происходившими въ Персіи, нашелъ возможность стѣснить власть князей, въ особенности карталинскихъ, способомъ, который впослѣдствіи оказался весьма ненадежнымъ. Онъ отнялъ у нѣкоторыхъ сильнѣйшихъ князей, болѣе другихъ опасныхъ по мѣстоположенію, древнее ихъ достояніе и роздалъ его въ удѣлъ своимъ сыновьямъ и внукамъ, которые впослѣдствіи еще менѣе повиновались царю, чѣмъ князья. Мѣра эта была вызвана сколько предполагаемою пользою къ единству и силѣ государства, столько же и потому, что, съ размноженіемъ членовъ царскаго дома, недостаточно было царскихъ доходовъ на приличное ихъ содержаніе.

Князья грузинскіе происходили: 1) отъ царей грузинскихъ; 2) отъ владѣльческихъ княжескихъ сословій, переселившихся изъ другихъ странъ, преимущественно владѣтельныхъ княжескихъ фамилій Арменіи, и 3) возводились въ эти достоинства шахами персидскими и царями грузинскими, изъ дворянъ грузинскихъ и другихъ сословій [2]).

---

[1]) Высшее сословіе князей носило иногда названіе *батонисъ-швили;* см. ст. Кипіани: «О томъ, о семъ и между прочимъ о сословіяхъ закавказскихъ». Газ. «Кавк.», 1853 г. № 80, 347. По его мнѣнію, это названіе принадлежитъ дѣтямъ *мтаваровъ* — самаго высшаго и ближайшаго къ царю сословія грузинъ.

[2]) При заключеніи трактата въ 1783 г., наше правительство требовало свѣдѣній

Условіемъ, освященнымъ закономъ, для княжескаго достоинства признавалось необходимымъ: 1-е, имѣть двѣ или три крѣпости [1]) и столько же деревень; 2-е, такое состояніе, которое давало бы возможность князю содержать себя прилично званію; 3-е, имѣть церковь или монастырь для погребенія членовъ семейства; и 4-е, имѣть въ своей зависимости нѣсколько дворянъ. Безъ этихъ условій, и преимущественно безъ перваго, никто не могъ получить княжескаго достоинства даже и въ позднѣйшее время.

Цари грузинскіе выдавали обыкновенно дочерей своихъ за князей, при чемъ избирали самыхъ богатыхъ, чтобы приданое стоило царю какъ можно меньше. Царицы грузинскія и невѣстки царя были также дочери князей грузинскихъ.

Первые чины военные и гражданскіе, какъ-то: сардарьство (высшее военное званіе) и должности мдиванъ-бековъ (судьи) были наслѣдственны въ родахъ князей [2]). Если отецъ былъ сардарь, то и сынъ долженъ быть сардарь; если отецъ мдиванъ-бекъ, то и старшій сынъ его будетъ тѣмъ же.

Князья почти никогда не дѣлили своихъ имѣній, а вся фамилія жила вмѣстѣ, въ зависимости отъ старшаго въ родѣ, который управлялъ всѣмъ имѣніемъ безъ всякаго прекословія со стороны младшихъ. Онъ получалъ доходы и удѣлялъ часть изъ нихъ на содержаніе младшихъ членовъ своего дома. Если же братья раздѣлялись, то, въ этомъ случаѣ, старшій въ родѣ, сохраняя первенство и власть, пользовался особеннымъ уваженіемъ.

При заключеніи трактата 1783 г., считалось въ Грузіи княжескихъ фамилій: въ Кахетіи 24 и въ Карталиніи 38; въ 1801 году явились новыя фамиліи, не помѣщенныя въ трактатѣ, пріобрѣвшія княжеское званіе въ слабое правленіе послѣдняго царя грузинскаго. Въ позднѣйшее время, цари грузинскіе, по недостатку доходовъ, для пріобрѣтенія ихъ, занимались продажею княжескихъ достоинствъ людямъ разнаго званія. Царевичи весьма нерѣдко

о князьяхъ и дворянахъ. Ираклій затруднился уравнять ихъ старшинство и достоинство. Онъ составилъ 8 списковъ, въ каждомъ помѣстилъ по 8-ми, а въ двухъ по 7-ми фамилій съ такимъ объясненіемъ, что параллельные въ каждомъ спискѣ князья равны между собою.

[1]) Отсюда въ Грузіи и до сихъ поръ видно множество замковъ, башенъ и крѣпостей. Происхожденіе ихъ вызвано частыми вторженіями непріятелей, которымъ подвергалась Грузія. Въ это время, изъ товадовъ считался тотъ слабымъ и ненадежнымъ, у кого не было воздвигнуто твердыни, на лучшемъ стратегическомъ пунктѣ, у кого не было сильной и хорошо вооруженной крѣпости». Кавк., 1853 года, № 88.

[2]) Военное сардарьство было наслѣдственно въ родахъ князей Амилахваровыхъ, Багратіоновъ-Мухранскихъ, Циціановыхъ, Андрониковыхъ и проч.

прибѣгали къ такой же продажѣ. Имеретинскій царь, бывшій уже подданнымъ Россіи, не отказывался въ такомъ злоупотребленіи власти [1]). Наказанія лишеніемъ правъ, сколько извѣстно, не было въ употребленіи въ Грузіи, но конфискація имѣній была въ большомъ употребленіи.

Дворяне или *азнауры* грузинскіе дѣлились на два разряда: дворянъ царскихъ и дворянъ княжескихъ. Происхожденіе этого сословія относится также къ отдаленной древности. Со времени плаванія Аргонавтовъ съ Колхиду, многіе изъ грековъ поселялись на ея берегахъ. Грузины называли ихъ по своему азонаурами [2]). Первый царь грузинскій Парнаозъ или Фарнавазъ получилъ, за деньги, отъ колхидскаго владѣтеля войско, къ которому присоединились и многіе изъ азнауровъ. При ихъ содѣйствіи, Парнаозъ выгналъ изъ Грузіи македонянъ, около 300 года до Р. Хр.

Въ признательность къ услугѣ азнауровъ царь удержалъ ихъ при себѣ, далъ имъ земли и помѣстья. Азнауры-то и составили впослѣдствіи въ Грузіи классъ дворянства, уступающій только товадамъ или князьямъ грузинскимъ.

Сынъ Парнаоза лишенъ былъ господства надъ грузинскимъ народомъ, который желалъ возстановить надъ собою прежнее владычество мамасахлисовъ. Но азнауры возстановили сына Парнаоза на престолѣ и онъ, въ признательность за то, учредилъ изъ нихъ своихъ тѣлохранителей. Съ тѣхъ поръ азнауры пользовались значительнымъ вліяніемъ въ Грузіи. Съ словомъ азнауръ грузинъ соединяетъ понятіе о благородствѣ и образованности. Свободныя науки, благородныя искусства назывались азнаурскими. Сословіе это было самымъ образованнымъ въ Грузіи.

Когда князья сдѣлались самовластными въ своихъ удѣлахъ, то давали своимъ приближеннымъ также названіе азнауровъ. Отъ этого въ Грузіи, съ самыхъ древнихъ временъ, явились азнауры царскіе и азнауры княжескіе.

Раздѣленіе это сохранилось только въ Карталиніи; въ Кахетіи же были только дворяне царскіе. Царь кахетинскій Леонъ, въ началѣ XVI стол., освободилъ дворянъ кахетинскихъ отъ зависимости князей, желая обезсилить этихъ послѣднихъ, такъ

---

[1]) Записки Тучкова (рукоп.), въ Арх. Гл. Штаба.

[2]) По мнѣнію академика Буткова (см. запис. Буткова, Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербургѣ), названіе это произошло отъ Язона, предводителя аргонавтовъ. Бутковъ на этомъ основаніи предполагаетъ, что первоначальное наименованіе этого сословія было язнауры. Г. Д. Кипіани происхожденіе этого слова приписываетъ Азону, одному изъ начальниковъ въ арміи Александра Македонскаго, и потому говоритъ, что первоначальное названіе было Азонауры. — См. Кавк. 1853 г. № 81, 350.

какъ дворяне княжескіе, занимаясь исключительно военнымъ ремесломъ и составляя храбрѣйшихъ и отличнѣйшихъ воиновъ Грузіи, принимали всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда властолюбивые князья противодѣйствовали царской власти.

Дворяне царскіе допускались къ нѣкоторымъ придворнымъ должностямъ, а по службѣ военной достигали иногда до званія минъ-баши (полковниковъ), но по большей части предѣломъ ихъ возвышенія былъ чинъ юсъ-баши (капитанъ) [1]. Выше этихъ чиновъ дворяне не достигали по весьма значительному числу княжескихъ фамилій, занимавшихъ всѣ важнѣйшія мѣста, и тѣмъ препятствовавшихъ ихъ возвышенію. Азнауры пользовались тѣми же правами наслѣдства и старшинства въ родѣ, какъ и князья.

Дворяне, принадлежавшіе князьямъ, католикосу (глава духовенства) и царевичамъ, владѣвшимъ княжескими удѣлами, считались ниже дворянъ царскихъ и были подданными своихъ владѣльцевъ, пользуясь данною имъ землею, населенною крестьянами. Дворяне эти не несли никакихъ повинностей и не располагали своими помѣстьями, и ежели продавали ихъ, то не иначе какъ съ разрѣшенія владѣтеля и притомъ только дворянамъ того же князя.

Князь же имѣлъ право продавать деревню, состоявшую въ вѣдѣніи его азнаура, но тогда азнауръ этотъ и его семейство дѣлались свободными. Княжескіе дворяне имѣли право мѣнять владѣльцевъ, но для этого должны были предварительно пріискать князя, который бы желалъ ихъ принять и доставить тѣ удобства, которыя составляли необходимое условіе дворянскаго достоинства.

Пріискавъ себѣ новаго владѣльца, азнауръ оставлялъ прежнему владѣльцу землю, домъ и отходилъ къ новому.

Въ военное время азнауры обязаны были вооружаться поголовно и идти съ своими князьями; въ мирное время они сопровождали князей во время охоты, путешествія и исполняли различныя должности въ домашнемъ его быту.

При пожалованіи въ азнауры, царь предварительно доставлялъ возводимому въ это званіе, если онъ не имѣлъ своихъ средствъ, все то имущество, которое составляло необходимое условіе для званія дворянина. Каждый азнауръ царскій имѣлъ свою деревню, крѣпость, или замокъ посреди своихъ владѣній, церковь—для погребенія семейства, на случай похода—палатку, исправное вооруженіе, и такъ какъ служба дворянъ была пре-

---

[1]) Акты Кав. Арх. Ком. т. I, 329.

имущественно конная, то требовалось отъ каждаго азнаура, чтобы онъ имѣлъ, сверхъ употребляемой, одну надежную заводную лошадь съ прислугою.

Князья имѣли право ходатайствовать о возведеніи въ азнауры своего подвластнаго, если только снабжали его изъ своего имѣнія всѣмъ необходимымъ для этого званія.

Возведенному въ дворяне выдавалась царская грамата съ особымъ церемоніаломъ. При послѣднемъ царѣ званія эти сдѣлались продажными, какъ и званія князей. По трактату 1783 г. состояло въ Грузіи дворянскихъ фамилій: царскихъ—въ Кахетіи 36, въ Карталиніи 82; въ Карталиніи же княжескихъ 186 и католикосовыхъ тамъ же 13.

Купцы раздѣлялись на три степени: купецъ 1-й степени былъ какъ-бы именитый гражданинъ. Званіе это пріобрѣталось по наслѣдству и вмѣстѣ съ нимъ передавался капиталъ, крестьяне и земля.

Купцами 2-й степени были тѣ, которые сами, торговыми оборотами, пріобрѣтали капиталъ, крестьянъ и земли; и наконецъ, 3-й степени, тѣ, которые имѣли только лавки, въ коихъ и производили торгъ.

Купцы нерѣдко занимали должности въ царскомъ домѣ и, пользуясь равными правами съ царскими дворянами, имѣли преимущества передъ княжескими.

Мокалаки или мѣщане имѣли почти тѣже права, что и купцы. «Купцы и Мокалаки почти всѣ армяне, ибо грузины за стыдъ почитаютъ торговать» [1]).

Амкары или ремесленники дѣлились на цехи: каменщиковъ, плотниковъ, ткачей, портныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ, иконописцевъ и др.

Споры и несогласія между кастами ремесленниковъ и промышленниковъ повели къ тому, что для защиты отъ притѣсненій постороннихъ и для учрежденія суда между собою, ремесленники начали избирать изъ среды себя начальниковъ, которыхъ и назвали *уста-башами* (головы мастеровъ). Правила для ихъ избранія были утверждены царями. *Уста-баша* имѣло не только одно цѣлое ремесло, но и виды его, такъ напр. водоносы дѣлились: на водоносовъ-кувшинниковъ и водоносовъ-бурдючниковъ. Каждый отдѣлъ этого ремесла, подчиняясь общему *уста-башу* всѣхъ водоносовъ, имѣлъ своего собственнаго уста-баша или старшину. Портные каждаго вида: русскихъ платьевъ,

---

1) Письмо Лазарева Кнорингу, 8 марта 1801 г.—Акты Кав. Арх. Ком. т. I, 329.

черкесовъ, чёхъ и т. д., кромѣ общаго *уста-баша*, имѣли своего особаго, но при этомъ нація не различалась.

Выборъ уста-баша производился всегда возлѣ извѣстной церкви, по большинству голосовъ, изъ мастеровыхъ своего ремесла.

Стараются выбрать человѣка пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, опытнаго и умнаго. Въ помощь ему избираютъ двухъ мастеровыхъ: *ишть-башъ* (сильная голова), и *ахъ-сахкалъ* (что значитъ: бѣлая борода). Избиравшіе даютъ подписку выбранному въ томъ, что будутъ исполнять всѣ его приказанія и довольствоваться его рѣшеніемъ; потомъ цѣлуютъ ему руку и поздравляютъ съ должностію. При поздравленіи каждый даритъ новому *уста-башу* яблоко, начиненное мелкими деньгами, соразмѣрно состоянію. Уста-башъ есть судья, хранитель мира и добраго согласія артели и оберегатель ея интереса. При царяхъ уста-баши были неограничены, но впослѣдствіи были лишены права наказывать тѣлесно. Никто не можетъ ослушаться его приказанія. Желающій отдать своего сына въ обученіе какому нибудь ремеслу долженъ прежде всего предупредить о томъ уста-баша, на какихъ условіяхъ отдаетъ мальчика и на сколько лѣтъ. По окончаніи срока ученья (отъ 5—6 лѣтъ), уста-башъ, съ двумя помощниками, производитъ ученику испытаніе, и если онъ знаетъ ремесло, и былъ, по свидѣтельству хозяина, хорошаго поведенія, тогда посвящаетъ его въ мастера.

Собравъ со всѣхъ посвящаемыхъ отъ 10—25 руб. съ каждаго, смотря по состоянію, все общество мастеровыхъ отправляется за городъ въ сады и задаетъ тамъ пиръ на славу. Передъ обѣдомъ ученикъ становится на колѣни, священникъ приглашенный изъ того прихода, къ которому принадлежитъ ученикъ, читаетъ надъ нимъ евангеліе, потомъ благословляетъ имъ на добрыя дѣла, и наставляетъ его, исполняя ремесло честно, жить со всѣми въ мирѣ.

Отъ священника ученикъ подходитъ къ уста-башу, который совѣтуетъ ему быть достойнымъ высокаго званія мастера, и затѣмъ всѣ ремесленники заключаютъ наставленіе словомъ: аминь! Тогда уста-башъ, призвавъ на помощь св. Троицу, бьетъ рукою три раза по щекѣ каждаго посвящаемаго и опоясываетъ ихъ шелковыми кушаками или платками, которые и носятся ими въ продолженіи трехъ дней, какъ знаки ихъ посвященія. По окончаніи обряда, они цѣлуютъ руку уста-баша и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ, и затѣмъ начинается пиръ.

Уста-башъ собираетъ подати, повѣщаетъ своимъ подвластнымъ, чтобы они въ высокоторжественные дни присутствовали въ церквахъ, и творитъ судъ и расправу.

Въ день новаго года каждый мастеръ, поздравляя своего уста-баша, даритъ ему яблоко начиненное деньгами, за что тотъ угощаетъ его фруктами и водкой.

Въ случаѣ ссоры между мастеровыми, уста-башъ призываетъ ихъ черезъ иштъ-баша, разбираетъ дѣло и наказываетъ виновнаго или денежнымъ штрафомъ, или запираетъ его лавку на два и на три дня.

«Если подсудимый вздумаетъ не повиноваться, тогда, какъ напр. между сапожниками, башмачниками, кожевниками,—уста-башъ посылаетъ черезъ своего иштъ-баша яблоко къ уста-башу тѣхъ ремесленниковъ, у которыхъ непослушный покупаетъ товаръ для своей работы, или къ тѣмъ, которые у него берутъ товаръ, и тѣмъ извѣщаетъ, что такой-то мастеръ ему не повинуется и потому проситъ: строго воспретить подвѣдомственнымъ мастерамъ и мясникамъ продавать тому, если онъ кожевникъ, сырую кожу, а если онъ сапожникъ, то кожевникамъ давать ему товаръ. Такимъ образомъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, онъ принужденъ явиться къ своему уста-башу съ покорностію», проситъ прощеніе, платитъ штрафъ, и тогда уста-башъ сообщаетъ, что такой-то свободенъ отъ запрещенія [1]).

Уста-башъ постоянно отвлекается, по дѣламъ общества, отъ своихъ занятій, поэтому въ вознагражденіе онъ получаетъ по 1 руб. сер. при рѣшеніи дѣла съ обѣихъ тяжущихся, и по 1 руб. и по шелковому платку съ каждаго ученика, поступающаго въ мастера.

Родственники умершаго ремесленника, приглашаютъ на похороны всѣхъ товарищей по ремеслу, и такъ какъ отвлекаютъ ихъ этимъ отъ дѣла, то даютъ мастеровымъ деньги, на которыя тѣ справляютъ поминки, а остатки обращаютъ въ общественную сумму, куда поступаютъ также и штрафные 60 коп. съ каждаго мастероваго, не бывшаго на похоронахъ безъ особенно важныхъ причинъ. Общественная сумма служитъ для помощи бѣднымъ больнымъ мастерамъ, и часто употребляется на похороны бѣдныхъ мастеровыхъ. Одинъ разъ въ году общество покупаетъ барановъ и сарачинское пшено, готовитъ пловъ, шашлыкъ и посылаетъ ихъ съ хлѣбомъ: часть арестантамъ, часть нищимъ, а часть употребляетъ на свой обѣдъ, бывающій обыкновенно въ присутствіи священника.

Между каждымъ родомъ мастеровъ есть свои особыя обыкновенія. Сапожникъ, какъ только появится плодъ персика, доставъ его, приноситъ своимъ ученикамъ, и тогда они должны

---

[1]) Уста-башъ, Кавк. 1846 г. № 41.

работать по вечерамъ при свѣчахъ [1]; ученикъ, нашедшій весною полевой цвѣтокъ показываетъ мастеру, что значитъ, что ночи коротки и ихъ слѣдуетъ избавить отъ вечерней работы. Эти обычаи исполняются весьма строго.

Ремесленники, по мѣрѣ увеличенія своего состоянія, переходили въ сословіе купцовъ.

Всѣ вообще, купцы и горожане имѣли право покупать на свое имя крестьянъ и земли, платили подати съ капиталовъ и поголовно, кромѣ дѣлающихъ оружіе и иконописцевъ, изъятыхъ по законамъ отъ налоговъ. Хотя капиталъ каждаго и не приводился въ извѣстность, однако собственный ихъ между собою разборъ опредѣлялъ сколько слѣдуетъ внести каждому, въ составъ наложенной на все общество подати, бывшей по большой части постоянною.

Захури — домовые служители господъ, составляли въ Грузіи особое сословіе между дворянами и крестьянами, нѣчто въ родѣ нашихъ дворовыхъ людей. Захури находились при царяхъ, князьяхъ, дворянахъ и при знатномъ духовенствѣ. Кромѣ домашней услуги, они сопровождали своихъ господъ на войну въ качествѣ тѣлохранителей.

Захури поступали въ это званіе изъ крестьянъ, по волѣ своихъ господъ, цѣлыми семействами и, по принятому обычаю, не могли быть обращены въ первобытное состояніе, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые возведены въ это сословіе своими владѣльцами. Захури могли покупать крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко и сами продавались другимъ владѣльцамъ, всегда сохраняя впрочемъ при этомъ свое званіе и привилегіи. Владѣлецъ могъ возводить захури въ азнауры, что и заставляло ихъ усердно исполнять свои обязанности. Повинности этого сословія людей были различны. Нѣкоторые ничего не платили помѣщику, и тогда одинъ или два человѣка изъ семейства находились на службѣ у своего господина [2], другіе исполняли повинности крестьянъ и проч.

Сословіе земледѣльцевъ или такъ называемыхъ *глеховъ*, составлялось: изъ грузинъ, армянъ, татаръ, осетинъ, тушинъ, пшавовъ и хевсуръ [3]. Одни изъ нихъ принадлежали собственно царю,

---

[1] Подробности смотри: Кавк. 1846 г. № 42, «Уста-башъ.» — О Тифлис. цехахъ, Кавк. 1850, № 93.

[2] Въ этомъ случаѣ они обязаны были имѣть свое платье, вооруженіе, лошадь и продовольствіе.

[3] Къ сословію глеховъ принадлежали: *Мсахури*, *Маджалабе* и *Кма*. См. Кипіани: «О томъ, о семъ и между прочимъ о сословіяхъ Закавказскихъ». Кавказъ, 1853 г., № 80.

другіе женѣ царствующаго царя, наконецъ, къ церквамъ [1]), помѣщикамъ, князьямъ, дворянамъ и другимъ сословіямъ грузинскаго народа.

Прежде чѣмъ говорить о правахъ этаго класса людей, необходимо сказать о томъ способѣ, который былъ принятъ въ Грузіи при дѣленіи земель.

Надѣлъ крестьянъ землею зависѣлъ отъ владѣльца, но не было въ обыкновеніи отнимать часть земли изъ однажды назначенной во владѣніе какому-либо семейству. Сколько плугъ, запряженный 16-ю быками, могъ взорать въ одинъ день, — такое пространство земли называлось *дгьиuри* и составляло 60 квадр. саж. или полторы тамошнія десятины. Шестьдесятъ такихъ частей или 90 десятинъ (что называлось *миндорислища,* т. е. полевая земля); полагали необходимымъ имѣть каждому семейству вдали отъ селенія; восемь такихъ же частей или 12 десятинъ считалось необходимымъ имѣть по близости селенія, и кромѣ того, для дальняго сада, отводилось отъ 2 — 3 десятинъ, а для ближняго отъ 1 — $1^1/_2$ десятины.

Участки эти, вмѣстѣ взятые, называемые *сакомло* (равнявшееся $106^1/_2$ десятинъ русскихъ или съ небольшимъ одной квадратной верстѣ) составляли полный надѣлъ для домоводства или земледѣлія, — такое сакомло считалось едва достаточнымъ для семейства, при той многочисленности его членовъ, какое было въ ту эпоху, потому что дѣдъ, отецъ и всѣ члены семьи жили нераздѣльно. Если, при этомъ, въ такой участокъ входило мѣсто удобное для постройки водяной мельницы, то сакомло считалось выгоднымъ. По этимъ сакомло въ Грузіи вели счетъ земли, говорили: такая-то деревня по числу семействъ имѣетъ полное сакомло, въ такой-то на половину, а нѣкоторые деревни имѣли двойное сакомло.

Подобное раздѣленіе земель было только у грузинъ, армянъ и осетинъ. Татары же, кочуя всё лѣто, раздѣленія этого не имѣли.

Для поднятія земли требовалось 8-мь паръ воловъ и соразмѣрное число погонщиковъ. Очень часто земледѣлецъ не могъ ихъ выставить, поэтому вошло въ обычай заимствовать недостающихъ у сосѣдей и, при взаимной помощи, производить поочередную обработку земли. Татары дѣлали это иначе: они опредѣляли сперва,

---

[1]) Такъ, изъ сохранившейся въ древнемъ Манглисскомъ храмѣ граматы, выданной въ 1404 г. Александромъ I, видно о пожалованіи храму крестьянъ и угодьевъ. Въ 1696 г., Назрали-ханъ или Ираклій I, граматою же освободилъ ихъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, кромѣ обязанности идти на войну или на царскую охоту. См. Кавк. календ. 1852 г., 468.

какое количество необходимо для пахоты всего селенія, или аула, работали общими силами, и затѣмъ, по жребію, дѣлили землю соразмѣрно числу работниковъ и воловъ, данныхъ отъ каждой семьи.

Въ случаѣ войны, земледѣльцы обязаны были идти на защиту отечества, имѣя свое оружіе, одежду и лошадь.

Повинности земледѣльцевъ опредѣлялись обычаями, вошедшими въ законъ и не только помѣщики, но и цари не могли требовать того, что не введено обычаемъ, что не исполнялось изстари. Платившіе подать виномъ или десятиною съ произведеній земли, не давали ничего другого, и нарушеніе этого права вело къ побѣгамъ цѣлыми селеніями, а нерѣдко и къ возмущенію [1]).

Повинности земледѣльцевъ были слѣдующія: занимавшіеся хлѣбопашествомъ платили шестую часть урожая со всякаго хлѣба [2]), выдѣлывавшіе вино—доставляли своимъ владѣльцамъ пятую часть дохода и проч.

Крестьяне, жившіе въ городахъ и занимавшіеся какимъ-либо ремесломъ, платили *махту*, окладной денежный сборъ или оброкъ, который владѣльцы налагали произвольно, смотря по промышленности рабочихъ; если же крестьяне жили въ городахъ только для поденной работы или торговли и не пользовались землею, то платили подушный сборъ, — *мали:* женатые по 1 р. 20 к., а холостые, имѣющіе возрастъ, дозволяющій имъ жениться, по 60 к.

Кромѣ того, всѣ вообще крестьяне, будь кто грузинъ, армянинъ или татаринъ, должны были два раза въ годъ, въ день Пасхи и Рождества Христова, принести владѣльцу своему въ подарокъ съѣстного, каждый по своему состоянію. Женитьба помѣщика вызывала крестьянъ на чрезвычайный сборъ, денежный или хлѣбный, смотря по достатку каждаго.

Помѣщики имѣли полное право распоряжаться своею землею, и были полными владѣтелями того, что было въ ея нѣдрахъ. Они имѣли право собирать, въ извѣстной мѣрѣ, пошлины съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ ихъ владѣнія, или запретить провозъ. Могли строить, гдѣ вздумается, на своихъ земляхъ крѣпости, замки и башни.

Въ Грузіи существовалъ обычай весьма выгодный для владѣльцевъ, но разорительный для крестьянъ. Когда царь или князь пріѣзжалъ въ деревню, то крестьяне должны были продовольствовать ихъ безденежно. Отправляясь въ чье-бы то ни

---

[1]) Д. Кипіани приводитъ нѣсколько подробностей о родѣ повинностей и нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на несообразность такого порядка. Кавказъ, 1858 г., № 84.

[2]) Хлѣбная подать вообще называлась *десятиною*.

было имѣніе, въ видѣ гостя, царь или князь предварительно извѣщалъ объ этомъ и требовалъ, отъ владѣльцевъ или крестьянъ, безденежно—хлѣба, вина, скотъ на убой и проч. При посѣщеніяхъ царя, одиннадцатая часть доставленнаго принадлежала салтхуцесу и мдиванамъ. Мамасахлисъ, или старшина деревни, обязанъ былъ приготовить для посѣтителя помѣщеніе и извѣстить обывателей, кому и что̀ именно слѣдуетъ доставить.

По прибытіи царя, каждый несъ ему на деревянномъ лоткѣ свою пищу и нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ съ виномъ; ставилъ все это передъ царемъ, сидящимъ съ своимъ слугою, и садился тутъ же самъ.

Смотря по населенію деревни, число приносившихъ угощеніе иногда было очень велико, но сколько бы ихъ ни было, всѣ садились вмѣстѣ, ѣли, пили и разговаривали. Отъ этого крестьяне и имѣли обо всемъ почти такія же свѣдѣнія, какъ ихъ князья или дворяне. Вступая въ разговоръ, каждый считалъ своею обязанностію употреблять все свое краснорѣчіе,—такое, отъ котораго, по выраженію грузинъ, «могъ бы треснуть камень». Изысканныя выраженія, сравненія и уподобленія, существующія у азіятскихъ народовъ, находили и здѣсь мѣсто и считались необходимостію.

Грузинъ свыкся съ такимъ разорительнымъ обычаемъ. Пріѣдетъ ли къ кому-нибудь толпа гостей или путниковъ, хозяинъ тотчасъ же очищаетъ для нихъ домъ, въ которомъ самъ помѣщается съ семействомъ; если окажется его мало, то и всѣ остальныя пристройки и службы его незатѣйливой усадьбы. На одинъ ужинъ онъ часто употребляетъ весь годовой запасъ безъ всякаго остатка, и все-таки повторяетъ грузинскую пословицу: «Гость мнѣ дороже друга»—таковъ обычай.

Хотя владѣльцамъ закономъ и воспрещалось отнимать что-либо у своихъ крестьянъ, но на самомъ дѣлѣ они могли взять все, что хотѣли: деньги, оружіе, лошадь и проч.

Конечно, все это бралось въ видѣ подарковъ, но на столько было обязательно, что крестьянинъ не могъ отказать въ требованіи и защищался только тѣмъ, что, узнавъ о пріѣздѣ князя, торопился спрятать все лучшее. Отдѣлаться отъ поднесенія подарка было невозможно, изъ опасенія преслѣдованій и дурныхъ послѣдствій.

Доходы помѣщиковъ отъ крестьянъ были незначительны и вознаграждались платою, за разборъ происходившихъ между ими ссоръ и тяжебныхъ дѣлъ. Помѣщики производили въ деревняхъ судъ сами, или въ неважныхъ случаяхъ чрезъ повѣренныхъ своихъ, по общимъ законамъ государства и по мѣстнымъ обычаямъ. Только о важныхъ случаяхъ, какъ напр., объ убійствѣ, разбоѣ

и т. п., они доносили царю или мдиванъ-бекамъ. Князья имѣли право лишать зрѣнія своихъ подвластныхъ, но запрещалось помѣщикамъ имѣть темницы для заточенія преступниковъ. Князь не могъ лишить жизни своего крестьянина, но могъ отнять у него имущество.

Переходъ и бѣгство крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому былъ запрещенъ законами; попадавшіеся же въ плѣнъ считались утраченными для ихъ владѣльца. Кто выкупалъ изъ неволи, тому они и принадлежали, но, если крестьянинъ вносилъ за себя, своему новому владѣльцу, все истраченное на выкупъ, то дѣлался свободнымъ.

Крестьяне имѣли право покупать земли и крестьянъ, но безъ письменнаго позволенія владѣльца не могли ихъ продавать. Это же правило распространялось и на другія, значительной цѣны, крестьянскія вещи.

О существованіи въ Грузіи рабовъ, въ концѣ XVII ст., нѣтъ извѣстій, но что они были, доказывается законами страны, изъ которыхъ видно, что рабы происходили: отъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей, отъ купленныхъ иновѣрцевъ или, наконецъ, отъ тѣхъ, которые, женившись на рабѣ, отдавали себя въ рабство ея господину безусловно или по договору.

Свободные люди могли продавать себя въ рабство или своихъ дѣтей, и братьевъ.

Въ Грузіи существовалъ обычай продажи родителями дѣтей, и старшими братьями младшихъ братьевъ. Проданный избавлялся отъ платы отцовскаго долга, если таковой былъ. Часто, не будучи въ состояніи заплатить долга, грузинъ отдавалъ себя въ рабство заимодавцу. Законъ допускалъ также отцамъ, по причинѣ ихъ убожества, продавать дѣтей въ рабство. Въ рабство могъ идти всякій свободный человѣкъ. Земледѣлецъ, принадлежащій господину, отдавалъ себя въ рабство ему же, но крестьянинъ одного господина, не могъ продавать себя въ рабство другому.

Рабы не имѣли права приносить жалобъ на своихъ господъ и дурно отзываться о нихъ. Рабы могли быть подвергаемы всякому наказанію, но лишеніе жизни зависѣло отъ царя, какое бы преступленіе ни было ими сдѣлано. Въ неважной винѣ, законъ опредѣлялъ прощеніе рабу, дабы не нарушить выгодъ его владѣльца. Получивъ отъ своего господина землю или другое какое-либо недвижимое имущество, рабъ не имѣлъ права его продать или заложить, и если бы отдалъ кому-либо свое имѣніе и вслѣдъ затѣмъ получилъ свободу, владѣлецъ имѣлъ право имѣніе это отобрать. Рабъ не имѣлъ юридическаго права ни самъ

занять денегъ, ни давать ихъ въ займы кому-либо другому. Владѣлецъ имѣлъ право продавать своихъ рабовъ, дарить, мѣнять, кромѣ тѣхъ, которые куплены отъ родителей по причинѣ ихъ убожества. Такихъ помѣщикъ не имѣлъ права продавать, но потомки ихъ теряли это преимущество.

Рабы дѣлались свободными или выкупомъ, или по волѣ своего владѣльца, но еслибы впослѣдствіи владѣльцы эти обѣднѣли, отпущенникъ обязанъ былъ прислуживать своему бывшему владѣльцу, не укоряя его. Законъ и обычаи грузинскіе налагали на такого отпущеннаго обязанность «всегда чувствовать, лично изъявлять и дѣйствіями доказывать благодарность свою къ прежнему своему господину, не говорить о немъ ничего непристойнаго». Свидѣтельства раба, даже и отпущеннаго, ни противъ своего владѣльца, ни противъ его семейства не принимались въ судѣ.

Главою грузинскаго духовенства былъ *католикосъ*, который избирался въ это званіе царемъ и посвящался въ санъ соборомъ архіереевъ.

Въ католикосы избирались преимущественно младшіе сыновья царя или его братья, но могли быть избраны и князья грузинскіе и даже лица низшаго состоянія, по личному достоинству.

Безъ согласія царя, даже и магометанскаго, католикосъ не могъ поставлять епископовъ, архимандритовъ, перемѣщать ихъ съ одного мѣста на другое. Онъ былъ главный распорядитель церковными имѣніями и, для собственнаго своего содержанія, имѣлъ особый удѣлъ, въ которомъ ему были подвластны 13-ть дворянскихъ семействъ, равныхъ по правамъ съ дворянами княжескими. Кромѣ доходовъ съ имѣній, католикосу присвоены были нѣкоторыя статьи доходовъ съ разныхъ откуповъ по государству. Управленіе духовными имѣніями возлагалось на дворянъ католикоса, и безъ согласія царя нельзя было продавать этихъ имѣній или увеличивать новою покупкою.

Въ *монахи* могли поступать изъ всѣхъ сословій, но въ архіереи избирались преимущественно князья и дворяне, прошедшіе низшія ступени монашества. Запрещалось закономъ помѣщикамъ, при раздѣлѣ имѣній, отдавать часть въ пользу людей духовнаго званія.

Въ бѣлое духовенство поступали не наслѣдственно, по достоинству и по избранію изъ дворянъ и другихъ низшихъ сословій народа, не теряя никакихъ преимуществъ по своему происхожденію.—«Если же, писалъ Лазаревъ [1]), изъ низкаго состоянія

---

[1]) Письмо Лазарева Кнорингу, 8 мая 1801 г.—Акт. Кавк. Ком. т. I, 329.

поступитъ кто на высшій классъ духовнаго достоинства и въ то мѣсто, кое прежде занималъ князь или дворянинъ, то пользуется тѣми же правами.» Были въ Грузіи въ званіи священниковъ крестьяне, которые и въ этомъ случаѣ не освобождались отъ зависимости своимъ владѣльцамъ, что̀ распространялось и на ихъ дѣтей. Посвященіе въ священники и опредѣленіе церковнаго причта зависѣло отъ епархіальнаго архіерея, причемъ запрещалось какъ раздробленіе прихода, такъ и присвоеніе его священникамъ по наслѣдству.

Приходскіе священники и причтъ церковный не пользовались ничѣмъ съ церковныхъ имѣній, а жили собственными трудами и доходами отъ прихода. Что̀ же именно долженъ былъ получать священникъ съ прихожанъ, опредѣлялось закономъ. Причтъ церковный освобождался отъ податей.

По законамъ, домъ, продаваемый священникомъ, долженъ быть купленъ священникомъ же.

Всѣмъ вообще духовнымъ лицамъ запрещалось вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, но и духовнаго человѣка не могъ судить свѣтскій, за исключеніемъ важнаго преступленія, какъ напр. убійства, разбоя, дѣланія фальшивыхъ денегъ и проч.

«Вообще же—доносилъ Лазаревъ [1]) о всѣхъ сословіяхъ грузинскаго народа — никакихъ особыхъ привилегій не имѣютъ, какъ князь такъ и крестьянинъ равно служатъ; какъ князь такъ и крестьянинъ равно наказываются».

Такова была Грузія, со своими обычаями, нравами, сословными отношеніями — въ тотъ годъ, когда намъ досталось принимать ее въ свои руки. Для дополненія этой общей картины, намъ слѣдуетъ теперь представить такую же своеобразность юридическаго, гражданскаго и военнаго быта Грузіи, въ ту же самую эпоху, чтобы потомъ вполнѣ понять, гдѣ могла заключаться причина, по которой преобразованія этой страны, какъ они были задуманы первыми ея русскими управителями, оказались неудачными.

Н. Дубровинъ.

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком. т. I, 330.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОЗДНѢЙШІЯ ВОЛНЕНІЯ

ВЪ

ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

(Историческій разсказъ).

I.

Бунтъ государственныхъ крестьянъ челябинскаго уѣзда въ 1843 году [1]).

Если реформа 19 февраля 1861 г. не обошлась, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, безъ печальныхъ явленій, то нельзя удивляться тому, что учрежденіе въ тридцатыхъ годахъ — управленія государственными имуществами, не избѣгло общей участи почти всѣхъ нововведеній, и встрѣчено было мѣстами, какъ всякая реформа, съ недовѣріемъ и даже неудовольствіемъ.

Нечего и говорить, что корень такой враждебности народа ко всякаго рода реформамъ, находящимся въ прямомъ отношеніи къ народному быту, заключался, главнымъ образомъ, въ безучастіи въ этихъ реформахъ самого народа съ одной стороны, и съ другой — въ крайнемъ неразвитіи массы, коснѣющей, за недостаточностью правильно организованныхъ, да и всякихъ

---

[1]) Челябинскій уѣздъ, Оренбургской губерніи, считается искони самымъ населеннымъ и самымъ богатымъ уѣздомъ въ губерніи; въ немъ насчитываютъ до 500 деревень и до 100,000 муж. душъ населенія.

сельскихъ школъ, — въ грубомъ невѣжествѣ, всегда представляющемъ, для злонамѣренныхъ людей, удобную почву къ посѣву всевозможныхъ мятежей и сумятицъ въ землѣ русской.

Не было еще той нелѣпости, которой бы не повѣрилъ русскій простолюдинъ, и своимъ легкомысліемъ не навлекъ бы, въ послѣдствіи, на себя кары закона.

Исторія Челябинскаго бунта 1843 г., послужитъ лучшимъ и нагляднѣйшимъ доказательствомъ высказанной мною мысли. Грустный фактъ этотъ, изъ жизни нашего народа, поражаетъ тѣмъ болѣе, что его нельзя отнести къ событіямъ давно минувшихъ временъ, такъ какъ ему довелось совершиться лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и воспоминаніе о немъ еще живо въ памяти народной.

I.

Первыя неудовольствія крестьянъ, и шадринское волненіе, какъ начало бунта.

Въ богатыхъ селахъ и деревняхъ, славящихся хлѣбною промышленностью, многолюдными базарами и ярмарками [1]), хорошо и привольно жилось челябинскимъ мужичкамъ, незнакомымъ съ крѣпостнымъ правомъ [2]), невѣдавшимъ надъ собою почти никакого начальства, — кромѣ становаго въ уѣздѣ, да исправника, судьи, стряпчаго и, пожалуй, доктора въ городѣ. Наѣдетъ, бывало, кто нибудь изъ нихъ, въ село, или деревню, остановится у почетнаго старика, хозяинъ радушно «ублаготворитъ» его выкоблагородіе чайкомъ съ «честнымъ» [3]). Гость соберетъ міръ, побаетъ съ нимъ о чемъ надо было, сядетъ въ повозку, да и былъ таковъ, а міръ разбредется по домамъ, и снова возьмется за прерванную работу, на себя грѣшнаго, да на «царя-батюшку», чтобы по-прежнему отправлять ему повинности свои бездоимочно.

---

[1]) Почти во всѣхъ селахъ Челябинскаго уѣзда существуютъ базары, а въ болѣе многолюдныхъ, какъ напр. село Чумляцкое, слободы: Воскресенская и Куртамышевская,—учреждены ярмарки. Обороты Куртамышевской ярмарки превышаютъ обороты городской Челябинской ярмарки. Вообще торговое дѣло развито въ уѣздѣ; даже въ селѣ Петровскомъ, имѣніи гг. Качко, бываютъ ярмарки.

[2]) Въ Челябинскомъ уѣздѣ почти нѣтъ помѣщиковъ, кромѣ гг. Качко и другихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

[3]) «Честнымъ» назывался у крестьянъ обычай, принявъ чиновнаго гостя, угостить чаемъ, или водкой съ положенными на подносѣ деньгами, отъ 10 до 25 р. сер. и болѣе, смотря по чину. Если гость не принималъ денегъ, то хозяинъ удвоивалъ куши и даже утроивалъ до тѣхъ поръ, пока гость не принималъ «честное».

Такъ жили крестьяне до 1839 г., когда нежданно-негаданно, свалилась къ нимъ, словно съ неба, какъ снѣгъ на голову — незабвенная вѣсточка о томъ, что они поступаютъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ.

Наѣхало новое начальство—объявить мужичкамъ волю государеву: о введеніи у нихъ новыхъ порядковъ,—и приказало имъ выбрать изъ среды своей разныхъ чиновниковъ въ волостное правленіе, въ сельскія и волостныя расправы, смотрителей магазиновъ, старостъ, сборщиковъ податей и прочихъ должностныхъ лицъ. Смутились и опечалились новыми порядками простодушные міряне, но, сообразивъ, что воля государева для нихъ законъ, приступили къ выборамъ. Разумѣется, все, что было по-богаче и имѣло какія либо торговыя дѣла,—все это, подъ разными благовидными предлогами и откупомъ, увильнуло отъ выборовъ, по неразумѣнію своему не вѣдая, что такимъ уклоненіемъ отъ службы обществу, въ недалекомъ будущемъ, навлекало на себя и на все общество бѣду неминучую! На баллотировку собрались «горе» — а не крестьяне, «голь перекатная», или «проходимцы бездомные», ну и выбрали сами себя въ разныя должности.

Понятное дѣло, что какъ только подобные начальники вкусили и разчухали всю силу и прелесть власти, то тотчасъ-же устремились обирать крестьянъ, сдѣлавшись ярами-міроѣдами.

— Бывало прійдетъ къ тебѣ старшина, альбо староста, разсказываютъ старики, и стоитъ у тебя на дворѣ до тѣхъ поръ, пока ты его всѣмъ не ублаготворишь, чаво ему надобно!... А то, еще иной разъ почудится ему, что онъ съ тебя утромъ мало взялъ, такъ еще и вечеркомъ къ тебѣ пожалуетъ, ты, значитъ, ему «чеснымъ» поклонись!» [1]).

Безъ сомнѣнія, въ такомъ видѣ нововведеніе не могло нравиться крестьянамъ. Бывало соберутся мужички въ кучу, или въ избу къ кому нибудь, да и ведутъ между собою непригожія рѣчи о новыхъ начальникахъ - «міроѣдахъ». Не стало мочи терпѣть; стали крестьяне жаловаться высшему начальству на лиходѣйствіе сельскихъ властей, а высшее начальство, въ лицѣ «окружного», усматривая въ этомъ неповиновеніе крестьянъ властямъ предержащимъ, на нихъ же бывало нашумитъ да накричитъ, и не сдѣлавши никакого разбора, даже не пригрозитъ озорникамъ. Послѣдніе, видя безнаказанность своихъ поступковъ, еще пуще

---

[1]) Обычай этотъ до такой степени укоренился между крестьянами, что если чиновный гость не взялъ «чесного», то домохозяину, у котораго онъ остановился, нельзя было носу на улицу показать, безъ того, чтобы міръ не посмѣялся его неумѣлости принять и угостить гостя какъ должно.

стали міръ обижать. А тутъ, вскорѣ, въ руки этихъ міроѣдовъ, сама палата дала новое оружіе. Случилось это такимъ образомъ.

Оренбургская палата государственныхъ имуществъ, ревнуя о благосостояніи ввѣренныхъ ея попеченію крестьянъ, распорядилась разослать во всѣ волостныя правленія образцы усовершенствованнаго сельскаго хозяйства, какъ-то: хлѣба разныхъ сортовъ, льну и холста, тканаго на широкихъ бердахъ, съ рисункомъ послѣднихъ, предлагая убѣдить крестьянъ, «для вящей ихъ пользы», завести у себя такое хозяйство. Тогда же было предложено учредить въ селеніяхъ запасные хлѣбные магазины, и предписано *обязательное* разведеніе картофеля. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести увеличеніе податей.

Такое благодѣтельное, въ принципѣ, вмѣшательство новаго начальства въ дѣло усовершенствованія сельскаго хозяйства, понято было крестьянами за стѣсненіе свободы дѣйствій въ ихъ обиходномъ быту. На первыхъ порахъ, неудовольствіе это выразилось тѣмъ, что крестьяне, смотря съ раздражительнымъ недовѣріемъ на нововведенія, стали по ночамъ тайно собирать сходы и толковать на нихъ, какъ-бы отдѣлаться отъ непризванной, по ихъ убѣжденію, опеки. Особенно непріятно подѣйствовали на крестьянъ, въ большинствѣ—раскольниковъ и единовѣрцевъ, настоянія сельскихъ и чиновныхъ высшихъ властей на обязательномъ разведеніи картофеля. — «Зачѣмъ намъ сѣять картофель, отговаривались крестьяне, мы и безъ него не умремъ съ голоду.... у насъ большое хлѣбопашество и скотоводство, можемъ прожить и безъ поганаго плода». Но начальство упиралось, и не дешево крестьянамъ стоило откупиться отъ картофеля.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло новаго управленія въ теченіи 1840, 1841 и 1842 гг.; стѣсненіе крестьянъ шло прогрессивно, прогрессивно же возрастала къ новымъ порядкамъ и ненависть крестьянъ. Сѣтованіе послѣднихъ на угнетеніе принимало все болѣе и болѣе крупные размѣры, сходы собирались все чаще и чаще, и на нихъ только и толку бывало — какъ-бы отдѣлаться отъ новаго управленія, всѣ распоряженія котораго признавались мужичками за тягостныя и клонящіяся ко вреду ихъ благосостоянія. А между тѣмъ въ сосѣднемъ Челябинскому, Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ концѣ апрѣля 1842 года вспыхнуло между крестьянами волненіе, вслѣдствіе слуховъ о записи ихъ будто бы въ помѣщичьи крестьяне[1]).

---

[1]) Хотя краткое, но превосходное описаніе шадринскаго волненія помѣщено г. Зыряновымъ — въ Пермскомъ Сборникѣ за 1860 г.

Такъ какъ событіе это имѣетъ прямую и несомнѣнную связь съ бунтомъ челябинскихъ государственныхъ крестьянъ, то я нахожу необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о шадринскомъ волненіи, перешедшемъ, или правильнѣе сказать, повторившемся черезъ одиннадцать мѣсяцевъ въ Зауралѣ, но, къ несчастью, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и имѣвшемъ болѣе серьёзныя послѣдствія.

Въ селѣ Тамакульскомъ, Шадринскаго уѣзда, на праздникъ великомученика Георгія бываетъ большой базарный съѣздъ. Въ 1842 г., праздникъ этотъ пришелся въ четвергъ на святой недѣлѣ, и поэтому съѣздъ былъ многолюднѣе прежнихъ; кромѣ торговцевъ, съѣхавшихся сюда съ различнымъ товаромъ, собралось много гостей изъ сосѣднихъ и пограничныхъ шадринскихъ селеній.

Праздникъ начался шумно и весело, но общее веселіе было внезапно нарушено самими крестьянами Тамакульской волости, безчеловѣчно избившими писаря Каналина, который, отъ причиненныхъ ему побоевъ, вскорѣ умеръ. Поводомъ къ такому звѣрскому поступку послужили слухи, распущенные въ народѣ злонамѣренными людьми, что будто бы крестьяне проданы какому-то барину, и что уже сельскія ихъ власти получили приказаніе отъ помѣщика о сборѣ въ его пользу съ крестьянъ непомѣрно огромныхъ повинностей разнаго рода. Пріѣхавшіе на базаръ крестьяне быстро разнесли вѣсть о случившемся по окрестностямъ. Распространенію этихъ ложныхъ слуховъ по селеніямъ, не мало способствовали, замѣчаетъ г. Зыряновъ, камышловскіе нищіе, разъѣзжавшіе большими ватагами за подаяніемъ. Въ Камышловскомъ уѣздѣ тоже происходило волненіе и по тому же поводу.

Въ селѣ Широковскомъ, Долматской волости, находящемся въ 12 верстахъ отъ села Тамакульскаго, крестьяне, собравшись огромною толпой къ сельскому управленію, требовали отъ старшины—дѣла «о продажѣ ихъ подъ барина». Безграмотный старшина завѣрялъ крестьянъ всѣми святыми, что въ управѣ нѣтъ, и никогда не было такого дѣла, и что никто ихъ никому не продавалъ и продать не можетъ,—а между тѣмъ послалъ нарочнаго къ долматскому головѣ, съ извѣстіемъ о случившемся. Послѣдній тотчасъ же прибылъ въ село Широковское. Найдя тамъ огромную толпу крестьянъ, голова Иванчиковъ спросилъ ихъ, для чего, и зачѣмъ они собрались? Крестьяне отвѣчали, что ихъ возмутили слухи о томъ, что будто бы всѣ они поступаютъ подъ барина, о разведеніи картофеля, о посѣвѣ какого-то запаснаго хлѣба, и что они желали бы знать истину. Голова

былъ мужикъ грамотный, изъ писарей, старался убѣдить народъ въ ложности смутившихъ его слуховъ и, въ доказательство своихъ словъ, читалъ и объяснялъ имъ предписанія начальства о распространеніи картофеля и объ общественныхъ запасахъ. Крестьяне туго подавались на убѣжденія Иванчикова, такъ что голова изыскивалъ средства прекратить волненіе въ началѣ, пригласилъ приходскаго священника и вмѣстѣ съ нимъ увѣщевалъ народъ успокоиться, а для удостовѣренія въ справедливости своихъ заявленій міру, предлагалъ крестьянамъ отправить изъ среды своей нарочнаго къ шадринскому начальству для узнанія истины. На это послѣднее предложеніе головы, крестьяне, повидимому, согласились; но какъ только Иванчиковъ уѣхалъ въ Долматовъ, они послали не въ Шадринскъ, а въ Тамакульское село развѣдать, что намѣрены предпринять тамакульцы?

Поздно вечеромъ, возвратился волостный голова Иванчиковъ въ Долматовъ, предполагая образумить крестьянъ своей волости, въ полномъ собраніи ихъ волостнаго схода, на которомъ онъ надѣялся встрѣтить людей здравомыслящихъ.

Въ назначенный головою день (28 апрѣля), толпы народа тянулись со всѣхъ сторонъ въ Долматовъ и скоплялись вокругъ волостного правленія. Около полудня пришелъ въ правленіе голова, и хотя собравшіеся крестьяне и позывались потолковать съ нимъ о баринѣ, картофелѣ, и т. п., но Иванчиковъ не открывалъ схода, ожидая прибытія широковцевъ, болѣе другихъ волновавшихся.

Наконецъ, въ 2 часа, съ крикомъ и шумомъ появились широковцы. Протолкавшись впередъ, они потребовали отъ головы: «указа за высочайшимъ подписомъ, на трехъ-рублевомъ гербовомъ листѣ, объ отчисленіи ихъ къ какому-то господину, со взысканіемъ съ каждой души, съ мужиковъ по 90 руб. и съ женщинъ по 70 руб., холста и кромѣ того по 6-ти пудъ хлѣба съ души». Потомъ потребовали распоряженія «о разведеніи картофеля и о неприкосновенномъ запасѣ хлѣба». Голова нѣсколько разъ перечитывалъ и объяснялъ бунтующимся послѣднія, но они ему не вѣрили и говорили, что онъ самъ написалъ ихъ. Слова: бунтъ, бунтъ! переносились изъ устъ въ уста и достигли наконецъ до монастыря, гдѣ въ отвѣтъ на нихъ загудѣлъ набатъ, сперва на монастырской колокольнѣ, а потомъ и на Николаевской приходской. Жители Долматова раздѣлились на двѣ половины: одна, подъ вліяніемъ страха, бросилась въ монастырь и заперла за собой ворота; другая, напротивъ, бѣжала къ волостному правленію. Смятеніе стало общимъ. Никто не хотѣлъ слушать разумнаго голоса головы, и ему угрожала опасность.

Нѣсколько разъ, въ короткое время, положеніе головы въ рукахъ мятежниковъ переходило отъ худшаго къ лучшему и на оборотъ. Видно было, что крестьяне еще колебались въ это время; недостойный служитель алтаря, священникъ Николаевской церкви Василій Гвоздевъ, вмѣсто того, чтобы пастырскимъ внушеніемъ образумить волнующихся, крикнулъ толпѣ: «По-дѣломъ вору и мука! бейте его, собаку!» и прибавилъ къ этому, что съ крестьянъ велѣно собирать на господина съ каждой души по полупуду масла, по 10 фунтовъ маку, и отъ 40 до 100 аршинъ холста. Это слово ободрило бунтовщиковъ, и они стали придумывать самыя ужасныя пытки для головы. Во время крестнаго хода изъ монастыря, предпринятаго съ цѣлью подѣйствовать и отвлечь вниманіе бунтовщиковъ, голова, старшина и писарь были отбиты у карауливших ихъ крестьянъ и уведены въ монастырь.

Возмущеніе, переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, скоро обняло весь Шадринскій уѣздъ. Болѣе другихъ волновались жители села Широковскаго, деревень: Тропиной, Нижнеярской, Смирновой, Затеченской, Кривской и села Иванищевскаго. Въ послѣднемъ, одинъ крестьянинъ, выйдя отъ заутренни изъ единовѣрческой церкви, остановилъ народъ и внушилъ ему мысль о бунтѣ, говоря: «Что за бѣда, если и десять человѣкъ будетъ убито, но вѣдь тысячи въ живыхъ останутся, а на всѣхъ плетей не напасешься!» Повсюду производились розыски несуществующаго указа, страдали головы, старшины, засѣдатели, писаря, даже чиновники и духовенство. Вездѣ крестьянами заявлялись одни и тѣ же требованія къ сельскому начальству, конечно, не безъ варіантовъ пущенному слуху; — такъ въ деревнѣ Затеченской (въ 4-хъ верстахъ отъ Долматова), крестьяне требовали отъ писаря указа о взысканіи съ нихъ, съ каждой души, только по 70 рублей (а не по 90), кромѣ того, съ женъ ихъ по 20 фунтовъ коровьяго масла и по 25 аршинъ холста съ каждой.

Появленіе въ уѣздѣ части шадринской инвалидной команды и военной команды изъ чувашей, находящейся при временномъ отдѣленіи, и слухи о прибытіи нѣсколькихъ ротъ, навели на крестьянъ паническій страхъ, такъ что они изъявили готовность вѣрить чиновникамъ на-слово и сами выдали зачинщиковъ. Взято было до 700 человѣкъ и отправлено въ острогъ для преданія суду. Всѣ они, по мѣрѣ виновности ихъ, приговорены были военнымъ судомъ къ разнаго рода наказаніямъ, но покойный императоръ Николай Павловичъ даровалъ шадринцамъ помилованіе, и только 20 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ были наказаны 200

ударами розогъ, вмѣсто опредѣленнаго имъ военнымъ судомъ шпицрутеннаго наказанія и ссылки въ каторжную работу.

Во все время шадринскаго волненія, сношенія челябинскихъ крестьянъ съ сосѣдними шадринскими селеніями не были прекращены, а слѣдовательно и обмѣнъ мыслей крестьянъ обоихъ уѣздовъ не прерывался. Очевидно, что искра едва погашеннаго пожара шадринскаго, занесенная въ Челябинскій уѣздъ, найдя себѣ пищу въ неудовольствіи челябинцевъ на новые порядки, вскорѣ вспыхнула еще съ большею силою.

II.

Воскресенская слобода [1].

Насталъ 1843 годъ. Къ неудовольствію крестьянъ на новое управленіе присоединились слухи, занесенные, какъ я сказалъ выше, изъ Шадринскаго уѣзда, о поверстаніи всего Челябинскаго уѣзда подъ барина. Озлобленіе крестьянъ перешло въ открытый ропотъ. Всѣ мѣры, принимаемыя мѣстнымъ начальствомъ успокоить волненія умовъ, оставались тщетными. Никто не могъ убѣдить крестьянъ въ ложности тревожившихъ ихъ слуховъ. Лишивъ довѣрія своихъ сельскихъ и уѣздныхъ начальниковъ, челябинцы требовали отъ нихъ выдачи указа и, въ противномъ случаѣ угрожали бунтомъ. Священники то же заподозрѣны были народомъ,—и за ними былъ установленъ надзоръ, ограничивавшійся на первыхъ порахъ тѣмъ, что крестьяне слѣдили, какъ священнослужителями записывались новорожденные въ метрическія книги — свободными или крѣпостными. Сходы сдѣлались явными и приняли зловѣщій характеръ.

Воскресенская слобода — волость, заключавшая подъ своимъ волостнымъ правленіемъ до 10,000 душъ мужескаго пола государственныхъ крестьянъ, первая подняла знамя бунта и сдѣлалась скоро сборнымъ пунктомъ жителей прочихъ волостей, Окуневской, Кислянской, Каменной и другихъ. Причиной этому было то, что первую возмутительную бумагу ввезъ въ Челябинскій уѣздъ крестьянинъ Воскресенской волости, деревни Березомыской, Иванъ Ѳедоровъ Фадюшинъ, по прозвищу *«Люсый»*, а копіи съ той бумаги списывалъ и развозилъ по прочимъ селеніямъ, съ *«Люсымъ»*, крестьянинъ самой Воскресенской слободы Андрей Ивановъ Варушкинъ, частно занимавшійся письмовод-

---

[1]) Лѣтопись отца Льва Инфантьева и Воскресенская рукопись.

ствомъ въ Воскресенскомъ волостномъ правленіи и писавшій иногда прошенія крестьянамъ. Андрей Варушкинъ былъ человѣкъ не глупый и добрый, но пьяница, какъ говорится, безпросыпный! Тайно развозимый Фадюшинымъ по окрестнымъ селеніямъ Варушкинъ, ни на минуту не выходя изъ ненормальнаго состоянія, съ-пьяна писалъ все, что взбредетъ ему на умъ; обыкновенно онъ начиналъ тѣмъ, что подписывалъ вверху бумаги сперва «копія», потомъ, «копія съ копіи», и наконецъ: «съ перекопіи копія». Вотъ образчикъ подобнаго сочиненія: «Указъ», слѣдуетъ титулъ Его Императорскаго Величества, и затѣмъ идетъ самое содержаніе этого любопытнаго документа. «Вы, государственные крестьяне, поступаете во владѣніе помѣщику Кульневу [1]), вы должны сѣять ему хлѣбъ, сжать, измолотить и доставить въ магазинъ барина. Платить ему еще оброкъ по 100 рублей съ души; отдавать ему половину скота и птицы. А жены ваши должны прясть изъ своей кудели, ткать холсты — для чего выдадутъ имъ отъ барина деревянные станки (красна) и берда широкія мѣдныя. За неисполненіе всего этого будутъ наказывать не какъ ныньче розгами, а плетьми, да ссылать въ Сибирь; а распоряжаться будутъ чиновники подъ названіемъ окружныхъ начальниковъ и волостныя правленія, которыя учреждены уже отъ барина, а члены правленія будутъ брать съ васъ же жалованіе, которое назначилъ имъ баринъ».

Люсый, вручивъ съ этой нелѣпицы «копіи» и «перекопіи» своимъ агентамъ для распространенія ихъ въ прочихъ волостяхъ подъ клятвеннымъ секретомъ, внушилъ имъ при этомъ объяснять крестьянамъ, что такія же копіи находятся во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ; а Варушкинъ, разъѣзжая, разсказывалъ, что «подлинный указъ написанъ на тонкой бумагѣ съ золотыми строчками и золотымъ клеймомъ (печатью), который онъ видѣлъ съ такимъ украшеніемъ у земскаго исправника, въ бытность его (исправника) въ слободѣ Воскресенской, и украдкою читалъ указъ, въ то время, когда исправникъ уходилъ куда-то».

Такъ какъ этимъ дѣломъ руководилъ Люсый, человѣкъ, правда, безграмотный, но хитрый и скрытный, то сельскія власти рѣшительно становились въ тупикъ, и терялись въ догадкахъ, кто могъ внушить крестьянамъ толки о томъ, что они проданы барину, и что палата государственныхъ имуществъ—не палата, а барская контора; чиновники же, какъ-то окружный, его помощникъ и другіе, не царевы слуги, а барскія довѣрен-

---

[1]) Воскресенская рукопись называетъ помѣщика Кульневымъ, и, какъ можно предположить, разумѣетъ героя 1812 года.

ныя лица. Ясно было для всѣхъ одно, что народъ волновался и на частыхъ сходахъ сговаривался и готовился къ возмущенію.

Это было въ мартѣ 1843 года.

Первый взрывъ бунта выразился тѣмъ, что народъ ринулся прямо въ волостныя правленія и требовалъ отъ писарей «указъ, съ золотыми буквами и печатью», въ которомъ, какъ я сказалъ выше, объявлялось всему Челябинскому уѣзду о передачѣ его во владѣніе помѣщику Кульневу. Напрасно писаря старались представить крестьянамъ всю нелѣпость ихъ предположенія, крестьяне не хотѣли имъ вѣрить, называя ихъ *«міропродавцами»*, и сами придумали даже цифру суммы, за которую они будто бы были проданы Кульневу своими чиновниками, писарями и даже духовенствомъ. Начались пытки надъ писарями; несчастные подвергались побоямъ, купанью въ прорубяхъ, обливанью холодной водой, заключенію въ оковы и заключенію подъ стражу, въ какое-либо селеніе, гдѣ томились отъ голоду!... Иные изъ писарей скрывались или въ собственныхъ домахъ съ оружіемъ, какъ и становые приставы, или у благонадежныхъ сосѣдей. Малограмотные крестьяне, по требованію бунтующей толпы, рылись въ бумагахъ волостныхъ правленій, и, ничего не видя подходящаго къ искомому ими указу съ золотой строчкой, наконецъ пришли къ тому заключенію: что такая важная бумага должна храниться у духовенства, если не въ домахъ, то въ церквахъ подъ *престоломъ*. Въ бѣшеномъ азартѣ крестьяне врывались въ домы духовенства и въ храмы божьи и требовали отъ священниковъ выдачи «указа». Съ потерею уваженія къ пастырямъ и къ самой святынѣ, бунтовщики не принимали ни кроткихъ увѣщаній, ни угрозъ праведнымъ гнѣвомъ божіимъ и карою закона, и окончательно одурѣли!...

— «Это было ужасное состояніе!» восклицаетъ въ своей лѣтописи отецъ Левъ, «его пойметъ только тотъ—продолжаетъ онъ — кто былъ когда-либо свидѣтелемъ всякаго безначалія! Бунтующіе крестьяне ринулись наконецъ на тѣхъ изъ собратій своихъ, которые не принимали участія въ возмущеніи — безчестили и тиранили ихъ... Оцѣпили караулами домы чиновниковъ, писарей и духовенства. Подать извѣстіе правительству объ такомъ ужасномъ положеніи, не представлялось никакой возможности. Окружный начальникъ въ началѣ возмущенія въѣзжалъ въ уѣздъ, но убѣдившись, что вліятельность его власти давно улетучилась— удралъ въ Челябу. Попытка исправника усмирить крестьянъ, какъ мы увидимъ ниже, тоже не удалась, и самъ онъ черезъ Башкирію едва уплелся въ городъ; становые пристава сидѣли, запершись въ своихъ квартирахъ, осажденные бунтующимися

крестьянами. Ближайшія къ Челябѣ волости, Бѣлоярская и Чумляцкая, тоже не могли передать точныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ дѣлалось въ центрѣ уѣзда.»

Но возвратимся собственно къ проявленію мятежа въ слободѣ Воскресенской. Люсый и Варушкинъ не могли съ перваго раза подѣйствовать на воскресенцевъ, потому что послѣднимъ хорошо были извѣстны дурныя стороны обѣихъ этихъ личностей. И кромѣ того, въ Воскресенской слободѣ имѣли квартиры становой приставъ, лѣсничій, нѣсколько отставныхъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, три священника, волостной и расправный писаря и ихъ помощники. Всѣ они, конечно, старались изо всѣхъ силъ, въ виду личной безопасности, успокоить умы. А потому Люсый и Варушкинъ, при помощи 10 грамотныхъ, жившихъ въ деревнѣ Щучьей, неподалеку отъ Воскресенской, запасшись достаточнымъ количествомъ «копій съ копій» вымышленнаго указа, начали свои дѣйствія съ отдаленныхъ селеній, пограничныхъ съ Шадринскимъ уѣздомъ. Съ быстротою молніи возмутительныя бумаги охватили Воскресенскую волость и весь Челябинскій уѣздъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ стали появляться толпы въ самой Воскресенской слободѣ, изъ окрестныхъ селеній и волостей, увлекая за собою нѣкоторыхъ изъ воскресенцевъ. Лучшіе изъ крестьянъ не оказали возмутившимся никакого сочувствія. Обличительное слово *даровитаго* проповѣдника, отца Льва Инфантьева, произнесенное имъ съ церковной каѳедры, въ недѣлю крестопоклонную, глубоко подѣйствовало на слушателей, которымъ проповѣдникъ умѣлъ представить въ яркихъ краскахъ всю нелѣпость положенія возмутившихся ихъ собратій, и съ этого времени въ домы первыхъ не имѣли доступа никакія бредни. За то и поплатились воскресенцы осадою со всѣхъ сторонъ, а священникъ Инфантьевъ за свое слово подпалъ большему противу другихъ подозрѣнію и ненависти. Бунтовщики говорили, что «воскресенская уйдетъ на воздухъ», т. е. застращивали пожаромъ, но не исполнили своихъ угрозъ, потому что часть воскресенцевъ принимала участіе въ общемъ мятежѣ.

Начались пытки и побои; схватили волостного писаря А. Ганчикова, его помощника, писаря сельской расправы Д. Дмитріева, засѣдателя волостнаго правленія И. Яшкина и другихъ, били ихъ и съ яростью требовали бумагу «о записи ихъ подъ барина». Не взирая на слезы и клятвы несчастныхъ, увѣрявшихъ, что они не знаютъ никакой бумаги, потащили ихъ утопить въ рѣкѣ Міасѣ, которая только что вскрылась, но кончили тѣмъ, что привязанныхъ къ столбу страдальцевъ обливали водой изъ

рѣки до тѣхъ поръ, пока не лишились они чувствъ! Затѣмъ бунтующіе бросились въ дома лучшихъ воскресенцевъ, которые не приняли участія въ мятежѣ; вязали ихъ къ заплотамъ; на улицахъ была грязь, и несчастныя жертвы народнаго безумія, забрызганныя этою грязью съ головы до ногъ, представляли зрѣлище комико-трагическое. Родной братъ Андрея Варушкина, Д. Варушкинъ, человѣкъ «ярый» и сильный, какъ гласитъ лѣтопись, привязанный къ заплоту, не смотря на побои, кричалъ во все горло и предвѣщалъ мятежникамъ всю строгость суда и наказанія, обѣщая кому ссылку, кому каторгу, кому плети, кому кнутъ, поименно перечисляя главныхъ зачинщиковъ. «Удивительно», восклицаетъ лѣтописецъ, «какъ этотъ человѣкъ, послѣ такихъ жестокихъ побоевъ — остался живъ!»

Паническій страхъ овладѣлъ всѣми, когда бунтующіе бросились въ храмъ божій, въ которомъ требовали обыска, утверждая, что подъ св. престоломъ спрятанъ указъ съ золотыми буквами и печатью; но они воздержались отъ этого святотатственнаго преступленія, когда отецъ Левъ и другіе священники объяснили имъ, что тотъ, кто коснется св. престола, долженъ подлежать смертной казни и вѣчной мукѣ!...

Въ этотъ день (3 апрѣля), Воскресенская слобода кипѣла народомъ, отъ наплыва бунтующихъ съ разныхъ волостей; мостъ былъ снятъ, и они съ той стороны Міаса, съ отвагою русскаго человѣка, перебирались по плывущимъ льдинамъ. День склонялся къ вечеру, и бунтовщики, за недостаткомъ помѣщеній въ домахъ воскресенцевъ, расположились бивуаками на церковной площади, разложивъ огни. — Эту тяжелую ночь, говоритъ Инфантьевъ, въ его жизни, онъ провелъ на колокольнѣ съ волостнымъ головою, его предмѣстникомъ и другими, чтобы спастись отъ смерти, которою ему и имъ угрожали. Наступило утро и съ нимъ наступила катастрофа! Пошла расправа, — писаря Ганчикова, засѣдателя Япкина и прочихъ въ оковахъ повели подъ стражу въ отдаленныя селенія воскресенской волости. Мятежники требовали выдачи имъ священника Инфантьева, волостного головы и другихъ вмѣстѣ съ ними запертыхъ на колокольнѣ. Отецъ Левъ рѣшился сойти и вмѣстѣ съ прочими вошелъ въ храмъ. Самъ онъ вошелъ въ алтарь, и облачился въ священническія одежды, прочіе примкнули къ алтарю на клиросѣ, потомъ отперты были двери паперти и толпа бунтующихъ хлынула въ храмъ. Изъ алтаря, въ полномъ облаченіи, священникъ Левъ, стоя за престоломъ, объявилъ имъ, что онъ готовъ погибнуть, какъ св. Захарія между алтаремъ и храмомъ; но что кровь его и собратій—будетъ лежать на извергахъ и чадахъ

ихъ, и въ окровавленномъ храмѣ запустѣетъ служеніе Богу! «Такъ ли встрѣчаете вы, продолжалъ проповѣдникъ, дни наступающей Страстной недѣли? Вы злодѣи — вторые распинатели Христа!» —Отецъ Левъ замолчалъ. Бунтующіе со скрежетомъ зубовъ оставили храмъ и пошли съ обыскомъ въ домъ Инфантьева, жена котораго выставила на крыльцѣ хлѣбъ-соль и икону Ангела-Хранителя мужа, св. Льва, епископа Катанскаго. Крестьяне требовали у ней искомый ими указъ; но, не найдя ничего, кромѣ простыхъ бумагъ и документовъ, толпа отвалила. Всю страстную седьмицу оставался отецъ Левъ въ храмѣ; къ концу этой недѣли бунтующіе изъ селеній воскресенскаго прихода и прочихъ волостей прекратили съѣздъ въ Воскресенскую слободу и бунтовали въ своихъ мѣстахъ.

III.

Волненіе въ волостяхъ: Окуневской, Кислянской, Чумляцкой и Каменной съ прочими. — Неудачныя мѣры къ умиротворенію уѣзда. — Пораженіе Лагранжа и критическое положеніе исправника Деграве въ селѣ Каменномъ [1]).

Опираясь на лѣтописи, можно безошибочно сказать, что 1-е число апрѣля 1843 года было условнымъ днемъ возстанія всего уѣзда. Отыскиваніе указа, гоненіе и пытка—писарямъ, головамъ, попамъ и прочему чиновному люду, вездѣ стояли на первомъ планѣ. Поэтому, описывая мятежъ въ другихъ селеніяхъ Челябинскаго округа, я не буду повторять однихъ и тѣхъ же проявленій его, а укажу только на тѣ факты, повѣствованіе о которыхъ не могло войти въ разсказъ о бунтѣ Воскресенской слободы. Такъ, въ селѣ Окуневскомъ бунтъ ознаменовался сожженіемъ крестьянами великолѣпнѣйшаго бора съ криками: «Не доставайся наше сокровище барину!» Въ Кислянской волости, отставной поручикъ Шиховъ, не только самъ выразилъ готовность принять на себя обязанности волостнаго писаря, но даже знакомилъ мятежниковъ съ военнымъ искусствомъ. Въ селѣ Толовскомъ, бунтующіе прилагали особенныя старанія къ розыску своего волостного писаря Н. И. Кудрина (человѣка отъ природы умнаго, много читавшаго и, вслѣдствіе этого, литературно достаточно образованнаго), съ надеждою узнать отъ него всю подноготную, такъ какъ онъ, говорили крестьяне, постоянно скитался съ господами; но Кудринъ давно уже проживалъ въ Курганѣ, уѣздномъ городѣ

[1]) Лѣтописи Чумляцкая, Толовская и другія.

Тобольской губерніи, куда скрылся вмѣстѣ съ благочиннымъ Авраамовымъ.

Не найдя ни Кудрина, ни священниковъ, толовцы, розыскивая ихъ въ окрестностяхъ, наткнулись на дьячка, котораго тотчасъ-же схватили и готовы были подвергнуть свою жертву разнаго рода истязаніямъ. Находчивый дьячекъ, видя бѣду неминучую, не потерялся и кричалъ во все горло, что онъ за крестьянъ.

— Чѣмъ же ты намъ докажешь, приступали къ нему бунтовщики, что ты держишь нашу сторону?

— Я вамъ дамъ пушку, отвѣчалъ дьячекъ.

— Какую-такую пушку?... изъ которой палятъ што-ли? распрашивали крестьяне.

— Изъ которой палятъ, утвердилъ дьячекъ. Крестьяне согласились, и подъ карауломъ повели плѣнника къ дому, гдѣ, какъ говорилъ онъ, находится обѣщанная имъ пушка. Дьячекъ дѣйствительно вынесъ удивленнымъ бунтовщикамъ дѣтскую пушку въ полъ-аршина и объяснялъ имъ по нѣскольку разъ, куда помѣщается порохъ и какъ слѣдуетъ ею дѣйствовать, сообщая огонь затравкѣ. Наивный восторгъ толпы не имѣлъ границъ и жертва съ почетомъ и наградой была отпущена на свободу, а крестьяне съ торжествующимъ видомъ важно понесли свою находку.

Въ селахъ Чумляцкомъ, Каменномъ и слободѣ Куртамышской волненіе выражается въ нѣсколько иныхъ формахъ и принимаетъ, такъ сказать, нѣкоторую своеобразность, а потому мы признаемъ необходимымъ о проявленіи мятежа въ этихъ селеніяхъ сказать нѣсколько болѣе подробно, чѣмъ о прочихъ мѣстностяхъ волновавшагося уѣзда.

Въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало распоряженіе, отъ управленія государственными имуществами, объ общественномъ сборѣ, на содержаніе палаты, волостныхъ и сельскихъ управленій, по одному рублю ассигнаціями съ души въ годъ.

Тогда же отъ сельскихъ управленій было объявлено жителямъ для постановленія о сборѣ этихъ денегъ общественныхъ приговоровъ. Чумляцскіе крестьяне, выслушавъ настоящее заявленіе, предварительно отказались постановить объ этомъ приговоръ на томъ основаніи, что сходъ былъ неполный. Поэтому волостной голова назначилъ вновь сходъ, на который требовалъ, чтобы всѣ наличные крестьяне явились непремѣнно. Между тѣмъ, до сельскихъ властей дошли слухи, что жители рѣшительно не хотятъ вносить требуемыхъ съ нихъ денегъ и готовятся къ открытому возстанію, но лишь ожидаютъ *«копіи»* съ какой-то

бумаги. Вскорѣ были схвачены и представлены къ головѣ два крестьянина, проговорившіеся сельскому писарю о томъ, что уже прошло три года, какъ они проданы барину. Разумѣется, отъ нихъ были отобраны показанія, и сами они были заключены подъ арестъ, — съ цѣлью положить конецъ нелѣпымъ разглашеніямъ.

Въ назначенный для схода день, къ волостному правленію собралось чрезвычайно много народу, такъ что съ 10 часовъ утра приступили къ дѣлу и вновь прочтено было жителямъ распоряженіе начальства объ общественномъ сборѣ. На это крестьяне отвѣчали: «Если предписано вамъ (головѣ) собирать съ насъ деньги, то какіе еще требуются отъ насъ приговоры? Кто даетъ, такъ даетъ, а нѣтъ, такъ и только!» Сельскими начальниками предложено было, во всякомъ случаѣ, и объ отказѣ постановить приговоръ. Крестьяне, вмѣсто отвѣта, потребовали отъ писаря отчета въ прежде собранныхъ съ нихъ деньгахъ и о запасномъ хлѣбѣ. Давши требуемыя объясненія, мѣстныя власти напрягали всѣ силы ума, чтобы убѣдить крестьянъ въ ложности встревожившихъ ихъ слуховъ, но послѣдніе, не слушая никакихъ доводовъ, кричали только одно: «Мы проданы барину, и васъ *міропродавцевъ* слушать не хотимъ, а выберемъ себѣ новыхъ начальниковъ неграмотныхъ, которые будутъ съ нами за-одно!» Такъ велика была ненависть крестьянъ къ рабству, что страхъ сдѣлаться «барскими», отнималъ у нихъ способности мыслить и разсуждать здраво. Потомъ угрозы главнымъ образомъ были направлены на писаря. Послѣдній, однако, не струсилъ, и, продолжая увѣщевать крестьянъ до 7 часовъ вечера, успѣлъ образумить жителей трехъ деревень: Козеной, Тукманки и Кузнецовой, крестьяне которыхъ тотчасъ же ушли домой, и во все время мятежа, не принимая въ немъ никакого участія, оставались покойны. Въ доказательство же ихъ покорности потребовали, чтобы всѣхъ ихъ по-именно записали въ волостномъ правленіи, — что̀ и было исполнено.

Остальная толпа, отъ такого неожиданнаго успѣха противной стороны, пришла въ величайшее негодованіе, единогласно повторяя: — «Старики!... Ребята! стоять въ одно!» Этимъ кончился сходъ. О возникшихъ безпорядкахъ тою же минутой волостнымъ правленіемъ было донесено: земскому исправнику, окружному начальнику и становому приставу.

10 апрѣля, совершенно неожиданно прибыли въ село Чумляцкое управляющій палатою полковникъ Львовъ, исправникъ и окружной начальникъ. Нѣсколько жителей деревни Калмаковой и другихъ селеній, завинявшихся въ подстрекательствѣ кре-

стьянъ къ бунту, были лично управляющимъ наказаны розгами. По окончаніи этой экзекуціи, чиновники предполагали ѣхать далѣе въ село Каменное, но получили извѣстіе, что тамъ ожидаютъ ихъ огромныя скопища народа, готовыя дать имъ отпоръ! Поэтому, оставаясь въ селѣ Чумляцкомъ, полковникъ Львовъ, для уничтоженія этой шайки, распорядился вытребовать экзекуціонную команду, до 250 человѣкъ, какъ говоритъ чумляцкая лѣтопись, «*татарскихъ казаковъ*», безъ сомнѣнія башкиръ, бывшихъ въ то время войскомъ, и поручилъ командованіе надъ этимъ отрядомъ губернскому лѣсничему Лагранжъ [1]).

Отряду дано было приказаніе, слѣдуя окольными дорогами, чрезъ «*татарскія*» селенія, неожиданно явиться передъ бунтовщиками въ селѣ Каменномъ и однимъ ударомъ положить конецъ бунту! Чумлякцы на время стихли и выжидали чѣмъ кончится дѣло въ Каменной.

Планъ собравшихся крестьянъ въ село Каменное съ оружіемъ въ рукахъ былъ тотъ, чтобы, въ случаѣ высылки противъ нихъ войска, встрѣтить ихъ, и, нанеся имъ пораженіе, недопустить во внутрь уѣзда.

О движеніи Лагранжа съ отрядомъ, еще за нѣсколько верстъ до села, узнали бунтовщики, и, опираясь на свое превосходство въ силахъ [2]), приготовились встрѣтить непріятеля. Лагранжъ, потерявъ нѣсколько времени въ безполезныхъ переговорахъ, рѣшился подѣйствовать на крестьянъ аттакою; но многочисленныя толпы послѣднихъ скоро одолѣли и смяли войско лѣсничаго, которое бросилось утекать въ разсыпную; самъ Лагранжъ, благодаря только быстрому бѣгу лошади, бывшей подъ нимъ, спасся отъ смерти. За нимъ крестьяне погнались, но башкиры, стрѣльбою изъ луковъ, удержали побѣдителей отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, причемъ многихъ поранили стрѣлами, кого въ глазъ, кого въ бокъ, кого въ щеку. Трофеями этой побѣды сдѣлался

---

[1]) Толовскій лѣтописецъ говоритъ, что отрядъ «башкиръ и казаковъ» (оренбургскихъ), вытребованный полковникомъ Львовымъ, былъ раздѣленъ на три части: правымъ крыломъ командовалъ лѣсничій *Лагранжъ* и велъ свою часть окольными дорогами; лѣвымъ начальствовалъ исправникъ *Деграве* и шелъ на Каменное чрезъ Карачельское село; а центръ, подъ командою управляющаго палатой, шелъ прямой дорогой на Каменное, и что между начальниками условлено было произвести единовременное нападеніе на бунтующихъ въ назначенный часъ съ трехъ сторонъ разомъ. Но Лагранжъ погорячился, и, прибывъ ранѣе своихъ товарищей, потерпѣлъ пораженіе. Но мы придерживаемся чумляцкой лѣтописи, такъ какъ изъ Чумляцка направлена была эта неудачная экспедиція.

[2]) Лѣтописи разно показываютъ числительность крестьянъ, участвовавшихъ въ битвѣ: Чумляцкая говоритъ, что ихъ было до 2,000, а другія увеличиваютъ отъ 5,000 до 7,000 человѣкъ.

за-урядъ сотникъ Рамазановъ, схваченный крестьянами въ то время, когда онъ слѣзалъ съ верховой лошади и садился въ парную подводу, бывшую съ его имуществомъ. Башкирскій за-урядъ сотникъ былъ старый знакомый каменскихъ крестьянъ, которые порядкомъ проучили своего знакомаго за забытую имъ, какъ они говорили, хлѣбъ-соль. Они повели бѣднаго плѣнника въ лѣсъ съ ругательствомъ и оскорбленіями, привязали его къ дереву, плевали ему въ лице, тыкали пальцами, толкали въ глаза, и, въ довершеніе своей мести, крестьяне посягнули уничтожить самыя дорогія сердцу азіятца вещи. Передъ глазами страдальца, была въ мелкіе куски разрублена топорами его перина, и пухъ развѣянъ по вѣтру; разбитъ о дерево самоваръ и въ дребезги разбита шкатулка съ чаемъ и сахаромъ. Натѣшившись вдоволь своимъ плѣнникомъ, крестьяне отпустили его на свободу, совѣтуя, на будущее время, жить съ ними въ согласіи.

Пораженный Лагранжъ, оставивъ свой отрядъ подъ командою другого башкирскаго офицера переночевать въ селѣ Чумляцкомъ, приказалъ ему, на утро, разъѣхаться по домамъ, а самъ уѣхалъ въ Челябинскъ.

Покончивъ съ несчастнымъ за-урядъ сотникомъ Рамазановымъ, крестьяне взялись за своего волостного писаря И. Ф. Завьялова. Сначала они, какъ говоритъ лѣтопись, честью просили выдачи имъ «указа съ золотыми строчками и клеймами», но потомъ начались угрозы, а съ ними и неизбѣжные въ этомъ случаѣ побои. Старшой, или распорядитель, выбранный міромъ, вмѣсто головы, первый нанесъ оскорбленіе Завьялову, и, видя его упорство и «*запирательство*», «набольшій», обращаясь къ народу, приказалъ его порядкомъ проучить. Десятка два молодцевъ бросились на писаря; растянули его на землѣ и принялись за расправу, кто трясъ Завьялова за волосы, кто за бороду, кто билъ несчастнаго палкой, кто кулакомъ, словомъ, кто какъ могъ и умѣлъ.—«Да, таки и гораздо ладно и путемъ» понатѣшились крестьяне надъ своей жертвой,» замѣчаетъ лѣтописецъ, но писарь продолжалъ кричать одно: что «никогда не было и не можетъ быть такой бумаги».

Не добившись толку, бунтовщики засадили почти безчувственнаго писаря подъ арестъ.

Едва кончилась расправа съ Завьяловымъ, какъ въ село Каменное въѣхалъ исправникъ Деграве, вѣроятно увѣренный въ полномъ порядкѣ, установленномъ Лагранжемъ. Грозно закричалъ онъ на собравшіяся толпы народа:—«Зачѣмъ здѣсь?!... Подъ судъ заговорщиковъ, въ кандалы! Гдѣ голова, старики?»

— Нѣтъ ихъ... да и гдѣ они—мы не знаемъ, отвѣчалъ спокойно міръ.

— Кто-же тутъ у васъ есть? гремѣлъ исправникъ.

— Говори, ваше благородіе, чаво тебѣ надо?.. видишь самъ, сколько міру? было отвѣтомъ исправнику.

— Гдѣ писарь?

— И писаря нѣтъ!

— Сейчасъ же розыскать ихъ и привести ко мнѣ, приказывалъ Деграве.

— Не время намъ, отвѣчалъ, смѣясь, міръ.

Исправникъ раскипятился не на шутку.

— Какъ вы смѣете меня не слушать! закричалъ онъ.

— Не горячись, остынешь! отвѣчалъ голосъ изъ народа.

— Кто мнѣ осмѣлился это сказать?... подайте его сюда, горячился исправникъ Деграве, но никто съ мѣста не трогался, всѣ только засмѣялись, и кто-то изъ толпы отвѣчалъ:

— А ты подойди, ваше благородіе, да посмотри по губамъ-то, можетъ и узнаешь, кто тебѣ это сказалъ!

Смѣхъ пуще. Исправникъ окончательно взбѣсился, и готовъ былъ метать въ народъ громы, но крестьяне предупредили его.

— Будетъ тебѣ ерошиться-то, закричали они во много голосовъ; лучше скажи-ка міру-то, какъ вы міръ барину продали?—

Исправникъ оторопѣлъ и сконфузился.

— Что вы такое говорите? удивлялся онъ.

— Оглохъ ты, што-ля? чай слышишь! Что тебя міръ спрашиваетъ, то и говори!...

— Что вы? Богъ съ вами! Ничего подобнаго не было!

— А ты видно забылъ Бога-то, да и продалъ насъ.

Долго исправникъ тратилъ свое краснорѣчіе даромъ, крестьяне рѣшительно отказывались его слушать, и въ концѣ-концевъ потребовали своего писаря (выбраннаго ими грамотѣя), которому приказали прочесть исправнику извѣстную намъ варушкинскую «копію съ перекопіи» золотострочнаго указа. По окончаніи чтенія, крестьяне торжественно предложили Деграве вопросъ:

— Ну, чаво теперь скажешь, господинъ исправникъ?

— Скажу вамъ, что все тутъ прописанное — чепуха, увѣренно отвѣчалъ исправникъ.

— Размазывай — чепуха, усумнился міръ. — Ты и эту бумагу знаешь, только намъ правды сказать не хочешь, вотъ что̀!

— Я вамъ правду говорю, братцы!

— Ладно, ладно! насмѣшливо отвѣчала толпа. — Видишь, наѣхалъ турусы-на-колесахъ подпускать намъ... такъ сейчасъ тебѣ и повѣрили, держи карманъ-отъ ширше!

Раздались съ разныхъ сторонъ голоса:—«Братцы, господинъ исправникъ давича писаря съ головой спрашивалъ, такъ какъ бы его къ нимъ свозить... Худого нѣтъ—пусть повидятся», острили крестьяне. — Одинъ изъ толпы подошелъ къ Деграве.

— Ты, давича, ваше благородіе, спрашивалъ голову съ писаремъ, почтительно поклонился онъ.

— Да, спрашивалъ.

— Если угодно, то мы тебя къ нимъ свозимъ.

Исправникъ струхнулъ.

— Зачѣмъ же мнѣ ѣхать къ нимъ... лучше ихъ сюда позвать, нерѣшительно замѣтилъ онъ.

— По твоему такъ, ваше благородіе, да по нашему не такъ, отвѣчалъ крестьянинъ.—Ей, міръ православный! обратился онъ къ народу. — Господинъ исправникъ просится къ головѣ и писарю — лошадь!...

Живо явилась лошадь... Подскочило къ Деграве человѣкъ десять удалыхъ молодцевъ, подхватили исправника и *голаго* посадили на приведенную *«тощую шолудивую кобылицу»*, спиной къ лошадиной головѣ; въ руки ему подали, вмѣсто повода, кобылицынъ хвостъ. Увидавши исправника въ такомъ видѣ, въ народѣ закричали:—«Вотъ тебѣ! не продавай міру, да дѣлай правду!» Послѣ этой фразы, начали плевать исправнику въ глаза, бросали въ него грязью, такъ что скоро нельзя было ничего разобрать, и столь опозореннаго возили по селенію съ крикомъ, бранью и разными прибаутками. Наконецъ, поруганнаго Деграве привезли къ мѣсту заключенія головы съ писаремъ, и, втолкнувъ его къ нимъ, сказали:

— Вотъ тебѣ голова и писарь, столкуйтесь-ко вмѣстѣ, да и скажите намъ, гдѣ у васъ хранятся бумаги-то? Можетъ ты ихъ уговоришь... а то вишь, міръ-то давича бился съ ними болѣе, да такъ и плюнулъ». Исправникъ взмолился къ крестьянамъ:

— Братцы, сказалъ онъ, вѣдь вы знаете, что я всегда за васъ стоялъ... Отпустите меня въ Челябу, а я за васъ тамъ хлопотать буду, никому васъ обидѣть не позволю.

Бунтовщики раскинули умомъ-разумомъ, сообразили, что исправникъ не новаго управленія чиновникъ, и потому имъ не врагъ: отпустили его домой.

Деграве, окольными дорогами, чрезъ башкирскія деревни, добрался до Челябинска.

Присмирѣвшая на-время, Чумляцкая волость не замедлила пристать къ общей сумятицѣ, тотчасъ послѣ пораженія Лагранжа подъ Каменнымъ. Снова, площадь Чумляцкаго села покрылась густыми толпами народа, собравшагося у волостнаго

правленія съ требованіемъ завѣтнаго «указа». Лѣтопись увѣряетъ, что стеченіе народа было такъ велико, что никогда не бывало такого съѣзда на ярмаркахъ, отличающихся въ этомъ селѣ многолюдствомъ. Мужички поднимались на разныя хитрости, чтобы добиться истины. А чтобы не воспрепятствовалъ имъ дѣйствовать, какъ заблагоразсудится, экзекуціонный отрядъ башкиръ, поставленный лѣсничимъ у нихъ на квартирахъ, было условлено всѣхъ «собакъ» перерѣзать наступающей ночью. Заговоръ этотъ былъ случайно открытъ однимъ башкирцемъ, зашедшимъ въ избу къ одному изъ крестьянъ, съ намѣреніемъ попросить закусить чего нибудь, такъ какъ квартирные хозяева морили ихъ голодомъ. Войдя въ сѣни, лагранжевскій воинъ услыхалъ нѣсколько голосовъ, угрожавшихъ смертью своему головѣ и «татарскимъ казакамъ». Не оставаясь ни одной минуты, башкирецъ побѣжалъ сообщить слышанное своимъ начальникамъ и головѣ. Не ожидая утра, экзекуціонная команда оставила Чумляцкъ, а голова выдержалъ ночью осаду, въ своемъ домѣ, съ тринадцатью преданными ему людьми, выстрѣлы которыхъ заставили бунтующихъ отступить. Тотчасъ по снятіи осады, голова съ своимъ семействомъ тайно бѣжалъ въ Челябинскъ. На утро въ домѣ головы былъ произведенъ крестьянами обыскъ, но всѣ усилія мірянъ отыскать голову, или кого-либо изъ его родныхъ, оказались напрасными.

Не найдя ни писаря, ни головы, крестьяне собрали сходку, на которой рѣшено было идти къ попамъ и требовать отъ нихъ выдачи указа, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, сбѣжавшіе не могли взять съ собою такого важнаго документа, и онъ долженъ быть спрятанъ въ поповскихъ амбарахъ, подъ хлѣбомъ.

Депутація явилась къ священникамъ и заявила имъ требованія міра. Мѣстное духовенство отвѣчало, что никто имъ никакой бумаги не передавалъ, и ничего подобнаго у нихъ не хранится. Посланные вернулись къ міру и сообщили ему отвѣтъ священника. Отвѣтъ этотъ пробудилъ народную ярость:—«А!» кричали толпы, «косматые черти не хотятъ путемъ отдать намъ бумагу, такъ мы завтра съ руками у нихъ ее оторвемъ!» Слѣдуетъ сказать, что посольство, явясь къ старшему священнику съ цѣлью вынудить признаніе, пустило въ ходъ вотъ какого рода утку:

— Батюшка, каменскіе и карачельскіе попы выдали слышь мужичкамъ указъ-отъ съ золотой строчкой; такъ вотъ міръ насъ къ тебѣ прислалъ, чтобы и ты не мытарилъ имъ-то, а выдалъ бы намъ бумагу-то...

Священникамъ нечего было выдавать, а ночное бѣгство спасло ихъ отъ пытокъ, которыя готовилъ имъ съ разсвѣтомъ

разъяренный народъ. Въ безсильной злобѣ на свои неудачи, кинулись густыя массы мятежниковъ къ волостному правленію и перерыли въ немъ кипы дѣлъ и бумагъ. Въ этихъ поискахъ общее вниманіе было остановлено выбраннымъ грамотѣемъ на «Земледѣльческой газетѣ», къ которой были приложены рисунки различныхъ сельскихъ орудій.

— Вотъ, братцы, говорилъ онъ, указывая на борону, это борона.... смотрите, будутъ боронить-то на людяхъ, а не на лошадяхъ!

— Хитрое дѣло баринъ затѣваетъ, отвѣчалъ міръ. Напередъ выслалъ картинки, а потомъ мало-по-малу все это заведетъ, да и заставитъ насъ ими работать.

Далѣе попадается рисунокъ берда:—«А бабамъ нашимъ велятъ на этихъ бердахъ ткать!.. Глядите-ка, братцы, удивляются мужички, зубцовъ-то, зубцовъ-то сколько!»

Машина, а подписано подъ нею: молотилка.

— Ну, а это чаво такое? спрашиваютъ крестьяне своего писаря.

— Машина написано, отвѣчаетъ онъ.

— А гдѣ же руки-то! восклицаетъ нѣсколько голосовъ, смѣкайте-ко, вѣдь нѣтъ! — Міръ гурьбой къ столу.

— Нѣтъ, нѣту рукъ! утверждаютъ голоса.

— А это вотъ чтò, догадываются нѣкоторые: если кто не будетъ работать на барина, такъ того къ этимъ колесамъ притянутъ, да крюкомъ-то и закорючатъ; небось, не вывернешься!.. И будутъ его злодѣи прикащики, топеришныи наши начальники, дуть розгачемъ, али палочьемъ!...

— И въ самомъ дѣлѣ такъ! соглашается міръ. Смотрите-ка, вотъ тутъ руки, а евта ноги—куда вывернешься... да ужъ хоть смотри не смотри, а это будетъ!.. Баютъ, привезли бумагу-ту изъ Камышлова, баринъ-то какой-то Кульневъ. Вотъ, гляди, голову-то съ писаремъ подѣлаетъ управляющими, да прикащиками, вотъ и будутъ баре... дадутъ имъ нашего брата семейки по три, вотъ-те и господа. И будутъ они нами мытарить, то тò тягло, то другое давай... Сегодня собери барину денегъ, да завтра баринъ потребуетъ, разсуждаютъ мужики; собирай да посылай, а баринъ-то къ намъ и не поѣдетъ, и будетъ только тамъ въ карты играть на нашъ счетъ, а мы ему денежки готовь да посылай! Ну, а это што? спрашиваетъ міръ, увидавъ новый рисунокъ. Самоучка писарь разбираетъ по складамъ:

— Самовѣйка.

— Какая-такая самовѣйка?.. ну-ко ладомъ разбери! приказываетъ толпа. Долго грамотѣй трудится надъ чтеніемъ и на-

конецъ объясняетъ:—«Тутъ значится, что она безъ вѣтру можетъ вѣять».

— Эка штука! удивляются мужики.

— Видно и впрямь баринъ-то нашъ большаротой! острятъ крестьяне. Видно онъ самъ будетъ дуть за-мѣсто вѣтра.

Въ такихъ занятіяхъ и въ розыскахъ небывалаго указа проводятъ время крестьяне, забывъ о полевомъ хозяйствѣ до самаго конца мятежа.

Изъ слободы Куртамышевской [1]) всѣ должностныя лица, не исключая и станового пристава, опасаясь преслѣдованія возмутившихся крестьянъ, бѣжали въ деревню Толстопятову, подъ прикрытіе стоявшей тамъ военной команды. Въ слободѣ оставались только волостной голова Іосифъ Собакинъ, да засѣдатель волостного правленія, крестьянинъ деревни Березовой, Егоръ Меньщиковъ. Послѣдній вначалѣ пытался-было, силою своего краснорѣчія, убѣдить крестьянъ—возстановить нарушенный ими порядокъ и разойтись по домамъ, но, не успѣвъ въ этомъ добромъ намѣреніи, и замѣтивши общее противъ себя озлобленіе, рѣшился послѣдовать благому примѣру своихъ сослуживцевъ и тайно уѣхать въ деревню Толстопятову. Намѣреніе засѣдателя не укрылось отъ бунтовщиковъ; на десятой верстѣ отъ слободы, близъ деревни Малетеной, Меньщиковъ былъ остановленъ двумя стами гнавшихся за нимъ крестьянъ. Бѣглеца схватили и довели побоями до безчувствія; потомъ Меньщикова привезли мятежники въ деревню Малетену, гдѣ крестьянами былъ произведенъ тщательный обыскъ карманамъ засѣдателя, причемъ найдены были у него два ключа, отъ наружнаго и внутренняго замковъ, которыми былъ запертъ сундучекъ, принадлежавшій волостному правленію, гдѣ хранились деньги, гербовая бумага и паспортные бланки. Ключи, какъ вещь нужная, бунтующими были взяты съ собой, а Меньщиковъ, закованный въ конскія желѣза, сданъ подъ надзоръ крестьянъ Егора и Ивана Малетиныхъ. Черезъ двое сутокъ несчастный засѣдатель былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, проходившею казачьею командою, подъ начальствомъ хорунжаго Фатѣева, шедшею въ Куртамышъ.

Въ слободѣ Куртамышевской, подвергнувъ разнаго рода жестокостямъ своего голову, крестьяне засадили его въ собственной

---

[1]) Дѣло: о расхищеніи бунтовавшими, въ 1843 г. крестьянами, изъ Куртамышевскаго вол. пр. бумагъ и денегъ на сумму 153 руб. 27½ коп. и питейнаго дома той же слободы 6,330 руб. 91⁶/₇ коп., принадлежащихъ откупу.

квартирѣ подъ стражу, а сами густыми толпами ворвались въ волостное правленіе. Здѣсь они перерыли всѣ бумаги, разбили сундучекъ съ деньгами, взяли 153 р., нѣсколько листовъ бланковой паспортовой бумаги, и захватили тѣ дѣла, въ которыхъ разсчитывали найти «указъ» или подходящее къ нему распоряженіе начальства. Вотъ списокъ дѣлъ захваченныхъ крестьянами: 1) «О взысканіи съ крестьянъ податей и повинностей за первую половину 1843 г.» 2) «Разныя статистическія свѣдѣнія за 1841, 1842 и 1843 года». 3) «Дѣло объ общественной запашкѣ и разведеніи картофеля за 1841 и 1842 года». 4) «Книга о приходѣ и расходѣ суммъ отпущенныхъ на жалованье волостнымъ и сельскимъ начальникамъ за 1842 г.» 5) «Земледѣльческая газета» и «Сенатскія вѣдомости» за прежнее время. Это происходило утромъ пятаго апрѣля; вечеромъ того же дня, между бунтующимися, пронесся слухъ, что у сидѣльца Куртамышевскаго питейнаго дома, безсрочно-отпускнаго солдата Баева, скрывается сельскій писарь (также безсрочно-отпускной солдатъ), Алексѣй Теньковцевъ. Нуждаясь въ хорошо-грамотномъ человѣкѣ и недовольные своимъ выбраннымъ грамотѣемъ, крестьяне рѣшились произвести обыскъ въ питейномъ домѣ Баева. Съ этою цѣлью значительная толпа бунтовщиковъ, предводительствуемая крестьянами Ларіономъ Кокоринымъ, Павломъ Шапкинымъ и Егоромъ Лоскутниковымъ, ворвалась въ питейное заведеніе съ требованіемъ немедленной выдачи имъ писаря Теньковцева.

Сидѣлецъ Баевъ оказался человѣкомъ до тонкостей постигшимъ всю премудрость формальностей, соблюдаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ; онъ, въ свою очередь, потребовалъ отъ крестьянъ, чтобы къ обыску были приглашены въ видѣ депутатовъ отъ откупа повѣренные Щепитильниковъ и Петръ Заочаловъ. На это крестьянинъ Кокоринъ отвѣчалъ: что онъ добросовѣстный волостного правленія, и что поэтому не представляется никакой надобности въ другомъ посредникѣ. Тогда сидѣлецъ старался убѣдить крестьянъ, что въ питейномъ домѣ никого нѣтъ, кромѣ его съ семействомъ, но, разумѣется, всѣ увѣренія его остались тщетными и, избитый мятежниками, онъ былъ вытащенъ вонъ. Не найдя Теньковцева, толпа нашла два мѣшка мѣдныхъ денегъ въ 84 р. с. и спрятанную за печкой шкатулку, въ которой хранилась выручка за истекшій мартъ мѣсяцъ со всей Куртамышевской дистанціи до 6,330 рублей серебр. [1]). Захвативъ

[1]) Изъ дѣла видно, что дистаночный повѣренный Куртамышевской дистанціи челябинскій мѣщанинъ *Старцевъ*, опасаясь нападенія крестьянъ на контору, ввѣрилъ суммы, бывшія въ конторѣ сидѣльцу Баеву, полагая, что бунтовщики не

деньги, крестьяне не упустили случая подкрѣпить свои силы даровымъ виномъ и вышли на улицу. Разбитая шкатулка черезъ три мѣсяца найдена въ гумнахъ дѣтьми крестьянина слободы Куртамышевской Ивана Черноскулова, но виновныхъ, по произведенному слѣдствію, въ захватѣ этихъ денегъ, по не имѣнію свидѣтелей, не оказалось.

На другой день послѣ описанныхъ нами происшествій, порядокъ въ Куртамышѣ былъ возстановленъ пришедшею сюда командою хорунжаго Фатѣева. При командѣ находились становой приставъ и помощникъ окружного начальника Лузгинъ, которыми и былъ освобожденъ волостной голова Собакинъ.

Недовольные удалились въ деревню Гагарью, Толовской волости.

IV.

Слухи о движеніи Оренбургскаго в. губернатора Обручева и наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска графа Цукато. — Ополченіе въ селѣ Каменномъ и деревнѣ Гагарьей. — Новое движеніе Воскресенской волости. — Походъ Обручева. — Чумляцкая челобитная. — Пораженіе бунтовщиковъ въ селѣ Каменномъ. — Экзекуція и рѣчь отца Льва Инфантьева въ Воскресенской слободѣ. — Движеніе графа Цукато.— Гагаринская битва.—Крестьянинъ Савва Хромцевъ и унтеръ-офицеръ Еланцевъ. — Мщеніе казаковъ. — Пѣсня, сложенная крестьяниномъ Григорьемъ Веснинымъ про бунтъ. — Дознаніе и судъ.—Волненіе въ Курганскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи, и два воззванія къ народу генерала Ладыженскаго.—Всемилостивѣйшее прощеніе.

Стали до бунтовщиковъ доходить слухи о движеніи противъ нихъ войскъ, по тракту изъ города Челябинска на Воскресенскую, подъ непосредственнымъ начальствомъ командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генералъ-лейтенанта Обручева, и съ линіи на волость Толовскую подъ командою наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска графа Цукато. Движеніе это было вызвано донесеніемъ гражданскаго губернатора о пораженіи Лагранжа, столь ободрившемъ и увѣрившемъ мятежниковъ въ ихъ непобѣдимости, что они, съ полною вѣрою въ успѣхъ, ожидали своихъ непріятелей.

Въ селѣ Каменномъ и деревнѣ Гагарьей, Толовской волости, собрались многочисленныя скопища крестьянъ, готовыя дать отпоръ и Обручеву и Цукато.

На Ѳоминой недѣлѣ снова вспыхнуло сильное движеніе въ

тронутъ питейнаго дома, какъ и въ другихъ селахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сумма переложена изъ ассигнацій на серебро и даже утроена откупомъ по его разсчетамъ.

Воскресенской волости; бунтующіе пошли противъ «Самозванца», такъ называли они корпуснаго командира, смѣшивая его со своимъ миѳомъ - бариномъ Кульневымъ, котораго не разъ бросались они встрѣчать съ дубьемъ, когда проносился слухъ, что барина этого везутъ къ нимъ въ золотой *бочкѣ* (каретѣ).

«Стороннему зрителю, говоритъ лѣтописецъ, надобно было имѣть крѣпкія внутренности, чтобы не захохотаться до спазмъ надъ этой несущейся кавалькадой противъ регулярнаго войска, вооруженной топорами, дубинами, батиками, пешнями, дротиками съ наконечниками изъ шпилей и гвоздей и весьма рѣдко винтовками и ружьями, и то безъ пороху и пуль». Проѣзжая и проходя чрезъ Воскресенскую слободу, бунтовщики, хотя никого уже не тиранили, но, по прежнему, обѣщали, на возвратномъ пути съ побѣды, поднять Воскресенскую на воздухъ! Болѣе недѣли валили они на избранный пунктъ въ волость Каменную. «Женщины до того овладѣли своими одурѣлыми [1]) мужиками, что если кто отнѣкивался идти на войну, то подвергали того смѣху и оплеванію, и схвативъ ухватъ или кочергу, фехтовали и поддразнивали мужиковъ». Менѣе самообольщенные плелись на бой нехотя.

Въ Воскресенской водворилась тишина, ожидали исхода грознаго похода. А между тѣмъ корпусный командиръ приближался уже къ селу Каменному. Чумляцкіе мужички, прознавъ о движеніи генерала Обручева, собрали сходку и положили послать къ нему выборныхъ съ челобитной въ видѣ приговора, въ которомъ предполагалось свалить всю бѣду на волостного голову. Версты за три до села Чумляцкаго выборные отъ міра встрѣтили корпуснаго командира; на челѣ ихъ шелъ сѣдой маститый старецъ; онъ всталъ на колѣни съ положенной на голову просьбой и ожидалъ, когда приблизится отрядъ.

— Что, старикъ, за бумага? спросилъ корпусный командиръ, поровнявшись съ депутаціей.

— Прошеніе вашему превосходительству, отвѣчалъ старецъ, подавая бумагу и кланяясь до земли.

— Въ чемъ же дѣло?

Адъютантъ прочелъ въ слухъ поданный приговоръ. Крестьяне оправдывались тѣмъ, что они не бунтовали, а только не хотѣли повиноваться волостному головѣ, котораго желали смѣнить на томъ основаніи, что онъ ихъ притѣсняетъ. Въ жалобѣ своей они особенно упирали на то, что 1) голова завелъ у нихъ какую-то общественную запашку; чрезъ годъ или два принуждалъ

---

[1]) Лѣтописи: Воскресенская, отца Льва, и Чумляцкая.

крестьянъ освѣжать запасы перемѣною стараго хлѣба новымъ. 2) Выдавалъ для посѣву только лицамъ неимущимъ, а у кого зналъ, что есть свой хлѣбъ, въ ссудѣ отказывалъ. 3) Отправляющихся изъ мѣста жительства за тридцать верстъ и болѣе приневоливалъ брать какіе-то билеты на гербовой бумагѣ 15-ти копѣечнаго достоинства. 4) Насильно заставлялъ разводить картофель, а кто отговаривался неимѣніемъ сѣмянъ, тому насильно всучивалъ изъ запасовъ своихъ. 5) Штрафованныхъ не велитъ пускать на сходки и т. д., все въ этомъ же родѣ; въ прошеніи были перечислены, въ видѣ чего-то гнетущаго, всѣ тѣ мѣры, которыми министерство государственныхъ имуществъ старалось достигнуть народнаго благосостоянія. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ часто дурными, неумѣлыми, или вообще недобросовѣстными исполнителями портятся и искажаются у насъ самыя благія предначертанія!

Въ «доброе старое время» любили только *предписывать*, но не толковать съ народомъ, представляя тѣмъ самымъ врагамъ народнаго спокойствія истолковать и извращать, сообразно своимъ цѣлямъ, всякое гуманное распоряженіе высшаго правительства, и нерѣдко служили, такимъ образомъ, краеугольнымъ камнемъ разнаго рода мятежамъ и сумятицамъ въ землѣ нашей.

По окончаніи чтенія, генералъ Обручевъ спросилъ у прочихъ крестьянъ, за чѣмъ они здѣсь? Послѣдніе отвѣчали, что они со старикомъ по одному дѣлу.

— Больше ничего не имѣете сказать мнѣ о притѣсненіяхъ? спросилъ корпусный командиръ.

— Нечего гнѣвить Бога! Больше не на что жалиться намъ, отвѣчали крестьяне.

Военный губернаторъ приказалъ перевязать всю депутацію и сдать въ отрядъ. Въ этотъ же день, въ Чумляцкомъ происходила немилосердная экзекуція главнымъ зачинщикамъ и аресты. Голова былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а на утро генералъ съ отрядомъ двинулся къ селу Каменному.

Въ Каменной волости корпусный командиръ напрасно старался подѣйствовать на мятежниковъ словомъ убѣжденія; послѣдніе, зная, что въ этотъ день рѣшается вопросъ: «быть или не быть барскими», упорно отказывались положить оружіе, хотя видѣли предъ собою уже не толпу «татарскихъ казаковъ», а значительный отрядъ пѣхоты съ кавалеріей и 8-ю орудіями. Военный губернаторъ приказалъ открыть холостой огонь артиллеріи. Грохнула отъ вѣка невиданная и неслыханная въ Челябинскомъ краѣ пушка; бунтовщики дрогнули и бросились бѣжать во всѣ стороны; войска облавой ловили утекавшихъ въ

лѣса, оцѣпили оставшихся на мѣстѣ и началась экзекуція «лозами»....

«Ночью чрезъ Воскресенскую тучами пронеслись бѣгущіе бунтовщики. Побросавъ свои воинскіе доспѣхи, они укрывались въ лѣсахъ и полевыхъ избушкахъ, искали спасенія въ баняхъ, овинахъ и скотныхъ дворахъ. Слѣдующій пунктъ экзекуціи назначенъ былъ въ Воскресенской слободѣ, въ верстѣ отъ нея, на большомъ трактѣ, у рѣчки Боровлянки.—Въ однѣ сутки, гласитъ лѣтопись, собраны были бунтовавшіе на мѣстѣ экзекуціи и разставлены въ нѣсколько шеренгъ на пространствѣ двухъ верстъ. Въ два часа по-полудни прибыли войска; день былъ знойный; экзекуція продолжалась часа четыре. Несчастные послѣ наказанія ползали по лугу; одни безсознательно ртомъ рвали траву и жевали, другіе ползли къ Боровлянкѣ — утолить жажду [1]). По окончаніи экзекуціи, корпусный командиръ верхомъ въѣхалъ въ Воскресенскую и, проѣзжая мимо церкви, приказалъ, чтобы заутра была литургія съ молебствіемъ, по окончаніи оной, на церковной площади. Небольшая горсть умныхъ воскресенцевъ стояла отдѣльно отъ тысячъ бунтовавшихъ крестьянъ, оцѣпленныхъ войсками; самъ военный губернаторъ, въ полной парадной формѣ стоялъ отдѣльно отъ своего штаба, шагахъ въ 30 отъ аналоя.

Полный крестный ходъ съ хоругвями, при звонѣ колоколовъ помѣстился прямо противъ входа въ храмъ. По окончаніи водосвятнаго молебна, старшій священникъ Василій Ильинъ доложилъ чрезъ адъютанта корпусному командиру, что священникъ Левъ Инфантьевъ готовъ произнести рѣчь. На это генералъ Обручевъ сказалъ: «Если рѣчь ко мнѣ и войскамъ, то излишне, если же слово обращено къ народу, то буду весьма благодаренъ». Рѣчь отца Льва была именно приготовлена къ военному губернатору и его отряду, но даровитый проповѣдникъ сказалъ экспромтъ. Слово Инфантьева было вполнѣ обличительное и сильно тронуло генерала Обручева, такъ что къ концу рѣчи, онъ стоялъ уже предъ самымъ проповѣдникомъ [2]). По окончаніи рѣчи пропѣтъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ; за тѣмъ окроплены были святой водою войска, добрые и умные воскресенцы и всѣ бунтовавшіе. Привѣтствуя воскресенцевъ ласкою, генералъ Обручевъ произнесъ сильное внушеніе бунтовавшимъ. По окончаніи этой

---

[1]) Воскресенская лѣтопись, стр. 25.

[2]) Рѣчь эту отецъ Левъ, нынѣ соборный челябинскій священникъ, къ сожалѣнію, не могъ доставить, потому что имъ на-скоро былъ написанъ одинъ экземпляръ для г. Обручева.

церемоніи, штабъ занялся краткимъ разслѣдованіемъ дѣла, а на слѣдующее утро, въ 8 часовъ, корпусный командиръ со своимъ отрядомъ направился въ волость Окуневскую, гдѣ явился къ нему наказный атаманъ графъ Цукато, усмирявшій со своими войсками прочія волости.

Послѣ каменскаго пораженія, у бунтовщиковъ оставалась одна надежда на успѣхъ шайки, собравшейся въ деревнѣ Гагарьей, Толовской волости, подъ начальствомъ крестьянина Саввы Хромцева, человѣка съ непреклоннымъ характеромъ и желѣзной волей, и пьянчужки отставнаго гвардіи унтеръ-офицера Еланцева, кавалера во всю грудь увѣшаннаго всевозможными отличіями въ этомъ званіи. Шайкѣ этой предстояло генеральное сраженіе съ графомъ Цукато, шедшимъ изъ станицы Звѣриноголовской для уничтоженія гагарьевскаго скопища.

Наконецъ, рѣшительный часъ наступилъ: графъ стоялъ подъ деревней Гагарьей, и пораженный густыми толпами народа, вооруженнаго чѣмъ ни попало и высыпавшагося передъ деревней, вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры. Наказный атаманъ, оставя свой отрядъ, подъѣхалъ верхомъ къ мятежникамъ и спросилъ ихъ:

— Что это за собраніе?

— Мы люди государевы и всегда были ему вѣрны, а теперь вдругъ узнали, что наше начальство продало насъ барину Кульневу, единогласно отвѣчали ему крестьяне.

— Лучше голову и животы положить, чѣмъ намъ барскими быть! докончилъ Савва Хромцевъ.

Графъ началъ разувѣрять мятежныхъ въ ложности подобныхъ слуховъ.

— Вѣрьте мнѣ (говорилъ онъ), что ничего подобнаго нѣтъ; все это выдумалъ Варушкинъ, теперь забитый въ кандалы; вы же оставьте ваши смуты, *покоритесь мнѣ*, падите *на колѣни* и будете счастливы! Мужики упорствовали. Два раза отъѣзжалъ графъ къ своей *«арміи»* [1]) (говоритъ лѣтопись), и снова возвращался къ бунтующимъ съ словомъ увѣщанія, но никто не внималъ ему. Наконецъ военно-начальникъ пріѣхалъ въ третій разъ и умолялъ народъ покориться, обѣщая помилованіе. Многіе начали-было колебаться, но въ это время выступилъ впередъ гвардіи унтеръ-офицеръ Еланцевъ и закричалъ толпѣ:

---

[1]) Лѣтопись Гагарьевская.

— Что вы его слушаете, разиня ротъ; вѣдь этотъ прелестникъ подосланъ бариномъ! Не вѣрьте ему, онъ все вретъ!

Энергическая фраза Еланцева магически подѣйствовала на крестьянъ; напрасно генералъ тратилъ слова, волненіе не уменьшалось и даже слышны стали угрозы, касающіяся прямо графа. «Тогда, разсказываетъ лѣтописецъ,—графъ Сукатовъ (Цукато), сплакнувъ слезно, пріѣхалъ къ арміи и приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ пушки, коя была заряжена ядрами [1]); но хорунжіе Лебедевъ и Черкасовъ упросили графа выкатить ядра и сдѣлали выстрѣлъ холостымъ зарядомъ.»

Потомъ казаки бросились въ аттаку, «били народъ пиками и конями топтали», а народъ, видя, что онъ не въ состояніи выдержать напоръ регулярныхъ войскъ, кинулся на «стаю» (родъ навѣса), но, къ несчастію, крыша у стаи обломилась, и люди, стоявшіе на ней, провалились и, такимъ образомъ, достались живьемъ въ руки казаковъ, которые тотчасъ же перевязали ихъ всѣхъ и заперли въ ограду. Затѣмъ началась экзекуція. Графъ Цукато, «слезно плакавшій и жалѣвшій народъ», былъ болѣе жестокъ, чѣмъ генералъ Обручевъ. По его приказанію, казаки своими нагайками съ шеи до ногъ отпластывали кожу съ мясомъ у несчастныхъ бунтовщиковъ. «Драли многое множество», и конечно, первый ударъ нанесенъ былъ предводителямъ, которые оба были схвачены. Унтеръ-офицеръ Еланцевъ, послѣ экзекуціи, которую онъ только-что вынесъ, по распоряженію графа Цукато, былъ привязанъ къ публичному столбу, при чемъ графъ, сорвавши съ груди предводителя знаки отличія, билъ ими его до тѣхъ поръ, пока лице несчастнаго не превратилось въ кровавое пятно! По окончаніи экзекуціи, виновные были отправлены на подводахъ въ село Толовское за строгимъ конвоемъ,— а отрядъ двинулся чрезъ село Толовское на соединеніе съ генераломъ Обручевымъ въ Окуневскомъ, ознаменовывая свой путь нещаднымъ драніемъ нагайками. Казаки были озлоблены противъ крестьянъ тѣмъ, что походъ ихъ былъ совершенно внезапенъ и отнялъ у домовитыхъ казаковъ дорогое время посѣвовъ.

По предварительному слѣдствію, болѣе 600 человѣкъ были отправлены въ Челябинскъ для заключенія въ тюремный замокъ и преданія военному суду, въ коммиссіи для того нарочно составленной, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Ротъ. Грозная артиллерія осталась на границѣ, отдѣляющей казаковъ отъ крестьянъ въ волости Чумляцкой, а потомъ была переве-

---

[1]) Воскресенская лѣтопись говоритъ, что пушки заряжены были картечью, которою и сдѣланъ былъ выстрѣлъ.

дена въ Бѣлоярскую, откуда только въ 1866 г. выступила въ Ташкентъ. Въ Воскресенской слободѣ, какъ срединномъ пунктѣ уѣзда, на нѣкоторое время оставалась часть оренбургскаго линейнаго № 6 баталіона съ баталіоннымъ командиромъ маіоромъ Тамиловымъ и поручикомъ Огонь-Дагаловскимъ.

Въ уѣздѣ водворился порядокъ. Всѣ низверженныя и бѣжавшія власти возстановлены въ своихъ правахъ; въ запустѣвшихъ храмахъ возносили благодарственныя молитвы къ Богу возвратившимися священниками, которые, за исключеніемъ отца Льва Инфантьева (получившаго въ послѣдствіи орденъ св. Владиміра 3-й степени), священниковъ: Мамина, удержавшаго своимъ словомъ Становскую волость отъ участія въ бунтѣ и Андрея Анустина, разбѣжались кто куда могъ.

Неграмотный крестьянинъ деревни Гагарьей (нынѣ уже умершій), Григорій Веснинъ, сложилъ въ воспоминаніе гагаринской битвы и бунта 1843 г. пѣсню, проникнутую ѣдкимъ сарказмомъ. Мы не можемъ привести ее здѣсь вполнѣ, потому что конецъ ея исполненъ неудобныхъ для печати выраженій. Вотъ образчикъ этой пѣсни:

Въ 43-мъ году, споемъ пѣсенку нову,
Споемъ пѣсню мы нову, все про вёснушку весну,
Какъ мы весну-съ воевали, на Гагарьемъ побывали,
На Гагарьемъ побывали, во загумнахъ мы стояли,
Во загумнахъ мы стояли, огороды изломали,
Огороды изломали — обороны въ руки брали,
Обороны въ руки брали, — казаковъ мы прогоняли.
Казаковъ мы не прогнали, только пуще раздражали;
Только пуще раздражали — мы на стаю залѣзали,
Мы на стаю залѣзали — эту стаю изломали.
Эту стаю изломали — мы въ обсаду всѣ попали.
Мы въ обсадочкѣ сидѣли день четырнадцать часовъ,
На 15-й же часъ, прочитали намъ *указъ* [1]):
Худенькимъ по сотнѣ дали, удалымъ по пятисотъ;
Нашъ Кулага [2]) господинъ — получилъ семьсотъ одинъ;
Получилъ семьсотъ одинъ, подъ арестъ онъ угодилъ;
Подъ арестомъ не держали — намъ подводы наряжали,
Намъ подводы наряжали и въ Челябу провожали,
Во Челябу городокъ, посадили насъ въ острогъ.
Посадили на *недѣлю*, — продержали *круглый годъ!*
Нашъ Кулага господинъ, по острогу проходилъ,
По острогу проходилъ — гагаринцамъ говорилъ:
Гагаринцы молодцы — какъ нѣмецки жеребцы!
Ничего мы не начали — отовсюду міръ намчали,

---

[1]) Намекъ на отыскавшійся указъ съ золотой строчкой.

[2]) Крестьянинъ Савва Хромцевъ.

Къ намъ наѣхало гостей, со пяти-то волостей,
Со пяти-то со плетьми, все вѣдь стары сопляки...
. . . .

Лѣтніе жары, тѣснота тюремнаго помѣщенія, гніеніе отпластанныхъ казачьими нагайками клочьевъ кожи съ тѣломъ и недостатокъ врачей были причиною значительной смертности между привезенными изъ уѣзда арестантами, такъ что сѣверо-западный уголъ челябинскаго кладбища заваленъ трупами по-истинѣ несчастныхъ мятежниковъ!—Конечно, Иванъ Фадюшинъ «Люсый» и Андрей Варушкинъ «достойно воспріяли мзду свою осужденіемъ на вѣчно въ каторгу, говоритъ челябинскій лѣтописецъ, но прочихъ, вовлеченныхъ ими въ мятежъ, жаль до глубины души!» И въ самомъ дѣлѣ, отчего бы тогдашнему оренбургскому начальству не предупредить катастрофы въ челябинскомъ уѣздѣ, такими же мѣрами, какими предупредилъ ее въ томъ же году, въ курганскомъ округѣ и. д. тобольскаго гражданскаго губернатора М. В. Ладыженскій? Онъ двумя воззваніями предостерегъ и удержалъ курганцевъ отъ бунта. Въ первомъ своемъ объявленіи генералъ Ладыженскій, обращаясь къ сельскимъ жителямъ съ воскреснымъ привѣтствіемъ, совѣтуетъ жить въ мирѣ и любви другъ къ другу и повиновеніи начальству, не заводя сумятицъ и смутъ, за которыми слѣдуетъ кара Божія, плачъ и уныніе. Во второмъ — онъ пишетъ о полученіи имъ свѣдѣнія, что и между курганскими жителями началось уже смятеніе, а потому уговаривалъ ихъ успокоиться, не вѣрить ложнымъ слухамъ и выждать, чѣмъ кончится дѣло въ сопредѣльномъ Челябинскомъ уѣздѣ. Преданіе говоритъ, что многіе изъ крестьянъ, приходя въ городъ на могилы своихъ родныхъ, оплакивали вмѣстѣ съ ними могилу уѣзднаго врача Жуковскаго, умершаго въ 1840 г., ропща на судьбу отнявшую у нихъ совѣтника, такъ какъ со смертію его, имъ не съ кѣмъ было посовѣтоваться! Жуковскій, значитъ, пользовался популярностью въ народѣ, прозвавшимъ его своимъ совѣтникомъ и, слѣдовательно, простое слово, во-время сказанное къ народу, могло предостеречь и удержать челябинцевъ отъ бунта. Но слова этого никто не сказалъ.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія преданы были военному суду только главные зачинщики, прочимъ же императоръ Николай Павловичъ даровалъ прощеніе. Варушкинъ, Люсый (Фадюшинъ) и Еланцевъ (Хромцевъ умеръ въ острогѣ) были наказаны шпицрутенами черезъ полторы тысячи человѣкъ «одинъ разъ», первые двое въ слободѣ Воскресенской, а послѣдній въ селѣ Павловскомъ, и сосланы въ каторжную работу. Менѣе виновные, по наказаніи розгами, выселены въ Сибирь на поселеніе;

оказавшіе сопротивленіе войскамъ наказаны розгами и водворены въ мѣста жительства, тѣмъ-же, которые вынуждены были принять участіе въ бунтѣ, даровано прощеніе.

Предсѣдатель военно-судной коммисіи генералъ-маіоръ Ротъ, объѣзжая волости, объявлялъ жителямъ монаршую милость. —«Умилительно было смотрѣть (пишетъ толовскій лѣтописецъ), когда генералъ Ротъ объявлялъ всемилостивѣйшее прощеніе крестьянамъ, собираемымъ для того въ волости, на церковныхъ площадяхъ, поставленнымъ въ видѣ четыреугольника съ готовящимся къ молебну духовенствомъ въ серединѣ; предъ началомъ молебствія, являлся обыкновенно генералъ, въ полной парадной формѣ, увѣшанный орденами, окруженный свитой чиновниковъ, и обращаясь къ народу, объявлялъ ему радостную вѣсть о помилованіи, по объявленіи которой, служился благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю и всему царствующему дому — и единодушное ура! было отвѣтомъ признательныхъ подданныхъ!» Тѣмъ волостямъ, которыя не принимали рѣшительно никакого участія въ бунтѣ, отъ министра государственныхъ имуществъ разосланы были похвальные листы, съ выраженіемъ монаршаго благоволенія.

Листы эти въ настоящее время висятъ въ присутствіи волостныхъ правленій.

Такъ кончилось возстаніе 1843 г., вызванное превратнымъ толкованіемъ передачи крестьянъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, изъ котораго недавно переданы они въ вѣдомство общихъ мировыхъ учрежденій, какъ-бы въ доказательство мужичкамъ, что рабство и барство отнынѣ немыслимы и невозможны въ Россіи.

Н. Середа.

Челябинскъ, Оренб. губ.
16-го дек. 1867 г.

ДѢЛО НОВИКОВА

И

ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

(По новымъ документамъ.)

Дѣло о Новиковѣ и масонскихъ ложахъ въ Россіи, производившееся въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, еще не объяснено надлежащимъ образомъ. М. Н. Лонгиновъ, которому принадлежитъ честь подробной разработки этого вопроса, приходитъ ко многимъ недоразумѣніямъ, встрѣчаетъ «несообразности и противорѣчія въ защитѣ и обвиненіи». Дѣйствительно, дѣло *вообще* о масонахъ окончилось наказаніемъ собственно *одного* Новикова; потомъ, указъ 1 мая 1792 г. повелѣвалъ «предать Новикова *законному сужденію* на основаніи учрежденія» (о губерніяхъ), а между тѣмъ законнаго сужденія дано не было, и дѣло рѣшено административнымъ порядкомъ и тайно.
«Еще въ августѣ 1790 г.—говоритъ г. Лонгиновъ—Радищевъ, за напечатаніе книги возмутительнаго содержанія, былъ, правда, на основаніи жестокихъ тогдашнихъ законовъ, осужденъ на смерть; но осужденъ все-таки по закону и притомъ въ уголовной палатѣ и въ сенатѣ, а по дарованіи ему жизни, сосланъ на жительство въ Сибирь, куда дозволено было пріѣхать къ нему его семейству. Ровно черезъ два года, Новиковъ, по разнымъ, отчасти далеко не доказаннымъ, проступкамъ, вслѣдствіе предполагаемыхъ намѣреній и т. под., отстраненъ отъ законной подсудности, которой сначала хотѣли его подвергнуть, и заключенъ безъ

суда на пятнадцать лѣтъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости» [1].

«Въ чемъ же состоялъ процессъ Новикова»? спрашиваетъ А. Н. Пыпинъ, критикъ сочиненія г. Лонгинова, подробно разсмотрѣвъ всѣ главныя обстоятельства дѣла. «При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правильное *законное сужденіе*; но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; законнаго сужденія не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургъ. Новикову, какъ главному представителю направленія, досталась самая тяжкая участь изъ всего кружка. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена, даже болѣе компрометированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлались легкими взысканіями. Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представило достаточнаго повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1 августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ, хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе и въ сущности оставлены были въ покоѣ, — говорится, какъ о *преступникѣ* и его *сообщникахъ*, дѣятельность ихъ характеризована какъ — *вредные замыслы*, побужденія — *духъ любоначалія* и *корыстолюбія*, свойства ихъ послѣдователей, — *крайняя слѣпота*, *невѣжество* и *развращеніе*, средства — *плутовство* и *обольщеніе*» [2].

Такой взглядъ на дѣло уже доказываетъ, что обнародованные до настоящаго времени источники еще не достаточны для его объясненія, и что оно требуетъ еще новыхъ изслѣдованій. Пользуясь вновь обнародованными документами [3], которые еще никому не были извѣстны, мы позволимъ себѣ изложить нѣкоторыя соображенія для бо̀льшаго объясненія этого дѣла, — не думая однако же окончательно разрѣшить вопросы, такъ тѣсно связанные со всѣми другими происшествіями того времени, еще весьма мало обнаруженными и еще менѣе обработанными.

I.

Слѣдствіе о масонахъ и Новиковѣ производилось въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Москвѣ производство этого слѣдствія импе-

---

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 337 и 338.

[2]) Вѣстн. Евр. 1867 г. т. IV: «Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ», А. Н. Пыпина, стр. 65.

[3]) Они изданы во II т. Сборника Русскаго Истор. Общества.

ратрица поручила тамошнему генералъ-губернатору князю Прозоровскому. Его взглядъ на Новикова и значеніе масонскихъ ложъ извѣстенъ изъ обнародованныхъ уже документовъ и изслѣдованій о нихъ. Усердный слуга государыни, онъ хотѣлъ дѣйствовать и дѣйствовалъ энергически, но въ тоже время сознавалъ, что не понимаетъ и не можетъ понять ни ученій, ни дѣятельности тѣхъ людей, надъ которыми долженъ былъ производить судебное слѣдствіе. Личность Новикова до такой степени мало имѣла общаго съ нимъ самимъ, что онъ представлялся ему злѣйшимъ ересіархомъ и хитрѣйшимъ революціонеромъ, отъ котораго нельзя добиться правды. Сознавая свое безсиліе въ этомъ случаѣ, онъ постоянно просилъ императрицу прислать ему въ помощь т. сов. Шешковскаго, пресловутаго по опытности въ дѣлахъ, подлежавшихъ тайному изслѣдованію [1]). Съ тою же просьбою онъ обращается въ своихъ письмахъ и къ самому Шешковскому, съ которымъ, съ самаго начала слѣдствія, онъ велъ тайную переписку.—«Я сердечно желалъ бы—пишетъ онъ—чтобъ вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ (Новиковымъ) не слажу! Экова плута тонкова мало я видалъ. И такъ бы его допросили; у меня много матеріи, о чемъ его допрашивать. Надо, милостивый государь мой, сему вреду сдѣлать конецъ. Это говоритъ мое усердіе къ ея императорскому величеству и отечеству; увѣренъ, что и вы столько же усердный, какъ и я». Въ другомъ письмѣ онъ также проситъ Шешковскаго:—«Чтобы вы ко мнѣ пожаловали, какъ бы скорѣе пошли дѣла, да и матерія сія сего стоитъ, а я бы искренно возблагодарилъ Бога!» Дѣйствительно, тяжелый камень свалился бы съ его плечъ и облегчилъ бы голову человѣка, принужденнаго изучать сочиненія масоновъ и доискиваться въ нихъ смысла, котораго и сами часто не понимали ихъ сочинители и ихъ поклонники, рыться въ грудѣ масонскихъ бумагъ и отыскивать въ нихъ небывалыхъ политическихъ замысловъ.

Но Шешковскій уклонялся отъ прямого отвѣта на ласковые призывы и изъявлялъ надежду, что *усердіе* кн. Прозоровскаго *къ общему благу* доведетъ его *до желаемаго конца*, а если бы и оказались *затрудненія*, то онъ *вѣру несомнѣнну имѣетъ, что самъ Господь Богъ поможетъ ему ихъ преодолѣть* [2]). Императрица точно также не отвѣчала на эту просьбу кн. Прозоровскаго и не отправила Шешковскаго на помощь ему въ Москву.

Почему-же это такъ случилось?

Еслибъ она смотрѣла на масонство и Новикова съ той-же

---

1) Лѣтописи русск. литер. и древности, г. Тихонравова. Т. V, отд. 2-е.

2) Письма кн. Прозоровскаго отъ 4 и 13 мая, и Шешковскаго отъ 1 мая.

точки зрѣнія, какъ и кн. Прозоровскій, то объяснить это обстоятельство было бы чрезвычайно трудно. Лечить важный недугъ помощію плохого врача, имѣя подъ рукою самаго искуснаго, совершенно было бы несогласно съ умомъ и вѣрнымъ практическимъ взглядомъ Екатерины. Очевидно, она вовсе не придавала того значенія масонству и не такъ смотрѣла на Новикова, какъ московскій генералъ-губернаторъ. Ученія масоновъ и ихъ мистицизмъ, запутанный и поверхностный, не опиравшійся ни на какія твердыя основанія, какъ въ историческомъ, такъ и философскомъ смыслѣ, былъ противенъ строго логическому и холодному ея уму, а ихъ дѣйствія представлялись ей *плутовствомъ* нѣсколькихъ ловкихъ людей, которые завлекали другихъ въ свои сѣти для корыстныхъ видовъ, прикрываемыхъ только благовидными намѣреніями, распространеніемъ просвѣщенія и благотворительностью. Но, противъ этихъ ученій, она считала достаточнымъ дѣйствовать литературными орудіями, опроверженіемъ, сатирою и насмѣшкой [1]), а чтобы положить предѣлъ распространенію издаваемыхъ ими книгъ въ малообразованныхъ слояхъ общества, она прибѣгала къ административнымъ мѣрамъ. Такъ дѣйствовала императрица до 1790-хъ годовъ; но, въ это время, въ виду происшествій во Франціи, имѣвшихъ вліяніе и на всю западную Европу, ко взгляду императрицы на масоновъ присоединилось и опасеніе: масонскія ложи были тайными обществами, находившимися въ связяхъ съ европейскими, и потому казались ей опасными; тогда она рѣшилась положить конецъ ихъ дѣятельности въ Россіи.

Но для того, чтобы это намѣреніе привести въ исполненіе, былъ совершенно достаточенъ такой усердный слѣдователь, какъ кн. Прозоровскій, особенно подъ руководствомъ и постояннымъ наблюденіемъ самой императрицы и при участіи Шешковскаго. Точно также достаточенъ былъ и общій порядокъ суда, еще такъ недавно узаконенный *Учрежденіемъ о губерніяхъ*, которое императрица считала однимъ изъ важныхъ памятниковъ законодательства ея царствованія, и которое съ такимъ восторгомъ было привѣтствуемо просвѣщеннымъ обществомъ того времени. Въ этомъ смыслѣ и состоялся указъ 1 мая 1792 г., въ которомъ сказано: «Повелѣваемъ онаго Новикова, на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей; по окончаніи же во всѣхъ судахъ того слѣдствія и заключеній, должны они представить вамъ на ревизію, вы же препроводите на рѣшеніе въ сенатъ.»

---

[1]) Записки Грибовскаго, изд. 1847 г., стр. 23.

Но впослѣдствіи все перемѣнилось: Новиковъ съ большими предосторожностями и въ великой тайнѣ былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ, слѣдствіе надъ нимъ вновь поручено было производить Шешковскому, и, безъ суда по общему порядку, онъ былъ приговоренъ, указомъ 1 августа 1792 г., на заключеніе въ Шлюссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ.

Какія же были причины такой перемѣны во взглядѣ императрицы?

Получивъ указъ 1 мая, кн. Прозоровскій нашелъ невозможнымъ его исполнить, и, 6 мая, съ нарочнымъ отправилъ къ императрицѣ донесеніе, въ которомъ писалъ, что «пріостановился исполнить онаго отдачею Новикова сужденію по учрежденію о губерніяхъ».—«Я теперь, сообщалъ онъ, имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его, по законамъ, сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться со собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, если повелите всемилостивѣйшая государыня, по бумагамъ его спрашивать. Почему и за лучшее почелъ о семъ вашему величеству чрезъ нарочнаго сего донести». И далѣе предполагаетъ: «Лучшебъ было нарядить для сего слѣдствія особую коммиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе; то хотя я опредѣлю надзирателей за производствомъ, но они замѣшиватъ будутъ дѣло. Новикову же надо будетъ вновь вопросы дѣлать, ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ вашему величеству, препроводить въ судъ нельзя, какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говоритъ, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ спрашивать будетъ, что̀ масоны, а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло». Въ письмѣ къ Шешковскому отъ 13 мая, указывая ему на причины, изложенныя въ этомъ донесеніи императрицѣ, почему онъ не передалъ въ судебныя учрежденія дѣла о Новиковѣ, онъ приложилъ выписку изъ указа 1 мая и противъ подчеркнутыхъ имъ строкъ: «на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей»,— собственноручно написалъ: «Прошу объяснить мнѣ сіи подчеркнутыя слова; судить по законамъ, тогда послать его въ уѣздный судъ, то что̀ значитъ избрать надежныхъ людей? я опасаюсь, чтобъ въ чемъ не ошибиться». Конечно, приведенныя строки указа давали поводъ къ недоразумѣнію. Но, вѣроятно, только неправильность изложенія затемнила мысль: слова̀—«избравъ надежныхъ вамъ людей», отно-

сились къ слѣдователямъ, потому что не могъ же кн. Прозоровскій перемѣнить составъ судовъ по случаю только этого дѣла.

Но не эта одна причина понудила его пріостановиться исполненіемъ указа 1-го мая, какъ доказываютъ приведенныя выше его соображенія, выраженныя въ донесеніи къ императрицѣ отъ 6 мая, и просить объясненій. Этихъ объясненій кн. Прозоровскій не получилъ и не могъ получить потому, что императрица, въ указѣ къ нему 10 мая, писала:—«Что вы Новикова по повелѣнію нашему не отдали подъ судъ, весьма апробуемъ, видя изъ вашихъ реляцій, что Новиковъ человѣкъ коварный и хитро старается скрыть свои дѣянія, а симъ самымъ наводитъ вамъ затрудненія, отлучая васъ отъ другихъ, порученныхъ отъ насъ вамъ дѣлъ; и сего ради повелѣваемъ: Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость, и дабы оное скрыть отъ его сотоварищей, то прикажите вести его на Владиміръ, а оттуда на Ярославль, а изъ Ярославля на Тихвинъ, а изъ Тихвина на Шлюшинъ, и отдать тамошнему коменданту. Вести же его такъ, чтобъ его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобъ онъ самъ себя не повредилъ».

Читая эти строки, дѣйствительно можно не только подумать, что соображенія кн. Прозоровскаго разубѣдили императрицу въ правильности ея воззрѣній на это дѣло и принудили отказаться отъ предписаннаго ею, въ указѣ 1 мая, порядка его разсмотрѣнія,—но даже придать ему ту политическую важность, которую придавалъ преувеличенный страхъ революціи и ревность, не по разуму, московскаго генералъ-губернатора.

Сомнительно, чтобы умъ великой Екатерины могъ войдти въ узкіе взгляды кн. Прозоровскаго, и потому мы постараемся болѣе вникнуть въ обстоятельства этого любопытнаго дѣла, чтобы объяснить перемѣну во взглядахъ императрицы.

Указомъ 18 августа, повелѣвалось дѣло о московскихъ книгопродавцахъ *немедленно рѣшить согласно съ законами и о томъ донести*. Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ 31 авг., императрица уже предписывала кн. Прозоровскому:—«Учинить, по этому дѣлу, законное рѣшеніе, которое однакожъ, не исполняя, представить»—ей, съ его *мнѣніемъ*. Значеніе этихъ указовъ, кромѣ иныхъ причинъ, на которыя мы укажемъ впослѣдствіи, объясняется и слѣдующимъ обстоятельствомъ: еще въ донесеніи императрицѣ, отъ 24 апр., кн. Прозоровскій писалъ:—«Какъ всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ жестокому наказанію и ссылкѣ, а какъ ихъ будетъ болѣе 10 человѣкъ, для того и удержался я отсылать ихъ суду и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенныя книги отобрать. А не соизво-

лите ли повелѣть, всемилостивѣйшая государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ?» Находя то наказаніе, которому по суду могли подвергнуться книгопродавцы, слишкомъ строгимъ и несоразмѣрнымъ съ ихъ виною, онъ и впослѣдствіи ходатайствовалъ за нихъ передъ императрицею. Въ письмѣ къ Шешковскому, 24 авг., онъ говоритъ, что въ донесеніи императрицѣ—«какъ прежде всеподданнѣйше доносилъ, такъ и теперь доношу, если ихъ отдать къ сужденію; то должно ихъ, яко неисполнителей именныхъ указовъ, бить кнутомъ и сослать въ каторжную работу; ибо имъ объявленъ былъ о запретительныхъ книгахъ именной указъ, а съ нѣкоторыхъ взяты подписки. Ихъ 15 человѣкъ, то всѣ вышеупомянутымъ наказаніямъ и подвергаются. У нихъ другой цѣли не было, какъ имѣть барышъ и Новикову сдѣлать угодное, какъ онъ имъ давалъ книги въ долгъ. То я докладовалъ ея величеству, не угодно ли будетъ, чтобъ положить имъ повелѣть нѣкоторое наказаніе, не отсылая въ судъ, и лавки распечатать. Потомъ вторично, по просьбѣ ихъ отъ 17-го мая, всеподданнѣйше просилъ ея величество о распечатаніи лавокъ». Не имѣя однако же разрѣшенія императрицы по этому прошенію, онъ обращается къ Шешковскому и проситъ его: «исходатайствовать, согласно съ всенижайшимъ моимъ ея величеству представленіемъ, резолюцію. Паче надеженъ я на милосердіе ея величества, что она изволитъ аппробовать мое всеподданнѣйшее представленіе, которое теперь вижу къ генералъ-порутчику Лопухину, что она вошла въ его состояніе, яко мать».

Если книгопродавцы, простые исполнители порученій Новикова, будучи преданы суду, подверглись бы одному изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній, то не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что самого Новикова судъ приговорилъ бы къ неменьшему наказанію. Входить суду, какъ указывалъ кн. Прозоровскій, въ разсмотрѣніе масонскихъ ученій и не было никакой нужды; онъ точно также осудилъ бы его «яко неисполнителя именныхъ указовъ», и его приговоръ былъ бы не менѣе грозенъ, какъ и для книгопродавцевъ, и одинаково не соотвѣтствовалъ бы винѣ.

Почему же въ одномъ случаѣ князь Прозоровской опасался слишкомъ строгаго приговора суда, а въ другомъ—слишкомъ снисходительнаго? И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ императрица, повидимому, соглашалась съ его взглядомъ?

Въ отношеніи къ кн. Прозоровскому это противорѣчіе объясняется весьма легко: онъ считалъ масоновъ революціонерами и республиканцами, ихъ ложи — какими-то якобинскими клубами;

вѣрилъ въ ихъ сношенія съ французскими революціонерами [1]) и хотѣлъ именно это открыть и обличить ихъ. Но, отыскивая то, чего не существовало, онъ, конечно, ничего не открылъ и, упорствуя въ своихъ подозрѣніяхъ, опасался, что и судъ ничего не откроетъ, а хитрые преступники ускользнутъ отъ заслуженной кары. Но императрица, давно слѣдившая за дѣйствіями масоновъ, знакомая въ это время уже съ большею частію ихъ тайныхъ бумагъ, конечно, не могла раздѣлять подобнаго взгляда, и поэтому, въ отношеніи къ ней, необходимо искать иныхъ причинъ, которыя побудили ее измѣнить свой взглядъ и свой образъ дѣйствій [2]).

«Соображая всѣ данныя, говоритъ г. Лонгиновъ, нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ апрѣлѣ 1792 г. государынѣ сдѣлались положительно извѣстны переговоры Новикова съ Баженовымъ о вступленіи мартинистовъ въ сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Мы не знаемъ, какъ именно это случилось, тѣмъ болѣе, что переговоры по этому случаю происходили за нѣсколько лѣтъ; но бумага касательно этого предмета, переданная Баженовымъ Новикову еще въ 1787 г., какимъ-то образомъ попалась въ руки императрицы, и, конечно, вызвала съ ея стороны рѣшеніе принять строгія мѣры» [3]).

На чемъ основано такое предположеніе, что именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица узнала о сношеніяхъ Новикова съ наслѣдникомъ престола, мы не знаемъ; но, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что она узнала объ этомъ до 10-го мая, когда состоялся указъ кн. Прозоровскому объ отправленіи Новикова въ Шлюссельбургъ.

Если вспомнимъ тѣ отношенія, въ которыхъ она постоянно находилась къ своему наслѣднику, то, кажется, можемъ утвердительно сказать, что не взгляды и доводы кн. Прозоровскаго, но именно это обстоятельство было поводомъ къ тому, что она измѣнила свой взглядъ на дѣло и отступила отъ предписаннаго ею порядка слѣдствія и суда. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно для объясненія перемѣны, происшедшей въ императрицѣ, и нѣтъ нужды прибѣгать къ дру-

---

[1]) Лѣт. Русск. лит. т. V, отд. 2, № 8.—Записки Лопухина, стр. 42.

[2]) Императрица очень хорошо понимала личность Прозоровскаго. Когда, по окончаніи уже дѣла о Новиковѣ и его товарищахъ, въ 1793 г., онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился ей, она обратилась съ вопросомъ къ Храповицкому: «Знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ»?—и, не дожидаясь отвѣта, съ насмѣшкою замѣтила: «Онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ». Записк. Храповицк. 1793, янв. 26.

[3]) Новиковъ и Моск. мартин., гл. XXI, стр. 313.

гимъ соображеніямъ, которыя, впрочемъ, ни на чемъ, еще положительно извѣстномъ, основаны быть не могутъ.

II.

По отправленіи Новикова въ Шлюссельбургъ, кн. Прозоровскій еще продолжалъ свои изслѣдованія, но онъ имѣлъ дѣло только съ бумагами и книгами масоновъ, задерживая ихъ, не смотря на требованія императрицы прислать ихъ въ Петербургъ. Но, конечно, его вниманіе устремлено было преимущественно на личности; *птица Новиковъ*, какъ онъ выразился о немъ въ письмѣ къ Шешковскому, отъ него улетѣла, и ему хотѣлось наловить другихъ. Въ письмѣ къ Шешковскому, отъ 17-го мая, онъ сообщилъ ему списокъ *злыхъ* товарищей Новикова, съ характеристическими отмѣтками противъ именъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ слѣдующемъ родѣ: «Кн. Николай Трубецкой,—этотъ между ними великъ, но сей испугался и плачетъ; братъ Новикова — лихъ и фанатикъ; кн. Юрья Трубецкой—глупъ и ничего не значитъ; Татищевъ—глупъ и фанатикъ», и т. под. Долго ожидая предписаній продолжать слѣдствіе надъ сообщниками Новикова, въ нетерпѣніи онъ писалъ Шешковскому, 22-го іюня,—«Но позвольте мнѣ дружески вамъ сказать: я не понимаю конца сего дѣла; какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники. Но до нихъ видно дѣло не дошло! Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ; желаю только того, чтобы не было за ними столь бдительнаго примѣчанія, какъ и безъ того, право, хлопотъ бываетъ много». Онъ опасается, что они избѣгнутъ наказанія и будутъ оставлены только подъ надзоромъ полиціи. Въ донесеніи императрицѣ, отъ 7-го іюня, онъ выразилъ ей слѣдующее *мнѣніе:*—«Не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойтить до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ ваше императорское величество высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ кн. Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и привести куда, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть изволите. А такъ какъ кн. Н. Трубецкой не мудрый, и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истину, а Тургеневъ хоть и лукавѣе Трубецкаго и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, и онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, всемилостивѣйшая государыня, все открыть

изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія, матеріи, что недостаетъ, чрезъ нихъ пояснить». Масонскіе *гіероглифы*, конечно, для императрицы не представляли такой великой премудрости, какъ для кн. Прозоровскаго, и потому его совѣтъ остался безъ послѣдствій. Напротивъ, послѣ долгихъ ожиданій, кн. Прозоровскій получилъ указъ, 1-го августа, объ осужденіи Новикова, въ которомъ о его главныхъ сообщникахъ кн. Трубецкомъ, Лопухинѣ и Тургеневѣ сказано, что ихъ— «не только признанія Новикова, но и многія писанныя ими заразительныя бумаги обличаютъ въ соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ; то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ, порознь истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнятъ съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія, освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерній, гдѣ тѣ деревни состоятъ и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію, подъ опасенімъ въ противномъ случаѣ употребленія надъ ними всей строгости закона. А если кто изъ нихъ и послѣ сего дерзнетъ хотя единаго человѣка заманить въ свой гнусный разсколъ, таковой не избѣгнетъ примѣрнаго и жестокаго наказанія».

Такимъ образомъ, процессъ былъ оконченъ, и надъ этими лицами приговоръ произнесенъ, а допросы, порученные кн. Прозоровскому, въ предѣлахъ напередъ опредѣленныхъ присланными ему изъ Петербурга вопросами, очевидно были простою формальностію, предписанною съ одной стороны для оправданія приговора, который повелѣвалось объявить по окончаніи допросовъ, а съ другой, для пополненія свѣдѣній о дѣйствіяхъ масонскихъ ложъ. Никого изъ этихъ трехъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ Новикову, императрица не считала въ собственномъ смыслѣ преступниками, а напротивъ честными и добросовѣстными людьми, хотя и увлеченными въ ложное направленіе. Она напередъ была увѣрена, что ихъ показанія будутъ искренни, и что они представятъ всѣ имѣющіяся у нихъ бумаги, а потому

напередъ произносила приговоръ, далеко не жестокой. Хотя при этихъ допросахъ кн. Прозоровскій и пытался достигнуть своей цѣли, обличить ихъ въ сношеніяхъ съ французскими революціонерами, и даже привлечь къ дѣлу только-что выступавшаго на поприще литературной дѣятельности Карамзина, но его попытки не только остались безуспѣшными, но даже и этотъ крайне снисходительный, по его мнѣнію, приговоръ о *злыхъ* сообщникахъ Новикова, въ отношеніи къ Лопухину былъ, въ непродолжительномъ времени, отмѣненъ совершенно, и ему дозволено оставаться въ Москвѣ при его престарѣломъ отцѣ. О всѣхъ же другихъ членахъ масонскихъ ложъ и вовсе не было предпринято никакого слѣдствія, такъ что предположенія кн. Прозоровскаго рушились окончательно.

Въ допросныхъ пунктахъ,—по которымъ поручалось московскому генералъ-губернатору отобрать показанія отъ кн. Трубецкаго, Тургенева и Лопухина,—составленныхъ въ Петербургѣ при непосредственномъ участіи самой императрицы, въ первый разъ, при слѣдствіи, производившемся въ Москвѣ, указано было на сношенія Новикова съ наслѣдникомъ престола. Въ 4-мъ и 5-мъ пунктахъ имъ предлагались слѣдующіе вопросы: «Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились уловить въ сѣти *извѣстную особу*, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствовавшихъ и помогающихъ? Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали къ Кутузову. Чего ради объяснить вамъ:

1) Для чего о столь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили?

2) Чего ради такую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и —

3) Кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ, ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ, то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?»

Эти допросные пункты были препровождены къ кн. Прозоровскому при особомъ письмѣ Шешковскаго, въ которомъ, безъ сомнѣнія, онъ объяснилъ ему, о какой «извѣстной особѣ» въ нихъ говорится. Къ сожалѣнію, этого письма не сохранилось въ изданныхъ нынѣ бумагахъ; но это подтверждаютъ письма

кн. Прозоровскаго къ Шешковскому, отъ 9 и 14 августа. Но ни въ одномъ изъ его писемъ не упоминается о подлинныхъ отвѣтахъ Новикова на 21 пунктъ предложенныхъ ему вопросовъ. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что опытный и осторожный слѣдователь, какъ Шешковскій, конечно, съ одобренія императрицы, и не сообщалъ ихъ кн. Прозоровскому. Оттого ихъ и быть не могло въ московскихъ бумагахъ по этому дѣлу, и дѣйствительно нѣтъ въ той рукописи, которую открылъ въ Москвѣ г. Лонгиновъ и напечаталъ въ приложеніи къ своему сочиненію [1]).

До полученія этихъ вопросныхъ пунктовъ, ни въ одномъ донесеніи къ императрицѣ, ни при одномъ изъ допросовъ и ни въ одномъ изъ секретныхъ писемъ къ Шешковскому, кн. Прозоровскій не указываетъ на сношенія масоновъ съ великимъ княземъ. Очевидно, до этого времени это обстоятельство оставалось ему неизвѣстнымъ. Но этого еще мало. Въ запискахъ Храповицкаго, подъ 26 числомъ мая 1792 года, читаемъ: «Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобъ не выбирать въ гранъ-пріоры е. в. государя цесаревича, по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще не масонъ» [2]). Этотъ пакетъ съ бумагами отправленъ былъ кн. Прозоровскимъ при донесеніи къ императрицѣ отъ 20 мая, въ которомъ онъ говоритъ:—«Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшаго графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ вашему императорскому величеству всенижайше представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ пріобщить къ себѣ людей знатныхъ, но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было». По соображеніи числъ, надо предполагать, что это—та самая бумага, о которой говоритъ и Храповицкій. Такимъ образомъ, кн. Прозоровскій попалъ на слѣды того именно обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, которое императрица считала и могла считать наиболѣе важнымъ [3]). Но онъ не обратилъ на него вниманія, а занятъ былъ какою-то французскою книжкою, найденною имъ въ этихъ же бумагахъ. По случаю этой книжки онъ дѣлалъ особый допросъ Новикову, и распространяется о ней въ этомъ же донесеніи къ

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. Прилож., стр. 0100.
[2]) Записки Храповицкаго, стр. 267.
[3]) Лѣтоп. русск. литер. и древн. № 12, стр. 40.

императрицѣ, отъ 20 мая; а объ указанной бумагѣ онъ даже не счелъ нужнымъ потребовать объясненій у Новикова.

Лопухинъ, разсказывая въ своихъ запискахъ о производившемся надъ нимъ слѣдствіи, замѣчаетъ [1]), что въ предложенныхъ ему вопросахъ, *тщательно* составленныхъ, «все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано для разширенія завѣсы». Дѣйствительно, существеннѣйшимъ вопросомъ во всемъ слѣдствіи, произведенномъ Шешковскимъ надъ Новиковымъ и потомъ кн. Прозоровскимъ надъ Лопухинымъ и его товарищами, былъ именно этотъ вопросъ, и потому, естественно, что Лопухину казалось, что «прочіе вопросы сочинены были только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ». Прочіе вопросы уже достаточно были объяснены, какъ слѣдствіемъ кн. Прозоровскаго, такъ особенно бумагами и книгами, отобранными у Новикова. Впрочемъ, и Лопухинъ придаетъ еще нѣкоторую важность вопросамъ о сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и прусскими масонами. Но если и можно оправдать его взглядъ на вторую половину процесса, то прилагать этотъ взглядъ въ настоящее время ко всему этому дѣлу—ничѣмъ оправдано быть не можетъ.—«Очевидно, говоритъ г. Лонгиновъ, что соображенія внѣшней и внутренней политики были главными побужденіями къ строгостямъ, которымъ сочли за нужное подвергнуть Новикова и его друзей, а что прочіе розыски были *второстепенными* и служили только *предлогами*, чтобы поразить окончательно дѣятельность людей, казавшихся опасными въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, что Новикова вовсе не спрашивали объ изданіи книги, которая однако служила главнымъ поводомъ къ его аресту». Но всѣ книги, изданныя Новиковымъ и его товариществомъ, были разсмотрѣны и очень многія изъ нихъ запрещены и даже истреблены; поэтому не представлялось нужды спрашивать о какой-нибудь одной изъ нихъ, хотя бы она и послужила первоначальнымъ поводомъ къ открытію слѣдствія. *Розыски* объ изданіяхъ, которыми распространялись масонскія ученія въ Россіи, и о дѣятельности ложъ вовсе не были *второстепенными* и простыми *предлогами*, но составляли главные предметы слѣдствія, пока оно производилось въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ процессъ имѣлъ и политическій характеръ, но первоначально только въ томъ смыслѣ, что

[1]) Записки Лопухина, стр. 41 и 45.

въ виду происшествій, совершившихся въ то время въ западной Европѣ, тайныя общества, какъ масонскія ложи, находившіяся въ сношеніяхъ съ европейскими, по мнѣнію императрицы, *могли сдѣлаться* опаснымъ орудіемъ. Открытыя слѣдствіемъ дѣйствительныя ихъ сношенія съ принцами брауншвейгскимъ, гессенъ-кассельскимъ и прусскимъ министромъ Вельнеромъ, могли возбудить подозрѣнія, а окончательно ихъ утвердили обнаруженныя сношенія съ великимъ княземъ цесаревичемъ. Съ этого времени характеръ процесса дѣйствительно измѣнился, какъ измѣнился и взглядъ на него самой императрицы. Одинъ только кн. Прозоровскій не измѣнилъ своего первоначальнаго взгляда. Не смотря на то, что перечелъ множество масонскихъ тайныхъ бумагъ и книгъ и не нашелъ въ нихъ ничего революціоннаго, онъ не переставалъ считать мартинистовъ якобинцами и республиканцами. Въ припискѣ къ одному изъ писемъ къ Шешковскому (вѣроятно отъ 14 авг.), кн. Прозоровскій говоритъ:—«Они совершенные іезуиты, слѣдственно всѣ ихъ намѣренія имѣютъ касательно персоны государевой. А чтобъ они противъ не были правительства, то это онъ (Новиковъ) утаилъ, вотъ почему я догадываюсь, какъ сказано въ законѣ, что мы передъ Богомъ всѣ равны. Въ началѣ люди были равны, доколѣ не стали собираться въ обществахъ и правились старшими въ родѣ. Вы изъ бумагъ ихъ видите послѣднее, а законъ они показывали исполнять во всей точности, слѣдственно и есть равенство людей и права человѣка, а еслибъ успѣли они персону привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злому своему намѣренію, тобъ хуже сдѣлали фр. краля» [1]).

И. В. Лопухинъ, начиная свой разсказъ о допросахъ его кн. Прозоровскимъ, говоритъ:—«Портрета кн. Прозоровскаго писать я не буду для того, чтобы не дать пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердитъ на него не бывалъ». Мы тоже не желали-бы *писать портретъ* кн. Прозоровскаго, хотя для насъ и не можетъ быть поводовъ, останавливавшихъ Лопухина; но этотъ *портретъ* самъ собою рисуется передъ глазами, во весь ростъ, какъ одной изъ типическихъ личностей нашей администраціи того времени, котораго значеніе такъ вѣрно опредѣлилъ геніальный умъ кн. По-

---

[1]) Послѣднія два слова сокращенно написаны и весьма неразборчиво; но, кажется, общій смыслъ приведенныхъ словъ ясенъ.

темкина. Узнавъ о назначеніи кн. Прозоровскаго генералъ-губернаторомъ въ Москву, онъ писалъ императрицѣ:— «Ваше Величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества [1]». Съ ревностію, достойною лучшаго направленія, не жалѣя труда, кн. Прозоровскій стремился открыть то̀, чего открыть было невозможно, какъ вовсе несуществовавшаго въ дѣйствительности; не щадя лицъ, тратилъ время, гоняясь за призракомъ, созданнымъ его же испуганнымъ воображеніемъ и упускалъ изъ виду именно то, что̀ въ этомъ случаѣ представлялось особенно важнымъ и должно бы бросаться въ глаза слѣдователю. Законный путь судебнаго разсмотрѣнія дѣла казался ему недостаточнымъ и даже опаснымъ, и административный произволъ, хотя бы и благонамѣренный — единственнымъ средствомъ предохранить Россію отъ грозящей ей будто-бы опасности. И къ какимъ бы это могло привесть гибельнымъ послѣдствіямъ, еслибъ проницательный умъ великой императрицы не охладилъ ревности и не остановилъ порывовъ своего усерднаго, но близорукаго слуги!

III.

Обращаясь къ отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ, видимъ, что ему была показана найденная въ его бумагахъ записка Баженова о его представленіи цесаревичу и разговорѣ съ нимъ. Сверхъ того отвѣтъ берлинскихъ масоновъ на письмо Шредера, въ которомъ, какъ видно изъ этого отвѣта, онъ предлагалъ цесаревича назначить великимъ пріоромъ масонскихъ ложъ въ Россіи, а также переписка Шварца, или свѣдѣнія о ней, съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ о томъ же предметѣ.

Этихъ послѣднихъ, любопытныхъ документовъ не находится въ изданныхъ бумагахъ, но ихъ содержаніе, въ главныхъ чертахъ, видно изъ отвѣтовъ Новикова. Дѣйствія нашихъ масоновъ въ отношеніи къ цесаревичу Павлу Петровичу и ихъ сношенія съ нимъ до сихъ поръ были извѣстны только изъ показаній кн. Трубецкаго, Лопухина и Тургенева; ими только и могъ воспользоваться г. Лонгиновъ; но они значительно дополняются и объясняются отвѣтами самого Новикова.

Извѣстный архитекторъ Баженовъ пользовался расположе-

[1]) Русск. Вѣстникъ 1858 г., № XV, стр. 457.

ніемъ императрицы Екатерины и, состоя художникомъ при кабинетѣ, былъ лично извѣстенъ цесаревичу по своимъ архитектурнымъ работамъ. Впослѣдствіи, по восшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ назначилъ его вице-президентомъ Академіи художествъ и осыпалъ своими милостями [1]).

Вѣроятно, по случаю предполагавшейся перестройки Кремля, возведенія дворца въ Царицынѣ и другихъ архитектурныхъ работъ, Баженовъ проживалъ въ Москвѣ. Тамъ онъ познакомился съ масонами и, при содѣйствіи Карачинскаго, уже масона, вступилъ въ ложу Новикова въ 1774 г. Но онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ и, по своимъ занятіямъ, всегда представлялся какъ императрицѣ, такъ и цесаревичу. Въ 1775 г., петербургскій книгопродавецъ Глазуновъ, будучи въ Москвѣ, разсказывалъ, что для цесаревича искали въ книжныхъ лавкахъ сочиненія Арндта объ истинномъ христіанствѣ. Какъ эта книга была издана *компаніею* Новикова, то, естественно, это извѣстіе, если не было сообщено ему самимъ Глазуновымъ, то немедленно дошло до него и его товарищей. Около этого времени Баженовъ собрался ѣхать въ Петербургъ, по своимъ дѣламъ. «Передъ отъѣздомъ — говоритъ въ своемъ показаніи Новиковъ — сказалъ онъ мнѣ и Гамалеѣ, что онъ по пріѣздѣ будетъ у той *особы*, о которой въ бумагѣ говорится, и сказалъ: эта особа ко мнѣ давно милостива, и я у нее буду; а вить эта особа и тебя изволитъ знать, такъ не пошлете-ли какихъ книжекъ». Новиковъ отвѣчалъ ему, что онъ только представлялъ цесаревичу нѣсколько разъ изданныя имъ книги и потому не думаетъ, чтобы онъ могъ о немъ помнить. Но, весьма естественное, желаніе распространить ученія, въ истинѣ которыхъ онъ былъ убѣжденъ, и пріобрѣсть сильнаго ихъ защитителя и покровителя, остановило Новикова отвѣчать отрицательно на предложеніе Баженова.—«Мы посовѣтуемся съ старшими братьями, сказалъ онъ, объ этомъ, и какъ рѣшимся, посылать-ли книги или нѣтъ, я тебѣ послѣ скажу». Посовѣтовавшись между собою, они рѣшились послать книги; но поручили Баженову поступать въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностію, «чтобы онъ самъ отнюдь не высовывался съ книгами, самъ не зачиналъ говорить, а развѣ та особа сама зачнетъ». По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ Новикову и Гамалею, и первый поспѣшилъ навѣстить его, чтобы разузнать о судьбѣ посланныхъ книгъ. Баженовъ говорилъ, «что онъ у той особы былъ принятъ милостиво и книги

---

[1]) М. Евгенія, Словарь русск. свѣтск. писателей ч. 1, стр. 7 и слѣд.—Бантышъ-Каменскаго, Словарь достопамят. людей русск. земли, ч. 1, стр. 74 и слѣд.

отдалъ, и кое-что, какъ разсказываетъ Новиковъ, конфузно разсказалъ о томъ, что̀ въ бумагѣ писано, сказавъ, что онъ все напишетъ и привезетъ ко мнѣ».

Сообщенныя Баженовымъ свѣдѣнія онъ поспѣшилъ передать кн. Трубецкому и Гамалею. Въ скоромъ времени Баженовъ на письмѣ изложилъ свое свиданіе и разговоръ съ великимъ княземъ.—«Читавши оную бумагу съ Гамалеею, говоритъ Новиковъ, мы испугались, и ежели-бы не для показанія кн. Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли отъ страха, хотя и радовались милостивому принятію книгъ и не вѣрили всему, что написано. Я показалъ кн. Трубецкому эту бумагу, ее читали и такъ же видѣли, что онъ много вралъ, и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское. Кн. Трубецкой требовалъ у меня этой бумаги; но я сказалъ ему, что я нѣсколько оранжирую и переписавъ ему ее отдамъ. Тогда же рѣшились этой бумаги Баженову не отдавать назадъ и протягивать это подъ разными отговорками, въ самомъ же дѣлѣ боялись его болтливости, и чтобъ сколько возможно запретить ему ни съ кѣмъ изъ братьевъ не говорить, кромѣ насъ двоихъ съ Гамалеею, и чтобы сказать ему, что изъ нашихъ, кромѣ насъ двоихъ, о семъ никто не знаетъ; что̀ я и исполнилъ, и послѣ часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократилъ и, все невѣроятное выкинувъ, отдалъ кн. Трубецкому, а эту оставилъ у себя».

Неизвѣстно какими соображеніями и разсказами описалъ Баженовъ въ своей запискѣ свиданіе съ цесаревичемъ, но изъ показаній о ней Новикова и его товарищей возможно предполагать, что при этомъ случаѣ фантазія художника, недавно обращеннаго въ масоны, разыгралась на просторѣ. Новиковъ не хотѣлъ даже передать эту записку кн. Трубецкому въ подлинномъ изложеніи, но счелъ нужнымъ сократить ее и передѣлать. Конечно, въ ней выраженъ былъ личный взглядъ увлекавшагося Баженова, но это могло только объясниться впослѣдствіи, но съ перваго разу, попавшись въ руки такого слѣдователя какъ Шешковскій, она не могла не возбуждать подозрѣній.

Не смотря на *страхъ*, возбужденный въ Новиковѣ и его товарищахъ запискою Баженова, и опасенія, которыя внушалъ самый личный его характеръ, Новиковъ рѣшился вновь послать съ нимъ книги для поднесенія цесаревичу, когда въ 1777 и 1778 годахъ Баженовъ опять собрался ѣхать въ Петербургъ. Желаніе распространять свои ученія и пріобрѣсти въ наслѣдникѣ престола сильнаго защитника и покровителя, очевидно взяли верхъ надъ страхомъ.— «Когда онъ просилъ опять — говоритъ Новиковъ — чтобы съ нимъ послать къ той особѣ книгъ, и тогда, по

совѣту же, дана мною книжка, извлеченіе краткое изъ сочиненій Θомы Кемпійскаго и еще на нѣмецкомъ языкѣ книга о таинствѣ креста, и эту съ тѣмъ, что если угодно будетъ той особѣ читать на нѣмецкомъ языкѣ». Представленіе сочиненій и издаваемыхъ книгъ высокимъ лицамъ было въ обычаяхъ того времени и, конечно, не могло бы имѣть особаго значенія въ глазахъ императрицы и даже слѣдователей, но нельзя было не обратить вниманія на поднесеніе книги на нѣмецкомъ языкѣ, не Новиковымъ изданной и бывшей въ особомъ почетѣ у масоновъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ снова составилъ записку о свиданіи съ цесаревичемъ и передалъ ее Новикову.— «Въ ней — по словамъ Новикова — описано было также, что та особа приняла его милостиво, что книги поданы и приняты благосклонно, что разговоръ былъ о книгахъ и о томъ, что увѣренъ ли онъ въ томъ, что между нами нѣтъ ничего худаго? Баженовъ увѣрялъ ту особу, что нѣтъ ничего худаго; а та особа съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила, что можетъ быть ты и не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и тебя самаго обманываютъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ ничего худаго клятвенно. Еще былъ разговоръ о книгахъ поданныхъ; о нѣмецкой книгѣ та особа сказала, что читать ее не можетъ, и не помню, оставлена-ли она или отдана обратно».

Эта записка была короче первой, и въ ней сказано, что разговоръ свой съ Баженовымъ великій князь заключилъ словами: «Богъ съ вами, только живите смирно».

Наконецъ, въ 1792 г., Баженовъ въ третій разъ ѣздилъ въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ снова просилъ Новикова дать ему книгъ для представленія великому князю. Но на этотъ разъ, быть можетъ въ виду уже готовой разразиться надъ нимъ грозы, Новиковъ не далъ ему никакихъ книгъ, говоря — «что за болѣзнью некогда мнѣ приготовить».

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ разсказалъ Новикову, что — «онъ у той особы былъ и принятъ былъ съ великимъ гнѣвомъ на насъ, и что та особа запретила ему и упоминать о насъ; а ему сказала: я тебя люблю и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста. Объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай о нихъ говорить».

Если къ этимъ показаніямъ Новикова присоединить слѣдующія обстоятельства, то подозрѣніе, составлявшее главную задачу слѣдователей, выступаетъ во всемъ его объемѣ.

Еще прежде носились слухи, что, по примѣру многихъ изъ европейскихъ принцевъ того времени, и цесаревичъ вступилъ въ масонскій орденъ; одни говорили, что посвятилъ его шведскій

король Густавъ III во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1777 году, другіе предполагали, что онъ принятъ въ орденъ за границею, во время путешествія въ 1781 г. Въ его свитѣ находились кн. А. Б. Куракинъ и С. И. Плещеевъ, ревностные масоны, и въ это же время былъ за границею Шварцъ и хлопоталъ, чтобы освободить русскія масонскія ложи отъ зависимости у иностранныхъ властей и составить изъ Россіи особую самостоятельную провинцію ордена съ особымъ пріоратомъ. Эта цѣль была достигнута на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ масоновъ, и Россія объявлена особою, восьмою провинціею ордена. Устроивая новое управленіе въ 1782 г., московскіе масоны оставили должность провинціальнаго великаго мастера вакантною. «Ее приберегали для наслѣдника престола, замѣчаетъ г. Лонгиновъ, указывая на надежды масоновъ на благоволеніе и покровительство великаго князя. Въ пѣсняхъ масонскихъ [1]) неоднократно встрѣчаются похвалы ему. Шварцъ предлагалъ признать великаго князя провинціальнымъ великимъ мастеромъ русскаго масонства» [2]). Это обстоятельство было открыто слѣдствіемъ и, сверхъ того, недавняя переписка Шредера съ берлинскими масонами о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ слѣдователей, съ одной стороны, открывался цѣлый рядъ попытокъ масоновъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, завлечь въ свой орденъ великаго князя, а съ другой, современныя происшествія въ Европѣ и наши отношенія къ нѣкоторымъ государствамъ возбуждали по-

---

[1]) Масонскихъ пѣсенъ сохранилось очень много. Хотя ихъ пѣвцы и не отличаются поэтическими дарованіями; но въ историческомъ отношеніи ихъ пѣсни заслуживаютъ вниманія и изслѣдованія. Въ публичныхъ библіотекахъ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ сохраняются рукописныя и тайно напечатанныя разными ложами сборники такихъ пѣсенъ. Изъ находящихся у насъ выписываемъ слѣдующія строки:

А если обладать душею
Того..., кто участью своею
На свѣтѣ превосходитъ всѣхъ —
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ?
О старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.
Вѣнчанна мира красотою,
Плѣнилъ невинной простотою,
И что есть смертный — вразумилъ;
Власть пышну — съ дружбою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ....

[2]) Новиковъ и пр., стр. 176 и 77; срав. 107 и 158 и 9.

дозрѣніе, не имѣли ли эти попытки и политическаго значенія. Только подробное изслѣдованіе могло доказать, что между предложеніемъ Шварца, сношеніями Баженова и перепискою Шредера не было никакой связи, и стремленія завлечь въ свой орденъ великаго князя не имѣли никакой политической цѣли, со стороны нашихъ масоновъ.

Что касается до предложенія Шварца, то Новиковъ въ первыхъ отвѣтахъ на вопросные пункты вовсе не говоритъ о немъ, и это молчаніе въ послѣдующихъ отдѣлахъ объясняетъ такимъ образомъ:—«Прежнее намѣреніе Шварцово, по письму принца гессенъ-кассельскаго, у меня и изъ головы вышло, и я объ немъ и вспомнилъ только уже здѣсь, когда показана она мнѣ была; что по истинѣ какъ предъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился и почиталъ бы то невозможнымъ къ исполненію; но единственно надѣялся только и ожидалъ милостиваго покровительства и заступленія». Нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать Новикова въ неискренности въ этомъ случаѣ.

Какъ предложеніе Шварца не имѣло никакой связи съ сношеніями Баженова съ цесаревичемъ, такъ еще менѣе находилось въ связи съ этими происшествіями предложеніе Шредера и отвѣтъ на него. Этотъ иностранецъ, искатель приключеній, какъ и множество другихъ ему подобныхъ, по свойству самого нашего общества, удобно втерся въ него и попалъ въ друзья, довѣренное лицо и даже посредника въ сношеніяхъ съ Берлиномъ и у московскихъ масоновъ. Въ 1787 г., онъ отправился въ Берлинъ. Еще довѣряя ему, кн. Трубецкой далъ ему въ числѣ другихъ бумагъ и сокращенную записку Баженова. Шредеръ, безъ вѣдома и согласія русскихъ масоновъ, сдѣлалъ представленіе тамошнимъ масонскимъ властямъ о назначеніи цесаревича великимъ мастеромъ русской провинціи ордена, которое было ими отклонено, потому что великій князь не былъ масономъ. Шредеръ — «въ представленіи своемъ, какъ показалъ Новиковъ, о которомъ мы узнали только изъ сего отвѣта, между прочимъ писалъ онъ о той особѣ; но что̀ онъ писалъ, о томъ я совершенно не знаю, потому что мнѣ того не показывали и не сказывали, а требовать того не имѣлъ я права. Да думаю, но вѣрно не знаю, что едва зналъ ли о томъ и кн. Трубецкой, потому что онъ, по переводѣ, вручая мнѣ сей отвѣтъ, оказывалъ свое удивленіе о томъ». Дѣйствительно, отправляя Шредера и Кутузова въ Берлинъ, кн. Трубецкой имѣлъ только въ виду, чрезъ ихъ посредство, поучиться таинствамъ масонской науки, кото-

рыхъ такъ ревностно искали наши масоны и — никакъ не могли найдти [1]).

Такимъ образомъ, между дѣйствіями Шварца, Баженова и Шредера ничего не было общаго, кромѣ общаго, конечно, всѣмъ масонамъ стремленія распространять свои ученія и привлекать въ свою среду лицъ, имѣющихъ силу и значеніе въ обществѣ. Въ отношеніяхъ Новикова и его товарищей къ цесаревичу не было никакихъ политическихъ видовъ и намѣреній. «Что, по полученіи бумаги сей Баженовымъ писанной—говоритъ онъ—никакого намѣренія, ниже поползновенія къ какому-нибудь умыслу или безпокойству и смятенію не имѣли, ни въ мысль не входило, сіе предъ самимъ живымъ Богомъ и предъ стопами ея величества исповѣдаю и утверждаю и готовъ кровію моею запечатлѣть». Прочитавъ записку Баженова — говоритъ Новиковъ — «испугался и истинно не повѣрилъ, зная того человѣка, который писалъ оную; но подумалъ, что хотя часть малая справедлива, о милостивыхъ отзывахъ и милостивомъ принятіи книгъ поданныхъ, то радовался и надѣялся милостиваго покровительства и заступленія. Другова-же никакого подвига при семъ истинно, какъ предъ Богомъ говорю, не было». Дѣйствительно, слѣдствіе не обнаружило никакихъ политическихъ замысловъ масоновъ, несмотря на все усердіе и старанія Шешковскаго. Свѣтлый умъ императрицы это замѣтилъ и понялъ, и потому — она воротилась къ прежнему своему взгляду на масонскія ложи и ихъ значеніе и дѣйствіе въ Россіи.

IV.

Къ такому заключенію приводитъ насъ особенно то обстоятельство, что императрица не только ограничилась незначительными наказаніями или, лучше сказать, простыми мѣрами предосторожности, въ отношеніи къ ближайшимъ товарищамъ и сотрудникамъ Новикова, но и произнесла свой приговоръ въ отношеніи къ нимъ, прежде нежели надъ ними произведено было слѣдствіе,—въ томъ же самомъ указѣ, 1-го августа 1792 г., въ которомъ именно поручалось кн. Прозоровскому допросить ихъ и взять у нихъ бумаги. Ея свѣтлый умъ давно понялъ и рѣшилъ дѣло; но—въ это время, онъ начиналъ уже уступать постороннимъ вліяніямъ. Графъ Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ

[1]) Лѣтоп. Русс. Литер. и др. т. V, отд. 2, стр. 55.

этомъ дѣлѣ[1]); кн. Прозоровскій, какъ мы видѣли, постоянно въ донесеніяхъ императрицѣ и въ письмахъ къ Шешковскому, настаивалъ о необходимости подвергнуть ихъ слѣдствію и наказанію; Степанъ Ивановичъ Шешковскій, кажется, также не былъ бы прочь прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Въ его возраженіяхъ на отвѣты Новикова часто встрѣчаются указанія, что для объясненія того или другого вопроса, нужно допросить кого нибудь изъ его товарищей. Эти два взгляда шли, какъ-бы рядомъ, одинъ возлѣ другого и особенно отразились въ указѣ 1-го августа 1792 г.— «Разсматривая—сказано въ немъ—произведенныя отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего *преступника* и его *сообщниковъ*, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же, крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ. Самыя священныя вещи служили орудіемъ обмана. И хотя поручикъ Новиковъ не признается въ томъ, чтобы *противу правительства* онъ и *сообщники* его какое злое имѣли намѣреніе, но слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ *ихъ явными* и *вредными государственными преступниками*.... Что̀ касается до *сообщниковъ* его, то не только показанія Новикова, но и многія писанныя руками ихъ, заразительныя бумаги, обличаютъ въ соучавствованіи ему во *всѣхъ законопротивныхъ* его дѣйствіяхъ...» Послѣ этихъ строкъ невольно ожидаешь, что грозная кара постигнетъ и этихъ лицъ, такъ же какъ Новикова; но вмѣсто того объявляется помилованіе, и напередъ предполагается даже, что они чистосердечно раскаются и отдадутъ находящіяся у нихъ бумаги.

Въ смутномъ положеніи дѣлъ и броженіи мыслей въ то время могли соединиться даже противоположные взгляды Екатерины и Шешковскаго.

Взглядъ императрицы выразился также и въ дѣлѣ Невзорова и Колокольникова.

Въ 1788 г., по совѣту Новикова, были отправлены за границу, на счетъ Лопухина, студенты Невзоровъ и Колокольниковъ. Въ одномъ изъ отвѣтовъ на вопросные пункты, Новиковъ писалъ, «что хотя во взятыхъ у него бумагахъ и находятся предписанія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ; но эти предпи-

[1]) Записки Храповицкаго, подъ 2 мая, 1792 г.

санія оставались безъ всякаго исполненія, потому что изъ нихъ не было никого еще, кто-бы практическое отправленіе сихъ работъ зналъ. При отъѣздѣ же Кутузова въ Берлинъ сказано было, что онъ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ». Впослѣдствіи Кутузовъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно «упражняется въ этихъ практическихъ работахъ». Студенты Багрянскій, Новиковымъ, и Невзоровъ и Колокольниковъ были отправлены съ тою же, между прочимъ, цѣлію. Что касается до двухъ послѣднихъ, то Лопухинъ прямо выражаетъ эту цѣль.—«Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, говоритъ онъ, что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и прочаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковые при кругахъ бываютъ и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется». Поэтому почти передъ самымъ отъѣздомъ они были приняты въ масоны, *екосскими метрами* той ложи, которая находилась подъ управленіемъ Лопухина.

Конечно, подобнаго рода занятія *таинствами герметической науки*, въ которую, къ сожалѣнію, вѣрили даже образованнѣйшіе изъ нашихъ масоновъ, не могли бы обратить на себя никакого вниманія императрицы; но посредствомъ Кутузова производились сношенія съ заграничными ложами и особенно съ Вельнеромъ, которыя казались подозрительными. Предполагая, что подобныя же сношенія могли производиться и посредствомъ Невзорова и Колокольникова, ихъ велѣно было арестовать въ Ригѣ, 14 февр. 1792 г., на возвратномъ пути въ Россію. Сверхъ того изъ перехваченной переписки предполагали, не былъ ли Невзоровъ въ Парижѣ и даже въ сношеніяхъ съ членами революціоннаго правительства. Это подозрѣніе было усилено образомъ дѣйствій Невзорова во время допросовъ и нѣкоторыми его словами. Поэтому, въ числѣ допросныхъ пунктовъ, ему былъ предложенъ слѣдующій: «Въ присутствіи Ив. Ив. Шувалова между прочимъ говорили вы, что Лопухинъ писалъ къ вамъ, будто вы были въ Парижѣ и въ народномъ собраніи; то и показать вамъ по самой истинѣ, были-ль вы въ оной или неимѣли-ль какого сообщенія или сношенія съ членами народнаго собранія [1])?»

Мы полагаемъ, что какъ на этотъ, такъ и на всѣ другіе

---

[1]) Ср. письмо Невзорова къ Поздѣеву. Библ. записки 1858, т. I, № 21, стр. 651 и слѣд., и записки Лопухина, стр. 51 и слѣд.

вопросы, Невзоровъ не далъ письменныхъ отвѣтовъ, которыхъ и не находится въ издаваемыхъ бумагахъ, и полагаемъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній:—«Шуваловъ, говоритъ М. А. Лонгиновъ, заступался за Невзорова и Колокольникова, которые между тѣмъ оказались не совсѣмъ здоровыми и ихъ помѣстили въ Обуховскую больницу, гдѣ Колокольниковъ вскорѣ и умеръ. Невзорову, въ видѣ милости, предложили благовидную ссылку, а именно опредѣленіе врачемъ на службу въ *Сибири*. Но онъ отказался отъ такого предложенія подъ *предлогомъ* болѣзни и долженъ былъ остаться въ больницѣ, которая была—домъ *умалишенныхъ*. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, до воцаренія Павла І-го, и такое *добровольное*, но *необходимое* для спасенія отъ поѣздки въ Сибирь, заточеніе сильно подѣйствовало на его мораль. Кажется, что съ Невзоровымъ были въ теченіи этого времени изрѣдка припадки, доказывающіе нѣкоторое разстройство умственныхъ способностей и что онъ исцѣлился отъ нихъ только послѣ своего освобожденія» [1]. Быть можетъ, при скудности имѣвшихся до настоящаго времени свѣдѣній о слѣдствіи надъ Невзоровымъ, и можно было выразить такой взглядъ; но онъ оказывается совершенно невѣрнымъ.

Вотъ что разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Невзорову товарищъ его по заграничному путешествію Колокольниковъ, въ собственноручно имъ писанной автобіографіи:—«Получилъ отъ доктора философіи Еммерта (изъ Геттингена, гдѣ находился Невзоровъ), который товарища моего экзерцировалъ почти каждодневно въ нѣмецкомъ языкѣ, письмо, что товарищъ мой отчаянно болѣнъ и ипохондричаетъ въ высочайшей степени. И такъ я въ туже пору отправился опять въ Геттингенъ; пріѣхавъ, я спрашивалъ причину болѣзни; докторъ Еммертъ и другой докторъ медицины, приставленный къ нему отъ проректора тамошняго, лечившій его и приходившій къ нему по два и по три раза въ день, сказывали, что онъ поелику мало былъ свѣдущъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то ухватился переводить Блуменбахову натуральную исторію на латинскій языкъ, которой и весьма много въ короткое время перевелъ, чтобы и въ нѣмецкомъ языкѣ и въ натуральной исторіи тѣмъ болѣе и скорѣе успѣть, ибо одинъ только годъ оставался доживать въ чужихъ краяхъ. Живущіе въ квартирѣ сказывали и другую причину, которая бы не къ похвалѣ его послужила, еслибъ я ее захотѣлъ здѣсь припомнить, однако есть-ли дѣло изслѣдовано будетъ, то и та причина откроется; то я и ее не хочу утаить. Мнѣ сказывали, что онъ влюбленъ

[1] Новиковъ и московск. мартинисты, стр. 355.

былъ въ дѣвку, въ домѣ томъ живущую, потратилъ на нее много денегъ, а склонить не могъ; и такъ потративъ деньги и недовольно успѣвъ въ натуральной исторіи, впалъ въ сію болѣзнь. Я оставляю сіе точнѣйшему изслѣдованію, но другихъ причинъ ни отъ кого тамъ не слышалъ. Онъ, во время бѣшенства, пока оно еще не усилилось, писалъ отчаянное, какъ я слышалъ, письмо къ г. Лопухину, что онъ деньги его пропилъ и промоталъ, однако о пьянствѣ его и безпутной жизни никто мнѣ не сказывалъ, напротивъ того, увѣряли, что онъ честно жилъ. Тогда, какъ начиналъ онъ выздоравливать отъ сей болѣзни, бросилъ прочія книги, началъ читать библію и, между прочимъ, началъ переводить книгу, которой переводъ теперь между другими бумагами находится (о таинствахъ креста). По пріѣздѣ моемъ въ Геттингенъ я нашелъ его выздоравливающаго, однако-же ни со мною, ни съ приходящими не говорилъ онъ почти ни слова, выходилъ только прогуливаться за городъ, въ садъ хозяйки, у которой жили. Черезъ мѣсяцъ, какъ жары лѣтніе усилились, то онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь, ночь и день бѣгалъ по комнатѣ скорѣйшимъ образомъ и, потерявши уже всѣ силы, падалъ на короткое время на постелю. Дней черезъ шесть, въ которыя онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, насилу я его могъ склонить, чтобы кусокъ хлѣба съѣлъ, въ противномъ случаѣ едва-ли бы могъ живъ остаться».

Этотъ разсказъ товарища Невзорова, который и при допросахъ въ Петербургѣ, оправдывая самого себя, писалъ въ тоже время: «*за бѣднаго* моего товарища *присяжно* ручаюсь, что онъ ничего худаго не сдѣлалъ, онъ не противникъ правительству, ни христіанскому закону», — безъ сомнѣнія, нельзя заподозрить въ пристрастіи или преувеличеніи. Напротивъ, онъ даже считаетъ предосудительнымъ поступокъ, за который, конечно, нельзя еще слишкомъ строго винить молодого человѣка, а Невзорову въ то время еще не было и тридцати лѣтъ. О письмѣ къ Лопухину, о которомъ упоминаетъ Колокольниковъ, говоритъ и самъ Лопухинъ въ отвѣтахъ, на предложенные ему вопросные пункты.— «Ихъ письма ко мнѣ — пишетъ онъ — состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ, и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ писемъ Невзоровскихъ, раскаятельныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ. Да еще стольких же отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находитъ дѣйствіе меланхоліи». Эти слова вполнѣ подтверждаютъ справедливость показаній Колокольникова, который о болѣзни Невзорова писалъ

и Лопухину гораздо прежде и, не думая, конечно, что будетъ привлеченъ къ слѣдствію.

Въ такомъ положеніи онъ находился за нѣсколько мѣсяцевъ до его возвращенія въ Россію. Внезапный арестъ, безъ сомнѣнія, оказалъ дѣйствіе на его здоровье. Разсказъ о допросахъ Невзорова Шешковскимъ г. Лонгиновъ почерпнулъ изъ записокъ Лопухина, и соображая его съ докладомъ Шешковскаго императрицѣ, находящимся въ изданныхъ документахъ, 29-го августа 1792 года, онъ представляется правдоподобнымъ. Изъ этого доклада видно, что Невзоровъ и его товарищъ, какъ лица, происходившія изъ духовнаго званія, были первоначально помѣщены въ Невской лаврѣ и потомъ уже Невзоровъ переведенъ въ крѣпость. Дѣйствительно, онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы Шешковскаго, не смотря на угрозу тѣлеснаго наказанія, безъ присутствія при допросахъ депутата отъ университета или самого попечителя Ив. Ив. Шувалова. Императрица приказала отвесть его къ Шувалову и допросить въ его присутствіи. На вопросъ: знаетъ-ли онъ его, Невзоровъ отвѣчалъ, что знаетъ, и послѣ увѣщаній Шувалова, сказалъ, что теперь буду отвѣчать. Но, вслѣдъ за тѣмъ, не ожидая вопросовъ, началъ говорить: «Я за товарищей своихъ ученаго общества отвѣчаю головою, такъ какъ и за книгу, которую я переводилъ въ чужихъ краяхъ, что въ ней противнаго греческой церкви ничего нѣтъ, отвѣчаю головою, а она противъ папы и іезуитовъ. А въ Невскомъ монастырѣ всѣ іезуиты и меня душили магнизаціею, такъ же и въ крѣпости всѣ іезуиты, и тутъ такъ же его мучатъ составами Калліостра, горючими матеріями». Послѣ того, какъ старались доказать ему несправедливость его мнѣній, онъ снова повторялъ: «Тамъ всѣ точно іезуиты, и меня и въ супахъ кормили ядомъ и я хотѣлъ уже выскочить въ окошко. Караульные въ Невскомъ, намѣстникъ, однимъ словомъ — всѣ іезуиты, а солдаты и сержантъ изъ корпуса шпіоны, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себѣ перемѣнили, а въ крѣпости есть и изъ запорожцевъ». На увѣренія, что это неправда, что солдаты *люди добрые*, и никто не покушается на его жизнь, онъ говорилъ: «Во Франціи, гдѣ прежде бунтъ начался, какъ не въ Бастиліи? Вѣдь и здѣсь былъ Пугачевъ, да есть еще какой-то, подобный ему Метёлкинъ».

На вопросъ, почему онъ, по примѣру своего товарища Колокольникова, не пошелъ на исповѣдь и къ причастію въ Невской лаврѣ? онъ отвѣчалъ: «Я не хотѣлъ. Да и у кого тамъ исповѣдоваться; въ Невскомъ, всѣ—мужики и бѣлые попы, они

всякой день играютъ комедіи; а отъ товарища своего, Колокольникова, отрицаюсь потому, что онъ іезуитъ».

Когда, наконецъ, послѣ многихъ увѣщаній, Шуваловъ далъ ему письменное приказаніе отвѣчать на вопросы, которые будутъ ему предложены, то Невзоровъ просилъ, чтобы отвели ему — «другой покой, а въ этомъ покоѣ писать онъ не можетъ; потому что подъ покоемъ, гдѣ онъ сидитъ, множество горючихъ матерій, — да думаю, что тутъ много и мертвыхъ. Ономужъ Невзорову сказано было, чтобъ онъ употреблялъ порядочную пищу и взялъ бы присланное къ нему бѣлье, такъ какъ и порядочную, по милосердію всемилостивѣйшей государыни, одежду, на что онъ сказалъ: мнѣ ничего не надобно, ибо всякое бѣлье и платье намагнизировано».

Въ заключеніи доклада о допросѣ Невзорова при Шуваловѣ, сказано: — «Его высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ съ сожалѣніемъ, по человѣчеству, заключеніе сдѣлалъ таково, что оный Невзоровъ въ умѣ помѣшанъ». Этими словами окончилъ докладъ и Шешковскій, очевидно, соглашаясь съ заключеніемъ Шувалова, съ которымъ, послѣ разсказанныхъ нами обстоятельствъ, и мы должны согласиться. Если Невзоровъ и не былъ вполнѣ сумасшедшимъ, то, во всякомъ случаѣ, находился въ такомъ экзальтированномъ, болѣзненномъ состояніи души, которое граничитъ съ помѣшательствомъ.

По окончаніи слѣдствія надъ Новиковымъ и его товарищами и послѣ допросовъ Колокольникова, ему и Невзорову, по приказанію императрицы, предложено было опредѣлиться на службу докторами; но Невзоровъ отклонилъ это предложеніе. На вопросъ Шувалова: почему онъ не хотѣлъ воспользоваться этою милостію императрицы, онъ отвѣчалъ: «Я можетъ докторомъ-то и быть не хочу, а желаю быть подъячимъ, вѣдь насильно къ должности не опредѣляютъ». Ни въ какихъ доселѣ изданныхъ документахъ нѣтъ и помину о Сибири.

Наконецъ, самъ Невзоровъ, въ письмѣ къ извѣстному масону О. А. Поздѣеву, въ 1817 году іюня 23-го, такъ говоритъ о своемъ пребываніи въ Обуховской больницѣ: — «Меня, содержавшагося въ домѣ сумашедшихъ, (императоръ Павелъ) высочайше благоволилъ посѣтить пять разъ самъ и, въ первый разъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, съ высочайшею супругою своею, нынѣ вдовствующею государынею императрицею и благополучно царствующимъ нынѣ государемъ императоромъ. Не могъ я тогда быть освобожденъ по причинѣ болѣзни моей, которой милосердому Богу угодно было связать меня въ возмездіе прошедшихъ моихъ грѣховъ и въ подаяніи вѣрной мзды и счастію будущаго. Такъ что я

былъ въ той больницѣ, по восшествіи блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя императора Павла I-го, годъ и съ небольшимъ пять мѣсяцевъ. По не маломъ же облегченіи отъ болѣзни моей въ 1798 году, въ послѣдней половинѣ апрѣля мѣсяца, препровожденъ я, по высочайшему его императорскаго величества указу, въ Москву, и такъ, какъ я желалъ, къ присно-памятному и единственному благодѣтелю моему И. В. Лопухину и на его отчетъ»[1]).

Итакъ, Невзоровъ былъ дѣйствительно болѣнъ, а не пользовался мнимою болѣзнью, какъ *предлогомъ* избѣжать *благовидной* ссылки.

По восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, когда избавлены были отъ наказаній Новиковъ и его товарищи, обратили вниманіе и на Невзорова. Но, именно, по причинѣ продолжавшейся болѣзни, его нельзя было освободить немедленно, какъ другихъ. Въ изданныхъ вновь документахъ находился листокъ, на которомъ написаны слѣдующія строки: «О свиданіи и разговорѣ священника Орловскаго съ содержащимся въ домѣ сумасшедшихъ студентомъ Невзоровымъ, 9 апр. 1798 г.», съ надписью: *докладыванъ*. Къ сожалѣнію, самой записки не сохранилось; но, вѣроятно, въ это время здоровье Невзорова найдено было въ лучшемъ состояніи, и потому вслѣдъ затѣмъ и послѣдовалъ указъ, 16 апр., на имя генералъ-прокурора кн. Куракина, чтобы «студента Невзорова, въ разсужденіи выздоровленія его, отпустить въ Москву къ сенатору Лопухину съ тѣмъ, чтобы онъ за него и за поведеніе его отвѣчалъ».

V.

Мы указали на два различные характера этого процесса, которые соотвѣтствуютъ двумъ эпохамъ его производства, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Политическія соображенія, вслѣдствіе обнаруженныхъ сношеній масоновъ съ заграничными принцами и другими лицами и ложами и ихъ отношенія къ наслѣднику престола, послужили поводомъ къ тому, что императрица измѣнила взглядъ на масоновъ, перевела производство дѣла въ Петербургъ, и, въ рукахъ Шешковскаго, оно приняло грозный видъ для подсудимыхъ. Но, съ того времени, какъ подробныя изслѣдованія обнаружили, что отношенія къ иностраннымъ ложамъ не имѣли никакого политическаго характера, что сношенія съ на-

---

[1]) Библіограф. записки, М. 1858. т. I. № 21, стр. 653 и 654.

слѣдникомъ престола не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій и не обнаружили никакихъ злыхъ умысловъ и государственныхъ замысловъ со стороны Новикова и его друзей,—императрица снова возвратилась къ первоначальному взгляду на дѣло, по которому она не считала мартинистовъ людьми преступными или вредными въ политическомъ отношеніи, а напротивъ честными и хорошими гражданами, но увлеченными въ ложныя и недѣпыя ученія нѣсколькими неблагонамѣренными людьми, и притомъ изъ корыстныхъ цѣлей. Но распространеніе этихъ ученій, посредствомъ изданія книгъ, считала она дѣйствительно вреднымъ, какъ въ отношеніи къ религіи, такъ и наукѣ; а самыя ложи, какъ тайныя общества—такимъ орудіемъ, которое могло сдѣлаться опаснымъ для правительства въ рукахъ неблагонамѣренныхъ людей и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Положить предѣлъ распространенію масонскихъ ученій и уничтожить ложи—къ этому дѣйствительно клонились намѣренія императрицы, а не къ тому, чтобы карать людей, увлеченныхъ ложными ученіями, но безвредныхъ въ политическомъ отношеніи. Такъ она и поступила съ ближайшими сообщниками Новикова, разославъ ихъ по своимъ деревнямъ, и такимъ образомъ разлучивъ ихъ другъ отъ друга, а потомъ отмѣнила даже и этотъ приговоръ въ отношеніи къ Лопухину; такъ намѣревалась она поступить съ Невзоровымъ и Колокольниковымъ, опредѣливъ ихъ на службу врачами и обративъ ихъ на практически полезную дѣятельность.

Тотъ же взглядъ императрицы выразился и въ томъ, что она совсѣмъ не дала хода слѣдствію надъ всѣми другими лицами, принадлежавшими къ масонскимъ ложамъ, хотя многіе изъ нихъ по государственной службѣ и своему положенію въ обществѣ могли имѣть значеніе.

Но строгій приговоръ надъ Новиковымъ не соотвѣтствуетъ этому взгляду императрицы. Почему же для него одного было сдѣлано исключеніе? Этотъ вопросъ невольно представляется, при взглядѣ на тяжелое наказаніе, которому онъ былъ подвергнутъ, обращаетъ на себя вниманіе и требуетъ разсмотрѣнія.

Мы не имѣемъ намѣренія ни оправдывать Новикова и порицать дѣйствія императрицы, ни оправдывать императрицу и, во чтбы то ни стало, обвинять Новикова. Ни та, ни другой не нуждаются въ оправданіи. Труды Новикова въ дѣлѣ нашего просвѣщенія достаточно извѣстны и оцѣнены, а славнымъ царствованіемъ Екатерины всегда будетъ гордиться Россія. Но, безъ сомнѣнія, возможны ошибки, объясняющіяся особенными временными обстоятельствами, возможны и личныя слабости и заблужденія. Мы желали бы только объяснить явленіе, повиди-

мому, несогласное съ общимъ характеромъ дѣйствій Екатерины. «Кто правъ, г. Лонгиновъ —такъ спрашиваетъ одинъ изъ рецензентовъ его сочиненія [1]), голословно оправдывающій издательскую дѣятельность Новикова—или Екатерина, не открывшая намъ причинъ исключительнаго наказанія, которому она подвергла Новикова; говоримъ исключительнаго потому, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Радищевъ, напечатавшій чрезвычайно рѣзкую книгу противъ правленія императрицы и противъ Потемкина, былъ менѣе строго наказанъ»? Намъ хотѣлось бы только угадать эти *сокрытыя причины* строгости приговора, и, повидимому, слѣдующая записка императрицы нѣсколько приподнимаетъ завѣсу:

«Сіе письмо, кажется, писано тогда, когда многіе изъ нихъ на Новикова сердились и начинали его подозрѣвать въ неправильныхъ *щетовъ*. Сіи щеты и нынѣ еще между ними подаютъ причины къ раздѣленію мысли, одни извиняютъ его, а другіе обвиняютъ, но никто его не оправдываетъ.

«Все Тургеневымъ писанное соберите въ одну связь, выведите, что онъ-то Philus».

Письма, по поводу котораго написана эта записка, вѣроятно къ Шешковскому, не сохранилось. Но въ вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Шешковскимъ Новикову, находится слѣдующій: «О скоромъ обогащеніи къ кому писалъ Трубецкой и о комъ?» Въ отвѣтъ на это Новиковъ писалъ: «О скоромъ обогащеніи кн. Трубецкой писалъ однажды ко мнѣ и обо мнѣ, и сіе было еще до составленія дѣйствительно типографической компаніи. Произошло же сіе по неудовольствіямъ на меня барона Шредера. Но о семъ ли письмѣ здѣсь упоминается — не знаю; но другого кромѣ сего, подобнаго не помню». Въ замѣчаніяхъ Шешковскаго на отвѣты Новикова, подъ этимъ пунктомъ (48-мъ) сказано: «Довольно видно, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ».

Вѣроятно, это именно письмо кн. Трубецкого и подало поводъ императрицѣ написать ту записку. Приписка въ ней о Тургеневѣ, котораго орденское имя было Philus, нужная для слѣдователя по этому дѣлу, убѣждаетъ насъ, что эта записка писана къ Шешковскому.

Кажется, что императрица подозрѣвала честность Новикова; она полагала, что онъ дѣйствовалъ не безкорыстно, и опиралась въ этомъ случаѣ даже на показанія его друзей, какъ кн. Трубецкой. Впослѣдствіи, 18 окт. 1792 г., слушая рапортъ, читанный ей Храповицкимъ, Симбирскаго губернатора о Турге-

---

[1]) Русс. Вѣстн. 1867 г., май, стр. 401.

невѣ, она сказала ему: «Всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій на службѣ поручикъ Шредеръ. Удивишься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную, и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ сознавался. Они до того доходили, что призывали чертей, все найдено въ бумагахъ Новикова, и ему отъ Шредера тысячь шесть досталось» [1]).

Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство; тотъ же статсъ-секретарь императрицы разсказываетъ еще подъ 15 окт. 1788 г. [2]), что при разборѣ внутренней почты она вдругъ обратилась къ нему и сказала: «Новикову не отдавать университетской типографіи,—это фанатикъ». Новикова она считала, и не безъ основанія, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ между масонами и притомъ — не безкорыстнымъ. Конечно, это было заблужденіе, но мы не можемъ не замѣтить, что отвѣты Новикова на вопросные пункты были таковы, что не могли его разсѣять. «Характеръ отвѣтовъ Новикова, говоритъ г. Лонгиновъ, можно вообще опредѣлить такъ. Онъ не обманывалъ въ нихъ; но естественно не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его не спрашивали, а допрощикъ, не знавшій хорошо масонскихъ дѣлъ, очевидно, не зналъ иногда, на что̀ можно было обратить свою любознательность. Иногда и память ему измѣняла. Отъ этихъ причинъ происходятъ изрѣдка въ его отвѣтахъ неясности, пробѣлы, даже нѣкоторые анахронизмы и несообразности. Кромѣ того, Новиковъ старался смягчать обстоятельства, которыя могли ему повредить и, напротивъ того, преувеличивать нѣсколько все то, что̀ говорило въ его пользу» [3]). Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ, особенно, если сличить отвѣты Новикова съ показаніями его ближайшихъ сообщниковъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе отвѣтовъ и сравненіе ихъ съ отвѣтами его товарищей, мы обратимъ только вниманіе на ихъ отвѣты на тотъ вопросъ, который, во всемъ дѣлѣ, наиболѣе считался важнымъ, а именно о желаніи привлечь въ масонство великаго князя.

«Признаюсь, писалъ Лопухинъ, когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ, *естественно было желать мнѣ*, чтобы и другіе въ томъ же упражнялись; то особливо неестественно было бы мнѣ не желать того же столь важной и драгоцѣнной особѣ. Но я только желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о

---

[1]) Записки Храп., стр. 276.
[2]) Тамъ же, стр. 121.
[3]) Новиковъ и март., гл. XXII, стр. 329.

семъ и знаю.... Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, когда заводилось здѣсь благотворительное рыцарство, что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, а изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда нибудь она то приметъ на себя. Однако же я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала». — «Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, отвѣчалъ Тургеневъ, желалъ бы, чтобы всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; а моя забота о сей особѣ состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ». — «Покойный Шварцъ, говорилъ кн. Трубецкой, предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи. А я передъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ» [1]). Отправленіе книгъ къ цесаревичу чрезъ Баженова не находилось ни въ какой связи съ предложеніемъ Шварца, не имѣвшимъ никакихъ послѣдствій, о которомъ поэтому легко было Новикову и забыть. — «Сей поступокъ, писалъ онъ, не имѣетъ никакого сношенія съ письмомъ принца гессенъ-кассельскаго къ профессору ли Шварцу присланнымъ или въ бытность его въ копіи даннымъ, чего совсѣмъ не помню и что, по смерти его, профессора Шварца, и со всею бывшею связью съ герцогомъ брауншвейгскимъ, совсѣмъ изъ головы у насъ вышло, да и при жизни его почитали это намѣреніе вреднымъ для государства, и для исканія нашего по масонству и для насъ самихъ и принимали за фантазію, никогда сбыться не могущею и потому всегда сему намѣренію противились внутренно». Эти слова Новикова, повидимому, противорѣчатъ показаніямъ его сообщниковъ. Но онъ говоритъ объ избраніи великаго князя главнымъ начальникомъ ложъ, чего быть можетъ и не желалъ Новиковъ и нѣкоторые другіе, хотя и не всѣ, какъ видно изъ словъ князя Трубецкого, а его сообщники говорятъ о желаніи вообще привлечь его въ масоны. Вообще, характеръ отвѣтовъ Новикова много отличается отъ характера отвѣтовъ его товарищей, хотя въ сущности между ними и нѣтъ противорѣчій. Такъ и въ этомъ случаѣ Лопухинъ, Трубецкой и Тургеневъ не признаютъ ника-

[1]) Лѣтоп. рус. литер. и древн. т. V, отд. 2. №№ 16, 17 и 19, стр. 49, 61 и 85.

кой за собою вины, и весьма естественно—въ желаніи убѣдить цесаревича въ истинѣ тѣхъ ученій, которыя они сами считали истинными. Между тѣмъ Новиковъ такъ начинаетъ первый свой отвѣтъ на 21-й пунктъ:—«Не говоря еще ничего, яко совершенный преступникъ, въ истинномъ и сердечномъ моемъ раскаяніи и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ ея императорскаго величества, яко недостойный никакого милосердія и помилованія, но повинный всякому наказанію, которое воля ея опредѣлитъ». Второй, дополнительный отвѣтъ при новомъ допросѣ по этому пункту онъ начинаетъ такъ:—«По сему пункту ни мыслить, ни писать безъ внутренняго содроганія, искренняго и сердечнаго раскаянія и трепета не могу даже и за перо взяться. Свидѣтель живой Богъ сему. Одна мысль о семъ меня грызетъ и съѣдаетъ. Проливаю передъ Богомъ спасителемъ моимъ и предъ ея императорскимъ величествомъ слезы раскаянія и страданія, но что-жъ—могу-ли возвратить и сдѣлать, чтобы не было сдѣлано то, что сдѣлано». Если къ этому прибавить, что слова: *не помню, забылъ, вспомнилъ* только тогда, когда показали обличающую бумагу,—въ отвѣтахъ Новикова повторяются безпрерывно; то, кажется, нельзя не придти къ тому заключенію, что его отвѣты могли казаться императрицѣ неискренними. Конечно, такой характеръ отвѣтовъ Новикова могъ происходить отъ болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во все продолженіе слѣдствія, и—отчасти отъ робости. Но кто же могъ объяснить ихъ императрицѣ съ этой точки зрѣнія? Конечно, не—слѣдователи.

Князь Прозоровскій вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о немъ въ своихъ тайныхъ письмахъ къ Шешковскому:—«Экова плута тонкова мало я видалъ. Не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ и дерзокъ. Вѣрю, что вы съ нимъ замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣло, да по полету уже примѣтилъ, какова сія птичка, какъ о томъ и ея величеству донесъ.» Дѣйствительно, въ донесеніи, отъ 26-го апрѣля, онъ писалъ императрицѣ:—«Такого коварнаго и лукаваго человѣка я, всемилостивѣйшая государыня, мало видалъ. Къ тому-жъ человѣкъ натуры острой, догадливый и характеръ смѣлый и дерзкій; хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается. Весь предметъ его только въ томъ, чтобы закрыть его преступленія» [1]). Шешковскій начинаетъ свои возраженія, на отвѣты Новикова, такимъ образомъ: «Заклинанія велики и характеръ свой описалъ хорошими красками; но дѣянія его совсѣмъ противны его изрѣченіямъ», и вообще постоянно

---

[1]) Лѣтоп. Русс. Литерат. и др. т. V, отд. II, № 3, стр. 17.

обращаетъ вниманіе императрицы на умышленное желаніе скрыть свои дѣйствія и намѣренія, явно, по его мнѣнію, гибельныя для государства. Шешковскій принадлежалъ къ такому же разряду лицъ, какъ и князь Прозоровскій. Геніальный Потемкинъ, такъ мѣтко очертившій въ нѣсколькихъ строкахъ послѣдняго, встрѣчаясь съ Шешковскимъ, постоянно, съ улыбкою, обращался къ нему съ вопросомъ: «Что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?» — низко кланяясь, Шешковскій отвѣчалъ: «Помаленьку, ваша свѣтлость!» [1])

Не смотря на то, что всѣ обстоятельства сложились такъ, что предубѣжденія императрицы противъ Новикова не только не могли разсѣяться, но увеличивались постепенно, она, какъ видно, долго колебалась и не подписывала заготовленнаго о немъ приговора. Подъ 14 іюля, Храповицкій замѣтилъ: «Лежитъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты кн. Трубецкому; ничто не подписано.» [2]) Этотъ указъ былъ подписанъ 1-го августа.

А. Поповъ.

---

[1]) Библіогр. записки 1859 г. т. II. № 5, стр. 138. — О Шешковскомъ носились слухи, что онъ собственноручно наказывалъ нѣкоторыхъ важныхъ преступниковъ. Собр. анекдотовъ о Потемкинѣ, г. Шубинскаго, прим. 117.—Лопухинъ говоритъ, конечно, по разсказамъ самого Невзорова, что Шешковскій, за упорство отвѣчать на его вопросы, закричалъ: «Государыня приказала бить тебя четвертнымъ полѣномъ!» (Записки Лопухина, стр. 51). Въ докладѣ императрицѣ о Невзоровѣ этотъ фактъ подтверждается. Въ немъ онъ выраженъ слѣдующими словами: «Наконецъ, сказано ему, что есть ли онъ отвѣтствовать не будетъ, то яко ослушникъ власти, по повелѣнію ея императорскаго величества, будетъ сѣченъ.» Такъ допрашивалъ Шешковскій человѣка явно помѣшаннаго.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 270.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

VIII *).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Илья Муромецъ, по словамъ К. Аксакова, пользуется у насъ общеизвѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей: полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ — представитель, живой образъ русскаго народа. Богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ—это величайшая тѣлесная сила, соединенная съ кротостью и силою духа. Притомъ Илья — первая *человѣческая* сила, въ противоположность другимъ богатырямъ, которыхъ сила не человѣческая, а *стихійная*. Илья составляетъ переходъ отъ этихъ стихійныхъ, старшихъ богатырей къ младшимъ, человѣческимъ [1]). Многіе изслѣдователи наши повторяли и развивали далѣе слова К. Аксакова. Такъ наприм., одни высказывали, что Илья — выборный дружины земской, и никакъ не членъ дружины княжеской; а поэтому, представитель всей земли, міра-народа русскаго [2]). Другіе находили, что Илья — могучій представитель силъ простого народа и защитникъ его интересовъ передъ исключительнымъ господствомъ дружины [3]). Правда, иногда наши

*) См. выше, т. I, стр. 169 — 221 и 637 — 708; т. II, 225 — 276.

[1]) Сочиненія *К. Аксакова*, I, 368—369. — Прилож. къ 1-му выпуску Кирѣевскаго, XXXI — XXXII.

[2]) Замѣтка г. *Безсонова* къ IV вып. Кирѣевскаго, стр. XII, XV.

[3]) *Буслаевъ*, Очерки русск. нар. словесн. и искусства, I, 418.

изслѣдователи признавались, что на Илью Муромцу перенесены нѣкоторыя черты бога-Громовника, Перуна, Тора, т. е. черты древнѣйшей индо-германской миѳологіи [1]); но все-таки, общій тонъ и смыслъ истолкованій Ильи Муромца тотъ, что этотъ герой—какой-то символъ и воплощеніе коренныхъ элементовъ русскаго національнаго духа.

Вмѣсто такихъ общихъ разсужденій, удовлетворяющихъ только патріотическимъ чувствамъ, но не научнымъ требованіямъ, постараемся ближе вникнуть въ содержаніе и подробности былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ видѣ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашего Ильи выставляютъ обыкновенно то, что онъ, — богатырь-крестьянинъ. Это считаютъ особенностью чисто-русскою, и на этомъ основаніи Илью Муромца называютъ воплощеніемъ нашего земства. Но это совершеннѣйшее заблужденіе. Восточныя поэмы и легенды заключаютъ много такихъ разсказовъ, гдѣ герой или богатырь—крестьянскаго происхожденія. Такъ наприм., въ цейлонскомъ собраніи религіозныхъ буддійскихъ книгъ, извѣстномъ подъ именемъ «Магаванзи» есть цѣлая особая глава, 23-я, гдѣ изложено 10 отдѣльныхъ повѣстей о похожденіяхъ 10 богатырей, данныхъ въ товарищи царевичу Гамени [2]).

Про каждаго изъ нихъ разсказывается особо, что родители его, именемъ такіе-то (часто придворные или вельможи), жили въ такой-то деревнѣ, близъ города такого-то, и занимались сельскими работами; родился у нихъ сынъ, именемъ такой-то, который въ ребячествѣ и отрочествѣ помогалъ родителямъ въ ихъ сельскихъ работахъ, а впослѣдствіи сталъ совершать разные богатырскіе подвиги, и наконецъ, отправившись на царскую службу, по собственному желанію или по царскому призыву, сдѣлался великимъ богатыремъ, и совершилъ на своемъ вѣку такіе-то и такіе-то подвиги. — Итакъ, «крестьянство» Ильи Муромца вовсе еще не есть отличительно-русская черта нашего богатыря.

Далѣе, считается особою, спеціальною принадлежностью нашихъ пѣсенъ то, что Илья Муромецъ «сидѣлъ сиднемъ» цѣлыхъ 30 лѣтъ. Однажды, пока родители его были на работѣ, его самого посѣтили калики-перехожіе, которые напоили его чуднымъ напиткомъ; послѣ того онъ всталъ и пошелъ къ отцу на пожню: приходитъ, а отецъ съ семействомъ отдыхаютъ-спятъ, и со всѣми работниками своими. И взялъ онъ топоръ, и началъ пожни чи-

[1]) Тамъ же, 417.

[2]) Значительная часть обитателей Цейлона — пришельцы изъ Индіи; историческія и религіозныя книги ихъ возводятся до IV-го столѣтія до Р. Хр.

стить, деревья вытаскивать съ корнями; и столько они всѣ не начистили въ три дня, сколько онъ въ одинъ часъ. И развалилъ онъ поле великое, и множество лѣсу накопалъ. Проснулись потомъ всѣ, и встали; видятъ они, что̀ сдѣлано, ужаснулись и вѣрить не хотятъ, что это все надѣлалъ одинъ Илья-сидѣнь. Скоро потомъ Илья покидаетъ село Карачарово, мѣсто своего рожденья, и отправляется въ первую свою поѣздку богатырскую: ѣдетъ ко двору князя Владиміра [1]).

Со всѣмъ этимъ мы можемъ сравнить нѣкоторыя части изъ указанныхъ выше разсказовъ «Магаванзи» о богатыряхъ-крестьянахъ. Во *второй* изъ этихъ повѣстей говорится, что братья богатыря Суранирмалы, еще мальчика, жаловались отцу, что этотъ младшій братъ ихъ «ничего не дѣлаетъ и сидитъ дома праздный, пока всѣ они бываютъ на работѣ». Вслѣдствіе этого, отецъ и велитъ Суранирмалѣ отправляться на царскую службу [2]). Въ *четвертой* повѣсти разсказывается: «Богатырь Готіимбира былъ необыкновенно силенъ, еще будучи мальчикомъ; но, не смотря на всю свою силу, онъ не хотѣлъ ходить на работу. Прочіе его шесть братьевъ, расчищавшіе поле и рубившіе толстыя деревья, для того, чтобъ потомъ засѣять то поле, оставили часть земли нерасчищенною: пускай, дескать, тамъ поработаетъ младшій братъ. Готіимбира пошелъ на поле и вытаскалъ съ корнями всѣ тамъ стоявшія деревья, точно будто это были какія-нибудь коренья, и обгородилъ то мѣсто бревнами; въ то же время онъ выворотилъ тамъ всю почву мотыкой. Потомъ онъ пошелъ и разсказалъ все братьямъ; тѣ стали смѣяться и не хотѣли сначала вѣрить; но, увидавъ на мѣстѣ, что все правда, они были просто поражены удивленьемъ, благодарили младшаго брата за его чудный подвигъ, и дали ему прозваніе: «Готіимбира». Послѣ того онъ отправился на царскую службу [3]).—Что касается до долговременнаго сидѣнья Ильи Муромца на одномъ мѣстѣ, то собственно эту именно черту мы встрѣчаемъ еще явственнѣе выраженною въ нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ разсказахъ. Такъ напр., въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ, богатырь Канакъ-Калешъ разсказываетъ, что «въ дѣтствѣ своемъ онъ пролежалъ 40 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, накрытый камнемъ» [4]). Одна пѣсня сибирскихъ киргизовъ говоритъ, что богатырь Акъ-ханъ 70 лѣтъ просидѣлъ, не вставая съ мѣста [5]). Такимъ образомъ, въ приве-

---

1) *Рыбниковъ*, I, 34 — 36; II, 4—5. — *Кирѣевскій*, I, прил. II, XXX.
2) Mahawanse, translated by *Upham*, I, 127.
3) Тамъ же, 132 — 133.
4) Schiefner, Heldensagen, 424.
5) *Radloff*, II, 387.

денныхъ отрывкахъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ заключаются слѣдующія черты: богатырь-мальчикъ, во время ранней молодости, бездѣйственно остается на одномъ мѣстѣ въ продолженіе долгихъ лѣтъ; эта совершенная бездѣйственность кончается тѣмъ, что онъ идетъ на поле и совершаетъ тамъ такія необыкновенныя работы, разчищая поле отъ деревьевъ и корней, что родственники его приходятъ оттого въ крайнее изумленіе; послѣ этихъ подвиговъ *дома*, богатырь покидаетъ родину и поступаетъ на службу къ царю своей страны, въ качествѣ богатыря. Все это повторилось, буква въ букву, въ началѣ нашихъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ.

Нашего Илью Муромца выводятъ изъ его бездѣйствія старцы калики-перехожіе, пришедшіе къ нему, пока онъ былъ одинъ дома. Сначала они велѣли ему выпить первое ведро (первую чашу) — онъ выпилъ, и они спросили: — Что̀ ты въ себѣ слышишь? — Слышу силу великую, говоритъ онъ. — Они велятъ выпить второе ведро (вторую чашу), и опять спрашиваютъ, что̀ онъ въ себѣ слышитъ? — Еслибъ, отвѣчаетъ онъ, отъ земли столбъ стоялъ до неба, и въ столбъ ввернуто было бы кольцо, за кольцо бы я взялъ, и поворотилъ бы землю святорусскую. — Ну, это много, сказали старцы, и велѣли ему пить третье ведро (третью чашу). — Много ли теперь чуешь въ себѣ силушки? — Во мнѣ силушки половина. — Ну, будетъ съ тебя, — сказали калики и ушли. Послѣ ихъ ухода, Илья встаетъ со своего мѣста и идетъ къ своимъ родителямъ, въ поле; тутъ онъ и совершаетъ вышеупомянутые сельскіе подвиги [1]). Подобнаго эпизода мы до сихъ поръ не знаемъ, *во всей его цѣлости* и послѣдовательности, въ произведеніяхъ восточной поэзіи, и, слѣдовательно, должны, покуда, оставить его въ сторонѣ. Но, тѣмъ не менѣе, настоящій эпизодъ русскихъ былинъ объ Ильѣ побуждаетъ насъ къ нѣкоторымъ *частнымъ* соображеніямъ и сравненіямъ. Прибываніе силы отъ напитка — мотивъ очень обыкновенный въ восточныхъ поэмахъ и легендахъ. Такъ въ Гариванзѣ, Рама (воплощеніе бога Вишну), отправляя на богатырскіе подвиги Кришну съ его братомъ Санкаршаной, даетъ имъ выпить молока отъ своей коровы, обыкновенно служащаго ему для жертвоприношеній: отъ этого молока они получатъ новую силу; въ другомъ мѣстѣ той же поэмы разсказывается, что мать Прадіумны (сына Кришны) давала своему сыну пить чудодѣйственные напитки, отъ которыхъ онъ получилъ необыкновенно быстрый ростъ и силы [2]). Въ Ма-

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 1; IV, 1.—*Рыбниковъ*, I, 34; II, 2; III, 16.

[2]) Harivansa, I, 411; II, 160.

габгаратѣ, богатырь Бхима, выступая на послѣдній, рѣшительный бой съ богатыремъ Карной, пьетъ напитокъ, который удвоиваетъ его силу [1]). Но все-таки, мнѣ кажется, мы не должны еще, на основаніи приведенныхъ данныхъ, выводить заключеніе, что въ нашей былинѣ представленъ богатырь, во время своей молодости, который много лѣтъ сидитъ на одномъ мѣстѣ сиднемъ, потому что разслабленъ, лишенъ силъ, а потомъ встаетъ и начинаетъ дѣйствовать, получивъ отъ каликъ-перехожихъ силу посредствомъ чуднаго напитка. Мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ принимать дѣло наоборотъ: т. е., что по нашей былинѣ Илья-сидѣнь и сидитъ въ бездѣйствіи—не отъ недостатка, а отъ избытка силъ.

Въ одномъ мѣстѣ Шахъ-Намэ мы встрѣчаемъ разсказъ, который имѣетъ для насъ, въ настоящемъ случаѣ, особенную важность. Во время единоборства Рустема съ Сограбомъ, въ первой схваткѣ побѣдителемъ остается Сограбъ (какъ мы это видѣли при разсмотрѣніи сказки о Еруслапѣ Лазаревичѣ). Тутъ разсказывается дальше слѣдующее: «Рустемъ получилъ первоначально отъ Бога такую силу, что когда становился на камень, обѣ ноги его углублялись туда. Его печалила такая чрезмѣрная сила, и онъ сталъ просить Создателя, чтобы тотъ взялъ у него часть его силы, для того, чтобъ ему можно было ходить по дорогамъ. Пресвятой Богъ убавилъ у него силы. Но, находясь теперь *(во время единоборства съ неузнаннымъ сыномъ)* въ опасности, и одолѣваемый страхомъ Сограба, Рустемъ пошелъ къ находившемуся тамъ протоку, выпилъ изъ него воды, омылъ себѣ лицо, тѣло и голову, и потомъ обратился съ такой молитвой къ Богу: О всемогущій и пресвятой Боже! Отдай мнѣ ту силу, какую въ началѣ даровалъ мнѣ! И Богъ отдалъ ему прежнюю силу, и увеличилъ ее на столько же, на сколько прежде убавилъ» [2]). Въ этомъ разсказѣ мы опять встрѣчаемся съ обычнымъ восточнымъ мотивомъ прибыванія силы отъ напитка (и именно отъ воды); но, сверхъ того, онъ особенно важенъ для насъ тѣмъ, что здѣсь ясно выраженъ мотивъ не только прибавленія, но и убавленія силы. Какъ мы еще ниже увидимъ, нѣкоторыя похож-

---

[1]) *Holtzmann,* Ind. Sagen, I, 125. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ индо-европейскихъ племенъ, мы встрѣчаемъ этотъ самый древне-азіятскій мотивъ, у литовцевъ и скандинавовъ. Въ одной литовской сказкѣ, три дѣвы подземнаго царства, чтобъ дать герою необыкновенныя силы для поднятія волшебнаго меча, велятъ ему выпить цѣлый сосудъ «воды силы» (*Schleicher,* Littauische Märchen, 136—137). Германо-скандинавскій Сигурдъ пьетъ напитокъ, подносимый ему женщинами-эльбами, и черезъ это получаетъ силу, равную силѣ двѣнадцати человѣкъ (*Grimm,* Deutsche Mythologie, I, 345).

[2]) *Mohl,* II, 165—167.

денія Ильи Муромца имѣютъ не мало пунктовъ сходства съ Рустемовыми похожденіями, и въ одной пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ находимъ слѣдующее.—Однажды, побѣжденный вражескою силою въ бою, «взмолился старъ казакъ Илья Муромецъ угоднику Божьему, Николаю: — Погибаю я за вѣру христіанскую! — И у Ильи послѣ того силы вдвое прибыло, садился онъ на добра коня, и билъ татаръ чуть не до единаго» [1]). Этотъ эпизодъ вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному выше эпизоду о Рустемѣ: съ обоими героями это происшествіе случается, когда они отражаютъ нашествіе иноплеменниковъ на своего царя и царство: Рустемъ отражаетъ въ это время нашествіе туранцевъ на царство Кей-Кауса, Илья отражаетъ тутъ нашествіе татаръ на Кіевъ князя Владиміра. Оба героя обращаются къ божеству, ихъ силы послѣ того увеличиваются чуднымъ образомъ, и они оба побѣждаютъ непріятелей. Но если русская былина воспроизводитъ здѣсь, съ такою близостью, окончаніе персидскаго разсказа, и именно объ *увеличеніи* силы героя, то не въ правѣ ли мы искать, въ другихъ мѣстахъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ, воспроизведенія и первой половины персидскаго разсказа, т. е. повѣствованія о случившемся, когда-то прежде, *уменьшеніи* силы героя? И, на наши глаза, изложеніе этого именно событія и заключается въ разсказѣ о каликахъ, приходившихъ къ Ильѣ Муромцу, когда онъ сидѣлъ дома сиднемъ.

Про Святогора-богатыря былины говорятъ, что «грузно ему было отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени», и еще: «его и земля на себѣ черезъ силу носитъ». Быть можетъ, были такіе разсказы, гдѣ про Илью разсказывалось въ этомъ же родѣ. Но такихъ разсказовъ до насъ не дошло, а пока они намъ неизвѣстны, мы къ подобнымъ заключеніямъ можемъ прійти даже и изъ разсмотрѣнія тѣхъ разсказовъ, которые у насъ есть на лицо.

Придя къ Ильѣ, калики просятъ у него напиться: онъ отвѣчаетъ, что не можетъ встать съ мѣста, потому-что не владѣетъ ни руками, ни ногами. Калики все-таки велятъ ему встать, и тогда онъ тотчасъ «сталъ вставать ровно встрепаный», а потомъ, чтобъ напоить ихъ, сдвинулъ съ мѣста такой чанъ, котораго «семерыма да осьмерыма не могли ни въ кую сторону подати» [2]). Все это совершается еще безъ всякаго чуда, раньше чудодѣйственныхъ приказаній со стороны каликъ: у Ильи еще тутъ силы не прибавилось, дѣйствуетъ та сила, которая у него

---

[1]) *Кирѣевскій*, IV, 46.
[2]) *Кирѣевскій*, I, 1; IV, 2.

была и раньше пришествія каликъ, но только онъ рѣшился встать съ мѣста, по приказанію каличьему; одна пѣсня даже говоритъ о его «богатырскомъ сердцѣ» въ ту минуту, когда онъ только начинаетъ пить: «богатырское сердце его разгорѣлося, его бѣлое тѣло распотѣлося» [1]). Значитъ, наврядъ-ли можно сказать, чтобъ наши былины имѣли тутъ въ виду какого-то разслабленнаго, немощнаго, безсильнаго человѣка. По приказанію каликъ Илья пьетъ, и два раза отвѣчаетъ, что у него сила великая: онъ говоритъ лишь про то, *сколько* у него есть въ ту минуту силы, но не говоритъ, чтобъ у него силы *прибыло*. Послѣ третьяго раза у него сила эта убавляется на половину. Такимъ образомъ оказывается, что весь этотъ эпизодъ вполнѣ соотвѣтствуетъ началу разсказа о Рустемѣ: у героя слишкомъ много силы, и до такой степени, что она его тяготитъ и сверхъ-естественное вмѣшательство убавляетъ эту силу до размѣровъ общечеловѣческихъ. Впослѣдствіи же, по прошествіи многихъ лѣтъ, герой нуждается въ полной, прирожденной ему силѣ, и, только онъ обратился съ молитвой, въ трудную минуту жизни, къ высшему Создателю, эта сила возвращается къ нему. — Замѣтимъ, что и увеличеніе и уменьшеніе силы равнымъ образомъ связано съ «водою», которую герой долженъ испить.

Таковы главнѣйшія подробности первой молодости Ильи Муромца.

Теперь перейдемъ къ его богатырскимъ похожденіямъ.

Собравшись ѣхать на богатырскіе подвиги, Илья, по приказанію каликъ, проситъ у своего отца коня. Тотъ достаетъ ему молоденькаго жеребчика (или научаетъ, какъ достать его) въ чистомъ полѣ: коня становятъ на три мѣсяца въ срубъ, кормятъ его пшеницей и поятъ ключевой водой, а потомъ выкатываютъ на трехъ зоряхъ въ трехъ росахъ, и оттого жеребчикъ становится сильнымъ и могучимъ богатырскимъ конемъ. Тогда Илья сѣдлаетъ и взнуздываетъ его, принимаетъ отъ родителей благословеніе и пускается въ путь. Дорогой въ Кіевъ, куда онъ ѣдетъ на службу къ князю Владиміру, онъ наѣзжаетъ, въ лѣсу, на Соловья-Разбойника, который сидитъ на семи дубахъ и захватилъ земли семь верстъ: онъ заложилъ дорогу такъ, что нѣтъ пѣшему прохода, конному проѣзда, звѣрю прорыска, всѣхъ онъ побиваетъ вздохомъ единымъ. И какъ сталъ подъѣзжать къ нему Илья, Соловей заревѣлъ звѣремъ по-туриному, засвисталъ по-со-

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 34.

ловьиному, замызгалъ по-собачьему, зашипѣлъ по-змѣиному, захлопалъ въ ладоши по-богатырскому. Сначала конь Ильи испугался, но плетью и укорами Илья заставляетъ его двинуться впередъ, а потомъ, схвативъ свой лукъ, онъ стрѣлою попадаетъ Соловью-Разбойнику въ правый глазъ; тутъ Соловей полетѣлъ со своихъ семи деревьевъ на землю. Тогда Илья хватаетъ его, привязываетъ въ торокахъ къ коню, и ѣдетъ далѣе. Когда они пріѣхали къ дому или гнѣзду Соловьеву, Соловей-Разбойникъ проситъ Илью заѣхать къ себѣ въ гости, и тутъ старшая дочь Соловья вступается за отца, думаетъ убить Илью, но этотъ, схвативъ свою плеть о семи хвостахъ да съ проволокой, ударилъ два раза дочь Соловьеву, и тутъ ей конецъ сдѣлался (по другимъ пересказамъ Илья убилъ ее стрѣлой, или же, ударивъ о-землю). Потомъ Илья пріѣзжаетъ въ Кіевъ.—Разсказъ о событіяхъ съ Ильей въ первое же время по пріѣздѣ къ Владиміру представляется намъ въ двухъ редакціяхъ. По *одной* изъ нихъ, Илью принимаютъ у Владиміра съ почестью, онъ разсказываетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ-Разбойникомъ, и всѣ просятъ, своими собственными глазами увидать это чудо, своими собственными ушами услыхать его голосъ. Илья ведетъ всѣхъ на дворъ, къ своему коню, котораго оставилъ тамъ привязаннаго къ столбу, и показавъ тутъ всѣмъ Соловья, велитъ ему закричать, зашипѣть, засвистать, на потѣху князю Владиміру. Тогда Соловей засвисталъ по-соловьиному, закричалъ по-звѣриному, зашипѣлъ по-змѣиному, такъ что всѣхъ оглушилъ, и верхи съ теремовъ попадали, и всѣ со страха на корачкахъ наползались. Князь Владиміръ проситъ Илью унять Соловья, и тотъ тутъ-же убиваетъ чудовище, а самъ остается на службѣ у Владиміра. По *другой* редакціи, Илью, какъ богатыря, еще никому не извѣстнаго, принимаютъ у Владиміра не только не гостепріимно, не ласково, но даже грубо, — тѣмъ болѣе, что онъ вошелъ въ палату къ князю, не спрашиваясь приворотниковъ и придверниковъ, силою отворилъ дверь. Онъ разсказываетъ потомъ про свою побѣду надъ Соловьемъ-Разбойникомъ, но всѣ присутствующіе насмѣхаются надъ нимъ, и не хотятъ вѣрить. Однакоже, въ подтвержденіе своихъ словъ, и чтобъ доказать, что онъ не лжецъ, не хвастунъ и не обманщикъ, Илья показываетъ Соловья-Разбойника князю и его богатырямъ, и велитъ Соловью засвистать. Тутъ Соловей засвисталъ по-соловьиному, заревѣлъ по-звѣриному, зашипѣлъ по-змѣиному, забилъ въ ладони по-богатырскому: всѣ приходятъ въ ужасъ, и Илья, ударивъ его о-камень, убиваетъ до смерти. Испуганный такою силой, князь приглашаетъ Илью на пиръ, однакоже все-таки сажаетъ его на край стола. Илья

пьетъ, одну за другою, огромныя чаши вина, въ нѣсколько ведеръ каждая, и, разминая свои члены, ломаетъ скамьи дубовыя и сваи желѣзныя, поставленныя промежъ богатырей, чтобъ они, напившись, другъ съ другомъ не сталкивались; а гостей онъ всѣхъ прижимаетъ въ уголъ. Князь въ ужасѣ; онъ начинаетъ звать Илью къ себѣ на службу, воеводой, но Илья, помня всѣ обиды, отвѣчаетъ: — Не хочу я у васъ ни ѣсть, ни пить, не хочу я у васъ воеводой жить! — и потомъ, вставъ, вынимаетъ свою плеть о семи хвостахъ да съ проволокой, и до смерти убиваетъ всѣхъ до единаго, не оставивъ никого и на сѣмена. Одинъ князь успѣлъ спрятаться за него [1].

Я не колеблюсь признать первую изъ этихъ двухъ редакцій позднею и испорченною. Илья ѣдетъ на службу къ князю Владиміру, тотъ его принимаетъ очень хорошо, всѣ княжескіе приближенные обходятся съ нимъ привѣтливо и ласково, а Илья поступаетъ съ ними со всѣми какъ со врагами, которыхъ хотѣлъ бы унизить: напускаетъ на нихъ такой страхъ, что они на корачкахъ наползались; притомъ, весь этотъ грубый и буфонскій мотивъ не имѣетъ даже ровно никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Ясно, что тутъ есть какое-то искаженіе какого-то, совсѣмъ иного, первоначальнаго оригинала.

Вторая редакція несравненно болѣе удовлетворительна: тутъ есть причина всѣхъ дѣйствій Ильи — месть за оскорбленіе и обиды.

Съ этою-то второю, по нашему мнѣнію, болѣе древнею и менѣе испорченною редакціею, мы и сравнимъ теперь восточный оригиналъ, гдѣ главная основа та же, что̀ и въ нашей былинѣ, но мотивы дѣйствій еще полнѣе, убѣдительнѣе и, повидимому, первоначальнѣе.

Въ одной пѣсни чернолѣсныхъ татаръ, живущихъ у Телецкаго озера (въ южной Сибири), разсказывается слѣдующее: — Печети-ханъ сто-женный вздумалъ добыть себѣ въ жены дочь Батыя-Кередея. Вотъ онъ и собралъ свой народъ и спрашиваетъ: — Есть между вами такой человѣкъ, который проскачетъ за семь небесъ и добудетъ дочь Батыя-Кередея? — Нѣтъ, отвѣчали они, такого не знаемъ. — Но одинъ старикъ говоритъ, что у него есть дома младенецъ въ люлькѣ, который совершитъ этотъ подвигъ. Воротясь домой онъ сталъ плакать. Мальчикъ, сынъ его (будущій богатырь Тана), распрашиваетъ, о чемъ онъ плачетъ, и узнавъ, что онъ боится за него, успокоиваетъ отца своего, и

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 77, 28, 31, 33. — *Рыбниковъ*, I, 47, 55; II, 6, 324. — Древн. росс. стихотв., 352.

только проситъ себѣ коня. Отецъ научаетъ его, какъ достать чуднаго пестраго жеребеночка, пасущагося вмѣстѣ съ матерью, за Молочнымъ озеромъ, на вершинѣ горы Суру-Тага. Мальчикъ беретъ жеребеночка силой, и пока онъ его осѣдлалъ, коню сдѣлалось два года, пока онъ его взнуздалъ, коню сдѣлалось три года, пока онъ сѣлъ на него, коню сдѣлалось четыре года. Тана ѣдетъ къ Печети-хану сто-женному, входитъ безъ доклада въ его юрту, садится на желѣзный стулъ, и стулъ подъ нимъ ломается (его товарищъ, тутъ же входя въ палату, проламываетъ желѣзную дверь). Печети-ханъ приходитъ въ ужасъ отъ силы и насилія Таны, и спѣшитъ поскорѣе выпроводить мальчика-богатыря на подвиги. Дорогой Тана наѣзжаетъ на семиголоваго Іельбегена (чудовище-великанъ): одной головой онъ свистѣлъ на дудочкѣ, другой пѣлъ, третьей вопилъ, четвертой волхвовалъ, пятой ревѣлъ. Онъ останавливаетъ Тану съ войскомъ и спрашиваетъ: — Куда ѣдете? — Доставать дочь Батыя-Кередея. — Онъ имъ сказалъ: — Не ѣздите, останьтесь здѣсь; здѣсь есть дѣвушка, дочь царя-богатыря Алтынъ-Эргека: вотъ ее, такъ возьмите. Ваши кони нажрутся огненной травы, напьются огненной воды, и всѣ передохнутъ.—А, ты хотѣлъ меня погубить! воскликнулъ Тана, схватилъ свою 8-ми хвостую плеть и расшибъ ею всѣ семь головъ Іельбегена. Потомъ онъ ѣдетъ дальше, но всѣ ихъ кони, какъ сказалъ Іельбегенъ, околѣваютъ, поѣвши огненной травы и испивши огненной воды. Тутъ является дочь царя-богатыря Алтынъ-Эргека, и оживляетъ коней. Тана не хочетъ ѣхать дальше, и возвращается со всѣми своими назадъ; онъ беретъ себѣ эту дѣвицу въ жены, и поселяется съ нею въ новомъ желѣзномъ домѣ, нарочно выстроенномъ. Но Печети-ханъ сто-женный услыхалъ про необыкновенную красоту дѣвушки; онъ призвалъ къ себѣ Тану, и сталъ ему приказывать, чтобъ тотъ отдалъ ее ему. Тана не хочетъ, и они вступаютъ въ бой. Но оба одинакой силы, ни одинъ не можетъ одолѣть другого. — А, такъ я не могъ сладить съ нимъ! говоритъ Тана, хорошо же: я вотъ приведу сюда чернаго вола, пусть онъ проглотитъ его юрту!—И Тана поѣхалъ къ черному волу, спряталъ коня въ кустарникѣ, и сдѣлавъ себѣ самъ копье, поднялся до неба, и копьемъ этимъ пронзилъ верхнюю губу черному волу, а нижнюю крѣпко прикололъ къ землѣ. Потомъ схватилъ вола, и повезъ его къ Печети-хану. Тутъ онъ привязалъ его къ косяку у дверей, а самъ воротился и сталъ ждать, что̀ будетъ. Черный волъ навелъ ужасъ на Печети-хана: онъ плакалъ, горевалъ, убилъ семь коней, и сунулъ ихъ въ пасть черному волу: тотъ пожралъ ихъ. Потомъ Печети-ханъ убилъ еще семь быковъ, и тоже сунулъ ихъ въ пасть черному волу:

тотъ и этихъ пожралъ. Тогда Печети-ханъ сказалъ одному служащему у него человѣку: — Поди ты черезъ три дня, и посмотри, что онъ тамъ. — Цѣлыхъ три дня оставался Печети-ханъ у себя дома, потомъ пошелъ посмотрѣть: черный волъ пожралъ и служащаго человѣка, и домъ, и коней, и коровъ, и весь скотъ, и все; наконецъ, пожралъ и самого хана. Тогда, увидавъ смерть Печети-хана, Тана сказалъ: — Ну, вотъ такъ-то хорошо! — воротился домой, и сталъ жить да поживать [1]).

Въ этой сибирской пѣсни мы встрѣчаемъ поразительное сходство со всѣми главными подробностями нашихъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ съ Соловьемъ-Разбойникомъ.

Въ обѣихъ пѣсняхъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ три: богатырь, побѣждаемое имъ чудовище и владѣтельный государь, къ которому богатырь привозитъ чудовище. *Первое лицо* у насъ богатырь Илья Муромецъ: въ сибирской пѣсни, богатырь Тана. *Второе лицо* — Соловей-Разбойникъ на семи дубахъ: въ сибирской пѣсни, Іельбегенъ о семи головахъ (но вмѣстѣ и черный волъ). *Третье лицо* — у насъ, князь Владиміръ: въ сибирской пѣсни, Печети-ханъ.

Событія въ обѣихъ пѣсняхъ также почти совершенно одинаковы, но мотивы дѣйствій до нѣкоторой степени разнятся. Послѣ побѣды надъ Соловьемъ, Илья получаетъ оскорбленіе отъ князя, и, чтобы отомстить ему, наказываетъ сначала его самого и его приближенныхъ страхомъ (заставивъ Соловья закричать и засвистѣть), а потомъ до смерти побиваетъ весь дворъ Владиміровъ, такъ что самъ князь насилу спасается. Точно также, послѣ побѣды надъ Іельбегеномъ, Тана получаетъ оскорбленіе отъ Печети-хана (только тутъ дѣло уже идетъ не объ обидѣ самолюбію, а о томъ, что ханъ отнялъ у него жену). Тана употребляетъ для своего мщенія чудовище, чернаго вола, имъ побѣжденнаго, и этотъ пожираетъ все и всѣхъ.

Въ частныхъ подробностяхъ легко также замѣтить много сходства между сибирскою и русскою пѣснью.

Нашему Ильѣ, отецъ помогаетъ добыть себѣ коня: въ сибирской пѣсни, отецъ помогаетъ въ этомъ же богатырю Танѣ.

Въ нашей пѣсни проходитъ нѣсколько времени въ томъ, что жеребчика приготовляютъ сдѣлаться богатырскимъ конемъ: въ сибирской, проходитъ точно также цѣлыхъ четыре года въ приготовленіяхъ, прежде, чѣмъ Тана можетъ сѣсть на добытаго уже коня.

Сила Ильи такъ велика, что вступая въ палаты князя Вла-

[1]) *Radloff*, I, 296—302.

диміра, онъ, не спрашиваясь придверниковъ, вламывается въ дверь, а потомъ, усѣвшись за столомъ, ломаетъ подъ собой скамьи дубовыя и сваи желѣзныя: точно также Тана, вступивъ въ юрту Печети-хана, садится на желѣзный стулъ и стулъ подъ нимъ ломается (а товарищъ его, входя, проламываетъ желѣзную дверь).

По дорогѣ, Илья встрѣчаетъ Соловья-Разбойника: Тана — Іельбегена. Соловей сидитъ на семи дубахъ: Іельбегенъ, чудовище о семи головахъ. Соловей свиститъ по-соловьиному, реветъ по-звѣриному, шипитъ по-змѣиному, мызгаетъ по-собачьему, хлопаетъ въ ладоши по-богатырскому: такъ точно Іельбегенъ разными своими головами свиститъ, поетъ, вопитъ, реветъ, волхвуетъ.

Соловей упрашиваетъ Илью къ себѣ въ гости: Іельбегенъ упрашиваетъ Тану не ѣздить дальше и остаться у него.

Отъ семи-хвостной плети Ильи погибаетъ дочь Соловьева: отъ осьми-хвостной плети Таны погибаетъ самъ Іельбегенъ = Соловей. Перемѣна эта произошла, вѣроятно, оттого, что у насъ, въ лицѣ Соловья, слиты два чудовища восточныхъ оригиналовъ: Іельбегенъ и черный волъ, и значитъ смерть перваго, случающуюся посреди разсказа, пришлось перенести съ Соловья на его дочь. Въ лицѣ этой дочери Соловьевой чувствуется темное и искаженное, но все-таки очень прямое воспоминаніе о той дѣвушкѣ, которую Іельбегенъ = Соловей рекомендуетъ Танѣ.

Илья Муромецъ побѣждаетъ Соловья Разбойника, пронзивъ ему глазъ стрѣлой: Тана побѣждаетъ чернаго вола, пронзивъ ему губы копьемъ. Послѣ того Соловей падаетъ на землю: къ землѣ же Тана пригвождаетъ чернаго вола.

Пріѣхавъ къ князю Владиміру, Илья привязываетъ Соловья на дворѣ, за дверью: точно также, пріѣхавъ къ Печети-хану, Тана привязываетъ чернаго вола на дворѣ, за дверью.

Чудовище Соловей-Разбойникъ наводитъ такой ужасъ на князя Владиміра и его приближенныхъ, что всѣ они на корачкахъ наползались: точно такой ужасъ черный волъ наводитъ на Печети-хана, такой ужасъ, что тотъ плакалъ и горевалъ, и просто не зналъ, чѣмъ его умаслить.

Въ самомъ концѣ сибирской пѣсни погибаютъ всѣ: и ханскій скотъ, и ханскіе люди, и ханскій служащій человѣкъ, наконецъ и самъ ханъ: по русской пѣсни также погибаютъ всѣ окружающіе князя Владиміра, и дворъ его, и богатыри, но самъ князь спасается. Это происходитъ, конечно, оттого, что въ сибирской пѣсни, составляющей отдѣльное, замкнутое цѣлое, со всеобщею погибелью кончается пѣсня, и дальше ничего нѣтъ. У насъ же слѣдуютъ тутъ другія еще событія, приписываемыя

Ильѣ Муромцу и князю Владиміру, и слитыя въ одно цѣлое изъ разнообразныхъ восточныхъ источниковъ: значитъ, надо было князю Владиміру остаться тутъ въ живыхъ.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ занимаетъ разсказъ о ссорѣ его съ княземъ Владиміромъ, и отраженіи нашествія иноплеменниковъ. Пересказы объ этомъ эпизодѣ очень разнообразны, но, при сличеніи оказывается, что ихъ можно раздѣлить на четыре главныя группы. Въ первыхъ трехъ находятся на лицо оба мотива: ссора съ княземъ и отраженіе иноплеменниковъ, въ послѣднемъ — одинъ только второй мотивъ.

Первая редакція.—Князь Владиміръ приходитъ въ гнѣвъ на Илью за то, что этотъ не одобряетъ одного беззаконнаго его намѣренія (отнять жену у живого мужа), и велитъ посадить его въ глубокій погребъ, или изгоняетъ его изъ Кіева. Съ досады, Илья скликаетъ товарищей, и начинаетъ вести съ ними страшно разгульную, бражническую жизнь [1]. Но черезъ нѣсколько времени къ Кіеву подступаетъ непріятельскій царь Батый Батыевичъ, со своимъ сыномъ (Лоншекомъ или Таракашкой) и любимымъ зятемъ (Сартакомъ или Ульюшкой); съ ними рать несмѣтная, на 60 верстъ во всѣ четыре стороны. Батый выбираетъ огромнаго татарина, выше всѣхъ ростомъ, и съ нимъ посылаетъ къ князю Владиміру письмо, гдѣ высчитываетъ свою силу, и угрозами требуетъ выдачи трехъ главныхъ богатырей Владиміровыхъ. Получивъ такое письмо, Владиміръ приходитъ въ ужасъ, и, посовѣтовавшись съ ближними своими (также и съ княгиней), находитъ для своего спасенія одно только средство: послать къ Ильѣ Муромцу его крестоваго брата, богатыря Добрыню, для того, чтобъ умилостивить его и вызвать себѣ на помощь. Тутъ Илья вспоминаетъ, что у нихъ съ крестовымъ братомъ положена заповѣдь великая: другъ друга слушаться и другъ за друга стоять. —Ну, кабы не ты, говоритъ Илья, никого бы я не послушалъ! Никогда бы не пошелъ къ князю! [2].—И онъ ѣдетъ ко Владиміру, тотъ встрѣчаетъ его съ почетомъ, устраиваетъ для него пиръ, и сажаетъ его за столомъ на большое мѣсто. Тогда Илья соби-

---

[1]) По нѣкоторымъ текстамъ, ссора произошла изъ-за того, что князь Владиміръ не позвалъ Илью на одинъ пиръ, или не подарилъ его, подаривши остальныхъ богатырей (*Кир.*, I, 67. — *Рыбниковъ*, I, 95). Значитъ, первый мотивъ какъ-бы связываетъ настоящій эпизодъ съ тѣмъ, который мы только что разсматривали.

[2]) По инымъ пересказамъ, Владиміръ посылаетъ за Ильею своихъ слугъ.

раетъ своихъ богатырей товарищей, ѣдетъ съ ними на врага— тутъ же вмѣстѣ съ ними отправляется въ походъ и самъ князь Владиміръ, переряженный поваромъ и вымаравшійся сажей. Они побиваютъ вражескую силу. По нѣкоторымъ пересказамъ, Илья не только побиваетъ все войско княжеское, но убиваетъ и самого князя [1]).

Вторая редакція.—Нашествіе иноплеменниковъ и побѣда надъ ними Ильи Муромца изображены въ иныхъ формахъ. Иноземный царь съ несмѣтнымъ могучимъ войскомъ выраженъ посредствомъ фигуры Идолища поганаго: въ немъ длины пять саженъ, промежду плечъ коса-сажень, головища его какъ пивной котелъ, глаза какъ чаши питейныя, носище какъ палка древокольная. Появилось это Идолище въ Кіевъ и обнасильничало его, такъ что княжескія гридницы съ боку на бокъ пошатались, ставни въ окнахъ покосились, самъ Идолище сидитъ у князя, держитъ руки у княгини за пазухой, а въ Кіевѣ перестали по старому звонъ звонить, не велѣно просить милостыни спасеной. Узнавъ о такой бѣдѣ, Илья Муромецъ, уже цѣлыхъ 12 лѣтъ изгнанный изъ Кіева, сжаливается надъ княземъ, обмѣнивается платьемъ съ каликой-перехожимъ, и ѣдетъ въ Кіевъ. Тутъ онъ застаетъ Идолище за пиршескимъ столомъ. Идолище тотчасъ замѣчаетъ его, и Илью спрашиваютъ: кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ. Илья обмѣнивается съ Идолищемъ бранными рѣчами, и тогда, разсердившись, Илья схватываетъ съ себя колпакъ или шляпу земли греческой, единымъ махомъ убиваетъ Идолище [2]).

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей придаютъ эпизоду о ссорѣ князя Владиміра съ Ильей Муромцемъ особенно важное значеніе. Въ томъ, что Владиміръ, упрашивая Илью о помощи, умоляетъ его смиловаться если не ради его самого и его княгини, церквей божіихъ и монастырей, то хоть «ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»,—въ этомъ, говорятъ они, проявляется особенное свойство Ильиной службы, какъ выборнаго дружины земской, а не члена дружины княжеской. Ссора Ильи съ княземъ, есть ссора и борьба съ дружиной княжеской, со всѣми началами княжескаго порядка вещей [3]). Но, разсматривая памятники восточной поэзіи, мы убѣждаемся, что разсказъ о великодушіи богатыря, обиженнаго царемъ, но прощающаго ему и выручающаго его изъ бѣды, ничуть не есть разсказъ чисто

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 67—70; III, 34—38.—Др. росс. стих., 246—251.—*Рыбниковъ*, I, 95, 104—120.

[2]) *Кир.*, IV, 19—36. — *Рыбниковъ*, I, 85—94.

[3]) Замѣтка г. Безсонова къ IV вып. Кирѣевскаго, стр. XII, XV.

русскій: онъ не разъ встрѣчается въ древнихъ восточныхъ повѣствованіяхъ, и благодушіе Ильи вовсе не есть исключительная характеристическая черта нашего Ильи. Въ доказательство, сравнимъ обѣ наши редакціи со слѣдующими пѣснями и поэмами.

Одна телеутская легенда разсказываетъ, что у ойротскаго князя Конгодоя былъ сынъ отъ первой жены, богатырь Шюню, котораго возненавидѣли и замыслили погубить младшіе братья, сыновья второй княжеской жены. Они однажды наклеветали отцу на старшаго брата, и увѣрили его, что этотъ злоумышляетъ на его жизнь. Отецъ послушался ихъ, они напоили Шюню до-пьяна, вырыли яму въ 60 саженъ глубины, и столкнули туда пьянаго Шюню. Черезъ нѣсколько времени пришли туда три человѣка съ желѣзными луками и сказали Конгодою: «Кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы станемъ платить дань; а если Конгодой не можетъ стрѣлять, пусть онъ намъ платитъ дань». Младшіе княжіе сыновья не могли даже и поднять-то лукъ; они испугались и сказали: — «Надо за Шюню взяться!» Тогда они поѣхали къ Шюню, и вынули его изъ ямы. Шюню былъ еще живъ. Они обрадовались, убили молодую кобылу, стали его угощать виномъ и мясомъ. Шюню сказалъ: — «Я возьму свой собственный лукъ», и принесъ его. Шюню сталъ стрѣлять изъ своего лука, и насажалъ множество стрѣлъ въ желѣзный порогъ своего отца, потомъ сказалъ: — «Подайте мнѣ тѣ луки». Ему дали тѣ луки, онъ натянулъ всѣ три, выстрѣлилъ и сказалъ: — «Берите прочь эту дрянь и убирайтесь вонъ!» И тогда тѣ три человѣка пошли прочь и стали платить дань [1]).

Этотъ самый разсказъ существуетъ и у сибирскихъ киргизовъ, лишь съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ. Здѣсь рѣчь идетъ о ханѣ Конгдаиди, царствующемъ на Алтаѣ, и о его сынѣ, богатырѣ Суну. Весь киргизскій народъ боится Суну и завидуетъ ему за необыкновенные его богатырскіе подвиги; вотъ они и клевещутъ на него хану, увѣривъ его, что Суну изнасиловалъ многихъ женъ и дочерей ихъ. Ханъ Конгдаиди приходитъ отъ этого въ величайшій гнѣвъ, велитъ выкопать яму въ семь саженъ глубины и бросить туда Суну, а напередъ отрубить ему руки, вынуть лопатки изъ спины, и снять кожу. Суну говоритъ ему: — «Ой, батька, куда-то ты дѣнешься? Какъ убьешь меня, сгинетъ твоя юрта! На что̀ Богъ далъ меня тебѣ! Если теперь ты больше не услышишь моего голоса, за то вотъ ужо̀, послѣ, ты услышишь его!» Но ханъ ничего не хочетъ знать, и сына его спустили въ яму. Но черезъ три года, принесли къ кирги-

---

1) *Radloff*, Proben, I, 206—207.

замъ изъ Монголіи огромный лукъ, съ такимъ объявленіемъ, что если у киргизовъ натянутъ и выстрѣлятъ изъ этого лука, то монголы будутъ платить дань киргизамъ, а если нѣтъ, то киргизы монголамъ. Напрасно ханъ Конгдаиди собираетъ весь свой народъ: никто не въ состояніи сладить съ лукомъ. Тутъ ханъ вспоминаетъ про сына своего Суну, и плачетъ. Потомъ велитъ отрыть и принести его: Суну еще живъ. Его приносятъ, мажутъ сметаной, кормятъ мозгомъ изъ костей, и онъ снова получаетъ свои силы. Сначала онъ не хочетъ исполнять требуемаго отъ него подвига, и выручать киргизскаго хана изъ бѣды, но потомъ велитъ помазать лукъ сметаной, потому что онъ разсохся, и натягиваетъ его съ такою богатырскою силою, что лукъ ломается. — «Несите его къ монголу! говоритъ Суну, лукъ никуда не годится, я такую игрушку и натягивать-то не хочу!» [1]).

Третій примѣръ мы находимъ въ Шахъ-Намэ. Туранскій царь и съ нимъ огромное войско, подъ предводительствомъ Сограба (незнаемаго сына Рустемова), вторгаются въ иранское царство Кей-Кауса. Одинъ изъ пограничныхъ правителей царскихъ, посылаетъ съ нарочнымъ письмо къ Кей-Каусу, гдѣ разсказываетъ про это нашествіе и высчитываетъ силу непріятельскую. Прочитавъ письмо, Кей-Каусъ приходитъ въ ужасъ и тотчасъ-же требуетъ къ себѣ на помощь богатыря Рустема, проживающаго въ Забулистанѣ, своемъ удѣлѣ. Но, вмѣсто того, чтобъ немедленно ѣхать на царскій зовъ, Рустемъ сначала проводитъ цѣлыхъ три дня въ пирахъ и пьянствѣ съ посланнымъ Кей-Каусовымъ (это одинъ изъ царскихъ богатырей). За это Кей-Каусъ приходитъ въ такой гнѣвъ на Рустема, что когда этотъ появляется наконецъ у него при дворѣ, то царь встрѣчаетъ его жестокими упреками и велитъ повѣсить и его, и посланнаго своего. Но Рустемъ отталкиваетъ отъ себя могучею рукой исполнителей царской воли, и, не признавая надъ собой власти Кей-Каусовой, уѣзжаетъ къ себѣ въ удѣлъ, объявивъ, что отъ сихъ поръ нога его никогда болѣе не будетъ въ Иранѣ. Послѣ его отъѣзда, вельможи Кей-Каусовы упрекаютъ царя, что онъ въ такое опасное время разсердилъ Рустема, единственную надежду ихъ, и умоляютъ его просить Рустема, чтобы онъ воротился. Царь сдается на ихъ убѣжденія, и посылаетъ къ Рустему одного изъ значительнѣйшихъ своихъ приближенныхъ, стараго богатыря Гудерза. Сначала Рустемъ не хочетъ его слушать: — «Что мнѣ за дѣло до Кей-Кауса! говоритъ онъ. Сѣдло—

---

[1]) *Radloff*, Proben, II, 382—384.

вотъ мой тронъ; шлемъ—вотъ мой царскій вѣнецъ; кольчуга—вотъ моя царская одежда, и душа моя ни-чуточки не помышляетъ о смерти. Что̀ такое Кей-Каусъ передо мною? Горсточка пыли. Чего мнѣ бояться его гнѣва? Развѣ я заслужилъ тѣ неприличныя рѣчи, которыя онъ мнѣ наговорилъ въ своей ярости? А еще я же освободилъ его изъ цѣпей, я же вротилъ ему царскій вѣнецъ и престолъ. Теперь моему терпѣнію конецъ, сердце мое переполнилось, и я никого ужъ не боюсь кромѣ Бога». Но Гудерзъ ловкими рѣчами успѣваетъ уговорить Рустема, толкуя ему, что Кей-Каусъ человѣкъ взбалмошный, и прибавляетъ, что если онъ, Рустемъ, не выступитъ противъ туранскаго войска, его навѣрное заподозрятъ въ трусости. Тутъ уже Рустемъ уступаетъ, и ѣдетъ со своими товарищами къ Кей-Каусу. Царь принимаетъ его съ великою радостью, и униженно проситъ у него извиненія; Рустемъ мирится съ нимъ, и послѣ того задаетъ ему великолѣпный пиръ, съ пляской и музыкой, на которомъ всѣ напиваются пьяны. На другой день, Рустемъ, съ царскаго согласія, переряжается туранцемъ и ѣдетъ къ непріятелю, расположившемуся въ захваченномъ у иранцевъ Бѣломъ за̀мкѣ: ему хочется посмотрѣть, что̀ за неслыханный и невиданный богатырь такой пришелъ одолѣвать ихъ страну. Этого богатыря, Сограба, описывали царю такъ: «Ростомъ онъ выше кипариса, и блещетъ какъ солнце въ знакѣ Близнецовъ; грудь его широка какъ у льва, величиной онъ будетъ съ добрый холмъ; голосъ его могучѣе грома, рука его сильнѣе меча: нѣтъ никого ему равнаго по всему Ирану и Турану. Горе тому, кто съ нимъ встрѣтится въ бою, хотя бы онъ былъ такъ крѣпокъ какъ камень: сама земля пожалѣла бы ту скалу, противъ которой онъ пустилъ бы своего коня». Придя тайно въ Бѣлый замокъ, захваченный непріятелемъ, Рустемъ находитъ всѣхъ за пиршествомъ, и принимается разсматривать Сограба. Но его замѣчаетъ Зендехрезмъ, дядя Сограбовъ: онъ идетъ къ Рустему, отличающемуся ото всѣхъ своимъ видомъ, ростомъ и складомъ, и спрашиваетъ:—«Кто ты таковъ? Поди-ка сюда къ свѣту, дай-ко на себя посмотрѣть!» Вмѣсто отвѣта, Рустемъ со всей силы бьетъ его кулакомъ по головѣ, такъ что тотъ валится съ ногъ и тутъ же испускаетъ духъ, а Рустемъ возвращается домой. Послѣ того, туранское и иранское войско выступаютъ другъ противъ друга, и, послѣ нѣсколькихъ битвъ, иранцы прогоняютъ со своей земли противниковъ. Но, во время этихъ битвъ, Рустемъ въ единоборствѣ убиваетъ Сограба [1]).

---

[1]) *Mohl*, II, 103—129.

Въ этихъ восточныхъ разсказахъ, мы встрѣчаемъ всѣ черты нашей былины. Князь, ханъ или царь (Конгодой, Конгдаиди, Кей-Каусъ, Владиміръ), вопреки справедливости, распаляется гнѣвомъ на своего главнаго богатыря (Шюню или Суну, Рустема, Илью Муромца), и сажаетъ его въ подземелье или выгоняетъ изъ своего царства.—Богатырь предается пьянству. — Происходитъ нашествіе иноплеменной вражеской силы (*три* человѣка съ желѣзными луками; монголы съ такими же луками; несмѣтное туранское войско съ *тремя* человѣками во главѣ: царемъ Афразіабомъ, Сограбомъ и Зендехрезмомъ; несмѣтное татарское войско, съ *тремя* человѣками во главѣ: царемъ Батыемъ, его сыномъ Таракашкой или Лоншекомъ, и зятемъ Ульюшкой или Сартакомъ). Объ этомъ нашествіи царь или князь узнаетъ изъ письма, привезеннаго нарочно посланнымъ богатыремъ; въ этомъ письмѣ описывается, какъ велика сила вражеская. — Приведенный въ ужасъ, царь, ханъ или князь, склоняясь на совѣты окружающихъ его людей, посылаетъ за обиженнымъ богатыремъ: этотъ сначала сопротивляется, но потомъ идетъ къ своему владыкѣ и они мирятся. Миръ этотъ скрѣпляется великимъ пиромъ или угощеніемъ. Послѣ того, богатырь переряжается (по Шахъ-Намэ — туранцемъ, по нашей былинѣ — каликой-перехожимъ, или поваромъ, вымаравшимся въ сажѣ) и идетъ во вражескій станъ, посмотрѣть, каковъ непріятель. Вопреки переряжанью, на него обращаютъ вниманіе, онъ долженъ вступить въ разговоръ со врагомъ, а такъ какъ дѣло начинаетъ дѣлаться для него опаснымъ, то онъ убиваетъ врага, ударомъ кулака или шляпы *по головѣ*, и ничего не отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы.

Третья редакція.—Подступилъ царь Батый съ несмѣтнымъ войскомъ къ Кіеву, и вызываетъ своихъ «бурзовъ-мурзовъ» таторовей, ѣхать въ Кіевъ, отвести князю посольный листъ. Всѣ молчатъ, но тутъ выскакиваетъ впередъ «бурза-мурза» татаровичъ, и берется ѣхать къ князю Владиміру. Батый велитъ ему обойтись въ Кіевѣ грубо и дерзко; «бурза-мурза» такъ и сдѣлалъ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, онъ бросилъ коня на дворѣ не привязана, не приказана (никому не порученнаго), вошелъ въ гридню силою, положилъ царскій листъ на столъ, поворотился и ускакалъ назадъ. Сталъ Владиміръ читать со своими богатырями посольный листъ; тамъ Батый приказываетъ Владиміру выдать трехъ главныхъ его богатырей: Илью Муромца, Добрыню и Алёшу-Поповича. «Не отдашь ихъ самъ — говоритъ Батый — боемъ возьму сильныхъ богатырей, князя съ княгиней подъ мечъ склоню, церкви на дымъ спущу, иконы поплавь рѣки, добрыхъ молодцевъ полоню станицами, красныхъ дѣвицъ—плѣнницами, добрыхъ коней

табунами». Испуганный Владиміръ не знаетъ, что дѣлать, но ему встрѣчается Илья Муромецъ въ видѣ нищаго калики-перехожаго, и князь умоляетъ его вступиться за него и за Кіевъ, и забыть, что ему, Ильѣ, уже 12 лѣтъ «отъ Кіева отказано». Илья сначала сопротивляется, но потомъ прощаетъ князю, и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Батыю съ подарками, взявъ съ собою Добрыню и Алёшу. Они пріѣзжаютъ къ Батыю, подаютъ подарки, и просятъ отсрочки на три года; Батый соглашается дать только три дня, и угощаетъ ихъ всѣхъ виномъ. Илья выпилъ единымъ духомъ чашу въ $1^1/_2$ ведра, сердце его раскипается и онъ уѣзжаетъ отъ Батыя. Воротясь въ Кіевъ, Илья сзываетъ всѣхъ богатырей, они раздѣляются на *три* отряда, изъ которыхъ правую руку даютъ Самсону Колывановичу, лѣвую—Никитѣ Залѣшанину съ Алешей, а Ильѣ осталась середка силы, матица: 12 дней бьются-рубятся богатыри съ татарами. Тогда Ильинъ конь проговорилъ ему человѣчьимъ голосомъ:—«Накопаны у татаръ въ полѣ рвы глубокіе натыканы въ нихъ копья мурзамецкія, сабли вострыя. Изъ перваго подкопа я вылечу, изъ второго тоже вылечу, а въ третьемъ останемся и ты и я». Въ отвѣтъ на это, Илья бьетъ его плетью, и заставляетъ скакать дальше; но предсказаніе коня сбывается, и Илья, вмѣстѣ съ конемъ, падаетъ въ подкопъ. Его хватаютъ татары, тащутъ къ Батыю; этотъ предлагаетъ Ильѣ послужить ему три года, Илья отказывается, и Батый велитъ разстрѣлять его на лугу стрѣлами. Тогда Илья проситъ, чтобъ ему вмѣсто того отрубили голову, а самъ взмолился къ Николаю угоднику, и тотчасъ-же прибыло у него силы вдвое: разорвалъ онъ оковы желѣзныя, схватилъ татарина, и сталъ имъ бить остальныхъ татаръ кругомъ. Подбѣжалъ тутъ къ нему конь, Илья сѣлъ на него и прибилъ всѣхъ татаръ до смерти, чуть не до единаго [1]).

Четвертая редакція.—Подошелъ къ Кіеву Калинъ-царь съ безчисленнымъ войскомъ, послалъ къ князю Владиміру татарина съ угрознымъ письмомъ. Не было въ это время никого изъ богатырей въ Кіевѣ, кромѣ Василія пьяницы: этотъ вбѣгаетъ на башню наугольную, стрѣляетъ оттуда и попадаетъ въ правый глазъ зятю Калинину, отчего тотъ и умираетъ. Царь приходитъ въ ярость, и посылаетъ второго посла, требуя, чтобъ ему выдали виноватаго. Тогда одинъ изъ богатырей Владиміровыхъ — самъ Илья или же, чаще, его племянникъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ, вызывается ѣхать къ татарамъ. Князь Владиміръ долго его отговариваетъ, наконецъ отпускаетъ. Онъ ѣдетъ въ татар-

---

[1]) *Кирѣевскій,* IV, 38—46.

скій станъ, и дорогой переѣзжаетъ многія поля и горы. Потомъ подъѣхавъ къ татарскому стану, онъ сначала поднимается на высокую гору и оттуда высматриваетъ непріятеля, потомъ ложится спать, а потомъ, выспавшись, встаетъ и принимается за силу вражескую. Долго бьетъ онъ ее, а все не прибьетъ всѣхъ, наконецъ совсѣмъ изнемогаетъ; и въ это-то самое время Илья Муромецъ, остававшійся дома, просыпается, чувствуетъ какимъ-то чутьемъ, что племяннику плохо пришлось, и со всѣми богатырями своими скачетъ къ нему на выручку. Они поспѣваютъ въ самое во-время, и общими силами одолѣваютъ врага, побиваютъ всю татарскую силу. Между тѣмъ самъ Калинъ-царь спалъ въ своемъ шатрѣ, на кроваткѣ рыбій-зубъ, подъ одѣяльцемъ соболинымъ. Схватилъ его (Илья или Ермакъ) съ кровати, самъ ему приговариваетъ:—«Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!»—потомъ согнулъ его корчагою, поднялъ выше буйной своей головы, ударилъ о горючъ-камень, и разшибъ въ крохи. Тогда остальные татары на побѣгъ побѣжали [1]).

Этимъ двумъ пѣснямъ придаютъ у насъ обыкновенно особенное историческое значеніе: въ нихъ видятъ изображеніе татарскаго нашествія на нашу древнюю Русь. «Калинъ-царь имѣетъ весь видъ татарскаго хана, его нашествіе дышитъ ужасомъ нашествія татарскаго», говоритъ К. Аксаковъ [2]). Г. Буслаевъ, разсматривая эту пѣсню, признаетъ, что она, «явственно отмѣчаетъ періодъ татарскій, когда съ особою энергіей совершился переходъ, въ народной фантазіи, отъ миѳовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому [3]).

Но мы сравнимъ съ этими двумя редакціями былины объ Ильѣ — отрывки изъ монголо-калмыцкой поэмы «Джангаріада». Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ.—На западной сторонѣ властвовалъ надъ 70,000 милліоновъ странъ старый Шарро-Гурго. Сидя въ своемъ ханскомъ жилищѣ, онъ заговорилъ однажды собраннымъ князьямъ: — На восточной сторонѣ царствуетъ богатырь Богдо-Джангаръ. Мы безъ труда могли бы отнять у него всѣхъ 12 богатырей, повинующихся его приказаніямъ. Пускай-же ѣдетъ къ нему посломъ Бурза-Бёкё-Цаганъ и скажетъ ему: «Имя твое, могучій Джангаръ, знаменито во всѣхъ странахъ неба. Я оставляю тебѣ твое тѣло и жизнь. Но отдай гнѣдого

---

[1]) Др. рос. стихотвор. 242—251.—*Кир.* I, 58—66.—*Рыбн.*, I, 97—119. — Въ нѣкоторыхъ пересказахъ нашихъ Калинъ-царь превратился въ Бабищу-Мамаищу (*Кирѣевск.*, I, 64—66), но исходъ эпизода тотъ-же, что и въ остальныхъ пересказахъ.

[2]) Сочиненія К. Аксакова, I, 373.

[3]) *Буслаевъ*, Очерки. I, 421.

Аранджулу, чтобъ онъ стоялъ на привязи у моего жилища. Отдай мнѣ Ширкесова внука, Хонгора-Краснаго, чтобъ посылать его посломъ къ чужимъ князьямъ. Еще отдай мнѣ князя Алтанъ-Цедши Ассаръ-Сулаевича, чтобъ употреблять его въ моей думѣ. Не дашь ты мнѣ этихъ трехъ вещей, я разрушу твой высокій Шарра-Алтай, засыплю широкое твое Шарту-Далай [1]), и уничтожу твое имя, Богдо Джангаръ!» — Прискакавъ къ Джангару, Бурза оставляетъ коня непривязаннаго и никому непорученнаго на дворѣ; «хочешь держи, хочешь не держи моего коня», говоритъ онъ повстрѣчавшемуся ему на дворѣ одному изъ богатырей Джангаровыхъ, потомъ поднимаетъ полу палатки, и входитъ безъ всякаго позволенія въ серебряную дверь. Тутъ онъ обращается къ Джангару, и передаетъ ему слова своего владыки. Богатырь Хонгоръ-Красный гнѣвно отвѣчаетъ ему, чтобъ онъ убирался скорѣе домой, и сказалъ бы своему хану, что развѣ тогда выполнятся его требованія, когда напередъ погибнутъ всѣ богатыри. Послѣ отъѣзда Бурзы, Джангаръ и всѣ богатыри стараются удержать Хонгора, но тотъ никого не слушается; надѣваетъ доспѣхи и ѣдетъ. Долго ѣдетъ онъ черезъ горы и долины, съ угрозой упрашиваетъ своего коня скорѣе довезти его куда ему нужно; наконецъ, съ одной горы видитъ вражеское жилище. Тутъ онъ ложится спать, чтобъ выждать ночи, а когда пришла темнота, онъ, ползкомъ на колѣняхъ, подкрадывается къ ханскому жилищу и находитъ, что ханъ и его 12 богатырей спятъ, отуманенные виномъ, прислонясь направо и налѣво. Онъ тушитъ лампаду рукой, идетъ къ хану, покоющемуся головой на золотой подушкѣ, беретъ его подъ голову правой рукой, а подъ ноги лѣвой, и однимъ махомъ выноситъ его вонъ. За нимъ гонятся 15,000 воиновъ; но онъ добѣгаетъ до своего коня, вскакиваетъ на него, хочетъ скакать дальше—конь не трогается съ мѣста. Тогда онъ бросаетъ хана о-земь и самъ скачетъ назадъ. Скоро его настигаютъ враги, и начинается бой. Хонгоръ уже изнемогаетъ, но тутъ онъ обращается съ мольбой къ золотому талисману, полученному имъ отъ великаго Ламы и висящему у него на шеѣ, и силою этой молитвы Джангаръ узнаетъ, что Хонгору приходится плохо. Со всѣми богатырями своими онъ спѣшитъ на выручку. Они поспѣваютъ еще во-время, и тутъ завязывается бой ихъ съ 700,000 воиновъ хана Шарра-Гурго: бой длится 72 мѣсяца, Алтанъ-Цедши сражается въ серединѣ, Джангаръ въ

---

[1]) Шарра-Алтай—гора, на которой живетъ Джангаръ; Шарту-Далай—море подлѣ той горы.

правой рукѣ, Хонгоръ въ лѣвой. Разсказъ кончается полною побѣдой ихъ надъ непріятелемъ Шарра-Гурго [1].

Близкое сходство нашихъ двухъ пѣсенъ, о нашествіи Батыя или Калина на Русь, съ этимъ эпизодомъ изъ Джангаріады вполнѣ очевидно. И тамъ и здѣсь разсказъ начинается исчисленіемъ силы вражескаго царя или хана. Потомъ этотъ царь или ханъ вызываетъ человѣка, который-бы ѣхалъ съ посольствомъ. Является богатырь, котораго наша пѣсня называетъ «бурза-мурза», а Джангаріада — «Бурза-Бёке-Цаганъ». Названіе «бурза-мурза» ничего у насъ не значитъ, и сначала всякій подумаетъ, что слово «бурза» прибавлено только для риѳмы и обычнаго русскаго удвоенія къ слову «мурза». Но на дѣлѣ оказывается, что надо понимать на-оборотъ: прибавлено для риѳмы и удвоенія слово «мурза» къ коренному тутъ слову «бурза», потому-что это слово есть нечто иное, какъ уцѣлѣвшее у насъ монголо-калмыцкое имя *«Бурза»* (*Бурза-Беке-Цаганъ* значитъ: «Бѣлый-крѣпкій-мундштукъ»). Этотъ Бурза отправляется посломъ, и, по приказу своего владыки, дерзко ведетъ себя тамъ, куда посланъ, коня бросаетъ на дворѣ, и входитъ къ князю (Владиміру или Джангару), безъ позволенія, насильно. Тутъ онъ требуетъ для своего хана или царя *трехъ* вещей (по русской пѣсни, трехъ главныхъ богатырей; по монголо-калмыцкой поэмѣ— двухъ богатырей и богатырскаго коня),—иначе грозитъ полнымъ разрушеніемъ владѣній княжескихъ. Получивъ отказъ, вѣстникъ уѣзжаетъ. Тогда снаряжается въ путь, къ вражескому царю или хану, одинъ изъ богатырей Владиміра = Джангара: Илья или Ермакъ = Хонгоръ. Онъ ѣдетъ далеко и долго, черезъ горы и долины, съ одной горы обозрѣваетъ вражескій станъ, а потомъ, подкрѣпивъ себя сномъ, нападаетъ на непріятеля, и наноситъ ему страшный вредъ: избиваетъ огромныя полчища его, а соннаго царя или князя (Батыя, Калина, Шарра-Гурго) вытаскиваетъ на рукахъ съ одра или подушекъ, и потомъ бросаетъ о-полъ. Во время слѣдующаго потомъ боя, изнемогающій герой (Илья, или Ермакъ = Хонгоръ) обращается съ мольбою къ небесной помощи (у насъ къ Николѣ-Можайскому, въ Джангаріадѣ къ Далай-Ламову талисману): черезъ это у него самого прибываютъ силы, а оставшіеся дома богатыри, его товарищи, вдругъ узнаютъ о его бѣдѣ, цѣлой толпой спѣшатъ къ нему на помощь, выручаютъ изъ бѣды и окончательно побиваютъ вражеское войско.

Итакъ, всѣ четыре редакціи наши, не смотря на разницу подробностей, и на отсутствіе въ иныхъ, изъ числа ихъ, на-

---

[1] *Bergmann*, Nomadische Streifereien unter den Kalmüken. Riga, 1805. IV, 190—214.

чальнаго мотива о ссорѣ князя со своимъ главнымъ богатыремъ, имѣютъ основу совершенно одинакую. Происходитъ нашествіе иноплеменниковъ на страну. Главный богатырь здѣшній тайно идетъ во вражескій станъ, и тайно высматриваетъ тамъ непріятеля. Лично самъ убиваетъ главнаго человѣка непріятельскаго войска, и, наконецъ, при помощи подоспѣвшихъ товарищей своихъ, истребляетъ все это войско.

Встрѣча и единоборство Ильи-Муромца съ сыномъ, котораго онъ не знаетъ, но котораго прижилъ въ прежнее время съ царицей иноземной, также не есть мотивъ самостоятельно-русскій. Это повтореніе того самого мотива, который разсмотрѣнъ въ первой части настоящаго изслѣдованія, какъ одинъ изъ эпизодовъ сказки о Еруланѣ Лазаревичѣ: этотъ мотивъ у насъ общій со многими европейскими народами и пришелъ къ намъ съ древняго Востока. Особенное сходство онъ представляетъ съ извѣстнымъ разсказомъ Шахъ-Намэ о Рустемѣ и Сограбѣ. Мы не станемъ повторять здѣсь того, что̀ было уже сказано по этому поводу въ первой части, но замѣтимъ, что въ однихъ былинахъ единоборство Ильи съ сыномъ кончается счастливо [1]), а въ другихъ, и при томъ *въ большинствѣ* — кончается смертью сына [2]), и этимъ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ болѣе приближаются къ разсказу Шахъ-Намэ, чѣмъ сказка объ Ильѣ Муромцѣ. Послѣдній исходъ (смерть сына) древнѣе, но въ нашихъ пѣсняхъ онъ почти уже вездѣ утратилъ первоначальныя подробности свои: здѣсь единоборство обыкновенно является не сраженіемъ Ильи съ сыномъ, а Ильи съ какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, и только сравненіе съ пѣснями первой редакціи, и всегдашнее называніе противника Ильи — *молодымъ*, въ противуположность Ильѣ, котораго пѣсни тутъ-же постоянно называютъ *старымъ*, убѣждаютъ насъ въ томъ, что рѣчь идетъ здѣсь о сынѣ Ильи Муромца.

Такимъ образомъ, когда получается увѣренность о происхожденіи настоящаго эпизода, со всѣми его подробностями, съ Востока, сами собой падаютъ соображенія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто-бы Илья всю свою жизнь остается холостъ и соединяется съ женщинами только грѣхомъ, случаемъ, потому, что «слишкомъ проникнутъ началами русской земщины, слиш-

---

1) Др. росс. стих. — 364. *Рыбн.* I, 73. — *Кир.*, I, 2; IV, 17.
2) *Кир.* I, 4, 6, 51; IV, 12. — *Рыбн.* I, 65, 80, 85; II, 351; III, 59.

комъ стоекъ, степененъ, строгъ и замкнутъ» [1]). Причины холостой жизни Ильи вовсе не русскія земскія начала, а то, что холостыми являются, въ восточныхъ оригиналахъ, первообразы Ильи, и, какъ одинъ изъ главныхъ въ ихъ числѣ, Рустемъ.

Наконецъ, замѣтимъ еще, что разсказъ о смерти нашего Ильи Муромца также создался не у насъ, а на Востокѣ. Въ однихъ нашихъ пересказахъ глухо говорится, что Илья исчезъ: «Илья-то тутъ былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти нынѣ и до вѣку» [2]); въ другихъ говорится, что «какъ началъ онъ строить церкву пещерскую, тутова старъ и окаменѣлъ» [3]); наконецъ, въ третьихъ, смерть его описывается такимъ образомъ. Былъ на Сафатъ-рѣкѣ Илья вмѣстѣ съ шестью товарищами-богатырями и долго они бились, конные, противъ силы вражеской, но сколько они ни рубятъ ихъ, все сила вражья ростетъ да ростетъ вдвое, все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры: какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ, какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ. Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Руси [4]). Этотъ послѣдній разсказъ намъ всего важнѣе, такъ какъ онъ намъ кажется кореннымъ. Изъ него произошли, въ видѣ *экстракта*, сокращеніе, первый и второй изъ приведенныхъ разсказовъ. Но въ третьемъ мы открываемъ не что иное, какъ разсказъ о смерти Рустема. Послѣдняя война Рустема — война противъ царя кабульскаго для взысканія подати; но онъ такъ увѣренъ въ себѣ, что не беретъ съ собою всего войска, а только 100 избранныхъ конниковъ и 100 избранныхъ пѣшихъ воиновъ (= наши 6 богатырей). Царь кабульскій, не имѣя надежды побѣдить, велитъ вырыть, въ долинахъ, по-среди горъ, огромныя ямы, наполненныя рогатинами, копьями и мечами, и накрыть ихъ такъ, чтобъ онѣ были снаружи незамѣтны. Рустемъ со своими товарищами падаютъ въ эти ямы (= наши пещеры) и тамъ погибаютъ съ конями [5]).

---

[1]) Замѣтка г. Безсонова, при IV вып. Кир., стр. XL.

[2]) *Кирѣевскій*, I, 86.

[3]) *Кирѣевскій*, I, 89.

[4]) Тамъ-же, IV, 108—115.

[5]) *Mohl*, IV, 705—719. Этотъ разсказъ вошелъ частью и въ приведенный выше — о ссорѣ Владиміра съ Ильей (*3-я редакція*). Конь говоритъ Ильѣ, чтобъ онъ остерегался, что «накопаны въ полѣ у татаръ ямы глубокія, натыканы въ нихъ копья

И, какъ по нашимъ пѣснямъ, со смертью Ильи Муромца «перевелись витязи на Руси», такъ со смертью Рустема кончается въ Шахъ-Намэ легендарная, миѳическая часть этой поэмы, и начинаются уже дѣйствительно-историческіе разсказы персидской исторіи, въ поэтической лишь формѣ [1]).

Пересмотрѣвъ такимъ образомъ, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе эпизоды пѣсень объ Ильѣ Муромцѣ, мы не видимъ, почему онъ въ самомъ корнѣ созданія самый что ни есть *истинно-русскій* богатырь (какъ насъ до сихъ поръ увѣряли), и почему именно онъ болѣе національное воплощеніе русскаго народа, чѣмъ всѣ остальные наши богатыри. Крестьянское происхожденіе его, дѣтство, отрочество, зрѣлые годы и смерть — разсказы обо всемъ этомъ создались первоначально не у насъ, не въ нашемъ отечествѣ, и никоимъ образомъ не изошли изъ исключительныхъ особенностей русскаго народнаго духа.

IX.

ДУНАЙ.

Про Дуная у насъ существуетъ слѣдующая пѣсня. — Много лѣтъ служилъ богатырь Дунай Ивановичъ у разныхъ царей и королей, въ разныхъ царствахъ и королевствахъ. Однажды онъ, на пиру у короля литовскаго, расхвастался, что королиха его любитъ и жалуетъ, а королевишна Настасья у души его держитъ. Разгнѣвался король и велѣлъ его казнить, но Настасья услыхала его голосъ, когда его вели мимо ея палаты, и спасла его. Потомъ онъ поѣхалъ въ Кіевъ, и поступилъ на службу къ князю Владиміру. Задумалъ однажды князь Владиміръ жениться. Вотъ онъ и посылаетъ Дуная сватомъ въ землю литовскую, гдѣ у короля есть двѣ дочери красавицы. Дунай ѣдетъ, но король литовскій не хочетъ отдавать своей дочери Владиміру. Потомъ, когда Дунай побилъ чуть не всю его рать, онъ даетъ свое согласіе. Дунай идетъ въ теремъ къ королевишнѣ и, найдя двери запертыми, ударомъ ноги выламываетъ ихъ, такъ что разлетѣлись

мурзамецкія, сабли вострыя.» Но Илья не слушается коня, бьетъ его плетью, и попадаетъ въ ровъ съ натыканнымъ туда оружіемъ. Такъ точно въ Шахъ-Намэ конь, подъѣхавъ съ Рустемомъ къ закрытой ямѣ, гдѣ у кабульцевъ натыканы копья, мечи и рогатины, не хочетъ ѣхать далѣе. Рустемъ бьетъ коня плетью. Тотъ поневолѣ прыгаетъ и оба попадаетъ въ яму. — Здѣсь, въ русскомъ разсказѣ (*Кир. IV*, 45), Илья все-таки остается цѣлъ и здоровъ.

[1]) *Spiegel*, Avesta. Leipzig, 1852. I. Einleitung, 43—44.

крюки и пробои дверные. Королевишна выскакиваетъ оттуда какъ угорѣлая отъ испуга, и хочетъ цаловать Дуная; но онъ отказывается отъ этого, и везетъ ее въ Кіевъ къ князю Владиміру. Ѣдучи съ нею домой, наѣзжаетъ Дунай въ поляхъ на бѣлый шатеръ: въ томъ шатру почиваетъ красная дѣвица. Дунай стрѣляетъ въ сырой дубъ, и стрѣла его богатырская ломаетъ тотъ дубъ въ черепья ножевые. Словно угорѣлая кидается тутъ на Дуная, изъ шатра, красная дѣвица, но онъ могучею рукой бросаетъ ее на землю, хочетъ уже заколоть ее, но она проситъ себѣ пощады, и предлагаетъ себя въ жены Дунаю. (По другимъ редакціямъ, Дунай бьется въ полѣ съ татариномъ или богатыремъ-великаномъ, и, только побѣдивъ его, узнаетъ, что это женщина, королевишна, и она предлагаетъ себя ему въ жены.) Тутъ обрадованный Дунай везетъ ее съ собою въ Кіевъ и женится на ней, а князь Владиміръ — на ея сестрѣ. Впослѣдствіи, однажды на пиру, Дунай, пьяный, затѣваетъ споръ съ женой своей Настасьей или Днѣпрой: кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Первая стала стрѣлять она, и прострѣлила стрѣлой золотое кольцо, которое Дунай держитъ надъ головой своей. Потомъ пришла очередь стрѣлять и ему, а ей держать кольцо надъ головой: тутъ она начинаетъ просить, чтобъ онъ не стрѣлялъ, потому что, пожалуй, попадетъ въ нее, вмѣсто кольца, а у ней въ утробѣ есть дитя, будущій богатырь, которому не будетъ сопротивника. Но Дунай не слушаетъ ея просьбъ, стрѣляетъ, и когда она упала, пораженная его стрѣлой прямо въ сердце, онъ выхватываетъ свой кинжалъ и разрѣзываетъ ей животъ: тамъ онъ находитъ чудеснаго младенца, ноги по колѣна серебрянныя, руки по локоть золотыя, въ косицахъ частыя звѣзды, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Увидавъ его, Дунай бросается на мечъ свой, уставивъ его рукоятью въ землю. И гдѣ кончилась Дунаева жизнь, тамъ изъ горячей его крови протекла быстрая Дунай-рѣка, а гдѣ пала Дунаева жена, тамъ протекла Настасья или Днѣпра-рѣка. Глубиною рѣка 20 саженъ, а шириною рѣка — 40 саженъ [1]).

Наши изслѣдователи говорятъ про эту былину много различнаго. Одни изъ нихъ объясняютъ: «Дунай Ивановичъ, прозвищемъ «*Тихій*», собственнымъ своимъ именемъ напоминаетъ ту древнѣйшую пору, когда русскіе славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ; сказаніе о смерти его, давшей имя рѣкѣ, роднитъ его съ богатырями стар-

¹) Древн. росс. стихотв., 85—101.—*Кирѣевскій*, III, 52—69.—*Рыбниковъ*, I, 182—197; II, 44—51; III, 96—103.

шими, но творчество совершенно почти забыло его древность и пріурочило ко временамъ Владимірова времени. Только лишь порою оно даетъ замѣтить, что онъ не исконный житель земли кіевской, что онъ явился со стороны, что онъ принадлежалъ, до появленія на Руси, и другимъ племенамъ славянскимъ» [1]. Другіе наши изслѣдователи говорятъ: «Народный нашъ эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Днѣпра и проч. не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индо-европейской миѳологіи, разсѣялись по рѣкамъ.... Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи» [2]. Наконецъ, третьи изслѣдователи говорятъ: «Дунай не похожъ на другихъ богатырей: очевидно пришлецъ изъ другихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то горделивой осанкой.... Удалой дружинникъ Дунай, прежде служившій разнымъ королямъ, остался наконецъ на службѣ у православнаго князя Владиміра, и самъ уже является православнымъ витяземъ» [3].

Посмотримъ, насколько все это справедливо: насколько тутъ есть «обще-славянскаго», иноземнаго, превращающагося въ «православное», и насколько въ этой былинѣ слѣдуетъ видѣть творчество славянскихъ племенъ въ созданіи богатырскихъ личностей изъ сказаній о славянской рѣкѣ.

Наша былина представляетъ рѣшительно ничѣмъ необъяснимую смѣсь грубости, нелѣпости и чудовищности. Какое значеніе имѣетъ эта стрѣльба въ цѣль, гдѣ спорятъ о своемъ искусствѣ мужъ и жена? Какой смыслъ можетъ имѣть это убійство жены мужемъ только за то, что она хвасталась? Что̀ такое означаетъ это вырѣзываніе младенца изъ утробы убитой матери? По какой причинѣ и для какой цѣли совершается это непостижимое варварство? Далѣе, когда въ матерней утробѣ найденъ младенецъ, то почему герой, вмѣсто того, чтобъ радоваться, что если уже убита мать, то по крайней мѣрѣ вышелъ на свѣтъ такой волшебный ребенокъ, — вмѣсто этого онъ вдругъ лишаетъ себя жизни? И наконецъ, почему ко всѣмъ этимъ чудовищнымъ дѣламъ при-

[1]) Замѣтка г. Безсонова къ III вып. Кирѣевскаго, стр. VI.

[2]) *Буслаевъ*, «Русскій богат. эпосъ»: Русск. Вѣст. 1862, II, 31—33.

[3]) Сочиненія К. Аксакова, I, 357.

цѣплено ни съ того ни съ сего сватовство князя Владиміра, которымъ начинается былина, и которое, однако же, не имѣетъ далѣе никакихъ послѣдствій? Все это необъяснимо въ нашей былинѣ, а между тѣмъ объясненіе, и очень удовлетворительное — есть.

Между созданіями восточной поэзіи есть нѣсколько такихъ, и притомъ очень древнихъ, гдѣ встрѣчаются разсказы, имѣющіе очень много сходства съ разсказомъ нашихъ пѣсенъ.

Гариванза разсказываетъ вотъ что:—«Брахма, въ своей высшей мудрости, сдѣлалъ царемъ надъ сѣменами и растеніями, брахманами и водами — Сому (бога луны). Сому торжественно посвятили въ цари этого могущественнаго владѣнія, и всѣ три міра наполнились его несравненнымъ свѣтомъ. Дакша, царь патріарховъ, отдалъ ему въ жены 27 своихъ дочерей. Окончивъ требуемое закономъ, послѣ восшествія на престолъ, жертвоприношеніе, Сома заблисталъ между царями, простирая свѣтъ свой на всѣ 10 странъ свѣта. Но едва онъ получилъ это трудное владычество, какъ его разсудокъ помрачился, пораженный гордостью. Онъ похитилъ преславную жену наставника боговъ, Вригаспати, именемъ Тару: напрасно боги и раджарши [1]) приходили упрашивать его, чтобъ онъ загладилъ это оскорбленіе — онъ на отрѣзъ отказался выдать назадъ Тару. Вригаспати пришелъ въ негодованіе отъ этого поступка и объявилъ ему войну. Узанасъ (правитель планеты «Венера») сталъ въ заднее войско Вригаспати: онъ былъ прежде его ученикомъ. Самъ богъ Рудра (Сива), изъ дружбы къ своему оскорбленному учителю, принялъ начальство надъ этимъ заднимъ войскомъ, и вооружился лукомъ своимъ, называемымъ «Аджагава». Онъ метнулъ противъ боговъ, сторонниковъ Сомы, страшную стрѣлу, называемую «Брахмасирасъ», которая низвергла всю ихъ гордость. Тогда произошелъ страшный бой изъ-за Тары, кровавый бой, одинаково гибельный и Дивамъ (свѣтлымъ богамъ) и Детіямъ (Асурамъ, темнымъ богамъ), и мірамъ. Уцѣлѣвшіе боги явились къ Брахмѣ, своему покровителю, верховному и вѣчному владыкѣ. Онъ остановилъ Узану и Рудру, и самъ отдалъ Тару ея мужу Вригаспати. Но Вригаспати замѣтилъ, что она беременна, и сказалъ ей:—«Чрево моей жены не должно носить въ себѣ этого плода!» Тогда онъ силою вырвалъ оттуда младенца, который долженъ былъ однажды быть грозенъ своимъ врагамъ: онъ блеснулъ тутъ подобно огню, павшему на пучки камыша. Едва только рожденный, онъ уже обладалъ всею красотой боговъ. Въ эту

---

[1]) Раджарши — мудрые цари, цари-ученые.

минуту Дивы (свѣтлые боги) спросили въ нерѣшимости Тару: —«Скажи правду, чей онъ сынъ, Сомы или Вригаспати?» На этотъ вопросъ боговъ, она не отвѣтила ничего удовлетворительнаго: самъ сынъ хотѣлъ наказать ее проклятіемъ, но Брахма остановилъ его, и спросилъ затрудненную жену: — «Тара, скажи правду: чей это сынъ?»—Почтительно поклонившись Брахмѣ, она отвѣчала богу, сыплющему на землю свои дары: «Онъ сынъ Сомы!» Тогда Сома, отецъ и покровитель созданій, обнялъ этого благороднаго сына, столь великаго и грознаго: «Вотъ Будда» (мудрецъ)! вскричалъ онъ, и этимъ именемъ сталъ зваться богъ, который долженъ былъ впослѣдствіи отличаться мудростью. Сома, пораженный пагубнымъ истощеніемъ, почувствовалъ убыль своихъ силъ, и его дискъ (мѣсяцъ) уменьшился. Онъ пошелъ къ Атри, своему отцу, просить его помощи и защиты. Атри, славный своимъ подвижничествомъ, избавилъ своего сына отъ наказанія за прегрѣшеніе, и Сома, воспріявъ снова силы, заблисталъ по прежнему во всемъ блескѣ своего величія» [1]).

Безъ сомнѣнія, въ промежуткѣ между этимъ астрономическимъ миѳомъ древней Индіи, содержащимъ исторію мѣсяца,— и нашимъ пересказомъ о Дунаѣ, улеглось, въ теченіе долгихъ столѣтій, много разныхъ другихъ пересказовъ, служившихъ переходными ступенями. Ихъ мы теперь, покуда, не знаемъ, и это большая потеря; но все-таки и извѣстный намъ нынѣ разсказъ «Гариванзы» явно былъ однимъ изъ прапредковъ нашей былины о Дунаѣ, и служитъ объясненіемъ многаго, что у насъ искажено и потому темно.

Двѣ наши королевишны, изъ которыхъ одна выходитъ за князя Владиміра, а другая за Дуная, это, въ первоначальномъ разсказѣ, жены одного и того же лица: первыя 27 женъ Сомы, уступленныя добровольно, это первая наша королевишна, уступленная добровольно; вторая его жена, Тара, взятая силой — это вторая наша королевишна, взятая силой. Но такъ какъ въ русской былинѣ, временъ христіанскихъ, не могло уже быть рѣчи о многоженствѣ, то у насъ первую королевишну отдали въ жены особому лицу, князю Владиміру, и изъ этого произошелъ, безъ сомнѣнія, весь эпизодъ о сватовствѣ этого князя. Ничего незначущая стрѣла, которую у насъ мечутъ Дунай и его жена, и которою, наконецъ, первый убиваетъ послѣднюю,—это божественная стрѣла, которую мечетъ богъ Рудра, защитникъ похищенной жены, Тары, въ мужа-похитителя, Сому. Выниманіе младенца изъ чрева матери не безцѣльно и не безпричинно: это возмути-

[1]) Harivansa, I, 113 — 115.

тельное варварство совершается, въ Гариванзѣ, мужемъ похищенной женщины — изъ ревности, потому что онъ предполагаетъ, что этотъ ребенокъ происходитъ не отъ него, а отъ похитителя. Наша пѣсня говоритъ только про то, чѣмъ *могъ бы быть* чудный новорожденный ребенокъ («богатырь, которому не будетъ сопротивника»), чего, однако же, потомъ вовсе не случилось; но разсказъ Гариванзы гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе: тутъ, въ этомъ чудномъ рожденіи, только начало дальнѣйшихъ подвиговъ и жизни героя, о которомъ разсказывается далѣе въ Гариванзѣ, и потому-то въ индѣйской поэмѣ тутъ и сказано, какъ и въ нашей пѣсни, но только съ резономъ: «Этотъ младенецъ долженъ былъ однажды быть грозенъ своимъ врагамъ». Въ нашей пѣсни говорится, что вынутый изъ матерней утробы младенецъ былъ «по колѣни ноженьки въ серебрѣ, по локоть рученьки въ золотѣ, по косицамъ звѣздушки, позади будто свѣтелъ мѣсяцъ, а спереди будто солнышко». Это не что иное, какъ только распространенное описаніе того же самаго, что выражено словами Гариванзы: «Онъ блеснулъ тутъ подобно огню, павшему на пучки камыша». Наконецъ, самоубійству Дуная и потомъ появленію его — какъ-бы возрожденію — въ видѣ быстрой, широкой и глубокой рѣки, этому всему вполнѣ соотвѣтствуетъ, въ Гариванзѣ, разсказъ о томъ, что богъ Сома, въ сознаніи своего грѣха, потерпѣлъ великое изнуреніе, потерю силъ, такъ что дискъ его умалился, но потомъ онъ снова получилъ всю свою силу и заблисталъ въ прежнемъ блескѣ и величіи. Замѣтимъ еще, что въ разсказѣ Гариванзы о Сомѣ есть также и повѣствованіе о томъ, что герой разсказа изливается, какъ нашъ Дунай, въ видѣ потока воды; но только это изложено не въ концѣ, а въ началѣ эпизода и не по случаю *смерти*, а по случаю *рожденія* героя. «Добродѣтельный Атри (отецъ Сомы), въ теченіе 3000 лѣтъ предаваясь всѣмъ истязаніямъ подвижничества, стоялъ съ неподвижно устремленными глазами, тутъ однажды тѣло его произвело вещество Сомы: это вещество поднялось до его головы, и подъ видомъ воднаго потока потекло изъ его глазъ» [1]. Это объясняетъ очень удовлетворительно причину обращенія нашего героя въ воду: чѣмъ онъ первоначально родился, въ то впослѣдствіи и обратился.

Мы сравнили здѣсь русскій разсказъ о рѣкѣ съ индѣйскимъ разсказомъ о Мѣсяцѣ. Но у насъ есть подъ руками еще другой разсказъ — легенда объ Огнѣ — который еще древнѣе разсказа Гариванзы, и, во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ еще бо-

---

[1]) Harivansa, I, 112.

лѣе точекъ соприкосновенія съ нашей былиной. Въ Магабгаратѣ разсказывается слѣдующее.—У мудреца-отшельника Бхригу была возлюбленная супруга Пулома. Она однажды забеременила. Вотъ разъ, когда мужъ ея вышелъ изъ дому для священныхъ омовеній — Ракшазъ (демонъ) Пуломанъ явился у дверей ихъ скита, и, увидавъ Пулому, влюбился въ нее до безумія. «Она принадлежитъ мнѣ!» сказалъ онъ, полный желанія похитить ее, и тутъ вдругъ вспомнилъ, что онъ сватался за нее раньше Бхригу, но отецъ ея выдалъ ее за Бхригу. Это оскорбленіе на вѣкъ осталось въ его сердцѣ. Онъ спросилъ у Агни (бога Огня): точно ли это прежняя его невѣста; тотъ отвѣчалъ, что да. — Тогда Пуломанъ превратился въ кабана, и съ быстротою вѣтра унесъ Пулому. Беременная мать пришла отъ этого въ такое негодованіе, что зародышъ выпалъ у нея изъ чрева, и ему дали поэтому имя: *Чіавана,* т. е. «выпавшій». Увидавъ это, демонъ бросилъ свою добычу, и самъ палъ, превращенный въ пепелъ. Между тѣмъ красавица Пулома подняла свой зародышъ и, въ отчаяньи и вся въ слезахъ, пошла домой. Гдѣ она прошла, тамъ капли ея слезъ превратились въ рѣку, которая протекла отъ того мѣста къ скиту ея мужа. Увидавъ эту рѣку, Брахма назвалъ ее «*рѣкою жены*». Узнавъ все дѣло, Бхригу проклялъ Агни, и огонь исчезъ изъ міра. Но такъ какъ отъ этого происходилъ неимовѣрный вредъ всѣмъ существамъ, то Брахма, по ихъ просьбѣ, велѣлъ Агни снова воротиться къ его дѣятельности [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Магабгараты есть еще разсказъ о томъ же, въ очень сокращенномъ видѣ, но съ прибавленіемъ одной новой, очень важной, подробности, которой не было въ предыдущемъ разсказѣ. У знаменитаго въ индѣйскихъ поэмахъ богатыря Арджуны былъ сынъ Абхиманіу; онъ женился на Уттарѣ. Она сдѣлалась матерью зародыша, умершаго до рожденья. Кунти (мать Арджуны, т. е. прабабка этого младенца-эмбріона), приняла этого младенца, по приказанію мудреца Васудевы, который сказалъ: «Я возвращу жизнь этому шестимѣсячному зародышу!» Этотъ младенецъ, рожденный раньше срока, и сожженный огненною стрѣлою еще въ утробѣ матери, сталъ теперь жить собственною жизнью, благодаря обожаемому Васудевѣ, который при этомъ сказалъ: «Онъ родился послѣ погибели своего семейства — *Парикшинай Кулай*—то пусть ему имя будетъ: *Парикшитъ*» [2]).

---

[1]) *Fauche,* Le Mahabharata, I, 94 — 101.

[2]) *Fauche,* Le Mahabharata, I, 410.

Эти два разсказа Магабгараты хотя и относятся, повидимому, къ совершенно разнымъ личностямъ, но излагаютъ въ сущности одну и ту же легенду, пополняютъ одинъ другой (какъ это часто мы находимъ въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ и другихъ восточныхъ поэмахъ). Центральный пунктъ каждой изъ нихъ, а вмѣстѣ и пунктъ ихъ обоюднаго соприкосновенія — это разсказъ объ эмбріонѣ, недоношенномъ матерью. Частныя подробности при этомъ разныя, но сущность одна и таже. Въ первомъ разсказѣ, эмбріонъ вышелъ изъ чрева матери, потому что мать приведена была въ сильное негодованіе любострастнымъ преслѣдованіемъ; во второмъ, эмбріонъ вышелъ изъ матери, потому что его поразила (по невысказанной тутъ причинѣ) огненная стрѣла. Но ясно, что стихія Огня въ обоихъ разсказахъ является коренною причиной погибели: въ первомъ, «богъ Агни» помогаетъ тутъ Пуломану, и въ такой сильной мѣрѣ, что потомъ подвергается проклятію, но самъ Пуломанъ падаетъ «испепеленный»; во второмъ, уже прямо говорится объ «огненной стрѣлѣ».

Теперь, если мы возьмемъ эти совокупленные и пополняющіе одинъ другого, разсказы Магабгараты, то безъ труда увидимъ, что ихъ содержаніе тоже самое, что въ легендѣ Гариванзы и въ русской былинѣ. Миѳическій стихійный герой (Пуломанъ, Сома, Дунай) силою похищаетъ себѣ жену (Пулому, Тару, Настасью или Днѣпру-королевишну); «огненная стрѣла» поражаетъ одного изъ родителей (въ Магабгаратѣ — мать, въ Гариванзѣ — отца, въ русской былинѣ — мать), и послѣ того младенецъ-эмбріонъ силою исторгается изъ чрева матери. Горесть родителей дѣлается причиною происхожденія на свѣтъ рѣки (въ Магабгаратѣ — рѣка эта образуется изъ слезъ матери, въ Гариванзѣ — изъ слезъ отца, въ русской былинѣ — изъ крови отца и матери). Младенецъ этотъ также заключаетъ въ себѣ стихію огненную (въ Гариванзѣ онъ блеститъ и сіяетъ, въ нашей былинѣ — онъ золотой и серебрянный, и сіяетъ какъ соединенные вмѣстѣ солнце, луна и звѣзды). Похититель же (Пуломанъ и его соучастникъ Агни, Сома, Дунай) наказывается смертью.

Все вмѣстѣ — явно космическій, стихійный миѳъ древней Азіи. Сама Магабгарата называетъ его «древнею легендою» и говоритъ, что содержаніе ея: смерть Огня и рожденіе 6-мѣсячнаго эмбріона [1]), т. е. разсказъ о помертвѣніи природы, вслѣд-

[1]) Въ индѣйской поэмѣ «Бхагавата-Пурана» разсказывается тоже самое, что во второмъ эпизодѣ Магабгараты, но «огненная стрѣла» здѣсь названа «Брахмасирасъ», т. е. это таже самая стрѣла, о которой говоритъ Гариванза (Le Bhagavata Purana, trad. par *E. Burnouf*. Paris, 1840, I, 111).

ствіе наступленія Зимы, и потомъ воскресеніе ея, вслѣдствіе нарожденія Солнца и Весны. Такимъ образомъ, вся чудовищность разсказа исчезаетъ, и остается содержаніе вполнѣ простое и естественное. На первый взглядъ кажется, будто въ Гариванзѣ произошли значительныя измѣненія, даже искаженія: главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не Огонь, а Мѣсяцъ; но въ результатѣ разницы нѣтъ. Царство Мѣсяца продолжается здѣсь надъ всею природою, до тѣхъ поръ, пока нарождается новое царство — царство Солнца. — Въ нашей же былинѣ находимъ уже дѣйствительныя искаженія и смѣшенія: нѣтъ болѣе двухъ отдѣльныхъ личностей, мужа похищаемой женщины (Бхригу, Вригаспати) и похитителя ея (Пуломанъ, Сома). Оба они слились, у насъ, въ лицѣ одного и того же Дуная, подобно тому, какъ такія слитія мы замѣчали во многихъ другихъ нашихъ былинахъ, и это слитіе вмѣстѣ съ другими, искаженными же подробностями, придаетъ странный и чудовищный видъ всей былинѣ.

Въ разсказахъ Магабгараты и Гариванзы мы встрѣчаемъ древнѣйшую, намъ доступную брахманскую форму настоящаго сказанія. Буддійскихъ формъ, составлявшихъ переходъ отъ нея къ нашей былинѣ — я указать, пока, не могу. Но, за недостаткомъ ихъ я приведу здѣсь еще одинъ разсказъ, который хотя и принадлежитъ брахманскому періоду, но значительно уступаетъ въ древности пересказамъ обѣихъ индѣйскихъ поэмъ. Это — одна сказка изъ сборника Сомадевы, гдѣ первоначальная основа затемнена множествомъ новыхъ вставокъ и подробностей, а все-таки остается таже; сверхъ того, иное уже нѣсколько болѣе сближается съ нашимъ русскимъ пересказомъ.

Брахманъ Сактидева попадаетъ на островъ, котораго владыка — царь рыболововъ. Его тамъ хватаютъ, сажаютъ въ тюрьму, хотятъ казнить, но въ него влюбилась царская дочь, царевна Виндумати: она идетъ и спасаетъ его, а онъ, по ея требованію, женится на ней. Впослѣдствіи, преслѣдуя однажды кабана великанскаго роста, наносящаго великій вредъ ихъ землѣ, Сактидева ранитъ его стрѣлой, и тотъ скрывается въ пещеру. Сактидева бросается за нимъ туда-же, и вдругъ видитъ великолѣпную рощу, съ дворцомъ по срединѣ. Тутъ къ нему выходитъ дѣвица чудесной красоты: она, вся оторопѣлая, быстро шла къ нему. Онъ спросилъ ее: — Дѣвица-красавица, кто ты такая, и чего ты испугалась? — Она отвѣчала: — Царь Чандавикрама — владыка надъ южными странами, и я его дочь; зовутъ меня: Виндурекха. Я счастливо жила дѣвушкой въ отцовскомъ домѣ, вдругъ этотъ презрѣнный демонъ съ огненными глазами похитилъ меня оттуда и принесъ сюда. Чтобы достать себѣ мяса на ѣду, онъ оборо-

тился сегодня кабаномъ и ушелъ изъ этого дворца, но какой-то сильный богатырь ранилъ его. Только что его ударила стрѣла, онъ воротился сюда и вотъ только что испустилъ духъ. Тогда я выбѣжала изъ дворца, чтобъ спастись бѣгствомъ, такъ какъ онъ еще не лишилъ меня невинности. — Сактидева отвѣчалъ: —Чего-же ты боишься? Вѣдь я убилъ кабана, царевна.—Она продолжала спрашивать:—Но скажи мнѣ, кто ты таковъ?—Я брахманъ, а зовутъ меня Сактидева, отвѣчалъ богатырь. — Тогда дѣвушка воскликнула:—Будь-же ты моимъ покровителемъ и мужемъ.—Сактидева согласился, вывелъ дѣвицу изъ пещеры, повезъ ее въ свое жилище, и тамъ все разсказалъ первой своей женѣ Виндумати. Эта согласилась на предложеніе дѣвицы, и Сактидева женился на красавицѣ Виндурекхѣ. Теперь у Сактидевы было двѣ жены, но только одна изъ нихъ забеременила, Виндурекха. Когда пришелъ восьмой мѣсяцъ ея беременности, первая жена Сактидевы, Виндумати, пришла къ нему и сказала: — А помнишь, богатырь, что ты мнѣ прежде обѣщалъ? Вотъ пришелъ восьмой мѣсяцъ беременности твоей второй жены: такъ поди же, разрѣжь ей животъ и вырви оттуда ребенка, потому что надо исполнять данное слово. Сактидева, полный любви и состраданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ связанный клятвой, ничего не былъ въ состояніи ей отвѣтить; глубоко огорченный, онъ вышелъ изъ комнаты, и пошелъ къ Виндурекхѣ. Эта, увидавъ, что онъ идетъ къ ней въ болѣзненномъ волненіи, сказала ему:—Что ты это такой печальный нынче, муженекъ? Впрочемъ, я знаю: Виндумати велѣла тебѣ умертвить моего ребенка. Ты непремѣнно долженъ это исполнить, потому что на то есть тайная причина; ты ни минуты не долженъ задумываться, не давай себѣ сожалѣть.—Не смотря на эти слова, Сактидева все-таки боялся согрѣшить, вдругъ раздался съ неба голосъ:—О Сактидева, безъ всякаго состраданія вырывай младенца изъ ея чрева; въ то мгновеніе, когда ты его возьмешь за шею, онъ превратится въ мечъ.—Услыхавъ этотъ небесный голосъ, Сактидева разрѣзалъ Виндурекхѣ животъ, быстро вырвалъ оттуда младенца и взялъ его за шею. Но едва онъ его тронулъ, младенецъ превратился въ мечъ. Въ тоже мгновеніе брахманъ Сактидева превратился въ Видіадхара (духа), а Виндурекха исчезла. «Скоро потомъ Сактидева узнаетъ, что совершенное имъ дѣйствіе сняло проклятіе съ двухъ женъ его, рожденныхъ дочерьми царя Видіадхаровъ, и разсказъ кончается тѣмъ, что Сактидева получаетъ отъ этого царя санъ царя Видіадхаровъ и поселяется съ женами въ Золотомъ городѣ [1]).

---

[1]) *Brockhaus*, Katha-Sarit-Sagara, 153—157.

Сходство съ нашею былиною заключается здѣсь въ слѣдующихъ подробностяхъ. Оба женскія дѣйствующія лица — не замужнія женщины, а дѣвицы, сестры и притомъ царевны, тогда какъ мужъ ихъ — простой богатырь (выше было уже сказано, что не обѣ онѣ выходятъ за-мужъ за Дуная по невозможности у насъ *многоженства* въ христіанскую эпоху, такъ что, въ этомъ мѣстѣ сдѣлалось необходимо подставное лицо, какъ особый мужъ для одной изъ царевенъ). Наша Настасья королевишна, въ самомъ началѣ разсказа, спасаетъ Дуная отъ казни, когда онъ находился во владѣніяхъ у ея отца: такъ точно, въ самомъ началѣ разсказа Сомадевы, царевна Виндумати спасаетъ Сактидеву отъ казни, когда онъ находился во владѣніяхъ у ея отца, царя рыболововъ. Въ нашей былинѣ, первая королевишна сама бросается къ Дунаю «хочетъ Дуная въ уста цѣловать», но онъ отказывается и отдаетъ ее князю Владиміру: это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что Виндумати сама предложила себя въ жены Сактидевѣ. Вторая королевишна также сама идетъ въ жены Дунаю послѣ того, какъ онъ ее побѣдилъ: это, какъ и все изложенное до сихъ поръ, вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу Сомадевы, гдѣ Виндурекха идетъ за-мужъ за Сактидеву, послѣ того, какъ онъ побѣдилъ демона. Здѣсь надо замѣтить, что въ лицѣ этой самой второй королевишны у насъ соединяются: демонъ, оборотившійся великанскимъ кабаномъ и царевна Виндурекха. По этой-то причинѣ мы и находимъ, что въ нашей былинѣ, Дунай повстрѣчался въ полѣ съ великаномъ-богатыремъ («богатырь, какъ сѣнна куча», «татаринъ»), и этотъ великанъ-богатырь оказывается потомъ женщиной.—Въ Гариванзѣ упомянуто вскользь про первыхъ 27 женъ похитителя, и потомъ о нихъ уже больше нѣтъ рѣчи. Въ Магабгаратѣ нѣтъ ничего имъ соотвѣтствующаго. Въ сказкѣ же Сомадевы этимъ 27-ми первымъ женамъ соотвѣтствуетъ первая жена Сактидевы, Виндумати, родная сестра второй жены, и она является тутъ для очень существенной роли: она именно и есть причина послѣдующихъ событій — разрѣзыванія живота второй сестрѣ, Виндурекхѣ. Въ нашей былинѣ первая жена героя также приходится сестрой — второй его женѣ, и очень можетъ быть, что зависимость главнаго событія отъ первой жены, — подробность до сихъ поръ намъ не встрѣчавшаяся въ русскихъ былинахъ, еще когда-нибудь въ нихъ окажется. Послѣ вынутія ребенка изъ чрева матери, и въ сказкѣ Сомадевы и въ нашей былинѣ, отецъ—герой разсказа, сейчасъ же перестаетъ быть *человѣкомъ:* у Сомадевы онъ превращается въ духа, у насъ — въ рѣку. Мать же, въ сказкѣ Сомадевы — исчезаетъ, а у насъ умираетъ.

Итакъ, при всемъ недостаткѣ буддійскихъ и вообще позднѣйшихъ редакцій, мы все-таки видимъ, какъ легенда, первоначально космическая и стихійная, стала превращаться въ легенду богатырскую, и какъ изъ нея мало по малу началъ исчезать ея первоначальный смыслъ и содержаніе, такъ что, дойдя до насъ черезъ длинную цѣпь вѣковъ, эта легенда, первоначально простая и многозначительная, превратилась во что̀-то совершенно безсмысленное и чудовищное.

Общеславянскаго и русскаго тутъ, кажется, только и есть, что собственныя имена: ни славянскія, ни русскія рѣки не играютъ здѣсь ровно никакой роли.

Кстати будетъ замѣтить здѣсь, кончая разборъ былины, что выниманіе ребенка изъ утробы матери было въ поэзіи древней Азіи вообще мотивомъ довольно обыкновеннымъ. Мы его иногда встрѣчаемъ и въ литературныхъ произведеніяхъ буддійской эпохи. Такъ, напримѣръ, въ монгольской поэмѣ, носящей названіе «*Малый Гессеръ-Ханъ*» и существующей у калмыковъ, разсказывается, что, послѣ побѣды надъ 15-ти головымъ Мангушемъ (злымъ духомъ), богатыри Сесе-Шикеръ и Нансонгъ заспорили, кому должна принадлежать его жена, и Гессеръ-Ханъ кончилъ разомъ ихъ споръ, отрубивъ этой женщинѣ голову; потомъ Сесе-Шикеръ разрѣзалъ ей мечомъ животъ, и они всѣ тамъ увидали 9-ти-мѣсячнаго мальчика Шумну (злого духа). Тогда Сесе сказалъ: «Вотъ сколько бѣдъ надѣлалъ бы этотъ!» И они взяли и сожгли его, а съ нимъ и весь ихъ городъ, а народъ увели въ плѣнъ [1].

Но часто можно видѣть въ этомъ самомъ мотивѣ не что иное, какъ операцію при трудныхъ родахъ. Такъ, наприм., царица Адрисіанти, долго не будучи въ состояніи разрѣшиться отъ бремени, «велѣла разрѣзать себѣ животъ камнемъ»; и тогда родила царя Асмаку [2]. Но самый значительный и подробный тому примѣръ мы находимъ въ Шахъ-Намэ. Царица Рудабэ, мать Рустема, долго не могла разрѣшиться отъ бремени и сильно мучилась. Тогда отцу Рустемову, Залу, явилась волшебная птица Симургъ, всегда покровительствовавшая ему, и сказала:—«Принеси блестящій кинжалъ и приведи мудреца, искуснаго въ чародѣйствахъ. Ты сначала напой виномъ Рудабэ, чтобъ избавить ея душу отъ страха и сознанія; потомъ, пускай мудрецъ производитъ свое чародѣйство, чтобъ высвободить львенка изъ темницы. Онъ пронзитъ тѣло кипариса (Рудабэ) подъ ребрами, безъ всякой боли для нея; онъ вынетъ львенка и обольетъ кровью

[1] *Bergmann*, Nomadische Streifereien. Riga, 1804, III, 277-279.

[2] *Fauche*, Mahabharata, II, 124.

весь бокъ матери, потомъ ты долженъ зашить прорѣзанное мѣсто, и тогда тебѣ нечего больше бояться и безпокоиться. Натри потомъ травы, которую я тебѣ укажу, съ молокомъ и мускусомъ, высуши все это въ тѣни, и помажь рану — больная тотчасъ выздоровѣетъ». Такъ родился Рустемъ [1]).

Наконецъ, что касается до младенцевъ, на половину золотыхъ, на половину серебрянныхъ, то мы очень часто встрѣчаемъ ихъ въ буддійскихъ поэмахъ и пѣсняхъ [2]).

X.

ВАНЬКА ВДОВКИНЪ-СЫНЪ.

Содержаніе единственной, до сихъ поръ извѣстной, былины о Ванькѣ, слѣдующее. — Приходитъ Ванька Вдовкинъ-сынъ къ царю Волшану Волшанскому свататься за его дочь, Марью Волшановну, и предлагаетъ ему биться объ закладъ вотъ какимъ образомъ: «Стану я, говоритъ онъ, обряжаться (прятаться) — не обряжусь я, сѣки мою буйную головушку, а обряжусь — отдавай за меня свою дочь за-мужъ». Они ударились объ закладъ. Всталъ утромъ рано Ванька, умылся, помолился Николѣ Можайскому, пресвятой Богородицѣ и самому Христу царю небесному: «Вы храните меня, милуйте», — потомъ обрядился горностаемъ, махнулъ въ подворотенку, пришелъ въ палату царскую, къ Марьѣ Волшановнѣ, обернулся тамъ добрымъ молодцомъ, цѣлуетъ ее, съ нею прощается: «Прощай, свѣтъ, моя любезная, смогу-ли я обрядиться»! — потомъ опять обернулся горностаемъ, махнулъ въ подворотенку, пошелъ-поскакалъ по чисту полю, проскакалъ тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ, зашелъ за единый вязъ, и сидитъ тамъ. Встаетъ утромъ ранешенько царь Волшанъ Волшановичъ, беретъ въ руки книгу волшанскую, и та ему волхвуетъ и разсказываетъ все, что̀ сдѣлалъ Ванька Вдовкинъ-сынъ. Тогда проговорилъ царь Волшанъ: «Подите, слуги, и возьмите его!» Тѣ идутъ и приводятъ Ваньку къ царю. Ванька проситъ его смиловаться, и предлагаетъ ему снова биться объ закладъ. Они бьются во второй разъ объ закладъ, происходитъ повтореніе всего предъидущаго, наконецъ, они бьются объ закладъ и въ третій разъ. Ванька, снова помолившись Николѣ Можайскому, пресвятой Богородицѣ и самому Христу царю не-

---

[1]) Mohl, I. 351.

[2]) Наприм. *Radloff*, Proben, I, 62. — *Schiefner*, Heldensagen, 106.

бесному, и снова обернувшись горностаемъ, опять проскакалъ по-полю тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ, выскочилъ у синя моря на крутой бережокъ и прискакалъ къ сырому дубу. Сидятъ тутъ на дубу дѣти Могуль-птицы, всѣ они перезябли, перемокли, перехододнули. Ванька скидаетъ съ себя цвѣтной кафтанъ и покрываетъ ихъ. Налетѣла тутъ Могуль-птица, разинула ротину и хочетъ проглотить Ваньку, но дѣтеныши разсказываютъ ей, кàкъ онъ ихъ прикрылъ отъ холода, не то-бы ихъ ни одного и въ живыхъ-то не было. Могуль-птица распрашиваетъ Ваньку, за чѣмъ онъ сюда зашелъ? Ванька разсказываетъ, и проситъ научить: кàкъ бы ему обрядиться отъ царя Волшана? И вырвала тутъ птица изъ праваго крыла своего три пера, беретъ огнивце и даетъ Ванькѣ: «Поди ты, Ванька, говоритъ она, къ царю въ палату, и помажь моими перышками царя Волшана Волшановича, а самъ выговаривай: «Помазую я, заклинаю я всѣ твои книги волшанскія, и всѣ твои слова проклятыя». Еще сѣки ты огнивце птичье надъ верхомъ царя Волшана, а самъ выговаривай: «Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшанскія, чтобъ та книга не волхвовала, не просказывала про меня, про добра молодца», и потомъ обрядись подъ кроват его, и тогда не найти ему тебя, добра молодца. — Побѣжалъ Ванька горностаемъ, и сдѣлалъ все, какъ велѣла Могуль-птица. Встаетъ утромъ царь Волшанъ, беретъ въ руки книгу волшанскую, и та ему и на этотъ разъ разсказываетъ все, чтò было съ Ванькой, и кàкъ онъ теперь вошелъ въ палату, только гдѣ онъ спрятался — того-то она и не знаетъ. Посылаетъ царь своихъ слугъ искать Ваньку: тѣ искали, искали, не могли найти. Разгорѣлось сердце царское: онъ взялъ книгу волшанскую и бросилъ ее въ растопленную печь. — «Ну, говоритъ онъ, обрядился ты отъ меня, Ванька Вдовкинъ-сынъ, выдаю за тебя любезную дочь». Тутъ выскочилъ изъ-подъ кровати царской Ванька, и царь выдалъ за него свою дочь. А какъ преставился потомъ Волшанъ Волшановичъ, посадили Ваньку на мѣсто царское, и началъ Ванька царствовать [1]).

Наши изслѣдователи высказывались объ этой пѣсни такимъ образомъ, что она «становится въ рядъ древнѣйшихъ русскихъ преданій, на ступени еще обще-славянской и до-христіанской [2]). «Событія здѣсь взяты по ту сторону сложившагося міра-народа русскаго, не только въ язычествѣ, въ колебаніи стихійнаго вѣросознанія и кочевого быта, но даже при самомъ еще началѣ всего этого. Ванька Вдовкинъ-сынъ представитель Руси, еще

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 443 — 452.

[2]) Замѣтка г. Безсонова, при I-й части Рыбникова, стр. V.

не обособившейся отъ славянскаго племени, и едва выдѣляющейся отъ другихъ племенъ, представляется сыномъ вдовьимъ, т. е. сиротой меньшимъ и слабѣйшимъ въ семьѣ раздѣляющихся народовъ; онъ служитъ существу, въ которомъ видите древнѣйшаго, первобытнаго бога, — царю Волшану, котораго имя однокоренно и однозначуще съ «волхвомъ» и «волшебствомъ» [1]).

Съ своей стороны, постараемся и мы тоже вникнуть въ содержаніе и значеніе настоящей былины.

При первомъ взглядѣ, многія ея подробности кажутся довольно странными, необъяснимыми. Что̀ такое значитъ, напр., основной мотивъ: прятаніе главнаго дѣйствующаго лица? Конечно, понятенъ тотъ мотивъ, нерѣдко встрѣчающійся въ пѣсняхъ и поэмахъ у очень многихъ народовъ, что дѣвицу выдаютъ замужъ за того, кто превзошелъ всѣхъ соперниковъ храбростью, ловкостью, мужествомъ, умѣньемъ, кто совершилъ самые трудные, иногда сверхъестественные подвиги, наконецъ, кто отгадалъ трудныя загадки (это послѣднее условіе имѣетъ значеніе религіозное); но нигдѣ не встрѣчали мы такого страннаго мотива, чтобы дѣвушку отдавали замужъ за того, кто умѣетъ хорошо играть въ прятки, и притомъ въ такія прятки, изъ-за которыхъ женихъ можетъ лишиться жизни. Точно также, совершенно непонятны нѣкоторыя подробности нашей былины: такъ, наприм., хоть бы та, что Ванька поскакалъ черезъ тридевять вязовъ, черезъ тридевять *«цвѣтовъ»*. Что̀ это за цвѣты или цвѣта? Пѣсня того не объясняетъ.

Но объясняютъ все это и вполнѣ дѣлаютъ понятнымъ восточные источники. Сличая съ ними нашу былину, находимъ, что она отъ нихъ происходитъ, и что̀ многое въ ней является темнымъ и страннымъ только потому, что тѣ или другія части первоначальныхъ оригиналовъ измѣнились, при переходѣ къ намъ, а другія выпущены или сокращены.

Наша былина о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, заключаетъ разсказъ о тѣхъ самыхъ событіяхъ, которыя образуютъ 4-ю главу восточно-азіятской поэмы «Гессеръ-Ханъ». Жену этого богатыря, по имени Тюмень-Джиргалангъ, похитилъ и держитъ у себя силой 12-ти-головый великанъ-волшебникъ. Гессеръ-Ханъ ѣдетъ освобождать ее. Прежде всего онъ поднимается на вершину высокой горы, и тутъ обращается къ тремъ духамъ, родившимся отъ одной съ нимъ матери: «О вы, мои родные, скажите, по какому направленію мнѣ ѣхать? Къ вамъ обращаюсь я съ моею мольбой!» Послѣ такого призыва, явились эти три духа Гессеръ-Хану въ видѣ

---

[1]) Замѣтка его же, при III-мъ вып. Кирѣевскаго, стр. XVI, XIX.

птицы кукушки, указали ему путь на востокъ, и предварили объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Тутъ начинаются похожденія Гессеръ-Хана. Сначала ему встрѣчается колоссальный волъ, который правымъ рогомъ касается неба, а лѣвымъ земли: это одно изъ превращеній 12-ти-головаго волшебника-великана. Гессеръ-Ханъ не можетъ его догнать на своемъ конѣ, и понапрасну разстрѣливаетъ въ него всѣ свои 30 бѣлыхъ стрѣлъ съ бирюзой. Тогда, въ своемъ отчаяньи, онъ снова обращается къ тремъ духамъ-покровителямъ, они снова являются ему въ видѣ кукушки, вручаютъ 30 бѣлыхъ его стрѣлъ съ бирюзой, и велятъ ему ѣхать дальше. Но, во время сна Гессеръ-Ханова, подкрадывается колоссальный волъ и слизываетъ гриву и хвостъ у богатырскаго коня, и перья у богатырскихъ стрѣлъ. Гессеръ-Ханъ призываетъ трехъ духовъ, и они все исправляютъ ему по прежнему, и вслѣдъ за тѣмъ, Гессеръ-Ханъ убиваетъ вола стрѣлой. Потомъ онъ благополучно перебирается черезъ волшебную рѣку и разступившіяся скалы, гдѣ долженъ былъ погибнуть и, наконецъ, вступаетъ во владѣніе 12-ти-головаго великана. Тутъ живутъ на скалахъ народы разныхъ цвѣтовъ: сначала *бѣлый*, потомъ *пестрый*, потомъ *желтый*, потомъ *синій*, наконецъ, *черный*. Это все дѣти боговъ, силой захваченныя великаномъ. Гессеръ-Ханъ поочередно подъѣзжаетъ къ скалѣ, принимаетъ цвѣтъ живущаго тутъ народа и обѣщаетъ божьимъ дѣтямъ освободить ихъ изъ неволи. Божьи дѣти каждой скалы съ радостью принимаютъ это извѣстіе, посылаютъ всякій разъ Гессеръ-Хана къ божьимъ дѣтямъ слѣдующей скалы, и предваряютъ о грозящихъ ему на пути опасностяхъ: одинъ изъ дѣтей даетъ ему кристаллъ со своей груди, свѣтящійся какъ огонь — онъ будетъ свѣтить богатырю въ дорогѣ. Гессеръ скачетъ далѣе, переѣзжаетъ три рѣки: *бѣлую*, *жолтую* и *черную*, и, принявъ на себя видъ нищаго, на паршивой лошаденкѣ пріѣзжаетъ къ огромному дереву. Дерево это выпускаетъ изъ себя мечи и рубитъ ими всякаго, кто подступится: это дерево не что иное, какъ еще одно изъ превращеній великана. Гессеръ-Ханъ отпускаетъ своего коня въ небо, превращаетъ свой богатырскій мечъ въ клюку, свое вооруженіе въ нищенскую одежду, и въ такомъ видѣ садится подъ деревомъ, будто бы для того, чтобъ выкопать себѣ кореньевъ на ѣду; обманувъ такимъ образомъ волшебное дерево, онъ мало-по-малу подрѣзываетъ у него всѣ корни и оно падаетъ. Тогда онъ хватаетъ свой мечъ, рубитъ дерево на куски и сожигаетъ его. Такимъ образомъ разрушены два изъ числа главнѣйшихъ превращеній великана. У него отъ этого сильно заболѣваетъ голова. Чтобъ освѣжить себя, великанъ купается въ морѣ

и потомъ засыпаетъ. Во время его сна, Гессеръ-Ханъ оборачивается копчикомъ, и когтями своими садится на лѣвый глазъ великану; тотъ просыпается, хочетъ поймать копчика, но Гессеръ-Ханъ летитъ на вершину горы, и превращается тамъ въ крошечнаго бѣгающаго человѣчка; потомъ, когда великанъ хочетъ схватить его и въ этомъ видѣ, онъ снова оборачивается копчикомъ, летитъ къ морю, и опять оборачивается крошечнымъ человѣчкомъ: является и сюда великанъ. Гессеръ-Ханъ третьимъ разомъ оборачивается копчикомъ и окончательно улетаетъ. Великанъ возвращается домой, жалуется женѣ на головную боль, причины которой онъ никакъ не можетъ понять, разсказываетъ все случившееся, и спрашиваетъ:—Ужъ нѣтъ-ли гдѣ здѣсь Гессеръ-Хана, и все это *онъ* наноситъ ему вредъ? Но жена отвѣчаетъ, что нѣтъ, и успокоиваетъ его. На другое утро, когда великанъ ушелъ на охоту, Гессеръ-Ханъ на своемъ волшебномъ конѣ перескакиваетъ по воздуху въ зàмокъ: иначе онъ не можетъ туда попасть, не найдя входа; отпускаетъ своего коня въ небо, а самъ, въ видѣ нищаго съ клюкой, слѣпого на одинъ глазъ, входитъ въ зàмокъ, и Тюмень-Джиргалангъ тотчасъ же узнаетъ его по голосу. Она въ радости бросается его обнимать, но онъ останавливаетъ ее и велитъ разсказать себѣ всѣ привычки и волшебныя тайны великана; онъ держитъ въ головѣ намѣреніе биться съ нимъ не на животъ, а на смерть, чтобъ выручить ее. Но она ничего не можетъ разсказать, сама ничего не знаетъ, великанъ весь день держитъ ее въ заперти, пока самъ бываетъ на охотѣ. Тогда Гессеръ-Ханъ рѣшается спрятаться, для того, чтобъ Тюмень-Джиргалангъ въ его присутствіи вызнала всѣ тайны у великана. Оба они вмѣстѣ вырываютъ яму въ 7 саженъ глубины. Гессеръ-Ханъ влѣзаетъ туда, яму закладываютъ сначала бѣлой каменной плитой, сверху ея кладутъ бумажное одѣяло, раскрашенное священными изрѣченіями, на него насыпаютъ тонкій слой земли, потомъ набрасываютъ еще выше зеленую траву; наконецъ, поверхъ всего, становятъ котелъ съ водой, и вокругъ него раскидываютъ птичьи перья. Вечеромъ, великанъ возвращается домой и по нѣкоторымъ волшебнымъ признакамъ начинаетъ подозрѣвать, что безъ него произошло чтò-то недоброе, что тутъ есть врагъ. «Давай сюда скорѣе мои волхвующія красныя нитки, кричитъ онъ женѣ. Только смотри, чтобъ онѣ не попали промежъ женскихъ ногъ или подъ собачью голову, не то онѣ правды не скажутъ; да поднеси ихъ мнѣ съ правой стороны.» Тюмень-Джиргалангъ старается успокоить великана, увѣряетъ его въ своей преданности, но дѣлаетъ съ красными волхвующими нитками именно все, чтò великанъ за-

претилъ, т. е. все то, что дѣлаетъ прорицанія ихъ невѣрными. Наконецъ, она подаетъ нитки великану, и тотъ, сидя на своемъ зеленомъ лошакѣ, принимается разсматривать ихъ. «Бѣда, бѣда! кричитъ онъ, разсмотрѣвъ нитки—Гессеръ-Ханъ здѣсь, онъ спрятанъ подъ моимъ очагомъ, и накрытъ бѣлой каменной плитой, сверху насыпана черная земля!» Тюмень-Джиргалангъ снова успокоиваетъ его, и увѣряетъ, что всѣ его подозрѣнія напрасны. Тогда великанъ разсматриваетъ послѣднюю, еще не разсмотрѣнную волхвующую нитку и говоритъ: «Гессеръ-Ханъ умеръ; онъ лежитъ въ черной землѣ, подъ бѣлой каменной плитой, осыпанной бѣлымъ снѣгомъ. Съ тѣхъ поръ, что онъ похороненъ въ землѣ, высохшая трава свалилась, и выросла свѣжая зеленая трава. Есть большое Мѣдное море, у него на берегу всѣ птицы моютъ свои перья; надъ ними сидятъ сороки и вороны и смѣются надъ Гессеръ-Ханомъ. Ужъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, что онъ умеръ.» Послѣ того великанъ сошелъ со своего лошака. Тюмень-Джиргалангъ ласкается къ нему, и, вывѣдавъ тайну всѣхъ волшебныхъ его превращеній и средство убить его, передаетъ все это Гессеръ-Хану, а тотъ сейчасъ же преодолѣваетъ всѣ волшебныя препятствія съ помощію жены своей и трехъ благодѣтельствующихъ ему духовъ, убиваетъ великана и все его поколѣніе, и вмѣстѣ съ Тюмень-Джиргалангой возвращается домой [1]).

Трудно было бы сомнѣваться въ родствѣ нашей былины съ этою тибетскою легендой. Все въ нихъ сходится.

Въ обоихъ разсказахъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ три: волшебникъ (Волшанъ-Волшановичъ = 2-ти-головый великанъ), находящаяся у него во власти молодая женщина (Марья Волшановна = Тюмень-Джиргалангъ), и герой, добывающій отъ волшебника эту женщину (Ванька = Гессеръ-Ханъ).

Ванька нѣсколько разъ превращается въ горностая, чтобъ его не узналъ Волшанъ, а когда говоритъ съ Марьей, то принимаетъ свой обыкновенный человѣческій видъ: такъ и Гессеръ-Ханъ превращается то въ копчика, то въ крошечнаго бѣгающаго человѣчка, то въ нищаго, чтобъ его не узналъ волшебникъ-великанъ, а когда разговариваетъ съ Тюмень-Джиргалангой, то всякій разъ принимаетъ свой обыкновенный человѣческій видъ.

Въ нашей пѣсни, Ванька, безъ всякаго резона, предлагаетъ Волшану странное пари: спрятаться отъ него такъ, что тотъ его не отыщетъ. Въ восточномъ оригиналѣ, такому прятанію

---

[1]) *Schmidt*, Bogda Gesser-Chan., 120 — 158.

есть очень естественная причина: не пари, а необходимость въ самомъ дѣлѣ скрываться отъ опаснаго врага, пока еще нѣтъ средства вступить съ нимъ въ открытый бой.

Пускаясь на это похожденіе, нашъ Ванька забѣгаетъ къ Марьѣ, чтобъ только поцѣловаться и проститься съ нею, тогда какъ намъ совершенно неизвѣстно, когда и какъ онъ ее прежде зналъ и видѣлъ. Въ азіятской легендѣ все это мотивировано совершенно просто и убѣдительно. Гессеръ-Ханъ радостно обнимается съ Тюмень-Джиргалангой при свиданіи, потому что давно знаетъ ее — это его жена; онъ съ нею видится въ отсутствіи волшебника, потому что хочетъ, но еще не можетъ освободить ее, и она должна подать ему нужные совѣты и помочь самому освобожденію своему.

Ванька поскакалъ у насъ «черезъ тридевять вязовъ, черезъ тридевять цвѣтовъ», и послѣ того уже спрятался «за одинъ вязъ». Въ азіятской легендѣ эти непонятные *цвѣтà* очень понятны: это не что иное, какъ народы разныхъ цвѣтовъ, черезъ земли которыхъ долженъ пробраться герой. Вязъ, за которымъ спрятался Ванька Вдовкинъ-сынъ — это волшебное дерево, одно изъ превращеній врага-чародѣя; подъ этимъ деревомъ садится герой азіятской легенды, переодѣтый такъ, что его не въ состояніи узнать волшебникъ, и черезъ это ему становится возможно подрѣзать корни дерева и уничтожить его въ конецъ.

Сине-море, на берегу котораго останавливается Ванька — это тѣ три рѣки, за которыми живетъ волшебникъ.

Птенцы, холодные, голодные, перезябшіе, перемокшіе, стонущіе, которыхъ Ванька накрываетъ своимъ кафтаномъ — это «божьи дѣти», сидящіе по скаламъ, и стонущіе подъ игомъ чародѣя-великана: Гессеръ-Ханъ оказываетъ имъ свое покровительство.

Три пера, полученные Ванькой отъ Могуль-птицы для благополучнаго успѣха его предпріятія — это тѣ 30 стрѣлъ, которыя получаетъ Гессеръ-Ханъ отъ кукушки-птицы, чтобъ убить врага. *Огнивце*, полученное Ванькой отъ тойже Могуль-птицы изъ благодарности,—это кристаллъ, свѣтящійся какъ *огонь*, который данъ Гессеръ-Хану, изъ благодарности же, однимъ изъ «божьихъ дѣтей».

Прятанье Ваньки подъ кровать Волшана—это не что иное, какъ прятанье Гессеръ-Хана въ яму подъ покрывало и подъ очагъ (котелъ) волшебника-великана.

Въ нашей былинѣ, Волшанъ гадаетъ на волшанской книгѣ: въ тибетской поэмѣ, волшебникъ гадаетъ на волхвующихъ крас-

ныхъ ниткахъ. Сначала книга и нитки говорятъ всю правду, но подъ конецъ, въ самую рѣшительную минуту — одну только часть правды, и оттого-то побѣда остается на сторонѣ героя.

Въ былинѣ, Ванька всякій разъ обращается съ мольбою о помощи къ Христу Спасителю, пресвятой Богородицѣ и Николѣ Можайскому: въ азіятскомъ первообразѣ, Гессеръ-Ханъ обращается къ тремъ буддійскимъ, благодѣтельствующимъ ему, духамъ, изъ нихъ два мужескаго пола: *Боа-Донгцонгъ-Гарбо* — владыка боговъ; *Арджавалори-Удгари* — владыка Змѣевъ; и одно женскаго: *Чамцо-Дари-Удамъ* — владыка женскихъ злыхъ духовъ.

Наконецъ, счастливый результатъ всего разсказа одинаковъ и въ русской пѣсни и въ азіятской легендѣ: герой благополучно добываетъ ту женщину, которую желалъ; Ванька — свою невѣсту Марью Волшановну; Гессеръ-Ханъ—свою жену Тюмень-Джиргалангъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ про четыре любопытныя подробности: прятанье, оборачиванье горностаемъ, волшанскую книгу и перья, данныя Могуль-птицей.

Мы сказали выше, что прятанье Ваньки Вдовкина-сына въ нашей пѣсни, подъ кроватью Волшана, объясняется *необходимымъ* для Гессеръ-Хана прятаньемъ въ ямѣ, подъ котломъ и покрываломъ его врага, волшебника, а также замѣтили, что такое прятанье при сватовствѣ, мотивъ совершенно необычный. Но есть поэтическія произведенія Востока, гдѣ и этотъ мотивъ встрѣчается: это пѣсни буддійцевъ тюркскаго племени. Въ одной пѣсни койбальцевъ говорится, что красавица Ай-Арегъ предлагаетъ своему жениху, богатырю Айдолею, такое условіе: она *три раза* станетъ отъ него прятаться; «если ты меня не найдешь, говоритъ она, тогда твой конь станетъ моимъ, а если найдешь—тогда я твоя. Ты станови на закладъ своего коня, а я поставлю себя самое» [1]). По видимому, это прятанье было одною изъ формъ древне-азіятскаго сватовства.

Превращеніе «въ горностая» — очень обычный мотивъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ южно-сибирскихъ народовъ. Такъ напр., въ одной пѣсни сагайцевъ, молодая дѣвушка-красавица оборачивается «горностаемъ» и прячется «подъ очагъ» (какъ Гессеръ-Ханъ) [2]); а богатырь одной катчинской пѣсни, Ай-Канатъ, точно

---

[1]) *Castren*, Versuch einer koibalischen u. karagassischen Sprachlehre, 207. — *Schiefner*, Heldensagen, 44.

[2]) *Radloff*, Proben, II, 201, 209.

также оборачивается горностаемъ, вбѣгаетъ въ домъ, прячется тамъ въ уголъ, и слушаетъ, что тутъ говорятъ люди [1]).

Въ тибетской поэмѣ о Гессеръ-Ханѣ нѣтъ волшанской книги, вмѣсто нея являются «красныя волшебныя нитки»; но во многихъ другихъ буддійскихъ поэмахъ и пѣсняхъ говорится о волшанскихъ или волхвовательныхъ книгахъ. Такъ въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ читаемъ: «Тутъ Іедай-Ханъ повелъ богатыря Алтенъ-Тактая къ сѣдалищу, проситъ его сѣсть; самъ вынулъ большую книгу, всю исписанную божественнымъ письмомъ, и указалъ тамъ мѣсто, гдѣ сказано, что та старуха, которая помогла ему въ бѣдѣ и сняла его съ крюка, была не кто иная, какъ превращенная красавица Алтенъ-Бюртюкъ, самимъ творцомъ назначенная ему въ жены» [2]). Въ другой такой же пѣсни разсказывается, что когда богатырша Кубайко сошла въ адъ, требовать тамъ головы своего убитаго брата, всѣ 9 боговъ преисподней (Ирле-Ханы) посмотрѣли въ божественную книгу, и увидѣли, что тамъ прописано уже впередъ все теперь случившееся: тогда они исполнили просьбу Кубайки, и отдали ей голову брата [3]). Но книги эти принадлежатъ не одному буддійскому времени; онѣ восходятъ до древнѣйшихъ эпохъ, и мы встрѣчаемъ ихъ не разъ, наприм., и въ Шахъ-Намэ. Здѣсь не только мобеды (жрецы-огнепоклонники, знахари, мудрецы и гадатели), но и частныя лица при каждомъ сомнительномъ случаѣ, при каждомъ затруднительномъ вопросѣ глядятъ въ волшанскія, но уже астрологическія книги, и отыскиваютъ тамъ отвѣты на все, что имъ нужно узнать. Примѣчательно, что иногда эти книги называются *индѣйскими*. Такъ наприм., царь Феридунъ (одинъ изъ древнѣйшихъ миѳическихъ царей персидскихъ сказаній) справляется съ этими книгами, чтобы узнать судьбу трехъ своихъ сыновей; кайсарскій вельможа Миринъ, желая получить въ супружество царевну, «пошелъ за книгами, принесъ ихъ, положилъ на столъ, вмѣстѣ съ таблицей созвѣздій и своимъ гороскопомъ, и сталъ разсматривать ихъ»; передъ сраженіемъ, въ персидскомъ и туранскомъ лагерѣ мобеды обѣихъ сторонъ разсматриваютъ свои книги; когда царь Кей-Хозру, задумавъ оставить престолъ, не хотѣлъ больше никого къ себѣ допускать, въ его столицу стали отовсюду стекаться астрологи,

---

[1]) Тамъ же, 605.—Эта послѣдняя подробность напоминаетъ намъ былину о Вольгѣ: Рыбниковъ, I.

[2]) *Schiefner* Heldensagen, 351.

[3]) Тамъ же, 415.

управители областей, начальники всѣхъ странъ со своими звѣздочетными *индѣйскими* книгами и таблицами, и старались раскрыть тайны неба [1]).

Что касается до перьевъ птицы Могуль, то это равномѣрно подробность, восходящая до временъ глубокой древности. Какъ на одинъ изъ старѣйшихъ прототиповъ нашей пѣсни, можно указать на разсказъ, въ Шахъ-Намэ, о птицѣ Симургѣ и ея перѣ. Когда родился Залъ (впослѣдствіи отецъ Рустемовъ), отецъ его, богатырь Самъ, пришелъ въ ужасъ и негодованіе, увидавъ, что у него волосы на головѣ—бѣлые. Онъ не захотѣлъ держать его при себѣ, и велѣлъ унести куда-нибудь подальше. «Есть на свѣтѣ гора Альборзъ, продолжаетъ Шахъ-Намэ, она лежитъ близко къ солнцу и далеко отъ толпы людской. Тамъ-то было гнѣздо птицы Симургъ; она жила тамъ вдали отъ міра. Посланные оставили младенца на горѣ и воротились назадъ. Младенецъ пролежалъ такъ цѣлый день и цѣлую ночь безъ покрышки: то онъ сосалъ себѣ палецъ, то кричалъ. Между тѣмъ проголодались птенцы Симурговы; могучая птица поднялась изъ гнѣзда на воздухъ и увидѣла младенца, которому нужно было молоко и который оттого кричалъ». Симургъ сжалилась, снесла его въ свое гнѣздо и тамъ стала воспитывать его вмѣстѣ со своими птенцами. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался уже юношей, Самъ, вслѣдствіе сна и увѣщанія мобедовъ, пошелъ на гору Альборзъ и привелъ оттуда съ собой назадъ своего сѣдоволосаго сына Зала. Прощаясь съ нимъ, птица Симургъ дала ему одно перо свое и сказала: «Если когда-нибудь тебѣ будетъ грозить опасность, брось только это перо въ огонь, и ты увидишь мою силу. Я тотчасъ же прилечу чернымъ облакомъ и унесу тебя, цѣла и невредима, сюда». Впослѣдствіи, это перо Симурга пригодилось Залу при рожденіи сына его Рустема. Роды были трудные: мать Рустемова, Рудабэ, почти умирала; тогда Залъ бросилъ въ огонь перо Симурга, птица тотчасъ явилась и научила его, какъ помочь разрѣшенію отъ бремени. Конечно, содержаніе этого разсказа совершенно иное, чѣмъ въ нашей пѣсни о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, но есть нѣкоторые общіе мотивы. Птица Симургъ живетъ со своими птенцами; она впервые видитъ героя разсказа тогда, когда эти птенцы голодны; покровительствуетъ ему, даетъ свое перо, посредствомъ котораго должны совершиться чудеса: все это мотивы, равно встрѣчаемые въ нашей былинѣ и въ Шахъ-Намэ. Ясно, что оба разсказа имѣютъ одинъ

[1]) *Mohl*, I, 139; IV, 305; IV, 35; IV, 233.

общій источникъ, восходящій до временъ глубокой древности, но что съ теченіемъ времени, подробности измѣнялись, и разсказъ служилъ для разныхъ цѣлей. — Здѣсь можно еще прибавить, что первоначальный разсказъ о призываніи благодѣтельной птицы посредствомъ оставленнаго ею пера, былъ впослѣдствіи въ большомъ употребленіи въ восточныхъ разсказахъ, особенно въ буддійское время, и здѣсь перо птицы часто уже превращалось въ волосокъ изъ гривы или хвоста коня, въ чешуйку рыбы, въ щетинку животнаго и т. д.

Для сравненія съ пѣснью о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ я могъ представить только одинъ буддійскій разсказъ изъ «Гессеръ-Хана»; но, безъ сомнѣнія, есть редакціи несравненно болѣе старыя, и на нихъ указываютъ уцѣлѣвшія въ нашей былинѣ подробности о волшанской книгѣ и о Могуль-птицѣ.

Разсмотрѣвъ подробно нашу былину о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ, мы имѣемъ теперь возможность сравнить ее съ другою нашею былиною, а именно съ былиной о Вольгѣ Всеславьевичѣ [1]). Этой послѣдней думали придать у насъ особенно важное *историческое* значеніе, находя тутъ черты изъ исторіи древняго нашего князя Олега [2]). Но она кажется мнѣ не чѣмъ инымъ, какъ только особенною редакціею былины о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ. И здѣсь, какъ и тамъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ *трое:* 1) вражескій царь (Турецъ-Салтанъ, или Салтанъ Бекетовичъ, или индѣйскій царь = Волшанъ Волшановичъ и 12-ти-головый великанъ-волшебникъ); 2) находящаяся у него во власти женщина (царица Панталовна, или царица Давыдьевна, или царица Азвяковна, молода Елена Александровна = Марья Волшановна и жена Гессеръ-Ханова); и 3) богатырь (Вольга Всеславьевичъ = Ванька Вдовкинъ-сынъ и Гессеръ-Ханъ). Этотъ послѣдній, т. е. богатырь, принимаетъ на себя разныя превращенія (льва, волка, сокола, горностая = горностая, копчика, маленькаго бѣгающаго человѣчка, слѣпого нищаго); онъ бѣжитъ къ могущественному врагу, и подслушиваетъ, спрятавшись, что тамъ про него самого говорится у вражескаго царя съ находящейся у него во власти женщиной (эта подробность исчезла въ былинѣ о Ванькѣ Вдовкинѣ-сынѣ); потомъ онъ разрушаетъ вредныя силы вражескаго царя («тугіе луки Вольга переломалъ, шелковыя тетивочки перервалъ, у каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ» = Гессеръ-Ханъ подрѣзываетъ корни дерева, которое выпускаетъ изъ себя мечи

---

[1]) Рыбниковъ I, 1—17. — Древн. росс. стихотвор., 45—53.

[2]) Замѣтка г. Безсонова къ I-му вып. Рыбникова, стр. XVII—XIX.

и рубитъ всякого, кто подступится: дерево это падаетъ, и съ нимъ уничтожается вся сила волшебника-великана); наконецъ, послѣ всего этого, герой разсказа убиваетъ вражескаго царя, и беретъ себѣ въ жену находившуюся у него во власти женщину. Всѣ же подробности о товарищахъ или войскѣ Вольги Всеславьевича и о выловленныхъ имъ звѣряхъ, птицахъ и рыбѣ— не что иное, какъ не идущій вовсе къ дѣлу и ничѣмъ необъяснимый, ничѣмъ не оправдываемый наростъ былины. Но гдѣ произошелъ этотъ наростъ: въ русскихъ ли уже редакціяхъ, или еще въ восточныхъ — пока определить не можемъ.

Мы окончили общій разборъ десяти избранныхъ нами былинъ; слѣдовало бы теперь приступить къ *частному*—т. е. къ разсмотрѣнію и сличенію находящихся въ нихъ подробностей о жилищѣ, одеждѣ, вооруженіи, ѣдѣ и питіи, привычкахъ и т. д. дѣйствующихъ тутъ героевъ и героинь—но мы переносимъ все это въ третью часть, гдѣ такое сличеніе займетъ у насъ довольно важное мѣсто въ числѣ доказательствъ и матеріаловъ для нашихъ выводовъ.

Влад. Стасовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ДОНЪ, КАВКАЗЪ
и
КРЫМЪ

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

I.

Въ половинѣ февраля мѣсяца 1867 года, взявъ подорожную по частной надобности съ будущимъ, на перекладныхъ, поѣхали мы изъ Харькова въ Тифлисъ. Самое близкое разстояніе между этими городами, на Ростовъ и Ставрополь—всего тысяча триста съ чѣмъ-то верстъ. День морозный. Погода недурная. Снѣгу въ волю. Но съ первыхъ же станцій какъ-то чувствительно становится, что это не старая, давно населенная, а потому, хоть кое-какъ удобная для проѣзжающаго Россія. Это—Новороссійскій край. Лѣтъ 14 тому назадъ, ѣхали мы по этому тракту лѣтомъ. Лѣтомъ все это не такъ замѣтно было, какъ теперь, во время зимы.

Станціи все тѣ-же, построенныя на живую нитку. На каждой изъ нихъ хозяйственныя службы разбросаны по всему большому, занесенному снѣгомъ, двору. Обогрѣться негдѣ, и ѣсть нечего. Впрочемъ, переносить все это непріятно, а и перечислять скучно.

Сначала полагали мы, что это частный безпорядокъ, собирались уже войти о томъ, куда надлежитъ,—но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, а въ такомъ случаѣ думаешь, видно тому такъ слѣдуетъ

и быть. Говорятъ, что, по тракту отъ Оренбурга въ Ташкентъ, не рѣдкость промежутки въ 200 верстъ, гдѣ вовсе нѣтъ станцій — даже въ родѣ новороссійскихъ, а только войлочные шалаши или палатки, хотя движеніе существуетъ. Правда, говорятъ, что тамъ теплѣе, чѣмъ въ Харьковской губерніи, но за то тамъ киргизы нападаютъ иногда на проѣзжающихъ цѣлыми шайками, а тутъ случаи нападенія на дорогѣ гораздо рѣже, и то въ видѣ небольшихъ товариществъ, даже индивидуально, на личный рискъ и страхъ. Дѣятельность этого рода принимаетъ, впрочемъ, болѣе оживленный характеръ по мѣрѣ приближенія къ Ростову, Нахичевани, и далѣе на Ставрополь.

Сравнивая затѣмъ внѣшнее положеніе страны въ разные два періода, между которыми прошло 14 лѣтъ времени, мы не нашли никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ. Вся мѣстность лежитъ также пустыремъ теперь, какъ и тогда — ни новыхъ деревень, ни хуторовъ, ничего такого, что могло бы остановить глазъ проѣзжаго. Горизонтъ весьма просторенъ — все ширь да гладь, хоть бы верстовой столбъ попался, и того нѣтъ. Только и торчатъ по дорогѣ телеграфные столбы, да проволока на нихъ отъ вѣтра жужжитъ. Донцы воспользовались этими столбами и кой-гдѣ поприбивали на нихъ досчечки со счетомъ верстъ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость — въ Землѣ Войска Донскаго устроены теперь довольно сносные, чистые, хотя и весьма форменные, деревянные дома подъ почтовыя станціи. Въ прежнее время почтовыя станціи по этому тракту отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ, что еще теперь можно встрѣтить въ той же Землѣ по инымъ почтовымъ дорогамъ, напр., по тракту отъ Новочеркаска на Царицынъ. Мы помнимъ одну бывшую станцію (кажется, вторая отъ Ростова — Бабинская) просто землянку, въ которую свѣтъ проникалъ сверху, а зимою степныя, почтовыя лошади, разлетѣвшись, нерѣдко переѣзжали черезъ крышу этого зданія надъ головами попавшихъ туда пассажировъ. Но — что старое поминать! Теперь этого нѣтъ, даже по тракту на Царицынъ; хотя признаться сказать, шесть мѣсяцевъ спустя, проѣзжали мы этотъ послѣдній трактъ, и въ одно осеннее туманное утро нашъ ямщикъ не на шутку удивился, что телѣга наша не опрокинулась въ рѣку, текущую между Грушевскою и Нижнемокрологскою станціями. На этой рѣкѣ нѣтъ моста; насъ, поэтому случаю — говорилъ онъ — оставляли ночевать на Грушевской станціи, чтобы, если что-нибудь случится — такъ случилось-бы не ночью, а днемъ. А между тѣмъ ничего не случилось.

Теперь мы ѣдемъ по улучшенному тракту на Ростовъ. Зима.

Дорога скучная, но не такова эта дорога лѣтомъ. Мы живо помнимъ ту мѣстность, хотя и давно проѣзжали по ней. Тогда вся она была покрыта роскошною растительностью. Это — цѣлое море зелени съ островами цвѣтущихъ бурьяновъ. Тогда лѣтній, жаркій былъ день. И среди этой широкой, однообразной, зеленой равнины, нерѣдко, казалось, далеко, пасется стадо овецъ. Подъѣзжаете ближе — цѣлая нива ковыля, только кое-гдѣ въ сторонѣ виднѣлся одинокій, крошечный хуторъ; но вѣтеръ покатилъ свои волны по верхушкамъ травы, и снова глазъ ничего не можетъ различать въ дали.

Зимою не то, — овраги забиты снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ лошади вывозятъ съ трудомъ. Обнаженные, чистые хребты, невысокихъ, впрочемъ, горныхъ кряжей, вьются длинными темными полосами, особенно отъ Бахмута и дальше на югъ, то слои известняка, то тонкая, черная полоса каменноугольнаго пласта, то желѣзной руды, проглядываетъ наружу. Загляните дальше въ глубь этой земли, тамъ толстые слои каменнаго угля залегаютъ въ нѣсколько ярусовъ, и о-бокъ съ нимъ желѣзная руда, съ содержаніемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для выгодности производства, только ждетъ энергической, трудолюбивой руки. И среди всей этой богатой природы, пустыремъ вѣетъ со всѣхъ сторонъ. Только лишь изрѣдка верхомъ, на измученной подъ разными тюками, незавидной лошаденкѣ, плетется усталый ѣздокъ. Подъѣзжаете ближе,—это житель, владѣлецъ этой богатой страны. Это донской казакъ. Онъ возвращается на свой кратковременный отдыхъ домой. Вы обогнали его. Онъ своротилъ съ дороги.

Но вотъ длинный обозъ малоруссовъ. На своихъ неповоротливыхъ быкахъ везутъ они каменный уголь въ Бахмутъ на базаръ. Эти люди болѣе свободны располагать собою. Они гдѣ-то нарыли угля и везутъ продать 25—30 пудовой возъ за 50 коп. сер. Уголь хорошъ, въ Бахмутѣ отапливаютъ имъ дома, въ Славянскѣ на немъ вывариваютъ соль. Дешево, да дѣвать некуда. Почему бы въ этой мѣстности не учредиться стекляннымъ заводамъ? Въ настоящее время весь южнороссійскій край получаетъ стекло изъ Черниговской, Орловской и другихъ средней полосы губерній — не близко. Товаръ громоздокъ — тяжело и дорого.

Не доѣзжая двухъ станцій до Ростова, повернули мы влѣво, черезъ станицу Салы на Аксай. Уныло смотритъ эта степная, въ буквальномъ смыслѣ камышевая станица — Салы. Не привѣтливымъ взглядомъ встрѣтилъ насъ почтовый староста. Съ какой-то пытливостью смотритъ онъ на все; видно, что проѣзжій «по частной» — рѣдкій у него гость. Подали тройку, приглашая сѣсть

прежде, чѣмъ усядется ямщикъ, но пока тотъ взбирался на знаменитый облучекъ, лошади понесли прямо въ обрывистый оврагъ. Не легко удалось намъ направить этихъ дикихъ скакуновъ подъ косогоръ, а затѣмъ черезъ четверть версты вовсе остановить. Только тутъ лицо прибѣжавшаго старосты прояснилось, съ непритворнымъ чувствомъ радости благодарилъ онъ насъ за то, что мы спасли отъ неминуемой, по его словамъ, гибели—телѣгу и лошадей, если бы все это ввалилось въ оврагъ.

Въ Аксаѣ подвезли насъ къ невзрачному, двухъ-этажному домику съ вывѣскою «гостинница». Ямщикъ объяснилъ, что это лучшая изъ двухъ въ станицѣ. Внизу этого домика оказались двѣ комнаты, перегороженныя обоями. Это отдѣленія для различнаго «сорта» гостей. Верхній этажъ общій для всѣхъ посѣтителей, тамъ же билліардъ и трактиръ. О чистотѣ, мебели, кушаньяхъ, спокойствіи — лучше молчать.

Аксайская станица расположена на правомъ нагорномъ берегу Дона. Лѣвый берегъ состоитъ изъ широкихъ заливныхъ луговъ, поросшихъ, впрочемъ, большею частію камышемъ да бурьянами; а жаль, ширина этого басейна, понимаемаго ежегодно водою, несущею 1% [1]), т. е. на сто объемовъ одинъ объемъ ила, простирается до двадцати верстъ. Все это пространство находится подъ водою около 30-ти и болѣе дней. Сколько плодотворнаго ила садится на этихъ лугахъ, и для того, чтобы питать камышъ да бурьянъ!

Черезъ Аксай пролегаетъ воронежско-тифлисскій трактъ. Въ 12 верстахъ отъ Аксая—промышленный городъ Ростовъ. Въ 40 верстахъ Новочеркаскъ, куда и устроена изъ Аксая желѣзная дорога въ одинъ рельсовый путь, и далѣе еще на 40 верстъ до грушевскихъ антрацитовыхъ копей. И несмотря на такое благопріятное положеніе, Аксайская, многолюдная станица не отличается промышленнымъ движеніемъ.

Любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическій анекдотъ разсказывали намъ про старину Аксая. Когда основатели нынѣшнихъ торговыхъ конторъ въ Ростовѣ явились первоначально въ Аксай съ предложеніемъ, отвести имъ за плату мѣста для устройства хлѣбныхъ амбаровъ и складовъ, то станичный приговоръ положилъ: «Никакихъ земель иногороднымъ подъ хлѣбные амбары не давать, а то наѣдутъ черноморцы съ возами и своимъ скотомъ повыбьютъ наши камыши». Съ тѣхъ поръ нача-

[1]) Мы испытывали эту воду нѣсколько разъ—температура ея была около $3^1/_4{}^\circ$, количество постороннихъ примѣсей, по случаю весенняго половодья, простиралось до одного и нѣсколько болѣе градуса по Боме.

лось промышленное развитіе Ростова, и до сихъ поръ Аксай остается почти тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ. Мы бы не приводили этого анекдота, если бы точно такой же случай, всего годъ тому назадъ, не вызвалъ точно такого же отвѣта по поводу просьбы 150 иногородныхъ купцовъ, желавшихъ единовременно поселиться въ Калачѣ и просившихъ продать имъ изъ войсковыхъ пустырей по нѣсколько сотъ саженей земли для поселенія. Въ Калачѣ оканчивается линія волгодонской желѣзной дороги и начинается судоходное движеніе по Дону.

Спустя дня два, поѣхали мы въ Новочеркаскъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ грушевскими антрацитовыми копями. Аксайско-грушевская желѣзная дорога, по которой мы ѣхали, пролегаетъ вдоль берега рѣки Аксая. Хорошъ правый, нагорный, довольно пологій берегъ этой рѣки. Кое-гдѣ попадаются домики, лучшіе, чѣмъ обыкновенно въ томъ краю. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается небольшой фруктовой садикъ, и виноградникъ рядомъ съ нимъ. Растительность свѣжая, здоровая. Невольно подумаешь, смотря на эти крошечныя группы зелени, не явная ли это улика небрежности, а можетъ быть и безвыходнаго положенія тѣхъ, кому принадлежатъ, лежащіе о-бокъ съ этими садами, пустыри. А между тѣмъ, климатъ благодатный, и Аксай рѣка въ 50 саженяхъ. Какъ легко поднять здѣсь воду, если бы ее не доставало изъ бьющихъ изъ-подъ горы ключей. Сколько здѣсь можно развести виноградныхъ плантацій, и какъ все это здѣсь легко. Труды крымскихъ татаръ по улучшенію своихъ земель—это труды титановъ сравнительно съ тѣмъ ничтожнымъ количествомъ работы, которое потребовалось бы здѣсь для приведенія этой земли въ самое цвѣтущее состояніе.

Но вотъ мы въ Новочеркаскѣ, расположенномъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ составъ его вошло три станицы; это новый пунктъ управленія Земли Войска Донскаго. Прежнее управленіе сосредоточивалось въ Старочеркаской станицѣ, лежащей на 20 верстъ выше Аксая на низменныхъ равнинахъ Дона, а потому ежегодно заливаемой полою водою.

Въ то время, когда формировался только складъ общественнаго быта нынѣшняго Войска Донскаго, такой пунктъ, какъ Старочеркаская станица, пунктъ расположенный въ низменностяхъ и камышахъ, заливаемый ежегодно водою, вообще мало доступный, представлялъ самое безопасное убѣжище для защиты во время нападеній. Тутъ же удобнѣе было хранить войсковыя регаліи и суммы, отсюда удобнѣе было дѣлать походы на невѣрныхъ. Мѣстность вполнѣ соотвѣтствовала первоначальному своему назначенію. Но потопляемая водою, изрытая оврагами,

лежащая въ гниломъ болотѣ, Старочеркаская станица не удовлетворяла въ настоящее время тому значенію, которое, по справедливости, должно принадлежать пункту управленія этой земли.

Взгляните на Новочеркаскъ, это уже теперь довольно большой чистый городъ съ широкими улицами, порядочными каменными домами, водопроводомъ, общественнымъ садомъ, театромъ, двумя корпусами лавокъ, двумя-тремя порядочными гостинницами. Болѣе замѣчательны—домъ войскового наказнаго атамана, домъ войскового управленія, памятникъ Хомутову. Жаль только, что нѣтъ ни одной книжной лавки.

Желая познакомиться ближе съ грушевскими каменноугольными копями и рыбными промыслами въ устьяхъ Дона, мы обратились къ г. войсковому наказному атаману съ просьбою о дозволеніи и способствованіи намъ въ предпринятомъ нами намѣреніи. На другой день бывшій начальникъ грушевскаго рудника, баронъ Андрей Львовичъ Врангель, повелъ насъ показать предварительно только-что создающійся музей при вновь учрежденномъ донскомъ горномъ управленіи.

Самое замѣчательное, на что нельзя не обратить вниманія въ этомъ музеѣ, это подробныя топографическія карты, на которыхъ обозначено количество и направленіе каменноугольныхъ пластовъ, приблизительная глубина залеганія и уклонъ пласта отъ горизонтальной плоскости. Тутъ обозначены во многихъ мѣстахъ параллельно каменноугольнымъ пластамъ залегающіе пласты желѣзной руды, находящейся здѣсь въ изобиліи. Сколько намъ помнится, есть слѣды серебристо-свинцовыхъ рудъ [1]. Будемъ надѣяться, что не далеко то время, когда въ этой странѣ разовьется желѣзное производство. Не менѣе того вѣрно и то, что едва-ли возможно какое-либо прочное производство въ широкихъ размѣрахъ при существованіи общиннаго землевладѣнія. Это мы сейчасъ увидимъ на грушевскомъ антрацитовомъ рудникѣ.

Бывшій начальникъ грушевскаго рудника, баронъ Врангель, былъ такъ внимателенъ, что на другой же день сопровождалъ насъ на самый рудникъ, отстоящій отъ Новочеркаска около 30 верстъ. Все это разстояніе ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. Дорога эта устроена хозяйственнымъ образомъ, и, говорятъ, обошлась 42 тысячи руб. сер.; продолженіе ея—около 70 верстъ, и возлѣ самой Грушевки дѣлится она на двѣ вѣтви для того, чтобы обнять большее число шахтъ. Полотно дороги проходитъ по широкой, совершенно гладкой, плодороднѣйшей, черноземно-глинистой почвѣ, понимаемой ежегодно вешнею водою. До сихъ поръ

---

[1]) Карты эти составлены мѣстными горными инженерами.

равнина эта лежитъ пустыремъ. Говорятъ, что лѣтомъ нерѣдко трава выгораетъ на ней, а между тѣмъ во всю ея длину течетъ рѣчка Грушевка, ложе которой не глубже 2—3 аршинъ отъ горизонта, самой высокой точки на этой площади. Вотъ мѣстность, заключающая всѣ условія искусственнаго самаго дешеваго орошенія.

Это лучшее мѣсто для посѣва пшеницы, для мелкихъ фермъ съ посѣвомъ кормовыхъ растеній, для свекловичныхъ плантацій. Но кто же примется за это дѣло... вѣдь это юртовая, т. е. общинная земля, а у общинной земли нѣтъ хозяина.

Затѣмъ подъѣхали мы къ Грушевскому руднику. Онъ расположенъ на небольшой, нѣсколько холмистой возвышенности, въѣздъ на которую во время таянія снѣга или дождей весьма затруднителенъ, по причинѣ глубокой, илистой грязи. Наружный видъ рудника что-то въ родѣ переноснаго досчатаго городка — то шалаши надъ шахтами, то шалаши съ вывѣсками «распивочно и на выносъ».

Предварительно поѣхали мы на шахту Русскаго Общества пароходства и торговли. На протяженіи около 3-хъ верстъ этого пути, вездѣ тѣ же досчатыя постройки, груды антрацита, почти столько же, если не больше, каменноугольнаго мусора. Не дурно бы превратить его въ кирпичъ, хотя бы при помощи добытой изъ него же смолы или, по крайней мѣрѣ, высыпать имъ шоссе къ концамъ желѣзной дороги.

Но вотъ передъ нами большое каменное зданіе, далѣе рядъ каменныхъ жилыхъ и вновь строющихся домовъ, предназначенныхъ, повидимому, для рабочихъ — это шахта Русскаго Общества пароходства и торговли. Почти въ полуверстѣ отъ главнаго зданія виднѣется небольшой, красивенькій домикъ управляющаго работами на этой шахтѣ инженера; онъ насъ и пріютилъ въ своемъ небольшомъ жилищѣ, а затѣмъ съ полною готовностью познакомилъ насъ со всѣмъ устройствомъ и работами по углубленію шахты, какъ на поверхности земли, такъ и внутри на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ саженей.

Не станемъ описывать наружныхъ строеній и вообще всѣхъ приспособленій, исполненныхъ совершенно практически, но неинтересныхъ непосвященнымъ въ тайны строительнаго искусства, и не менѣе того, вполнѣ извѣстныхъ спеціалистамъ, а попросимъ читателя изъ его сухого, теплаго кабинета перенестись мысленно на шахту и посмотрѣть на людей, посвятившихъ себя весьма не легкому, сопряженному съ постояннымъ рискомъ за жизнь, труду.

Прежде чѣмъ опуститься въ шахту, нашъ любезный хозяинъ

нарядился весь во фланель, надѣлъ сверху кожаное пальто и кожаную съ широкими, опустившимися полями шляпу. Такой-же костюмъ предложенъ былъ и намъ. Воспользовавшись фланелью и плащемъ, запасшись термометромъ, и повѣсивъ круглый барометръ рабочему на шею, надѣвъ толстыя шерстяныя перчатки (въ лайковыхъ не хорошо — скользятъ), со свѣчами въ рукахъ, въ сопровожденіи Павла Александровича Вагнера и двухъ рабочихъ, мы намѣрены были опускаться въ шахту, на 35 саженную глубину. Все было готово, чтобы начать спускаться, какъ клубы густого, пропитаннаго сѣрою дыма, показались изъ колодезя шахты. Это за нѣсколько времени передъ тѣмъ взорвали минами часть породы; надо было обождать, пока очистится воздухъ въ этомъ колодцѣ.

Отъ поверхности до самаго дна, шахта имѣетъ четырехъ-угольный видъ, почти правильнаго квадрата въ поперечномъ сѣченіи. Раздѣлена она на двѣ ровныя части толстою, бревенчатою стѣною, начинающеюся отъ самой поверхности и оканчивающейся около трехъ аршинъ, не достигая дна. Въ одной половинѣ шахты помѣщается водоотливная труба и лѣстницы для спуска внизъ. Другая половина шахты назначена для прохода бадьи съ землею. Сейчасъ упомянутое, трехъ-аршинное отверстіе внизу шахты служитъ для свободнаго передвиженія бадьи по всему дну, и затѣмъ нагруженная бадья проводится въ назначенное для нея отдѣленіе, откуда, помощію паровой машины, подымается въ верхъ. Въ другой половинѣ шахты, какъ сказано выше, помѣщается составная чугунная труба, около 1 аршина въ діаметрѣ. Этой трубой выкачивается изъ шахты вода. Рядомъ съ трубою поставлены, на поперечныхъ перекладинахъ, лѣстницы трехъ-саженной длины съ незначительнымъ уклоненіемъ отъ отвѣсной линіи — одна ниже другой — это дорога въ шахту. Г. Вагнеръ объяснилъ намъ, что онъ предпочитаетъ эту прусскую систему лѣстницъ другому способу опусканія людей въ бадьяхъ. Мы не стали добиваться почему, но быть можетъ это имѣетъ связь съ характеромъ рабочихъ. Вывалился изъ бадьи — «машина виновата», и, дѣйствительно, спасенія нѣтъ. Оборвался съ лѣстницы — «самъ виноватъ» — сверхъ того есть надежда за перегородку зацѣпиться.

Саженей около 10 въ глубь колодца шахты, бока его закрѣплены деревянной обшивкой — ниже начинаются твердыя породы, не требующія укрѣпленій. Чѣмъ ниже опускались мы, тѣмъ сильнѣе обливало насъ каплями выбивающейся съ боковъ воды, еще глубже — цѣлый дождь; мѣстами бьютъ ключи — все это съ шумомъ стремится внизъ, откуда слышится странное

храпѣніе водоподъемной трубы и глухіе удары шести молотовъ, которыми находившіеся тамъ рабочіе пробивали плотную каменную породу.

Но вотъ мы на днѣ шахты, съ одной стороны огромнымъ ключемъ льетъ струя воды, съ другой ворчитъ насосная труба, втягивая вмѣстѣ съ водою не малое количество воздуха, что въ то же время производитъ особенный, довольно сильный свистъ. Съ верху, цѣлый ливень дождя, отъ котораго плохой защитой служитъ, растянутое въ видѣ полога, какое-то непромокаемое полотно. Все это освѣщается тусклымъ свѣтомъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Среди этой подземной обстановки, шесть человѣкъ рабочихъ, въ кожаныхъ пальто и такихъ же съ широкими, обвисшими полями шляпахъ, по колѣни въ водѣ стучатъ молотами по желѣзнымъ ломамъ, пробивая подъ водою скважины въ твердомъ глинистомъ сланцѣ.

Г. Вагнеръ объяснилъ намъ, что когда скважины готовы, то въ нихъ вставляются пороховыя мины, заготовленныя предварительно на верху. Концы минъ зажигаются, и тогда рабочіе по лѣстницамъ поспѣшно уходятъ въ верхъ.

Послѣ взрыва въ шахту опускается другая артель. Она должна очистить дно отъ взорванныхъ камней, пробить новыя скважины, заложить ею же заготовленныя на верху мины, зажечь ихъ и тогда на свое мѣсто отправить первую артель. При такомъ порядкѣ, каждая артель старается приготовить получше мины, пробуравить по возможности глубокія скважины — однимъ словомъ, взорвать побольше породы, чтобы вторая артель употребила побольше времени на очистку дна шахты и прочее. Въ это время первая артель имѣетъ право ничего не дѣлать — поэтому прямой разсчетъ каждой артели задать своей подругѣ какъ можно больше работы.

Доводилось намъ видѣть весьма разнообразныя и трудныя роды работъ, но такой, почти нечеловѣческой работы, до той поры мы не знали. Съ молотомъ, ломомъ и пороховою миною въ рукѣ, подъ постояннымъ ливнемъ дождя, не рѣдко по поясъ въ водѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ подъ землею — тяжелая работа! Попортилась машина или сломался насосъ — уходи скорѣе по лѣстницѣ, а то зальетъ водою.

Съ полчаса пробыли мы въ шахтѣ, на глубинѣ 35 саженей — 245 футъ. Температура воздуха по Цельз. 10°, температура породы (твердый глинистый сланецъ) $9^3/_4$°. Температура струи воды изъ породы $9^3/_4$°. Барометръ на верху шахты 29,675 дюйма, на глубинѣ 105 футъ 29,800 дюйм., что произошло отъ сгущенія воздуха, произведеннаго за полчаса взрывомъ. Въ

низу, на глубинѣ 245 футовъ, 29,900 дюйма, нѣсколько меньше, чѣмъ слѣдовало ожидать, вѣроятно вслѣдствіе препятствія, производимаго спертыми газами въ средней части шахты. Количество растворенныхъ въ водѣ солей на днѣ шахты между $1/2^0$ и $3/4^0$ по ареометру Боме. Цвѣтъ воды въ шахтѣ едва замѣтно бѣловатый, на поверхности отъ прикосновенія воздуха цвѣтъ этотъ становится гуще, что указываетъ на примѣсь сѣрнистоводороднаго газа. Вкусъ воды едва замѣтный вяжущій, сладковатогорькій, вѣроятно отъ растворенныхъ желѣзномѣдныхъ и свинцовыхъ купоросныхъ солей.

Съ трудомъ выбрались мы на поверхность шахты — внимательный баронъ Врангель вмѣстѣ съ другимъ, состоящимъ на грушевскомъ рудникѣ, инженеромъ ожидали насъ. Всего времени, чтобы спуститься въ шахту, пробыть тамъ полчаса и выбраться наружу, потребовалось $2^1/_2$ часа. Г. Вагнеръ чуть ли не ежедневно эту дѣлаетъ прогулку.

На другой день вмѣстѣ съ инженеромъ, состоящимъ на грушевскомъ рудникѣ, опускались мы въ бадьѣ въ другую сухую шахту, гдѣ роется 2-й пластъ каменнаго угля. Хозяинъ шахты, англичанинъ, сопровождалъ насъ. Въ этой шахтѣ, 2-й слой каменнаго угля—на глубинѣ около 20 саженей. Толщина пласта до 4 четвертей, такъ что подвигаться впередъ было не совсѣмъ удобно. Съ одной стороны хода, по которому мы пробирались, искусственная каменная стѣна, отгораживающая эту шахту отъ другой выработанной. Съ другой стороны — пластъ угля. Ломка угля по протяженію прямой линіи производится при помощи молота и лома, но въ углахъ приходится употреблять порохъ. Полъ и потолокъ состоятъ изъ сплошной массы плотнаго глинистаго сланца.

Если образуется значительное пустое пространство отъ выломаннаго угля, то потолокъ его подпираютъ деревянными стойками.

Выломанный уголь на ручныхъ тачкахъ подвозятъ къ отверстію шахты, откуда онъ, при помощи бадьи и ворота, подымается наружу.

Выбравшись на поверхность земли, поѣхали мы взглянуть на войсковую водокачальную машину, сколько помнится намъ, кажется въ 250 силъ. Цѣль ея—освободить отъ воды нѣсколько десятковъ старыхъ казачьихъ шахтъ, на которыхъ нѣтъ возможности безъ водоотлива доставать 3 и 4 пластовъ антрацита. На машину съ постановкой и зданіемъ предположено было употребить до 100,000 руб. сер. Количество выкачиваемой ежедневно воды превышаетъ 200,000 ведеръ.

Передъ отъѣздомъ съ рудника, просили мы г. Вагнера сообщить намъ подробныя свѣдѣнія о суммѣ издержекъ, употребленныхъ Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли на Грушевскомъ рудникѣ, а равно о достигнутыхъ и ожидаемыхъ результатахъ. Въ Тифлисѣ получили мы отъ г. Вагнера письмо, которое помѣщаемъ до слова [1]).

---

[1]) М. г. Исполняя просьбу вашу спѣшу сообщить вамъ, что предполагаемая на основаніи точныхъ данныхъ глубина шахтъ будетъ слѣдующая:

Отъ поверхности до *перваго пласта* антрацита *толщиною въ 14 вершковъ*	32 сажени	2 фут.
Отъ перваго до *второго пласта, толщиною въ 1 аршинъ*	6 —	$5\frac{1}{2}$ —
Отъ второго пласта антрацита *до 3, толщиною въ 1, 5 арш.*	13 —	$3\frac{1}{2}$ —
Отъ 3 до 4 пласта, толщиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина	7 —	3 —
Колодезь для скопленія воды	2 —	
Всего	62 сажени.	

Глубина большой шахты, въ которую мы опускались, равняется 35 саженямъ.

Глубина малой шахты въ настоящее время 38 саженей.

Къ іюлю 1868 года, углубленіе обѣихъ шахтъ будетъ окончено, и начнется добыча антрацита, который будетъ стоить руднику отъ 5 до $5\frac{1}{2}$ коп. сер. за пудъ.

Стоимость устройства рудника, который можетъ добывать въ сутки отъ 30 до 45,000 пудъ антрацита, опредѣляется слѣдующими цифрами, взятыми изъ счетовъ и смѣтъ:

Управленіе и присмотръ за работами	50,391	руб. сер.
Углубленіе большой шахты съ устройствами внутри шахты, не считая машинъ и насосовъ	36,492	— —
Углубленіе малой шахты и т. д.	23,733	— —
Покупка машинъ общей силы до 185 лошадей съ ихъ установкою	58,915	— —
Отливка воды на обоихъ шахтахъ въ теченіи $5\frac{1}{2}$ лѣтъ устройства рудника отъ 200 т. до 400 т. ведеръ въ сутки	46,671	— —
Подъемъ породъ, добываемыхъ въ шахтахъ при ихъ углубленіи	15,498	— —
На устройство зданія надъ обѣими шахтами	52,800	— —
Постройка 8 домовъ для служащихъ, со службами на рѣчкѣ Отюктѣ	31,800	— —
Постройка 16 домовъ для рабочихъ	13,164	— —
Постройка 2 магазиновъ, конюшни и кузницы	4,488	— —
Устройство камеръ или 4 нагрузныхъ дворовъ на 2 нижнихъ пластахъ	13,557	— —
Соединеніе колодцевъ двухъ шахтъ	640	— —
Проведеніе воздушныхъ ходовъ на 2 пластахъ антрацита для провѣтриванія рудника	13,050	— —
Покупка рудничныхъ тачекъ	3,000	— —
Поверхностныя устройства для разгрузки тачекъ съ антрацитомъ въ штабели около шахты и желѣзные пути на столбахъ	14,865	— —
Движимое имущество	5,017	— —

Затѣмъ, чтобы дать читателю болѣе подробное понятіе о Грушевскомъ рудникѣ, обратимся къ отчету представленному г. военному министру по горному управленію въ Землѣ Войска Донскагӧ за 1864 и 1865 годы. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что еще въ 1724 году, по распоряженію Петра I, выписанъ былъ изъ Англіи мастеръ Никсонъ съ 4 помощниками для развѣдки и работъ по добыванію угля; что въ 1790 году казакъ Двухженовъ, брался ставить въ Таганрогъ 3,000 пудовъ каменнаго угля; что съ устройствомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Луганскаго завода дѣлаемы были постоянныя изслѣдованія для опредѣленія мѣстъ и характера залеганія каменнаго угля. Далѣе, что между 1837 — 1839 годами произведены были изслѣдованія, на счетъ Демидова, французскимъ инженеромъ Лепле. Но въ то же время, въ 1836 году, изданъ былъ законъ, по которому мѣста, гдѣ открывался каменный уголь, вымежевывались въ войсковую собственность, а владѣльцамъ отводились иныя, степныя, отдаленныя мѣста. Понятно, какъ подобное постановленіе могло способствовать дѣлу открытія каменноугольныхъ залежей!

Далѣе, до 1856 года добычею каменнаго угля могли заниматься только донскіе козаки, и то, по закону 1840 года, не свыше размѣра 1,500 квадр. саженей на одно лицо.

За то и добыча каменнаго угля достигала не болѣе 50,000 пудовъ. Въ 1856 году, увеличенъ надѣлъ до 5,000 квадр. саже-

Починка инструментовъ	2,435 руб. сер.
Разныхъ расходовъ, не вошедшихъ въ предъидущіе счеты, какъ-то: заключеніе контракта съ правленіемъ Войска Донскаго, ремонтъ строеній во время устройства, разныя перевозки и статьи расходовъ не предвидѣнныхъ въ смѣтахъ	23,037 — —
Всего до . . .	416,000 руб. сер.

Руднику Общества пароходства и торговли отведена для разработки площадь въ $2^1/_2$ квадратныя версты, въ которыхъ заключается, считая только 2 нижнихъ пласта, антрацита до 400 милліоновъ пудовъ. Площадь, выработываемая углубляемыми шахтами, будетъ равнятся только $^1/_5$ части всей отведенной площади и заключать въ себѣ только 80 милліоновъ пудовъ антрацита, въ цѣну котораго отъ 5 до $5^1/_2$ коп. сер. введена 0,5 коп. на каждомъ пудѣ погашенія употребленнаго капитала, что составитъ $80{,}000{,}000 \times 0{,}5 = 400{,}000$ руб. сер., не считая процентовъ на капиталъ, уплачиваемый постепенно и проценты.

Изъ этого видно, что всѣ устройства останутся безъ цѣны по выработкѣ 80 милліоновъ пудовъ, и затѣмъ потребуются только расходы на углубленіе новыхъ, болѣе глубокихъ шахтъ, и постройку зданія надъ ними. Машины же довольно сильныя будутъ, вѣроятно, годиться и для другихъ шахтъ.

Въ цѣнѣ 5 до $5^1/_2$ коп. сер. заключается 0,5 коп. сер. съ пуда пошлины въ пользу Войска за право добычи антрацита.

ней на одно лицо. Но въ то же время издано постановленіе, содержащее цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ для лицъ и обществъ, которыя пожелали бы разработывать каменный уголь. Напр., залогъ въ 30 тысячъ и обязательство черезъ 4 года добывать не менѣе 3 милліоновъ пудовъ, съ употребленіемъ всего этого количества только на собственное потребленіе или производство, а отнюдь не для продажи — иначе, всѣ постройки и залогъ поступали въ войсковую собственность.

Результаты такого *общиннаго* порядка вещей стали слишкомъ очевидны и, благодаря просвѣщенному содѣйствію нѣсколькихъ лицъ войскового начальства, въ 1863 году издано постановленіе, которымъ допускаются къ занятію горнымъ промысломъ въ Землѣ Войска Донскаго всѣ безъ различія — донского и не-донского происхожденія. Частнымъ владѣльцамъ и станичнымъ обществамъ предоставляется право собственности на нѣдра ихъ земель. Плата за добываемый уголь понижена до $1/4$ коп. сер. съ пуда. Взносъ 30,000 залога, за отводъ желающимъ значительныхъ площадей, дозволяющихъ правильную разработку—отмѣненъ. И наконецъ, учреждено особое горное управленіе.

Послѣдствія этихъ мѣръ не замедлили обнаружить довольно благопріятные результаты. На Грушевскомъ рудникѣ добыто антрацита, въ 1864 г., 3,586,450 пудовъ. Въ 1865 г., 5,308,747 пудовъ. Во всѣхъ же другихъ — числомъ 20—рудникахъ Земли Войска Донскаго — добыто, въ 1865 году, 384,718 пудовъ. Съ остатками отъ прошлыхъ лѣтъ состояло на рудникахъ 8 милліоновъ пудовъ — продано 7 мил. пудовъ, по цѣнамъ, на Грушевкѣ, отъ 6 до 9 коп. сер. Пошлины получено 21,165 р. с. За 1866 годъ сборъ пошлины отданъ за сумму 25,400 р. сер.

Обративъ вниманіе на страшно дорогую цѣну каменнаго угля на самомъ рудникѣ, не трудно придти къ заключенію, что при этой цѣнѣ будущность его далеко не блистательна. Причиной тому недостатокъ рабочихъ рукъ и дорогая плата (около 90 коп. сер. въ день) издалека пришедшихъ рабочихъ.

Обстоятельство это слишкомъ наглядно, чтобы могло ускользнуть отъ вниманія непредубѣжденныхъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на это дѣло. Почему еще въ 1864 году донскимъ горнымъ управленіемъ составленъ былъ проектъ безплатнаго отвода земель на Грушевскомъ рудникѣ подъ усадьбы, для желающихъ поселиться тамъ рабочихъ, и образованія на рудникѣ городского управленія съ мѣстнымъ судомъ для разбирательства жалобъ, школою, лазаретомъ и полицейскимъ управленіемъ. Къ тому же предполагалось провести желѣзную дорогу между шахтъ и сое-

динить ее съ существующею уже линіею. Это нѣсколько сократитъ расходы по подвозкѣ антрацита. Если всѣ эти постановленія состоятся, то это будетъ отчасти способствовать увеличенію мѣстнаго населенія на рудникѣ, слѣдовательно болѣе дешевой добычѣ антрацита.

Но при этомъ, скажемъ мы, нельзя не обратить вниманія на то, что нашъ крестьянинъ прежде всего хлѣбопашецъ, а потомъ уже плотникъ, каменьщикъ или рудокопъ. Поэтому, ради дарового куска земли подъ усадьбу, едва ли промѣняетъ онъ свое «ржаное поле» и цвѣтистую луговую «поляну» на черный однообразный трудъ углекопа, тѣмъ болѣе, что тамъ же, на Грушевкѣ, въ теченіи какихъ нибудь 6 мѣсяцевъ онъ заработаетъ гораздо больше, чѣмъ сколько стоитъ клокъ усадебной земли въ любомъ углу Россіи. Дайте ему столько земли, чтобы онъ сталъ хозяиномъ, и онъ съумѣетъ помирить съ этимъ занятіемъ работу рудокопа. Пустырей въ той землѣ много, да юртовые они.

Чтобы дать понятіе о количествѣ каменнаго угля въ Землѣ Войска Донскаго вообще, скажемъ, что по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Міускомъ округѣ обнаружено 49 каменноугольныхъ пластовъ, изъ которыхъ на 14 производятся работы. По приблизительному исчисленію, общее количество каменнаго угля въ тѣхъ 14 пластахъ равняется 14 милліардамъ пудовъ. Слѣдовательно, по всей вѣроятности, во всѣхъ 49 пластахъ можно считать соотвѣтствующее число милліардовъ пудовъ. Грушевскій и донской антрацитъ съ содержаніемъ сѣры. Міускій спекающійся — безъ сѣры.

Въ настоящее время опредѣляется содержаніе сѣры въ антрацитѣ, и будетъ ли оно имѣть замѣтное вліяніе, если этотъ антрацитъ употребить для выдѣлки желѣза изъ залегающихъ тутъ же желѣзныхъ рудъ съ содержаніемъ отъ 26 до 50%. Если сѣра не окажетъ дурного вліянія на качество желѣза, то желѣзное производство разовьется въ Землѣ Войска Донскаго, въ противномъ же случаѣ—въ Екатеринославской губерніи.

Во время осмотра наружныхъ построекъ на шахтѣ Русскаго Общества пароходства и торговли, мы спросили г. Вагнера, откуда огнепостоянный кирпичъ, которымъ обложены паровики. Г. Вагнеръ сообщилъ, что въ 20 верстахъ отъ Грушевки есть мѣстонахожденіе огнепостоянной глины, не уступающей лучшимъ заграничнымъ сортамъ. Вотъ, гдѣ бы развиться стеклянному производству, тѣмъ болѣе, что въ 30 верстахъ отъ Грушевки, на берегу Дона, возлѣ Мелиховской станицы нашли мы отличный песокъ, совершенно годный для лучшихъ сортовъ стекла.

Изъ Новочеркаска поѣхали мы снова черезъ Аксай взглянуть на рыбные промыслы, привившіеся преимущественно въ устьяхъ Дона—въ Гниловской и Елизаветинской станицахъ. По этой дорогѣ лежитъ городъ Нахичевань; про него-то изстари идетъ молва, что въ немъ выдѣлываютъ фальшивые кредитные билеты. Говорятъ, впрочемъ, что будто въ настоящее время это выгодное производство все-таки прекращено. Но намъ доводилось слышать много нехорошаго про эту мѣстность: то на почту нападаютъ близъ Нахичевани, то ямщикъ намъ жалуется, что отъ него ночью чуть тройки лошадей не отняли въ предмѣстіи этого города, и въ заключеніе всѣхъ этихъ невеселыхъ разсказовъ, по городскимъ улицамъ среди бѣлаго дня прохаживаются наши солдаты — по два — это дневной патруль. Самый городокъ довольно грязный, хотя въ немъ много порядочныхъ каменныхъ домовъ.

Проѣхавъ около двухъ верстъ между глубокими оврагами, когда-то въ старину бывшихъ здѣсь укрѣпленій, мы очутились въ новомъ русскомъ городѣ, Ростовѣ, съ широкими, но непроходимыми отъ грязи улицами. Впрочемъ, кое-гдѣ попадаются вновь строющіяся каменныя мостовыя. На этотъ разъ мы не остановимся на Ростовѣ.

Къ вечеру того же дня въѣхали мы въ Гниловскую станицу, отличающуюся отъ обыкновенныхъ нашихъ малорусскихъ селъ большею разнообразностію дворовъ и, если можно такъ выразиться, воздушностью камышевыхъ построекъ, даже плетней. Впрочемъ, казачій дворъ далеко не похожъ на уютный, кругомъ огороженный и крытый дворъ русскаго крестьянина съ его бревенчатою, на мху или паклѣ сложенною, хотя и грязною и курною, но теплою избою. Дворъ здѣшняго казака не похожъ на дворъ малорусскаго простолюдина господаря [1]), съ его бревенчатою, обмазанною глиною снаружи и внутри, хатою, устроенною во дворѣ, огороженномъ красивымъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядываютъ верхушки сливныхъ да вишневыхъ деревъ. Плетень весь обмотанъ зеленью хмѣля, фасоли, мохнатыми широкими листьями тыквы, взобравшейся гдѣ нибудь противъ солнышка на стриху [2]). Все это не то!

Домъ здѣшняго казака — нерѣдко красивая досчатая изба съ маленькимъ крылечкомъ. Доски эти почти исключительно барочныя; отверстія, гдѣ были деревянныя гвозди, иногда задѣланы, а иногда открыты, пропуская свободно воздухъ во внутрь

---

[1]) Т. е. хозяина.

[2]) Крыша надъ плетнемъ.

избы. Снаружи все это окрашено, чаще всего желтой и рѣдко бѣлой глиной. Крыльцо разноцвѣтно. Внутри дома—полы. Стѣны оклеены дешевыми обоями. Окна большія, печь съ трубою, столы и лавки чисты. Вблизи порога шкафчикъ, гдѣ за стекломъ найдете нѣсколько десятковъ штукъ фаянсовой и фарфоровой посуды, но за разнообразіе не взыщите—одна тарелка не похожа на другую. Величина, достоинство, фасонъ, рисунокъ — все это чрезвычайно различно. Тоже самое можно сказать относительно серебрянной посуды, отличающейся стариною, тяжелой, и вообще весьма хорошаго достоинства; ея здѣсь много, но жаль, что одна ложка не похожа на другую, а кубокъ на кубокъ и подавно не похожъ.

Въ каждомъ домѣ двѣ или три комнаты — въ первой или второй высокая, но короткая кровать съ пуховиками и подушками, чуть не до потолка, вторая или третья комната служитъ кухней.

Дворъ большой, рѣдко огороженный перекладинами или камышевымъ плетнемъ, такъ-что, воспѣваемая въ народныхъ пѣсняхъ удаль казака, стремящагося къ своей милой черезъ «плетни, огороды», не встрѣчаетъ въ этихъ заборахъ особенныхъ затрудненій.

Такъ какъ Гниловская станица не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго относительно рыбнаго промысла, который здѣсь незначителенъ, и намъ удалось только видѣть нѣсколько кибитокъ калмыцкихъ семействъ, прикочевавшихъ со степи чистить тарань по 1 р. с. отъ тысячи, то, не теряя времени, отправились мы по поемному берегу Дона въ Елизаветинскую станицу, лежащую у самыхъ устьевъ Дона, противъ историческаго города Азова—нынѣ весьма незначительнаго городка.

Станица эта заключаетъ въ себѣ 2,500 душъ мужескаго пола, а женскій полъ въ Землѣ Войска Донскаго, по народному обычаю, не считается, хотя вездѣ числительностію превышаетъ мужской. Дома въ ней разбросаны на нѣсколько верстъ по берегу Дона и такъ называемаго казачьяго Эрика. Архитектура ихъ такая же, какъ описано выше — здѣсь только та особенность, что всѣ жилыя постройки на сваяхъ, потому, что во время разлива Дона, вся мѣстность, за исключеніемъ немногихъ, весьма крошечныхъ возвышенныхъ пунктовъ, понимается водою. Тогда для елизаветинцевъ время жаркой работы—необходимо наловить столько рыбы, чтобы достало на все въ теченіе цѣлаго года, да еще и старые долги заплатить надо. Въ противномъ случаѣ плохо, потому что елизаветинцы, кромѣ рыбной ловли, ничѣмъ больше не занимаются, не смотря на то, что земли и луговъ и не пе-

речтешь, а времени дѣвать некуда. Рыбные же промыслы бываютъ періодически и продолжаются недолго.

Впрочемъ, уловъ рыбы годъ отъ году становится скуднѣе—прибавилось значительно рыболововъ, а рыбы стало меньше. Большая часть рыболововъ состоятъ въ неоплатныхъ долгахъ у ростовскихъ торговцевъ, снабжающихъ ихъ въ долгъ всѣми рыболовными снастями по двойнымъ и выше цѣнамъ противъ дѣйствительныхъ. Понятно, что сколько бы ни поймалось рыбы — вся она идетъ въ руки этихъ господъ не-рыболововъ, которые, при маломъ количествѣ, благодаря своимъ цѣнамъ на снасти, едва-ли въ убыткѣ; но казакъ въ барышѣ только при весьма обильномъ уловѣ, большею же частію — не причемъ.

Исторія эта повторяется изъ года въ годъ. Говорятъ, что за послѣдніе нѣсколько лѣтъ долгъ елизаветинцевъ возросъ до 500,000 руб. сер. Случись одинъ такой уловъ, какіе бывали въ старину (и притомъ на всѣ 60—70 неводовъ, а не на 20—30, какъ въ старину бывало) и весь долгъ пополненъ, но такого улова нѣтъ, какъ нѣтъ. И весь бытъ этой станицы у моря основывается на ожиданіи погоды, т. е. обильнаго улова рыбы.

Впрочемъ, не многіе болѣе расчетливые и трудолюбивые начали оставлять эту мечту на даровую поживу, обзавелись хуторами и стали заниматься хлѣбопашествомъ. Дай Богъ, чтобы этому доброму примѣру послѣдовали другіе. А то едва-ли можно повѣрить—впрочемъ, намъ говорили лучшіе люди въ станицѣ—что елизаветинцы даже хлѣбъ рѣдко пекутъ сами, а покупаютъ готовый на базарѣ отъ азовскихъ торговокъ. Въ одно время зимою пронесло ледъ по срединѣ Дона, такъ что нельзя было ни пройти ни проѣхать, и станица три дня была безъ хлѣба, пока не возстановили сообщенія.

Теперь не трудно представить, какую мы встрѣтили обстановку у этихъ несчастныхъ, но довольныхъ собою рыбаковъ. Оказалось, что пріѣзжій въ Елизаветинскую станицу, если онъ не ростовскій торговецъ рыбными снастями, явленіе едва-ли возможное. Бываетъ тутъ иногда изрѣдка начальство, чаще всего сыскной — родъ становаго пристава, но больше-то кому сюда пріѣзжать, и за чѣмъ?

Намъ отвели квартиру сыскного; въ ней можно было сидѣть, но прилечь не на чемъ, такъ какъ находившійся тутъ диванчикъ, состоявшій изъ деревянной доски, не смотря на нашъ вовсе не богатырскій ростъ, оказался коротокъ. Сыро и холодно. Топить ночью старуха, находившаяся при домѣ, не хочетъ—да и не чѣмъ. Утромъ взглянуть на станицу мы могли не иначе, какъ вер-

хами, а проѣхать въ телѣгѣ не легко; пѣшкомъ только коегдѣ возможно.

На другую ночь, воспользовавшись тѣмъ, что хозяйка не пріѣхала съ дальней деревни, мы завладѣли ея коротенькою, но все же лучшею, чѣмъ нашъ диванчикъ, кроватью (сѣна достать было негдѣ); за то на другой день, получили мы приличный выговоръ отъ пришедшей навѣстить старушку тетку 13-ти-лѣтней дѣвочки, племянницы хозяйки дома — выговоръ за то, что *безъ позволенія* посягнули на такое святотатство.

Мы привели этотъ случай, какъ характеризующій донскую женщину-казачку вообще. Растетъ она себѣ привольно среди своихъ широкихъ степей; кромѣ власти матери, далеко, впрочемъ, не деспотичной, она ни чѣмъ не стѣснена. Отца видитъ рѣдко, потому что онъ на службѣ, а въ короткіе промежутки домоваго отдыха занимается хозяйствомъ или въ обществѣ друзей. Братья чуть подросли — къ стаду въ поле или въ училище, а достигши совершеннолѣтія, туда же на службу. Все ея общество—общество ея подругъ; всѣ ея занятія—помогать матери возлѣ дома; въ огородѣ и на полѣ—не много работы, да и та у мало-мальски зажиточной хозяйки отбывается наймомъ. Выросла она, для нее имѣется женихъ.

Донцы не отпускаютъ своихъ молодыхъ казаковъ на службу въ дальнюю сторону холостыми. Передъ походомъ, хотя бы за недѣлю, женятъ молодого казака. Вотъ онъ оставилъ отцовскій кровъ, родителей, молодую жену и поѣхалъ, Богъ знаетъ, куда на службу. Черезъ три года вернется онъ опять; но жена все это время оставайся одна, какъ знаешь. Не одну ночь проплачетъ бѣдная женщина, пока время возьметъ свое. Она мать — у ней сыновья. Дорога ихъ извѣстна. — Дочери вступятъ въ ея колею.

Этотъ семейный строй создаетъ скорѣе одностороннюю внѣшность, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, и донская женщина силою вещей должна была подчиниться имъ. У ней нѣтъ той гармонической полноты семейной жизни, какую испытываетъ женщина, поставленная въ другія общественныя условія.

Что̀ же осталось для донской женщины при всей неудовлетворительности внутренняго содержанія — какъ не одна внѣшность — не удивительно, что она отдалась ей вполнѣ. Она любитъ рядиться, хотя бы въ пищѣ отказывать себѣ, любитъ чистоту въ домѣ, но это скорѣе для внѣшности. Ея коротенькая кровать — наслѣдство послѣ прабабки — спать на ней нельзя— дольше сохранится. Донская женщина не доросла еще до труда,

выпавшаго на долю сознающей свое значеніе развитой женщинѣ, и не понимаетъ труда, доставшагося въ удѣлъ простой, великорусской женщинѣ. И едва ли по силамъ былъ бы ей одной этотъ трудъ; за то она и не особенно привязана къ нему. Куда же время дѣвать?

Вся обстановка донской женщины способствуетъ развитію въ ней силы характера и воли. Мужъ ея — это гость, она хозяйка. Это чувство сказывается во всемъ. Мужъ—хозяинъ только въ минуты самолюбія, но эти минуты обходятся иногда ему не дешево. Загляните въ начавшіе издаваться въ 1866 году «Труды донскаго статистическаго комитета», въ отдѣлъ уголовныхъ преступленій, вы тамъ найдете на стр. 141 слова, которыя мы приводимъ всецѣло:

«Итакъ, мы видимъ, что въ казачьемъ сословіи, относительно, совершается болѣе убійствъ, чѣмъ въ остальныхъ сословіяхъ, и еще особенно слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ убійствъ были совершены казачками—такъ: изъ (всего числа) 80 убійствъ, 43 приходится на долю казачекъ. Желая объяснить причины подобнаго явленія, я перечиталъ нѣсколько уголовныхъ дѣлъ о судимыхъ за убійство и не могъ не замѣтить, что почти всѣ убійства были совершены въ казачьемъ сословіи, вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ и несогласій. Изъ 22-хъ уголовныхъ дѣлъ объ убійствѣ видно, что побудительныя причины къ преступленію въ казачьемъ сословіи были двухъ родовъ: 1) Нарушеніе супружеской вѣрности, большею частію со стороны жены во время нахожденія мужа на службѣ; и 2) Несогласіе между супругами, какъ слѣдствіе не добровольнаго вступленія въ бракъ, безъ искренняго согласія вступающихъ».

Итакъ, тутъ женщина преступница вдвойнѣ—и какія преступленія. Хорошъ общественный строй, неизбѣжныя послѣдствія котораго такъ мрачны!

Простившись съ Елизаветинской станицей, поѣхали мы снова въ Аксай. Сырость, холодъ, постоянно рыбная пища, отсутствіе всякаго удобства — не замедлили повліять на непривычное ко всему этому здоровье. Въ Аксаѣ просили мы приготовить намъ мясной обѣдъ, но такого грѣха брать на душу положительно никто не захотѣлъ. И только, благодаря распоряженію доктора, къ которому мы обратились, пища была измѣнена, и мы избѣгли лихорадки или тифа.

И. Кретовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЗАПИСКИ О РОССИИ

XVII-го и XVIII-го ВѢКА

ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ ГОЛЛАНДСКИХЪ РЕЗИДЕНТОВЪ.

II.

ПОСОЛЬСТВО БРЕДЕРОДЕ, ВАССА И ІОАКИМИ ВЪ РОССІЮ, И ИХЪ ДОНЕСЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ *).

Г. канцлеръ [1]) и спутники его, въ первый день (послѣ отъѣзда изъ Нарвы), не могли сдѣлать болѣе 4 миль; за день или за два, до ихъ отъѣзда изъ Нарвы, въ полѣ, окруженномъ лѣсомъ и водою, для посла В. Д. В. была построена крестьянская изба. Канцлеръ довольствовался небольшою палаткою, которую его превосходительство везъ за собою на особой лошади; на другой день доѣхали они до Гдова, маленькаго городка, принадлежащаго къ псковскому воеводству и находящагося не далеко отъ озера Пейпуса, въ 12 миляхъ отъ Нарвы. Въ прошломъ году, король взялъ обратно этотъ городокъ у русскихъ и оставилъ имъ свободное отправленіе ихъ богослуженія и управленіе церковнымъ имуществомъ, не смотря на то, что жители не за-долго предъ тѣмъ, во времена в. к. Шуйскаго, истребили шведскій гарнизонъ, на-

---

*) См. выше, томъ I, стр. 222—255.

[1]) Такъ начинается, отдѣльно отъ прочихъ пословъ, донесеніе Іоакими, который, какъ сказано выше (см. т. I, стр. 254) отправился, съ особымъ порученіемъ, къ шведскому королю подъ Псковъ въ сопровожденіи его канцлера, между тѣмъ какъ главное посольство Бредероде продолжало свой путь изъ Нарвы къ Новгороду.

ходившійся тамъ и не подозрѣвавшій даже непріятельскаго нападенія. Близъ означеннаго городка, ихъ встрѣтилъ русскій градоначальникъ Өедоровъ, такъ какъ король во всѣхъ городахъ, принадлежащихъ ему въ Россіи, содержитъ двухъ градоначальниковъ, одного шведа или нѣмца, а другого русскаго, который однакожъ надъ войскомъ власти не имѣетъ.

Здѣсь заказаны были другія лошади для поклажи и свиты, такъ какъ мы вступали въ другой округъ; а также и для того, чтобы скорѣе проѣхать въ одинъ день чрезъ опасный лѣсъ, лежащій по этому тракту, простирающійся слишкомъ на 10 миль, и въ которомъ ежедневно умерщвляются, замучиваются и грабятся по нѣсколько человѣкъ русскими, которые приходятъ сюда чрезъ Пейпусское озеро искать промысла изъ Печоры, значительнаго монастыря по ту сторону Пскова. Но, не смотря на то, что канцлеръ и спутники его, дошедши до окрестностей этого лѣса, дали цѣлый день отдохнуть лошадямъ,—они однакожъ не могли исполнить своего намѣренія, и были принуждены ночевать въ означенномъ лѣсу.

На другой день, т. е. 19-го октября, когда миновали лѣсъ, и поклажа была внѣ опасности, путешественники оставили ее на рукахъ финской конницы, которая подкрѣпила конвой отъ самаго входа въ лѣсъ, и пустились впередъ, чтобы доѣхать въ этотъ же день до лагеря; г. канцлеръ и прочіе—верхомъ, а я, Альбертъ Іоакими, въ королевской каретѣ, которая послана была изъ лагеря во Гдовъ для посланника В. Д. В.; г. шталмейстеръ уѣхалъ впередъ, чтобы увѣдомить короля о нашемъ пріѣздѣ. Канцлеръ увидѣвъ, не доѣзжая полъ-мили до лагеря, что насъ никто не встрѣчалъ, остановился. Е. В. въ это время дѣлалъ нападеніе на городъ съ той стороны, гдѣ часть каменной стѣны была пробита пушками, и отрядъ его войска началъ пробираться на стѣну, но шведы должны были отступить, потерявъ около 20 убитыхъ и 30 раненыхъ. Городъ Псковъ весьма великъ и многолюденъ, и въ него спаслось много жителей изъ окрестностей. Русскіе сверхъ того умѣютъ лучше защищать, чѣмъ осаждать города, или сражаться въ открытомъ полѣ. Къ тому же осадное войско короля было весьма обезсилено смертностію и болѣзнями, такъ что осталось здоровыхъ не болѣе какъ третья часть того войска, которое было собрано при началѣ осады, что было небезъизвѣстно и осажденнымъ; поэтому-то они и защищались бодрѣе, не смотря на то, что голодъ начиналъ тѣснить ихъ. Мы прождали, какъ сказано выше, передъ лагеремъ, часъ или нѣсколько поболѣе; наконецъ, прибылъ ротмистръ тѣлохранителей Е. В. съ своимъ отрядомъ и повелъ насъ во внутрь лагеря

и въ помѣщеніе короля, гдѣ стояла вооруженная пѣхота, мимо которой г. шталмейстеръ провелъ меня въ назначенную квартиру.

На другой день около 11 часовъ до обѣда (бывъ увѣдомленъ за полчаса до того, что я буду имѣть аудіенцію), я былъ приглашенъ гг. государственнымъ совѣтникомъ Филиппомъ Сейхдингомъ (Philips Scheydinck) и вышепомянутымъ ротмистромъ Германомъ Врангелемъ явиться къ королю. Господа эти имѣли при себѣ много дворянъ, латниковъ и солдатъ, всѣ пѣшіе. За его превосходительствомъ слѣдовала королевская лошадь, на которую пригласили меня сѣсть, но мы всѣ вмѣстѣ отправились пѣшкомъ, мимо пѣхотныхъ войскъ, которыя въ оружіи были разставлены до самой залы короля. Зала была довольно велика, и съ другими боковыми покоями недавно для Е. В. построена изъ дерева. Когда я сталъ приближаться къ Е. В., то онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу посланнику В. Д. В. Поклонившись ему, я сказалъ, что я и товарищи мои, узнавъ волю Е. В. изъ письма, писаннаго къ намъ 18-го сентября, не хотѣли преминуть исполнить ее; что они направили путь къ Новгороду, и что мы всѣ совокупно рѣшили, чтобы я отправился къ Е. В., именемъ всѣхъ свидѣтельствовать почтеніе, предложить услуги и вручить письма отъ гг. Генеральныхъ-Штатовъ и отъ свѣтлѣйшаго, высокорожденнаго князя Морица, принца оранскаго, графа нассаускаго. Е. В. передалъ письма г. канцлеру, который одинъ остался въ залѣ; всѣ же тѣ, которые предъ тѣмъ находились при королѣ, равно и тѣ, съ которыми мы прибыли, удалились, когда я началъ рѣчь свою къ королю. Я изложилъ Е. В. порученіе, данное В. Д. В., товарищамъ моимъ и мнѣ [1]...

На дружелюбный поклонъ, желаніе и предложенія наши, король отвѣтилъ въ краткихъ словахъ, и равномѣрно В. Д. В. и его свѣтлости пожелалъ всякаго благополучія и потребовалъ, чтобы предложенія (о посредничествѣ) нами были ему представлены письменно. Дворяне, которые оставили залу, снова вошли. Тутъ приготовили два стола къ обѣду; къ одному изъ нихъ сѣлъ король подъ балдахиномъ, по-ниже Е. В. и по лѣвую его руку посадили посланника В. Д. В.; возлѣ него г. канцлера, противъ канцлера, вышеупомянутаго государственнаго совѣтника Филиппа Схейдинга, а на концѣ стола капитана Николая ванъ-Бредероде [2]. За другимъ столомъ сидѣло много дворянъ и капи-

---

[1]) Не приводимъ самой рѣчи, потому что она чисто оффиціальная и ничего существеннаго не заключаетъ, при всей своей длинѣ.

[2]) Родственникъ посла.

тановъ, а также и тѣ, которые провожали меня. За столомъ Е. В. много распрашивалъ о военныхъ силахъ Ген. Штатовъ, о дѣлахъ Франціи, объ Остъ-Индіи и о торговлѣ вообще. Прежде всего король говорилъ объ осадѣ Пскова и о происшествіяхъ предъидущаго дня. Послѣ обѣда, когда король уволилъ меня, вышепоименованные гг. Схейдингъ и Врангель проводили меня на мою квартиру съ прежнимъ церемоніаломъ. Вечеромъ начали бросать гранаты въ городъ, которыя обратили въ пепелъ около 20 домовъ. На другой день, Е. В. приказалъ открыть батарейный огонь, съ тѣмъ, чтобы осажденные подумали, что онъ намѣренъ дѣлать новый приступъ къ городу; огонь кончился разрушеніемъ одной башни. Король приказалъ бросать гранаты; къ несчастію одно изъ орудій опрокинулось, огонь попалъ въ порохъ, который находился вблизи бомбардира, и отъ взрыва погибъ бомбардиръ и нѣсколько другихъ людей изъ артиллерійской прислуги; 50 или 60 человѣкъ кромѣ того было ранено. Вечеромъ король приказалъ всю артиллерію нагрузить на суда и сдѣлать распоряженія къ снятію осады, на что онъ рѣшился также и потому, что лагерь былъ ослабленъ и наступила зима....[1]).

Г. канцлеръ, который былъ занятъ различными дѣлами, не могъ принять меня, чтобъ проститься, ранѣе четверга 22-го октября. Его превосходительство тутъ сказалъ мнѣ, по приказанію короля, что Е. В. ничего болѣе не желаетъ, какъ окончанія войны между нимъ и русскими на честныхъ и справедливыхъ условіяхъ, о чемъ Е. В. объявилъ свое мнѣніе г. великобританскому послу, и изъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы это мнѣніе было и мнѣ сообщено, и чтобы мнѣ дано было знать, что король довольствуется уплатою ему 7 милліоновъ риксдалеровъ, соглашаясь за то отказаться отъ всѣхъ притязаній, которыя онъ имѣетъ на россійское государство и нѣкоторыя его части, и будучи готовъ оставить всѣ города и мѣста, занимаемыя имъ въ Россіи, исключая приморскихъ городовъ и Кексгольма, на счетъ которыхъ король никакого спора допустить не можетъ, какъ принадлежащихъ шведской коронѣ на основаніи особаго условія заключеннаго съ в. к. Шуйскимъ. Г. канцлеръ послалъ узнать мое мнѣніе, считаю ли я помянутыя условія и кондиціи вполнѣ благоразумными, и на какихъ условіяхъ В. Д. В. полагаете, что можно окончить эти раздоры. На это я отвѣтилъ, что Генерал. Штатамъ не вполнѣ извѣстно, въ чемъ именно заключаются

[1]) За этимъ слѣдуетъ при дѣлѣ вставка, не имѣющая отношенія ни къ посольству Іоакими, и вообще касается дальнѣйшаго хода самыхъ переговоровъ о мирѣ.

споры, а равно не извѣстны также средства, употребленныя какъ одною, такъ и другою стороною, чтобы поддержать права свои, и что потому они не могли дѣлать никакихъ особенныхъ предложеній, и по этой причинѣ поручили и приказали посланникамъ своимъ, разсмотрѣвъ тщательно обстоятельства дѣла, употребить всѣ старанія къ окончанію войны на справедливыхъ и благоразумныхъ условіяхъ, и къ основанію и упроченію новыхъ сношеній между Е. В. и государемъ россійскимъ. Когда-же я за тѣмъ просилъ увѣдомить меня, какія именно мѣста король, подъ именемъ приморскихъ, за собою удержать хотѣлъ, то г. канцлеръ отвѣтилъ мнѣ, что уполномоченные Е. В., къ заключенію мира, имѣютъ подробныя по этому предмету инструкціи; что однакожъ главная мысль короля заключается въ удаленіи русскихъ отъ Балтійскаго моря и Финскаго залива, потому что торговля, которую русскіе ведутъ въ этихъ странахъ неоднократно подавала поводъ къ недоразумѣніямъ между обѣими націями, и что если король получитъ 7 милліоновъ риксдалеровъ, онъ возвратитъ всѣ города, зàмки и земли, принадлежащія къ нимъ, со включеніемъ Ивангорода, съ условіемъ, чтобъ крѣпость эта была срыта и новой не строить.

На другой день около обѣда, гг. полковники Сванте Баннеръ и Самуилъ Кобронъ опять приводили меня къ королю. Е. В. сказалъ, что онъ намѣренъ отпустить меня съ тѣмъ, чтобъ я отправился въ Новгородъ къ товарищамъ моимъ, и что онъ въ изъявленіи искреннихъ желаній Генеральныхъ-Штатовъ и въ этомъ важномъ посольствѣ видитъ доказательство особеннаго искренняго и откровеннаго благорасположенія В. Д. В. къ Его Величеству, государствамъ и землямъ его. Король съ своей стороны желаетъ, чтобы Богъ всемогущій даровалъ В. Д. В. всякаго успѣха при постоянномъ и продолжительномъ преуспѣяніи вашего государства, и при этомъ случаѣ изъявилъ мнѣ готовность свою поддерживать дружбу свою съ В. Д. В. и всегда хранить существующій союзъ. Обстоятельный же отвѣтъ на все то, что Е. В. отъ вашего имени доложено было, король отложилъ до того времени, когда товарищи мои и я, окончивъ дѣло, для котораго мы посланы, возвратимся къ Е. В., и при этомъ случаѣ онъ изъявилъ надежду, что мы употребимъ всѣ старанія наши къ возстановленію добраго мира между Швеціею и Россіею, пожелалъ всѣмъ намъ счастливаго пути, успѣшнаго окончанія нашего предпріятія и счастливаго возвращенія къ Е. В.—За столомъ пили за здоровье короля, В. Д. В. и принца Морица, и когда я наконецъ откланялся Е. В., то меня обратно проводили на мою квартиру

означенный полковникъ г. Сванте Баннеръ и баронъ Милеръ Бьелькенсъ (Bielkens).

Такъ какъ я намѣренъ былъ отправиться въ Новгородъ 24-го числа, то г. канцлеръ далъ мнѣ знать, что, по мнѣнію короля, мнѣ лучше ѣхать на Старую Русу, чрезъ что я выиграю 24 мили и даже больше; причиною перемѣны маршрута было то, что король получилъ отъ Якова Понтуса-де-ла-Гарди графа Леское, предводителя войскъ Е. В. въ Россіи, извѣстіе о томъ, что онъ и другіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ отправились изъ Старой Русы за 10 миль, въ Осташковъ, гдѣ хотѣли дожидаться русскихъ уполномоченныхъ, и что они рѣшились на это, по настоятельной просьбѣ великобританскаго посла Іоанна Меррика, кавалера и тайнаго совѣтника его великобританскаго величества. Посолъ, отправленный королемъ великобританскимъ, чтобы примирить короля шведскаго съ В. К. россійскимъ, выѣхалъ изъ Москвы въ концѣ марта 1615 г., и прибылъ чрезъ 3 мѣсяца въ Новгородъ, послѣ чего, его превосходительство отправился къ королю шведскому въ Нарву. Доложивъ о порученіи, данномъ ему королемъ великобританскимъ, онъ вручилъ королю шведскому письмо В. К. московскаго о томъ, чего его царское высочество требовалъ отъ короля шведскаго [1]). Претензіи перваго поддерживаемы были посломъ, который находилъ ихъ весьма справедливыми и защищалъ всѣми возможными средствами и съ большимъ усердіемъ, нежели приличествовало искреннему посреднику; такъ по крайней мѣрѣ полагали король и окружающіе его. Вслѣдствіе того англійскій посолъ былъ подозрѣваемъ въ пристрастіи къ русскимъ, и это подозрѣніе увеличилось тѣмъ обстоятельствомъ, что его превосходительство 40 лѣтъ жилъ въ Россіи и долгое время занималъ должность агента англійскихъ купцовъ. Потому-то король великобританскій, полагая, что можетъ быть этотъ посолъ не будетъ пріятенъ Швеціи, далъ знать королю шведскому, что если онъ не пожелаетъ посредничества помянутаго Іогана Меррика, то къ нему будетъ посланъ другой. Не смотря на это подозрѣніе, и хотя его превосходительство не привезъ отъ русскихъ условій, на которыхъ можно бы было заключить миръ (кромѣ вышесказаннаго письма, въ которомъ они требовали возвращенія всего того, что занято было королемъ шведскимъ въ Россіи съ вознагражденіемъ за издержки и убытки), Е. В. однакожъ въ собраніи, созванномъ въ лагерѣ подъ Псковомъ, при-

[1]) Въ донесеніи попеременно царю Михаилу Ѳедоровичу дается титулъ то величества, то высочества.

казалъ своимъ уполномоченнымъ отправиться въ Новгородъ. Уполномоченные, по внушенію означеннаго великобританскаго посла, поѣхали въ Старую Русу и потомъ далѣе во внутрь Россіи, до мѣстечка Романова. Я немедленно далъ знать товарищамъ о желаніи короля, чтобъ я отправился въ Старую Русу, и чтобъ я тамъ ожидалъ ихъ. Я выѣхалъ изъ лагеря 25-го числа около обѣда, потому что приставъ, который долженъ былъ ѣхать со мною и оставаться при посланникахъ нидерландскихъ, до тѣхъ поръ, пока они будутъ находиться во владѣніяхъ Е. В., не успѣлъ приготовиться прежде. Приставъ этотъ былъ баронъ Класъ Классенъ Фуйль (Clas Classen Vuyl), бывшій градоначальникъ Нарвы. Трудно было также достать лошадей для меня и свиты моей, а еще менѣе — повозокъ или телѣгъ для провизіи и поклажи, которыя отданы были на руки князю Ивану Никитичу Мещерскому, соградоначальнику Порхова, и имъ распредѣлены по телѣгамъ разныхъ другихъ князей и бояръ, которые отправились съ нами, и число которыхъ, со включеніемъ прислуги ихъ, доходило до 150 человѣкъ. Кромѣ ихъ отправились съ нами 5 конныхъ взводовъ и 3 роты пѣхоты, частію въ качествѣ конвоя, потому что дороги были очень опасны по причинѣ казаковъ и шишей (Sysen) (эти послѣдніе суть крестьяне, скитающіеся въ лѣсахъ, грабящіе и умерщвляющіе проѣзжихъ), а частію потому, что имъ слѣдовало отправиться на зимнія квартиры.

28-го октября, я вторично далъ знать своимъ товарищамъ, что королю угодно, чтобъ мы всѣ вмѣстѣ съѣхались въ Старой Русѣ. Я писалъ къ нимъ изъ села называемаго Старицею, лежащаго въ прекрасной равнинѣ, куда иногда великіе князья имѣли обыкновеніе отправляться для потѣхи. На этомъ мѣстѣ и въ окрестности жило еще нѣсколько людей. Весь конвой остался тутъ на слѣдующій день, чтобъ дать отдохнуть пѣхотѣ, и чтобъ успѣть исправить гать по порховской дорогѣ, длиною около одной мили.

29-го октября, прибылъ я въ Порховъ, маленькій городокъ съ каменными стѣнами и принадлежащій къ большому воеводству Новгородскому. Конвой почти весь оставался за городомъ. Городъ населенъ русскими, кромѣ гарнизона, который содержится королемъ шведскимъ подъ командою нѣмецкаго губернатора. Прежде въ немъ было значительное укрѣпленіе, гдѣ жило много купцовъ и крестьянъ, ибо окружающія его поля весьма пріятны и плодородны. Князь Иванъ Никитичъ Мещерскій прислалъ мнѣ чрезъ своего сына три бутылки водки и двѣ корзины, одну съ бѣлымъ и другую съ ситнимъ хлѣбомъ.

Когда я отдалъ ему визитъ, то при приходѣ и при уходѣ моемъ онъ далъ мнѣ случай увидѣть свою хозяйку и поговорить съ нею; это у русскихъ почитается за самую большую честь, которую они могутъ оказать друзьямъ своимъ.

1 ноября, я увѣдомилъ товарищей, что отправляюсь въ этотъ день изъ Порхова въ Старую Русу. Гг. градоначальники, кн. Иванъ Никитичъ и баронъ Лаврентій Грассъ, проводили меня со многими дворянами и боярами на полъ-мили за городъ. Изъ конвоя, пришедшаго съ нами изъ лагеря, пошло далѣе со мною не болѣе одной полуроты рейтаровъ, изъ коихъ 40 человѣкъ оставили насъ въ 2-хъ миляхъ отъ Порхова. Дорога была не дурна для легкаго войска и для не тяжело нагруженныхъ путниковъ. На этой самой недѣлѣ, шиши захватили въ этой мѣстности 4-хъ рейтаровъ, посланныхъ военачальникомъ съ письмами. Они связали имъ руки на спину, отрубили имъ головы, а двумъ слугамъ этихъ рейтаровъ велѣли бросить между собою жребій, кому изъ нихъ придется отрубить голову другому.

5 ноября, мы прибыли въ Старую Русу, которая лежитъ отъ Порхова въ 18 миляхъ; градоначальники, баронъ Франсуа Дейкеръ и князь Андрей....[1]), привѣтствовали меня весьма радушно; но содержаніе не было бы хорошо, еслибъ военачальникъ не снабдилъ изъ Романова всѣмъ нужнымъ для кухни и погреба. Въ то самое время какъ я прибылъ, пріѣхалъ человѣкъ военачальника съ провизіею; такъ какъ онъ отправлялся въ Новгородъ, то и далъ знать товарищамъ моимъ о моемъ пріѣздѣ въ Старую Русу [2]) . . . .

Митрополитъ новгородскій, князья и проживающіе бояре въ Новгородѣ и все городское общество были весьма рады узнать, что гг. Генеральнымъ-Штатамъ угодно было до того принять къ сердцу дѣла русскія, что они отправили посланниковъ для прекращенія войны между его царскимъ высочествомъ и королемъ шведскимъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ выразили свои чувства въ совѣщаніяхъ, которыя мы, Рейнгоутъ, ванъ-Бредероде и Дидрихъ Бассъ, имѣли съ ними, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, дали знать о пріѣздѣ посланниковъ В. Д. В. его царскому высочеству въ Москву, и были того мнѣнія, что король шведскій снялъ лагерь подъ Псковомъ по внушенію и вслѣдствіе убѣжденій, сдѣланныхъ ему отъ имени В. Д. В. Они совѣтовали намъ письменно просить его царское высочество о присылкѣ

---

[1]) Имя пропущено въ оригиналѣ.

[2]) За симъ слѣдуетъ продолженіе прерваннаго донесенія голландскихъ пословъ, прибывшихъ въ Новгородъ.

изъ Москвы толмача или переводчика, и полагали притомъ, что чрезъ то мы пріятнѣе будемъ его царскому высочеству и русскому совѣту, и будемъ допущены безъ затрудненія къ дѣламъ о заключеніи мира. Мы приняли совѣтъ ихъ и рѣшились препоручить нидерландскому купцу изъ Зеландіи, по имени Герарду ванъ-деръ-Гейдену (Geerard van der Heyden), который 14 лѣтъ жилъ въ Новгородѣ, доставить письма наши въ Москву. До Новгорода угощали насъ служители (officieren) короля, а иногда нѣкоторые князья и бояре дѣлали намъ подарки съѣстными припасами. Гг. королевскіе уполномоченные для переговоровъ, узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, — въ письмахъ изъ Романова, поздравили насъ съ прибытіемъ и просили насъ настоятельно, если въ Новгородѣ не угостятъ насъ приличнымъ и надлежащимъ образомъ, приписать таковое обстоятельство долговременной войнѣ и трудности, съ которою добываются удобства жизни. 12 числа, выѣхали мы изъ Новгорода, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, которыя вышли къ намъ на встрѣчу при пріѣздѣ нашемъ. Намъ при отъѣздѣ была отдана та же честь, съ которою насъ встрѣтили при пріѣздѣ. Былъ данъ надлежащій конвой, но за неимѣніемъ хорошихъ проводниковъ, мы должны были провести одну ночь подъ открытымъ небомъ. На третій день, мы прибыли на лошадяхъ и въ саняхъ по льду въ Старую Русу, которая въ это время обращена была въ шанцъ, гдѣ король содержалъ гарнизонъ, состоящій изъ рейтаровъ и 1 роты пѣхоты. Прежде городъ этотъ былъ весьма многолюденъ, какъ видно изъ развалинъ каменныхъ церквей и монастырей. Здѣсь прежде добывали много соли изъ колодца, который находился въ городѣ, и отъ этого промысла великій князь получалъ болѣе 40 т. р.; но всѣ варницы (Soutkeetew), кромѣ 8 или 10, и весь городъ сожжены были поляками три года тому назадъ, жители были умерщвлены, и вся окрестность города опустошена поляками и русскими, такъ что король отъ заводовъ никакого не получаетъ дохода, и осталось около 100 жителей, имѣющихъ насущный хлѣбъ. При пріѣздѣ въ шанцъ, насъ встрѣтили градоначальники и почтили пушечными выстрѣлами.

На другой день, $^{15}/_{5}$ ноября, мы, посланники В. Д. В., снова соединившись, написали слѣдующее письмо къ великому князю:

«Свѣтлѣйшій, державнѣйшій царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, самодержецъ всероссійскій, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, астраханскій, сибирскій, владѣтель Пскова и великій князь смоленскій, тверской, ижорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и многихъ другихъ господствъ и земель владѣтель и повелитель!

«Мы во всякое время готовы нижайше служить вашему царскому величеству, свѣтлѣйшій державнѣйшій царь и великій князь.

«Высокіе и могущественные Генеральные-Штаты Соединенныхъ Нидерландовъ, узнавъ въ прошедшемъ году изъ писемъ В. Ц. В. и изъ устныхъ предложеній царскаго посланника вашего, что ведется война и существуютъ распри между В. Ц. В. и королемъ шведскимъ, не только въ письмахъ къ В. Ц. В., но и въ письменномъ отвѣтѣ, данномъ посланникамъ В. Ц. В. при ихъ возвращеніи, — предложили дружеское посредничество и всевозможную помощь къ прекращенію помянутыхъ раздоровъ и также письмами своими настоятельно просили и убѣждали Е. В. короля шведскаго согласиться на заключеніе мира. Такъ какъ Генеральные-Штаты недавно узнали изъ письма вышепоименованнаго короля шведскаго, что Е. В. не противится мирнымъ переговорамъ съ В. Ц. В., и что уже на тотъ конецъ, вслѣдствіе содѣйствія посла Е. В. короля великобританскаго, устроенъ съѣздъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, то И. Д. В., желая способствовать успѣху означенныхъ переговоровъ, почли за благо къ пользѣ В. Ц. В. и короля шведскаго отправить насъ съ порученіемъ явиться на то мѣсто, которое назначено будетъ для помянутаго съѣзда и именемъ И. Д. В. употребить всѣ возможныя старанія къ заключенію добраго, искренняго и справедливаго мира между В. Ц. В. и королемъ шведскимъ. На тотъ предметъ мы нижеподписавшіеся были намѣрены отправиться къ В. Ц. В. для врученія кредитныхъ граматъ нашихъ, но узнавъ, при пріѣздѣ нашемъ сюда, что уже дѣло о переговорахъ дошло до того, что уполномоченные (Commissarissen) обѣихъ сторонъ собрались, чтобы приступить къ занятіямъ, мы предпочли на первый случай отложить путешествіе наше къ В. Ц. В. и отправиться прямо на мѣсто переговоровъ, чтобы принять, какъ тò намъ поручено, участіе въ нихъ и, по силамъ, содѣйствовать къ успѣху; путешествіе же наше къ В. Ц. В. помѣшало бы намъ быть вамъ полезнымъ. Потому мы нижайше просимъ В. Ц. В. съ насъ за это не взыскать, и, не имѣя при себѣ переводчика (здѣсь же ни одного нейтральнаго толмача найти не можемъ, а желали бы имѣть переводчика нашей націи или другого, на котораго мы бы могли положиться), мы покорнѣйше просимъ сдѣлать намъ честь милостивѣйше даровать свободный пропускъ сюда Исааку Массару [1]) (Isaac Massar) или тому, кого онъ назначитъ вмѣсто себя, въ случаѣ, если онъ самъ будетъ задержанъ законными препятствіями. Мы признàемъ сіе за великую царскую милость

[1]) Масса.

и почтемъ себя тѣмъ болѣе обязанными служить В. Ц. В., моля Бога всемогущаго да хранитъ онъ его особу, государства и земли В. Ц. В. во всегдашнемъ благоденствіи и преуспѣяніи. Нижайше остаемся готовые къ услугамъ В. Ц. В.

«Дано въ Старой Русѣ, 5 ноября 1615 по Р. X.

Мы также просили Исаака Массàра пріѣхать къ намъ или, если то ему не возможно, то выслать намъ другого нидерландца, который могъ бы быть переводчикомъ между нами и русскими, и мы отправили съ этими письмами, 16 числа, вышепомянутаго Геррита ванъ-деръ-Гейдена (Gerrit van der Heyden). 17 числа, мы выѣхали и, совершивъ дорогу въ саняхъ по льду, который не былъ еще весьма твердъ, мы 19 числа прибыли, на одну милю отъ Романова, въ то мѣсто, гдѣ помѣщены были шведскіе уполномоченные въ деревянномъ укрѣпленіи (ретраншаментѣ); они выѣхали къ намъ на встрѣчу на озеро, а именно: Яковъ Понтусъ де-ла-Гарди (графъ Левоскій, баронъ Эйгольмскій, владѣтель въ Колкѣ и Рунзèè, шведскій государственный совѣтникъ и военноначальникъ), Генрихъ Горнъ, Венденскій и Гезлескій, (шведскій государственный совѣтникъ и маршалъ лагеманъ Эландскій), Арфу Тонисенъ Тейстербейскій, намѣстникъ Выборга и верхней Кореліи; Лагеманъ Корельскаго округа (Jurisdictu) и Мансъ Мартенссъ (Martenss), секретарь его величества, и съ ними одна рота пѣхоты и многочисленная свита. Они привѣтствовали насъ съ большимъ радушіемъ, говоря, что пріѣздъ нашъ имъ весьма пріятенъ, и проводили въ отведенныя для насъ квартиры, состоящія изъ 7 или 8 опустѣлыхъ дымовыхъ избъ, на русскій ладъ. Избы эти были остаткомъ деревни, называемой Милагоною (Milagona), лежавшей на рѣкѣ. Въ одной изъ нихъ люди наши нашли человѣческій скелетъ. Въ избахъ, въ которыхъ мы провели прошлую ночь, мы также нашли остатки 7 или 8 мертвыхъ тѣлъ. Ихъ превосходительства и благородія, извинившись въ неудобствахъ нашихъ квартиръ и предложивъ намъ всè, чѣмъ могли служить, по обстоятельствамъ времени и мѣста, отправились въ свои квартиры, оставивъ на защиту нашу 28 или 30 пѣшихъ служителей, которые были на ночь подкрѣплены 10 или 12 конными; для большей безопасности и въ огражденіе отъ волковъ и другихъ лютыхъ звѣрей, водящихся въ лѣсахъ по сю и по ту сторону озера, равно отъ казаковъ и шишей, квартиры наши были окружены палиссадами. Не желая терять времени, мы на другой день явились въ Романовское укрѣпленіе. Когда шведскіе уполномоченные узнали, что мы хотѣли ѣхать далѣе, то они намъ доставили лошадей. Мы ихъ прев-амъ и бл-діямъ объяснили причину нашего прибытія и просили ихъ увѣдомить насъ о на-

стоящемъ положеніи переговоровъ. Они выразили благодарность свою В. Д. В. за благорасположеніе, которое вы питаете къ благоденствію Е. В. короля шведскаго и его государствъ, а доказательствомъ такого благорасположенія служитъ уже отправленіе пословъ въ качествѣ посредниковъ между Е. В. и русскими. Они благодарили также насъ за то, что мы приняли на себя трудъ столь дальняго и неудобнаго путешествія. Далѣе, они разсказали намъ, что, повѣривъ обѣщаніямъ даннымъ г. англійскимъ посломъ королю шведскому и имъ, а эти обѣщанія однакожъ не всѣ были исполнены, они прибыли въ то мѣсто, гдѣ теперь находятся, въ окрестность необитаемую и опустошенную, куда все необходимое для людей и лошадей доставляется съ большимъ трудомъ и великими издержками изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, безъ всякаго обезпеченія взаимной безопасности уполномоченныхъ; — что вовсе не назначено мѣста, гдѣ должны производиться переговоры; — что помянутый посолъ предложилъ мѣстечко, именуемое Селищами (Salioze), лежащее почти на половинѣ дороги между Романовымъ и Полѣновымъ (мѣстопребываніемъ главныхъ русскихъ уполномоченныхъ); — что эти послѣдніе были недовольны этимъ распоряженіемъ и требовали, чтобы шведскіе уполномоченные пріѣхали ближе къ нимъ во внутрь Россіи, на берегъ рѣки, находящейся еще болѣе чѣмъ на двѣ мили далѣе означеннаго мѣста (на означенной рѣкѣ въ 1614 г. производился размѣнъ плѣнныхъ); — что, вслѣдствіе того, посолъ предложилъ другое мѣсто, лежащее между обоими вышесказанными мѣстечками и именуемое Дидериномъ (Diderina), на что, для ускоренія дѣла, и согласились шведскіе уполномоченные, и что англійскій посолъ отправилъ къ русскимъ уполномоченнымъ одного изъ слугъ своихъ, чтобы узнать, согласны ли они явиться въ послѣднее мѣсто; — что русскіе уполномоченные за день или за два предъ симъ написали ихъ пр-вамъ и бл-діямъ письмо, исполненное оскорбленіями, что на письмо они (шведы) приготовили отвѣтъ для защиты чести своей, не смотря на то, что посолъ просилъ ихъ оставить означенное письмо безъ отвѣта. Ихъ пр-ства и бл-дія сказали намъ также, что господинъ посолъ питаетъ къ намъ сильную зависть, такъ какъ онъ полагаетъ, что король шведскій снялъ осаду Пскова вслѣдствіе убѣжденій нашихъ, и что онъ опасается, чтобы это обстоятельство не уменьшило кредита его у русскихъ, вслѣдствіе того, что онъ не успѣлъ удержать короля отъ осады означеннаго города. Они одобрили намѣреніе наше безъ отлагательства отправиться къ русскимъ уполномоченнымъ, просили однакожъ насъ повременить до возвращенія посланнаго къ нимъ англійскимъ посломъ. Ге-

рардъ ванъ-деръ-Гейденъ, о коемъ мы упомянули выше, былъ еще съ нами и не могъ склонить слугу англійскаго посла, отправиться съ нимъ вмѣстѣ; но онъ однакожъ выѣхалъ вскорѣ послѣ него [1]).

Мы затѣмъ просили шведскихъ уполномоченныхъ поторопиться отправленіемъ тѣхъ, которые должны были принимать присягу въ безопасности и присутствовать при цѣлованіи креста русскими (подобно тому, какъ шведы имѣютъ обыкновеніе присягать на св. Евангеліи, русскіе подкрѣпляютъ свои обѣщанія цѣлованіемъ образа Спасителя на распятіи). Они обѣщали отправить повѣренныхъ своихъ 28 ноября рано поутру, не только съ этимъ порученіемъ, но и съ приказаніемъ условиться съ русскими въ томъ, чтобы обѣ стороны общими силами противодѣйствовали всѣмъ и каждому, который пожелалъ бы препятствовать ходу переговоровъ, или вредить имъ, такъ какъ толмачъ или переводчикъ великобританскаго посла, прибывшій недавно изъ стана русскихъ, привезъ извѣстіе, что польскій полковникъ, по имени Лисовскій, извѣстный въ Россіи своими набѣгами, снова приближается съ 2,000 пятью или шестью стами рейтаровъ. Шведамъ донесли, что войско его состоитъ изъ 7,000 конницы, и что, служа королю польскому, онъ имѣетъ намѣреніе, воспрепятствовать заключенію мира. Мы надѣялись на то, что онъ не осмѣлится совершить этого предпріятія, и тѣмъ болѣе были въ томъ увѣрены, что весь край во всѣ стороны опустошенъ, и онъ поэтому не найдетъ средствъ къ пропитанію людей и лошадей, а еще менѣе будетъ имѣть возможность получить свѣжихъ лошадей въ замѣнъ негодныхъ къ службѣ. Онъ имѣетъ обыкновеніе оставлять слабыхъ коней, и когда ему удается достать лучшихъ лошадей, то, подобно молніи, бросается впередъ, уничтожая всё, что̀ ему попадется и чего онъ не можетъ увезти съ собою. Посолъ, съ которымъ мы говорили объ этомъ извѣстіи, сказалъ, что Лисовскаго опасаться нечего, потому что великій князь имѣетъ довольно силъ и средствъ, чтобъ удержать набѣгъ его, и что уже 3 полковника съ войсками были отряжены на тотъ конецъ. Мы послѣ этого узнали, что означенные 3 корпуса не могли поставить болѣе 3 или 4-хъ тысячъ войска, и что Лисовскій, побывъ нѣсколько времени около Торжка, между Москвою и Осташковымъ (Astasko), отправился въ Ростовъ, сжегъ

---

[1]) Здѣсь нами опущены нѣсколько страницъ, въ которыхъ послы разсказываютъ весьма подробно о дошедшихъ до нихъ слухахъ, что англійскій посолъ отклоняется сдѣлать имъ визитъ; этотъ вопросъ этикета не относится вовсе къ существу переговоровъ и потому нами не помѣщенъ.

городъ и пустился далѣе мимо Ярославля чрезъ Вологду до Данилова (Daniclsco), повидимому, чтобъ взять въ плѣнъ купцовъ и захватить товары, которые шли въ это время съ Архангельской ярмарки въ Москву, и что съ Данилова, поворотивъ на юговостокъ чрезъ Рязань, онъ воротился въ Польшу, но часть арьергарда его въ этомъ набѣгѣ была уничтожена русскими. Бояринъ, который привезъ намъ письма отъ великаго князя, когда мы изъ Стокгольма возвращались уже въ Нидерланды, разсказалъ намъ, что Лисовскій послѣ того потерялъ много войска въ набѣгѣ на Волынь и Подолію, и что онъ самъ находится въ Смоленскѣ.

Гг. шведскіе уполномоченные сказали, 27 ноября, что англійскій посолъ получилъ письма изъ Москвы о допущеніи насъ къ переговорамъ.

28 ноября, его пр-ство самъ увѣдомилъ насъ о полученіи писемъ отъ великаго князя изъ Москвы, въ которыхъ его Царское Высочество увѣдомляетъ, что ему весьма пріятно, что мы вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ будемъ участвовать въ переговорахъ. Онъ предъявилъ намъ письма эти, которыя состояли въ весьма длинномъ сверткѣ; потомъ онъ предложилъ намъ разные, совершенно излишніе вопросы, какъ-то: были-ли въ 1614 г. посланники великаго князя приглашены пріѣхать изъ Гамбурга въ Нидерланды? Были ли чрезъ нихъ посланы подарки къ великому князю? и проч., наконецъ, привезли-ли мы съ собою деньги, которыми В. Д. В. обѣщали ссудить великаго князя? Мы сомнѣвались въ томъ, сдѣлалъ ли посолъ послѣдній вопросъ по порученію великаго князя, или по собственному своему побужденію, опасаясь, чтобъ В. Д. В. чрезъ этотъ заемъ не успѣли бы доставить голландскимъ торговцамъ выгоды и прибыли, въ ущербъ торговли англичанъ.—Мы отвѣчали, что намъ неизвѣстно, дѣлали-ли В. Д. В. подобное обѣщаніе, а ему самому извѣстно, что В. Д. В. должны еще большія суммы денегъ Е. В. королю великобританскому, почему трудно было бы ссужать другихъ государей значительными деньгами. Онъ просилъ насъ также сообщить ему то, что̀ далъ знать намъ король шведскій относительно условій, на которыхъ Е. В. согласенъ заключить миръ съ русскими, и спросилъ, не готовъ ли онъ возвратить всѣ города, завоеванные имъ въ настоящую войну. Мы подозрѣвали, что переводчики его, которые были при нашей конференціи (такъ-какъ онъ говорилъ съ нами на своемъ родномъ языкѣ), пристрастны къ русскимъ, живши и торговавши съ ними долгое время, и разсудили, что вовсе будетъ безполезно, если мысль короля шведскаго, сколько она намъ была извѣстна, чрезъ насъ дойдетъ до русскихъ, ибо дѣла о переговорахъ шли еще довольно туго. Мы

отвѣтили на это предположеніемъ, что ему почти столько-же извѣстна мысль короля, какъ и намъ, и вѣроятно, изъ уваженія къ могуществу короля великобританскаго, король шведскій пространнѣе и обстоятельнѣе говорилъ съ нимъ, посломъ англійскимъ, чѣмъ съ посланниками В. Д. В.; но, не смотря на это, намъ и его пр-ству, коль скоро начнутся переговоры, для пользы обѣихъ сторонъ, слѣдуетъ сообщать другъ другу все, что̀ каждый изъ насъ по этому предмету будетъ знать.

Между тѣмъ, шведскими уполномоченными отправлены были повѣренные для передачи охранительныхъ граматъ короля шведскаго для русскихъ уполномоченныхъ и для полученія отъ Великаго Князя подобныхъ же граматъ для охраненія шведскихъ уполномоченныхъ. Они также должны были, отъ имени уполномоченныхъ, идти къ присягѣ и присутствовать при томъ, когда русскіе будутъ цѣловать крестъ, по существующимъ обычаямъ. Для большей вѣрности шведскіе уполномоченные приказали форму о присягѣ и цѣлованіи креста изготовить по проекту англійскаго посла, и въ этой формѣ дали великому князю титулъ, который Е. Ц. В. самъ употребляетъ, протестуя при томъ еще разъ, что они этимъ не намѣрены принести ущерба Величеству короля шведскаго въ правахъ его на верховную власть въ Россіи, надѣясь, что этою уступкою предупредятся всѣ споры, которые иначе русскіе могли бы поднять относительно составленія означенной формы, и такимъ образомъ, можно будетъ приступить, безъ дальнѣйшаго труда, къ начатію главныхъ переговоровъ, которые, по ихъ мнѣнію, весьма удобно можно бы окончить въ 3 недѣли, на какой лишь срокъ они запаслись провизіею, напитками и фуражемъ изъ Новгорода [1].

Шведскіе уполномоченные сказали намъ также, что, кромѣ вышеизъясненнаго, русскіе уполномоченные хотятъ приписать великому князю титулъ: Новгородскій и Лифляндскій, на что шведы согласиться не могутъ — особенно же ни въ какомъ случаѣ на титулъ Лифляндскій — и никакъ не могутъ уступить русскимъ въ требованіи ихъ совершить присягу и цѣлованіе креста безъ письменнаго акта; что русскіе дѣлаютъ безпрестанныя затрудненія для принятія охранительной граматы короля шведскаго, потому что въ ней имена короля датскаго и Генеральныхъ-Штатовъ поставлены прежде имени великаго князя; далѣе потому, что въ ней сказано, что переговоры предприняты по убѣжденіямъ королей великобританскаго и датскаго и В. Д. В.,

---

[1]) Здѣсь слѣдуютъ формулы охранительныхъ граматъ на нѣмецкомъ языкѣ, не представляющія никакого особеннаго историческаго интереса.

и наконецъ потому, что г. Арфу Тонниссонъ Тейстербейскій именуется намѣстникомъ Выборгскимъ и Верхней Кореліи, лагеманомъ Корельскаго округа; изъ чего явствуетъ, что русскіе всячески стараются протянуть дѣло, на что шведы никакъ согласиться не могутъ. Поэтому шведскіе уполномоченные рѣшили, чтобы графъ Лекоскій (де-ла-Гарди) отправился къ англійскому послу, напомнить ему обо всѣхъ данныхъ имъ (посломъ) шведскимъ уполномоченнымъ обѣщаніяхъ, объяснить всѣ неудобства, проистекающія отъ времени, мѣста и недостатка въ продовольствіи для долгаго продолженія съѣзда, просить посла о совершеніи присяги и цѣлованія креста, на что назначено было слѣдующее воскресенье, и, наконецъ, объявить ему, что иначе они уѣдутъ и бросятъ всё дѣло. Отъ насъ они хотѣли узнать, не будетъ ли лучше для успѣха дѣла, если англійскій посолъ и мы отправились бы къ главнымъ русскимъ уполномоченнымъ, чтобы убѣдить ихъ словесно согласиться на принятую и условленную форму. Мы отъ души согласились на это и объявили, что на другой же день пойдемъ къ англійскому послу, чтобъ поговорить объ этомъ съ его пр-вомъ; но мы были освобождены отъ этого труда тѣмъ, что на другой день, 3 декабря, шведскіе уполномоченные дали намъ знать, что англійскій посолъ наканунѣ отвѣчалъ имъ, что всё недоразумѣніе произошло отъ того, что переводчики не такъ поняли дѣло и не передали какъ слѣдовало мыслей его.

Великій князь писалъ къ англійскому послу и просилъ, въ случаѣ, если его уполномоченные объявятъ, что на рѣшеніе того или другого могущаго встрѣтиться дѣла, они приказаній не имѣютъ, то чтобы его пр-во пополнилъ ихъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію, и что таковыя резолюціи посла будутъ имъ утверждены. Посолъ, посѣтивъ насъ съ приличною свитою, и извинившись въ томъ, что не былъ прежде у насъ по причинѣ дурной погоды, сказалъ намъ, что русскіе главные коммиссары писали къ нему, что не могутъ согласиться на титулы, данные королю шведскому въ проектѣ, и что онъ самъ твердо увѣренъ въ томъ, что они въ этомъ отношеніи не уступятъ; особенно, они никакъ не согласятся на титулъ: «Государь многихъ другихъ земель и государствъ», и что, по его мнѣнію, можно отвратить это затрудненіе тѣмъ, что обоимъ государямъ даны будутъ сокращенные ихъ титулы (назвать великаго князя Михаиломъ Ѳедоровичемъ, царемъ и самодержцемъ всероссійскимъ, а короля шведскаго — Густавомъ-Адольфомъ, королемъ шведовъ и проч.), или совершеніемъ присяги и цѣлованія креста въ присутствіи двухъ его толмачей или переводчиковъ,

гг. Томаса Смита (Thomas Smith) и Егора Брухузена (George Bruchusen), безъ письменнаго о томъ акта, или, наконецъ, тѣмъ, что гг. посредники уполномочатъ отъ себя означенныхъ двухъ переводчиковъ принять присягу и крестное цѣлованіе отъ обѣихъ сторонъ и дать каждому изъ государей тѣ титулы, которыхъ они пожелаютъ. Англійскій посолъ послалъ форму присяги однимъ днемъ ранѣе русскимъ уполномоченнымъ, чѣмъ шведскимъ.

Мы объявили, что, по нашему мнѣнію, почти все равно, пространные ли или краткіе титулы будутъ даны обоимъ государямъ въ актѣ о присягѣ и крестномъ цѣлованіи, но намъ кажется весьма важнымъ, не терять по пустымъ спорамъ времени, чрезъ что безпрестанно отлагаются переговоры. Для того, чтобы рѣшить эти споры и другіе, которые могутъ возникнуть въ предварительныхъ пунктахъ, мы сдѣлали послу тоже самое предложеніе, которое, за нѣсколько дней предъ симъ, мы сообщили двумъ изъ шведскихъ полномочныхъ, а именно: не лучше ли будетъ намъ постараться о томъ, чтобы шведскіе полномочные сообщили намъ свои инструкціи и дали намъ копіи съ нихъ, подъ обѣщаніемъ съ нашей стороны не сообщать ихъ противной сторонѣ прежде, нежели получимъ сообщеніе ихъ инструкціи; затѣмъ, отправиться вмѣстѣ къ русскимъ, чтобы заняться главнымъ дѣломъ, устройство котораго будетъ, можетъ быть, стоить менѣе труда, чѣмъ устраненіе всѣхъ уже бывшихъ споровъ, которые, вѣроятно, еще встрѣтятся при предварительныхъ занятіяхъ; это было бы тѣмъ удобнѣе, что его превосходительство объявилъ, что ему извѣстно, на что̀, въ главныхъ пунктахъ, великій князь намѣренъ согласиться. На наше предложеніе посолъ не отвѣтилъ прямо и откровенно, но сказалъ, что въ тотъ же день еще увидитъ шведскихъ уполномоченныхъ и дастъ намъ на другой день знать, на что̀ они рѣшились; шведы не приняли его предложенія, но 6 декабря объявили ему рѣшительный отвѣтъ и средства, на которыя они согласятся, чтобы покончить этотъ споръ. Они передали отвѣтъ свой на письмѣ, при завѣреніи, что они уѣдутъ, если русскіе не примутъ одного изъ ихъ предложеній, и если не будутъ совершены присяга и крестное цѣлованіе къ 9 часамъ будущей среды, т. е. 9 декабря. Ихъ пр-ства и благ-дія сообщили намъ этотъ отвѣтъ на квартиру нашу 7 числа того же мѣсяца, и сказали, что они весьма сожалѣютъ о томъ, что англійскій посолъ перешелъ на сторону русскихъ, которые старались приписать великому князю не только титулъ разныхъ владѣній, о которыхъ должны были идти переговоры и такимъ образомъ поднимали снова поконченные уже споры, но хотятъ еще почтить его титуломъ обладателя (obladitiel) (что, по объ-

ясненію нашего переводчика, значитъ: побѣдитель, господинъ, или какъ-бы защищающій или прикрывающій крыльями своими, защитникъ), котораго предъидущіе великіе князья никогда въ сношеніяхъ своихъ со шведами не употребляли; а съ своей стороны королю шведскому и сановникамъ его (officieren) отказываютъ въ законныхъ или издавна употребляемыхъ титулахъ, что весьма оскорбительно для короля.

Въ четвергъ, 10 декабря, въ обѣдъ, шведскіе уполномоченные, не получивъ никакого извѣстія по сему дѣлу, дали намъ знать, что къ англійскому послу прибыли бояринъ и переводчикъ, посланные отъ русскихъ уполномоченныхъ съ письмами къ намъ. Вечеромъ того же дня, когда начинало смеркаться, прибылъ къ намъ дворянинъ, посланный англійскимъ посломъ съ помянутымъ переводчикомъ; то былъ Дидерихъ ванъ-Неменъ (Diederich van Nehmen), который находился въ 1614 году съ русскими послами въ Голландіи. Дворянинъ сказалъ намъ, что этотъ переводчикъ, посланный къ намъ русскими главными уполномоченными, принятъ подъ покровительство англійскаго посла, что онъ принесъ съ собою письмо къ послу и къ намъ, о содержаніи которыхъ его превосходительство желалъ съ нами переговорить [1]).

Въ пятницу, 11 числа, мы отправились на квартиру англійскаго посла, въ сопровожденіи означеннаго переводчика; его однакожъ мы не взяли съ собою, проходя по квартирамъ шведскихъ уполномоченныхъ, чрезъ которыя намъ приходилось идти, а велѣли ему обойти кругомъ. Мы узнали, что шведскій военачальникъ (де-ла-Гарди) обижался тѣмъ, что русскіе не хотѣли ставить предъ его именемъ графскаго титула, равно послѣ имени выписывать его чиновъ и званія. Англійскій посолъ, въ защиту мнѣнія русскихъ, сказалъ графу Лекоскому (де-ла-Гарди) и прочимъ шведскимъ уполномоченнымъ, что русскіе основываются на той, весьма немаловажной разницѣ, что Данило Ивановичъ (Мезецкій) ведетъ родъ свой отъ князей, а что онъ, Яковъ де-ла-Гарди, недавно еще возведенъ въ графское достоинство. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, дѣло рѣшилось слѣдующимъ образомъ: оставить на произволъ русскихъ уполномоченныхъ не упоминать объ именахъ уполномоченныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было, посредникамъ отправиться на мѣсто собранія въ слѣдующій понедѣльникъ, 14-го декабря, чтобы быть тѣмъ ближе къ русскимъ уполномоченнымъ, и съ ними на сло-

---

[1]) Тутъ слѣдуетъ письмо русскихъ уполномоченныхъ къ нидерландскимъ посламъ на нѣмецкомъ языкѣ, которое трактуетъ лишь о титулахъ.

вахъ переговорить, если они будутъ дѣлать какія-либо возраженія противъ вышеизложеннаго. О всемъ этомъ мы увѣдомили русскихъ уполномоченныхъ, отвѣтомъ на письмо ихъ чрезъ переводчика Дирка ванъ-Немена [1]).

Отъѣздъ посредниковъ въ назначенный день осуществиться не могъ, потому что англійскій посолъ въ этотъ день и наканунѣ былъ нездоровъ.

Во вторникъ, 15-го декабря, около 9 часовъ вечера, шведскіе уполномоченные приказали сказать намъ чрезъ одного изъ дворянъ своихъ, что русскіе дѣлаютъ затрудненія въ цѣлованіи креста, о чемъ они (шведы) на другой день намѣрены переговорить съ англійскимъ посломъ, и что, поэтому, отъѣздъ долженъ быть отложенъ. Въ среду, гофмейстеръ графа де-ла-Гарди принесъ намъ обстоятельнѣйшія и вѣрнѣйшія извѣстія, а именно, что русскіе насъ знать не желаютъ и не намѣрены включить насъ въ охранительную грамату; почему присяга и крестное цѣлованіе были отложены, и шведскіе уполномоченные, будучи чрезвычайно недовольны этимъ, намѣрены переговорить по этому предмету съ англійскимъ посломъ и желаютъ знать наше о семъ дѣлѣ мнѣніе. Мы объявили, что намъ кажется весьма не честнымъ, не допускать насъ къ дѣлу, котораго едва бы достигли безъ нашего содѣйствія, а предвидя, что мы не будемъ совершенно безопасны на мѣстѣ собранія, мы не желаемъ, чтобъ изъ-за насъ на минуту остановилось дѣло, для успѣха котораго мы присланы повелителями нашими. Шведскіе уполномоченные сами знаютъ, что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать. Намъ казалось весьма важнымъ не дать обѣимъ сторонамъ повода спорить о допущеніи насъ къ переговорамъ и о заключеніи насъ въ предварительномъ актѣ, такъ какъ отъ того произошло бы отлагательство въ главномъ дѣлѣ, и мы взяли бы на свою отвѣтственность всѣ непріятности, которыя между тѣмъ могли бы произойти между враждующими сторонами; къ тому же мы надѣялись впослѣдствіи получить за это должное удовлетвореніе. Тотъ же гофмейстеръ сказалъ намъ, что англійскій посолъ готовится выѣхать въ тотъ же день, около обѣда, но гр. Лекосвій сказалъ намъ, что онъ останется еще до 17-го числа, для того чтобы мы могли имѣть при себѣ конвой, такъ какъ лошади были слишкомъ слабы отъ недостатка корма, чтобы дѣлать большіе или трудные переходы. Графъ де-ла-Гарди приписывалъ всѣ отлагательства англійскому послу, который, послѣ того какъ рѣ-

[1]) Отвѣтъ нидерландскихъ пословъ мы опускаемъ, какъ не заключающій никакихъ существенныхъ данныхъ.

шено было отправить повѣренныхъ, просилъ у него сорокъ человѣкъ крестьянъ, чтобы очистить ему дорогу, по которой однако проѣзжало огромное число саней взадъ и впередъ съ провизіею и фуражемъ для рейтаровъ, состоявшихъ при повѣренныхъ, уполномоченныхъ и ихъ свитѣ. Припасы эти возились въ то мѣсто, гдѣ должна была совершиться присяга.

Въ четвергъ, 17-го декабря, посолъ и мы отправились къ мѣсту, куда уполномоченные должны были съѣхаться. Не далеко отъ Глѣбова, который лежитъ на разстояніи 6 миль отъ Романова, гдѣ мы должны были остановиться, встрѣтился намъ одинъ изъ нашей свиты, Янъ Данкартъ (Jan Danckaert), посланный ротмистромъ Вагенеромъ (Wagenaer) и другими повѣренными шведскихъ уполномоченныхъ увѣдомить насъ, что русскіе не хотятъ включить насъ въ охранительную грамату, ни упоминать въ ней вовсе о В. Д. В., угрожая отъѣздомъ, если въ этотъ же день не совершится присяга; о чемъ означенные повѣренные желали узнать наше мнѣніе. Данкартъ говорилъ намъ, что, кажется, будто бы русскіе побуждены были къ тому переводчикомъ англійскаго посла Егоромъ Брухузеномъ (George Brúchúsen), который сказалъ, что мы и не требовали того, чтобъ о насъ упоминаемо было въ охранительной граматѣ. Мы, въ отвѣтъ на это, поручили посланному дать знать повѣреннымъ, что мы сами ѣдемъ, и сообщили въ Глѣбовѣ о случившемся англійскому послу, который жилъ одною верстою далѣе.

Между тѣмъ г. ротмистръ Вагенеръ просилъ отвѣта господъ посредниковъ: приступить ли ему и товарищамъ его [Арвидъ Горнъ (Arvidt Horn), Андерсъ Нильсонъ (Andress Nielson), Ларсъ Маркусонъ (Lars Marcusson), и Авраамъ Шпехтъ (Abraam Specht)], къ присягѣ и крестному цѣлованію или вовсе оставить.—Мы отвѣтили тоже, что отвѣчали 15-го декабря посланному шведскихъ уполномоченныхъ. Присяга и крестное цѣлованіе были совершены въ назначенный день по сокращенной формѣ....

Намъ послѣ того говорили нѣкоторые изъ лицъ присутствовавшихъ, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны шведовъ, что, при совершеніи присяги и крестнаго цѣлованія, русскіе не дѣлали бы затрудненій упомянуть въ граматѣ о В. Д. В., еслибъ Томасъ Смитъ и Егоръ Брухузенъ не объявили, что англійскій посолъ уѣдетъ, если о В. Д. В. будетъ упомянуто въ актѣ, и что честь его будетъ оскорблена, когда посланники В. Д. В., которые недавно прибыли, будутъ пользоваться плодами его трудовъ, продолжавшихся почти цѣлый годъ по этому дѣлу.

Увидѣвъ ясно, что насъ стараются сдѣлать ненавистными

главнымъ русскимъ уполномоченнымъ, и что они, какъ казалось, хотѣли отказать намъ въ защитѣ и свободномъ пропускѣ, а въ тоже время, желая точнѣе узнать ихъ расположеніе къ намъ, мы написали къ нимъ письмо....

Англійскій посолъ написалъ также и въ этотъ-же день къ русскимъ уполномоченнымъ, чтобъ узнать когда имъ угодно прибыть въ здѣшнее новое ихъ мѣстопребываніе, ибо онъ затруднялся, не имѣя предварительнаго отъ нихъ извѣстія, назначить съ нами день, въ который слѣдовало собраться обѣимъ сторонамъ. 20-го декабря возвратились Михайло де-Мистъ (Michiel de Mist) и Іорисъ ванъ-Катцъ (Ioris-van-Catz), которые были посланы съ вышеозначенными письмами къ главнымъ русскимъ уполномоченнымъ. Упомянутый Катцъ говоритъ по-русски. Они донесли намъ, что были русскими уполномоченными приняты хорошо, и что ихъ повели туда, гдѣ уполномоченные пировали въ честь совершенія крестнаго цѣлованія; имъ подали также рыбы, такъ какъ русскіе за нѣсколько дней до Рождества соблюдаютъ постъ, а пить имъ подали водки, пива и меду. У квартиры ихъ поставленъ былъ караулъ собственно для того, чтобъ они не ушли, а имъ сказали, что караулъ данъ имъ для почести. Они принесли на письмо наше отвѣтъ, которымъ русскіе уполномоченные насъ увѣдомляютъ, что они будутъ въ Пескахъ 14-го декабря, и намъ дадутъ знать, когда могутъ насъ принять.

Мы 21-го числа увѣдомили главныхъ шведскихъ уполномоченныхъ о томъ, что узнали относительно пріѣзда русскихъ уполномоченныхъ, и просили ихъ прибыть въ тотъ-же день; то же сдѣлалъ и англійскій посолъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ къ нимъ свидѣтельство [1]) о ихъ протестѣ, о которомъ упомянуто выше; протестъ этотъ сочиненъ былъ имъ на англійскомъ языкѣ, потомъ переведенъ однимъ изъ его домашнихъ людей и подписанъ имъ вмѣстѣ съ нами; безъ такого засвидѣтельствованія, шведы объявили, чрезъ своихъ повѣренныхъ, что не могутъ рѣшиться на отъѣздъ внутрь Россіи, въ мѣсто собранія. Въ тотъ-же день мы писали русскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ приказать перевести ихъ вышеупомянутое письмо, такъ какъ у насъ нѣтъ переводчика....

На письмо это письменнаго отвѣта они намъ не прислали, а велѣли только сказать чрезъ означенныхъ де-Миста и Катца,

---

[1]) Свидѣтельство на латинскомъ языкѣ опускаемъ, такъ какъ оно заключаетъ лишь удостовѣреніе, что шведскіе уполномоченные, давая великому князю Михаилу Ѳедоровичу извѣстные титулы, протестовали при этомъ, что дѣлаютъ это безъ ущерба правъ короля на владѣніе Россіею.

что въ ихъ канцеляріи не было оставлено отпусковъ означенныхъ двухъ писемъ; а что они пришлютъ на другой день толмача Дирка ванъ-Немена, который переведетъ намъ письма. Князь Даніилъ Ивановичъ Мезецкій, Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ и Николай Никитичъ Новоксеновъ, предложили намъ всѣ свои услуги и подарили каждому изъ насъ по одному возу сѣна. Дьякъ Добрыня Семеновъ приказалъ сказать, что и онъ подарилъ бы намъ сѣна, но что у него самого въ сѣнѣ недостатокъ. Диркъ ванъ-Неменъ извѣстилъ насъ о возвращеніи Геррита фанъ-деръ-Гейдена, посланнаго нами изъ Старой Русы въ Москву. Онъ прибылъ къ намъ 24-го декабря, въ 9-й день по выѣздѣ изъ Москвы, гдѣ его задержали только 5 дней, и откуда его отправили съ письмомъ великаго князя къ намъ. Ему подарили тюкъ, состоящій изъ 40 собольихъ шкуръ. На пути своемъ въ Москву, онъ задержанъ былъ набѣгомъ Лисовскаго, о которомъ упомянуто выше....

Павелъ Стерлингъ (Paulus Sterlingh), котораго Е. Ц. Величество послалъ къ намъ (въ качествѣ переводчика), происходитъ отъ шотландскихъ родителей и былъ родомъ изъ Дансвика (Danswyck). Онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими, 26 лѣтъ тому назадъ, въ Лифляндіи, и отпущенъ на волю съ тѣмъ, чтобы служить царю переводчикомъ. По пріѣздѣ его, мы велѣли присягнуть ему въ томъ, что онъ будетъ вѣрно переводить намъ съ русскаго языка на нѣмецкій и передавать, по приказанію нашему, все, что другіе посланники будутъ говорить на русскомъ языкѣ, и изъ того что онъ услышитъ отъ насъ, не будетъ пересказывать другимъ болѣе, чѣмъ намъ заблагоразсудится.

22-го числа, главные шведскіе уполномоченные препроводили къ намъ письмо на наше имя отъ короля Густава-Адольфа....

24-го декабря, около вечера, прибыли въ Глѣбовъ королевскіе главные уполномоченные: гр. Яковъ де-ла-Гарди, Арфу Тоннесонъ и Монсъ Мартенсонъ [1]). Г. Генрихъ Горнъ заболѣлъ горячкою, возвратился въ Новгородъ и не принималъ уже болѣе участія въ переговорахъ. Немного послѣ нихъ, прибыли въ Пески (разстояніемъ на одну милю отъ Глѣбова) гг. главные русскіе уполномоченные, такъ какъ они рѣшились прибыть послѣдніе на мѣсто, потому что полагали, что это почетнѣе для нихъ. Въ тотъ же вечеръ прислали они намъ возъ сѣна и приказали сказать толмачу Павлу Стерлингу, зайти къ нимъ на другой день утромъ. Мы отправили къ нимъ Миста и Катца поблагодарить за присланное сѣно (ибо, по ихъ обычаю, нужно

---

[1]) Здѣсь онъ названъ Martensson, а выше Martenss.

благодарить и за бездѣлицу; если же кто замедлитъ приношеніемъ благодарности, то они напоминаютъ о сдѣланныхъ ими подаркахъ) и сказать, что Е. Ц. В. прислалъ намъ переводчика, съ тѣмъ, чтобы мы его оставили при себѣ, а мы полагали, что ему нельзя ходить взадъ и впередъ, изъ одного лагеря въ другой, что было бы непріятно шведамъ и во вредъ службы царю. Посовѣтовавшись между собою о нашемъ мнѣніи, русскіе уполномоченные одобрили его, и велѣли намъ сказать, что они въ тотъ же день послали бы намъ поклониться и спросить о здоровьи, но такъ какъ они узнали, что мы здоровы, а поклониться намъ было можно чрезъ нашихъ посланныхъ (Миста и Катца), то они пошлютъ къ намъ спустя день или два, и просятъ насъ сообщить имъ, коль скоро мы будемъ имѣть какія либо свѣдѣнія относительно переговоровъ....

28-го числа, около 10 часовъ до обѣда, пришелъ къ намъ дворянинъ и переводчикъ Диркъ ванъ-Неменъ; они поклонились намъ отъ русскихъ уполномоченныхъ, поздравили съ пріѣздомъ и просили отправиться съ ними къ русскимъ уполномоченнымъ для переговоровъ. Мы заняли у шведскихъ уполномоченныхъ двое саней, кромѣ тѣхъ, которыя мы уже имѣли. Приближаясь къ мѣстопребыванію русскихъ, мы узнали, что конвой, высланный намъ на встрѣчу, по ошибкѣ взялъ не ту дорогу. Въ станѣ русскихъ поставлена была пѣхота съ оружіемъ. У дома уполномоченныхъ, внизу приняли насъ нѣсколько дворянъ, а на крыльцѣ у дверей встрѣтили сами уполномоченные, т. е. окольничій князь Даніилъ Ивановичъ Мезецкій, намѣстникъ Суздальскій, дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ, намѣстникъ Гжатскій, дьяки Николай Никитичъ Новоксеновъ и Добрыня Семеновъ. Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, князь Даніилъ сѣлъ у верхняго конца стола, посадилъ перваго изъ насъ по лѣвую руку, а потомъ другихъ, давъ намъ такимъ образомъ мѣсто выше прочихъ русскихъ уполномоченныхъ. Затѣмъ изъ комнаты вышли всѣ, кромѣ толмача Павла Стерлинга и двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ на нашей сторонѣ, а другой на сторонѣ его сіятельства и ихъ превосходительствъ. Князь Даніилъ спросилъ насъ, не имѣемъ ли что̀ сообщить имъ, на что мы свидѣтельствовали имъ поклонъ В. Д. В., и увѣрили въ искренности и откровенности попеченія вашего о благоденствіи Е. Ц. Величества, его государствъ и подданныхъ.

Русскіе уполномоченные спросили насъ, не имѣемъ ли какихъ-либо писемъ къ Е. Ц. В. Мы отвѣтили, что имѣемъ, но прибавили, что они такого рода, что намъ нужно самимъ отдать ихъ въ собственныя руки Е. Ц. В. Тутъ князь Даніилъ всталъ,

приказалъ встать также прочимъ всѣмъ, и вынулъ изъ-за пазухи свертокъ, либо для освѣженія памяти, либо для того, чтобъ слово въ слово исполнить свое порученіе, ибо иногда случается, что изъ самыхъ важныхъ сановниковъ, иные наказываются розгами и плетьми, если только переступятъ данныя имъ наставленія, что, говорятъ, случилось съ Степаномъ Михайловичемъ Ушаковымъ, когда онъ въ 1614 году воротился съ Семеномъ Саборотскимъ (Semoe Saberotskoe) изъ посольства къ римскому императору. Князь Даніилъ Ивановичъ, сдѣлавъ воззваніе къ Всевышнему и Св. Троицѣ, сказалъ во многихъ словахъ (ибо русскіе многословны въ рѣчахъ своихъ), что по смерти покойнаго царя Іоанна Өедоровича, митрополитами, архіепископами, всѣмъ церковнымъ соборомъ, дворянами и всѣмъ народомъ русскимъ, избранъ царемъ всероссійскимъ Михаилъ Өедоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій (всѣ его титулы, сказалъ князь, вы услышите другой разъ); что о вступленіи своемъ на престолъ, царь извѣстилъ брата своего императора римскаго и гг. генеральные штаты Нидерландъ и Голландіи, съ которыми царь доселѣ находился въ дружескихъ сношеніяхъ, что Е. Ц. В. представилъ имъ также, сколько король польскій пролилъ крови въ Россіи, и что умершій и настоящій короли шведскіе отняли много городовъ и крѣпостей у Россіи; что онъ просилъ помощи В. Д. В., которые, вслѣдствіе того, отвѣтили письмами и прислали нѣсколько маловажныхъ подарковъ, которые они тогда имѣли подъ руками; что послѣ того они отправили Исаака Масса, который, бывъ принятъ почетно и узрѣвъ, по желанію своему, ясныя очи Е. Ц. В., снова уѣхалъ назадъ съ милостивымъ отвѣтомъ и подарками, и что съ нимъ уѣхалъ посланный Е. Ц. В. съ письмами, чтобъ просить помощи; далѣе, царь писалъ имъ, что ему весьма пріятно прибытіе посланниковъ для заключенія мира и согласія между Е. Ц. В. и королемъ шведскимъ. Русскіе уполномоченные просили насъ дѣйствовать за одно съ англійскимъ посломъ, княземъ Иваномъ Ульяновичемъ, вмѣстѣ съ нимъ представить шведскимъ уполномоченнымъ всю несправедливость, съ которою шведы поступили съ русскими, побудить ихъ къ возвращенію городовъ и крѣпостей, занятыхъ ими, оружія и другихъ вещей, вывезенныхъ ими изъ Россіи и денегъ (контрибуціи), которыхъ они забрали отъ народа, равно и вознагражденія за всѣ убытки, понесенные Е. Ц. В. въ сей войнѣ; за таковое содѣйствіе ваше, прибавилъ онъ, Е. Ц. В. обѣщалъ доставить еще большее покровительство подданнымъ нидерландскимъ.

На это мы отвѣтили, что прибыли въ качествѣ посредни-

ковъ, и что мы будемъ поступать со всевозможнымъ безпристрастіемъ, ни держать ни той, ни другой стороны, какъ слѣдуетъ и приличествуетъ настоящимъ посредникамъ. Уполномоченные шведскіе и русскіе послѣ того говорили намъ, что англійскій посолъ, когда въ первый разъ былъ у короля шведскаго въ Нарвѣ, предложилъ ему быть посредникомъ (третейскимъ судьею) въ спорѣ между двумя государями. Русскіе главные уполномоченные объявили намъ также, что они съ англійскимъ посломъ положили обѣимъ сторонамъ въ будущій вторникъ, 29-го декабря, раскинуть палатки и начать въ слѣдующій за симъ день (т. е. въ среду, 30-го декабря), переговоры, и просили насъ зайти къ послу, возвращаясь домой и по этому предмету переговорить съ нимъ. Мы отвѣтили, что во всякое время готовы идти къ нему для способствованія переговорамъ, коль скоро онъ того пожелаетъ; но что до сихъ поръ онъ намъ такого желанія не объявлялъ и даже не посѣщалъ насъ, послѣ прибытія нашего въ Глѣбовъ. Что̀ же касается до предъидущаго, о чемъ ихъ сіятельство и превосходительства говорили, будто согласились уже съ посломъ (т. е. объ открытіи палатокъ), то мы полагаемъ, не лучше ли будетъ и успѣшнѣе для самаго дѣла, если посредники выслушаютъ обѣ стороны отдѣльно и порознь, нежели если соберутся вмѣстѣ и начнутъ, одна въ присутствіи другой, приносить свои жалобы, что̀ не обойдется безъ обидныхъ и оскорбительныхъ словъ, а это можетъ послужить поводомъ къ замедленію и пресѣченію всего дѣла. — Они отвѣтили намъ, что должны свидѣться съ шведскими уполномоченными; такъ сказано въ ихъ инструкціяхъ, и это такъ водится. Даже въ послѣдующихъ конференціяхъ нельзя было перемѣнить ихъ мнѣнія по этому предмету.—Ихъ пр-ва и бл-дія нѣсколько разъ еще убѣдительно просили насъ, при возвращеніи нашемъ, зайти къ англійскому послу и, выслушавъ съ нимъ обѣ стороны, начать разсуждать о главномъ дѣлѣ. Относительно перваго пункта (посѣщенія великобританскаго посла), мы остались при прежнемъ отвѣтѣ нашемъ; на что они объявили, что пошлютъ къ нему гонца съ просьбою пригласитъ насъ къ себѣ. Относительно второго (выслушать обѣ стороны вмѣстѣ), мы повторили прежнія наши заявленія и предложенія, которыя они наконецъ приняли, прося насъ быть посредниками. Для того, чтобъ намъ дѣйствовать вѣрнѣе и смѣлѣе, мы ихъ два раза торжественно просили ясно отвѣтить намъ: хотятъ и просятъ ли они, чтобъ мы были посредниками вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ въ переговорахъ о заключеніи мира между Е. В. царемъ русскимъ и королемъ шведскимъ? На что они каждый разъ отвѣчали, что хотятъ и

просятъ. Ихъ пр-ва и б-дія сказали намъ затѣмъ, что имъ будетъ пріятно, если мы оставимъ квартиру нашу въ шведскомъ станѣ, потому что имъ тогда удобнѣе будетъ посѣщать и снабжать насъ всѣми нужными припасами и напитками. Мы отвѣтили, что уже 5 недѣль тому назадъ, мы имѣли желаніе переѣхать къ ихъ пр-вамъ и б-діямъ, но что исполненіе этого намѣренія отложено было, по совѣту англійскаго посла, до того времени, когда будетъ совершено крестное цѣлованіе, что мы въ то время имѣли особую отъ шведовъ квартиру, но что послѣ мы просили поселиться въ одномъ съ ними станѣ для безопасности отъ разбойниковъ, и что мы были всегда готовы и теперь еще готовы со всею свитою переѣхать въ ихъ станъ, если то имъ будетъ пріятно. Они сказали намъ въ отвѣтъ, что посмотрятъ, — не найдется ли гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ удобнаго мѣста, гдѣ мы могли-бъ поселиться отдѣльно. Дѣло о квартирѣ нашей тѣмъ кончилось, и о немъ не было болѣе говорено; только гораздо позже, они предложили взять къ себѣ нѣкоторыхъ слугъ нашихъ и содержать лошадей нашихъ въ Осташковѣ (Astasko) или въ окрестностяхъ. Они также, съ 31 декабря до самаго конца съѣзда, посылали намъ всякій день или чрезъ два дни нѣсколько съѣстныхъ припасовъ: мяса, рыбы, хлѣба, а изъ напитковъ пива, меду и хлѣбнаго вина, однакожъ не въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ намъ приходилось гораздо болѣе брать у другой стороны (т. е. шведовъ) для продовольствія нашего и свиты нашей. Дальнее разстояніе мѣстъ, откуда привозилась провизія, могло нѣкоторымъ образомъ служить имъ оправданіемъ. Когда мы разставались съ русскими уполномоченными послѣ описанной выше конференціи, они приказали принести разныхъ напитковъ, между прочимъ настоекъ (brandewyn ower specerien getogen) разныхъ сортовъ меду и сладкаго хлѣба. Мы, стоя, закусили и потомъ простились съ ними....

Въ этотъ же день, предъ обѣдомъ, русскій секретарь изъявилъ желаніе поговорить съ нами наединѣ и подалъ намъ записку на русскомъ языкѣ, которою, въ случаѣ, если шведы не захотятъ сойтись съ русскими уполномоченными для переговоровъ и не согласятся возвратить родовыя имѣнія и города отнятые у царя, просилъ В. Д. В. помочь царю деньгами и порохомъ, не оказывать содѣйствія шведамъ и запретить всѣмъ нидерландскимъ подданнымъ вступать въ службу шведовъ, пока они не помирятся съ Его Царскимъ Величествомъ.

30 декабря, около 9 часовъ до полудня, великобританскій посолъ далъ намъ знать, что русскіе уполномоченные увѣдомили его, что будутъ въ 4 часу дня (восхожденіе солнца считается

здѣсь первымъ часомъ) въ квартиру его пр-ства, и просилъ насъ быть у него нѣсколько ранѣе назначеннаго времени, чтобъ намъ можно было посовѣтоваться о томъ, что имъ сказать. Около означеннаго времени прибыли съ большою свитою рейтаровъ и слугъ гг. Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ и Николай Никитичъ Новоксеновъ. Посолъ и мы приняли ихъ внизу на дворѣ у крыльца, точно такъ, какъ мы всегда встрѣчали шведскаго уполномоченнаго. Послѣ привѣтствія, мы предложили имъ дать шведамъ копію съ ихъ полномочія и сказали, что шведы согласны дать имъ копію съ ихъ полномочія, и что это весьма справедливо и водится такъ во всѣхъ переговорахъ. Они отвѣтили, что это вовсе безполезно, что они вѣрятъ гг. посредникамъ, которые утверждаютъ, что полномочія имѣютъ надлежащую силу. Секретарь шведскихъ уполномоченныхъ былъ готовъ предъявить ихъ полномочія. Съ большимъ трудомъ посредники могли добиться отъ русскихъ уполномоченныхъ допущенія секретаря къ передачѣ шведскаго полномочія, но никакъ ихъ нельзя было принудить выслушать чтеніе его. Предложеніе составить новую форму полномочія также не понравилось имъ. Они настаивали единственно на томъ, чтобъ раскинуть какъ можно скорѣе шатры и свести уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. На вопросъ нашъ, сколько они намѣрены раскинуть шатровъ и сколько имѣть при себѣ, во время собранія, войска, они отвѣчали, что думали для каждаго уполномоченнаго поставить палатку, а потомъ еще палатку царскую, въ которой обѣ стороны и посредники моглибъ разсуждать о дѣлахъ, а что касается до числа рейтаровъ и служителей, то они объявили, что чести царя обидно будетъ, если они приведутъ съ собою менѣе трехъ сотъ человѣкъ. Англійскій посолъ обнадежилъ-было шведовъ склонить русскихъ на то, чтобъ съ обѣихъ сторонъ уменьшить число рейтаровъ для охраненія уполномоченныхъ; но русскіе и на это не согласились. Видя, что возникаетъ еще множество споровъ, какъ относительно установленія шатровъ, такъ и относительно титуловъ великаго князя, мы пригласили уполномоченныхъ поручить посредникамъ ходъ переговоровъ и отказаться отъ того, чтобы обѣ противныя партіи были собраны для защищенія своихъ претензій одна въ присутствіи другой. Но все было тщетно; они говорили, что это было бы противно принятымъ обычаямъ, противно порученію и приказанію данному имъ отъ великаго князя, — и что въ актѣ о присягѣ и цѣлованіи креста сказано, что обѣ партіи должны сойтись вмѣстѣ для веденія переговоровъ....

За симъ шведскіе уполномоченные пришли къ посредникамъ,

и эти послѣдніе довели ихъ до того, что они согласились продолжать дѣло на слѣдующихъ условіяхъ. Посредники дадутъ имъ письменное увѣреніе въ томъ, что они находятъ полномочія достаточными для того, чтобъ можно было, на основаніи ихъ, приступить къ дѣлу. Посредники будутъ хранить у себя оба полномочія и возвратятъ ихъ по припадлежности, если переговоры кончатся безуспѣшно. Если же переговоры будутъ увѣнчаны успѣхомъ, то русскаго полномочія не присовокупятъ къ актамъ трактата, потому что оно заключаетъ многія неправды. Они (шведскіе уполномоченные) согласились на то, чтобъ русскіе уполномоченные употребили въ переговорѣ всѣ титулы, которые великій князь обыкновенно употребляетъ, - исключая титула «Лифляндскаго»; но съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ изъ этого не произошелъ ущербъ королю шведскому, если разъѣдутся, не заключивъ мира. Далѣе, относительно установленія шатровъ, они согласились на то, чтобъ они были раскинуты на другой день, коль скоро русскіе уполномоченные согласятся на предъидущія условія, и коль скоро положено будетъ, кому первому говорить въ началѣ переговоровъ (такое преимущество ихъ превосходительства и благородія съ удовольствіемъ уступили посредникамъ), сколько съ каждой стороны быть войска у шатровъ (въ этомъ они напередъ соглашаются на то, что предложено будетъ русскими), и въ которой именно палаткѣ производить переговоры; они не могли согласиться на то, чтобы занятія производились въ русскихъ палаткахъ, но предлагали поставить палатки посредниковъ и уполномоченныхъ довольно близко однѣ возлѣ другихъ, чтобъ, открывъ палатки, лица, находящіяся въ оныхъ, могли удобно слышать другъ друга. Все это было въ тотъ же день сообщено русскимъ главнымъ уполномоченнымъ, которые, на другой день, т. е. 1 января 1616 года, новаго стиля, прислали письменный отвѣтъ, въ которомъ они объявляли, что они обязаны и непремѣнно требуютъ выговорить вполнѣ всѣ титулы, чѣмъ Богъ пожаловалъ ихъ великаго государя, въ присутствіи шведовъ, которые не должны воображать, чтобъ они, русскіе уполномоченные, могли бы согласиться въ началѣ упомянуть о царѣ по краткому титулу; во время же самихъ переговоровъ, гдѣ будетъ упоминаемо о государяхъ, они согласны на употребленіе съ обѣихъ сторонъ краткаго титула; относительно палатокъ, они настаивали на томъ, чтобъ раскинутъ былъ шатеръ царскій, въ который и являться шведамъ для толкованія о дѣлахъ за столомъ царскимъ, если же шведы захотятъ раскинуть свою палатку близъ царскаго шатра, то они могутъ это сдѣлать, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ они все-таки при-

ходили садиться съ русскими уполномоченными въ шатеръ царскій за царскимъ столомъ, а не за ихъ собственнымъ. Гг. посредникамъ же предоставляютъ на произволъ раскинуть свою палатку и сидѣть за собственнымъ столомъ или за царскимъ, все однакожъ съ тѣмъ, чтобъ шведскимъ уполномоченнымъ сидѣть, какъ сказано выше; по другимъ пунктамъ, кажется, не было затрудненій, или, если были, то по крайней мѣрѣ весьма не важныя. Русскіе уполномоченные, относительно намѣренія своего назвать великаго князя большимъ титуломъ, основывались на томъ, что при совершеніи крестнаго цѣлованія, на которое откомандированъ былъ свидѣтелемъ г. Томасъ Смитъ, въ присутствіи придворныхъ дворянъ обѣихъ сторонъ, на тотъ конецъ назначенныхъ повѣренными уполномоченныхъ, титулъ царя былъ произнесенъ пространно и что то же дѣлалось и на прежнихъ съѣздахъ со шведами въ Тевзинѣ и другихъ мѣстахъ. Они прибавили, что на то имѣютъ точныя приказанія, отъ которыхъ имъ никакъ нельзя отступить. Въ подтвержденіе сказаннаго, они ссылались на древніе обычаи, по коимъ шведскимъ уполномоченнымъ надлежитъ явиться въ палатку царскую и заниматься за столомъ царскимъ. Великобританскій посолъ отвѣчалъ имъ, что шведскіе уполномоченные упрекать будутъ его и насъ, если русскіе уполномоченные станутъ вводить новости противныя обычаямъ, существовавшимъ до настоящаго времени, между обѣими націями; но тѣмъ не менѣе они согласились на то, чтобы мы всѣ вмѣстѣ уговаривали, какъ одну такъ и другую сторону, отступиться отъ своихъ притязаній и другъ другу въ чемъ нибудь уступить по означеннымъ пунктамъ. Шведы, узнавъ о предложеніяхъ русскихъ, опять захотѣли уѣхать 2 января; но великобританскій посолъ и мы задерживали ихъ со дня на день, стараясь и не переставая говорить то съ одною, то съ другою стороною и предлагать новыя средства къ соглашенію разныхъ мнѣній. Шведы утверждали, что имѣютъ приказанія отъ короля, не допускать употребленія великимъ княземъ титула «Лифляндскаго»; что имъ велѣно непремѣнно прекратить переговоры, коль скоро русскіе будутъ настаивать на употребленіи этого титула, и что имъ нельзя дѣйствовать противно такимъ приказаніямъ подъ опасеніемъ смертной казни. Они сказали, что очень можетъ быть, что русскіе уполномоченные высказали словесно титулъ «Лифляндскій» при началѣ тевзинскаго договора, но что о томъ нѣтъ слѣдовъ въ актахъ означеннаго трактата, и что в. князь Василій Ивановичъ Шуйскій, договоромъ, заключеннымъ въ Выборгѣ 1609 года, отказался для себя и для наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ отъ всѣхъ притязаній на Лифляндію и на

какую либо ея часть. Начиная съ этого времени, какъ помянутый великій князь, такъ и междуцарственное правленіе, и сынъ короля польскаго Владиславъ, по избраніи его великимъ княземъ россійскимъ, воздерживались отъ употребленія означеннаго титула, и предложеніе русскихъ клонится лишь къ-тому, чтобъ поднять снова споры, рѣшенные торжественными договорами; относительно же палатокъ, они объявили, что его величеству, королю шведскому слѣдуетъ не менѣе чести, чѣмъ великому князю, и что онъ долженъ имѣть для своихъ уполномоченныхъ свою палатку и свой столъ, и что, кромѣ того, увѣренія русскихъ уполномоченныхъ, будто бы въ Тевзинѣ и другихъ мѣстахъ переговоры происходили въ шатрѣ великаго князя, найдены не соотвѣтствующими истинѣ: это они могли немедленно подтвердить показаніями двухъ русскихъ бояръ, людей значущихъ, Григорія Θедоровича Болкашина (Bolkatino) и Даніила Никитича Ворога (Worogo), которые присутствовали при заключеніи тевзинскаго трактата. Бояре эти показали, что въ то время каждая сторона имѣла свою палатку, въ которой и занималась, однако же за однимъ и тѣмъ же столомъ, большая часть котораго находилась въ палаткѣ русскихъ уполномоченныхъ. Они готовы были повторить и подтвердить сказанное въ присутствіи главныхъ русскихъ уполномоченныхъ. Шведскіе уполномоченные опирались на то, что послѣ на рѣкѣ Плюссѣ, между Ивангородомъ и Гдовомъ, равно и по рѣкѣ Наровѣ, между городомъ Нарвою и Ивангородомъ, русскіе и шведы переговаривались, сидя каждый въ своей палаткѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ согласились, чтобъ споръ былъ рѣшенъ посредниками, которымъ выслушать сперва одну, а потомъ другую сторону, во избѣжаніе ссоръ по этому предмету. Англійскій посолъ и мы нѣсколько разъ дѣлали представленія русскимъ; собравшись, 5 января, у нихъ, мы старались уговорить ихъ всѣми средствами и убѣжденіями отступиться отъ своихъ притязаній, и, между прочимъ, предложили имъ довольствоваться позволеніемъ выговорить, при начатіи переговоровъ, всѣ титулы великаго князя и даже титулъ «Лифляндскій», но не иначе, какъ обращая рѣчь свою къ посредникамъ и въ отсутствіи шведскихъ уполномоченныхъ. Они согласились только на то, чтобы посредники, засѣдая въ собственной своей палаткѣ, открыли собраніе и говорили первые; во всемъ же остальномъ настаивали на своемъ, и говорили, что въ переговорахъ, которые въ тоже время велись подъ Смоленскомъ, русскіе уполномоченные высказали всѣ титулы великаго князя, между прочимъ и «Лифляндскій»; они прибавили, что подъ Смоленскомъ уже условились и согласились на 6 или 7 пунктовъ, о чемъ просили

насъ увѣдомить шведовъ и настаивали на томъ, чтобъ мы уговорили ихъ согласиться на требованія русскихъ и во всемъ слѣдовать прежнимъ обычаямъ, обѣщая лишь однажды, при начатіи переговоровъ, употребить титулъ «Лифляндскій», а потомъ воздерживаться отъ него во всё продолженіе переговоровъ. Мы въ тотъ же день были угощены обѣдомъ у дворянина Алексѣя Ивановича Зюзина вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ и русскими уполномоченными. Около 10 часовъ дня, прибыло къ намъ нѣсколько бояръ, которые просили насъ немедленно пожаловать въ станъ главныхъ русскихъ уполномоченныхъ, куда уже отправился князь Иванъ Ульяновичъ (такъ называли они англійскаго посла), и гдѣ былъ приготовленъ для насъ обѣдъ. Мы поѣхали къ нимъ точно также, какъ и въ первый разъ, т. е. отчасти въ саняхъ, занятыхъ у шведовъ, отчасти въ собственныхъ своихъ. Обѣдъ былъ пышный и состоялъ, по ихъ обычаю, изъ множества блюдъ, которыя подавались одно за другимъ. Напитки были: разсолъ (ressolis), хлѣбное вино, медъ разныхъ сортовъ, пиво и испанское вино. За верхнимъ концомъ стола сидѣли кн. Даніилъ Ивановичъ и англійскій посолъ, по одной сторонѣ стола сидѣли прочіе русскіе уполномоченные, а мы противъ нихъ. Алексѣй Ивановичъ, который давалъ обѣдъ, стоялъ у своего мѣста, чтобъ угощать гостей, а потомъ въ перемежку сидѣло множество русскихъ бояръ, англичанъ и лицъ изъ нашей свиты. У нихъ существуетъ обычай, по которому, всѣ сидящіе за столомъ, должны встать, коль скоро пьетъ важная особа. Подъ конецъ обѣда, князь Даніилъ предложилъ выпить за здравіе царя и великаго князя и приказалъ всѣмъ встать и отойти отъ стола. Онъ одинъ стоя остался у стола, произнесъ имя царя со всѣми его титулами и выпилъ за его здоровье; послѣ того, подозвавъ англійскаго посла, подалъ ему кубокъ, а потомъ назвалъ насъ каждаго по имени и подалъ также кубокъ одному за другимъ....

Вскорѣ, приготовлено было ровное мѣсто по снѣгу, на разстояніи полувыстрѣла отъ квартиры посла. Прямо противъ фасада означенной квартиры поставлена была поперегъ палатка посредниковъ, обращенная отверстіемъ къ дому. Противъ этой палатки поставлены были въ длину палатки обѣихъ договаривающихся сторонъ, одна возлѣ другой, обращенная каждая по тому направленію, гдѣ лежали ихъ квартиры. Столъ былъ поставленъ однимъ концемъ въ палатку посредниковъ, а другимъ концемъ въ палатки уполномоченныхъ, какъ сказано выше. Положено было собраться въ третьемъ часу дня, что соотвѣтствовало почти 11-ти часамъ утра.

Мы собрались въ извѣстный часъ у великобританскаго по-

сла, но было уже за полдень, когда мы получили извѣстіе объ уполномоченныхъ. Русскіе сначала дали знать, что ѣдутъ, и просили увѣдомить о томъ шведскихъ коммисаровъ, послѣ того прислали съ тѣмъ же самымъ порученіемъ еще 5 или 6 дворянъ одного за другимъ, по мѣрѣ того, какъ подъѣзжали. Первые прибыли шведскіе уполномоченные и оставались на лошадяхъ до пріѣзда русскихъ. Помолившись Богу и испросивъ благословенія его на успѣхъ дѣла, обѣ партіи заняли мѣста свои за столомъ одна противъ другой. Приказано было открыть перегородки палатокъ, потому что до того времени противники не видѣли другъ друга. Они пожали другъ другу руки, также и посредникамъ и снова сѣли; старшій членъ каждой коммиссіи занялъ то мѣсто, которое ближе было къ палаткѣ посредниковъ. Англійскій посолъ сѣлъ по правую руку отъ насъ.

Посолъ началъ говорить первый на англійскомъ языкѣ (тутъ было два переводчика, которые немедленно переводили слова его одинъ на русскій, а другой на нѣмецкій языки), и сказалъ вкратцѣ, что онъ посланъ свѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ королемъ великобританскимъ для возстановленія мира между обоими враждующими великими государями, что онъ готовъ на это посвятить всѣ свои усилія, увѣщевалъ гг. уполномоченныхъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ умѣренностію и кротостію и употребить всѣ средства, которыя могутъ въ чемъ нибудь способствовать утвержденію общаго мира. Онъ едва успѣлъ кончить рѣчь, какъ князь Даніилъ Ивановичъ Мезецкій и товарищи его встали и князь началъ произносить имя и титулы великаго царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (гг. посредники и шведскіе уполномоченные равнымъ образомъ встали и остались съ открытыми головами). Произнося имя и титулъ царя, князь Даніилъ Ивановичъ обратился лицемъ къ гг. посредникамъ, но потомъ, окончивъ титулы, онъ обратился къ шведскимъ уполномоченнымъ: «Вы, главные уполномоченные Густава-Адольфа короля шведовъ, готѳовъ и вендовъ»... Шведы, услышавъ это, остановили его и подняли жалобу на то, что русскіе не соблюдаютъ постановленныхъ условій, и распростившись въ краткихъ словахъ съ посредниками, спустили перегородку своей палатки и сѣли на лошадей съ тѣмъ, чтобъ удалиться.

Мы, съ своей стороны, упрекнули посла за то, что, противно обѣщанію, въ своемъ вступленіи, не упомянулъ ни о В. Д. В., ни о насъ. Однакожъ, отложивъ наши упреки, мы поспѣшили вмѣстѣ съ посломъ побудить шведовъ сойти съ лошадей и остаться, пока посредники успѣютъ переговорить съ русскими и найти средства исправить сдѣланную ошибку.

Русскіе извинились лишь тѣмъ, что имъ невозможно переступить приказаній ихъ государя, но согласились однакожъ возвратиться въ собраніе и поблагодарили Е. В. короля великобританскаго и В. Д. В. за то, что отправили пословъ своихъ, а насъ, посланныхъ, за то, что мы приняли на себя трудъ содѣйствовать къ возстановленію мира между царемъ и великимъ княземъ и королемъ шведскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просили насъ продолжать тѣ старанія и усилія, которыя мы до сего времени употребили въ этомъ дѣлѣ. Шведы требовали настоятельно, чтобы русскіе, въ благодарственной рѣчи (которою, по справедливости, послѣ произнесенія титула великаго князя они должны были бы начать) произнесли бы снова титулъ великаго князя, на что они никакъ не соглашались, признавая открыто, что произнося имя и титулы великаго князя, они обращались не къ шведскимъ уполномоченнымъ, а къ посредникамъ. Шведы довольствовались этимъ и поблагодарили сначала Е. В. короля великобританскаго и В. Д. В., а потомъ насъ, называя каждаго по имени и по титулу; потомъ просили, чтобы посланники продолжали-бъ старанія свои и потомъ торжественно объявили, что они не потерпятъ—если безуспѣшно разойдется съѣздъ— чтобы то, что они услышали отъ русскихъ, или то, что было или будетъ сдѣлано впередъ, послужило бы въ ущербъ королю ихъ, что въ такомъ случаѣ обѣ стороны должны остаться въ настоящемъ ихъ положеніи, и что они подтверждаютъ совершенный ими передъ гг. посредниками протестъ, и что, только по желанію послѣднихъ, они сдѣлали разныя уступки, на которыя они иначе никогда бы не согласились. За тѣмъ русскіе уполномоченные разсказали содержаніе ихъ полномочія, объявили, что они посланы для того, чтобъ съ главными уполномоченными короля шведскаго трактовать о мирѣ, просили англійскаго посла и насъ общими силами представить королю шведскому всѣ неправды, причиненныя имъ Е. Ц. Высочеству и государству русскому, и склонить его на возвращеніе всѣхъ городовъ и крѣпостей, взятыхъ имъ у русскихъ со всѣми орудіями, колоколами и другими вещами вывезенными; затѣмъ уговорить къ уплатѣ въ возвратъ собранныхъ доходовъ царскихъ и забранныхъ у народа денегъ. Требованія эти были отчасти прочтены русскими уполномоченными по свертку, а отчасти высказаны наизусть, такъ что каждый уполномоченный, начиная съ перваго до послѣдняго, высказалъ свою часть. Князь Даніилъ Ивановичъ хотѣлъ прибавить еще кое-что, но англійскій посолъ просилъ его отложить до другого дня. Затѣмъ, первая конференція разошлась съ тѣмъ, чтобъ всѣмъ сойтись снова на слѣдующій день къ 11-ти часамъ....

Когда, 14-го января, посредники и уполномоченные обѣихъ сторонъ собрались и сѣли въ палаткахъ своихъ тѣмъ же порядкомъ какъ наканунѣ, графъ Яковъ де-ла-Гарди началъ говорить отъ имени всѣхъ шведскихъ уполномоченныхъ, назвалъ ихъ всѣхъ по имени и по титуламъ, именуя между прочимъ Арфу Тониссена намѣстникомъ выборгскимъ, корельскимъ и лагеманомъ корельскаго округа, и просилъ гг. русскихъ уполномоченныхъ окончить рѣчь, начатую ими наканунѣ. Русскіе безъ споровъ и претензій обратили рѣчь свою къ шведамъ и объявили имъ, что наканунѣ, произнося имя и титулы ихъ великаго царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича самодержца (Samodersetz) всероссійскаго, они обращались къ нимъ (шведамъ), чего шведы признать не хотѣли. Обѣ партіи повторили это другъ другу по нѣскольку разъ; но, наконецъ, мы побудили русскихъ сознаться сначала двусмысленными, а потомъ ясными и понятными словами, что они наканунѣ обратили рѣчь свою не къ шведскимъ уполномоченнымъ, а къ посредникамъ. За тѣмъ русскіе уполномоченные начали грубо спрашивать шведовъ: имѣютъ-ли они порученіе возвратить великому царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу города и крѣпости, отнятыя ими у русскаго государства несправедливымъ образомъ и противно вѣчному союзу; имѣютъ-ли они порученіе возвратить также орудія и военные припасы, находившіеся въ означенныхъ городахъ и крѣпостяхъ, въ то время, когда шведы заняли ихъ, и всѣ доходы царскіе забранные ими, равно и отобранныя у духовенства, дворянства, мѣщанства и прочихъ жителей деньги, и вознаградить за издержки войны? На это шведы начали пространно выводить причины, которыя вовлекли короля въ эту войну, и сказали, что в. кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, осажденный въ Москвѣ поляками, литовцами и русскими, приверженцами Лжедимитрія, обратился къ блаженной памяти Карлу IX, королю шведовъ, прося, чрезъ родственника своего князя Михайла Шуйскаго, помощи короля; и что Карлъ IX, не взирая на выгоды, которыя могли произойти для него по случаю войны, которую онъ тогда велъ съ Польшею въ Лифляндіи, такъ какъ поляки обратили большую часть своихъ силъ противъ Россіи, въ уваженіе вышеозначенной просьбы отправилъ уполномоченныхъ своихъ въ Выборгъ, которые, съ уполномоченными царя Василія Ивановича, условились, въ 1609 году, что его кор. вел. пошлетъ царю на помощь 2,000 хорошо снаряженныхъ рейтаровъ и 3,000 пѣхоты, на счетъ его царскаго высочества, а послѣдній обязанъ, на содержаніе помянутаго войска, вносить ежемѣсячно 32,000 руб. или 100,000 талеровъ; если же царь замедлитъ уплатою, то

онъ обязывался заплатить двойную сумму за остальные мѣсяцы, когда войско прибудетъ въ Москву. Сверхъ того, чрезъ два мѣсяца послѣ вступленія войска въ предѣлы Россіи, крѣпость Кексгольмъ и округъ ея, въ знакъ признательности и благодарности за оказанную помощь и въ вознагражденіе за издержки похода вспомогательнаго войска, должна была быть уступлена королю Карлу и шведской коронѣ въ вѣчное потомственное владѣніе. Вслѣдствіе чего, графъ Яковъ де-ла-Гарди былъ отправленъ королемъ въ качествѣ главнаго начальника съ 5000 хорошо снаряженными шведскими, финляндскими и иностранными рейтарами и солдатами. При слухѣ о приближеніи означеннаго войска, крѣпости Кексгольмъ и Новгородъ, которыя, до того времени, держали сторону Лжедмитрія, сдались царю Василію Ивановичу. Когда графъ де-ла-Гарди достигъ Новгорода, то и Порховъ послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Новгорода. Поляки, которые, числомъ до 2,000, подъ начальствомъ полковника Карназинскаго (Carnasinsky), находились въ Старой Русѣ, отступили, при слухѣ о приближеніи шведскаго войска, чрезъ что городъ съ окрестностями поступилъ во власть великаго князя; вскорѣ за симъ фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ (Evert Horen), посланный на рекогносцировку непріятеля, обратилъ въ бѣгство 3,000 поляковъ, осаждавшихъ Торжокъ подъ предводительствомъ полковника Зборовскаго (Sborofsky), и освободилъ тѣмъ городъ. Шведское войско и русскіе подъ начальствомъ помянутаго князя Михаила подвигались впередъ и встрѣтились въ открытомъ полѣ съ поляками подъ Тверью и разбили ихъ; три дня спустя, шведскій полководецъ, вопреки совѣту князя Михаила, преслѣдовалъ непріятеля и довершилъ побѣду. Не смотря на то, что часть войска, которую графъ де-ла-Гарди привелъ въ Россію, отправлена была обратно въ Швецію, потому что русскіе не только постыднымъ образомъ бѣжали и оставили шведовъ, но и ограбили ихъ обозы и имущество, онъ все-таки, желая сколько возможно исполнить волю короля, отправился въ Колязинъ (Collasin), гдѣ стоялъ лагеремъ князь Михаилъ Шуйскій и вмѣстѣ съ нимъ двинулся къ Александровой слободѣ и, съ помощію Бога, заставилъ поляковъ, которые имѣли въ полѣ 18 т. войска, не только оставить поле сраженія, но изгналъ ихъ изъ городовъ, крѣпостей и монастырей, наконецъ, принудилъ снять осаду Москвы въ то время, когда они имѣли наиболѣе надежды овладѣть столицею. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что со стороны шведовъ, выборгскій договоръ исполненъ былъ точно и благополучно; русскіе же, напротивъ, не заплатили даже третьей части того, чтò, въ силу сего договора, имъ заплатить слѣдовало войску,

какъ видно изъ данныхъ и полученныхъ квитанцій и реверсовъ. Далѣе, графъ Яковъ де-ла-Гарди, чрезъ полтора только года послѣ назначеннаго срока, могъ добиться отъ великаго князя приказныхъ граматъ, по коимъ крѣпость Кексгольмъ должна была быть сдана королю шведскому. Сдача крѣпости не была совершена; укрѣпительныя граматы не были выданы точно также, какъ не было исполнено русскими условіе, заключенное великимъ княземъ съ военачальникомъ шведскимъ, и по которому царь обѣщалъ, если де-ла-Гарди поставитъ большее число вспомогательнаго войска, чѣмъ обѣщанныя 5,000 человѣкъ, то его Царское Высочество наградитъ Е. К. В. короля шведскаго, за таковое вспомоществованіе, еще большимъ числомъ городовъ и крѣпостей; что послѣ сего, графъ Яковъ де-ла-Гарди съ войскомъ своимъ снова отправился съ княземъ Даніиломъ Шуйскимъ, полководцемъ русскимъ, изъ Москвы, чтобы освободить Смоленскъ и все государство отъ поляковъ, литовцевъ и русскихъ мятежниковъ; въ этотъ походъ прибыло на помощь великому князю еще 3,000 челов. вспомогательнаго войска, присланныхъ королемъ подъ начальствомъ фельдмаршала Эверта Горна. Войско это начало роптать и требовать платы, угрожая, если не послѣдуетъ удовлетворенія, взять сторону недовольныхъ. По несвоевременной просьбѣ русскаго полководца, освободить воеводу Григорія Валуева (Gregorj Waloy), который безразсуднымъ образомъ подвергнулъ себя опасности: съ 5,000 войска попасть въ плѣнъ къ полякамъ или умереть съ голоду,—графъ Яковъ де-ла Гарди и Горнъ не во-время пустились въ походъ, не имѣя возможности сперва подѣйствовать на умы недовольныхъ и уговорить ихъ къ покорности. Дошедши до Клушина (Clusin) съ войскомъ, которое въ этотъ день совершило 8 миль переходу, вся непріятельская сила нагрянула на нихъ. Графъ де-ла-Гарди и Горнъ сдѣлали лично съ конницею нѣсколько сильныхъ напоровъ на непріятеля и, вѣроятно, одержали бы верхъ, если бы русскіе, пользуясь удобнымъ временемъ и случаемъ, съ своей стороны сдѣлали аттаку. Но наемное, недовольное войско, видя, что русскіе обращаются въ бѣгство, воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобъ перейти цѣлыми ротами со знаменами къ непріятелю. Одинъ полкъ нѣмецкой пѣхоты, въ которомъ подполковникомъ былъ Конрадъ Линкъ (Conradt Linc) и нѣсколько французскихъ капитановъ, вступили въ переговоры и объясненія съ поляками, и когда де-ла-Гарди и Горнъ снова аттаковали съ конницею, которая осталась имъ вѣрна, они силою и заряженными ружьями стали удерживать шведскихъ полководцевъ отъ стычки съ непріятелемъ, принудили ихъ вступить въ сношенія

съ польскимъ полковникомъ Жолкевскимъ (Sielkofsky) и утвердить заключенную ими съ нимъ капитуляцію, которою договорено было, что онъ, де-ла-Гарди, съ войскомъ, которое захочетъ съ нимъ идти, можетъ безспорно выступить изъ Россіи куда ему угодно. Онъ съ 300 челов. конницы, которые оставались у него, отправился въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы въ этомъ городѣ нѣсколько отдохнуть, пока не получитъ изъ Лифляндіи и Финляндіи новыхъ силъ, съ которыми ему возможно было бы снова служить великому князю, надѣясь притомъ на благодарность за благодѣянія и помощь, оказанную новгородцамъ шведскими войсками. Новгородцы же, узнавъ о приближеніи де-ла-Гарди, послали къ нему на встрѣчу и велѣли сказать, что его и войска его знать не хотятъ, что они его будутъ подчивать лишь порохомъ и пулями, и приказали ему, не подступая къ Новгороду ближе чѣмъ на 10 миль, отправляться чрезъ Тихвинъ въ Выборгъ. Они также остановили нѣсколько посланныхъ короля къ фельдмаршалу де-ла-Гарди и приказали жителямъ Нотебурга сдѣлать тоже, и дѣйствительно, въ послѣднемъ городѣ задержано было нѣсколько нарочныхъ, имѣвшихъ при себѣ письма и другія важныя бумаги, между прочими и нѣсколько письменныхъ условій, заключенныхъ между королемъ шведскимъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ; въ Нотебургѣ было задержано имущество, принадлежащее полководцу и нѣкоторымъ другимъ офицерамъ. Новгородцы взяли кромѣ того въ плѣнъ нѣсколько слугъ графа де-ла-Гарди, которые пошли въ Новгородъ для закупки разныхъ необходимыхъ для господина ихъ вещей; они выслали также потаеннымъ образомъ казаковъ и стрѣльцовъ, съ тѣмъ, чтобъ нападать на шведскихъ фуражировъ и умерщвлять ихъ; между тѣмъ москвитяне измѣнили царю Василію Ивановичу, заключили его въ монастырь, и со дня на день новгородцы начинали болѣе и болѣе колебаться въ своей преданности. Срокъ, въ который надлежало крѣпость Кексгольмъ передать королю шведскому, давно уже миновалъ, и русскіе, которымъ приказано было совершить передачу, затягивали время и собрали болѣе 3,000 челов. войска, чтобъ напасть на шведовъ, которые, вслѣдствіе договора, должны были принять крѣпость. Полководецъ шведскій, желая поддержать право короля на крѣпость и окрестности оной, и предупредить стыдъ и позоръ, которые произошли бы для короля, еслибъ русскимъ удалось коварнымъ образомъ отстранить короля, осадилъ Кексгольмъ и хотѣлъ силою овладѣть имъ. Во время этой осады онъ получилъ отъ намѣстника новгородскаго и товарищей его, равно и отъ воеводы Ивана Салтыкова грамату, въ которой ему объяв-

ляли, что Новгородъ и всѣ другія русскія земли избрали государемъ Владислава, сына короля польскаго, который, равно какъ и весь русскій народъ, вовсе не былъ намѣренъ хранить и исполнить договоръ, заключенный между царемъ Василіемъ Іоанновичемъ и королемъ шведскимъ. Они, вслѣдствіе сего, приглашали шведскаго полководца оставить Кексгольмъ и русскіе предѣлы, объявивъ ему, что иначе они имъ покажутъ дорогу и проводятъ ихъ до Финляндіи съ польскимъ и русскимъ войскомъ. Они увѣдомляли его также, что послали лодки и войско вдоль по Ладожскому озеру для освобожденія Кексгольма. Графъ де-ла-Гарди двинулся послѣ того съ частью войска къ Новгороду для того, чтобы изъ Нотебурга получить обратно людей, бумаги и имущество, задержанныя несправедливымъ образомъ, и для того, чтобъ убѣдиться точнымъ образомъ, чего король могъ ожидать отъ русскихъ. Между тѣмъ, москвитяне, раскаяваясь въ томъ, что избрали сына короля польскаго великимъ княземъ, осаждали поляковъ въ самой Москвѣ, а новгородцы, измѣнивъ равнымъ образомъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, вступили въ переговоры съ графомъ де-ла-Гарди, возвратили ему людей, бумаги и большую часть имущества, которыя задержали въ Нотебургѣ; бояринъ и сотникъ (Sasnisk) Василій Бутурлинъ, находясь въ Новгородѣ, съ порученіемъ русскихъ думныхъ дворянъ, собранныхъ въ лагерѣ подъ Москвою, вступилъ съ шведскимъ полководцемъ въ переговоры о вспомогательномъ войскѣ на томъ основаніи, что королю шведскому, въ обезпеченіе за уплату денегъ войску, дана будетъ въ залогъ крѣпость Нотебургъ. Король, узнавъ о семъ, написалъ къ русскимъ думнымъ дворянамъ, расположеннымъ подъ Москвою, увѣщевалъ ихъ между прочимъ остерегаться обмановъ поляковъ и папистовъ (papisten), совѣтовалъ имъ быть согласными между собою и избрать изъ среды своей великаго князя, который былъ бы достоинъ сего званія и былъ бы намѣренъ хранить трактаты, заключенные между обѣими державами; что помянутый полководецъ сообщилъ Бутурлину содержаніе письма, писаннаго королемъ къ думнымъ дворянамъ; Бутурлинъ, посовѣтовавшись съ новгородцами, увѣрилъ шведскаго предводителя, что думные русскіе дворяне, узнавъ на опытѣ, что не имѣютъ счастія въ выборѣ туземныхъ царей и великихъ князей, и что, не зная никого изъ среды себя, который былъ бы способенъ управлять ими, ничего не желаютъ болѣе, какъ пріобрѣсти въ цари и повелители одного изъ сыновей короля Карла IX, т. е. нынѣ царствующаго короля Густава-Адольфа или младшаго брата его величества. Вмѣстѣ съ симъ Бутурлинъ повторилъ просьбу о по-

мощи. Тутъ предложены были нѣкоторыя условія и посланы къ русскимъ думнымъ дворянамъ, стоявшимъ лагеремъ подъ Москвою, и Бутурлинъ увѣрилъ, что чрезъ 14 дней воспослѣдуютъ на предложенія эти требуемыя подробныя объясненія; но, вмѣсто того, посланные цѣлые два мѣсяца не возвращались. Между тѣмъ заключено было перемиріе между предводителемъ графомъ де-ла-Гарди, съ одной стороны, и Бутурлинымъ и новгородцами съ другой стороны, на честномъ словѣ и на условіяхъ, которыхъ русскіе однакожъ не исполнили, такъ какъ они не давали пропуска шведскимъ судамъ, которые съ провіантомъ хотѣли идти мимо Ладоги въ лагерь подъ Кексгольмъ, а когда шведы старались добывать себѣ безъ всякаго насильства продовольствіе, то высланные тайнымъ образомъ изъ Новгорода казаки и стрѣльцы ихъ или убивали, или приводили плѣнными въ городъ и тамъ подвергали наказанію розгами и другимъ истязаніямъ. Шведскій полководецъ, узнавъ о такихъ поступкахъ и замѣтивъ, что его со дня на день обманываютъ тщетными, неисполнимыми предложеніями, и что новгородцы имѣютъ только въ виду продержать и провести его до того времени, когда большее число войска его пропадетъ отъ голоду и другихъ бѣдствій съ тѣмъ, чтобъ тогда напасть на него или заставить его со срамомъ и стыдомъ отступить, рѣшился вмѣстѣ съ покойнымъ фельдмаршаломъ [1]) и другими офицерами взять городъ приступомъ, чѣмъ неоднократно угрожалъ прежде; но на его угрозы не обращали вниманія, не опасаясь малочисленнаго шведскаго войска, которое, тѣмъ не менѣе, взяло приступомъ городъ и овладѣло одною стороною онаго. Стольникъ же Бутурлинъ съ казаками и стрѣльцами перешелъ чрезъ мостъ на другую сторону города и грабилъ, сколько позволила ему краткость времени, а затѣмъ пустился въ бѣгство. Тѣ же, которые были въ замкѣ, митрополитъ, князь Иванъ Одоевскій и прочія лица свѣтскаго и духовнаго званія, выслали депутатовъ и добровольно заключили со шведами условіе, по коему новгородцы обязались признать короля Карла и преемниковъ его королей шведскихъ покровителемъ всего русскаго государства, а отъ имени его царемъ и великимъ княземъ всероссійскимъ, одного изъ сыновей его величества, такъ какъ уже предложено было вышепоименованнымъ Бутурлинымъ. Затѣмъ, король шведскій занялъ ради выгодъ избраннаго при содѣйствіи русскихъ великаго князя [2]), Нотебургъ и Ладогу. Такъ какъ Новгородъ, Ямъ-Копорье, Гдовъ и все псков-

[1]) Горнъ.
[2]) Т. е. своего сына.

свое господство признали Лжедимитрія и избрали его великимъ княземъ, то король почелъ необходимымъ занять означенные города для того, чтобъ они не попали въ руки поляковъ, непріятелей его, и для того, чтобъ сохранить и поддержать права того изъ своихъ сыновей, котораго, не только новгородцы, но и москвитяне, владимірцы и думные дворяне другихъ русскихъ господствъ, собранные въ Ярославлѣ, вторично рѣшились избрать своимъ царемъ и великимъ княземъ. По желанію означенныхъ сословій (Stenden), новгородцы отправили значительное посольство въ Швецію и просили, чтобъ свѣтлѣйшій князь и государь Карлъ-Филиппъ, младшій братъ нынѣ царствующаго короля, данъ былъ русскому государству въ цари и великіе князья. Принцъ Карлъ отправился съ княжескою блестящею свитою, не безъ большихъ издержекъ, въ Выборгъ, чтобъ съ уполномоченными помянутыхъ сословій (Stenden) положить условія и приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ. Вслѣдствіе того, что никто не явился, кромѣ одного посланнаго новгородскаго, который къ тому же не имѣлъ никакого полномочія о чемъ либо трактовать; что до пріѣзда его высочества Тихвинскій (Tiphin) монастырь и крѣпость Гдовъ вопреки данной ими клятвы отпали отъ его княжеской милости,—и что, наконецъ, шведы узнали, что новгородскіе князья и бояре, забывъ присягу, бѣжали и разорили весь край, и что москвитяне, отбивъ у поляковъ Москву, избрали великимъ княземъ Михаила Ѳеодоровича, его высочество почелъ за благо не заниматься болѣе дѣлами государства русскаго и предоставить любезному своему брату неоспоримое право на русское государство, въ особенности же на господство новгородское, равно и право искать удовлетворенія за нанесенное ему оскорбленіе.—Графъ де-ла-Гарди кончилъ рѣчь свою требованіемъ, чтобъ русскіе привели въ исполненіе означенный законный выборъ.

Русскіе уполномоченные, услышавъ, что шведы упомянули о выборѣ герцога Карла-Филиппа царемъ и великимъ княземъ Россіи, чрезъ что, будто бы, король шведскій пріобрѣлъ право на русское государство, сказали, что объ этомъ выборѣ герцога Карла-Филиппа и слышать не хотятъ, и что имъ кажется страннымъ, что гг. посредники могутъ слушать такія рѣчи, потому что государи и повелители ихъ признали и признаютъ Михаила Ѳеодоровича царемъ и великимъ княземъ россійскимъ. Изъ этого произошли споры и пренія, которыя заняли всю остальную часть дня.

Погода была такъ холодна, что не было возможности оставаться въ палаткахъ; къ тому же нѣкоторые изъ рейтаровъ

сильно терпѣли отъ мороза; вслѣдствіе чего положено было впредь собираться въ квартирѣ англійскаго посла, и вмѣсто 300 рейтаровъ и пѣшихъ солдатъ, съ которыми выѣзжали гг. главные уполномоченные въ этотъ день и наканунѣ, положено было имъ имѣть при себѣ только 50 челов. конныхъ и 50 челов. пѣшихъ.

15 января, шведскіе и русскіе уполномоченные собрались въ квартиру великобританскаго посла. Русскіе, въ присутствіи гг. посредниковъ, начали говорить первые и спросили шведовъ, какое имѣютъ порученіе касательно возвращенія городовъ и крѣпостей, неправильнымъ образомъ отнятыхъ у русскихъ. Шведы возразили, что, не смотря на то, что русскіе уполномоченные не хотѣли въ прошедшемъ собраніи отвѣтить на предложеніе ихъ относительно выбора одного изъ сыновей короля Карла IX, царемъ и великимъ княземъ россійскимъ, и что, не смотря на то, что они не хотѣли, чтобъ объ этомъ дѣлѣ говорено было, но, тѣмъ не менѣе, выборъ этотъ имѣетъ законную силу, и они твердо полагать должны, что король шведскій не отступитъ отъ требованія своего, развѣ лишь тогда, если ему дано будетъ другое какое-либо удовлетвореніе. Русскіе повторили сказанное ими наканунѣ и прибавили, что они были посланы не для того, чтобъ трактовать о выборѣ принца Карла-Филиппа, но для того, чтобъ вести переговоры о возвращеніи городовъ и крѣпостей, неправымъ образомъ отнятыхъ шведами у русскихъ, и чтобъ возобновить миръ и согласіе между его Царскимъ Высочествомъ и королемъ шведскимъ; съ этою же цѣлью и посредники отправлены были ихъ государями-повелителями. При этомъ случаѣ возникли сильные споры и пренія между княземъ Даніиломъ Ивановичемъ Мезецкимъ и графомъ Яковомъ де-ла-Гарди, за то, что князь Даніилъ назвалъ графа просто по имени Яковомъ Понтусомъ, безъ всякаго титула, а графъ, съ своей стороны, называлъ князя просто Даніиломъ Ивановичемъ. Для того, чтобъ покончить споръ этотъ и снова заняться главнымъ дѣломъ, англійскій посолъ рѣшилъ имѣть дѣло съ обѣими партіями порознь, и просить ихъ объявить условія, на которыхъ они согласны заключить миръ. Отъ русскихъ нельзя было добиться, чтобъ они назначили сумму денегъ или другое удовлетвореніе, которое можно бы было предложить шведамъ взамѣнъ ихъ претензій и за возвращеніе занятыхъ ими городовъ и крѣпостей; не смотря на то, мы имъ настоятельно представляли, что нельзя полагать, будто король оставитъ притязанія свои и возвратитъ города и крѣпости, не получивъ взамѣнъ денегъ или другого какого-либо вознагражденія. Они просили посредниковъ

уговорить шведскихъ уполномоченныхъ не упоминать болѣе объ избраніи герцога Карла-Филиппа и сообщить порученія, которыя ими даны касательно возвращенія отнятаго ими у русскихъ. Посредники занялись со шведами отдѣльно, и эти послѣдніе повторили сказанное выше [1]).

17 января, прежде прибытія шведскихъ уполномоченныхъ, русскіе предъявили намъ два письма, полученныя ими отъ великаго князя. Въ одномъ изъ нихъ было сказано, что русскіе два раза поразили отрядъ Лисовскаго, взяли 300 чел. въ плѣнъ, и что онъ самъ бѣжалъ чрезъ Рязань къ польской границѣ, за что его царское высочество приказали принести Богу благодарственное молебствіе. Въ другомъ письмѣ находилось извѣстіе о начатіи переговоровъ между русскими и поляками подъ Смоленскомъ, и что его царское высочество не желаетъ заключить окончательнаго договора съ поляками, не получивъ сначала извѣстія о томъ, какъ окончатся переговоры со шведами. Русскіе уполномоченные внушили намъ, что дѣла шведовъ пойдутъ весьма не хорошо, если царь помирится съ поляками и просили представить это на видъ шведскимъ уполномоченнымъ и предостеречь ихъ....

Когда посредники увидѣли, что отъ личныхъ сношеній и толковъ между обѣими партіями дѣло не идетъ лучше, то они по возможности рѣшились пресѣчь эти прямыя сношенія и достигли, наконецъ, того, что обѣ партіи согласились на другой день, къ 9 часамъ, передать на письмѣ условія, на которыхъ каждая изъ нихъ готова заключить миръ. Посредникамъ предоставлено было, разсмотрѣвъ эти письменныя объявленія, поступать впредь какъ имъ, для успѣшнаго окончанія дѣла, заблагоразсудится [2]).

Посредники нашли, что документы эти—такого рода, что невозможно сообщить ихъ спорящимъ сторонамъ безъ явнаго вреда, и, вслѣдствіе того, старались получить дальнѣйшія объясненія и довели, наконецъ, обѣ стороны до того, что онѣ обѣщали объявить 21 числа около полудня послѣднія и рѣшительныя условія, заключенныя въ данныхъ имъ порученіяхъ. Русскіе были готовы лишь къ вечеру. Замедленіе это, а еще болѣе то обстоятельство, что они просили, чтобъ 19 числа не предприняты были

[1]) Тутъ слѣдуютъ переговоры посредниковъ съ шведскими уполномоченными, представляющіе лишь одни повторенія, и потому мы ихъ опускаемъ.

[2]) Тутъ слѣдуютъ записки на нѣмецкомъ языкѣ, поданныя посредникамъ, уполномоченными какъ русскими, такъ и шведскими; но мы ихъ здѣсь опускаемъ, такъ какъ онѣ заключаютъ лишь взаимныя претензіи, которыя читателю уже отчасти извѣстны изъ предшествующаго, и которыя подробно изложены окончательно въ письмѣ нидерландскихъ пословъ къ царю и въ его отвѣтѣ.

никакія занятія, увеличили подозрѣніе шведовъ, которые были увѣрены, что русскіе не стараются и не хотятъ подвинуть впередъ дѣла. День или два послѣ этого можно было замѣтить, что они имѣли намѣреніе довести дѣло до того, чтобы посредники, узнавъ рѣшительные отвѣты уполномоченныхъ о томъ, какъ далеко простираются ихъ порученія, были бы вынуждены писать къ обоимъ государямъ прежде, чѣмъ приступить къ окончанію.

25 января, послѣ многихъ трудовъ положено было, чтобъ обѣ стороны искренно и по доброй совѣсти, на другой день, подали посредникамъ на письмѣ рѣшительныя условія, на которыхъ имъ поручено мириться относительно возвращенія крѣпостей и городовъ, денежныхъ требованій, съ тѣмъ, чтобъ этихъ документовъ не сообщать одной партіи безъ предварительнаго на то согласія другой. Шведы представили четыре условія на выборъ русскимъ....

27 числа, объявлено было русскимъ уполномоченнымъ, что ихъ требованія никакъ не могутъ быть пріятны и удовлетворительны для шведовъ, и что посредники дали шведамъ надежду на болѣе умѣренныя претензіи; при этомъ посредники просили русскихъ уполномоченныхъ сдѣлать предложенія поблагоразумнѣе. Русскіе возразили, что данная имъ власть далѣе сказаннаго ими не простирается, и просили, чтобъ гг. посредники, въ случаѣ, если ихъ предложенія не понравятся шведамъ, приняли на себя трудъ увѣдомить его царское высочество о настоящемъ положеніи переговоровъ, увѣряя, что они могутъ получить отвѣтъ отъ царя чрезъ 10 или 12 дней. Предложеніе это одобрено было великобританскимъ посломъ. Мы представили, что для успѣха дѣла лучше будетъ, разсмотрѣвъ всѣ спорные пункты, расположить ихъ по артикуламъ, съ означеніемъ мнѣній русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ, а эти мнѣнія должны быть утверждены ихъ повелителями. Но русскіе возразили, что еще не время толковать объ этомъ, и настаивали по прежнему на томъ, чтобъ посредники уговорили шведовъ, возвратить всѣ города и уменьшить денежныя свои требованія. Вслѣдствіе того объявлено было великимъ шведскимъ уполномоченнымъ: русскіе полномочные говорятъ, что имъ не дано никакой власти предлагать или обѣщать что̀-либо за города и крѣпости, коими король владѣетъ въ Россіи, и что, кромѣ того, посредники напишутъ къ царю въ Москву, изложатъ ему положеніе переговоровъ для того, чтобъ они не пресѣкались, и что они на это письмо могутъ получить отвѣтъ чрезъ 10 или 12 дней.—Секретарь англійскаго посла за день, или за два предъ

этимъ возвратился изъ Англіи съ письмами, и посолъ сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ короля великобританскаго къ великому князю, которое, можетъ быть, побудитъ его царское величество предложить королю шведскому извѣстную сумму денегъ или уступить нѣсколько городовъ. Его пр-ство вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ намъ, что королю извѣстно наше посольство, и что посредничество наше въ переговорахъ ему весьма пріятно.—Предложеніе наше не понравилось шведамъ, которые весьма негодовали на то, что русскіе уполномоченные явились на переговоры съ столь ограниченною властію. Они объявили, что ихъ довольно долго уже продержали даромъ, что имъ не ловко, даже невозможно остаться долѣе на переговорахъ, что они, съ своей стороны, ничего болѣе не могутъ сдѣлать для успѣха дѣла, и что если гг. посредники намѣрены писать къ великому князю, то они будутъ ожидать отвѣта въ Новгородѣ. Отъ намѣренія уѣхать въ Новгородъ нельзя было отклонить ихъ. Когда русскіе уполномоченные узнали, что шведскіе коммисары намѣревались ѣхать, и что нельзя уговорить ихъ остаться, чтобъ выждать отвѣта царя изъ Москвы, то они убѣдительно просили насъ отклонить шведовъ отъ такого намѣренія, еще просить ихъ о возвратѣ всѣхъ городовъ и крѣпостей и уменьшить денежное требованіе; на что имъ дано въ отвѣтъ, что посредники употребили всѣ старанія, чтобъ удержать шведовъ, и что послѣдніе твердо намѣрены, кромѣ требуемыхъ денегъ, оставить еще за собою нѣсколько городовъ и крѣпостей. Русскіе сказали, что они всѣ скорѣе готовы отдать шведамъ жизнь, чѣмъ хотя одну горсть земли.

29 числа, мы пригласили шведскихъ уполномоченныхъ къ себѣ и просили ихъ отложить отъѣздъ. Они представили намъ всѣ неудобства времени и мѣста, недостатокъ во всѣхъ припасахъ, особенно же въ кормѣ для лошадей, и сказали, что по этимъ причинамъ имъ невозможно долѣе остаться; они прибавили, что остались бы, пожертвовали бы всѣми лошадьми, зарѣзали и съѣли бы ихъ, если могли бы надѣяться, что русскіе сдѣлаютъ какія-либо благоразумныя предложенія; они двѣ или три недѣли будутъ ожидать въ Новгородѣ отвѣта, который великій князь пришлетъ на письмо посредниковъ....

Во время описанныхъ выше переговоровъ нѣсколько человѣкъ рейтаровъ и пѣшихъ перебѣжало со стороны шведовъ къ русскимъ; они стояли на караулѣ въ квартирѣ посла великобританскаго и соблазнены были на побѣгъ, что весьма огорчило шведскихъ уполномоченныхъ. Въ ихъ войскѣ обнаружились также признаки неудовольствія по причинѣ тяжкой стоянки въ лагерѣ,

Случилось также въ ночь съ предпослѣдняго на послѣднее число января, что одинъ изъ бѣжавшихъ къ русскимъ отрѣзалъ кусокъ полотна отъ палатки короля шведскаго, которая стояла возлѣ московской палатки, около дома, занимаемаго англійскимъ посломъ. Перебѣжчикъ взялъ это полотно съ собою, за что сильно негодовали королевскіе уполномоченные.

31 января предъ обѣдомъ, собравшись въ квартиру посла, чтобъ проститься съ нимъ (шведы хотѣли ѣхать на другой день рано утромъ), они жаловались ему на случившееся похищеніе и объявили, что этимъ поступкомъ нарушена была русскими клятва о безопасности уполномоченныхъ, и причинена великая обида не только королю шведскому, но и послу Е. К. В. короля великобританскаго, предъ домомъ и подъ покровительствомъ котораго палатки были поставлены, и предъ домомъ котораго русскіе не гнушаются соблазнять шведскихъ солдатъ (cryckskneсhten) дѣлаться шельмами (schelmente werden). Русскіе, какъ только узнали о случившемся, тотчасъ рано утромъ отправили къ послу и къ намъ дворянъ своихъ, которые объявили, что главные уполномоченные царскіе ничего не знали объ этихъ перебѣжчикахъ, что они прикажутъ отыскать ихъ и выдать шведскимъ уполномоченнымъ. Это было сообщено шведскимъ уполномоченнымъ съ просьбою, притомъ, отложить отъѣздъ до обѣда слѣдующаго дня; а въ этотъ срокъ имъ можно требовать выдачи перебѣжчиковъ, если они не будутъ еще выданы. Они согласились, и мы тотчасъ послали объявить объ этомъ русскимъ уполномоченнымъ, прося ихъ постараться отыскать и представить бѣглыхъ. Намъ отвѣтили, что главные русскіе уполномоченные послали нарочно въ Осташковъ (Astasko), чтобъ отыскать перебѣжчиковъ, и что они обѣщаютъ, какъ только тѣ будутъ пойманы, тотчасъ же отправить ихъ къ шведамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГАБСБУРГСКАЯ
СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seinen Bruder Leopold, herausgegeben von Alfred Ritter von *Arneth.* 1 Bd. 1761 — 1772. 2 Bd. 1773—1778. 3 Bd. 1778—1780. Каждый въ 400 стр. in 8°. 1-й и 2-й томъ изд. въ 1867, 3-й въ 1868. Wien. Gerold.

Leopold II und Marie Christine. Ihr Briefwechsel (1781—1792), herausgegeben von *Adam Wolf.* Wien. Gerold, in 8°, 357 стр. 1867.

Имя г. Арнета и вѣнское изданіе можетъ избавить насъ отъ труда, необходимаго при французскихъ изданіяхъ разныхъ корреспонденцій, а именно, обратиться предварительно къ вопросу о подлинности или подложности изданныхъ писемъ. Вѣковая недоступность вѣнскихъ архивовъ неоднократно вызывала справедливые укоры историковъ. Тѣмъ бо́льшій интересъ возбудили послѣднія публикаціи изъ этихъ архивовъ, подъ руководствомъ императорскаго архиваріуса. Страннымъ образомъ, однако, первый избранный опытъ императорскаго архиваріуса оказался неблагопріятнымъ для вѣнскаго двора. Переписка Маріи Антуанеты съ матерью Маріей Терезіей—обнаружила насильственное вліяніе матери, разоблачила тайныя пружины, двигавшія молодой королевой, интриги и замыслы австрійскихъ придворныхъ дипломатовъ. За то, изданная теперь переписка Іосифа II, извлеченная изъ тѣхъ же вѣнскихъ архивовъ — оказываетъ большую услугу брату Маріи Антуанеты и первому императору лотарингской линіи на габсбургскомъ престолѣ. Царствованіе Іосифа II получаетъ новый свѣтъ при чтеніи этой переписки. Она заставляетъ насъ вѣрить въ дѣйствительность гуманныхъ побужденій Іосифа, въ искренность желанія Іосифа облегчить судьбу и улучшить бытъ народа — крестьянина, въ глубину его

несочувствія всѣмъ привилегіямъ рода и имущества, интриги и происковъ. Она же избавляетъ его отъ нѣкоторыхъ нареканій за властолюбивые замыслы на Римъ, указывая на источникъ подобныхъ замысловъ. Понятно также, насколько интересны сужденія Іосифа о лицахъ и положеніяхъ его эпохи; они не могутъ быть заподозрѣны въ фальши, въ скрытности, и онъ, личный свидѣтель прошлаго, является невольнымъ судьей или адвокатомъ своей эпохи. Мы не поступимъ легкомысленно, отнесясь съ довѣріемъ къ словамъ и письмамъ Іосифа; его переписка тѣмъ и драгоцѣнна для историка, что носитъ на себѣ совершенно частный, интимный характеръ, и, конечно, Іосифъ не могъ разсчитывать на ея опубликованіе и писать сообразно съ такимъ разсчетомъ. Въ этомъ отношеніи, мы предпочитаемъ подобную переписку тѣмъ многимъ мемуарамъ, которые принадлежатъ XVIII вѣку и, писанныя на подобіе «Confessions» Руссо, носятъ кокетливо рисующійся характеръ авторскаго себялюбія, больше заботящагося о выгодномъ свѣтѣ для себя, чѣмъ о правдивомъ ознакомленіи читающаго съ дѣломъ.

Интимность переписки Іосифа представляетъ еще другую, важную и интересную сторону. Письма о его семейныхъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, о его внутреннемъ настроеніи подъ вліяніемъ неизгладимаго удара, нанесеннаго утратой любимой жены — заставляютъ историка обратить болѣе серьозное вниманіе, чѣмъ до сихъ поръ, на *психологическое* состояніе этого энергичнаго реформатора, и въ этомъ состояніи искать разъясненія многого поражающаго въ характерѣ Іосифа, съ его противорѣчіями и рѣзкостями, съ его простотою и двуличностью, съ его мягкостью и суровостію. Историки и публицисты конечно много злоупотребляли тѣмъ подмѣченнымъ фактомъ, что часто источникъ великихъ событій и трудныхъ положеній лежитъ въ весьма ничтожныхъ, повидимому, и частныхъ обстоятельствахъ. И все же подобное соображеніе вполнѣ умѣстно при взглядѣ на жизнь и дѣятельность Іосифа, тѣмъ болѣе, что ничтожность *частныхъ* обстоятельствъ только кажущаяся,— въ сущности же они были слишкомъ трагическія, чтобъ не имѣть вліянія на всю судьбу Іосифа, начиная съ самаго формированія его характера. Читая собственную исповѣдь Іосифа о тѣхъ жертвахъ, которыя долженъ былъ принести человѣкъ монарху, невольно останавливаешься предъ размышленіемъ: за что и къ чему были обречены носить габсбургскую корону такія личности, какъ Іосифъ? Она была ему положительно въ тягость (мы услышимъ не одно признаніе), она безжалостно уничтожала его личность, разбивала весь его внутренній міръ, въ который онъ всецѣло былъ погруженъ, и за что̀, конечно, нельзя винить — въ томъ было его неотъемлемое право! Онъ кончилъ тѣмъ, что простился разъ навсегда съ внутреннимъ, съ душевнымъ міромъ и спокойствіемъ, и весь отдался тому служенію, для котораго

долженъ былъ пожертвовать собою, — служенію габсбургскому государству [1]).

Здѣсь открывается второй актъ въ драмѣ его жизни, и переписка предлагаетъ для него богатый матеріалъ. Личныя страданія даютъ человѣку бо́льшій доступъ къ пониманію страданій другихъ, а одиночество, которое потрясенныя, какъ и вообще глубокія натуры предпочитаютъ пустому развлеченію — гораздо болѣе располагаетъ къ серьознымъ размышленіямъ, чѣмъ блестящая обстановка высшаго свѣта. «Философу Іосифу» — какъ звали его до́ма — было естественно несравненно болѣе думать и обдумывать свою роль и свое назначеніе, чѣмъ кому бы то ни было, и когда бы то ни было, изъ всей его семьи. Его назначеніе представилось ему выше и серьознѣе, чѣмъ то обыкновенно понимали всѣ его предшественники и современники; его роль явилась предъ нимъ болѣе трудною, но и болѣе достойною и благодарною. Пытливый умъ его, незатемненный изнашивающей жизнью, не подкупленный приманкою даннаго положенія, подвергъ трезвой критикѣ всю общественную обстановку и государственную организацію, и рѣшился смѣло назвать вещи по имени — пустотѣ и лоску было отказано въ правѣ на достоинство и власть; баронская эксплуатація была обречена на гибель, какъ преступная привилегія; нищета крестьянина должна была смѣниться независимымъ довольствомъ; религіозная нетерпимость осуждена, какъ злостное невѣжество. Но здѣсь Іосифъ былъ остановленъ тѣмъ лицемъ, которое упорно сохраняло свое вліяніе и власть—Маріей-Терезіей. Съ той минуты, какъ Іосифъ становится общественнымъ труженикомъ, государственнымъ реформаторомъ, онъ сталкивается съ своей матерью, и болѣзненная распря ихъ, съ упреками и слезами, съ ударами и уступками, олицетворяетъ зачинавшуюся борьбу новаго начала со старымъ на тѣсной аренѣ габсбургской семьи. Старое начало посылаетъ грозные удары и проклятія новымъ требованіямъ, ничего нехотѣвшимъ щадить. Іосифъ не ждалъ французскихъ революціонеровъ, чтобъ осудить на гибель весь картонный міръ феодальной іерархіи. Распря сына съ матерью тянется чрезъ все время ихъ сорегентства и заставляетъ обоихъ жестоко страдать, потому что, кромѣ другихъ соображеній, они прежде всего любили и были привязаны другъ къ другу. Справедливость требуетъ здѣсь же замѣтить, что переписка располагаетъ сочувственно къ Маріи-Терезіи вездѣ, гдѣ идетъ дѣло о внѣшней политикѣ, и вызываетъ осужденіе Іосифу за его систему пользованія всякой случайностью при помощи вооруженнаго вторженія. Впрочемъ, въ этомъ Іосифъ дѣйствовалъ

[1]) J'aime trop l'Etat et la monarchie pour ne pas ressentir tout ce qui la touche bien vivement. T. I, стр. 229. Эта мысль повторяется у Іосифа во всевозможныхъ выраженіяхъ.

только сообразно съ общимъ правиломъ тогдашняго времени и подъ невольнымъ вліяніемъ Фридриха II, который былъ только ловче и лицемѣрнѣе Іосифа. Напротивъ, во внутренней политикѣ сочувствіе переходитъ на сторону Іосифа. Здѣсь Марія-Терезія является тормазомъ всѣхъ замысловъ и начинаній сына-реформатора, и въ тоже время здѣсь она сохраняетъ до смерти то вліяніе, которымъ вообще пользовалась на дѣтей. Печальное, пагубное вліяніе! Изъ-за своихъ феодальныхъ понятій о славѣ и уваженіи «дома» она посылаетъ Марію-Антуанету во Францію, отравляетъ жизнь Іосифа женитьбою, выдаетъ другую дочь — Каролину — за полуумнаго неаполитанскаго короля, стѣсняетъ другого сына, Леопольда, эрцгерцога тосканскаго, даже въ выборѣ прогулокъ; требуетъ, чтобъ при его дворѣ говорили по нѣмецки [1]), и все это, конечно, не дѣлаетъ дѣтей счастливыми, а напротивъ. Въ этомъ отношеніи, изданная Арнетомъ переписка могла бы доказать, что *фамильная система* была также гибельна и для самой коронованной семьи, какъ и для страны. Но, въ данномъ случаѣ, всѣхъ тяжеле было положеніе Іосифа, обязаннаго управлять Австріей вмѣстѣ съ матерью. Невыносимость вѣчной опеки и вмѣшательства въ государственныя дѣла доводитъ Іосифа до того, что онъ десять разъ готовъ бросить все и десять разъ повторяетъ матери просьбу объ отставкѣ, о дозволеніи ему не быть соправителемъ, а только слугою ея, — очевидно для того, чтобы не дѣлить отвѣтственности за дѣла несогласныя ни съ его разумомъ, ни съ его совѣстью.

Понятно, съ какимъ пылкимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ необузданнымъ рвеніемъ ухватился онъ, по смерти матери, за осуществленіе цѣлой бездны толпившихся въ головѣ плановъ! Здѣсь-то и ждало Іосифа самое жестокое пораженіе, и это третій и послѣдній актъ драмы, кончающейся преждевременной смертью, не умѣвшей прійти немного ранѣе, когда была надежда на успѣхъ, не хотѣвшей прійти немного позже, когда катастрофа разразилась повсюду, — и унесшей его въ моментъ рушенія еще невозведеннаго зданія! Этого третьяго злополучнаго для Іосифа акта нѣтъ въ перепискѣ; она кончается на смерти Маріи Терезіи; но мы напомнимъ бѣгло и объ немъ, пользуясь другими источниками и, между прочимъ, корреспонденціей Леопольда и сестры Іосифа, бывшей правительницею въ Бельгіи, гдѣ и былъ нанесенъ смертельный ударъ всей логикѣ австрійскаго императора. Онъ могъ утѣшаться развѣ только тѣмъ, что логика новаго порядка не останови-

---

[1]) I, 138. Собственноручное письмо М. Терезіи къ графу Турну: Je marque à mon fils que je souhaite qu'on n'oublie pas l'allemand, et que même les gens de la Cour devraient tâcher de l'apprendre... Tâchez que Léopold ni elle ne sortent pas seuls dans les jardins; ce n'est pas Schönbrunn, et ce n'est pas la coutume en Italie, le jardin est aussi trop vaste, et la nation n'est pas allemande.

лась, и уже при немъ продолжалась во Франціи; но Іосифъ не призналъ сходства и родственности съ послѣднею, и дѣйствительно—логика французская была иного свойства и съ другими результатами.

I.

Политическая карьера Іосифа II начинается очень рано, чуть не у самой колыбели. Онъ родился въ 1741—въ тяжелое время распри его матери Маріи Терезіи съ Франціей, и извѣстно, какъ въ томъ же году молодая императрица, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, бросилась за помощью къ вѣрнымъ венграмъ: какой восторженный единодушный кликъ пробудила она въ нихъ, явившись въ траурѣ и съ младенцемъ Іосифомъ на рукахъ.

«Умремъ за нашего короля, Марію Терезію!» было ихъ воинственнымъ рѣшеніемъ, вызвавшимъ у Маріи Терезіи потокъ благодарныхъ слезъ. Ребенокъ росъ, и въ немъ проявлялись живость ума и пылкость воображенія; но эти качества не входили въ програму тогдашней іезуитской педагогіи, и наставники сдѣлали все, чтобъ возбудить въ немъ отвращеніе къ ученью и злобное недовѣріе къ клерикальному ханжеству. Мы увидимъ позже, что результатъ вліянія іезуитовъ на Іосифа былъ подобенъ тому, какое они оказывали въ прошломъ вѣкѣ на многія извѣстныя личности, начиная съ Тюрго и Дидро, на котораго въ семинаріи возлагались громадныя надежды, и который сталъ врагомъ іезуитовъ на столь же сильнымъ, какъ Іосифъ. Вмѣстѣ съ такимъ воспитаніемъ, самая домашняя жизнь должна была возбудить въ мальчикѣ склонность къ одиночеству и угрюмости: Въ первое время, родители не особенно любили его, всѣ ихъ ласки и заботы сосредоточивались на второмъ сынѣ, герцогѣ Карлѣ, пока онъ не умеръ въ 1761 г., 16-ти лѣтъ отъ роду. Семилѣтняя война, разнеся повсюду молву о *«Фрицѣ»*, въ первый разъ пробудила въ юношѣ воинственную страсть, жажду опасностей и еще болѣе славы, но и здѣсь онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны матери, не дозволившей принять участіе въ походѣ (1757). Скоро другое вліяніе, другая власть завладѣла молодымъ эрцгерцогомъ и была для него несравненно выносимѣе и отраднѣе. Іосифъ женился на пармской инфантѣ, Елизаветѣ-Маріи или Изабеллѣ, къ которой его влекли одинаково и ея замѣчательная красота и ея умственное развитіе, бывшее въ то время и въ той средѣ, какъ мы скоро увидимъ, рѣдкимъ исключеніемъ. Съ нею, въ ея любви и дружбѣ Іосифъ чувствовалъ себя въ первый разъ счастливымъ и охотно готовъ былъ во всемъ ее слушаться. Но счастье было не прочно: ни нѣжность, ни всѣ заботы мужа не могли уничтожить въ Изабеллѣ той развивавшейся меланхоліи, которою страдали въ ея семействѣ, и которая, повидимому, перешла къ ней по наслѣдству отъ дѣда; ея мѣ-

шавшемуся воображенію не переставала грезиться страшная смерть, и воображеніе не обмануло ее — зимою 1763 года оспа унесла ее въ могилу, и съ нéю унесла навсегда счастье и спокойствіе Іосифа.

— «Дорогóй братъ! Если возможно чувствовать облегченіе въ такомъ жестокомъ положеніи, то только ваша дружба одна способна оказать мнѣ его. Я не въ состояніи сказать ничего болѣе; я все потерялъ; я желаю вамъ отъ всего сердца такую хорошую жену, какъ моя покойная, но да сохранитъ васъ Богъ отъ подобнаго горя!» Этими словами Іосифа къ его брату (27 ноября 1763) начинается изданная Арнетомъ переписка. Іосифу однако некогда было предаваться своему горю. Какъ бы нарочно, въ то самое время его обрекали ужè не на бездѣйствіе, а, напротивъ, на самую утомительную для него дѣятельность. Государственные или, вѣрнѣе, династическіе интересы, по понятію императрицы Маріи-Терезіи, не должны были терпѣть замедленія отъ того или другого внутренняго настроенія ея сына, и еще любимый прахъ не остылъ, какъ уже Іосифа отправили съ отцемъ, императоромъ Францемъ — во Франкфуртъ для коронованія римскимъ королемъ. При этомъ Марія-Терезія рѣшилась за-разъ обдѣлать два дѣла, и, кромѣ римской короны, наградить сына новою супругой. А Іосифъ, съ перваго же письма съ дороги напоминаетъ ей о своей неизгладимой печали: — «Мое грустное разставаніе съ вами, хотя бы только на шесть недѣль, напомнило мнѣ слишкомъ жестоко то разставаніе, какое я долженъ былъ совершить на вѣчно съ женщиной, которую я обожаю и здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, и прахъ которой мнѣ будетъ всегда драгоцѣненъ.» (13 января 1764.) Напрасны тѣ развлеченія, на которыя именно и разсчитываетъ Марія-Терезія: Іосифу отъ нихъ не легче, и послѣ перваго шумнаго пирà въ кругу всякихъ князей, онъ признается ей, что «хотя и никто не заговариваетъ о его новомъ бракѣ, но все же эта мысль безпокоитъ его, и концертъ, игранный на скрипкѣ, едва совсѣмъ не разстроилъ его, но онъ удержался, и только предъ нѣжной и сострадающей матерью, которой онъ внушаетъ сожалѣніе, онъ смѣетъ раскрыть свое сердце, ибо оно, не смотря на развлеченіе сотнею предметовъ, не можетъ забыть своей страшной утраты.» Это не мѣшаетъ матери настаивать на своемъ и непремѣнно торопить сына скорѣйшимъ выборомъ; она даже готова предоставить выборъ личному вкусу сына. Но для Іосифа напрасно такое великодушное дозволеніе, и онъ охотно предоставляетъ ей распоряжаться собою, — «ибо я не могу жениться иначе, какъ только изъ любви къ вамъ, и я долженъ сознаться, что мое сердце жестоко раздираемо въ послѣдніе дни; утрата обожаемой жены еще на столько запечатлѣна въ моемъ сердцѣ, что она каждую минуту представляется мнѣ; съ каждымъ посланнымъ я надѣюсь найти письмо отъ моей Тія-Тія (Гуа-Гуа, звалъ онъ ее между собой), и, къ несчастью, все кончено! Я не могу удержать сво-

ихъ слезъ, пиша эти слова, и вы можете судить по тому о силѣ моей печали.»

Два дня спустя, онъ прямо указываетъ матери на невольно отталкивающее чувство при мысли о бракѣ:—«Я долженъ признаться вамъ, дорогая мать, что мысль о бракѣ съ каждымъ днемъ становится болѣе чуждою моему сердцу, и увѣряю, что съ тѣхъ поръ, какъ я вдали отъ васъ, чувствую мою печаль болѣе чѣмъ когда либо. Какая потеря, какая разница въ путешествіи, и какое ужасное возвращеніе безъ надежды найти то, что обожаешь. Всѣ эти мысли слишкомъ тяжело волнуютъ мой умъ, а я боюсь, чтобъ моментъ самый счастливый для меня — когда я снова получу удовольствіе поцѣловать ваши руки— чтобъ онъ не былъ въ тоже время моментомъ, который вонзитъ кинжалъ въ мою грудь. Я постараюсь удержаться, если возможно, но я не могу отвѣчать за себя.»

Марія-Терезія оставалась при своемъ рѣшеніи — женить сына, для того, чтобъ доставить наслѣдника Австріи и способствовать при выборѣ невѣсты укрѣпленію родственно-государственныхъ союзовъ. Она не перестаетъ давать Іосифу инструкціи касательно его поведенія и разговоровъ, вдаваясь при этомъ во всѣ мелочныя подробности, наставляя его быть вѣжливымъ, любезнымъ, прося его играть съ дамами въ карты, требуя отъ него описанія всѣхъ встрѣчающихся, т. е. привезенныхъ на показъ принцессъ. Настроеніе Іосифа, по мѣрѣ приближенія къ Франкфурту, становится все тяжеле, его положеніе среди свѣта кажется ему невыносимымъ. — «Еслибъ ваше величество — пишетъ онъ ей о баварскомъ дворѣ — видѣли всѣхъ этихъ несносныхъ льстецовъ, въ которыхъ самая гнусная низость смѣшана съ невыносимой надменностью, вы не могли бы вытерпѣть ихъ общества»....
—«Мы должны—пишетъ онъ приближаясь къ Франкфурту въ компаніи курфюрстовъ и принцевъ — цѣлый день дороги слушать всѣ ихъ плоскости и глупости, и каждый изъ нихъ воображаетъ, что изрекаетъ сентенціи. Я увѣряю васъ, такъ какъ вы знаете мою откровенность и на сколько я сухъ и положителенъ въ сужденіяхъ, что мнѣ приходится дѣлать невообразимое усиліе, чтобъ не наклеить носа всѣмъ этимъ господамъ за тѣ глупости, которыя они говорятъ и дѣлаютъ.»

Суровый «философъ» кончаетъ тѣмъ, что избираетъ себѣ благую долю и начинаетъ относиться ко всему съ юмористической точки зрѣнія. И въ то время, какъ все и всѣ вокругъ него преважно суетятся по поводу его же коронованія, чинно парадируютъ предъ нимъ, выставляя свои высокія достоинства, и высказываютъ непрошенныя соболѣзнованія, заявляя о такой или другой прекрасной принцессѣ, способной замѣнить его потерю — самъ Іосифъ, презирая всю неумѣстную для его горя обстановку, хочетъ потѣшаться надъ ними и въ томъ искать себѣ развлеченія, если не забвенія. Разсказывая о ссорѣ

двухъ вельможъ изъ-за пустого намека о каретѣ и лошадяхъ, Іосифъ повторяетъ матери свое правило: — «Для меня, который, какъ только дѣло разгорячается, тотчасъ уходитъ въ сторону — для меня это настоящая комедія, и когда они являются ко мнѣ повѣствовать о своихъ бѣдахъ, я уже ранѣе, чѣмъ они откроютъ ротъ, говорю, что они оба правы!» Въ другой разъ къ Іосифу разлетѣлся съ намѣреніемъ соболѣзнованій и совѣтовъ вюрцбургскій епископъ; Іосифъ, предвидя грозу, остановилъ епископа у входа скромнымъ вопросомъ: что ему угодно? — «Епископъ растерялся отъ такого неожиданнаго вопроса и только возразилъ мнѣ, что желалъ освѣдомиться о моемъ здоровьи и о томъ, какъ я провелъ ночь.» Гораздо основательнѣе показался Іосифу курфюрстъ майнцкій, который много говорилъ и еще болѣе пилъ, такъ что его лице было совсѣмъ красное, «ибо онъ выпиваетъ въ день десять бутылокъ рейнскаго вина безъ головокруженія!» Съ другой стороны, дамы оказывались гораздо щепетильнѣе, чѣмъ кавалеры, къ тону и поведенію Іосифа. Такъ, дочь принцессы Ламбергъ не на шутку обидѣлась за несдержанную остроту Іосифа надъ ея прической; дѣло дошло до Маріи-Терезіи, и Іосифъ долженъ былъ оправдываться передъ матерью, увѣряя ее, что прическа принцессы была черезъ чуръ необыкновенна, съ ея растрепанными во всѣ стороны волосами, чтобъ не обратить вниманія. Тѣмъ не менѣе Іосифъ сохранялъ свое привычное отношеніе: — «Я соблюдаю въ точности роль зрителя и иногда насмѣшника, особенно когда Кевенгюллеръ сердится. У него вскочилъ прыщикъ на языкѣ, который заставляетъ его немного косноязычить, такъ что можно умереть со смѣху!»

Къ сожалѣнію, въ жизни людей бываютъ положенія, когда юмористическое отношеніе, вызванное равнодушіемъ или презрѣніемъ къ окружающей обстановкѣ, исканіемъ забвенія среди развлекающихъ мелочей — не достигаетъ своей цѣли, а наоборотъ, еще болѣе погружаетъ человѣка въ безвыходную тоску, — когда среди принужденнаго, насильственнаго смѣха прорывается несдержанная нота похороннаго плача. Такъ было и съ Іосифомъ. Блестящая суета франкфуртской жизни во время коронованія еще болѣе нагоняла на него мракъ и тоску. Среди разряженныхъ принцессъ, образъ схороненной жены не исчезалъ, а носился предъ нимъ, неотступно напоминая о безвозвратномъ и незамѣнимомъ, и всѣ совѣты и разговоры о новомъ бракѣ только внушали Іосифу все болѣе отвращенія къ нему. И въ то время, какъ мать, читая его подробныя описанія всѣхъ аудіенцій, обѣдовъ и вечеровъ нетерпѣливо ждетъ указанія на выборъ его сердца для того, чтобы согласовать его съ болѣе важными обстоятельствами, съ дипломатическими условіями, Іосифъ снова твердитъ ей о своемъ горѣ. Онъ самъ говоритъ ей о томъ состояніи, на которое мы сейчасъ указали; говоритъ, что его печаль становится гораздо тяжеле отъ той обстановки,

въ которую онъ поставленъ.—«Мое состоянiе, дорогая мать, невыносимо въ эту минуту. Съ сердцемъ удрученнымъ печалью, я долженъ казаться въ восторгѣ отъ того возложеннаго на меня достоинства, котораго я чувствую только тяжесть, а вовсе не удовольствiе. Я, который люблю уединенiе и которому трудно быть съ людьми не вполнѣ знакомыми, я долженъ вѣчно быть въ свѣтѣ и держать рѣчь со всякимъ, совершенно чужимъ для меня. Я и безъ того мало разговорчивъ, а долженъ дѣйствительно болтать цѣлый день и говорить любезный вздоръ! Увѣряю васъ, дорогая мать, что когда я возвращаюсь къ себѣ, голова идетъ кругомъ.... но, чтобъ заслужить ваше одобренiе, для меня нѣтъ ничего труднаго, и надо, чтобъ это шло [1])».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражается искреннее отношенiе Iосифа къ матери; онъ дѣйствительно любилъ ее и былъ привязанъ къ ней. Теряясь въ холодномъ, оффицiальномъ мiрѣ, отъ нея одной ждалъ онъ уроковъ, сужденiй, ей одной повѣрялъ онъ свое душевное состоянiе; въ ней надѣялся онъ встрѣтить сочувствiе своему горю и, можетъ быть, найти возможность отклонить новый бракъ, представляющiйся ему все болѣе невыносимымъ и грознымъ.—«Я долженъ признаться вамъ, что съ отъѣзда я сталъ еще гораздо болѣе чувствителенъ, и память моей обожаемой жены на столько еще жива въ моемъ сердцѣ, что я смотрю на бракъ не иначе, какъ на верхъ всѣхъ моихъ несчастiй. Я прошу у васъ извиненiя, дорогая мать, что говорю это такъ ясно, но я такъ думаю, и, еслибъ я даже хотѣлъ избрать одну особу, то незнаю былъ ли бы я теперь въ состоянiи рѣшиться на такой шагъ. Надо много времени, чтобъ закрылась эта глубокая рана; хотя тѣмъ не менѣе ваши уважаемыя приказанiя заставятъ Iосифа все сдѣлать съ самымъ жестокимъ усилiемъ.» Готовность свою подчиняться приказанiю матери изъ любви къ ней, онъ высказываетъ еще сильнѣе, благодаря ее въ одномъ письмѣ за теплыя строки: — «Мою жизнь, которой я, конечно, никогда не желалъ быть долгою, теперь я желаю продолжить для того, чтобъ имѣть болѣе времени заслужить вашу доброту и быть достойнымъ ея.»

Марiя-Терезiя не умѣла платить сыну за его чувства иначе, какъ упорнымъ настаиванiемъ на скорѣйшемъ бракѣ. Iосифъ снова указываетъ на свое неизмѣнное горе, и наконецъ въ его словахъ слышится первый упрекъ ей за вѣчное растравленiе сердечной раны,

---

[1]) Немного позже онъ повторяетъ тоже самое и почти въ тѣхъ же выраженiяхъ, рисующихъ его характеръ: «Я не могу отрицать, что роль, которую я играю, очень тяжела; кромѣ всѣхъ трудностей и стѣсненiй, связанныхъ съ подобными церемонiями, существуетъ моя справедливая печаль, не оставляющая меня ни на мигъ, и даже увеличивающаяся, хотя я скрываю ее на сколько возможно; да еще мой характеръ, который и безъ того не любитъ большого свѣта; но надо преодолѣть это и, чтобъ сдѣлать вамъ честь, я дѣлаю и всегда буду дѣлать самыя страшныя усилiя.

за отсутствіе жалости, за непониманіе — какой жертвы она требуетъ! — «Я научился немного знать свѣтъ и людей, и я увидѣлъ, что счастье находится только въ безупречности собственнаго поведенія. Но оставимъ эту рѣчь.... Въ этотъ часъ я не способенъ играть принятую роль, маска упала бы съ лица, рушилась бы и иллюзія, которую многіе хотятъ питать на счетъ моего принужденнаго веселія. Я смѣюсь губами, а моя душа рыдаетъ; будемъ продолжать побѣждать себя и страдать въ самомъ себѣ, даже не утѣшаясь тѣмъ, что тебя пожалѣютъ. Вы *слишкомъ* много входите въ положеніе другихъ, чтобъ не понять сколь жестоко мое! Еслибъ я не былъ столь привязанъ къ вамъ и еслибъ немного опытности не давало мнѣ знанія свѣта, я навсегда остался бы вдовымъ... борьба между желаніемъ оказать вамъ обязательство и моей склонностью, убѣжденіемъ и размышленіемъ — слишкомъ ужасна. Да, я предвижу! моя привязанность къ вамъ вырветъ у меня рѣшеніе, но да будетъ угодно Богу, чтобъ то не было нá вѣчное несчастіе моихъ дней и, можетъ быть, моей души. Простите мнѣ это отступленіе, но вы раскрыли источникъ моихъ горькихъ размышленій, которыя я скрывалъ цѣлыя четыре недѣли. Вы можете себѣ представить, что̀ стоитъ человѣку дѣлать то, что́ дѣлаю я, когда думаешь такимъ образомъ.» Эти строки находятся въ отвѣтномъ письмѣ Іосифа на поздравленіе съ успѣшнымъ коронованіемъ.

Коронованіе римскаго короля совершено было при огромномъ стеченіи народа, во Франкфуртѣ, въ томъ соборѣ, который недавно сгорѣлъ и унесъ съ собою великаго свидѣтеля габсбургскаго величія, въ то самое время какъ послѣднія надежды этого величія, связаннаго съ германскою короной, рушились при Садовѣ! Въ день торжественнаго въѣзда предъ коронованіемъ, Іосифъ былъ тронутъ привѣтствіями народа и обѣщалъ себѣ вѣрно служить ему: — «Я постараюсь все сдѣлать чтобъ народъ не ошибся, радуясь при избраніи меня своимъ главою.» Но, въ самый день коронованія, народу не посчастливилось и празднество въ честь Іосифа обагрилось кровью: — «Я думалъ о вашемъ величествѣ, какъ вы закричали бы, увидѣвъ происходившее побоище. Солдаты, которые стояли на площади (по прозванію Römer), гдѣ тѣснились несчетныя толпы народа, побили людей весьма некстати и ужаснымъ образомъ; но, наконецъ, толпа отплатила имъ такъ сильно, что гренадеры были почти совершенно разогнаны и побиты. Четыре или пять человѣкъ погибло, ибо наконецъ войска открыли огонь, и одна 19-ти-лѣтняя дѣвушка получила пулю, которая отправила ее на тотъ свѣтъ.» Впрочемъ, въ то время не придавалось особаго значенія подобнымъ сценамъ, и празднества шли своимъ чередомъ, привѣтствія народа были также громки и многочисленны, какъ и въ день въѣзда. — «Но я долженъ признаться вашему величеству, что, не смотря

на все то, образъ моей дорогой жены не переставалъ все время быть предъ моими глазами.» Скоро этотъ унесшійся образъ напомнилъ Іосифу о существованіи другого, наиболѣе подобнаго ему, и онъ съ жаромъ ухватился за свою новую мечту. У покойной Изабеллы была младшая сестра, и на ней остановился Іосифъ, не видя возможности остаться вѣрнымъ памяти любимой женщины. Этой возможности въ дѣйствительности не представлялось. Марія-Терезія неотступно стояла на своемъ и не упускала ни одного случая для того, чтобъ напоминать и торопить сына. Поспѣшность доводила ее даже до слишкомъ неделикатнаго затрогиванія чувствъ сына. Такъ, по поводу праздниковъ въ Вѣнѣ по случаю коронованія, Марія-Терезія пишетъ Іосифу, что видъ его маленькой дочери (умершей чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того) возбудилъ въ ней желаніе видѣть скоро еще *другихъ* дѣтей Іосифа. Намекъ на новый бракъ показался Іосифу слишкомъ неумѣстнымъ, и онъ отвѣтилъ ей упрекомъ полнымъ горечи:—«Да, мнѣ остается совершить съ самоотверженіемъ самую ужасную и жестокую жертву. Но возможно ли, дорогая мать, чтобъ видъ моей дочери въ тѣ шумные часы не возбудилъ въ васъ ничего другого, какъ только желаніе видѣть *другихъ?* Вы не можете скрыть отъ меня этого! Я знаю ваше сердце. Вы должны были подумать объ удовольствіи, которое доставило бы вамъ поцѣловать вашу королеву, вашу дочь и преданную подругу.... Ребенокъ въ колыбели тоже долженъ былъ бы вызвать вашу нѣжность. Удовольствіе той дорогой жены, и то, которое испытывалъ бы я при видѣ моей королевы; такой добрый союзъ вашего сына, котораго вы любите и который заслуживаетъ это своей неизмѣнной преданностью; ваши дѣти, которые находили въ ней добраго друга и вѣрнаго руководителя... все это должно было прійти вамъ въ голову, я увѣренъ въ томъ. Я не могу отрицать, что эти размышленія, постоянно преслѣдующія меня, наполняютъ страшнымъ ядомъ мои дни...» И за тѣмъ слѣдуетъ иронія [1]) и поученіе матери:—«Поспѣшность, оказываемая вами касательно моего брака, есть выраженіе вашей нѣжности, которая не ограничивается живыми, но даже любитъ будущее, находящееся еще въ ничтожествѣ.... Я хочу пожертвовать собою для васъ, но ради любви къ вамъ, поступимъ хорошо, такъ чтобы можно было нравственно обѣщать себѣ счастливые плоды»....

На возвратномъ пути изъ Франкфурта въ Вѣну, гдѣ онъ отнесся съ антипатіей ко всѣмъ представлявшимся ему выборамъ невѣстъ, намѣреніе его соединиться съ сестрой покойной жены созрѣло въ рѣшеніе, и онъ умоляетъ мать устроить его бракъ.—«Упрекъ, который вы дѣлаете мнѣ за мою нерѣшимость — я не заслуживаю; ибо съ того

[1]) Марія-Терезія поняла иронію и упрекала сына за ѣдкость; онъ оправдывался и сожалѣлъ о томъ, что подалъ поводъ къ упрекамъ. (Стр. 104).

страшнаго момента, когда на моихъ рукахъ испустила послѣдній вздохъ дорогая жена, я всегда думалъ такъ, какъ и въ этотъ часъ, и я вѣчно буду думать одинаково. Особа, которую я позволилъ себѣ просить у васъ въ жены, представляется мнѣ самою лучшею. Это послѣдній долгъ, который я отдамъ моей обожаемой женѣ. Если вы хотите утѣшить сына, искренно привязаннаго къ вамъ, постарайтесь сдѣлать его счастливымъ, а могу ли я стать такимъ, не имѣя возможности надѣяться снова обрѣсти хорошій союзъ? Я прошу у васъ этого, какъ милости, только желайте этого *искренне*, и я думаю все еще, что будетъ средство добиться....» *Добиться* было гораздо труднѣе, чѣмъ Іосифъ воображалъ, и здѣсь начинается новый эпизодъ драмы, исполненный горечи для сына и униженія для матери. Въ то время, какъ Іосифъ сталъ думать о сестрѣ своей Изабеллы, уже свыкся съ мыслью о союзѣ съ ней, и повидимому дѣйствительно полюбилъ ее и заранѣе привязался къ ней, она, не смотря на молодость (ей не было и 15 лѣтъ) была уже просватана за сына испанскаго короля, и въ сватовствѣ томъ, конечно, играли роль главнымъ образомъ дипломатическія соображенія. Видя непреодолимое желаніе сына, страшась, что иначе онъ совершенно откажется отъ второго брака, Марія-Терезія рѣшается обратиться прямо къ испанскому королю. Въ то время это являлось поступкомъ, имѣвшимъ за собою большую заслугу. При взаимныхъ интригахъ, сплетняхъ и козняхъ всѣхъ дворовъ, Марія-Терезія знала, что можетъ подвергнуться издѣваньямъ въ случаѣ неудачи и, кромѣ того, стать въ неловкія отношенія къ тѣмъ дворамъ, гдѣ при неуспѣхѣ все же придется искать невѣстки:—«Поступокъ, который я совершаю этимъ письмомъ — писала она собственноручно испанскому королю Карлу III — можетъ показаться вашему величеству страннымъ, но такъ какъ онъ проистекаетъ изъ моего нѣжнаго чувства къ старшему сыну, и изъ полнаго довѣрія къ лицу в. вел.,—то я надѣюсь, что вы взглянете на дѣло глазами добраго отца и истиннаго друга.» Она повѣряла ему тайну выбора сына, согласнаго съ его любовью къ покойной женѣ и высказаннымъ покойною желаніемъ, и такъ какъ король сообщилъ ей тоже тайно о сватовствѣ своего сына, австрійскаго принца на Луизѣ Пармской, то она рѣшается просить его измѣнить выборъ сына:—«Я слишкомъ чувствую нескромность моей просьбы, но пусть в. вел. станетъ на мое мѣсто; *счастье моего сына и моихъ народовъ зависитъ отъ того;* вотъ почему я смѣю прибѣгнуть къ вамъ, чтобъ возстановить всю удрученную семью! Эти чувства и дружба, на которую у меня столько основанія полагаться, оставляютъ мнѣ еще надежду, тѣмъ болѣе, что виды в. вел. не были еще обнародованы, и что особенность обстоятельствъ заставляетъ моего сына смотрѣть на принцессу пармскую, какъ на единственный предметъ своихъ желаній, какъ на единственно способную сдѣлать его счастливымъ, между тѣмъ

какъ у вашего сына нѣтъ непобѣдимаго предпочтенія. Все, что я сказала, составляетъ причины, по которымъ нѣжная и огорченная мать обращается къ своему лучшему другу.» Далѣе, Марія-Терезія указываетъ на важность такого брака для закрѣпленія союзническихъ отношеній между Австріей, Испаніей и Франціей, «столь важныхъ для святой религіи, для процвѣтанія габсбургскаго и бурбонскаго домовъ и для блага общихъ подданныхъ», и заключаетъ просьбою о строжайшемъ секретѣ.... Отвѣтное письмо испанскаго короля было коротко и сухо. Онъ высказывалъ соболѣзнованіе невозможности удовлетворить ея просьбѣ подъ тѣмъ предлогомъ, будто мысль о бракѣ его сына съ дѣвочкою-принцессою принадлежала уже его покойной женѣ, и онъ обязанъ считать такую мысль послѣднею волей испанской королевы!

Такъ рушилась послѣдняя надежда Іосифа на возможность семейнаго счастья. Въ теченіи мѣсяца, который прошелъ между письмомъ Маріи-Терезіи и отвѣтомъ Карла III, Іосифъ все болѣе и болѣе свыкался съ мыслью о своемъ бракѣ съ сестрою покойной жены, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ дѣла, за которое взялась его мудрая мать. Тѣмъ болѣе жестокъ былъ ударъ. Личная жизнь теряла для Іосифа смыслъ, и самое большое счастье, о которомъ онъ могъ бы мечтать, заключалось теперь въ отрицательномъ отношеніи къ счастью, — въ отсутствіи навязаннаго чувству предмета, въ независимомъ одиночествѣ, не обязанномъ ни къ искусственной ласкѣ, ни къ обману и проституціи истинныхъ чувствъ, — ложнымъ дѣленіемъ ихъ съ отталкивающимъ существомъ. Блескъ будущей императорской короны долженъ былъ помрачить навсегда его личную жизнь. Маріи-Терезіи даже и въ голову не пришла возможность оставить старшаго сына не женатымъ; подобная мысль не уложилась бы въ ея головѣ, — это значило бы, по ея понятію, подорвать прочность трона, лишить (отсутствіемъ выбора) австрійскую монархію союзниковъ, лишить *ея* (австрійскіе) народы наслѣдника.

Чрезъ полгода, 22 января 1765 г., совершался обрядъ вѣнчанія Іосифа съ Маріей, принцессою баварской. Но Марія-Терезія обочлась въ расчетѣ — *ея* народы все же остались лишенными прямого наслѣдника, — Іосифъ остался лишеннымъ спокойствія. О принцессѣ баварской нѣсколько разъ упоминается въ перепискѣ. Въ первый разъ, когда, во время поѣздки во Франкфуртъ, старый князь Ауэрспергъ сталъ съ восторгомъ восхвалять ее, говоря о ея духѣ, — Іосифу мысль о бракѣ съ нею показалась столь дикой, что онъ даже не совсѣмъ удачно съострилъ [1]). Послѣ, Іосифъ радовался, когда его отецъ, императоръ Францъ I, получилъ о принцессѣ нелестные отзывы; наконецъ, онъ

[1]) .....en me disant qu'elle avait *tant d'esprit.* Je lui ai demandé, si c'était peut-être *de l'esprit de vin* dans une bouteille?

убѣдилъ мать, что она и стара и дурна, и Марія-Терезія, въ письмѣ къ испанскому королю, сама прямо говорила: «Мой сынъ питаетъ рѣшительное отдаленіе ото всѣхъ принцессъ, старшихъ нежели онъ; принцессы саксонская и баварская находятся въ томъ числѣ». Но после, она снова вернулась къ своимъ прежнимъ видамъ, по которымъ предпочитала для сына саксонскую или баварскую принцессу, по причинѣ ихъ христіанскаго воспитанія, ихъ добродѣтелей, ихъ характера. —«Онѣ нѣмки, изъ первѣйшихъ домовъ, къ которымъ у насъ существуютъ обязательства, и одной крови съ нами, имѣли того же дѣда, какъ и я [1])». Іосифъ покорился матери, но не измѣнился въ отношеніи къ Маріи баварской. Въ письмахъ къ брату Леопольду онъ жалуется на пустоту дома. Позже, въ письмахъ къ матери, когда онъ отправился воевать съ Фридрихомъ II, — онъ извиняется, что не пишетъ ничего женѣ,—«но вѣтеръ и дождь недостаточны, чтобъ ими наполнить страницу,—когда-нибудь пріищу сюжетъ и напишу». Въ другой разъ, онъ какъ-бы мститъ матери за выборъ, напоминая ей о своемъ отношеніи къ женѣ: — «Смѣю присоединить письмо къ моей женѣ; я лучше хотѣлъ бы, и былъ бы въ меньшемъ затрудненіи, писать Великому-Моголу, ибо она не довольствуется почтительными чувствами и уже упрекала меня. Судите, дорогая мать, что̀ могу писать я, и откуда, чортъ возьми, хотите вы, чтобъ у меня взялось къ ней какое-либо другое чувство? Извините за выраженіе, которое высказываетъ правду!»

Марія баварская дѣйствительно не разъ упрекала Іосифа, потому что, на бѣду себѣ, горячо любила его и, какъ въ большей части случаевъ при такихъ отношеніяхъ, не умѣла безмолвно примириться съ своей долей, понявъ ея неизмѣнность. Напротивъ, какъ почти всегда, оскорбленная въ своемъ чувствѣ, она не теряла напрасной надежды расположить его къ себѣ своей преданностью и любовью, и потому часто высказывала ихъ; но онъ не искалъ этихъ чувствъ, и высказываніе ихъ только болѣе отталкивало и озлобляло его! Конечно, онъ велъ себя съ нею слишкомъ жестоко, онъ не считалъ своимъ долгомъ не высказывать открыто презрѣнія; онъ не щадилъ въ ней жертвы тогдашней дипломатіи, онъ не сознавалъ вины своего личнаго участія въ дипломатическомъ бракосочетаніи,—вины своего подчиненія настояніямъ Маріи-Терезіи. Какъ ножъ врѣзывались, въ ужаленное сердце Маріи, вѣчныя сравненія съ первой женой; поведеніе Іосифа сдѣлало то, что она, робкая по природѣ, сознавая свое неравенство съ нимъ, который считался повсюду мудрымъ философомъ, она окончательно растеривалась въ его присутствіи, блѣднѣла и дрожала передъ нимъ. Презрѣніе Іосифа перешло въ отвращеніе, когда Марія мучилась въ

---

[1]) Denkschrift von Maria-Teresia's eigenes Hand über die Frage der zweiten Verheirathung Joseph's.

своей болѣзни—скорбутной сыпи. Къ счастью для нея, на второй годъ замужества она умерла отъ той же болѣзни, отъ которой и Изабелла — отъ оспы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умерла и маленькая дочь Изабеллы. Іосифъ остался одинъ, безъ насильственнаго союза, безъ послѣдней дорогой привязанности.

Таковъ былъ внутренній міръ Іосифа и, конечно, когда онъ обязанъ былъ переноситься во внѣшній міръ—его не могъ не поразить контрастъ его личной, мрачной дѣйствительности съ блестящею, пустою искусственностью при дворѣ. Отрѣшаясь въ своемъ уединеніи отъ оффиціальной фальши и потомъ сталкиваясь съ ней, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на дикое и совершенно ненужное явленіе, нетолько безполезное, но и вредное для государства и страны. Вотъ почему во всей перепискѣ встрѣчаются весьма часто сарказмы, переходящіе въ негодованіе противъ натянутой искусственности, противъ, такъ сказать, грубой утонченности, противъ мелкихъ интригъ и паразитизма.—«Вы хорошо сдѣлали—пишетъ онъ брату Леопольду—давъ одному вельможѣ титулъ grand écuyer, ибо когда можно вознаграждать или обязать людей громкими словами, безъ существенныхъ преимуществъ — то это всегда должно дѣлать, и чрезъ то экономія чувствуетъ себя удобно. Касательно же ливреи, она меня заставила хохотать, и я вижу ихъ предъ собою; они будутъ одѣты, какъ тѣ, которые во французскихъ комедіяхъ представляютъ лакеевъ и переставляютъ стулья и столы обыкновенно въ жолтой ливреѣ». Съ такой же ироніей пишетъ онъ матери о претензіяхъ двухъ придворныхъ господъ на княжескій титулъ. —«Шумъ о томъ, что графъ Клари станетъ княземъ, воодушевляетъ и другихъ слѣдовать такому примѣру. Графъ Пааръ тоже желаетъ этого титула, и, кладя на вѣсы его почтовыя достоинства и охотничьи—графа Клари, блескъ той и другой фамиліи, я нахожу столько же резоновъ для одного, какъ для другого. Пааръ охранялъ во многихъ большихъ поѣздкахъ драгоцѣнныя жизни императоровъ, императрицъ, супругъ и эрцгерцоговъ. Клари за то охранялъ тѣхъ же самыхъ особъ отъ смертельныхъ зубовъ кабановъ и ударовъ оленей. Я не знаю, чьи заслуги предпочтутся, и, по вашему желанію, одинъ, или оба будутъ украшены этимъ чваннымъ титуломъ, который, навѣсивъ всякія кисточки на носъ лошадей, заставляетъ говорить: Euer Liebden!—людей нелюбящихъ другъ друга, и даетъ ихъ дамамъ проходъ въ двери нѣсколькими секундами раньше»? Посылая Леопольду орденъ Золотого Руна (Toison) для его сына и помня, что братъ хорошо знаетъ его философію, Іосифъ считаетъ нужнымъ прибавить: «Получите же это Руно, которое, хотя и немного стоитъ, цѣнимое философски, но въ мнѣніи публики значитъ много, и нужно подчиняться даже ея предразсудкамъ».—Въ другой разъ, онъ жалуется Леопольду на придворныя интриги, окружающія Марію-Терезію:—«Грустно видѣть, что, не

смотря на наилучшія намѣренія государыни, чрезъ ея слишкомъ большую доброту, постоянныя интриги мѣшаютъ всякому хорошему дѣлу; частные виды всегда превозмогаютъ надъ соображеніями общественнаго блага». На тоже зло интригъ указывалъ онъ и самой матери уже за два года предъ тѣмъ, въ примѣръ Франціи.—«Я посылаю вамъ всѣ бумаги [1]), изъ которыхъ тоже видно очень ясно, какое несчастье имѣть дѣло съ интриганами и жить въ странѣ, поставленной на такую ногу» [2]).

Еще суровѣе готовъ онъ былъ преслѣдовать всякую нечистоту въ общественныхъ дѣлахъ. По смерти отца, онъ не хотѣлъ иначе утвердить своего дворцоваго совѣта (conseil aulique), какъ послѣ строгой ревизіи: «Объ этомъ будутъ кричать—писалъ онъ брату—но это не можетъ повредить честнымъ людямъ, а надъ мошенниками (fripons) я смѣюсь». Точно также смѣялся онъ и надъ пышными дамами, когда при дворѣ отмѣнили румяна:—«Запрещеніе румянъ производитъ большую перемѣну въ прекрасныхъ дамахъ двора, и между ними встрѣчаются теперь такія, которыя заставляютъ креститься, имѣя видъ возвратившихся съ того свѣта, или привидѣній» [3]). Вообще Іосифъ не жаловалъ дамъ, особенно въ молодости; позже, тоска заставляла его искать развлеченій въ томъ или другомъ тѣсномъ кругѣ, куда его привлекала та или другая женщина, но серьозной привязанности онъ уже никогда не имѣлъ, и даже мимоходное быстро надоѣдало ему: —«Я страшно иду назадъ въ моей свѣтскости, и нелюдимость снова одолѣваетъ меня. Увы, дамское общество становится въ концѣ невыносимымъ разумному человѣку, и я могу сказать, что часто самыя ловкія и остроумныя выходки поворачиваютъ во мнѣ желудокъ». Тоже самое было съ нимъ и за четыре года предъ тѣмъ, при началѣ императорской карьеры:—«Я такъ мало говорю съ дамами, что надняхъ наша августѣйшая мать, на одномъ бывшемъ собраніи, прогнала меня

---

[1]) Дѣло тогда (въ маѣ 1769 г.) шло о возможности брака самого Людовика XV съ эрцгерцогинею Елисаветой, при помощи герцога Шуазеля и австрійскаго дипломата Мерси. Бракъ этотъ, неудавшійся, долженъ былъ осуществить, по *фамильной системѣ*, ту связь бурбонскаго и австрійскаго домовъ, для котораго позже устроенъ былъ бракъ Людовика XVI съ Маріей Антуанетой.

[2]) Іосифъ предпочиталъ въ окружающихъ его людяхъ прямоту и правду: «Я очень доволенъ моимъ новымъ секретаремъ,—писалъ онъ брату, ставъ императоромъ,—это такой человѣкъ, какого мнѣ надо, ибо онъ говоритъ мнѣ правду прямо, и зоветъ кошку кошкой».

[3]) Говорятъ,—писалъ по тому же случаю аббатъ Рулле графу Турну,—что одна изъ очень важныхъ дамъ, которую ваше превосходительство хорошо знаете и которая отправляется въ свои земли въ Богеміи, горько жаловалась: «Возможно ли, чтобъ даже нельзя было оставаться госпожею своей физіономіи. Я все же вѣдь получила ее отъ неба, а не отъ государства». Либеральная дама забывала, что запрещеніе румянъ именно и вело къ тому, чтобъ женщины носили физіономію, полученную отъ неба, а не отъ дрогиста.

прочь отъ иностранныхъ министровъ, съ которыми я обыкновенно веду разговоръ, и осудила меня говорить все время только съ дамами. Я отдѣлался отлично, хоть и не знаю какимъ образомъ: я даже готовъ думать, что рѣдкость возлѣ женщинъ составляетъ заслугу. У меня нашелся талантъ заставить ихъ смѣяться, что́, по моему, составляетъ вѣрную дорогу къ ихъ сердцу. Я всегда видѣлъ, что для того, чтобъ нравиться женщинамъ, нужно, прежде всего, забавлять ихъ: остальное приходитъ легко». Эти строки могутъ дать понятіе о состояніи тогдашняго, высшаго свѣта [1]) и понятно, что Іосифъ предпочиталъ другую жизнь:—«Я такъ отсталъ отъ всѣхъ пустыхъ забавъ и такъ преданъ безсравненному, по моему, удовольствію жить спокойно въ самомъ себѣ, что всѣ ваши пиршества, спектакли и т. п. ни чуть не прельщаютъ меня, и, еслибъ я долженъ былъ посѣщать ихъ, это было бы для меня пыткою».

Относительно внѣшности, мы находимъ его портретъ, живо очерченнымъ у Кокса [2]) въ нѣсколькихъ строкахъ: «Іосифъ II былъ средняго роста и хорошо сложенъ. Онъ могъ выносить весьма большую усталость, и былъ очень ловокъ въ своихъ манерахъ; черты лица его были весьма рѣзки, орлиный носъ, высокій лобъ, живой и проницательный взглядъ, и вообще лицо весьма выразительное. Подобно предку, Рудольфу Габсбургскому, видъ его былъ задумчивый, но въ разговорѣ онъ оживлялся и обладалъ весьма милой улыбкой.»

Такимъ представлялся Іосифъ II, когда, по смерти отца, онъ сталъ императоромъ, 23 лѣтъ отъ роду, 18 августа 1765 г.

II.

Іосифъ былъ долго императоромъ только по имени: все управленіе страною, за исключеніемъ военнаго, и то далеко не вполнѣ—оставалось въ рукахъ Маріи-Терезіи. Іосифъ былъ объявленъ соправителемъ — *Corregens*, и для него наступило тяжелое время борьбы съ матерью уже не изъ-за семейныхъ, а изъ-за общественныхъ и государствен-

---

[1]) Италія и ея нравы и общество долѣе привлекали Іосифа, чѣмъ его Австрія. „Ah, cara Italia! — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату — Италія, которую я такъ мало могъ видѣть, гдѣ ты съ своимъ обществомъ, съ веселостію и природнымъ умомъ твоей націи?“ Подобное восклицаніе встрѣчается не разъ.

[2]) *W. Coxe*, Histoire de la maison d'Autriche depuis Rodolphe de Habsbourg jusqu'à la mort de Léopold II. Trad. de l'anglais par P. F. Henry. Par. 1810.—Этимъ почтеннымъ трудомъ извѣстнаго въ свое время туриста (бывшаго и у насъ),—основаннымъ на тайныхъ бумагахъ, депешахъ посланниковъ, корреспонденціяхъ и личныхъ свѣдѣніяхъ автора отъ современниковъ,—пользуется большая часть историковъ. Коксъ мало вѣритъ искренности стремленій Іосифа II, но изданная нынѣ его семейная переписка не допускаетъ больше возможности такого сомнѣнія.

ныхъ интересовъ. Глубокая рознь, въ ихъ воззрѣніяхъ и въ желаніи ихъ примѣненія, не замедлила сказаться въ самомъ началѣ, и чѣмъ далѣе шла ихъ совокупная дѣятельность, тѣмъ рѣзче выступала не только рознь, но и противоположность взглядовъ на государственныя отношенія. Бывъ сразу замѣчена обоими дѣйствующими лицами, эта противоположность дѣйствовала различно на мать и сына и, во всякомъ случаѣ, вредила общему ходу дѣлъ. Мать, какъ-бы ошеломленная неожиданнымъ упорствомъ сына, не теряла надежды покорить его,— въ ея жизни встрѣчалось не одно тяжелое положеніе, и она всегда выходила съ торжествомъ надъ врагами; ясно, что родной сынъ не долженъ былъ явиться непобѣдимымъ препятствіемъ обычнаго хода государства, сообразнаго съ ея однажды принятыми, непоколебимыми понятіями и привычками. Сынъ думалъ иначе: призванный установленнымъ порядкомъ на тронъ предковъ, онъ хотѣлъ править страною сообразно съ своими началами, вынесенными изъ чтеній, продуманными въ теоріи. Дѣйствительность не удовлетворяла его — онъ считалъ ее гибельною и для государства, и для совѣсти, и для бѣднаго человѣка. Выросшій на понятіи объ императорскомъ всемогуществѣ, онъ совершенно основательно задумывалъ все измѣнить по своему и править страною, устроенною сообразно съ его пониманіемъ, а не совершенно наоборотъ. Онъ тоже, въ свою очередь, былъ поражёнъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ матери; онъ, повидимому, полагалъ, что, удрученная смертью мужа [1]), уставшая отъ долгой дѣятельности, она съ радостью приметъ покой и, нося титулъ соправительницы только изъ мелкаго тщеславія, будетъ ограничиваться необязательными совѣтами. Дѣло вышло иначе [2]).

Первый шагъ, гдѣ Іосифъ высказалъ намѣреніе дѣйствовать рѣшительно, обличалъ въ немъ страстность и высокомѣрность, на которую Марія-Терезія сочла нужнымъ тотчасъ же указать ему. Дѣло вышло изъ-за нѣсколькихъ милліоновъ флориновъ, которыхъ Іосифъ требовалъ отъ великодушія Леопольда для пользы государства. Финансы были въ плохомъ состояніи; Іосифъ хотѣлъ прибѣгнуть къ экономіи, начиная съ самаго двора, съ своей семьи: «Я уже отдалъ все что имѣлъ, но намъ еще все-таки мало.» Совѣтники Леопольда увидѣли въ требованіи Іосифа покушеніе на самостоятельность тосканскаго эрцгерцога, и Леопольдъ отвѣтилъ довольно рѣзкимъ отказомъ. Іосифъ, въ свою очередь, заговорилъ повелительнымъ тономъ, напоми-

---

[1]) Марія-Терезія дѣйствительно чрезвычайно любила мужа, она навсегда сохранила по немъ траурѣ, и ея комнаты навсегда остались обитыми чернымъ.

[2]) Время соправительства изложено въ новомъ сочиненіи: *Karajan*, Maria-Theresia и Joseph II während der Mitregenschaft. Wien. 1865. Мы ограничимся, однако, только собственными указаніями Маріи-Терезіи и Іосифа II въ ихъ перепискѣ.

ная брату и свой санъ императора и старшинство. Дѣло грозило разъиграться ссорою, когда наконецъ самъ Іосифъ обратился къ посредничеству матери и долженъ былъ выслушать отъ нея урокъ за заносчивость и горячность. За ссорою послѣдовалъ миръ и самыя дружелюбныя отношенія между братьями; Іосифъ искалъ каждаго случая, чтобъ высказать брату и его семейству свою горячую привязанность — на семействѣ Леопольда Іосифъ, казалось, сосредоточилъ всѣ тѣ теплыя чувства, которымъ не было мѣста дома, и его постоянной мечтой было укрываться отъ дѣлъ и дрязгъ въ Вѣнѣ для отдыха во Флоренціи. Къ несчастію, Іосифу позже суждено было разбить и эту единственную привязанность въ минуту, когда всѣ бѣды рушились на него, и когда Леопольдъ, въ концѣ царствованія Іосифа, избѣгалъ съ нимъ всякихъ сношеній, не сочувствуя его политикѣ. Но это случилось позже, а теперь дружба Іосифа заставляла его повѣрять Леопольду всѣ свои мысли и чувства о борьбѣ съ системой Маріи-Терезіи, все его горе и отчаяніе о невозможности широкой, безпрепятственной дѣятельности. Этой дружбѣ мы обязаны главнымъ образомъ личными признаніями Іосифа, перешедшими въ переписку.

Первое столкновеніе между Іосифомъ и Маріей-Терезіей начинается въ январѣ 1769, по поводу подписи на бумагахъ въ государственномъ совѣтѣ. Дѣло, повидимому, крайне маловажное представлялось Іосифу весьма серьёзнымъ: онъ не хотѣлъ подписывать вмѣстѣ съ императрицей рѣшительно всѣхъ бумагъ, не смотря на то, присутствовалъ ли онъ на засѣданіи и принималъ ли участіе въ рѣшеніяхъ, или нѣтъ. На первый разъ онъ старается поступить крайне деликатно, онъ пишетъ матери, что не можетъ являться ея соправителемъ, когда чувствуетъ себя годнымъ только служить ей и исполнять ея приказанія. Но Марія-Терезія быстро угадала настоящую причину отказа въ подписи, и она ее глубоко огорчила; очевидно, Іосифу не нравилась вся система правленія [1]) и онъ не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственность — нравственную конечно, потому что о юридической не могло быть и рѣчи. Въ письмахъ къ брату—Іосифъ сознается откровенно, не смотря на всѣ отрицанія и увѣренія предъ матерью. Эта первая размолвка была тяжела для обѣихъ сторонъ. Марія-Терезія испугалась, какъ-бы предчувствуя будущую грозу: — «Я знаю, что вы умѣете хорошо говорить и писать; я надѣюсь еще, что ваше сердце чувствуетъ, но ваше упрямство и ваши *предразсудки* (?) будутъ несчастіемъ вашихъ дней, какъ теперь составляютъ мое.... Одинъ Богъ знаетъ сколько

---

[1]) «Штаркенбергъ только-что вышелъ отъ меня—пишетъ она—онъ говоритъ, что вы (Іосифъ) увѣряли его, что ваше требованіе не происходитъ отъ неудовлетворенности ни системою, ни государственнымъ совѣтомъ, ни способомъ, которымъ ведутся дѣла. Зачѣмъ же вы поступили такимъ образомъ и такъ долго огорчали меня?»

я страдаю...» И Іосифъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же, тоже указываетъ ей на свое безпокойство и тоже предвидитъ бѣду:—«При такомъ положеніи могутъ родиться и родятся, я увѣренъ, тысячи неудобствъ и глухихъ интригъ; тысячи худыхъ послѣдствій, которыя рано или поздно, нанося вредъ монархіи, можетъ быть разстроятъ ту счастливую интимность, которая, господствуя между нами двумя, дѣлаетъ—посмѣю ли сказать—общее счастье. Вотъ, какимъ причинамъ пожертвовалъ я въ эти несчастные дни вашею дружбою. Я клянусь вамъ, что не зналъ ни сна, ни отдыха»....

Какъ-бы для избѣжанія невольнаго участія въ дѣлахъ, Іосифъ предпринимаетъ всевозможныя путешествія. Письма изъ нихъ интересны по личному отношенію Іосифа къ нѣкоторымъ знаменитостямъ того времени, по сужденіямъ его о различныхъ положеніяхъ. Начало путешествія было для него не совсѣмъ пріятно. Римъ не понравился ему ни своими кардиналами, ни своимъ обществомъ; и когда позже, во Флоренціи, онъ узналъ о выборѣ въ папы Ганганелли, подъ именемъ Климента XIV, то сообщалъ матери совершенно основательное сужденіе:—«Этотъ новый папа, будучи самаго низкаго слоя общества, такъ какъ его братъ занимается столярнымъ ремесломъ, а племянникъ одинъ изъ скрипачей въ трактирахъ, страшно не понравится римской знати и особенно іезуитамъ, которыхъ онъ всегда былъ заклятымъ врагомъ. Я не знаю, какъ онъ справится съ своими дѣлами; онъ умный человѣкъ и большой казуистъ».... Предсказаніе Іосифа о іезуитахъ сбылось; они обязаны папѣ Клименту XIV своимъ уничтоженіемъ, а папа, по современной молвѣ, обязанъ имъ отравою [1]).

Интересно, что Іосифъ умѣлъ понять характеръ не одного Ганганелли, но и другого, совершенно противуположнаго человѣка и тоже бывшаго знаменитымъ въ Италіи; это тѣмъ болѣе интересно, что Іосифъ, самъ воспитанный въ придворной обстановкѣ, не сдѣлался слѣпымъ къ обычнымъ въ то время фаворитамъ, а умѣлъ вынести зоркій и проницательный взглядъ на подобныхъ креатуръ. Сестра Іосифа, Каролина, не могла быть счастливой въ замужествѣ съ полоумнымъ королемъ неаполитанскимъ, и всѣ совѣты матери и братьевъ о пріобрѣтеніи вліянія на мужа остались тщетными: это вліяніе принадлежало всецѣло временщику — *Танучи*. Іосифъ раскусилъ хитраго интригана. — «Танучи—писалъ онъ матери — человѣкъ умный и много знающій, но надутый педантъ, чрезвычайно мелочный, принимающій всякую малость за великое дѣло и воображающій, что творитъ повсюду государственные перевороты... Ему приписываютъ моральныя качества и

---

[1]) «Если подтвердится что папа былъ отравленъ — это составитъ новую исторію, весьма славную для нашего просвѣщеннаго вѣка!»—писалъ Іосифъ Леопольду, соболѣзнуя о смерти Климента.

безкорыстіе. Правда, что онъ ничего не беретъ, но нельзя сказать того же про его жену. Онъ большой работникъ, ибо, будучи всесиленъ, онъ долженъ все дѣлать, и ревнивый къ своей власти, онъ заставляетъ переходить черезъ свои руки всѣ мелочи. Это — Тартюфъ, который, будучи покорнымъ по внѣшности и честнымъ въ тѣхъ случаяхъ, которые могли бы произвести скандалъ или въ которыхъ не стоитъ хлопотать, во всемъ остальномъ негодяй и не заботится ни о двухъ короляхъ (неаполитанскомъ и отцѣ его испанскомъ), своихъ благодѣтеляхъ, ни о королевствѣ; ссоритъ отца съ сыномъ, льститъ имъ обоимъ, поддерживаетъ ихъ въ нелѣпостяхъ, которыя ему нужны, отдаляетъ отъ обоихъ правду и честныхъ людей, и, наконецъ, думаетъ только о себѣ и употребляетъ только для своей личной пользы всѣ позволительныя и непозволительныя средства. У него на глазахъ происходило и только отъ него зависѣло измѣнить безчестное воспитаніе, данное королю (неаполитанскому); у него каждый день могли бы быть въ рукахъ средства оторвать короля отъ ребяческихъ удовольствій и пріохотить его мало-по малу къ занятіямъ и труду, но это не составляетъ его разсчета, и хотя, когда я ему говорилъ про то, онъ сдѣлалъ видъ какъ будто безконечно того желаетъ, мнѣ не стоило большого труда замѣтить, что презрѣнный дрожитъ, какъ-бы я не раскрылъ королю глаза.»

Этотъ безотрадный портретъ получаетъ большую важность, когда вспомнишь, что въ то время, при каждомъ дворѣ, въ каждой странѣ обрѣтались своего рода фавориты, приносившіе въ жертву своимъ узкимъ разсчетамъ и благо общественное и личное благо своихъ благодѣтелей, какъ говорилъ Іосифъ. Только одинъ правитель оставался въ то время самостоятельнымъ; то былъ Фридрихъ II прусскій, на свиданіе съ которымъ Іосифъ отправился, едва успѣвъ возвратиться изъ Италіи. Фридрихъ II былъ даже гораздо болѣе самостоятеленъ, чѣмъ могъ казаться современникамъ, и никакое якшаніе съ литературными знаменитостями не измѣнило его сущности ни на іоту; онъ — другъ Вольтера и комп., не только не былъ враждебенъ іезуитамъ [1]), но даже самъ проводилъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ самую іезуитскую политику, обманывая и проводя каждаго, кто только довѣрялся ему. Іезуитизмъ Фридриха былъ столь искусный, что онъ умѣлъ обманывать въ продолженіи цѣлаго полвѣка историковъ; такъ, по поводу позднѣйшаго разрыва Фридриха съ Іосифомъ изъ-за покушенія Іосифа на Баварію, историки воспѣвали и до сихъ поръ воспѣваютъ въ Фридрихѣ благодѣтельнаго, безкорыстнаго защитника Германіи,

---

[1]) Т. II стр. 88. Письмо Іосифа къ Леопольду въ 1775. „Si le Pape est bon Jesuite (папа Пій VI), il en aura une belle occasion à présent, le Roi de Prusse *insiste absolument* à les garder en pleine vigueur et même à les perpétuer en prenant des novices.

въ то время какъ Фридрихъ просто заботился о своихъ личныхъ интересахъ и разсчитывалъ, нельзя ли при случаѣ поживиться и округлить свою державу. Въ отчетѣ матери о свиданіи съ Фридрихомъ II, Іосифъ опредѣлялъ прусскаго героя двумя строками: «Это геній и человѣкъ, который удивительно говоритъ,—но нѣтъ ни одного слова, въ которомъ не чувствовался бы плутъ!» «Плутовство» Фридриха II на этотъ разъ заключалось въ томъ, что онъ посвятилъ все время свиданія на устрашеніе Іосифа Россіей:—«Во всемъ проявлялась его боязнь русскаго могущества и онъ добивался внушить ее намъ.» За обѣдомъ Фридрихъ разсказывалъ о смерти Іоанна и Петра III; послѣ обѣда снова сталъ толковать о русскихъ, и «сказалъ мнѣ, что для того чтобъ остановить эту силу, вся Европа принуждена будетъ встать и вооружиться, ибо Россія отвсюду вторгнется.» Фридрихъ разсуждалъ такимъ образомъ въ то самое время, когда казался съ Россіей въ наилучшихъ отношеніяхъ! Въ другой разъ, однако, Іосифъ заслушался его, когда онъ сталъ разсказывать про свои походы, про воинское ремесло; «что касается до другихъ частей управленія, онъ очень мало распространялся о финансахъ, откровенно признаваясь, что это не было его любимой частью.» Въ этомъ Фридрихъ былъ сынъ своего времени, и Людовикъ XV думалъ не иначе.

Разставаясь, монархи обмѣнялись письмами, завѣрявшими въ вѣчной преданности и неизмѣнной дружбѣ. Странно то, конечно, мелкое обстоятельство, что другъ французскихъ философовъ сохранялъ свою самостоятельность до того, что не хотѣлъ выучиться правильно писать по-французски: *resevoir* и *presieux* значило recevoir и précieux; за тѣмъ король запнулся на *первомъ шагѣ*, и не съумѣлъ прописать себя «честнымъ человѣкомъ» (ce premier *pads*!... *parolle d'honete* homme!... и въ такомъ родѣ все письмо). Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени Іосифъ отъ души смѣялся надъ увѣреніями «честнаго человѣка» въ дружбѣ и искренности. Фридрихъ увѣрилъ Іосифа, что мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ одной только Екатеринѣ, въ то время какъ она принадлежала именно одному Фридриху.—«Вотъ, король прусскій (Іосифъ къ Леопольду, въ 1771) изобличенъ въ томъ, что лгалъ намъ, предлагая раздѣленіе Польши, какъ исходящее изъ Петербурга. Онъ былъ сраженъ нашимъ отвѣтомъ; считая свой ударъ несомнѣннымъ, и видя, что обманъ обнаруженъ, онъ отвѣтилъ только увѣренностью въ скромномъ поведеніи [1]). Въ тоже время Іосифъ увѣдомлялъ

[1]) *Зибель*, въ своей «*Исторіи франц. революціи*», желаетъ стушевать иниціативу Фридриха въ раздѣлѣ, выражаясь: «Фридрихъ принялъ участіе» (Friedrich nahm Theil daran). Т. I стр. 162, 2-е изданіе. Русс. переводъ: т. I, стр. 124), и желая оправдать это участіе тѣмъ, что оно было принято въ избѣжаніе европейской войны на германской почвѣ. Доводъ по меньшей мѣрѣ негодный для воина, который основалъ и свою славу и свое государство на кровопролитныхъ войнахъ.

брата объ оппозиціи Маріи-Терезіи раздѣлу, о ея готовности скорѣе пожертвовать даже включенными землями, если другія стороны поступятся тѣмъ же:—«Я не знаю что произведетъ это великодушное заявленіе; на худой конецъ надо будетъ сообразить, какъ принять менѣе худое рѣшеніе. Мнѣ не къ чему говорить вамъ, на сколько это дѣло должно держаться въ секретѣ, такъ какъ разглашеніе его произвело бы ужасное впечатлѣніе, особенно во Франціи [1])». Іосифъ желалъ соблюденія секрета, потому что разнился въ мнѣніяхъ съ матерью и охотно готовъ былъ поживиться на чужой счетъ. Вообще въ отношеніи внѣшней политики, Іосифъ далеко не былъ особеннымъ новаторомъ; примѣръ Фридриха подѣйствовалъ на него заразительно, и Марія-Терезія печально укоряла его въ томъ:«—Вы хотѣли дѣйствовать по-прусски и въ тоже время удержать видъ честности,» говорила она по поводу турецкихъ дѣлъ; «можетъ быть я ошибаюсь во взглядѣ на ходъ событій, но, еслибъ даже мы пріобрѣли Валахію, самый Бѣлградъ, я все же буду смотрѣть на нихъ, какъ на купленныхъ слишкомъ дорогою цѣною чести, славы монархіи, довѣрія къ намъ..... ничего мнѣ такъ дорого не стоитъ, какъ утрата нашего добраго имени; къ несчастью я должна признаться передъ вами, что мы заслужили то.» Іосифъ оправдывался, увѣрялъ мать, что онъ не можетъ держаться правилъ Фридриха, потому что для этого пришлось бы пожертвовать правилами честности, и въ тоже время писалъ Леопольду (въ 1772) о надеждахъ на то, что въ будущемъ году можетъ удасться «положить въ карманъ (mettre en poche) Бѣлградъ и часть Босніи.» Такъ внѣшняя политика Іосифа никогда не останавливалась, хотя бы предъ самымъ общимъ понятіемъ о справедливости; извѣстно, что даже французскій министръ Верженъ долженъ былъ остановить его замыслы на раздѣлъ Турціи,—напоминаніемъ о чувствѣ справедливости.

Мечта о славѣ помрачала голову Іосифа, и онъ готовъ былъ броситься на всякое необдуманное предпріятіе. Таковымъ представляется прусско-австрійская война за баварское наслѣдство (1778), — война, которую вѣрнѣе назвать походомъ, такъ какъ она кончилась безъ одной битвы, безъ одного пораженія, что не мѣшало ей опустошить и разорить Богемію и другія земли. И здѣсь Марія-Терезія удерживала сына: —«Еслибъ даже наши притязанія на Баварію были болѣе положительны и доказаны, все же слѣдовало бы подумать о раздутіи всеобщаго пожара изъ-за частнаго удобства.» А Іосифъ, дѣлясь съ Леопольдомъ

---

[1]) „Le prince de Kaunitz craignait surtout que le démembrement de la Pologne ne fit rompre l'alliance conclue avec la France.“ *Coxe, V, 360.* Дѣло кончилось тѣмъ, что Marie-Thérèse préféra donc une part des dépouilles à une guerre dangereuse. Elle ressentit ou feignit de ressentir des scrupules, mais elle n'en fit pas moins des demandes exorbitantes.

своими видами на Баварію и объясняя свое поспѣшное поведеніе въ занятіи баварской территоріи австрійскими войсками — излагалъ ему, что «обстоятельства европейскія кажутся благопріятными, всѣ заняты своими дѣлами; прусскій король напрасно ищетъ союзниковъ, ему придется потерпѣть не много, ибо онъ не посмѣетъ выступить впередъ одинъ, и, если я не ошибаюсь, это дѣло совершится весьма спокойно, къ удивленію всего свѣта. Но надо было поступить быстро и рѣшительно, ибо безъ того, я отвѣчаю вамъ, мы не имѣли бы ни одной деревни.» Дѣло кончилось тѣмъ, что, къ удивленію всего свѣта, австрійская монархія чуть не погибла отъ поспѣшности Іосифа, и только тайное, непосредственное вмѣшательство Маріи-Терезіи вывело сына изъ критическаго похода [1]). Переписка изображаетъ намъ все тревожное состояніе Іосифа, и изъ нея, по его пріемамъ, по его раздражительной поспѣшности, безъ принятія въ разсчетъ своихъ дѣйствительныхъ силъ, а только своихъ властолюбивыхъ стремленій, можно уже заранѣе предугадать, что внѣшняя политика поведетъ Іосифа къ гибели. Это тѣмъ болѣе грустно для Іосифа и для Австріи, что его внутренняя система, грѣша въ основаніи, въ принципѣ — какъ увидимъ въ концѣ — все же заключала въ себѣ тѣ коренныя преобразованія, о которыхъ Австрія забыла послѣ и думать до потрясенія 1848 года! Можетъ быть, въ его страсти къ увеличенію территоріи, къ обширному господству, играло роль его внутреннее убѣжденіе въ превосходствѣ задуманныхъ имъ реформъ, въ благоденствіи, которое его реформы должны были дать народамъ, по его мнѣнію??

Возвращаясь ко времени польскаго раздѣла, мы, дѣйствительно, видимъ, что онъ не ограничивался простымъ присоединеніемъ Галиціи и не убаюкивался увеличеніемъ австрійскаго могущества, чрезъ ея присоединеніе. Онъ тотчасъ же спѣшитъ самъ въ свою новую страну и тотчасъ же мечтаетъ о необходимыхъ реформахъ, рисуя матери тогдашнее положеніе Галиціи:

«Я уже заранѣе вижу [2]), что работа здѣсь будетъ огромная. Кромѣ запутанности всѣхъ дѣлъ, здѣсь царствуетъ духъ партій, который ужасенъ. Страна, повидимому, полна доброй воли; крестьянинъ представляетъ собой несчастное существо, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ человѣческой фигуры и физической жизни. Мелкій дворянинъ (шляхтичъ) тоже бѣденъ, но много надѣется на справедливость, которую ему окажутъ противъ аристократовъ, угнетающихъ его. Аристократы,

---

[1]) Отправляя въ лагерь Фридриха тайнаго посла, барона Тугута, Марія-Терезія поручила сказать старому Фрицу, что она въ отчаяніи отъ того что они готовы снова вырвать другъ у друга волосы, которые возрастъ сдѣлалъ бѣлыми!

[2]) Письмо писано изъ Лемберга, 1 августа 1773. Т. II, стр. 14.

безъ сомнѣнія, ничѣмъ не довольны, но принимаютъ въ эту минуту ласковый видъ. Я стараюсь быть довольно вѣжливъ со всѣми...»

....«Вотъ я наконецъ среди сарматовъ — пишетъ онъ въ тотъ же день брату; нельзя представить себѣ, сколько здѣсь дѣла; нѣтъ ничего подобнаго здѣшней запутанности. Происки, интриги, анархія, наконецъ, дикость самыхъ принциповъ; судите же объ исполненіи.... Если вы что́-нибудь услышите про мнѣніе польской публики обо мнѣ, вы доставите удовольствіе, сообщивъ о немъ для того, чтобъ я могъ сообразоваться.» Семь лѣтъ позже, снова посѣтивъ Лембергъ — на пути въ Россію—онъ проситъ мать, ради Бога, не посылать изъ Вѣны для управленія страною, особенно по части юстиціи, нѣмцевъ, которые не знаютъ ни языка, ни постановленій страны и, пользуясь покровительствомъ вѣнскихъ вельможъ, «сосутъ изъ страны всѣ средства и деньги [1].» Но ѳ поѣздкѣ Іосифа II въ Россію мы скажемъ позже; она относится къ послѣднему времени сорегентства; а теперь остановимся на путешествіи, обратившемъ на себя наибольшее вниманіе и породившемъ бездну толковъ о коронованномъ философѣ — путешествіи его во Францію.

и. н.

[1]) 19 мая 1780. Т. III, стр. 243.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА

ВО

ФРАНЦІИ.

Le Prince-Caniche, par Ed. Laboulaye. 1867 — 68.

VI *).

Возвращаясь къ знакомому нашимъ читателямъ принцу Гіацинту, мы имѣемъ въ виду досказать имъ, въ возможно-сжатомъ очеркѣ, похожденія и послѣднія судьбы этого правителя «мухолововъ»—благо сказка Лабуле кончена — и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать по поводу этой сказки нѣсколько общихъ замѣтокъ. Послѣдующія событія, игравшія роль въ жизни принца Гіацинта и умственно и нравственно развивавшія его гораздо болѣе, чѣмъ тѣ уроки политическаго краснорѣчія, которые давалъ ему адвокатъ-министръ, были: война съ сосѣднимъ народомъ «пустомелей» (Cocqcigrues), любовь къ прекрасной Тамарисѣ, дочери графа *Touche-à-Tout*, и скорое разочарованіе въ этой красавицѣ, а затѣмъ, при возвращеніи къ интересамъ политической дѣйствительности, поиски за новой конституціей для мухолововъ. На этихъ событіяхъ, связанныхъ вставочными эпизодами, главнымъ образомъ сосредоточенъ разсказъ автора.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что первый министръ, графъ *Touche-à-Tout*, отстаивая въ государственномъ управленіи status quo и не соглашаясь на удаленіе изъ дворца своры собакъ, — такъ какъ при этомъ упразднялся одинъ изъ придворныхъ штатовъ — выказалъ нѣкоторую оппозицію желаніямъ юнаго государя, и вслѣдствіе того по-

---

*) См. выше, т. I, стр. 753 — 773.

лучилъ отставку. Но успокоиться на этомъ бывшій министръ, разумѣется, не могъ: когда находишься въ цвѣтѣ лѣтъ, и когда испытана прелесть власти, не такъ легко изъ-за такого, въ сущности ничтожнаго повода, сойти съ политическаго поприща. И вотъ, государственный мужъ въ отставкѣ пускаетъ въ ходъ всевозможныя пружины, чтобъ снова получить свой портфель. Самой простой комбинаціей при этомъ представлялось: отправить принца Гіацинта на войну и забрать въ это время внутреннее управленіе въ свои руки. Благодаря содѣйствію главнокомандующаго арміей, барона Бомбы, планъ этотъ оказался осуществимымъ. Нуженъ былъ, конечно, прежде всего поводъ къ войнѣ, но когда пятисотъ-тысячная армія соскучилась долгимъ миромъ, развѣ трудно найти такой поводъ? Мухоловы, подобно другимъ націямъ, держались мудраго, вѣками оправданнаго правила: «Хочешь мира, готовься къ войнѣ». — Si vis pacem, para bellum! Приложеніе, которое мухоловы дѣлали изъ этой несомнѣнной истины, вполнѣ соотвѣтствовало воинственнымъ инстинктамъ великой націи. Генералъ Бомба представляетъ принцу, что въ теченіе всего шестилѣтняго періода управленія королевы-матери, когда жили со всѣми въ мирѣ, сосѣдніе «пустомели» спокойно трудились, торговали, богатѣли, подобно кроликамъ множились, и теперь стали поднимать голову и простирать свою дерзость д того, что уже открыто высказываютъ, что они не менѣе многочисленны и храбры, чѣмъ мухоловы, и что если станутъ мѣшаться въ ихъ дѣла, то они дадутъ себя знать. — Что же! это безпокоитъ васъ генералъ? — Нѣтъ, государь, но это меня мучитъ. Если эти жалкіе пустомели считаютъ себя дома полновластными хозяевами, то мы болѣе не великая нація! Тогда уже не мухоловы заставляютъ трепетать міръ; мы умалены въ нашемъ національномъ значеніи. — И это ваше мнѣніе, баронъ? — Государь, это общее мнѣніе. Уже десять лѣтъ, какъ у насъ держатъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ; ими овладѣваетъ нетерпѣніе. Уже шесть лѣтъ, какъ офицеры не двигаются по службѣ и лишены тѣхъ счастливыхъ случаевъ, когда въ три дня можно схватить два чина; армія скучаетъ, армія унижена. — Не смотря на убѣжденіе Гіацинта, что онъ долженъ беречь свой народъ и не можетъ нарушать мира только изъ-за того, что благосостояніе у сосѣдей увеличилось, и что офицеры желаютъ повышеній, онъ окончательно всетаки склоняется на войну. Именно, генералъ Бомба, чтобы достичь своей цѣли, доноситъ Гіацинту объ оскорбительномъ отзывѣ, сдѣланномъ о его личности братомъ короля пустомелей: по полученнымъ депешамъ, великій князь, говоря съ королемъ о болѣзни принца Гіацинта, позволилъ себѣ назвать его вскормленнымъ феями крошкою и молокососомъ. Молва объ этомъ, по словамъ генерала Бомбы, могла проникнуть въ газеты, распространиться въ войскѣ, въ народѣ, и, конечно, не мухоловы потерпятъ, чтобы ихъ оскорбляли въ лицѣ ихъ

обожаемаго короля.. Такъ какъ Гіацинтъ выразилъ намѣреніе лично находиться при арміи, то Бомба тонко намекнулъ, что на время его отсутствія, нужна для внутренняго государственнаго управленія твердая и опытная рука, нуженъ человѣкъ рѣшительный, который бы умѣлъ поддержать энтузіазмъ въ націи, и въ крайности заставить страну жертвовать для арміи послѣднимъ человѣкомъ и послѣдней копѣйкой. Королева-мать, узнавъ въ одно и то же время о перемѣнахъ въ министерствѣ и о тщательно-скрываемыхъ военныхъ приготовленіяхъ, при видѣ сына, ничего не сказала ему, но только залилась слезами.

Не успѣлъ еще прійти Гіацинтъ въ себя отъ волновавшихъ его чувствъ, какъ ему докладываютъ, что дочь графа *Touche-à-Tout*, прекрасная Тамариса, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе на балѣ въ ратушѣ, проситъ у него аудіенціи. «Скромная подданная» пришла, по порученію отца, передать принцу ту походную шпагу, которую король тюльпановъ, умирая, вручилъ своему вѣрному слугѣ, дабы онъ сохранилъ ее и передалъ Гіацинту, когда ему минетъ восемнадцать лѣтъ. Хотя принцъ не достигъ еще этого возраста, но министръ, оставляя дворъ и навсегда уѣзжая въ свои имѣнія, полагалъ, что не вправѣ долѣе удерживать у себя этотъ драгоцѣнный залогъ. — И если бы, прибавила виконтесса, когда либо снова возгорѣлась, Боже сохрани, война, то да осѣнитъ это славное оружіе васъ новымъ блескомъ: таково послѣднее упованіе отца моего и мое собственное.—Потупивъ глаза, Тамариса ждала позволенія принца, чтобы удалиться, но Гіацинтъ не выпускалъ ея руки и послѣ небольшого молчанія спросилъ, почему графъ оставляетъ дворъ, тогда какъ въ совѣтахъ его еще могутъ нуждаться. — Государь, отвѣчала Тамариса, отецъ мой человѣкъ античныхъ нравовъ, и ничто не можетъ измѣнить его непреклонныхъ убѣжденій. Слуга королю и государству, онъ готовъ жертвовать собою для ихъ величія, но онъ никогда не поддастся ни на какое послабленіе власти. Его присутствіе при дворѣ могло бы вызвать опасныя сравненія и преступныя сожалѣнія: первый долгъ опальнаго министра, это — заставить себя забыть. Ничего не желать для себя, и все для государя — такова политическая религія графа; я благоговѣю предъ ней и удивляюсь ей; это моя собственная религія. Я дѣлила счастіе моего отца, я раздѣлю теперь его немилость, и какова бы ни была жертва, я безъ ропота послѣдую за нимъ въ уединеніе, въ которомъ мы навсегда заключимся. — Мысль навсегда разстаться съ Тамарисою глубоко опечалила принца, и онъ не могъ скрыть своего горя. Вмѣсто всякаго отвѣта, Тамариса подняла къ небу свои влажныя отъ слезъ глаза, и эти слезы окончательно побѣдили Гіацинта. Послано было за графомъ. Что происходило между нимъ и Гіацинтомъ, осталось тайной; только на другой день въ «Оффиціаль-

ной Истинѣ» было возвѣщено, что распространившіеся слухи о перемѣнахъ въ министерствѣ лишены всякаго основанія; что эти слухи— произведеніе праздныхъ умовъ и неблагонамѣренныхъ журналистовъ, и что если подобные слухи будутъ повторяться, то правительство принуждено будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ. Ниже помѣщено было извѣстіе, что, уѣзжая для осмотра сѣверныхъ границъ государства, король назначилъ графа *Touche-à-Tout* президентомъ совѣта министровъ, съ обширными полномочіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціозныя газеты сообщили слѣдующія новости, которыхъ, впрочемъ, не гарантировали: что графъ *Touche-à-Tout* будетъ назначенъ вице-канцлеромъ, и къ нему перейдетъ управленіе политическимъ департаментомъ, конечно, только временно, а барону Жеронту поручено будетъ министерство народнаго просвѣщенія; что кавалеръ *Piebоrgne*, страдая *ларингитомъ*, вслѣдствіе котораго доктора осудили его на самое строгое молчаніе, уѣзжаетъ на воды въ Швигенбадъ, портфель же его также на время переходитъ къ графу *Touche-à-Tout*. Наконецъ, извѣщалось, что баронъ Бомба будетъ сопровождать короля въ его путешествіи по сѣвернымъ городамъ королевства и будетъ находиться при немъ въ постоянномъ лагерѣ, который предположено устроить въ Канонвилѣ, и въ которомъ будутъ происходить блестящіе маневры; что маневры эти будутъ сопровождаться празднествами, балами и фейерверками. «Счастливая страна, заключали оффиціозныя газеты, въ которой предаются этимъ невиннымъ забавамъ, и въ которой пушечная пальба раздается лишь затѣмъ, чтобы возносить къ небу радость народа, охваченнаго всеобщимъ энтузіазмомъ». Недѣлю спустя послѣ этихъ мирныхъ извѣстій, война была объявлена, и сотни тысячъ человѣкъ, стянутыя къ окраинамъ государства, ринулись черезъ границу.

VII.

Смыслъ волшебной сказки постепенно разъясняется: фея дня, оказывается, дѣйствительно желала крестнику и любимцу своему добра, когда постановляла свой роковой приговоръ. По волѣ ея, превращенія съ принцемъ только тогда и случаются, когда ему угрожаетъ въ самомъ дѣлѣ какая нибудь опасность. Но наиболѣе серіозная опасность заключается для принца не въ чарахъ феи ночи; эта опасность состоитъ, напротивъ, въ томъ, что принцъ станетъ жертвою собственныхъ увлеченій, и что тотъ блестящій, полный не волшебныхъ, а земныхъ очарованій міръ, къ которому принцъ принадлежитъ по своему рожденію, скроетъ предъ нимъ міръ голой дѣйствительности. Оттого превращенія съ Гіацинтомъ только затѣмъ и случаются, чтобы показать ему изнанку вещей и нѣсколько отрезвить его взглядъ. Мы видѣли, что первое превращеніе случилось съ принцемъ послѣ бала въ

ратушѣ, который заключилъ первый день его совершеннолѣтія, когда онъ почувствовалъ и обаяніе власти, и обаяніе, которое самъ онъ производитъ своею красотою и юностію, и когда впервые въ немъ заговорило чувство къ прекрасной дочери своего министра. Во второй разъ Гіацинтъ очутился въ собачьемъ образѣ послѣ того, какъ упоенный только-что выиграннымъ сраженіемъ, онъ заснулъ сномъ героя и побѣдителя: феѣ дня захотѣлось показать ему оборотную сторону медали,—именно, какихъ страшныхъ человѣческихъ страданій, жертвъ и проклятій стоютъ эти лавры, которые онъ только-что стяжалъ. Затѣмъ, въ третій и послѣдній разъ Гіацинтъ увидѣлъ себя пуделемъ, чтобы незамѣтно для своей дорогой Тамарисы подслушать ея сокровенныя думы и убѣдиться, какое она эгоистическое, безсердечное и испорченное существо. Благодаря этому, по волѣ судьбы, нескромно-брошенному взгляду на предметъ своей страсти, Гіацинтъ навсегда освободился отъ увлеченія къ дамѣ своего сердца. Когда печальнымъ откровеніемъ, которое фея заставила его сдѣлать, на-долго закончились у Гіацинта разсчеты съ личною жизнію, тогда онъ весь отдается заботамъ политической жизни, съ желаніемъ дать своимъ любезнымъ мухоловамъ какъ можно лучшую конституцію. При этомъ фея также оказываетъ ему нѣкоторыя услуги, но уже не заставляетъ его оставлять человѣческій образъ. Наконецъ, когда она убѣждается, что мысль въ Гіацинтѣ окрѣпла, и что онъ въ состояніи отличать истину отъ лжи, въ какомъ бы облаченіи софизмовъ и иллюзій она ни представлялась, фея совершенно разстается съ нимъ:— «Тамъ, гдѣ начинается разумъ, говоритъ она, тамъ царство мое кончается». Таковъ общій смыслъ этой сказки и мы приведемъ теперь изъ нея нѣсколько мѣстъ, которыя кажутся намъ болѣе другихъ интересными.

Мы не остановимся долго на описаніи сраженія при Неседадѣ, которымъ закончился, какъ видно, кратковременный походъ въ страну пустомелей. Описаніе это, которому посвящена особая небольшая глава, показалось намъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ подробностей, мало оригинальнымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма напоминающимъ тѣ описанія сраженій, которыя по большей части встрѣчаются въ романахъ. Оно приблизительно такое: заря; принцъ Гіацинтъ гуляетъ съ барономъ Бомбой предъ своею палаткой; раздается барабанный бой, бьющій сборъ; затѣмъ сигнальные три пушечные выстрѣла; Гіацинтъ, съ завѣтною шпагой въ рукахъ, объѣзжаетъ войска, знамена предъ нимъ преклоняются; восторженные клики при видѣ его; онъ слѣдитъ за показавшимися вдали рядами войска, развернувшимися подобно кольцамъ чудовищно-громадной змѣи; непріятель занимаетъ укрѣпленную позицію на возвышеніи, окаймленномъ массою войска, наполняющаго и часть долины, которая раздѣляетъ обѣ арміи; побѣда долго колеблется, и въ нѣсколько часовъ исчезаютъ цѣлые полки; самый

упорный бой завязывается при штурмѣ высотъ, на которыхъ расположена деревня Неседадъ, господствующая надъ цѣлою мѣстностію; каждую хижину въ этой деревнѣ непріятель превращаетъ въ укрѣпленный пунктъ; наконецъ, благодаря личной храбрости Гіацинта, послѣдній натискъ удается, деревня взята и принцъ оттуда видитъ, какъ кавалерія его уничтожаетъ послѣдніе остатки бѣгущей непріятельской арміи и при переправѣ топитъ эти остатки и т. д. Все это весьма знакомыя черты, которыя напоминаютъ собою обыкновенныя описанія сраженій. Онѣ намъ какъ-то особенно знакомы — и не только по тому, что мы находимся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совсѣмъ иныхъ, мастерски описанныхъ сраженій (въ романѣ гр. Толстаго), которыхъ, благодаря таланту автора, мы сдѣлались почти очевидцами,—но и по тому, конечно, что всякое сраженіе есть своего рода трагическое представленіе, въ которомъ, каково бы ни было его содержаніе, необходима извѣстная послѣдовательность отдѣльныхъ дѣйствій и сценъ, и въ которомъ, не смотря на раздирающіе душу эффекты, существуетъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, своего рода рутина.

Въ описаніи сраженія при Неседадѣ не лишенъ нѣкотораго интереса слѣдующій пассажъ. Генералъ Бомба, предъ тѣмъ, что онъ былъ смертельно раненъ, указываетъ принцу, въ самый рѣшительный моментъ сраженія, на маленькую церковь на возвышеніи:—«Когда мы будемъ тамъ, наша взяла»! Добраться однако до этого возвышенія было не легко, потому что непріятель защищалъ свою позицію съ отчаянною храбростію. Между тѣмъ съ разныхъ пунктовъ сраженія приходятъ нехорошія вѣсти: непріятель началъ тѣснить правое крыло. Каждую минуту подъѣзжаютъ къ главнокомандующему на замученныхъ лошадяхъ офицеры съ требованіями подкрѣпленій; баронъ Бомба, не теряя спокойствія духа, смѣется имъ въ лице и, сопровождая смѣхъ ругательствами, кричитъ: — «Подкрѣпленій, да откуда возьму я имъ подкрѣпленій? Пусть ихъ, нелегкая, умираютъ, какъ слѣдуетъ! Развѣ эти собаки воображаютъ, что они созданы, чтобы вѣчно жить?» — Отъѣзжая съ принцемъ Гіацинтомъ нѣсколько въ сторону, Бомба говоритъ ему потихоньку: — «Государь, наступила рѣшительная минута. Если мы черезъ часъ не будемъ вонъ тамъ, на вышинѣ, то намъ ничего не остается, какъ убираться домой и ждать, что мухоловы насъ воспоютъ въ своихъ пѣсенкахъ».

VIII.

Побѣда надъ пустомелями досталась мухоловамъ не дешево: она стоила имъ главнокомандующаго и не менѣе трехсотъ офицеровъ, трехъ тысячъ солдатъ убитыми и двѣнадцать тысячъ ранеными. Гіацинтъ, не смотря на усталость, долго не могъ уснуть, въ головѣ у него толпился рой мыслей, изъ которыхъ всего болѣе занимала его

мысль, какъ онъ побѣдителемъ явится къ Тамарисѣ и у ногъ любимой женщины сложитъ корону и боевую шпагу. Между тѣмъ въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, въ которой ему былъ приготовленъ ночлегъ, собрались генералы и адъютанты поужинать, и каждый разсказывалъ о событіяхъ дня, въ которыхъ самъ участвовалъ; поминали генерала Бомбу и другихъ офицеровъ; сильно занималъ всѣхъ вопросъ о предстоящихъ наградахъ и повышеніяхъ; но всего болѣе толковали о счастіи арміи имѣть во главѣ своей такого юнаго героя, какимъ оказался Гіацинтъ. Если онъ въ шестнадцать лѣтъ начиналъ такъ воевать, то чего же нельзя было ожидать въ будущемъ отъ такого короля! Эти толки долетали въ сосѣднюю комнату, и подъ вліяніемъ ихъ Гіацинтъ наконецъ заснулъ. Ночью онъ видитъ знакомый образъ феи дня, которая, долго разсматривая его, произнесла со вздохомъ: —«Бѣдное дитя, что̀ сталось бы съ тобою, если бы меня тутъ не было»?— Трижды обвела она кругъ около своего любимца, и Гіацинтъ внезапно проснулся среди поля сраженія, но уже не побѣдителемъ, а въ собачьей шкурѣ. Луна освѣщала долину, но отъ блѣднаго свѣта ея, падавшая отъ холмовъ тѣнь казалась еще болѣе мрачною; вдали виднѣлись огни въ лагерѣ. Направо и налѣво, среди павшихъ лошадей, разбитыхъ пороховыхъ ящиковъ, разбросаннаго оружія, лежали на спинѣ, растянувшись, солдаты и спали вѣчнымъ сномъ. На эти лица, обезображенныя страданіемъ и бѣшенствомъ, сама смерть, казалось, не въ состояніи была наложить своей обычной печати невозмутимо-печальнаго безстрастія. Со сжатыми зубами, съ покрытымъ пѣною ртомъ, съ незакрытыми, мутными глазами, они, казалось, еще что-то шептали; или, быть можетъ, молили у Бога отмщенія за ихъ напрасно—королевской потѣхи ради — пролитую кровь. Отдаленные часы пробили полночь,—часъ, когда встаютъ мертвецы. Гіацинтъ задрожалъ и, не будучи въ состояніи выносить вида этихъ глазъ съ потухшимъ взглядомъ, забрался подальше въ тѣнь, чтобы спрятаться. Но тутъ-то и ожидало его самое ужасное зрѣлище. Подъ покровомъ темноты, два мародёра, вооруженные воровскими фонарями, обирали мертвецовъ и ругались надъ смертію. Гіацинтъ, весь дрожа, спрятался за опрокинутую пушку.—«Вотъ попался и женатый, замѣтилъ одинъ изъ воровъ, у него перстень на пальцѣ, только я его сорвать не могу».—«Отрѣжь, дурень, палецъ, отвѣчалъ другой; видишь, два кольца, я ихъ вырвалъ изъ ушей вотъ этого солдата; когда они издохли, вѣдь имъ все равно». Далѣе воры находятъ офицера, берутъ у него часы и, пошаривши въ карманахъ, чтобы отъискать кошелекъ, находятъ бумажникъ, только въ немъ, къ крайнему разочарованію грабителей, оказалось, вмѣсто банковыхъ билетовъ, письмо, писанное убитымъ къ матери, наканунѣ сраженія и въ предчувствіи смерти. Мародёры, встрѣтившись далѣе съ другими хищниками, — съ нѣсколькими голодными собаками, явив-

шимися поживиться кровью и мясомъ, въ испугѣ убѣгаютъ, тѣмъ болѣе, что вдали послышались шаги людей, шедшихъ подбирать раненныхъ. Гіацинтъ въ ужасѣ пустился по пути, который велъ въ деревню и который буквально усѣянъ былъ тѣлами, нагроможденными одно на другое. Услыхавъ чьи-то вздохи, Гіацинтъ приблизился. То былъ еще молодой офицеръ, истекавшій кровью. Ползкомъ на рукахъ и влача за собою раздробленныя ядромъ ноги, юноша тщетно молилъ хоть о каплѣ воды.—«Воды, ради Бога, воды,—придите на помощь! Я умираю за васъ, а вы оставляете меня издыхать, какъ собаку, злодѣи вы! Да будетъ проклята война! Да будутъ прокляты ея виновники! Воды, о Боже, или дай мнѣ умереть!» Въ изнеможеніи подвигаясь, раненный упалъ на тѣло другого офицера, ощупалъ его и наткнулся на пистолетъ. — «Слава Богу, онъ заряженъ. Принцъ Гіацинтъ, счастливый побѣдитель, да падетъ моя кровь на твою главу!» И твердою рукой раненный раскроилъ себѣ черепъ. Но этимъ нравственныя терзанія Гіацинта не кончились. Заслышавъ приближающіеся шаги — то была опять одна изъ партій, посланныхъ для подбора раненныхъ — Гіацинтъ заползъ за груду мертвыхъ тѣлъ, чтобы обождать тамъ немного. Выскочилъ онъ оттуда весь запачканный, подобно убійцѣ, кровью своихъ жертвъ, и проселкомъ добрался до ближайшей деревни, которая была до тла разорена. У одной хижины съ разрушенною кровлею лежалъ на навозѣ бездыханный трупъ крестьянина, который, должно быть, защищался противъ непріятеля или отстаивалъ свое добро противъ мародёровъ, и былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Къ нему на колѣняхъ припала бѣдная жена, съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ стояли четыре мальчика, изъ которыхъ старшему не было двѣнадцати лѣтъ, и поперемѣнно мокрыми тряпками обтирали струившуюся еще по лицу отца кровь, а за убитымъ стоялъ отецъ его, сѣдой старикъ, и призывалъ кару небесную на злодѣевъ. Гіацинту, измученному видомъ всей этой бойни, казалось, что каждый изъ безчисленнаго множества мертвецовъ, на которыхъ онъ теперь смотрѣлъ совсѣмъ иными глазами, чѣмъ во время сраженія, считаетъ его своимъ убійцею и требуетъ отъ него возврата преждевременно-отнятой жизни. И онъ сталъ стонать во снѣ такъ громко, что находившійся при немъ адъютантъ позволилъ себѣ разбудить его, чтобы избавить его отъ душившаго его кошмара. Гіацинтъ всталъ и, облокотившись на столъ обѣими руками и уткнувъ въ нихъ голову, просидѣлъ въ такомъ положеніи, въ глубоко-скорбномъ раздумьи, до утра. Какъ только стало свѣтать, онъ разослалъ своихъ адъютантовъ на поле сраженія и въ окрестныя деревни, посмотрѣть, какъ идетъ уборка раненныхъ, и не показались ли гдѣ мародёры.—Ихъ можно разстрѣлять на мѣстѣ? — Нѣтъ, сказалъ Гіацинтъ, и такъ уже слишкомъ много крови пролито. — Самъ онъ сѣлъ на коня и отправился на перевязочные

пункты и во временные лазареты. Тамъ хирурги работали цѣлую ночь, сдѣлали болѣе трехъ тысячъ операцій, и такое же число раненныхъ, своихъ и непріятелей, были перевязаны и уложены въ постели, но тысячи другихъ несчастныхъ, до ранъ которыхъ еще не прикасались, лежали на соломѣ и ждали своей очереди, а издали тянулся безконечный рядъ носилокъ, несомыхъ солдатами и крестьянами, съ такою же печальною ношей.

IX.

Возвратившись въ главную квартиру, Гіацинтъ засталъ здѣсь только-что прибывшаго графа *Touche-à-Tout* въ сопровожденіи министра-оратора. (Кавалеръ *Pieborgne* дня черезъ два послѣ того, что прочелъ въ оффиціальной газетѣ о своей болѣзни, побѣжалъ къ своему счастливому сопернику и послѣ визита, длившагося съ четверть часа, возвратился вполнѣ и оффиціально исцѣленнымъ.) Въ совѣщаніяхъ, которыя теперь начались съ ними объ условіяхъ мира, Гіацинтъ терпѣливо выслушивалъ ихъ, но уже не съ прежнимъ наивнымъ вниманіемъ. По мнѣнію графа, слѣдовало отнять у непріятеля четыре провинціи и присоединить ихъ къ государственной территоріи, хотя населеніе этихъ провинцій ничего не имѣло общаго съ мухоловами, и кромѣ вражды, ничего къ нимъ не питало. Гіацинтъ, напротивъ, желалъ мира, который не заключалъ бы въ себѣ поводовъ въ будущемъ къ новой войнѣ, мира прочнаго и неунизительнаго для противника. Преданный министръ напрасно развивалъ предъ принцемъ свои теоріи о томъ, что война — необходимая и спасительная болѣзнь, что лучшее средство предупредить ея возвращеніе, это — уничтожить и сокрушить врага, и что наконецъ даже внутреннее устройство государства основано на предположеніи періодическаго возвращенія этой болѣзни, такъ какъ государство именно зиждется на двухъ столбахъ — на администраціи и арміи. Гіацинтъ оставался непреклоннымъ и даже выразилъ намѣреніе, по заключеніи мира, отпустить изъ полумилліонной арміи триста тысячъ человѣкъ и возвратить ихъ къ болѣе производительнымъ занятіямъ.

— Но въ такомъ случаѣ, возразилъ графъ, прійдется преобразовать уже не армію только, но и податную систему, и администрацію, и все управленіе, такъ какъ отнынѣ мухоловы должны будутъ посвятить себя исключительно мирному труду и хозяйству, подобно маленькимъ, безъименнымъ народцамъ, живущимъ на границахъ нашихъ владѣній. — Но какое же оттого зло? спросилъ Гіацинтъ. — Зло оттого, государь, велико! Въ тотъ день, когда вы распустите армію, настанетъ конецъ древней и славной монархіи. Король еще молодъ и не успѣлъ охватить въ цѣломъ всей удивительной организаціи нашего государства, иначе онъ не рѣшался бы съ такою легкостію уни-

чтожать этотъ чудный механизмъ. Изучите, государь, нашу удивительную централизацію, и вы увидите, что все у насъ разсчитано на то, чтобы всѣ силы, всѣ капиталы, всѣ средства страны были въ рукахъ власти. Народъ собственно ничего не имѣетъ, чтó бы въ частности ему принадлежало. Его кровь, его сыны, его злато — все принадлежитъ королю. Администрація содержитъ въ одинаковой зависимости и самаго важнаго, и самаго мелкаго изъ подданныхъ. Пріучая каждаго къ труду, къ повиновенію, къ платежу податей, къ военной службѣ, она, благодаря этому солидному воспитанію, дѣлаетъ изъ мухолова перваго солдата въ мірѣ... Уничтожьте войну, сократите армію, чему же будетъ служить тогда эта чудная машина? Народъ, состоящій изъ земледѣльцевъ и работниковъ, не нуждается въ административной опекѣ; каждый живетъ тогда на свой страхъ и думаетъ только о себѣ. Подобной массѣ совершенно достаточно одной свободы, чтобы буржуазно заправлять общественными дѣлами. Только централизація, только армія, только война вырываетъ человѣка изъ узкаго и замкнутаго круга частныхъ интересовъ и замѣняетъ любовь къ благосостоянію и эгоизмъ домашняго очага — патріотизмомъ, который заставляетъ цѣлый народъ жить мыслію одного человѣка... Въ теоріи, конечно, всеобщій миръ, прекрасная вещь; но на дѣлѣ это означаетъ совершенно новое общественное устройство и ниспроверженіе старинной королевской власти. На конѣ и съ мечомъ въ рукахъ, предки ваши основывали государство; войною они поддерживали и утверждали свой авторитетъ не только внутри, но и внѣ государства. Дѣло ихъ закончено и ваше величество не можете разрушать его; я даже осмѣлюсь сказать, что вы не имѣете права.

— Любезный графъ, отвѣчалъ Гіацинтъ рѣшительнымъ тономъ, я цѣню ваше рвеніе и вашу преданность. Дня три тому назадъ, ваши слова могли бы меня ослѣпить, но видъ той бойни, которую представило поле сраженія, открылъ мнѣ глаза. Съ тѣхъ поръ, что я почувствовалъ отвѣтственность, тяготѣющую надъ моей главой, меня смущаетъ та абсолютная королевская власть, которая васъ такъ очаровываетъ. Я испыталъ, чтó значитъ одному и своею властію посылать цѣлый народъ на смерть; я пользовался этою привилегіей и не желаю ея болѣе. Если старая правительственная машина должна разбиться вмѣстѣ съ сокращеніемъ арміи, то пусть она разбивается какъ можно скорѣе. Что мнѣ въ вашей централизаціи? Развѣ она означаетъ чтó-либо иное, кромѣ общей неволи государя и подданныхъ? Будь, чтó будетъ, мой выборъ сдѣланъ. Я лучше хочу быть первымъ должностнымъ лицомъ свободнаго народа, чѣмъ Далай-Ламой администраціи.

— Я позволю себѣ, государь, высказать еще одно послѣднее соображеніе. Для счастія вашихъ подданныхъ, ваше в-ство желаете великодушно отказаться отъ славнаго наслѣдія вашихъ предковъ. Я прекло-

няюсь предъ благородствомъ подобной жертвы, но сомнѣваюсь въ ея полезности. Я опасаюсь, что король собственнымъ опытомъ убѣдится, что слабость администраціи еще болѣе фатальна для благосостоянія подданныхъ, чѣмъ для величія государя. Существуютъ, конечно, націи, способныя управлять собой; онѣ одарены духомъ, нравами, привычками свободы; но есть другія націи, которыя созданы, чтобы быть управляемыми, и которыя тѣмъ не менѣе занимаютъ видное мѣсто въ мірѣ. Мухоловы—не народъ, а армія; они имѣютъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки солдата. Храбрые, великодушные, разумные, но подвижные, насмѣшливые и тщеславные, они никогда не успокоятся среди монотонной, правильной жизни. Ихъ прельщаетъ опасность, случай, фортуна, составленная въ одинъ день, благодаря мужеству, уму или низости. Героическіе солдаты, жалкіе граждане, поперемѣнно недовольные или лакеи,—мухоловы представляютъ лишь безпорядочную толпу, коль скоро желѣзная рука не дисциплинируетъ ихъ и не ведетъ ихъ въ военномъ порядкѣ къ славной цѣли...

— Любезный графъ, сказалъ Гіацинтъ, вы жестоки къ моему бѣдному народу; я лучшаго о немъ мнѣнія. Я думаю, что и онъ, и я, мы были одинаково дурно воспитаны, мы вмѣстѣ передѣлаемъ наше воспитаніе, я окажу ему довѣріе, и надѣюсь, что онъ мнѣ отвѣтитъ любовію на любовь.

Во время разговора, бо̀льшую часть котораго мы передали, кавалеръ *Piéborgne* не разъ пытался вставить словечко, но выходило это какъ-то неудачно. То Гіацинтъ просилъ его заразъ уже приготовить и опроверженіе своей рѣчи, то графъ напоминалъ своему коллегу, что если онъ будетъ черезъ-чуръ ораторствовать, то болѣзнь, отъ которой онъ только что избавился, снова можетъ посѣтить его.

Послѣ небольшого перерыва, графъ снова обратился къ Гіацинту: — «Государь, сказалъ онъ, я черезъ часъ уѣзжаю, чтобы все приготовить къ возвращенію в. в. въ ваши владѣнія. Вотъ списокъ понесенныхъ нами потерь: три тысячи убитыхъ и двѣнадцать тысячъ раненныхъ; какую же цифру показать въ «Оффиціальной Истинѣ»? Удивленный этимъ вопросомъ, Гіацинтъ спросилъ, почему «Оффиціальная Истина» не скажетъ просто правды? — «Этого никогда не дѣлали, государь. Это было бы нововведеніемъ, которое бы всѣхъ напугало. По заведенному обычаю, у насъ обыкновенно приводятъ четвертую часть нашихъ потерь и показываютъ вчетверо потери непріятеля. Если сказать правду, то никто не повѣритъ». — «Это тоже дѣло воспитанія, замѣтилъ Гіацинтъ; съ сегодняшняго же дня возьмемся за передѣлку его». Но прежде, чѣмъ уѣхать, министръ еще представилъ къ подписи принца декретъ о займѣ въ 200 милліоновъ, необходимыхъ для покрытія экстренныхъ военныхъ издержекъ. Таковъ былъ счетецъ, который слѣдовало уплатить за славную побѣду при Неседадѣ. Вазв-

шись за перо, чтобы подписать декретъ о займѣ, Гіацинтъ увидѣлъ, что требовался кредитъ не въ двѣсти, а въ двѣсти двадцать милліоновъ. Требовались именно еще десять милліоновъ за коммиссію банкирамъ и десять милліоновъ на празднества, которыя мухоловы выразили желаніе устроить въ честь юнаго своего побѣдителя, но расходы по которымъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно покрывались изъ государственнаго казначейства. Уѣзжая съ этимъ декретомъ, министръ во время пути думалъ о молодости и неопытности Гіацинта и, вспоминая свой послѣдній разговоръ съ нимъ, не безъ внутренняго удовольствія остановился на мысли, что администрація у мухолововъ уже открыла возможность обходиться безъ народа, но прійдетъ время, проговорилъ онъ вполголоса,—когда она будетъ обходиться и безъ короля.

X.

Возвращаясь съ похода въ свою столицу *Plaisir-sur-Or*, Гіацинтъ долженъ былъ испытать на себѣ всю силу восторга, который овладѣлъ мухоловами. Не отдѣльныя личности, которыхъ бы можно было заподозрить въ продажности и лести, но всѣ мухоловы, старъ и младъ, бросались въ прахъ къ ногамъ побѣдителя и молились на него, какъ на Бога. Такъ уже созданъ счастливый народъ мухолововъ. Любовь, ненависть, презрѣніе — всѣмъ этимъ чувствамъ они отдаются, какъ модѣ, съ остервененіемъ. Если вы утромъ имѣли успѣхъ — вы великій человѣкъ; но если вы въ полдень потерпите неудачу—вы глупецъ, въ которомъ слишкомъ долго ошибались. Короли и министры не суть уполномоченные общества, подверженнаго ударамъ судьбы,—они актеры, которымъ платятъ довольно дорого за то, чтобы они наполняли сцену и занимали публику. Имъ поэтому не прощаютъ ни слабостей, ни неуспѣховъ; ихъ встрѣчаютъ, если не рукоплесканіями, то свистками.

Нескончаемыя заявленія народнаго восторга встрѣтили Гіацинта на границѣ его владѣній и сопутствовали ему до самаго дворца въ его резиденціи, въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати дней. Онъ долженъ былъ на пути производить парады и принимать безчисленныя депутаціи, пройти сто двадцать тріумфальныхъ арокъ, принять сто пятьдесятъ вѣнковъ и шесть тысячъ букетовъ, кланяться дамамъ, цѣловать выходившихъ къ нему на встрѣчу дѣвочекъ, улыбаться всѣмъ, выслушивать безъ устали триста рѣчей и двѣсти привѣтствій; въ добавокъ всего, громъ музыки, звонъ колоколовъ, непрестанные балы и обѣды. Несмотря на свое желѣзное здоровье, Гіацинтъ начиналъ убѣждаться, что легче выносить военный походъ, чѣмъ всѣ эти удовольствія.

Впрочемъ, вначалѣ все шло еще хорошо, — женщины и короли охотно сносятъ, когда съ ними обращаются, какъ съ идолами, — но на четвертый день герой почувствовалъ себя въ какомъ-то чаду отъ

ѳиміама, который ему усердно курили. У него въ ушахъ зажужжало: побѣда, слава, лавры, Александръ Македонскій, Цезарь! Къ счастію, Гіацинта сопровождалъ *Piebогgne*, который оказалъ ему въ это время дѣйствительную услугу. Посвященный въ тайны ораторскаго краснорѣчія, адвокатъ-министръ, находившійся при пріемѣ депутацій, умѣлъ однимъ взглядомъ, жестомъ, шуткой такъ поощрять самозванныхъ ораторовъ, что они большею частію среди рѣчи спотыкались, захлебываясь собственными словами. *Piebогgne* былъ также весьма полезенъ принцу, когда онъ прибылъ въ резиденцію и, послѣ принятія ста-двухъ столичныхъ депутацій, долженъ былъ принять еще нѣсколько запоздавшую сто-третью отъ Нормальной школы. Во главѣ профессоровъ шелъ директоръ этого разсадника наукъ, любезный и остроумный Фацетусъ. Милый эпикуреецъ и скептикъ, этотъ ученый мужъ, увѣренный въ превосходствѣ собственнаго ума, никому и ничему не удивлялся. Изысканный писатель, образецъ изящества, magister elegantiorum,—онъ съ легкостію упражнялся въ тяжеловѣсной литературѣ. Онъ отдѣлалъ однажды Тацита, какъ мальчишку, и доказалъ въ двухъ толстыхъ томахъ, что Августъ, основывая имперію, спасъ республику; что Калигула былъ талантлитый финансистъ, что Клавдій былъ весьма умный антикварій, и что Неронъ былъ нѣжный сынъ и великій, неузнанный артистъ. Наружность Фацетуса была не менѣе элегантна, чѣмъ его сочиненія; онъ былъ надушёнъ, подобно роману временъ упадка, и еслибъ онъ не носилъ золотыхъ очковъ, чернаго фрака и лакированныхъ башмаковъ, его можно было бы принять за юнаго повѣсу. Выслушать этого оратора принцъ Гіацинтъ поручилъ кавалеру *Piebогgne*, а самъ спѣшилъ съ визитомъ къ графу *Touche-à-Tout*, жившему во флигелѣ дворца, чтобы увидать наконецъ свою дорогую Тамарису.

Но увы! въ то время, какъ блѣдный и взволнованный принцъ взялся уже за ручку дверей, отдѣлявшихъ его отъ властительницы его думъ и уже слышалъ шелестъ ея платья, судьба снова подшутила надъ нимъ, и онъ очутился на паркетѣ пуделемъ. Какъ при прежнихъ своихъ превращеніяхъ, такъ и теперь, принцъ не потерялъ своего человѣческаго сознанія, и, сильно сконфуженный, проскользнулъ въ первую растворенную дверь, которая вела въ пустую комнату, и тамъ забился подъ диванъ. Но судьба очевидно преслѣдовала его: не успѣлъ онъ еще нѣсколько успокоиться, какъ въ эту самую комнату вошла Тамариса, въ сопровожденіи камеристки своей и левретки. Оказалось, что принцъ попалъ въ будуаръ своей возлюбленной, которая была въ хлопотахъ о своемъ бальномъ туалетѣ. Убирая своей госпожѣ голову, камеристка скромно докладываетъ ей, что ни для кого уже не секретъ, что она скоро будетъ королевой, и что, по слухамъ, во время похода, адъютантамъ Гіацинта стоило только свести

разговоръ на Тамарису, чтобы дѣлать съ влюбленнымъ юношей все, что угодно. Камеристка начинаетъ восхвалять принца, его умъ, его красоту, его храбрость. Тамариса то разсѣянно, то насмѣшливо выслушиваетъ эти похвалы и постепенно обнаруживаетъ, въ какихъ нравственныхъ понятіяхъ отецъ ее воспиталъ. Любовь, полагаетъ она, можетъ быть удѣломъ только маленькихъ людей; женщина съ ея положеніемъ должна стоять выше подобнаго предразсудка. — «Значитъ, несмотря на вашу красоту, вы откажетесь отъ короны?—«Да кто же тебѣ говоритъ, что я откажусь?» — «Но я думала, что нужно любить, чтобы выйти замужъ.»—«Какія ты глупости говоришь. Еслибы женщины выходили за-мужъ только за тѣхъ, кого онѣ любятъ, то міръ былъ бы населенъ старыми дѣвами. Единственное условіе, чтобы выйти замужъ, это — никого не любить. Конечно, я ничего не чувствую къ этому пустому юношѣ, но и ко всякому другому я была бы также равнодушна. Когда выходятъ замужъ, то ищутъ вовсе не мужа, а положеніе. Мнѣ хочется быть королевой, и, я думаю, что эта роль будетъ по мнѣ. Дворъ я превращу въ обитель удовольствій и празднествъ; любя роскошь, я буду покровительствовать торговлѣ и искусствамъ, и если принцъ меня дѣйствительно любитъ, управлять государствомъ буду я... Отецъ мой будетъ дѣлать все, что мнѣ угодно, и горе тому, кто мнѣ не понравится!» Этотъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ графа, который былъ уже въ полномъ облаченіи и нетерпѣливо ждалъ дочь. Онъ пришелъ поторопить ее, но въ это самое время левретка, которая давно уже пронюхала, что въ комнатѣ гдѣ-то находится чужой, открыла его подъ диваномъ. Чтобъ предупредить скандалъ и заставить левретку молчать, пудель схватилъ ее за-горло, но безъ привычки даже левретку трудно придушить. Укушенная левретка подняла страшный визгъ и, явившись на сцену, произвела всеобщую суматоху. Пошли поиски за скрытымъ въ комнатѣ злодѣемъ, котораго графъ, пошаривши обнаженною шпагою подъ мебелью, наконецъ открылъ и, поранивши Гіацинта, выгналъ его въ окно. Тудаже выбросилъ онъ и левретку, къ страшному отчаянію камеристки и къ совершенному удовольствію Тамарисы, которая во время всей этой сцены, какъ ни жалобно пудель у ногъ ея просилъ пощады, опасалась одного только, чтобы эти раненныя собаки не замарали ея бальнаго платья.

Прійдя опять въ себя, Гіацинтъ, физически и нравственно измученный, хотѣлъ удалиться къ себѣ, чтобы отдохнуть и собраться съ мыслями. Но когда имѣешь счастіе быть повелителемъ мухоловокъ, то напрасно будешь искать минуты покоя. Комедія у этого театральнаго народа не терпитъ перерыва; мухоловы скучаютъ въ антрактахъ. Гіацинту теперь необходимо было показаться на придворномъ балѣ, и мать-королева уже давно ждала его. На этомъ балѣ всѣхъ поразила

какая-то сдержанность въ обращеніи Гіацинта, какая-то строгость въ выраженіи его лица, которой прежде никогда не замѣчали. Напрасно Тамариса, явившаяся во всемъ блескѣ красоты, устремляла на него свой страстный взоръ, напрасно она берегла для него свою прелестную улыбку. Гіацинтъ точно не замѣчалъ ее, точно она не существовала для него болѣе.

XI.

Съ принцемъ дѣйствительно произошла перемѣна. Его начали занимать иныя мысли, иные планы, и ему было уже не до Тамарисы. То чувство нравственной отвѣтственности за судьбы ввѣреннаго ему народа, которое онъ впервые испыталъ во время похода, все чаще стало посѣщать его, пока оно наконецъ всецѣло не овладѣло имъ. Думая о счастіи своихъ мухолововъ и все болѣе убѣждаясь, что имъ чего-то недостаетъ, принцъ остановился на мысли даровать имъ конституцію. Ждать въ этомъ отношеніи какого-либо содѣйствія отъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ, принцъ, разумѣется, не могъ, и онъ зналъ это. Нѣсколько разъ онъ обращался къ своей благодѣтельной феѣ, прося помочь ему, но та долго отказывалась, говоря: что она заботится только о счастіи людей, что ея дѣло женить какого-нибудь маленькаго принца, или выдать замужъ маленькую принцессу, но что въ политику она не любитъ мѣшаться. Наконецъ, когда принцъ выразилъ желаніе, чтобы она ему по крайней мѣрѣ доставила возможность посовѣтоваться съ какимъ-нибудь опытнымъ политикомъ, то она рѣшилась устроить ему свиданіе съ Аристотелемъ.

Предъ принцемъ предсталъ человѣкъ высокаго роста, съ умнымъ лицомъ, въ изящномъ, красиво надѣтомъ греческомъ костюмѣ.—«Вотъ молодой король, отрекомендовала фея Гіацинта, который проситъ у васъ конституціи для своего народа.»—«Зачѣмъ, отвѣчалъ Аристотель? Если правитель всѣхъ доблестнѣе и умнѣе, если онъ наиболѣе свѣдущій, мудрый и проницательный человѣкъ, если онъ всегда имѣетъ правое сужденіе и никогда не ошибается, то да правитъ онъ одинъ. Эти признаки власти заставятъ каждаго признать его своимъ главой и повелителемъ; если же этого нѣтъ, то да оставитъ онъ народъ управлять самимъ собой и не мнитъ руководить тѣхъ, которые болѣе его достойны.»—«Но дѣло не такъ просто, возразилъ Гіацинтъ, какъ оно кажется. Мои подданные возложили на меня заботу о своемъ счастіи, и я не знаю, какъ взяться за дѣло.»—«Варвары они или греки? спросилъ философъ.»—«Они ни то, ни другое, отвѣчалъ Гіацинтъ, они мухоловы.»—«Ты не понялъ меня, о юноша, замѣтилъ Аристотель; въ этомъ мірѣ существуютъ только двѣ политическія расы: одна создана, чтобы повиноваться, — это варвары; другая имѣетъ призваніе сама управлять собою—это греки или вообще цивилизованные народы.»—«Но какъ

же ихъ распознать?» спросила фея. — «У варваровъ, отвѣчалъ философъ, всегда и во всемъ господствуетъ личная воля человѣка, у образованныхъ народовъ — законъ. Первые — рабы и повинуются капризу своего владыки; вторые подчиняются только законамъ, ими самими постановленнымъ.» — «Увы! воскликнулъ Гіацинтъ, я очень опасаюсь, не варвары ли мухоловы, потому что они не управляются сами, и личная воля человѣка у нихъ пользуется бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ законы.» — «Каждый ли гражданинъ у нихъ воинъ?» спросилъ Аристотель. — «Нѣтъ, существуетъ постоянная армія.» — «Это варвары, сказалъ Аристотель. Сами ли они выбираютъ своихъ должностныхъ лицъ, посредствомъ народныхъ выборовъ и на опредѣленный срокъ?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ Гіацинтъ. — «Дважды варвары», проговорилъ философъ. Сами ли судятъ они свои уголовные процессы?» — «Нѣтъ.» — «Трижды варвары, продолжалъ Аристотель. Собираются ли они свободно, чтобы обсуждать свои общественныя дѣла? Въ правѣ ли они каждое утро критиковать дѣйствія своихъ должностныхъ лицъ?» — «Не всегда», возразилъ Гіацинтъ. — «Опять варвары. Существуетъ ли у нихъ такая общая система народнаго образованія, которая стирала бы всякое различіе состоянія и рожденія?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Гіацинтъ. — «Зачѣмъ же ты, юноша, меня безпокоилъ — сказалъ мудрецъ, нахмуривъ брови. Управляй по обычаю великаго деспота персовъ; съ тебя достаточно пастушескаго посоха, чтобы вести твое блеющее стадо; строй дворцы, воюй, предавайся всѣмъ страстямъ твоего сердца, но не заботься объ управленіи людей: ихъ нѣтъ въ твоемъ государствѣ!» И съ этими словами онъ, подобно дыму, исчезъ въ воздушномъ пространтсвѣ.

Принцъ выразилъ феѣ свое сожалѣніе, что она вызвала этого грека: — «Онъ ничего не понимаетъ въ условіяхъ новой жизни, и я послѣ совѣщанія съ нимъ чувствую только еще бо́льшую грусть.» — «Подожди, мой сынъ, сказала фея. Я вижу вонъ тамъ стараго знакомаго, который будетъ тебѣ для дѣла полезнѣе. Эй! закричала она, любезный Агасферъ, пожалуйте-ка сюда; мы нуждаемся въ вашей опытности и въ вашихъ совѣтахъ.» На этотъ зовъ феи подбѣжалъ старикъ въ рубищѣ, державшій въ рукѣ огромную трость. На желтомъ лицѣ его были глубокія морщины, бѣлая борода покрывала ему грудь, глаза его свѣтились, какъ уголья. То былъ — вѣчный жидъ. Гіацинтъ тотчасъ узналъ это знаменитое лицо по видѣннымъ имъ прежде портретамъ его. — «Пойдемъ, сказалъ странникъ, я не могу останавливаться, мы поговоримъ дорогой; чего вы хотите?» Гіацинтъ просилъ его сказать, какіе народы самые счастливые? — «Я ничего о томъ не знаю, отвѣчалъ старикъ. Какое дѣло такому несчастному, какъ я, до счастія другихъ? Но, если ты хочешь, я скажу тебѣ, ка́къ живутъ и умираютъ народы, этого я насмотрѣлся!..... Одно составляетъ величіе народовъ, — свобода, одно ихъ губитъ — дурное управленіе. Когда я вышелъ

изъ Іерусалима, осужденный на вѣчное странствованіе, я оставилъ позади себя горсть евреевъ—учениковъ Того, кого я въ безуміи моемъ оскорбилъ. Въ нихъ заключалась вся христіанская церковь. Я отправился въ Римъ, властвовавшій надъ вселенной; я дивился тамъ величію языческихъ императоровъ, которые держали міръ въ своихъ рукахъ... Не было римлянина, который не считалъ бы римскаго величія вѣчнымъ; побѣжденные думали объ этомъ также, какъ и побѣдители. Затѣмъ я возвратился въ вѣчный городъ, въ царствованіе Коммода. Какая перемѣна произошла въ полтора вѣка! Траянъ, Адріанъ, Антонинъ, Маркъ-Аврелій, эти великіе администраторы покрыли міръ дорогами и памятниками; а между тѣмъ они только ускорили паденіе имперіи. Она погибала, благодаря той усовершенствованной администраціи, по которой управлявшихъ и жившихъ на счетъ государства было болѣе, чѣмъ управляемыхъ и платившихъ подати. Народъ я засталъ изголодавшимъ и въ предсмертной агоніи. Живыхъ людей я нашелъ тамъ только между христіанами, которыхъ преслѣдовали. Задатки жизни заключались еще въ тѣхъ полудикихъ германскихъ племенахъ, которыя жили на берегахъ Рейна и начинали свои вторженія въ имперію...» Онъ былъ потомъ на востокѣ, видѣлъ Китай, въ которомъ отеческое правительство низводитъ народъ до стаднаго состоянія; онъ перешелъ потомъ въ Америку еще ранѣе, чѣмъ въ Европѣ кто-либо подозрѣвалъ о существованіи этого континента; въ Мексикѣ и въ Перу онъ нашелъ обширныя монархіи и народъ въ рабствѣ; это былъ тотъ же Китай, только подъ другимъ названіемъ.

— «Когда фатальная судьба моя привела меня опять въ Европу, крестовые походы уже кончились; христіане и германцы довершили свое дѣло. Страна раздѣлена была на множество независимыхъ владѣній. Города, окруженные огромными стѣнами, и управлялись сами, и сами себя защищали. Церковь и университеты составляли мощныя и уважаемыя корпораціи. На поверхности все представляло неравенство и хаосъ; но поглубже, несмотря на насилія и преступленія безъ числа, чувствовалось присутствіе животворной свободы, и кипѣла жизнь народовъ. Генуя и Венеція покрывали моря своими кораблями и строили свои дворцы, свои галлереи, свои церкви; Флоренція возобновляла въ себѣ Аѳины; Фландрія воздвигала свои ратуши, и Нормандія свои соборы. Парижскій университетъ былъ свѣтильникомъ науки. Вся Европа устремлялась туда, чтобы слушать профессоровъ, смѣлую мысль которыхъ ничто не стѣсняло; церковь, вѣчно ратующая, проповѣдывала, писала, учила. Она защищала народъ противъ тиранніи великихъ міра сего. Вездѣ искусство, поэзія, наука, богатство зарождались вмѣстѣ съ свободой. Я удивлялся этому процвѣтанію новаго міра, когда безжалостная рука направила меня въ Индію.

Я нашелъ тамъ вѣчную дряхлость народовъ Востока, которыхъ наслѣдственный деспотизмъ осуждаетъ на мечтанія и неволю».

Снова вернулся вѣчный жидъ въ Европу, въ вѣкъ Людовика XIV, когда повсюду основались огромныя монархіи, съ обширными администраціями, и когда водворявшійся вездѣ застой напомнилъ ему Азію, которую онъ только-что оставилъ. Признаки жизни онъ видѣлъ только въ Англіи и въ Голландіи, открывшей убѣжище изгнанникамъ всѣхъ странъ и отлученнымъ всѣхъ церквей. Послѣ полувѣкового странствованія по Европѣ, судьба бросила его въ лѣса Америки, среди которыхъ онъ видѣлъ зарожденіе новой цивилизаціи, образованіе новыхъ маленькихъ обществъ, которыя управлялись сами, безъ короля, безъ духовенства, безъ дворянства.

—«Такова, мой сынъ, исторія міра—заключилъ вѣчный жидъ—свободой начинаютъ народы, администраціей кончаютъ. Въ началѣ они обнаруживаютъ весь избытокъ силъ, всю безпорядочность, но и все великодушіе и жизненность юности; позже они становятся боязливыми, разсчетливыми и эгоистами, на подобіе старцевъ. Всякій шумъ, даже производимый мыслію, ихъ пугаетъ; они боятся всякаго движенія; они холодѣютъ, они чувствуютъ приближеніе смерти. Наступаетъ война, государство распадается, сила оставляетъ ихъ и переходитъ въ руки тѣхъ, которые вѣруютъ въ будущее. Прощай, мой сынъ, я повѣрилъ тебѣ мой секретъ, воспользуйся имъ.»—И съ этими словами старикъ быстро исчезъ.

Фея за тѣмъ переноситъ Гіацинта въ Африку, въ маленькій, правильно выстроенный городокъ, населенный одними неграми. Это Монровія, столица Либеріи, государства освобожденныхъ негровъ. Гіацинтъ вступаетъ въ разговоръ съ однимъ продавцомъ оливокъ.—«Всѣ мы здѣсь — говоритъ негръ — бывшіе невольники, переселившіеся сюда изъ Соединенныхъ-Штатовъ, чтобы жить здѣсь на свободѣ. Съ божіею помощію мы надѣемся основать здѣсь республику, которая числомъ и богатствомъ своихъ жителей когда-нибудь затмитъ Европу и Америку. Бѣлая раса давно обладаетъ міромъ; черная раса теперь требуетъ свою долю наслѣдства. И она ее получитъ: ей принадлежитъ Африка.»—«Многочисленъ ли вашъ народъ?» спросилъ Гіацинтъ. —«Насъ *цивилизованныхъ* всего только двадцать пять тысячъ, отвѣчалъ негръ, но мы приносимъ съ собою талисманъ, который позволитъ намъ мирно завоевать всю Африку и поставить ее въ уровень съ Европой.» —«Какой же это талисманъ?»—«Это американская свобода», сказалъ негръ.—«Почему же не просто свобода?»—«Потому, отвѣчалъ негръ, что существуетъ двоякая свобода. Одна служитъ лишь символомъ войны и революціи, потрясающей старый континентъ; другая означаетъ совокупность учрежденій, составляющихъ величіе человѣка и благосостояніе народовъ. Эту-то свободу мы занесли съ собою изъ Америки и ею опло-

дотворили эту почву; наши дѣти обязаны будутъ ей своимъ богатствомъ и счастіемъ.»—«Какія же это учрежденія?»—«Ихъ всего семь: свободная церковь, свободная школа, свободная печать, свободный банкъ, свободная община, милиція и присяжные. Какъ только причалитъ корабль, переселенцамъ оставляютъ на волю выбрать себѣ землю; разъ поселившись на ней и съ перваго же года обработки ея, они основываютъ школы, чтобъ посылать въ нихъ своихъ дѣтей; строятъ церкви, чтобы молиться Богу; основываютъ журналы, чтобы всѣмъ просвѣщаться, и банки, чтобъ облегчить трудъ и торговлю. Образовалась свободная община; она заключаетъ въ себѣ все необходимое, управляется содѣйствіемъ всѣхъ гражданъ, и, если какая-либо опасность внутри или извнѣ ей угрожаетъ, то каждый изъ насъ поклялся, чтобы защищать ее и охранять. Вотъ въ чемъ, странникъ, заключается наша свобода».—«И вы надѣетесь—спросилъ Гіацинтъ—что этотъ американскій зародышъ, плодъ самой развитой цивилизаціи, пріймется у васъ и возростетъ среди вашего варварства?»—«Да вѣдь дѣло уже сдѣлано», отвѣчалъ негръ.—«Позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ; свобода есть прежде всего вопросъ расы.»—«Это вопросъ воспитанія, сказалъ негръ. Съ тѣхъ поръ, что̀ мы прониклись американскимъ духомъ, мы чувствуемъ себя также способными къ самоуправленію, какъ и тѣ тысячи ирландцевъ и нѣмцевъ, которые ежегодно переселяются въ Соединенные-Штаты и тамъ преобразуются, подобно намъ. Въ три поколѣнія мы овладѣемъ долиною Нигра; остальное будетъ лишь вопросомъ времени.» Долго еще Гіацинтъ бесѣдовалъ съ этимъ гражданиномъ Либеріи, и гуляя, въ ожиданіи феи, по улицамъ Монровіи, онъ осмотрѣлъ портъ, магазины, церкви, школы, библіотеки, и убѣдился, къ большому своему удивленію, что хотя эти негры и не мухоловы, однако они нисколько не хуже ихъ.

Возвратившись опять къ себѣ, Гіацинтъ заперся въ свой кабинетъ и начерталъ конституцію, состоящую изъ двѣнадцати статей, и которая была лишь воспроизведеніемъ хартіи Либеріи. Въ сущности, это было сороковымъ изданіемъ той конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, которая обходитъ весь новый міръ и которая, чего добраго, когда нибудь попадетъ и къ китайцамъ. Къ этой конституціи Гіацинтъ присоединилъ декретъ, измѣнявшій государственную печать. Старый девизъ: *«Все для меня, и все чрезъ меня»* — былъ замѣненъ словами: *«Жить и давать жить»*, — слова весьма таинственныя для мухоловъ, и смыслъ которыхъ они еще не поняли. Когда «Оффиціальная Истина» обнародовала эти два государственные акта, то восторгъ былъ неописанный. Но Гіацинтъ уже достаточно зналъ своихъ мухоловъ, чтобы очень полагаться на этотъ восторгъ, или огорчаться тѣми нападками на конституцію, которые, какъ онъ зналъ, на другой же день начнутся.—Извѣстіями объ обнародованіи конститу-

ціи собственно заканчиваются лѣтописи мухолововъ, «Annales Gobemouchorum», исчерпанныя авторомъ; но изъ сообщаемыхъ имъ въ послѣдней главѣ отрывковъ изъ различныхъ газетъ, болѣе или менѣе распространенныхъ у мухолововъ, видно, что Гіацинтъ употребилъ всѣ старанія, чтобы конституція его стала истиной. Судя, по крайней мѣрѣ, по нападкамъ, которые встрѣчаются въ этихъ газетахъ на Гіацинта, «этого мечтательнаго юношу», и на его конституцію, а также судя по крайне рѣзкимъ парламентскимъ рѣчамъ графа *Touche-à-Tout*, перешедшаго въ оппозицію, слѣдуетъ заключить, что у мухолововъ установилась полная свобода слова и печати.

XII.

Не знаемъ, суждено ли будетъ сказкѣ Лабуле, изъ которой мы извлекли наиболѣе существенныя мѣста, заинтересовать читателей въ такой же степени, въ какой во-время-оно заняла многихъ его книга: «Paris en Amerique». Ближайшій, такъ сказать, національный интересъ, сказка эта, разумѣется, будетъ имѣть для самихъ французовъ, и они въ ней откроютъ, вѣроятно, многія черты сходства съ оригиналомъ, съ котораго списанъ портретъ мухолововъ, и найдутъ въ ней, конечно, не мало намековъ на господствующіе нравы и порядки, и на личности, болѣе или менѣе извѣстныя въ политическихъ сферахъ. Вѣроятно также, что французы не назовутъ Лабуле за его рѣзкіе отзывы о мухоловахъ клеветникомъ и человѣкомъ, оскорбляющимъ ихъ національное достоинство: помимо всѣхъ ихъ недостатковъ, мухоловы— этого автору незачѣмъ было говорить, это подразумѣвается само собою—народъ весьма цивилизованный, который имѣетъ на столько такта и ума, что ему можно сказать правду, какъ бы она горька и непріятна ни была для его самолюбія.

Впрочемъ, сказка Лабуле, какъ политическая сатира, многимъ покажется даже недостаточно злою, недостаточно ядовитою. Бóльшій или меньшій сарказмъ въ этомъ случаѣ, разумѣется, зависитъ прежде всего отъ свойства таланта автора и отъ цѣлаго его направленія. И Лабуле, хотя политическія симпатіи его принадлежатъ Сѣверной Америкѣ—въ этомъ можно, между прочимъ, убѣдиться изъ предисловія къ его исторіи Соединенныхъ-Штатовъ—дѣйствительно принадлежитъ къ умѣреннымъ публицистамъ. Это можно бы поставить ему въ вину только въ такомъ случаѣ, если бы болѣе или менѣе радикальнымъ направленіемъ вообще измѣрялось достоинство какого-бы то ни было литературнаго произведенія. Но, независимо отъ этого, нельзя не замѣтить, что—иная задача политическаго памфлета, и иная— политической сатиры, въ какой бы формѣ она ни являлась. Въ настоящемъ случаѣ, авторъ вовсе не имѣлъ въ виду написать обвини-

тельный актъ противъ современнаго французскаго цезаризма. Такіе обвинительные акты давно написаны. Лабуле гораздо болѣе занимаютъ тѣ черты народнаго характера французовъ, которыя они сохраняли при всѣхъ режимахъ, и которыми они обязаны своему одностороннему политическому воспитанію, полученному ими еще въ періодъ старой французской монархіи и послѣ доконченному во время первой имперіи. Показать, какъ привыкли разсуждать любезные мухоловы о политическихъ вопросахъ, какому методу они при этихъ разсужденіяхъ слѣдуютъ, какъ обыкновенно относятся они къ предержащимъ властямъ, и власти къ нимъ самимъ, и какъ, въ концѣ концовъ, изолгался оффиціальный языкъ, которымъ говорятъ у мухолововъ—таковы ближайшія цѣли, которыя авторъ преслѣдуетъ. При этомъ, самая форма волшебной сказки съ ея мягкимъ тономъ и съ ея вставочными эпизодами, въ которыхъ тянется—нѣсколько длинновато—частная исторія дѣйствующихъ лицъ, постоянно еще какъ будто сглаживаетъ сатирическія колкости.

Лучшія мѣста въ этой сказкѣ, понятно, тѣ, въ которыхъ авторъ можетъ оставаться публицистомъ, т. е., въ которыхъ дѣйствующія лица трактуютъ о политическихъ вопросахъ. И вотъ, именно эти мѣста наводятъ на мысль, что самый либеральный писатель, подвергающій въ настоящее время критикѣ извѣстный общественный порядокъ, принужденъ будетъ относиться къ нему несравненно умѣреннѣе, чѣмъ въ былыя времена. Дѣло въ томъ, что условія общественной и политической жизни стали вездѣ гораздо сложнѣе прежняго, вопросы, связанные съ нею, гораздо спеціальнѣе — не только для спеціалистовъ, — политическій міръ вездѣ и въ особенности во Франціи нѣсколько состарѣлся, и потому пріемы, которыми довольствовались прежде при критикѣ общественныхъ явленій, и которые, положимъ, были въ обычаѣ въ той же Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — теперь почти немыслимы. Пріемы эти, позволявшіе, для очищенія почвы, рубить съплеча, — теперь непригодны. Историческая дѣйствительность сложилась послѣ первой французской революціи на болѣе раціональныхъ основаніяхъ; весь юридическій и экономическій бытъ преобразовался, и на очень крупныя аномаліи въ этомъ быту, по крайней мѣрѣ такія, которыя не были бы обусловлены формой государственнаго строя, даже и во Франціи, уже нельзя указать. Такимъ образомъ, вопросъ сводится, для французскаго публициста, главнымъ образомъ на состояніе политическихъ учрежденій. Учрежденіями политическаго и административнаго порядка Лабуле главнымъ образомъ и занимается. Нетрудно, конечно, согласиться въ томъ, что дѣйствительное, практическое состояніе во Франціи учрежденій этого порядка не соотвѣтствуетъ ни тѣмъ многочисленнымъ экспериментамъ, которыя страна, точно для общей, а вовсе не для своей пользы предпринимала, ни тѣмъ жертвамъ, ко-

торыхъ эти эксперименты стоили. Но и при этомъ политическому писателю, защищающему свой взглядъ на эти учрежденія, нельзя уже ограничиваться предположеніемъ, что противники его, имѣющіе на нихъ другой взглядъ, отстаивающіе, положимъ, существующее ихъ состояніе, круглые невѣжды, съ которыми не стоитъ тратить словъ, а напротивъ, приходится постоянно имѣть въ виду ихъ возраженія. Эти противники— имъ нельзя отказать въ томъ, научились весьма не дурно разсуждать и имѣютъ обыкновенно въ запасѣ кое-какіе доводы. Чего, кажется, ограниченнѣе политическаго пониманія, которымъ отличается графъ *Touche-à-Tout!* Однако, отстаивая централизацію и возражая Гіацинту, почтенный министръ касается самаго корня вопроса, когда выражаетъ мнѣніе, что коснуться централизаціи нельзя, не коснувшись всей системы государственнаго управленія. Такое мнѣніе — безпристрастіе заставляетъ сказать это — имѣетъ гораздо бóльшую цѣну, чѣмъ тѣ поверхностно-либеральныя мнѣнія, которыя щеголяютъ выраженіями: децентрализація и самоуправленіе, но понимаютъ эти термины въ самомъ узкомъ смыслѣ. Отъ осуществленія такихъ мнѣній, цѣльность бюрократическаго строя нисколько не была бы нарушена, въ него введена была бы лишь нѣкоторая фальшь, а для дѣйствительной гражданской свободы почва нисколько не была бы подготовляема.

Итакъ, существуетъ довольно причинъ, по которымъ критическіе пріемы, во вкусѣ восемнадцатаго вѣка, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ политическому настроенію нашего времени. На національную подписку, которая въ послѣдніе годы открыта была при редакціи газеты «Siècle» въ честь Вольтера, ему будетъ воздвигнутъ всенародный памятникъ; но такъ-называемый вольтеріанизмъ, сдѣлавши свое дѣло, уже и во Франціи не болѣе, какъ преданіе. Это преданіе можно, конечно, подогрѣвать, какъ это и дѣлаетъ небольшая литературная партія, и наиболѣе талантливый представитель ея Эдмондъ Абу,—тотъ самый писатель, романистъ и публицистъ, который приглашается на компьенскіе праздники, и который, за привязанность свою ко второй имперіи, былъ украшенъ орденомъ почетнаго легіона! Небольшая еженедѣльная газетка «la Gazette de Hollande», которая появилась лѣтомъ прошлаго года, должна была, перечисляя всѣхъ новоукрашенныхъ въ день годовщины Наполеона, пятнадцатаго августа, назвать прежде всѣхъ этого послѣдователя Вольтера:

> Cet officier, qui les commande,
> C'est About. Cet auteur si franc
> A pour devise, il faut qu'on rend
> A Voltaire ce qu'on lui prend.

Газетка эта, съ сатирическимъ направленіемъ, тоже поставила себѣ цѣлію поддерживать вольтеровскія традиціи. Съ этою цѣлію она уже

внѣшнимъ видомъ своимъ—она печатается на толстой бумагѣ, старинным шрифтомъ, въ форматѣ in-quarto—должна напоминать собою тѣ газетные листки, которые, въ половинѣ XVIII столѣтія, при строгости французской цензуры, печатались за-границею, преимущественно въ Голландіи и, какъ контрабанда, проскользали во Францію. Но только одинъ внѣшній видъ и оправдываетъ названіе, которое она себѣ присвоила, потому что во главѣ своей она печатаетъ *Avis*—что префектъ полиціи разрѣшилъ ея продажу на улицахъ! Издается она не безъ нѣкотораго литературнаго таланта, но бьетъ преимущественно на мелкій скандалъ, печатая записки великой герцогини Герольштейнской и фельетоны сподвижника ея генерала Бума. Обращаясь къ публикѣ, она обѣщаетъ ей разсказать всякіе скандалы, а въ случаѣ нужды, обѣщаетъ и сама ихъ приготовить:

On te dira tous les scandales...
On en fera même au besoin.

Въ виду этихъ выродившихся сыновъ Вольтера и того хаоса перепутавшихся нравственныхъ и политическихъ идей, какой представляетъ современная Франція,—стихъ, «облитый горечью и злостью», какой Франція имѣла въ тридцатыхъ годахъ въ «Ямбахъ» Барбье, былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Что́ въ самой Франціи чувствуется потребность въ такомъ стихѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Барбье теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, перечитывается во Франціи: въ прошломъ году, его «Ямбы» и другія поэмы вышли шестнадцатымъ изданіемъ. Вторая имперія, вдохновившая только Виктора Гюго на такія мало-поэтическія пѣснопѣнія, какъ его «Châtiments», не имѣетъ еще пока своего сатирика. Но одно уже обращеніе общества къ поэту, который имѣлъ полное право сказать, что «жесткій и грубый стихъ его—честный человѣкъ»—

Mon vers rude et grossier est honnête homme au fond!

—служитъ, конечно, хорошимъ симптомомъ.

В. О.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КНИГА ГЕРЦОГА АРГАЙЛЯ: *ЦАРСТВО ЗАКОНА.*

The reign of law, by the duke of Argyll. London. 1867.

Къ числу болѣе крупныхъ явленій англійской литературы за последнее время принадлежитъ сочиненіе герцога Аргайля: «Царство Закона». Въ какой нибудь годъ, оно успѣло выдержать четыре изданія. Успѣхъ этотъ, конечно, нельзя объяснять однимъ аристократическимъ именемъ автора. Въ Англіи, гдѣ лордъ Дерби переводитъ Гомера и рѣдкій изъ государственныхъ людей не имѣетъ имени въ литературѣ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на заглавномъ листѣ ученаго сочиненія красуется аристократическая фамилія. Это тамъ въ порядкѣ вещей; значитъ, успѣхомъ своимъ книга герцога Аргайля обязана и содержанію своему. На нашъ взглядъ она нѣсколько обща, нѣсколько отвлеченна, и потому, еслибы, положимъ, она была переведена на русскій языкъ, то едвали бы пріобрѣла себѣ большой кругъ читателей. Впрочемъ, такъ какъ сочиненіе это, по содержанію своему, прежде всего относится къ естественнымъ наукамъ — авторъ всего долѣе останавливается на господствѣ закона въ явленіяхъ физическаго міра — то мы и не беремся судить о немъ въ цѣломъ его объемѣ; заговорили же мы о немъ потому, что авторъ, покончивши съ вопросами естественныхъ наукъ, касается господства закона въ области духа и, затѣмъ, въ общественной жизни. Объ этой послѣдней, довольно обширной главѣ: *Law in politics* (стр. 354—438), мы и желаемъ сказать нѣсколько словъ, ограничившись относительно цѣлаго сочиненія лишь самыми общими указаніями на содержаніе его.

Первыя двѣ главы, посвященныя вопросу о сверхъестественномъ (стр. 1—52) и опредѣленію того, что̀ такое законъ (стр. 53—123), устанавливаютъ границы изслѣдованія и терминологію предмета. Безпредѣльный въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества кругъ сверхъестествен-

наго, постепенно, съ успѣхами знанія ограничивается, и взглядъ на природу, наполненный представленіями о сверхъестественномъ, замѣняется не только убѣжденіемъ, что господство «закона» въ ней всеобщее, но и своего рода вѣрой, что если какое-либо явленіе кажется намъ нарушеніемъ обыкновенныхъ законовъ естества, то это только потому, что мы не знаемъ закона, въ силу котораго это явленіе наступило. Какой бы отпечатокъ сверхъестественнаго и чудеснаго ни носили на себѣ явленія природы, но пока мы увѣрены, что существуетъ законъ, хотя и неизвѣстный намъ, вызвавшій эти явленія, — мы отрицаемъ сверхъестественное. Но, въ такомъ случаѣ, самое выраженіе *природа*, какъ предположеніе того, что естественно, слѣдуетъ брать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ томъ смыслѣ, въ которомъ, говоря словами поэта, она заключаетъ въ себѣ «все, что въ безпредѣльномъ океанѣ, въ животворномъ воздухѣ, въ голубомъ воздушномъ пространствѣ и въ душѣ человѣка». Обыкновенно же природу отождествляютъ съ физическимъ міромъ, которому противупоставляется весь нравственный и духовный міръ человѣка. Такое различіе, конечно, оправдывается тѣмъ, что внутренній міръ человѣка стоитъ подъ опредѣленіями иныхъ законовъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ внѣшнимъ, и что въ человѣкѣ заключается та творческая способность, которая одна уже неизмѣримо возвышаетъ его надъ инстинктивною жизнію животныхъ. Но, говоря о природѣ въ обширномъ смыслѣ слова, нельзя выдѣлять изъ нея явленій психической жизни человѣка: не считаетъ же себя человѣкъ существомъ сверхъестественнымъ. Такъ-называемое господство человѣка надъ природою опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ онъ находится къ ея физическимъ законамъ. Человѣкъ открываетъ эти законы, удостовѣряетъ ихъ и затѣмъ пользуется ими, но онъ не въ состояніи ни установить новый законъ, ни отмѣнить существующій. Все что дано человѣку, — это пользоваться взаимодѣйствіемъ этихъ законовъ. При знаніи и умѣньи онъ можетъ ихъ сдѣлать орудіями своей воли, и благодаря открытіямъ въ этомъ отношеніи, множество вещей, которыя казались бы въ прежнее время по меньшей мѣрѣ *противо*-естественными, кажутся намъ совершенно натуральными. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его критикѣ тѣхъ взглядовъ, которые существуютъ въ англійской теологіи о чудесномъ и о чудесахъ. Замѣтимъ только, что авторъ—съ тѣмъ уваженіемъ къ религіозному чувству, которое такъ часто встрѣчается въ англійскихъ сочиненіяхъ, — останавливаясь на мнѣніи, высказанномъ Гизо въ его брошюрѣ о церкви и христіанскомъ обществѣ (1861 г.), а именно, что вѣра въ чудесное составляетъ необходимый аттрибутъ не только христіанской, но и всякой положительной религіи — окончательно приходитъ къ слѣдующему результату: пусть тѣ, которымъ трудно допустить что-либо сверхъестественное, а равно и тѣ, которые настаиваютъ на

необходимости его, — предварительно опредѣлять: какъ далеко простирается естественное?

Законъ, въ самомъ простомъ его научномъ смыслѣ, означаетъ извѣстный порядокъ явленій, удостовѣренный наблюденіемъ и на столько постоянный, что можно заключать о его необходимости. Неизбѣжный вопросъ, который при этомъ ставится, заключается въ томъ: какимъ образомъ, т. е. дѣйствіемъ какихъ именно силъ вызванъ этотъ порядокъ? Далѣе: такъ какъ явленія — ни въ мірѣ физическомъ, а тѣмъ менѣе въ мірѣ нравственномъ и общественномъ—не суть результатъ одной какой-либо силы, а вызываются, напротивъ, многими, совокупно дѣйствующими силами, то спрашивается, какое сочетаніе этихъ силъ требовалось, чтобы породить извѣстный порядокъ? Такимъ образомъ, съ понятіемъ закона, въ научномъ смыслѣ слова, неразлучно связано понятіе силы, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій, неизмѣнно послѣдовательныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ, въ этомъ смыслѣ, означаетъ не только правило, согласно съ которымъ что-либо совершается, но и самую причину, производящую извѣстныя дѣйствія, или которою по крайней мѣрѣ объясняются эти дѣйствія. Какъ лучшій примѣръ закона въ этомъ смыслѣ, авторъ приводитъ самый общій изъ физическихъ законовъ, — господствующій во всемъ пространствѣ законъ тяготѣнія, потому что въ немъ выраженъ не только извѣстный порядокъ, въ которомъ движутся небесныя тѣла, но и указана причина этого движенія, т. е. въ точности опредѣлена, измѣрена и вычислена сила притяженія, вынуждающая это движеніе и объясняющая его. Въ открытіи этого закона заключается, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ самыхъ мощныхъ проявленій чистаго разума, до котораго человѣкъ когда-либо возвышался; но точнымъ удостовѣреніемъ одной индивидуальной силы, какъ бы безгранично ея господство ни было, не исчерпывается еще, по мнѣнію автора, понятіе закона. Это понятіе распространяется, какъ мы впрочемъ уже упомянули, на сочетаніе силъ, необходимыхъ для достиженія извѣстной цѣли. Каждая сила въ природѣ, свободная «въ границахъ закона», должна быть уважена въ ея особенности, дабы можно было привести ее въ сочетаніе съ другими и достигнуть извѣстнаго результата. Неизмѣнныя требованія закона, которымъ эти силы повинуются, должны быть удовлетворены, чтобъ получить отъ нихъ желаемое дѣйствіе. Этой необходимой цѣлесообразности въ сочетаніи силъ, вытекающей изъ господства закона, и на которой зиждется весь порядокъ природы, авторъ посвящаетъ особую главу, точно также какъ и кажущимся исключеніямъ изъ этой цѣлесообразности (гл. 3 и 4). Слѣдующая, пятая глава, а именно: «Творчество посредствомъ закона», — посвящена подробному разбору теоріи Дарвина. Переходя затѣмъ къ господству закона въ явленіяхъ духовнаго міра человѣка и сосредоточивая свое изслѣдованіе глав-

нымъ образомъ на вопросѣ о происхожденіи идей и на извѣстной контроверсѣ о свободѣ воли, авторъ старается примирить крайніе взгляды.

Если подъ идеями понимать тѣ представленія, которыя, какъ указываетъ самое слово, заключаютъ въ себѣ «образы» вещей, то несомнѣнно, что происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны внѣшнимъ впечатлѣніямъ и, значитъ, опыту. Но если, напротивъ, говоря объ идеяхъ, мы включаемъ въ этотъ терминъ что-либо изъ мыслящей способности или изъ самаго метода, по которому эта способность переработываетъ грубый матеріалъ, доставляемый мысли дѣйствительностію, — то точно также несомнѣнно, что идеи въ этомъ смыслѣ прирождены человѣку, и что подражаніе, опытъ и такъ называемая ассоціація идей только слагаютъ свой матеріалъ въ формы, уже готовыя для принятія его. Вообще же каждая идея, какъ нѣчто весьма сложное, образуется при помощи крайне разнородныхъ элементовъ. Въ ней сходятся тѣ тысячи нитей, которыми, по выраженію Мефистофеля, работаетъ «фабрика мысли». Все, что возбуждаетъ дѣятельность мысли и производитъ ощущенія, приходитъ извнѣ; но та форма, въ которую ощущенія складываются, та ткань мысли, которая изъ нихъ выработывается, словомъ, все, что составляетъ мысль въ отличіе отъ вещей, о которыхъ мы мыслимъ, принадлежитъ самой мыслящей способности.

Образъ мыслей человѣка опредѣляетъ его дѣйствія, его поступки. Но всегда ли эти дѣйствія — плодъ его сознательной, свободной воли? Мы говоримъ, и совершенно справедливо, что наша воля свободна; но спрашивается, свободна она отъ *чего?* Упускаютъ обыкновенно изъ виду, что свобода не есть абсолютный, а лишь относительный терминъ, уже потому, что въ мірѣ нѣтъ ничего, чтобъ существовало совершенно и абсолютно-одиноко, внѣ связи съ окружающимъ. Итакъ, въ какомъ же смыслѣ наша воля свободна? Свободна она отъ вліянія мотивовъ? Конечно, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ: что̀ означаютъ мотивы? — *Мотивъ* буквально означаетъ то, что̀ двигаетъ человѣкомъ, направляетъ его. Подобно другимъ словамъ, употребляемымъ для обозначенія понятій и явленій нравственнаго порядка, это слово заимствовано изъ языка, которымъ говорятъ о матеріальныхъ вещахъ, и указываетъ на любопытную сторону въ исторіи человѣческаго языка. То, что̀ двигаетъ человѣкомъ въ извѣстномъ направленіи, представляется силой, и изъ совокупности такихъ силъ вытекаютъ, въ общемъ смыслѣ слова, законы, опредѣляющіе человѣческія дѣйствія. Трудность свести эти силы или законы, дѣйствующія на духовную природу человѣка, въ систему, заключается въ ихъ огромномъ количествѣ и разнообразіи. Разнообразіе это соотвѣтствуетъ разнообразію тѣхъ силъ, которыми одаренъ человѣческій духъ, потому что, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ требуется необходимая воспріимчивость для того, чтобы извѣстная сила могла оказать свое дѣй-

ствіе. Подобно тому, какъ полярная сила магнетизма дѣйствуетъ на различные металлы въ различной степени, и существуетъ множество веществъ, которыя совершенно нечувствительны къ этой силѣ, точно также тысячи вещей, оказывающихъ притягательную силу на умъ цивилизованнаго человѣка, не будутъ имѣть никакого дѣйствія на умъ дикаря. Но какъ ни различна вообще въ этомъ смыслѣ степень воспріимчивости въ человѣкѣ, смотря по его развитію, и какъ ни властны надъ нимъ мотивы, вытекающіе изъ природы его, человѣкъ тѣмъ отличается отъ животныхъ (которымъ авторъ не отказываетъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ даже свободной воли), что, обладая мыслящею способностію, вѣрованіями, чувствомъ справедливости, онъ способенъ выбирать между различными мотивами, дѣйствующими на него. Разумѣется, что одаренный этою способностію выбора между мотивами и критически относясь къ нимъ, человѣкъ часто долженъ испытывать борьбу, въ которой окончательное торжество будетъ по большей части опять-таки на сторонѣ сильнѣйшаго мотива, которому онъ подчиняется; только этотъ мотивъ, при свѣтѣ разума и совѣсти, будетъ вытекать изъ менѣе грубыхъ инстинктовъ человѣческой природы. Во всякомъ случаѣ, допустивши разъ эту свободу выбора между мотивами, нельзя уже говорить о томъ всесильномъ принужденіи, которое оказываетъ фатальное стеченіе обстоятельствъ на волю, лишая ее всякой самоопредѣляемости; по крайней мѣрѣ, въ здоровомъ состояніи умственныхъ способностей, нельзя говорить о такомъ принужденіи. Какъ во всякой другой борьбѣ, такъ и въ этой, человѣкъ можетъ устоять и можетъ пасть и — vae victis! Безконечно-долгія препирательства о томъ, свободна ли воля въ ея опредѣленіяхъ, или она всегда повинуется необходимости, т. е. извнѣ дѣйствующимъ на нее силамъ, привели наконецъ ко взаимнымъ уступкамъ со стороны спорящихъ. По крайней мѣрѣ, наиболѣе талантливый защитникъ теоріи необходимости, Стюартъ Милль, въ новомъ своемъ сочиненіи о философіи Гамильтона, отвергаетъ самый терминъ «необходимость», какъ порождающій мысль о какомъ-то таинственномъ принужденіи воли, и предлагаетъ его замѣнить другимъ—«неизмѣняемостью послѣдствій» (invariability of sequence). Въ сущности, это значитъ лишь то, что при одинаковыхъ антецедентахъ, дѣйствующихъ на волю, рѣшенія ея также будутъ неизмѣнно одинаковы. Но въ этомъ исправленномъ видѣ теорія необходимости заключаетъ въ себѣ собственно такъ-называемый «труизмъ», который можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: зная все, что̀ дѣйствуетъ на волю человѣка и опредѣляетъ его образъ дѣйствій, мы въ состояніи опредѣлить, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Предположеніе, изъ котораго мы въ такомъ случаѣ выходимъ, заключаетъ въ себѣ очевидно весьма многое: если бы мы знали всѣ мотивы, которые извнѣ дѣйствуютъ на человѣка, а также

всѣ мотивы, которые вытекаютъ изъ собственной его природы и изъ скопленнаго имъ жизненнаго опыта, — а равно если бы мы знали нравственную конституцію человѣка на столько, чтобы опредѣлить, какой вѣсъ будутъ имѣть на него всѣ эти различные мотивы, — то тогда, конечно, мы могли бы съ нѣкоторою достовѣрностію предсказать, какъ онъ поступитъ въ такомъ или другомъ случаѣ.

Много времени и успѣховъ въ изученіи природы требовалось, чтобы установилось убѣжденіе въ господствѣ естественнаго закона въ явленіяхъ матеріальнаго міра, и еще гораздо больше времени и успѣховъ знаній нужно было, чтобы въ умѣ человѣка зародилась мысль о естественномъ законѣ, примѣнимомъ къ нему самому не только въ его индивидуальной, но и въ общественной жизни. Въ общественной наукѣ слишкомъ долго господствовало направленіе, аналогическое съ тѣмъ, на преобладаніе котораго въ области естественныхъ наукъ Бэконъ такъ горько жаловался. Писатели старались изъ собственныхъ мыслей извлечь то, что̀ могло бы быть пріобрѣтено только путемъ терпѣливаго изслѣдованія фактовъ. Для поясненія этого, авторъ представляетъ сжатые очерки политическихъ ученій Платона и Аристотеля. Останавливаться на нихъ мы не имѣемъ повода потому, что въ нихъ взяты именно тѣ стороны этихъ ученій, которыя наиболѣе общеизвѣстны. Кромѣ того, въ подтвержденіе той же мысли — о методѣ, которому долго слѣдовали въ изученіи тѣхъ законовъ общественной жизни, которые считались естественными — могли бы быть приведены любопытные примѣры изъ исторіи естественнаго права, но эта исторія, не смотря на нѣсколько энциклопедическій характеръ разсматриваемаго сочиненія — terra incognita для автора. Впрочемъ, въ какомъ бы смыслѣ мы ни называли законы естественными, они, точно также, какъ и положительные, всегда имѣютъ одну цѣль — служить сдержками человѣческихъ дѣйствій. Эти сдержки могутъ быть названы искусственными, въ противоположность естественныхъ сдержекъ, поставляемыхъ индивидуальнымъ разумомъ. Но такъ какъ мотивы, опредѣляющіе поведеніе человѣка, не всегда разумные, то ясно, что то, что̀ люди натурально дѣлаютъ, не служитъ еще яснымъ признакомъ того, что̀ они должны дѣлать, или что̀ имъ можно позволить дѣлать. При извѣстныхъ условіяхъ, природа ихъ побуждаетъ дѣлать то, что̀ дурно и вредно для нихъ самихъ и для другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе трудная задача общественной науки заключается въ опредѣленіи: когда и какимъ образомъ разумно противопоставлять авторитетъ закона тѣмъ человѣческимъ мотивамъ, которые обыкновенно называются естественными? Вопросъ здѣсь, другими словами, сводится къ тому: на сколько злоупотребленіе этими мотивами можетъ быть сдержано тѣмъ публичнымъ авторитетомъ, котораго обязанность и назначеніе — стать выше вліяній, заглушающихъ въ отдѣльномъ человѣкѣ голосъ

разсудка и совѣсти? Вопросъ этотъ труденъ потому, что прямой путь авторитета, которымъ коллективная воля общества дѣйствуетъ на отдѣльныхъ его членовъ, не есть всегда самый вѣрный, такъ какъ онъ ведетъ обыкновенно къ болѣе усердной, чѣмъ разумной законодательной дѣятельности, къ регламентаціи и къ идеаламъ полицейскаго государства. Значитъ идти по этому пути слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что у коллективной воли остается еще другой способъ дѣйствія, косвенный, конечно, и медленный, но за то болѣе вѣрный — посредствомъ измѣненія самыхъ условій общественной жизни, изъ которыхъ вытекаютъ наиболѣе сильные мотивы человѣческихъ дѣйствій.

Чтобы разъяснить поставленный вопросъ, авторъ обращается къ исторіи законодательства въ Англіи за нынѣшнее столѣтіе. Въ теченіи этого періода, два великія начала открыты были въ наукѣ управленія: во-первыхъ, огромная выгода отъ уничтоженія всякихъ стѣсненій промышленности, и во-вторыхъ — абсолютная необходимость въ ограниченіяхъ труда, по видамъ общественнаго интереса. Около этихъ двухъ началъ, постепенно зрѣвшихъ и переходившихъ въ общественное сознаніе, вертѣлись, въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, парламентскія пренія, пока они, наконецъ, не проложили себѣ дорогу въ законодательство. Первое изъ этихъ началъ—освобожденіе промышленнаго труда — обязано своимъ развитіемъ Адаму Смиту. Мы увидимъ ниже, что англійскій *Common law* искони признавалъ свободу труда, какъ общее правило. Тѣмъ не менѣе, Адамъ Смитъ засталъ трудъ лишеннымъ естественной свободы, вслѣдствіе цеховыхъ и корпоративныхъ привилегій и монополій, запрещавшихъ заниматься нѣкоторыми ремеслами безъ позволенія тѣхъ, которые пользовались исключительными правами. Независимо отъ того, трудъ лишенъ былъ естественной свободы закономъ объ ученичествѣ, запрещавшимъ извѣстныя ремесленныя занятія всѣмъ тѣмъ, которые не прошли семилѣтняго періода ученія у мастеровъ. Кромѣ того, были ограниченія, мѣшавшія труду свободно обращаться отъ одного занятія къ другому въ одной и той же мѣстности, и наконецъ, ограниченія, не позволявшія заниматься даже однимъ и тѣмъ же промысломъ, но въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ виду всѣхъ этихъ стѣсненій труда, Адамъ Смитъ съ каѳедры нравственной философіи въ Гласгоускомъ университетѣ училъ, что слѣдуетъ каждому предоставить полную свободу въ избраніи рода занятій, и нечего опасаться, что на одну отрасль труда бросятся столько желающихъ, что въ другихъ отрасляхъ будетъ чувствоваться недостатокъ въ работникахъ; что при естественномъ ходѣ вещей и при полной экономической свободѣ нечего опасаться подобнаго нарушенія равновѣсія, и что лучшимъ регуляторомъ является въ этомъ отношеніи естественный законъ; что «европейская политика», какъ особенно часто выражается Адамъ Смитъ, нарушаетъ естественный ходъ экономи-

ческой жизни, такъ какъ она, вслѣдствіе ложнаго принципа, пытается путемъ законодательства, достигать результатовъ, которые легче могли бы быть достигнуты, если бы позволить каждому человѣку продавать произведенія его труда, гдѣ и когда ему угодно. Трудъ бѣдняка есть его капиталъ, и онъ имѣетъ естественное право распоряжаться имъ, по собственному усмотрѣнію. Что же касается охраны общества отъ дурныхъ или несовершенныхъ произведеній, то это всего лучше можетъ быть достигнуто чрезъ неограниченную конкурренцію. Таковы были нѣкоторыя положенія новой тогда доктрины Адама Смита.

Замѣчательно, что въ тѣ самые годы, въ теченіе которыхъ Адамъ Смитъ вырабатывалъ свой трактатъ объ источникахъ народнаго богатства, другіе умы, работавшіе совершенно въ другихъ сферахъ мысли, подготовляли событія, которыя должны были очень скоро показать, насколько ученія политико-эконома о свободѣ, какъ естественномъ регуляторѣ хозяйственныхъ отношеній, безусловно вѣрны, или могутъ быть допущены только при весьма значительныхъ ограниченіяхъ. Такъ при томъ же Гласгоускомъ университетѣ, въ которомъ Адамъ Смитъ читалъ свой курсъ, Джемсъ Уаттъ продавалъ въ темной лавчонкѣ математическіе инструменты. Изысканіями Уатта и многими годами его опытовъ одна изъ наиболѣе мощныхъ силъ природы покорена была человѣку. Онъ засталъ только грубый и несовершенный механизмъ, при которомъ эта великая сила напрасно растрачивалась. Онъ собралъ паръ въ новые сосуды, провелъ его въ лучшіе каналы, открылъ для него отверстія для выхода, устремляясь по которымъ, паръ дѣлалъ то, что̀ требовалось. Профессоръ нравственной философіи едва ли предвидѣлъ, что открытіе его скромнаго друга, по результатамъ своимъ, послужитъ къ ограниченію положеній его собственной политико-экономической доктрины. Между тѣмъ всѐ, что̀ Адамъ Смитъ зналъ объ Уаттѣ и объ его исторіи, казалось, служило лишь и въ дѣйствительности было поясненіемъ всѣхъ нелѣпостей, которыя влекли за собою существовавшія стѣсненія труда. Только потому, что Уаттъ не былъ уроженцемъ города Гласгоу, онъ лишенъ былъ законнаго права продавать въ этомъ городѣ произведенія своего труда и таланта. Духъ и законы корпораціи, пользовавшейся монополіей, строго исключали его, и корпорація молотобоевъ (hammersmen) настаивала на устраненіи его, изъ опасенія, «чтобы вторженіе иногородныхъ не причинило потерь и убытковъ гражданамъ и ремесленникамъ города Гласгоу». Сами рабочіе классы стояли за порядки, которые, ограничивая сбытъ ихъ труда извѣстною мѣстностію, обезцѣнивали его. Къ счастію, Гласгоускій университетъ имѣлъ свои привилегіи, исключавшія, на пространствѣ его владѣній, юрисдикцію муниципальныхъ властей и цеха, который, въ сущности, не былъ болѣе невѣжественъ и эгоистиченъ, чѣмъ большая часть его современниковъ. Случай, подобный съ Уаттомъ,

хотя еще неизвѣстнымъ, но уже пользующимся въ ближайшемъ кругу именемъ талантливаго человѣка, могъ только укрѣпить Адама Смита въ его мнѣніяхъ о свободѣ труда.

Предвидѣть тогда всѣ послѣдствія, которыя возникнутъ изъ освобожденнаго труда, поставленнаго въ новыя условія, нельзя было. Адамъ Смитъ очевидно не могъ заранѣе опредѣлить, чѣмъ окажутся для самихъ работниковъ эти новыя условія труда, которыя еще только подготовлялись. Главная роль въ готовящейся перемѣнѣ принадлежала изобрѣтенію Уатта. Но Уаттъ, съ его паровой машиной, былъ не одинъ; одновременно съ нимъ другіе работали надъ открытіями, которыя, замѣняя ручной трудъ машиннымъ, должны были измѣнить все матеріальное производство. Въ исторіи человѣчества почти постоянно встрѣчается тотъ фактъ, что долгіе періоды относительнаго застоя прерываются и заканчиваются болѣе краткими періодами почти сверхъестественной дѣятельности. И эта дѣятельность обыкновенно устремляется на такія изысканія, которыя на видъ совершенно независимы одно отъ другого, а между тѣмъ находятся въ связи, и умы, преслѣдующіе повидимому совершенно различныя цѣли, встрѣчаются на одной общей почвѣ. Результатомъ того бываютъ такія блестящія эпохи, какъ эпоха возрожденія—для искусства и литературы, эпоха реформаціи—для религіозныхъ вопросовъ, и для астрономическихъ наукъ—періодъ Галилея, Кеплера и Тихо-де-Браге. По словамъ герцога Аргайля, не менѣе замѣчательную эпоху, чѣмъ названная, составляютъ по послѣдствіямъ для общественной жизни — тѣ механическія открытія, которыми ознаменована въ Англіи послѣдняя четверть прошлаго столѣтія (Уаттъ, Гаргревъ, Аркрайтъ, Кромптонъ и Картрайтъ). Благодаря этимъ открытіямъ, возникла та фабричная система, которая ставила совершенно новыя условія для труда, — какихъ еще не знала исторія міра. Перемѣны, произведенныя, благодаря этимъ открытіямъ, въ цѣломъ бытѣ многомилліоннаго рабочаго населенія, были таковы, что настоятельно требовали и измѣненія положительныхъ законовъ.

Англійское обычное право (Common law), замѣтили мы выше, не установляло никакихъ ограниченій труда. Тѣже ограниченія, которыя существовали, возникли частію благодаря привилегіямъ и монополіямъ корпорацій и цеховъ — Іаковъ I, нуждаясь въ деньгахъ, особенно охотно жаловалъ промышленныя монополіи, на которыя парламентъ роптaлъ,—частію же благодаря статуту объ ученичествѣ (statute of apprenticeship). Статутъ этотъ, изданный въ царствованіе Елисаветы (1562), постановлялъ, что никто не вправѣ заниматься на свой счетъ какимъ бы то ни было ремесломъ или промысломъ, не пробывъ въ немъ въ теченіи семи лѣтъ ученикомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, статутъ опредѣлялъ, что самые договоры и условія о наймѣ работниковъ въ обученіе — недѣйствительны, если они заключены менѣе чѣмъ на семь

лѣтъ. Статутъ этотъ, какъ показываетъ Адамъ Смитъ [1]), воздвигалъ въ законъ то, что̀ прежде было лишь въ обычаѣ въ англійскомъ цеховомъ мірѣ. Но такъ какъ этотъ статутъ заключалъ въ себѣ отмѣну общихъ правъ, то суды постоянно толковали его въ ограничительномъ смыслѣ и, благодаря ихъ практикѣ, установились два многозначительныхъ исключенія въ примѣненіи статута. Во-первыхъ, суды признавали, что статутъ этотъ примѣнимъ только въ отношеніи тѣхъ ремеслъ и промысловъ, которые уже существовали во время изданія его и, значитъ, дѣйствіе его не распространяется на всѣ тѣ промышленныя занятія, которыя возникли со второй половины шестнадцатаго столѣтія; и во вторыхъ — что статутъ этотъ примѣнимъ къ промышленнымъ занятіямъ только въ городскихъ, но не въ сельскихъ округахъ. Такимъ образомъ, благодаря судебной практикѣ, даже старинные промыслы, если ими занимались внѣ городской черты, освобождались отъ дѣйствія этого статута.

Таковы были городскія условія промышленнаго труда, когда открытія современниковъ Адама Смита вызвали на свѣтъ неизвѣстныя дотолѣ занятія и открыли имъ возможность неограниченной конкурренціи, выгоды которой великій экономистъ возводилъ въ общій принципъ. Открытія эти имѣли ближайшею цѣлію усовершенствовать прядильное и ткацкое производства. Еще въ 1760 г., самопрялка (spinning-wheel) и ткацкій станокъ, употребляемые въ Іоркшейрѣ, представляли очень незначительное усовершенствованіе сравнительно съ первобытными орудіями производства. Прялка же, изображеніе которой встрѣчается на египетскихъ памятникахъ, была, по свидѣтельству герцога Аргайля, еще немногіе годы тому назадъ въ употребленіи въ шотландскихъ *гейландахъ*. Отличительная черта этой старинной промышленности, насколько она касалась общественнаго быта, заключалась въ ея домашнемъ, семейномъ характерѣ. Въ теченіи тысячелѣтій, —говоря словами поэта Уордсворта—«дѣвы сидѣли за прялкой, а ткачи за станкомъ, довольные и счастливые!» Картина этихъ довольныхъ и счастливыхъ прядильщицъ и ткачей, конечно, идиллія; но сравнительно съ тѣмъ, что́ ожидало ихъ на фабрикахъ, прежній патріархальный ихъ бытъ дѣйствительно могъ казаться относительно счастливымъ. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, стали замѣтны первые симптомы готовившагося въ промышленномъ мірѣ переворота. Уже нѣсколько ранѣе, именно въ 1733 году, приготовленіе ткани ускорилось, вслѣдствіе изобрѣтенія челнока-самолета (fly shuttle). Это до-крайности простое усовершенствованіе тканья имѣло своимъ послѣдствіемъ значительно увеличившійся запросъ на пряжу, и необходимое количество ея съ трудомъ добывалось посред-

---

[1]) Adam Smith, въ изд. Ашера, т. I, ст. 114 и 115.

ствомъ прежнихъ способовъ. Необходимость удовлетворить этой потребности повела къ изобрѣтенію усовершенствованныхъ прядильныхъ машинъ (Гаргрева, Аркрайта, Кромптона). Всѣ эти машины нуждались въ двигателѣ, и прежде чѣмъ къ нимъ явился на помощь паръ, такимъ двигателемъ была вода. Скоро каждый горный ручей, въ Іоркшейрѣ и Ланкшейрѣ, двигалъ какую нибудь фабрику. Устроенныя въ отдаленіи отъ населенныхъ мѣстъ, и потому вдали отъ центровъ полнаго предложенія труда, фабрики эти неиначе могли обезпечить себѣ достаточное число рукъ, какъ посредствомъ условій о наймѣ, которыя приковывали работниковъ къ работѣ на опредѣленное число лѣтъ. Достигнуть этого фабрики не могли иначе, какъ заключая съ работниками условія о наймѣ на основаніи статута объ ученичествѣ. Владѣльцы фабрикъ, набирая огромное количество рабочихъ въ «ученики», не заботились объ устройствѣ для нихъ сколько-нибудь сноснаго и приличнаго помѣщенія. Работавшія безъ устали машины заставляли забывать убыль человѣческихъ силъ, и неограниченное число рабочихъ часовъ доводило работника до изнеможенія. По мѣрѣ того, какъ дѣйствовала фабричная система, обнаруживались послѣдствія совмѣстнаго труда большихъ массъ на фабрикахъ: выростало цѣлое поколѣніе съ несомнѣнными признаками физическаго истощенія, невѣжества и нравственной порчи.

Извѣстно, что первый билль объ ограниченіи рабочаго времени на фабрикахъ внесенъ былъ въ парламентъ въ 1802 г. фабрикантомъ, которому новая промышленность доставила богатство и извѣстность— старшимъ сэръ Робертомъ Пилемъ. Также извѣстно, что благія послѣдствія предложеннаго имъ закона касались положенія только тѣхъ работниковъ, которые работали въ качествѣ учениковъ. Работавшихъ на фабрикахъ дѣтей, съ которыми не могло быть заключено контрактовъ, этотъ первый билль не касался. Господствовало убѣжденіе, что такъ какъ работники-ученики находились уже подъ дѣйствіемъ статутныхъ правилъ и способны были заключать законные контракты съ фабрикантами, то только въ пользу такихъ работниковъ законъ и могъ требовать ограниченія рабочихъ часовъ. О предложеніи же, клонившемся къ ограниченію «свободнаго» труда, какими бы страшными послѣдствіями этотъ свободный трудъ ни сопровождался, парламентъ и слышать не хотѣлъ. Чрезъ такую полураскрытую дверь прошелъ первый фабричный законъ 1802 года.

Между тѣмъ великое открытіе Уатта было закончено. Когда усовершенствованную паровую машину стали примѣнять къ фабричному производству, то уже не было выгоды строить фабрики въ сельскихъ округахъ; напротивъ, часто выгоднѣе было имѣть ихъ въ городахъ, гдѣ было большее предложеніе труда, и гдѣ топливо обходилось дешевле. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не было уже никакой причины заботиться

объ обезпеченіи фабрикъ рабочею силою на болѣе продолжительные сроки, посредствомъ контрактовъ объ ученичествѣ. Такъ-называемый «свободный» трудъ сталъ замѣнять на фабрикахъ работу «учениковъ». Запросъ теперь былъ на трудъ женщинъ и въ особенности дѣтей, такъ какъ они довольствовались меньшею платой, и для многихъ частей машиннаго производства совершенно достаточно было дѣтскихъ рукъ. Недостатка въ дѣтяхъ-работникахъ, разумѣется, не было, потому что заработки ихъ соблазняли родителей. Работали они все время, пока машина была въ ходу. Дѣйствія этой новой системы фабричнаго труда скоро обнаружились. Тринадцать лѣтъ спустя послѣ перваго билля, въ 1815 г., Робертъ Пиль снова явился предъ парламентомъ и доказывалъ, что этотъ билль сталъ безполезнымъ, что на фабрикахъ, дѣйствующихъ паромъ, нѣтъ уже «учениковъ», но что прежній, истощающій и деморализирующій трудъ составляетъ теперь удѣлъ многихъ тысячъ бѣдныхъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, настаивая въ палатѣ общинъ на принятіи новой мѣры къ огражденію дѣтскаго труда, Робертъ Пиль выразился, что ежели тѣ ограниченія, которыя были установлены для «учениковъ» не будутъ распространены на дѣтей, то великія механическія открытія, составлявшія славу вѣка, станутъ проклятіемъ для страны. Среди парламентскихъ преній о фабричныхъ законахъ поднимался тогда общій, далеко еще неразрѣшенный вопросъ: на сколько положительный законъ можетъ, въ интересѣ нравственныхъ цѣлей, ограничивать свободу отдѣльныхъ лицъ? Оппозицію противъ рестриктивныхъ мѣръ въ этомъ смыслѣ Коббетъ назвалъ борьбою «маммона противъ милосердія». И, безъ всякаго сомнѣнія, личные интересы играли не послѣднюю роль въ этой борьбѣ, но не одни они были источникомъ ея. Наиболѣе талантливые люди въ парламентѣ, нисколько лично не заинтересованные въ исходѣ этой борьбы, высказывались противъ ограниченія труда, который они называли свободнымъ. Развѣ рабочіе классы не вправѣ были заставлять дѣтей ихъ трудиться, какъ имъ было угодно? Кто лучше отцовъ и матерей въ состояніи былъ судить о способностяхъ и интересахъ ихъ дѣтей? Таковы были главные аргументы противниковъ ограниченія свободнаго труда. Но въ какомъ же смыслѣ трудъ этотъ въ дѣйствительности былъ свободенъ? Свобода отъ законнаго принужденія не означала еще свободы отъ всесильнаго для самихъ родителей мотива — наживы. Случалось, что родители одного такого несовершеннолѣтняго работника брали его съ фабрики часомъ ранѣе другихъ; въ такомъ случаѣ родители остальныхъ требовали совершеннаго его удаленія съ фабрики. Гдѣ мотивомъ труда служитъ крайняя бѣдность, борьба за существованіе, въ буквальномъ смыслѣ слова,—тамъ не только забота о физическомъ и нравственномъ благѣ дѣтей, но и самая опасность жизни не можетъ служить достаточною сдержкою. Разумѣется,

самые благонамѣренные законы, какими, наконецъ, послѣ долгой борьбы, явились въ Англіи многочисленные фабричные билли, въ состояніи были отвратить только крайнее зло безмѣрной, истощающей работы на самыхъ фабрикахъ. Положительнымъ же улучшеніемъ своего быта рабочіе классы обязаны своимъ промышленнымъ союзамъ (trades-unions), которые, каковы бы ни были опасенія, возбуждаемыя ими въ Англіи, именно въ настоящее время, подняли матеріальный и умственный уровень этихъ классовъ.

Познакомившись съ ходомъ изслѣдованія автора, въ заключеніе замѣтимъ, что матеріалъ, который переработанъ въ его сочиненіи, исключительно англійскій; а потому самое понятіе закона въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ черезъ-чуръ обобщено у него. Онъ собственно называетъ *закономъ*, какъ мы видѣли, все то, что́ на обыкновенномъ языкѣ зовется *силою вещей*, или еще лучше, *логикою* вещей. Можно, конечно, сказать, что это весьма общее понятіе закона, болѣе общее, чѣмъ то, которое заключается въ знаменитомъ опредѣленіи Монтескье: законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей. Но дѣло въ томъ, что, изслѣдуя явленія общественной жизни, нужно, прежде чѣмъ возводить въ законъ силы, вызывающія ихъ наружу, имѣть въ виду какъ можно бо́льшее число такихъ явленій, и притомъ взяты они должны быть изъ исторической дѣйствительности не одного какого-либо народа. Одинаковость явленій присуща понятію всякаго закона, и всего менѣе можно безъ этого признака обойтись въ понятіи общественнаго закона. Если у различныхъ народовъ, жившихъ въ совершенно особыхъ историческихъ условіяхъ, встрѣчаются въ общественномъ быту общія или, по крайней мѣрѣ, аналогическія явленія, то можно заключать, что однѣ и тѣ же причины вызываютъ эти явленія, и что причины эти коренятся въ одной и той же общественной природѣ человѣка. Съ этой точки зрѣнія, для констатированія какого бы то ни было общественнаго закона, необходимо пользоваться сравнительнымъ методомъ. Ограничившись же, какъ это дѣлаетъ авторъ, исключительно явленіями, хотя и весьма интересными явленіями англійской исторической дѣйствительности, можно, конечно, показать причинную связь между законодательствомъ страны и наиболѣе крупными фактами экономической жизни народа, но о «господствѣ закона», въ такомъ случаѣ, можетъ быть рѣчь только въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова.

В. УТИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

Когда, скоро послѣ открытія новыхъ судовъ, стали раздаваться голоса, сѣтующіе на то, что, будто бы, новый судъ стѣсняетъ административную власть и противодѣйствуетъ ей, то стоило только прислушаться — откуда исходятъ эти сѣтованія, чтобы понять ихъ причины. Со стороны общества такихъ жалобъ заявляемо не было потому, что для обыкновеннаго, неизвращеннаго бюрократическими тонкостями ума, кажется немыслимымъ, чтобы законность могла вредить кому бы то ни было, кромѣ нарушителей закона; чтобы отдѣленіе административной власти отъ судебной могло ослабить, а не укрѣпить ту и другую власти, требуя при этомъ отъ той и другой содѣйствія общему благу, а не завистливаго желанія господствовать. По прошествіи двухъ лѣтъ можно уже взглянуть на это дѣло спокойнѣе и безъ раздраженія объяснить: почему же нашлись люди неблаговолившіе къ новому суду?

При прежнемъ господствѣ произвола и отсутствіи уваженія къ личности, о чемъ мы уже не разъ до сихъ поръ говорили, не удивительно, что и представители всякой власти, а административной въ особенности, пользовались, въ прежнее время, не большимъ расположеніемъ и уваженіемъ со стороны общества. Они внушали частнымъ лицамъ страхъ и опасенія сообразно съ тѣмъ, насколько административное лицо стояло выше того, надъ кѣмъ оно свою власть обнаруживало. Поэтому мужика страшила власть станового, котораго помѣщикъ не пускалъ къ себѣ дальше передней; онъ кланялся въ ноги исправнику, который, въ свою очередь, меньше боялся выговоровъ губернскаго правленія, нежели чиновнаго барина, съ котораго ему приходилось производить взысканія. Отъ этого само собою установилось такое отношеніе администруемыхъ къ администраторамъ, что пред-

ставители полицейской власти служили источникомъ всякой бѣды для однихъ лицъ и посмѣшищемъ для другихъ. Похожденія квартальныхъ надзирателей въ родѣ того, о которомъ разсказано въ романѣ гр. Толстаго: «Война и Миръ», было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ нашей образованной средѣ, даже въ очень недавнее время. Но если молодое образованное сословіе тѣшилось надъ квартальными надзирателями, то люди пожилые, пользовавшіеся на старости лѣтъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, обращались съ представителями власти, и по-выше квартальныхъ, не менѣе презрительно. Все это являлось естественнымъ послѣдствіемъ того, что только недавно прекратилось кормленіе администраторовъ откупщиками и обывателями, дѣлавшее невозможнымъ безпристрастіе въ дѣйствіяхъ, съ одной стороны, и хотя какое нибудь уваженіе съ другой. Объ этомъ прежнемъ, печальномъ для администраціи времени, уже много говорилось въ нашей литературѣ, и притомъ говорилось людьми, близко знакомыми съ этимъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, бывшій московскій прокуроръ, нынѣшній предсѣдатель департамента московской судебной палаты, Ровинскій, говорилъ, что взятіе подъ стражу и освобожденіе арестанта служили для многихъ полицейскихъ средствомъ къ существованію. А г. Ланге утверждалъ, что не рѣдко взятіе подъ стражу и потомъ освобожденіе преступника дѣлались вслѣдствіе тайнаго покровительства разнымъ воровскимъ шайкамъ, составляющимъ для полиціи иногда весьма выгодную оброчную статью [1].

Можно положительно сказать, что какъ ни низко стояла въ общественномъ мнѣніи репутація судебныхъ дѣятелей въ старое время, но все же она никогда не спускалась до той степени, на которой стояла репутація представителей административной власти вообще и полицейской въ особенности.

Естественно, что такой порядокъ вещей не могъ измѣниться разомъ. Новое положеніе, въ которое поставлена, въ послѣднее время, административная власть, не могло тотчасъ же уничтожить прежнихъ на нее воззрѣній и разомъ поселить уваженіе къ ней въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что вѣдь большинство прежнихъ дѣятелей не оставило службы, а перенесло свои старыя привычки и наклонности на новыя мѣста. И долго бы еще пришлось всѣмъ должностнымъ лицамъ подвергаться всей невыгодѣ, завѣщанной старымъ порядкомъ вещей, если бы на помощь къ нимъ не явилось судебное преобразованіе. Его значеніе, въ этомъ отношеніи, заключается прежде всего въ томъ, что со дня открытія новаго суда административная власть отдѣлена отъ судебной, и этимъ не только той и другой дана необходимая свобода въ законныхъ дѣйствіяхъ, но еще и уничтожено вмѣшательство администра-

---

[1] Архивъ истор. и практич. свѣдѣній. 1859 г., кн. 2.

тивной власти въ дѣла судебныя, такъ часто подвергавшія ее справедливымъ нареканіямъ и отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ административной власти дана возможность прибѣгать къ содѣйствію скораго суда всякій разъ, когда представители ея подвергаются оскорбленіямъ или нападеніямъ со стороны частныхъ лицъ и при этомъ пользоваться всѣми выгодами суда публичнаго, гласнаго, при которомъ дѣйствія должностныхъ и частныхъ лицъ одинаково подвергаются оцѣнкѣ со стороны общества, и виновный не только несетъ заслуженное имъ законное возмездіе, но еще и подвергается карѣ общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, повидимому, въ настоящее время представители административной власти поставлены въ самое выгодное положеніе: обезпеченные въ своихъ нуждахъ, они не имѣютъ болѣе надобности прибѣгать къ поборамъ и милостямъ мѣстныхъ жителей,— они поставлены въ положеніе отъ окружающаго общества независимое; дѣятельность ихъ опредѣлена законными границами, отъ нихъ не могутъ болѣе требовать невозможнаго всевѣдѣнія и всезнанія; имъ дана полная возможность пріобрѣсти себѣ довѣріе своею дѣятельностью, и если они его себѣ не пріобрѣтутъ, то въ этомъ никто, кромѣ ихъ самихъ, не виноватъ.

При такомъ положеніи, непонятны, повидимому, причины, вызывавшія сѣтованія защитниковъ административной и полицейской властей на новый судебный порядокъ. Если не объяснять эти сѣтованія скрытымъ сожалѣніемъ о томъ блаженномъ времени, когда предѣлы властей были на столько неопредѣленны, что давали возможность вмѣшательству администраціи въ судебныя дѣла, въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, но въ ущербъ общему благу, когда всякія продѣлки администраціи и полиціи, также, какъ и беззаконія судовъ не выходили на свѣтъ Божій, но постоянно подкапывали всякое довѣріе частныхъ лицъ къ правительству,—то слѣдуетъ допустить, что дѣйствительно новые суды противодѣйствуютъ администраціи, что они въ самомъ дѣлѣ обнаружили до сихъ поръ наклонность къ оправданію лицъ, виновныхъ въ ослушаніи или оскорбленіи представителей власти. Но такого потворства нарушителямъ закона со стороны суда не найдетъ ни одинъ безпристрастный наблюдатель, слѣдившій до сихъ поръ за всѣми тѣми случаями, гдѣ новымъ судамъ, съ участіемъ присяжныхъ или безъ ихъ участія, приходилось рѣшать дѣла, въ которыхъ обвинителями являлись административныя власти. Если же лица, обвинявшіяся въ оскорбленіи и сопротивленіи этимъ властямъ, выходили изъ суда оправданными, то единственно потому, что обвиненію ихъ могли мѣшать незаконныя дѣйствія самихъ властей.

Напрасно было бы думать, что только страхъ наказанія, даже и не заслуженнаго, можетъ кому бы то ни было внушать уваженіе къ представителямъ власти и суду. А что эта мысль приходила многимъ

въ голову, это видно изъ того, что еще недавно въ Петербургѣ носился слухъ о томъ, что для разбора жалобъ полиціи и ея обвиненій желаютъ учрежденія особаго, полицейскаго суда. Трудно понять, что могло породить подобное предположеніе. Хорошія стороны нашего мирового суда, особенно въ столицахъ, уже обнаружились достаточно; быть не можетъ, чтобы, удовлетворяя все общество, мировой судъ не удовлетворялъ полицію. Не слѣдуетъ только забывать, что мировой судья имѣетъ право подвергать взысканію за неисполненіе лишь законныхъ требованій полиціи, т. е. такихъ распоряженій, которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства и власти; признавать же, что неисполненіе всякаго требованія полиціи, хотя бы оно явно выходило изъ предѣловъ предоставленной ей власти, подвергаетъ виновныхъ взысканію,—значило бы противорѣчить смыслу закона. «Отсюда», какъ сказано въ рѣшеніи кассаціоннаго сената [1]), «слѣдуетъ, что ежели судъ имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи лишь законныхъ требованій полиціи, то полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованій; эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или признать недостаточными». Такимъ образомъ, полиція, какъ и всякое частное лицо, обязана доказать свое обвиненіе. Иначе, уничтожатся основныя начала состязательнаго процесса, и судъ превратится въ простую машину, опредѣляющую взысканіе безъ разсужденія по каждому полицейскому акту или сообщенію. Насколько такой порядокъ будетъ служить къ пользѣ полиціи и суда, это видно во Франціи, гдѣ судъ исправительной полиціи не пользуется никакимъ значеніемъ въ обществѣ, которое смотритъ на его приговоры также недоброжелательно, какъ и на представителей полицейской власти, видя въ нихъ не охрану общественнаго порядка, а послушныя орудія правительственаго произвола. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ, соблазняетъ примѣръ Англіи, и находятся наивные люди, способные вѣрить, что уваженіе, которымъ пользуется англійская полиція вообще и лондонская въ особенности, зависитъ не отъ собственной дѣятельности полицейскихъ агентовъ, а отъ того, что лондонскіе полицейскіе суды, стоящіе, впрочемъ, совершенно независимо отъ администраціи и пользующіеся еще большею самостоятельностью, нежели наши суды, всегда заботятся объ охраненіи полицейской власти и строгими приговорами поддерживаютъ повиновеніе ей. Но совершенно не такъ смотрятъ на этотъ предметъ люди, съ нимъ дѣйствительно знакомые и объясняющіе иными причинами довѣріе и уваженіе, пріобрѣтенныя англійскою полиціею со стороны всѣхъ благомыслящихъ граж-

[1]) Рѣшен. уголовн. кассац. департ. сената, 1867 г. 9 янв., № 14.

данъ, которые сами примыкаютъ къ этой полицейской власти и дѣйствуютъ съ нею за одно тѣмъ охотнѣе, что въ Англіи не считается стыдомъ сближаться съ людьми, обязанными, по положенію своему, охранять право гражданъ. «Эти люди — говоритъ Миттермайеръ [1]) — не представляютъ вовсе власти, слѣдящей за политическимъ образомъ мыслей гражданъ и стѣсняющей свободное передвиженіе, что̀, конечно, возбудило бы недовѣріе къ дѣятельности полиціи. Эта полиція очень вѣрно обозначается названіемъ «розыскной силы», снабженной искусно составленными инструкціями и необходимыми средствами для предупрежденія всѣхъ противузаконныхъ дѣйствій и для открытія совершившихся преступленій и самихъ преступниковъ. Опасный произволъ лицъ, пользующихся этой властью, устраненъ посредствомъ данныхъ имъ инструкцій и контроля, которому они подчинены. Ни одинъ чиновникъ, служащій при полиціи, не можетъ прикрываться тайнымъ производствомъ дѣлъ, или милостью своихъ начальниковъ, которые слишкомъ снисходительны къ услужливымъ и способнымъ подчиненнымъ, если они въ пылу служебной ревности и переходятъ границы предоставленной имъ власти; каждый полицейскій чиновникъ обязанъ давать отчетъ, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ результатахъ своей дѣятельности, совершенно независимымъ и дѣйствующимъ гласно полицейскимъ судьямъ, а также присяжнымъ и судьямъ въ ассизахъ, которые безпристрастно обсуживаютъ дѣйствія должностныхъ лицъ по представляемымъ имъ дѣламъ. Каждый полицейскій чиновникъ подвергается въ полицейскомъ судѣ строгому перекрестному допросу обвиняемаго или его адвоката и, вслѣдствіе этого, принуждается давать самыя точныя и вѣрныя показанія. Онъ знаетъ, что всякое превышеніе власти навлечетъ на него строгое порицаніе полицейскаго судьи, которому онъ даетъ показанія, а равно и строгое порицаніе печати, потому что все полицейское производство становится гласнымъ при содѣйствіи газетъ, а это легко можетъ повлечь за собою его увольненіе и требованіе о вознагражденіи со стороны обиженнаго».

Насколько различны предѣлы полицейской власти въ Англіи и у насъ, на столько же различны и взгляды общества на представителей этой власти. Но не менѣе разницы и въ самыхъ дѣятеляхъ полицейской власти въ Англіи и у насъ. У насъ лучшею полиціею считается петербургская, но это еще вовсе не значитъ, чтобы она была образцовая или напоминала бы собою полицію лондонскую. Говорятъ, что личный составъ петербургской полиціи чрезмѣрно великъ, что она обходится городу слишкомъ дорого [2]). На это возражаютъ, что боль-

[1]) Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и сѣверной Америкѣ. § 7: Англійское полицейское устройство.

[2]) Изъ однихъ городскихъ суммъ отпускается ежегодно 1.100,000 рублей.

шое содержаніе можетъ давать надежду на добросовѣстное исполненіе обязанностей, а многочисленность полицейскихъ агентовъ ставитъ въ бо̀льшую безопасность и городскихъ жителей и ихъ имущество. Кто въ этомъ случаѣ правъ,—сказать теперь еще рано. Прежніе примѣры научили недовѣрчивости къ тому, чтобы строгія приказанія начальства могли искоренять злоупотребленія; прежде случалось и противное — злоупотребленія и поборы усиливались изъ опасенія лишиться скоро службы при строгомъ начальствѣ, какъ увеличивается страховая премія въ виду увеличенія опасности. Правда и то, что теперь на петербургской полиціи лежитъ менѣе половины дѣла, лежавшаго на ней года три тому назадъ, а это должно дѣлать возможнымъ исправное исполненіе обязанностей дѣйствительно полицейскихъ при меньшемъ числѣ агентовъ. Но, къ сожалѣнію, еще и теперь на петербургской полиціи лежатъ обязанности, вовсе не полицейскія; такъ, по дѣламъ петербургскаго коммерческаго суда взысканія производятся полиціей, а не судебными приставами, которыхъ нѣтъ при коммерческомъ судѣ, о чемъ приходится жалѣть какъ тяжущимся, такъ, вѣроятно, и самой полиціи. Наконецъ, напрасно было бы думать, что достаточно обнаружить одно желаніе имѣть хорошихъ полицейскихъ агентовъ, чтобы они тотчасъ же явились, безъ всякой подготовки, если не считать такою подготовкою прежнюю полицейскую службу, которая къ законности и правильности въ дѣйствіяхъ пріучить, конечно, не могла.

Все это не мало объясняетъ, почему не рѣдко и въ Петербургѣ, гдѣ полиція считается лучше, нежели въ другихъ городахъ, представители полицейской власти далеко еще не сознаютъ всей важности обязанностей, на нихъ лежащихъ. Это въ особенности видно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ полицейская власть является обвинительницею частныхъ лицъ, за неповиновеніе ея распоряженіямъ. Кто бывалъ часто въ камерахъ мировыхъ судей, тотъ непремѣнно не разъ слышалъ, какія обвиненія, рѣшительно невозможныя, передавала суду полицейская власть [1]). Повидимому, полицейскимъ чиновникамъ непріятно подвергаться въ судѣ допросу. Имъ бы вѣроятно хотѣлось, чтобы ихъ слова составляли неоспоримое доказательство. Но, къ сожалѣнію, слишкомъ еще много было случаевъ, доказавшихъ, насколько такія показанія требуютъ тщательной повѣрки. Такъ, напримѣръ, можно было бы набрать не менѣе сотни актовъ, представленныхъ полиціею о найденной ею

---

[1]) Такъ напримѣръ, одна чухонка-сливочница обвинялась полиціею въ томъ, что она во время проѣзда черезъ Семеновскій мостъ короля эллиновъ обогнала королевскій экипажъ въ своей тележкѣ, не смотря на крикъ ей со стороны городового, что ѣдетъ «король эллиновъ». При разборѣ дѣла оказалось, что подсудимая не понимала и самыхъ словъ «король эллиновъ».

нечистотѣ во дворахъ и торговыхъ заведеніяхъ, которые, очевидно, не могли имѣть никакого значенія уже потому, что они составлялись не на мѣстѣ, а въ полицейской части, и подписывались не свидѣтелями, присутствовавшими при осмотрѣ, а просто лицами, вызванными въ полицію для подписи на актахъ. Бывали случаи, что въ присутствовавшей при разборѣ дѣла публикѣ, послѣ допроса свидѣтелей и полицейскаго чиновника возбуждалось сомнѣніе о томъ, предшествовалъ ли дѣйствительно осмотръ составленію акта. По словамъ петербургскаго столичнаго мирового судьи Н. А. Неклюдова[1]), въ первоначальной практикѣ мировыхъ судей едва-ли встрѣчалось много такихъ дѣлъ, въ которыхъ городовой не былъ бы самъ виновенъ въ оскорбленіи. «Я самъ былъ свидѣтелемъ», говоритъ Н. Неклюдовъ, «какъ одинъ городовой на вопросъ лица, которому онъ наносилъ побои: «по какому праву ты меня бьешь?»—отвѣчалъ весьма лаконически, съ новымъ нанесеніемъ ударовъ: «да тебя, такого-то, по всѣмъ правамъ бить слѣдуетъ». Спрашивается, въ какое положеніе будетъ поставленъ судъ, ежели на другой день избитый будетъ обвиняться въ оскорбленіи избившаго его городового?!

Не удивительно, послѣ этого, что обвиненія, основанныя на актахъ полиціи остаются иногда безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемыхъ. Не удивительно также, если не подвергаются наказанію такіе подсудимые, которые, до произнесенія надъ ними приговора суда, уже поплатились арестомъ или другимъ взысканіемъ, наложеннымъ полицейскою властью, за свой незначительный проступокъ.

Но все это нисколько не можетъ вредить полицейской власти и давать ей поводъ желать, для разрѣшенія обвиненій отъ нея исходящихъ, иного суда, кромѣ мирового. Нельзя, напротивъ того, не признать, что если всѣ новые суды много способствовали къ укрѣпленію государственной власти вообще, то мировой судъ въ особенности много принесъ пользы власти полицейской. Онъ прежде всего помогъ нашему обществу усвоить себѣ настоящія понятія о представителяхъ этой власти, начиная съ низшихъ ея ступеней. Оставляя безъ уваженія неосновательныя обвиненія, онъ тѣмъ самымъ пріучаетъ агентовъ полиціи къ необходимой осмотрительности и законности въ дѣйствіяхъ гораздо болѣе, нежели всякія внушенія ихъ начальства. Подвергая наказанію только тогда, когда обвиненіе со стороны полиціи доказано на столько же, насколько должно быть доказано обвиненіе частнаго лица, судья, избранный самимъ обществомъ безъ всякаго прямого или косвеннаго вліянія администраціи и полиціи, одинаково поддерживаетъ достоинство какъ судебной, такъ и полицейской власти. Поэтому-то желать какого-то иного суда для разбора обвиненій по-

---

[1]) Руководство для мировыхъ судей. Т. I. Вып. I, стр. 104.

лиціею частныхъ лицѣ, суда, котораго рѣшенія должны основываться не на законѣ, а на усмотрѣніи и соображеніи административныхъ лицъ, можно только развѣ для того, чтобы снова возвратить и администрацію, и полицію, и судъ въ то невыгодное положеніе, въ которомъ они находились до судебнаго преобразованія.

Не одни приговоры мирового суда возбуждаютъ еще иногда смѣшныя опасенія о томъ, что новый судебный порядокъ колеблетъ уваженіе къ административной власти, уваженіе, котораго прежде, замѣтимъ при этомъ, никогда въ нашемъ обществѣ и не существовало. Опасенія эти возбуждаются еще болѣе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не судьи, а само общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, произноситъ оправдательный приговоръ надъ подсудимыми, обвиняемыми въ сопротивленіи административной власти, неповиновеніи ея распоряженіямъ и оскорбленіи ея представителей.

Въ нашей новой судебной лѣтописи было уже нѣсколько такихъ случаевъ. Но напрасно въ нихъ стали бы искать поводовъ къ обвиненію присяжныхъ и судей. Такихъ поводовъ въ нихъ не найти.

Припомнимъ важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ.

Самое крупное изъ всѣхъ, до сихъ поръ производившихся дѣлъ, о неповиновеніи и сопротивленіи властямъ, разсматривалось въ рязанскомъ окружномъ судѣ, во временномъ его засѣданіи въ городѣ Данковѣ, 15 декабря 1867 года. Обвинялось 53 крестьянина, бывшихъ барона Медема, изъ которыхъ 52 оправданы, а одинъ признанъ виновнымъ въ незначительномъ проступкѣ и приговоренъ судомъ къ штрафу въ 10 рублей.

Дѣло это достойно вниманія не по одному своему окончанію; въ немъ есть характеристическія черты, свойственныя всѣмъ подобнаго рода дѣламъ, извѣстнымъ въ прежнее время подъ названіемъ «бунтовъ», дававшимъ случай администраторамъ обнаружить свою энергію и неустрашимость; въ немъ замѣчательно еще то разногласіе въ обстоятельствахъ дѣла, какъ они представлялись обвинительнымъ актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ.

Въ 1866 году, между крестьянами сельца Хрущевки, имѣнія барона Медема, распространился слухъ, что требованіе отправлять издѣльную повинность на землѣ помѣщика, находящейся за чужими рубежами—незаконно, и что, на этомъ основаніи, крестьяне села Клешни, сосѣдняго, ефремовскаго уѣзда, были освобождены отъ обработки земли помѣщика. Поэтому хрущевскіе крестьяне и стали обсуждать: слѣдуетъ ли имъ пахать въ Сѣкиринской дачѣ, принадлежащей ихъ помѣщику, барону Медему, и находящейся за нѣсколькими рубежами другихъ владѣльцевъ. Этотъ вопросъ они предложили на разрѣшеніе старшинѣ

ихъ волости — Никитину, и тотъ имъ сказалъ, что пахать не слѣдуетъ. Послѣ того, когда настала рабочая пора, крестьяне на работу, въ Сѣкиринскую дачу, не пошли, не смотря на увѣщанія мѣстнаго мирового посредника, Хонина. Нѣсколько разъ приходили только крестьяне къ своему волостному писарю, чтобы онъ имъ прочиталъ, что̀ сказано въ Положеніи 19-го февраля 1861 года о рубежахъ; но такъ какъ онъ имъ ничего объ этомъ не могъ найти въ Положеніи, то они ему не повѣрили. Чтобы убѣдить крестьянъ, рязанскій губернаторъ вызвалъ къ себѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и, по возвращеніи ихъ, на сходкѣ прочитанъ приговоръ губернатора, — работать. Это приказаніе не убѣдило крестьянъ. Между тѣмъ рязанское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе распорядилось перевести прогульные дни въ денежную недоимку и взыскать съ крестьянъ эти деньги. А по неплатежу крестьянами недоимки, мѣстный мировой посредникъ назначилъ продажу крестьянскаго скота. Для этого становой приставъ приказалъ крестьянамъ оставить скотъ, 14 іюля, по домамъ для описи. Но такъ какъ скотъ оказался 14 іюля въ полѣ, то приставъ и описалъ его тамъ. Послѣ того пріѣхалъ въ Хрущевку мировой посредникъ и земскій исправникъ съ понятыми для отобранія скота. Когда они всѣ выѣхали въ поле къ стаду, то были встрѣчены толпою крестьянъ, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ были въ рукахъ палки и колья, которыми они махали, чтобы остановить понятыхъ. Понятые остановились. При этомъ приставъ замѣтивъ одного изъ крестьянъ, какъ болѣе другихъ шумѣвшаго, Григорія Рыбакова, указалъ на него и сказалъ: «Вотъ этотъ рыжій всегда впереди.» На это Рыбаковъ отвѣчалъ: «Авось и ты такой рыжій, какъ и я.» За это приказано его взять въ волостное правленіе, но крестьяне его не дали арестовать. Когда же понятые снова тронулись къ стаду, то крестьяне загородили дорогу, и такимъ образомъ скотъ остался неотобраннымъ. Спустя нѣсколько дней, губернаторъ опять потребовалъ къ себѣ бывшихъ у него пятерыхъ крестьянъ. Но крестьянскій міръ отказался ихъ отпустить. Тогда, 1 августа, исправникъ съ становымъ приставомъ и 200 понятыми — отправился за этими крестьянами самъ. Былъ собранъ полный сходъ. Понятымъ приказано было окружить его для того, чтобы онъ, не выслушавъ увѣщаній и приговора губернатора, не разошелся. Какъ только это было исполнено, то весь сходъ сталъ на колѣни и началъ просить понятыхъ заступиться за нихъ, объясняя, что отъ нихъ требуютъ незаконнаго. Тутъ исправникъ замѣтилъ одного крестьянина, Степана Морозова, болѣе другихъ заявлявшаго о незаконности предъявляемыхъ съ крестьянъ требованій, приказалъ взять его подъ арестъ, но крестьяне его не выдали. Послѣ того, для усмиренія крестьянъ пріѣзжали членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, совѣтникъ губернскаго правленія и жандармскій штабъ-

офицеръ. Наконецъ, прислано было войско, пріѣхалъ губернаторъ и когда крестьяне не согласились и на его увѣщанія, то началась экзекуція. Однихъ крестьянъ пересѣкли, другіе просили пощады и безпорядки въ селѣ Хрущевкѣ кончились.

Такъ представляется это дѣло въ обвинительномъ актѣ, по которому 53 крестьянина села Хрущевки обвинялись въ неповиновеніи и сопротивленіи установленнымъ властямъ, сопровождаемымъ явнымъ насиліемъ и безпорядками, причемъ еще нѣкоторые изъ крестьянъ обвинялись, какъ виновнѣйшіе изъ соучастниковъ въ этомъ преступленіи, а изъ нихъ—Рыбаковъ, въ нанесеніи неприличными словами оскорбленія становому приставу.

Трудно предположить, чтобы обвиненіе это увѣнчалось успѣхомъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибы дѣло происходило такъ, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ; но обвиненіе сдѣлалось совершенно невозможнымъ послѣ судебнаго слѣдствія, представившаго все дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ.

Отказъ хрущевскихъ крестьянъ ходить на работу за 9 верстъ за чужими рубежами послѣдовалъ отъ неправильнаго пониманія одной изъ статей Положенія 19 февраля 1861 года. Быть можетъ, они бы еще не повѣрили своему старшинѣ, который утверждалъ, что работать за чужими рубежами не слѣдуетъ, еслибы въ этой мысли ихъ не укрѣпилъ примѣръ сосѣдняго села Клешни, а главное, еслибы имъ не сказалъ того же сосѣдній помѣщикъ Миллеръ, который, какъ это показалъ на судебномъ слѣдствіи исправникъ, письменно ихъ въ томъ удостовѣрилъ. Кромѣ того, какъ объяснилъ защитникъ крестьянъ, они слышали тоже самое и отъ другого мирового посредника, князя Оболенскаго. Въ виду такихъ недоразумѣній, понятно, что крестьяне хотѣли послать ходатаевъ въ Петербургъ; но имъ этого не позволили. Относительно насилій и угрозъ крестьянъ, исправникъ показалъ, что крестьяне палками и кольями вовсе не махали и обходились «почтительно и вѣжливо», что въ то время, какъ крестьяне не хотѣли выдать 5-ти человѣкъ зачинщиковъ, они были съ палками, но съ тоненькими, съ какими всегда ходятъ, и по приказанію исправника не только бросили тотчасъ же эти палки, но еще, какъ показалъ пріѣзжавшій съ исправникомъ старшина другой волости, согласно приказанію, собрали эти палки и положили ихъ въ сарай. Почему однихъ крестьянъ считали зачинщиками, — судебное слѣдствіе вовсе не раскрыло; повидимому, тутъ все основывалось на слухахъ и личныхъ соображеніяхъ о томъ, кто изъ крестьянъ имѣлъ наиболѣе вліянія на сходахъ, а между тѣмъ одинъ изъ такихъ предполагаемыхъ зачинщиковъ просидѣлъ годъ и четыре мѣсяца въ острогѣ. Затѣмъ при экзекуціи, какъ показали свидѣтели, было высѣчено человѣкъ десять, другихъ отправили въ острогъ и уже взыскали съ крестьянъ всю недоимку, болѣе 200 рублей. Кромѣ

того, все село Хрущевки потерпѣло наказаніе въ видѣ расходовъ на содержаніе солдатъ и доставленіе ихъ на почтовыхъ.

При этихъ обстоятельствахъ казалось бы невозможнымъ поддерживать передъ судомъ обвиненіе всѣхъ 53 крестьянъ села Хрущевки и требовать еще вторичнаго ихъ наказанія, не нарушая этимъ справедливости. Въ виду даже прежней судебной практики можно предполагать, что и въ старыхъ судахъ выразился бы тотъ же взглядъ, который въ данномъ дѣлѣ высказали присяжные засѣдатели. Въ доказательство, что мы въ этомъ случаѣ не ошибаемся, мы могли бы сослаться на нѣкоторыя рѣшенія правительствующаго сената, вошедшія въ составленный, по высочайшему повелѣнію, Сборникъ. Но мы ограничимся указаніемъ одного, наиболѣе подходящаго дѣла— крестьянъ казеннаго имѣнія Сморгонь о неповиновеніи установленнымъ властямъ. Въ дѣлѣ этомъ крестьяне обнаружили неповиновеніе и неуваженіе къ различнымъ властямъ, въ томъ числѣ и къ священникамъ, увѣщевавшимъ ихъ, но которыхъ они прогнали, говоря, чтобы тѣ наблюдали за алтарями и убирались прочь. Въ числѣ наиболѣе замѣченныхъ въ безпорядкахъ обвинялись 5 крестьянъ, относительно которыхъ сенатъ опредѣлилъ: «Какъ уже подвергнутыхъ по административному распоряженію полицейскаго начальства исправительному наказанію, не привлекать за ту же вину вторично къ отвѣтственности» [1]).

Но представитель обвинительной власти не обратилъ на это вниманія въ дѣлѣ крестьянъ сел. Хрущевки. Послѣ судебнаго слѣдствія онъ только призналъ сомнительнымъ «фактъ возстанія» (?) и поддерживалъ обвиненіе по прежнему всѣхъ подсудимыхъ такъ горячо, что сказалъ даже присяжнымъ, «что признать ихъ не виновными будетъ не честно.»

Присяжные, послѣ 5-ти часоваго совѣщанія, въ составѣ 11 крестьянъ и 1 мѣщанина, признали всѣхъ подсудимыхъ невиновными, за исключеніемъ крестьянина Рыбакова, котораго признали виновнымъ въ оскорбленіи станового пристава неприличными словами, но заслуживающимъ снисхожденія, за что судомъ онъ приговоренъ къ денежному взысканію въ количествѣ 10 руб., съ замѣною этого взысканія, при несостоятельности его, арестомъ на два дня.

Почти одновременно съ дѣломъ крестьянъ сел. Хрущевки разсматривалось въ великолуцкомъ окружномъ судѣ дѣло о двухъ крестьянахъ, Спиридоновѣ и Ефимовѣ, обвинявшихся въ сопротивленіи становому приставу. Но, по окончаніи этого дѣла, многочисленная публика, наполнявшая залу засѣданія, расходилась съ гораздо менѣе удовлетво-

---

[1]) Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената, составленный по высочайшему повелѣнію, т. II, ч. 4, № 1207.

реннымъ чувствомъ справедливости, нежели въ предъидущемъ дѣлѣ. Людямъ, знакомымъ съ дѣйствовавшими въ дѣлѣ лицами, казалось страннымъ, что на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли вовсе не тѣ, кому бы слѣдовало.

Бывшая владѣтельница крестьянъ рыкайловскаго сельскаго общества, г-жа Мейеръ, воспользовалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ мірскимъ зерновымъ хлѣбомъ, принадлежавшимъ крестьянамъ и, не возвративъ имъ этого хлѣба, не уплатила слѣдующія за него деньги. Крестьяне нѣсколько разъ обращались съ просьбою засчитать по крайней мѣрѣ этотъ хлѣбъ за оброкъ, слѣдовавшій съ нихъ г-жѣ Мейеръ, но она на это не согласилась. За неплатежъ оброка, по распоряженію мирового посредника, и была назначена продажа крестьянскаго скота. Вслѣдствіе этого, становой приставъ Малькевичъ, какъ показывали свидѣтели на судебномъ слѣдствіи, явился въ деревню Аборино и забралъ нѣсколько штукъ скота, не произведя публичной продажи, а двухъ яловыхъ нетелей отправилъ къ себѣ домой, гдѣ они были зарѣзаны. Обстоятельство это предшествовало тому сопротивленію крестьянъ, которое вызвало настоящее дѣло; но оно осталось невыясненнымъ ни предварительнымъ слѣдствіемъ, ни обвинительною властью, представитель которой замѣтилъ только, что «нѣкоторыя уклоненія отъ строгой законности» въ дѣйствіяхъ станового пристава не должны служить основаніемъ къ оправданію подсудимыхъ. Какъ бы то ни было, но когда нѣсколько дней спустя становой приставъ явился въ деревню Субочево съ покупателями для продажи скота, то нашелъ ворота и двери у крестьянскихъ избъ запертыми, а крестьяне стали требовать отъ него разсчета съ помѣщицею за хлѣбъ, и объявили, что не выдадутъ скота безъ квитанціи въ его полученіи приставомъ. Видя такое «сопротивленіе», приставъ вынулъ изъ чехла револьверъ и направилъ его на крестьянъ, а когда Ефимовъ отказался дать топоръ, чтобы ломать двери его избы, то Малькевичъ ударилъ его по щекѣ и началъ прицѣливаться въ крестьянина Сергѣева. Но тутъ явился кучеръ станового, остановилъ его и увелъ отъ толпы крестьянъ. Крестьяне бросились-было отнимать у станового револьверъ, но потомъ оставили его, и онъ спокойно уѣхалъ изъ деревни. Главными зачинщиками сопротивленія приставу при требованіи имъ выдачи скота обвинительный актъ выставилъ крестьянъ Спиридонова (45 л.) и Ефимова (27 л.), изъ которыхъ первый обвинялся еще въ томъ, что онъ старался отнять у станового револьверъ, а второй въ томъ, что онъ столкнулъ станового съ крыльца, когда тотъ угрожалъ расправиться съ крестьянами револьверомъ.

Присяжные, въ составѣ 8 крестьянъ, 1 мѣщанина, 2 купцовъ и 1 дворянина, произнесли оправдательный приговоръ обоимъ подсудимымъ.

Вообще, какъ видно, съ крестьянами представители власти не привыкли церемониться. Убѣжденія — часто ограничиваются еще зуботычиной, оплеухой, а то и просто угрозой застрѣлить какъ бѣшеную собаку. Становой приставъ Малькевичъ, къ сожалѣнію, не единственный еще дѣятель въ этомъ родѣ. Если онъ только прицѣлился въ крестьянина, то бывшій мировой посредникъ 1 участка калужскаго уѣзда П. Сухотинъ, чтобы убѣдить крестьянъ подписать составленный старшиною актъ, сдѣлалъ на сходѣ два выстрѣла изъ револьвера въ крестьянъ, которые впрочемъ отняли у него, послѣ этого, пистолетъ, и не нанося никакихъ оскорбленій, посадили въ «холодную» до пріѣзда становаго пристава [1]).

Если такъ расправляется администрація съ администруемыми въ провинціи, то въ столицахъ эта расправа также иногда представляетъ нѣкоторыя «уклоненія отъ строгой законности». Это подтверждаютъ нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ окружныхъ судахъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

17-го ноября 1867 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судился мѣщанинъ Иванъ Морозовъ (26 л.), за оскорбленіе бывшаго квартальнаго надзирателя Новоникольскаго. Въ обвинительномъ актѣ говорилось, что онъ его оскорбилъ бранными словами и хотѣлъ сорвать эполеты. А на судебномъ слѣдствіи обнаружилось, что Морозовъ прежде всего былъ самъ побитъ квартальнымъ надзирателемъ, и намѣренія сорвать у него эполеты ничѣмъ не обнаружилъ. Присяжные, въ составѣ 9 дворянъ и 3 мѣщанъ, признали Морозова не виновнымъ, но это не помѣшало ему просидѣть въ тюрьмѣ болѣе года со дня происшествія, до произнесенія надъ нимъ приговора.

Разсматривавшееся въ московскомъ окружномъ судѣ дѣло о мѣщанинѣ Морозкинѣ (45 л.), обвинявшемся въ сопротивленіи полицейскимъ чиновникамъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, показало ту безцеремонность, съ которою полицейскіе агенты входятъ въ жилище частнаго человѣка и нарушаютъ домашнее его спокойствіе безъ всякого явнаго къ тому повода, по одному, какъ это выражается на полицейскомъ языкѣ — подозрѣнію.

Приставъ арбатской части, Ребровъ, розыскивая двухъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ 9000 рублей у купца Афремова, поручилъ, вмѣстѣ съ нимъ, дѣлать эти розыски квартальнымъ надзирателямъ Полякову и Ларіонову. Объ этомъ, конечно, никому извѣстно не было, и потому, когда, 22-го ноября 1866 года въ 8-мъ часу вечера, вошелъ въ кондитерскую Морозкина неизвѣстный ему Афремовъ и хотѣлъ пройти

[1]) Дѣло о безпорядкахъ въ Сергіевскомъ волостномъ правленіи. Разсматривалось въ калужскомъ окружномъ судѣ.

въ комнату, гдѣ помѣщалось семейство Морозкина, куда, какъ ему показалось, вошелъ подозрительный человѣкъ, то Морозкинъ не пустилъ его, а послалъ за городовымъ, опасаясь какого-нибудь мошенничества. Замѣтивъ это, въ кондитерскую вошли одѣтые въ тулупы квартальные надзиратели, Поляковъ и Ларіоновъ, вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ Ребровымъ. Но Морозкинъ объявилъ, что онъ никого не выпуститъ, говоря, что такіе же люди пріѣзжали на рогожское кладбище. Объ этомъ дано было знать полиціймейстеру, который прислалъ еще квартальнаго надзирателя и мѣстнаго частнаго пристава; а потомъ пріѣхалъ судебный слѣдователь. Изъ всего хода этого дѣла видно, что Морозкинъ и не думалъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе, — не выпускать никого изъ кондитерской. Двери въ нее все время оставались отпертыми, и приставъ Ребровъ ушелъ, когда онъ самъ захотѣлъ. Къ тому же, въ кондитерской Морозкина, былъ только онъ съ женою и работникомъ, между тѣмъ какъ полицейскихъ агентовъ было семь человѣкъ, не считая городовыхъ, стоявшихъ у дверей. Неудивительно, что Морозкинъ сначала дѣйствительно испугался трехъ какихъ-то незнакомцевъ, не могъ повѣрить имъ въ томъ, что они представители полицейской власти по одной только угрозѣ частнаго пристава отправить его въ часть, особенно, если признать справедливымъ показаніе Морозкина, что онъ требовалъ составленія акта, чего полицейскіе чиновники не сдѣлали. Испуганный вначалѣ, Морозкинъ потомъ совершенно потерялся, видя себя арестованнымъ въ своей квартирѣ. Онъ никакого насилія не обнаруживалъ, угрозы не вывели его изъ терпѣнія, но онъ чувствуетъ, что съ нимъ дѣлается что-то незаконное, требуетъ составленія акта и угрожаетъ частному приставу Реброву тѣмъ, что сведетъ его къ мировому. Судъ надъ Морозкинымъ происходилъ черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ происшествія, и все это время онъ оставался арестованнымъ, сначала въ полиціи, а потомъ въ тюрьмѣ. Присяжные произнесли надъ нимъ оправдательный приговоръ.

Приведенныя нами дѣла большею частію и указываются въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ навести на мысль, будто бы въ новыхъ судахъ административная власть встрѣчаетъ противодѣйствіе, будто бы присяжные всегда готовы оправдать подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ сопротивленіи всякой власти, будто бы судьи охотно допускаютъ смягчающія обстоятельства и присуждаютъ къ легкимъ наказаніямъ оскорбителей полиціи. Конечно, строго говоря, — на такія обвиненія обращать вниманія не стоило бы въ обществѣ, понимающемъ свои права и сознающемъ, что не для угоды кому бы то ни было введенъ у насъ новый порядокъ судопроизводства. Но не такъ еще смотрятъ на это дѣло у насъ. Если не такъ давно открыто выражались жалобы на освобожденіе крестьянъ, а потомъ на надѣлъ ихъ землею, какъ на

уничтоженіе существовавшаго «порядка», то нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь выражаются какія-то тревожныя опасенія всякій разъ, когда подсудимый выходитъ изъ суда оправданнымъ, а не обвиненнымъ, и опять начинаютъ видѣть опасности «порядку», требуя, во что бы то ни стало, поддержать этотъ «порядокъ», не рѣдко равнозначущій произволу и насилію.

Что кроется въ душѣ присяжныхъ, когда они слушаютъ дѣла о сопротивленіи власти,—сказать, конечно, нельзя. Но что въ лицѣ присяжныхъ само общество, быть можетъ, даже черезъ чуръ ревниво оберегаетъ представителей власти отъ оскорбленій и ослушаній,—это видно изъ цѣлаго ряда обвинительныхъ приговоровъ, произнесенныхъ во всѣхъ тѣхъ случахъ, когда представители власти сами, своими незаконными дѣйствіями, не вынуждали подсудимыхъ къ сопротивленію. Нѣтъ нужды приводить на память всѣ эти дѣла; стоитъ только указать на нѣкоторыя изъ нихъ, въ которыхъ подсудимыми являлись лица изъ различныхъ классовъ общества.

Отставной штабсъ-капитанъ Александръ Стурмъ, въ имѣніе котораго пріѣхалъ становой приставъ для описи хлѣба и прочаго имущества за долгъ, по предписанію полицейскаго управленія, схватилъ пристава за плечи, остановилъ его въ дверяхъ между двумя комнатами и вытолкнулъ его, говоря при этомъ, что онъ не допуститъ пристава описывать имущество, и называя пристава безчестнымъ и подозрительнымъ человѣкомъ. Признанный присяжными засѣдателями [1]) виновнымъ, Стурмъ приговоренъ рязанскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 2 мѣсяца.

Крестьянинъ Сорокинъ обвинялся въ томъ, что, сопротивляясь полицейскому чиновнику Дитятеву, призванному крестьяниномъ Яськовымъ, въ избѣ котораго буянилъ Сорокинъ, онъ схватилъ Дитятева за шею, а полицейскаго служителя Кравцова за-воротъ. Признанный присяжными [2]) виновнымъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія, Сорокинъ приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ. Признавая Сорокина заслуживающимъ снисхожденія, присяжные, вѣроятно, имѣли въ виду, что онъ 9 мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, и при осмотрѣ, на другой день послѣ происшествія, имѣлъ на лицѣ 10 ссадинъ, пріобрѣтенныхъ, какъ онъ объяснялъ, въ будкѣ, гдѣ его били полицейскіе служители.

Крестьянинъ Николай Демидовъ (23 л.) обвинялся въ грабежѣ, кражѣ, дерзости противъ квартальнаго надзирателя и оскорбленіи

---

[1]) Составъ присутствія присяжныхъ: 5 крестьянъ, 2 мѣщанина, 1 почетный гражданинъ и 4 дворянина.

[2]) Въ составѣ 3 дворянъ и 9 купцовъ.

дѣйствіемъ городового унтеръ-офицера. Только одинъ, послѣдній проступокъ Демидова могъ быть сколько нибудь доказанъ. Признанный присяжными засѣдателями [1]) виновнымъ въ оскорбленіи городового, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія, Демидовъ приговоренъ къ аресту на 1 мѣсяцъ. Обстоятельствомъ, вызвавшимъ снисхожденіе, очевидно, было 7-ми мѣсячное содержаніе Демидова въ тюрьмѣ, совершенно, какъ оказалось, безъ вины.

Что не рѣдко сами представители полицейской власти вызываютъ своими дѣйствіями оскорбленія со стороны частныхъ лицъ,—это, между прочимъ, видно и изъ того, что большинство дѣлъ объ оскорбленіи и сопротивленіи власти, рѣшенныхъ до сихъ поръ присяжными, заключало въ себѣ оскорбленія и сопротивленія власти полицейской. А между тѣмъ, конечно, не одна полицейская власть сталкивается съ частными лицами въ такихъ случаяхъ, когда, естественно, вызывается раздраженіе и желаніе тѣмъ или другимъ способомъ избавиться отъ грозящей непріятности — обыска, ареста или потери имущества. Въ этомъ отношеніи положеніе судебныхъ приставовъ нисколько не легче положенія полиціи. Обязанные нерѣдко приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія, тяжкія для частныхъ лицъ, лишающія ихъ имущества и даже свободы — судебные пристава, казалось, должны подвергаться насиліямъ и оскорбленіямъ не рѣже агентовъ полиціи. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Въ теченіе двухъ-лѣтней судебной практики, кажется, еще не было случая, чтобы судебный приставъ позволилъ себѣ нанести оскорбленіе частному лицу въ родѣ тѣхъ, которыя до сихъ поръ остаются въ большомъ употребленіи въ полицейской дѣятельности. Чаще, напротивъ того, судебное слѣдствіе доказываетъ, что судебные пристава подвергаются незаслуженнымъ оскорбленіямъ и не отвѣчаютъ тѣмъ же. Оттого и оскорбляющій не заходитъ слишкомъ далеко и совершаетъ проступокъ незначительный, обвиненіе въ которомъ разрѣшается судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Такихъ мелкихъ дѣлъ, рѣшенныхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, было много. Судились крестьяне, дворяне, лица духовнаго званія, купцы, чиновники, военные — въ мелкихъ и крупныхъ, генеральскихъ чинахъ. Они оскорбляли полицейскихъ чиновниковъ и служителей, судебныхъ приставовъ, судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ, при отправленіи ими обязанностей по службѣ.

При этомъ случаѣ оправданія были довольно рѣдки; наказанія состояли, въ большинствѣ случаевъ, въ денежныхъ штрафахъ или лищеніи свободы, при чемъ тяжесть наказанія соразмѣрялась съ важ-

[1]) Въ составѣ 9 чиновниковъ и 3 мѣщанъ.

ностью нанесеннаго подсудимымъ оскорбленія. Вотъ нѣкоторыя изъ судебныхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ.

Мѣщанинъ Поповъ (50 л.) за оскорбленіе, въ пьяномъ состояніи, ругательными словами станового пристава приговоренъ калужскимъ окружнымъ судомъ къ штрафу въ 25 руб. или аресту на 7 дней. Крестьяне Павелъ (22 л.) и Акимъ (83 л.) Чузовы за оскорбленіе на словахъ станового пристава приговорены калужскимъ окружнымъ судомъ къ штрафу въ 10 р. или аресту на 2 дня. Коллежскій секретарь Сергѣевъ (55 л.) за оскорбленіе словами квартальнаго надзирателя, его помощника и полицейскаго сторожа и сорваніе печатей, приложенныхъ къ дверямъ его квартиры по распоряженію полиціи, приговоренъ петербургскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 5 мѣсяцевъ. Крестьянинъ Парыгинъ (47 л.) за оскорбленіе, въ нетрезвомъ видѣ, волостного старшины ругательными словами и насильственными дѣйствіями въ камерѣ волостного правленія, калужскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4½ мѣсяца. Мѣщанинъ Гудковъ (32 л.) за оскорбленіе словами городского головы, калужскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ штрафу въ 5 р. или аресту на 1 день. Крестьянка Харитонова, за оскорбленіе судебнаго слѣдователя словами и неприличнымъ поведеніемъ, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговорена къ штрафу въ 5 р. или аресту на 1 день. Генералъ-маіоръ Загорянскій (55 л.), за оскорбленіе словами судебнаго слѣдователя, московскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ испрошенію прощенія у судебнаго слѣдователя въ выраженіяхъ, опредѣленныхъ судебнымъ приговоромъ. Крестьянинъ Никитинъ, за оскорбленіе городового и буйство въ судебной камерѣ мирового судьи, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца. Отставной штабсъ-капитанъ Цехомскій (44 л.), за оскорбленіе на письмѣ мирового судьи приговоренъ калужскимъ окружнымъ судомъ къ аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли. Коллежскій ассесоръ Долоцкій (47 л.), за оскорбленіе неприличными выраженіями въ поданной имъ жалобѣ товарища прокурора, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ штрафу въ 50 рублей или аресту на гауптвахтѣ на 10 дней.

Всѣ эти наказанія, къ которымъ присуждались разныя лица, нельзя, конечно, считать легкими, особенно если при этомъ не оставлять безъ вниманія матеріальное положеніе подсудимыхъ и степень ихъ состоятельности къ уплатѣ денежныхъ штрафовъ. Въ одномъ только изъ приведенныхъ дѣлъ, приговоръ суда оказывается несообразнымъ съ этимъ выводомъ. Въ дѣлѣ Загорянскаго, не только приговоръ суда не соотвѣтствуетъ проступку и постановленъ съ отступленіемъ отъ закона, но и самое судебное засѣданіе по дѣлу представляетъ, къ сожалѣнію, нѣсколько уклоненій отъ тѣхъ обрядностей, которыя выра-

ботались новою судебною практикою и которыя должны одинаково распространяться на всѣхъ тяжущихся и подсудимыхъ, какого бы они званія ни были.

Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ, извѣстенъ только одинъ случай ходатайства суда объ облегченіи участи подсудимыхъ, виновныхъ въ оскорбленіи полиціи, верховною властью.

6-го января 1867 года, въ Новгородѣ, во время священнодѣйствія на устроенной на рѣкѣ Волховѣ Іордани, полицейскій приставъ Кудрявцевъ, обратился къ женѣ отставного генералъ-лейтенанта Борисова съ просьбою не нарушать порядокъ и затѣмъ, вслѣдствіе неисполненія этого требованія, отвелъ Борисову рукою, взявъ за плечо. Узнавъ объ этомъ отъ жены своей, генералъ-лейтенантъ Борисовъ обратился къ приставу со словами:—«Это ты, негодяй, оскорбилъ мою жену»! и затѣмъ на сдѣланное ему приставомъ возраженіе, сказалъ ему: «ты негодяй.» За этотъ проступокъ Борисовъ былъ преданъ суду, хотя и просилъ извиненія у оскорбленнаго имъ пристава. Во время засѣданія новгородскаго окружнаго суда, Борисовъ объявилъ, что онъ оскорбилъ Кудрявцева «въ раздраженіи отъ разсказа и слезъ беременной жены своей, и что, поэтому, въ то время не сообразилъ, что Кудрявцевъ находился при исполненіи обязанностей службы.» Новгородскій окружный судъ, признавъ Борисова (74 лѣтъ) виновнымъ въ оскорбленіи ругательными словами полицейскаго пристава при исполненіи имъ обязанностей службы, приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Но при этомъ основываясь на томъ, что Борисовъ, вполнѣ сознавая свою вину, еще до начала слѣдствія просилъ у полицейскаго пристава извиненія и что онъ, сверхъ того, заслуживаетъ снисхожденія по прежней долговременной и безпорочной службѣ, — окружный судъ ходатайствовалъ о смягченіи Борисову наказанія тѣмъ, чтобы подвергнуть его аресту на военной гауптвахтѣ на 1 мѣсяцъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство послѣдовало высочайшее повелѣніе объ ограниченіи опредѣленнаго Борисову по закону наказанія семидневнымъ домашнимъ арестомъ.

Кромѣ этого дѣла, въ которомъ наказаніе подсудимому было уменьшено по ходатайству суда, до сихъ поръ извѣстенъ еще одинъ случай уменьшенія, милосердіемъ верховной власти, наказанія за ослушаніе полиціи.

Вдова почетнаго гражданина Марья Мазурина, за недопущеніе къ себѣ въ домъ полицейскихъ чиновниковъ, являвшихся къ ней для описи ея имущества, по случаю денежнаго взысканія за долгъ ея дочери, 22 октября 1866 года приговорена московскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ 2-го округа къ аресту въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Но, по ходатайству умершаго митрополита московскаго и коломенскаго, Филарета, объ облегченіи участи Мазуриной, 7 декабря 1866 года по-

слѣдовало высочайшее повелѣніе: замѣнить для Мазуриной опредѣленное, по судебному приговору, тюремное заключеніе строгимъ домашнимъ арестомъ.

Оканчивая краткій обзоръ преступленій противъ представителей власти и наказаній, за эти преступленія понесенныхъ, мы могли бы спросить: гдѣ же видятся тѣ опасности, которыя грозятъ существующему «порядку», въ какихъ же рѣшеніяхъ новыхъ судовъ проявляется противодѣйствіе административной власти. Бояться какого-то преобладанія судебной власти странно уже потому, что самымъ своимъ положеніемъ судебная власть лишена возможности къ вмѣшательству и тѣмъ самымъ къ преобладанію. Она обязана только охранять законъ и примѣнять его къ даннымъ случаямъ, но не можетъ ни обойти, ни нарушить его, по своему усмотрѣнію. Даже и противодѣйствовать административному произволу — наши новые суды не могутъ вполнѣ. Хотя уставы 20 ноября 1864 года и стремились къ отдѣленію властей судебной отъ административной, но раздѣленіе это не доведено до конца. Такъ—начало строгаго раздѣленія властей требуетъ, чтобы въ судебныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, каждое административное лицо подчинялось судебной власти, а не административной, точно также, какъ въ административныхъ дѣлахъ, каждое судебное должностное лицо подчиняется власти административной. Между тѣмъ, и въ нашемъ новомъ судопроизводствѣ, должностныя лица административнаго вѣдомства могутъ быть преданы суду не общею обвинительною властью, а только вслѣдствіе постановленія ихъ начальства. Такой порядокъ оставляетъ еще слишкомъ много простора администраціи въ ущербъ суду, и можетъ еще долго препятствовать полному водворенію у насъ законности.

В. И.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го апрѣля, 1868.

На-дняхъ исполнился годъ со времени изданія указа, возвѣстившаго высочайшую волю о принятіи мѣръ къ *полному слiянiю* губерній царства польскаго съ прочими частями имперіи. Указъ 29 февраля нынѣшняго года вводитъ это полное сліяніе въ область историческихъ фактовъ, и опредѣляетъ его—упраздненіемъ въ Варшавѣ правительственной коммиссіи, какъ центральнаго въ царствѣ учрежденія; всѣ же части управленія, состоявшія въ ея вѣдѣніи, подчиняются теперь общимъ учрежденіямъ имперіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ томъ же указѣ. Намѣстникъ въ царствѣ, какъ главный начальникъ края, имѣетъ одно ближайшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія, а отношеніе его къ нашимъ министерствамъ приравнивается съ отношеніями вообще главныхъ начальниковъ губерній.

Историческія обстоятельства, которыя, можетъ быть, справедливѣе было бы назвать историческими ошибками, поставили насъ въ вопросахъ о царствѣ польскомъ въ такое положеніе, что трудно выразить мнѣніе даже и при такихъ реформахъ, которыя, по своей формѣ, давно уже желательны. Вообще, введеніе новаго слова не есть еще введеніе новаго дѣла, или, что еще хуже, новое слово можетъ иногда приводить вовсе не къ тому дѣлу, для котораго оно произнесено, а потому нельзя отказать въ справедливости замѣчанію, которымъ сопровождали «Московскія Вѣдомости» свое разсужденіе о послѣднемъ указѣ: «Законодательная мѣра великой государственной важности можетъ стать только началомъ новыхъ затрудненій» — «если предначертанія державной воли относительно западнаго края не будутъ приведены въ полное дѣйствіе, и обрусеніе его не станетъ правдой». Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что какъ прежнее отдѣленіе нѣсколькихъ губерній, подъ особымъ именемъ царства польскаго, надѣлало много бѣдъ обѣимъ сторонамъ, такъ и новая законодательная мѣра, прямо противоположная первому, т. е. полное сліяніе,—можетъ, при извѣстныхъ

условіяхъ, сдѣлаться началомъ новыхъ затрудненій, которыя будутъ не лучше первыхъ; но трудно согласиться относительно самыхъ условій, выставленныхъ московскимъ публицистомъ. «Полное сліяніе» вызываетъ, дѣйствительно, одно условіе: оно до сихъ поръ было *средствомъ*, а съ настоящей минуты должно сдѣлаться *цѣлью*, самою искренною, задушевною цѣлью. Это условіе, народившееся вслѣдствіе «полнаго сліянія», становится предъ нами во весь ростъ въ первый разъ, и необходимо на него указать со всею ясностью, чтобы послѣднее не было горше первыхъ. Чтобы понять это условіе во всемъ его объемѣ — необходимо припомнить все прошлое, въ его разумной и причинной связи.

Побѣды проистекаютъ не изъ одной физической силы побѣдившаго, но и изъ слабости противника; а въ этомъ случаѣ слабость противника состоитъ во внутреннемъ неустройствѣ его организма, во враждѣ членовъ между собою, вслѣдствіе чего побѣдитель имѣетъ всегда двойное значеніе для побѣжденныхъ: онъ можетъ легко заинтересовать собою ту часть у побитыхъ противниковъ, которая была угнетена, подавлена, какъ была подавлена въ Польшѣ вся народная масса. Для этой народной массы, наши побѣды надъ старымъ ея правительствомъ и надъ новыми претендентами, усиливающимися реставрировать отжившій порядокъ вещей, могли быть ея побѣдами надъ внутреннимъ врагомъ, какимъ для польскаго народа была такъ-называемая Рѣчь-Посполитая; по крайней мѣрѣ, въ ея законахъ, въ ея государственномъ строѣ крестьянинъ вмѣстѣ съ своею лошадью и коровою принадлежали помѣщику, и это не смягчалось даже тою патріархальностью въ отношеніяхъ, которою была во многомъ проникнута крѣпостная зависимость у насъ. Только въ нынѣшнее царствованіе народная масса въ Польшѣ воспользовалась въ первый разъ нашими побѣдами надъ ея прежнимъ, туземнымъ правительствомъ; а до того времени русскіе законы, русскій солдатъ также служили туземному высшему сословію орудіемъ къ угнетенію простолюдина, какъ служили нѣкогда туземные законы Рѣчи-Посполитой и туземные жолнѣры. Вотъ, откуда вытекаетъ историческое положеніе современной минуты. Вотъ, почему мы думаемъ, что собственно «полное сліяніе» совершилось уже тогда, когда былъ надѣленъ въ Польшѣ крестьянинъ землею (камень преткновенія въ ирландскомъ вопросѣ, какъ то читатели увидятъ ниже, въ особой статьѣ), а послѣднимъ указомъ — вещь была названа только по имени.

Но слово — произнесено, и потому тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ всмотрѣться въ то новое положеніе, которое характеризируется тѣмъ словомъ. Наше значеніе въ Польшѣ, какъ освободителей народной массы отъ гнета высшаго ея сословія — прошло, и прошло безвозвратно, благодаря нашимъ же усиліямъ; мы не можемъ второй разъ дарить тѣмъ же; надобно готовить новый даръ, и въ этомъ новомъ

дарѣ найти не временную, но безконечную связь въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ нескончаемымъ даромъ можетъ послужить организація и устройство края, для чего, какихъ нибудь 10 лѣтъ тому назадъ, мы не имѣли бы никакого матеріала, и для чего теперь, послѣ новѣйшихъ земскихъ и судебныхъ реформъ, мы имѣемъ все необходимое. Въ противномъ случаѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ намъ придется имѣть дѣло съ новою шляхтою, и на этотъ разъ шляхты будетъ столько, сколько единицъ въ населеніи края. Послѣ этого понятно условіе, отъ не соблюденія котораго послѣдняя «законодательная мѣра великой государственной важности можетъ стать только началомъ новыхъ затрудненій»; понятно также и то, почему мы не отвѣчаемъ прямо на вопросъ, куда приведетъ насъ послѣдняя реформа? Въ исторіи обществъ человѣческихъ часто приходится повторять наивный отвѣтъ Эзопа, который, хотя и зналъ, куда имѣлъ намѣреніе идти, но на вопросъ: куда онъ идетъ?—отвѣчалъ: «Не знаю!» Всѣмъ извѣстно, что Эзопъ былъ правъ, потому что его, дѣйствительно, отвели туда, куда онъ вовсе и не думалъ идти, а слѣдовательно, былъ правъ въ своемъ отвѣтѣ.

Кромѣ указа 29 февраля, мартъ, сколько мы можемъ судить по серьезнымъ слухамъ, былъ ознаменованъ реформою, весьма важною, на другой окраинѣ нашей земли. Мы разумѣемъ Землю Войска Донскаго; но не будемъ предупреждать фактовъ, и ограничимся только указаніемъ на путевыя воспоминанія И. И. Кретовича, помѣщаемыя выше: авторъ говоритъ о Донѣ, и читатель, изъ приводимыхъ имъ мѣстныхъ наблюденій, увидитъ самъ легко, что въ Землѣ Войска Донскаго реформа необходима, если нельзя желать этому краю въ будущемъ ограничиваться однимъ лѣнивымъ созерцаніемъ своей великолѣпной и богатой почвы; а къ чему именно должна относиться реформа, — всякой то увидитъ наприм., въ станичномъ приговорѣ Аксая, когда къ нему обратились съ просьбою иногородные купцы.

Если послѣдніе слухи справедливы, то можно сказать, въ мартѣ было положено начало многому, что́ было давно уже желательно, и что́ можетъ дать новое развитіе силамъ страны, при соблюденіи естественнаго закона всякаго развитія: ростъ требуетъ свѣта, воздуха и мѣста.

Но истекшій мѣсяцъ не ограничился важными перемѣнами государственными; ему же принадлежитъ и «министерская перемѣна», въ томъ, конечно, смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ слѣдуетъ понимать у насъ. При чрезвычайной подвижности государственнаго организма западныхъ государствъ, министерская перемѣна, если она не дѣло случая, какъ смерти или болѣзни, понимается, какъ вызываемая ходомъ дѣлъ потребность въ перемѣнѣ взглядовъ, принциповъ, направленія. Мы не можемъ смотрѣть тѣми же глазами на министерскую перемѣну у насъ, хотя природа и логика вещей такъ сильна, что не-

вольно новое лице наводитъ на новыя ожиданія, надежды, опасенія и т. д., такъ какъ нѣтъ возможности себѣ представить, чтобы, съ одной стороны, не одно и тоже было однимъ и тѣмъ же, а съ другой—положенія людей и ихъ интересы такъ разнообразны и противорѣчивы, что нѣтъ предмета, который вызывалъ бы во всѣхъ согласно или надежду, или опасеніе; и непремѣнно то, что служитъ для одного его надеждой—въ другомъ вызываетъ боязнь*). Впрочемъ, до сихъ поръ мы были болѣе или менѣе, какъ общественные люди, равнодушны къ министерскимъ перемѣнамъ, и доказательствомъ того служитъ то, что у насъ до сихъ поръ не привился обычай заграничныхъ органовъ печати, при каждомъ новомъ назначеніи, знакомить общество съ прежнею дѣятельностью новаго государственнаго дѣятеля, и другъ передъ другомъ сообщать его біографію. Отсутствіе такого обычая мы

*) Въ подтвержденіе словъ нашего хроникера мы можемъ указать на самихъ себя. Когда въ послѣднее время былъ назначенъ новый министръ почтъ и телеграфовъ, мы и съ нами, вѣроятно, всѣ редакторы журналовъ и газетъ начали питать надежду, въ то самое время, какъ это же самое обстоятельство, говорятъ, заставляло многочисленныхъ почтмейстеровъ питать совершенно иное чувство, или по крайней мѣрѣ нельзя было не желать, чтобы они проникнулись этимъ инымъ чувствомъ. Мы имѣемъ право на такое желаніе, потому что по поводу разсылки только одной январьской книги мы успѣли уже получить 39 жалобъ на совершенное неполученіе ея, что почти равняется числу всѣхъ жалобъ за весь прошедшій годъ. Какъ мы узнали, весь тюкъ, наприм., съ журналомъ на Рязань и прилежащіе города, отправленный въ половинѣ января Газетною Экспедиціей подъ № 6,—пропалъ, и пропалъ притомъ такъ, какъ у Гоголя пропала въ одномъ присутственномъ мѣстѣ бумага; по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиною мѣсяцевъ оказалось для начальства недостаточнымъ, чтобы отыскать этотъ несчастный № 6. Какъ ни велика наша земля, но и $2^1/_2$ мѣсяца—не малое время, особенно, когда сношенія производятся по желѣзнымъ дорогамъ. Мы объявили нашимъ подписчикамъ, что въ случаѣ недоставки экземпляра, редакція доставитъ имъ другой, если они при жалобѣ приложатъ свидѣтельство мѣстной почтовой конторы; конечно, мѣстнымъ почтовымъ конторамъ не трудно сдѣлать на жалобѣ помѣтку и приложить печать, въ подтвержденіе основательности жалобы; но многія почтовыя конторы отказались въ выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ. Дѣло до нѣкоторой степени понятное! Чтобы показанія нашихъ подписчиковъ имѣли силу, мы будемъ съ этого времени печатать названія тѣхъ конторъ, которыя затруднились засвидѣтельствовать жалобы. Такъ, отказались почтовыя конторы: 1) въ Епифани, на просьбу г. П. Г.; 2) въ Ряжскѣ, на просьбу г. старшины «Общественнаго собранія»; 3) въ Петрозаводскѣ, на просьбу г. И. А.—Бываютъ и другіе случаи: Газетныя Экспедиціи сами имѣютъ собственныхъ подписчиковъ, и потому получаютъ жалобу сами на недоставленіе журнала; принявъ отъ редакціи экземпляры, онѣ тѣмъ не менѣе обращаются къ намъ съ вопросомъ: почему такой-то ихъ подписчикъ не получилъ своего экземпляра? Какъ ни тяжело намъ отвѣчать на такіе вопросы, но собственно мы должны сказать въ отвѣтъ:—потому что мы сдали этотъ экземпляръ въ Газетную Экспедицію—оттого подписчикъ и не получилъ! Но подписчики не принимаютъ отъ насъ такого отвѣта, и одинъ изъ нихъ г. И. З. (г. Александровскъ) прямо вмѣнилъ намъ въ вину, что мы поручаемъ пересылку его экземпляра такому «неблагонадежному агенту, какъ Газетная Экспедиція». — *Ред.*

считаемъ нѣкоторымъ индифферентизмомъ нашего общества къ министерскимъ перемѣнамъ, подъ вліяніемъ котораго сложилась, быть можетъ, грубоватая по своей формѣ, но не лишенная въ нѣкоторыхъ случаяхъ смысла, народная поговорка: «новая метла чище мететъ». Вотъ все, до чего додумался нашъ простолюдинъ-философъ, подъ вліяніемъ старой практики, когда ему административная работа представлялась однимъ выметаніемъ сора.

Новый г. министръ внутреннихъ дѣлъ, заступившій мѣсто П. А. Валуева, восполнилъ недостатокъ нашей прессы, и самъ, обращаясь къ своимъ будущимъ сотрудникамъ, высказалъ всѣмъ намъ свои убѣжденія и начала:

Я глубоко проникнутъ сознаніемъ, что только дружнымъ соединеніемъ всѣхъ силъ мы преодолѣемъ встрѣчаемыя препятствія и перенесемъ тяжкое бремя отвѣтственности, лежащее на насъ передъ государемъ, цѣлою Россіей и нашею совѣстью.

Сознаніе «отвѣтственности передъ Государемъ, цѣлою Россіею и своею совѣстью» — есть, безспорно, лучшее слово, какого можно ожидать отъ государственнаго человѣка. При такой отвѣтственности, даже и неуспѣхъ въ борьбѣ съ встрѣчаемыми препятствіями — не служитъ въ укоръ дѣятелю. Въ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной части общества есть мысль, что будто бы земскія учрежденія относятся иногда къ числу препятствій для министерства внутреннихъ дѣлъ, и *vice versa;* но мы можемъ быть спокойны относительно новаго главы министерства, который съ такою же торжественностью заявилъ свое уваженіе къ честнымъ и твердымъ убѣжденіямъ, отказался отъ всякаго страха, внушаемаго другимъ противорѣчіями,—даже мало того, онъ сказалъ: «Я противорѣчіе вызываю и люблю на сколько не люблю противодѣйствія, въ особенности, когда это противодѣйствіе несетъ на себѣ характеръ подпольный». Впрочемъ, подпольное противодѣйствіе называется измѣною, низкимъ и омерзительнымъ поступкомъ, и мы не можемъ смѣшивать съ нимъ открытаго противодѣйствія, которое намъ оказываютъ наши друзья, желая предохранить насъ отъ собственныхъ ошибокъ. Къ чему же иначе годилась бы вся «честность и твердость убѣжденій» нашихъ друзей и сотрудниковъ, если бы они не обнаружили свою честность и твердость на *дѣлѣ*, а не на однихъ словахъ, и не имѣли бы столько гражданскаго мужества чтобы удержать насъ отъ естественныхъ для каждаго человѣка ошибочныхъ дѣйствій? Мы усомнились бы въ подобной честности и твердости убѣжденій, или заставили бы другихъ сомнѣваться въ томъ, что мы дѣйствительно любимъ убѣжденія этого рода. Разсуждая такъ, мы незамѣтно уже вступили въ противорѣчіе съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, но мы уже знаемъ, что противорѣчія онъ любитъ, и даже

скорѣе подвергаемся опасности быть заподозрѣнными въ поспѣшномъ желаніи ему угодить — противорѣчіемъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточено «управленіе по дѣламъ печати»; вотъ почему мы имѣемъ еще особые интересы въ вопросахъ о противорѣчіи и противодѣйствіи. Такъ какъ произведенія печати признаются «дѣлами», то и насъ можно обвинить не въ противорѣчіи, какъ то можно было бы предполагать по характеру рѣчи, единственнаго орудія литературы, но въ противодѣйствіи. Мы можемъ даже опасаться, что въ литературѣ всякая рѣчь, несогласная съ мнѣніемъ власти, можетъ быть признана противодѣйствіемъ, на томъ основаніи, что и самое мѣсто управленія печатью называется «главнымъ управленіемъ по *дѣламъ* печати». Все это только доказываетъ, что значеніе печати въ общемъ механизмѣ государственной жизни недостаточно уяснено, примѣромъ чего могутъ служить послѣднія пренія во французской палатѣ; а для знакомства съ ихъ подробностями читатели найдутъ у насъ ниже особую статью, написанную перомъ болѣе насъ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ юриста.

Въ своей домашней жизни, мы указали, въ январѣ и въ февралѣ, на то значеніе, которое имѣетъ болѣе свободная печать, или лучше сказать, на это указалъ намъ постигшій насъ голодъ. Общественная благотворительность и различныя правительственныя мѣры во многомъ облегчили бѣдствіе; притомъ, голодъ научилъ насъ тому, что это такое бѣдствіе, которое слѣдуетъ предвидѣть, и заранѣе готовиться къ борьбѣ съ нимъ, какъ поспѣшно закрываетъ ставни предусмотрительный хозяинъ, замѣтивъ ту черную точку на горизонтѣ, которая — онъ знаетъ — разразится градомъ. Вообще, къ чести нашего организма, надобно замѣтить, что общественныя бѣдствія не убиваютъ насъ, а часто служатъ источникомъ весьма благодѣтельныхъ перемѣнъ и преобразованій. Говоря такъ, мы вовсе не раздѣляемъ философіи Скалозуба, по поводу истребленія пожаромъ Москвы:

Пожаръ содѣйствовалъ ей много къ украшенью!

Но думаемъ, что полезнѣе доходить до многаго умомъ, и креститься прежде, чѣмъ громъ грянетъ; остается только радоваться, что бѣдствія у насъ пересиливаются юностью жизни, и быть можетъ, не проходятъ даромъ для зрѣлости мысли.

Подражая весьма благоразумно Пруссіи, мы также воспользовались голодомъ для желѣзно-дорожнаго дѣла, и мартъ ознаменовался и въ этомъ отношеніи новыми фактами, весьма важными для будущей экономической жизни Россіи.

Къ краткой, но уже обильной результатами, исторіи нашихъ рельсовыхъ сообщеній въ послѣднее время присоединились три важные факта: послѣдовали повелѣнія относительно постройки желѣзныхъ до-

рогъ: 1) петербурго-гельсингфорсской; 2) московско-смоленской и 3) курско-харьковско-азовской. Первая изъ нихъ будетъ строиться при участіи нашего правительства въ расходахъ; вторая—самимъ правительствомъ; наконецъ, постройка третьей предоставлена частному лицу, за которое ходатайствовало харьковское земство.

Желѣзно-дорожное дѣло въ послѣдніе года, сдѣлало у насъ огромные успѣхи. Относительно энергіи, съ какою оно развивается, съ какою возникаютъ сметныя ходатайства, и съ какою строятся самыя дороги—намъ не остается желать ничего. Недальше, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, то есть, когда въ Англіи и Бельгіи желѣзныя дороги уже получили огромное развитіе, а во Франціи уже были построены главные пути, у насъ еще не рѣшонъ былъ вопросъ: полезны ли вообще желѣзныя дороги для Россіи, и инженеръ-генералъ Дестремъ высказывалъ отрицательное мнѣніе. Правда, царскосельская дорога[1]) существовала; но ея примѣръ не могъ считаться серьознымъ, тѣмъ болѣе, что для существованія ея оказывался необходимымъ павловскій оркестръ. Долго строилась Николаевская дорога, а громадныя суммы, которыхъ стоило ея построеніе, затруднительность, съ какою производились даже вознагражденія лицамъ, уступившимъ подъ нее земли, и бѣдствіе нѣсколькихъ подрядчиковъ, все это какъ бы свидѣтельствовало скорѣе противъ удобства введенія у насъ рельсовыхъ путей. А между тѣмъ, простого взгляда на исполинскую нашу карту достаточно, чтобы убѣдиться, до какой степени именно Россіи были необходимы желѣзныя дороги.

Настоящему царствованію принадлежитъ серьозная рѣшимость покрыть Россію систематическою рельсовою сѣтью, сократить въ ея сообщеніяхъ затруднительность громадныхъ пространствъ выигрышемъ во времени. Контрактъ съ «Главнымъ обществомъ» желѣзныхъ дорогъ знаменуетъ собою эту эру. Но не ранѣе, какъ съ 1862 года, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ сдѣлалось у насъ популярнымъ, живо заинтересовало общество, стало предметомъ частной спекуляціи. Съ тѣхъ поръ, дѣло это получило необыкновенное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, теперь у насъ построено и строится (за исключеніемъ трехъ новыхъ выше названныхъ) 7,225 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ этого числа на 4,325 верстахъ уже производится движеніе. Мы имѣемъ уже до 30 линій желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ или строящихся. Ко-

---

[1]) Эта «бабушка» русскихъ желѣзныхъ дорогъ подаетъ не доблестные примѣры своимъ внукамъ. Въ послѣднее время, не допустивъ конкурренціи для себя варшавской желѣзной дороги, которая могла доставлять пассажировъ еще не въ Царское, а только на станцію Александровскую (въ 5 верстахъ отъ города), царскосельская компанія нашла возможнымъ увеличить у себя плату за проѣздъ въ Царское Село и Павловскъ.

нечно, это еще немного въ сравненіи съ главными европейскими государствами. Такъ, напримѣръ:

Англія въ 1865 году имѣла желѣзн. дорогъ. . . .	19,933 версты
Франція въ 1866 году около	13,600 »
Пруссія въ 1866 году около	10,500 »

Англія и Франція дошли до того, что имъ остается прибавлять къ своимъ сѣтямъ только побочныя линіи. Но этихъ побочныхъ линій будетъ проведено на такое пространство, которое нельзя даже и сколько нибудь приблизительно предвидѣть. Такъ, въ приведенной цифрѣ французскихъ желѣзныхъ дорогъ не заключаются недостроенныя, ни уже концессіонированныя линіи, почти на 6,000 верстъ. Въ Англіи и Франціи строятся, можно сказать, и проселочныя желѣзныя дороги. Постройка желѣзныхъ путей тамъ продолжается съ такимъ рвеніемъ, что въ Англіи прибавляется ежегодно около 750 верстъ рельсоваго пути; такимъ образомъ, нынѣшняя цифра желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, по сравненію съ 1865 годомъ можетъ быть принята приблизительно до 21,400 верстъ. Во Франціи же, къ 1 января 1868 года, было открыто 14,764 версты [1].

Эти цифры, конечно, способны удержать въ умѣренныхъ предѣлахъ наше самодовольствіе по поводу полученныхъ нами результатовъ, особенно, если мы сравнимъ пространства упомянутыхъ государствъ съ пространствомъ Россіи. Но Англія строитъ желѣзныя дороги уже сорокъ два года; Франція—двадцать шесть лѣтъ (мы не считаемъ маленькую сен-жерменскую и нѣкоторыя другія, существовавшія до 1842 г., какъ у насъ давно существуетъ царскосельская).

Англія издержала на этотъ предметъ, путемъ одной частной предпріимчивости около .	500 милл. фунт.
Франція около	6,500 милл. франк.
(цифра 1866 г.) и въ этой суммѣ участіе казны представляется цифрою	970 » »
Въ Россіи, съ 1862 года, правительство издержало на постройку, покупку рельсовъ, гарантію и ссуды обществамъ, покупку ихъ акцій и т. д., всего	113,189,822 рублей.

Уже эта одна цифра показываетъ, съ какою энергіею принялись у насъ въ послѣдніе года за великое для пользы Россіи дѣло. Остается желать, чтобы въ качественномъ отношеніи мы дѣлали такіе же успѣхи, какъ въ отношеніи количественномъ. Но къ этому мы еще возвратимся.

Немудрено, что желѣзно-дорожное дѣло не скоро привилось у насъ.

---

[1]) Revue des deux Mondes, 1 mars 1868. Статья Максима Дюкана.

Нѣчто въ томъ же родѣ мы видимъ и въ исторіи французскихъ желѣзныхъ путей. Англія и Бельгія имѣли уже развитыя сѣти, когда Франція еще не рѣшалась серьезно приступить къ дѣлу. Въ 1836 году, когда въ Англіи было уже открыто для движенія около 3,000 верстъ, во Франціи было готово менѣе 140 верстъ. 1842-й годъ означаетъ въ исторіи французскихъ желѣзныхъ дорогъ такую же эру, какъ 1862-й годъ у насъ, т. е. начало пробужденія частной предпріимчивости. Въ постройкѣ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ участвовала она одна; бельгійскія дороги, существовавшія въ то время, были, наоборотъ, всѣ построены правительствомъ. Франція избрала путь средній, комбинировала правительственную помощь, въ видѣ гарантій, съ частною дѣятельностью. Мы, послѣ примѣра Николаевской дороги, обратились къ тому же способу, хотя, впрочемъ, отъ него и впослѣдствіи дѣлались отступленія, какъ въ видѣ дорогъ строимыхъ непосредственно правительствомъ (напр. московско-курская), такъ и въ видѣ частныхъ дорогъ, правительствомъ негарантированныхъ (какъ напр. московско-ярославская).

Наши столицы, въ желѣзно-дорожной системѣ, занимаютъ положеніе, соотвѣтствующее тому, какое принадлежитъ имъ въ исторіи русскаго государства. Петербургъ, посредникъ между Европою и Россіею, стоитъ во главѣ угла образуемаго двумя главными нашими линіями: одною онъ сообщается съ Европою, соединяется съ западнымъ краемъ, держитъ Польшу, и посредствомъ перекрестнаго пути, изъ Риги въ Динабургъ и изъ Динабурга въ Витебскъ, довершаетъ объединеніе западныхъ провинцій въ своихъ рукахъ. Другою линіею, онъ посылаетъ во внутрь Россіи, черезъ Москву товары и цивилизующія средства запада. Предпринятая нынѣ дорога изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, откуда проложена уже дорога въ Тавастгусъ, соединитъ Петербургъ съ центромъ западной Финляндіи. Большой коммерческой выгоды гельсингфорская дорога для Россіи, конечно, не представитъ. Мы вывозимъ изъ Финляндіи продуктовъ всего на 3 милл. рублей, а въ нашемъ ввозѣ туда, составляющемъ болѣе чѣмъ двойную сумму, главное мѣсто занимаетъ нужный собственно для Финляндіи хлѣбъ, котораго мы отправляемъ туда за 4 милл. рублей ежегодно. Дорога эта важна собственно для продовольствія Финляндіи. По всей вѣроятности она дастъ новое развитіе литейнымъ заводамъ княжества. Но этотъ путь будетъ очень важенъ въ стратегическомъ отношеніи, въ случаѣ появленія сильнаго непріятельскаго флота въ Финскомъ заливѣ и блокады Кронштадта и Свеаборга. Рельсовое соединеніе съ Гельсингфорсомъ устранитъ тотъ недостатокъ боевыхъ средствъ, который ощущался въ Свеаборгѣ во время послѣдней войны, несмотря на всѣ усилія военнаго министерства удовлетворять многократнымъ просьбамъ графа Берга. Сверхъ того, постройка финляндской желѣзной дороги имѣетъ еще

особое значеніе въ настоящее, бѣдственное для населенія княжества, время. Для того, чтобы дать ему возможность прокормиться и получить средства для засѣва полей, необходимо начать работы какъ можно ранѣе весною. Какъ слышно, къ работамъ уже и приступаютъ.

Другая столица, Москва, остается въ желѣзно-дорожной системѣ вѣрна своей исторической роли—собирательницы русской земли. Она стоитъ въ центрѣ желѣзныхъ путей великорусскихъ и соединяющихъ новороссійскія области съ Великоруссіею. Изъ Москвы, центра русскаго единства, стелется лучами цѣлая паутина желѣзныхъ дорогъ, на сѣверо-востокъ, востокъ, юго-востокъ, югъ и юго-западъ. На сѣверо-востокъ строится дорога ярославская; прямо къ востоку идетъ—нижегородская, съ вѣтвью на Шую и Ивановъ; на юго-востокъ идетъ дорога черезъ Рязань на Козловъ, съ вѣтвью на Моршанскъ. Съ этой-то дорогой предполагаютъ саратовское и тамбовское земства соединить свои главные города. Эта важная дорога въ Козловъ измѣняетъ свое направленіе къ юго-западу, на Воронежъ. До Воронежа, какъ извѣстно, она недавно уже открыта. Отсюда предполагается восточная вѣтвь къ Азовскому морю, которая должна соединять Воронежъ съ Грушевкою, а тамъ соединиться съ аксайско-грушевскою дорогою, уже построенною. О дорогѣ отъ Воронежа до Грушевки хлопочутъ воронежское земство и ростовское городское общество, которыя уже строятъ дорогу отъ Ростова до Аксайской станицы.

На югъ изъ Москвы идетъ желѣзная дорога черезъ Тулу и Орелъ на Курскъ. До Курска она готова. Но отъ Курска ее ведутъ, съ одной стороны, на юго-западъ, къ Кіеву (вся эта дорога строится правительствомъ); съ другой же—къ Азовскому морю черезъ Харьковъ и Бахмутъ въ Таганрогъ. Объ этой вѣтви хлопотало харьковское земство. Постройка ея поручается правительствомъ частному лицу, извѣстному по желѣзно-дорожнымъ постройкамъ. Это лицо вноситъ милліонъ рублей залога, въ ручательство за построеніе дороги до Харькова въ 18 мѣсяцовъ. Нѐчего настаивать на важности курско-харьковской вѣтви собственно для Харькова. Но едва ли не роскошь предпринимать въ одно время двойное соединеніе съ центромъ Россіи — именно, и черезъ Воронежъ, и черезъ Харьковъ съ Курскомъ — Азовскаго моря. Стратегическія соображенія, которыми у насъ любятъ замѣнять остальныя, въ этомъ случаѣ, надѣемся, ужъ никакъ приводимы быть не могутъ.

Другое дѣло была бы дорога въ Крымъ. Керчь обращается для насъ теперь во второй Севастополь. Но изъ проектовъ желѣзно-дорожнаго соединенія съ Крымомъ пока слышно только о предполагаемой екатеринославскимъ земствомъ дорогѣ на Ѳеодосію.

Собственно на югѣ, законнымъ и самостоятельнымъ центромъ желѣзно-дорожной системы является Одесса. Въ общей системѣ нашихъ желѣзныхъ путей ей будетъ принадлежать мѣсто узла юго-западной

сѣти. Изъ Одессы коренная линія идетъ на сѣверъ на Балту; отъ нея отдѣляется готовая дорога на Тирасполь, откуда она пойдетъ на Кишиневъ. Далѣе, отъ балтской желѣзной дороги строится дорога (готова до Ольвіополя) на Елисаветградъ, которая пойдетъ современемъ на Полтаву и Харьковъ; сама же балтская дорога, продолжая направленіе къ сѣверу, строится далѣе на Кіевъ, съ лучами на Бердичевъ и на Волочискъ. Такимъ образомъ, Одесса будетъ стоять во главѣ сѣти соединяющей съ нею Малороссію, а сама черезъ Кіевъ, Курскъ, Орелъ и Тулу соединится съ Москвой и Петербургомъ.

Два небольшіе желѣзные пути стоятъ особняками на востокѣ и югѣ: мы говоримъ о построенной уже волжско-донской дорогѣ — изъ Царицына къ Калачу, и изъ строющейся за Кавказомъ — отъ Тифлиса къ Черному морю, въ Поти.

На востокѣ и сѣверѣ предпринимаются важныя, въ разныхъ отношеніяхъ, большія дороги: сибирская, самарско-оренбургская и вятско-двинская. О первой говорить еще рано, такъ какъ только-что начаты изысканія; на вятско-двинской и оренбургской дорогѣ изысканія уже окончены.

Если разныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ въ Россіи мы примѣрно обозначимъ двумя какъ бы параллельными линіями, идущими съ юго-запада къ сѣверо-востоку, именно отъ Варшавы до Петербурга и отъ Кіева до Нижняго Новгорода, то увидимъ, что ихъ пересѣкаютъ въ настоящее время двѣ поперечныя линіи: изъ Петербурга въ Москву и изъ Риги въ Орелъ. Эти поперечныя линіи какъ бы связываютъ двѣ главныя артеріи и каждая изъ нихъ имѣетъ большое значеніе. Параллельно имъ пройдетъ еще одесско-черновицкая линія, и тогда наши главныя и срединныя дороги представятъ подобіе лѣстницы съ тремя ступенями. Всѣ эти поперечины важны и въ коммерческомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ; онѣ соединяютъ пункты, которые дѣйствительно нуждаются въ соединеніи: Петербургъ съ Москвою, Ригу съ Орломъ, Одессу съ Галиціею.

Мы высказали выше желаніе, чтобы наши желѣзныя дороги преуспѣвали въ качественномъ отношеніи столько же, сколько онѣ преуспѣваютъ въ отношеніи количественномъ. Какъ ни неудовлетворительно нынѣшнее положеніе Николаевской желѣзной дороги—но нельзя не признать огромной заслуги за строителями ея, и за ея личнымъ составомъ въ устраненіи особенно значительныхъ несчастныхъ случаевъ на ней. Частныя дороги, въ короткое время своего существованія, уже представили печальные примѣры. Само собою разумѣется, что отсюда можно заключить — не къ устраненію частной предпріимчивости, что́ было бы нелѣпостью, а только къ усиленію контроля правительства надъ частными правительствами и компаніями. Съ своей стороны, общество должно было бы привыкнуть къ мысли, что про-

медленія поѣздовъ и различныя притѣсненія на желѣзныхъ дорогахъ могутъ быть устраняемы только имъ самимъ, частыми обращеніями къ суду. Но можно почти навѣрное сказать, что, напримѣръ, неисправность, обнаруженная въ послѣднее время на козловской дорогѣ, останется безъ всякаго возмездія со стороны Общества.

Современное положеніе Николаевской дороги, къ сожалѣнію, таково, что образцомъ для частныхъ она уже́ служить не можетъ. Правда, сборъ ея ежегодно возрастаетъ: съ 5 милліоновъ онъ возросъ до 14 мил. Но огромный расходъ на эксплоатацію, доходящій до 70% валового дохода, между тѣмъ, какъ тотъ же расходъ на нижегородской дорогѣ Главнаго общества составляетъ всего 42½%, а также недостаточность подвижного состава, составляющая огромное стѣсненіе для торговли и неудовлетворительность его, служащая причиною частыхъ опаздываній поѣздовъ, указываютъ на необходимость радикальныхъ преобразованій.

Должны ли эти преобразованія представиться непремѣнно въ видѣ продажи Николаевской дороги? На такое мнѣніе легко было бы представить полновѣсные отрицательные доводы; можно было бы съ полною увѣренностью утверждать, что невыгодность эксплоатаціи могла быть устранена и при казенномъ управленіи. Въ самомъ дѣлѣ, примѣръ дешевизны эксплоатаціи по нижегородской дорогѣ, приводимый сторонниками передачи Николаевской дороги Главному обществу, составляетъ исключеніе въ его хозяйствѣ. Изъ самаго отчета Главнаго общества явствуетъ, что въ общемъ итогѣ оно издерживало на эксплоатацію около 60% валового дохода, и еще только принимаетъ мѣры къ уменьшенію этихъ расходовъ. Сверхъ того, когда говорится объ эксплоатаціи Николаевской дороги и о самомъ управленіи ею, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тутъ не во всѣхъ недостаткахъ виновато казенное управленіе, и что собственно на министерство путей сообщенія не можетъ падать вся отвѣтственность во многомъ, что́ ея касается. Дѣло въ томъ, что управленіе дороги дѣйствуетъ въ условіяхъ особаго рода хартіи, называемой «контрактомъ г. Уайненса». Контрактъ этотъ, во время перваго его существованія, общимъ голосомъ былъ признаваемъ за диковину. Онъ сдѣлалъ своего владѣтеля милліонеромъ, который предполагаетъ теперь купить Николаевскую дорогу; а во что́ онъ обошелся ей, и какихъ стѣсненій онъ былъ причиною—объ этомъ мы узнаемъ только тогда, когда онъ прекратится, если только можно допустить мысль о существованіи Николаевской дороги безъ г. Уайненса или прямыхъ его наслѣдниковъ.

Теперь, когда идетъ рѣчь о продажѣ Николаевской желѣзной дороги какому либо частному обществу, предполагается, дѣломъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію, уничтоженіе контракта съ г. Уайненсомъ; никто и не думаетъ принимать его на себя. Однимъ словомъ,

выгодная эксплоатація дороги, при его существованіи, признается совершенно невозможною. Но если это такъ, то не ясно ли, что въ невыгодности эксплоатаціи дороги, при казенномъ управленіи, главную роль игралъ именно этотъ контрактъ? Если бы не заключали его или если бы захотѣли его устранить, то невыгодность эксплоатаціи, ведущая нынѣ къ продажѣ дороги, была бы устранена въ важнѣйшемъ своемъ условіи и при оставленіи дороги въ казенномъ управленіи. Почему этого не было сдѣлано — мы не знаемъ. Полагаемъ только, что ни возобновленіе контракта съ г. Уайненсомъ, ни устраненіе всякой мысли о возможности отмѣнить его путемъ ли суда или выкупа, не могли вполнѣ зависѣть отъ министерства путей сообщенія; думаемъ такъ именно потому, что между вѣдомствомъ путей сообщенія и г. Уайненсомъ недоразумѣнія и препирательства составляли нормальное положеніе дѣлъ.

Теперь, когда продажа дороги давно рѣшена въ принципѣ, мы указываемъ на эти факты прошлаго только потому, что однимъ изъ конкуррентовъ на покупку дороги является тотъ же г. Уайненсъ. Онъ было устранился одно время, и на лицо оставались только Главное общество и московская компанія; но что̀ можетъ помѣшать ему впередъ заключить условіе съ главнымъ акціонеромъ Главнаго общества, съ представителемъ дома Бэрингъ и комп., относительно покупки значительнаго количества акцій Главнаго общества, въ случаѣ передачи Николаевской дороги этому обществу? Такъ или иначе, г. Уайненсъ опять будетъ въ этомъ дѣлѣ, и въ результатѣ Николаевская дорога останется, по-прежнему, его доходною статьей, потому именно, что существуетъ контрактъ съ г. Уайненсомъ, который никому не выгодно выкупать. Контрактъ этотъ заключенъ съ 1 іюля 1866 года на 8 лѣтъ, т. е. по 1 іюля 1874 г. Г. Уайненсу, стало быть, остается пользоваться имъ около 6 лѣтъ. За расторженіе контракта онъ требуетъ 7 милл. 600 тысячъ рублей, да за окончаніе его процесса, по-прежнему контракту, 5 милл., да еще въ уплату ему за запасы матеріаловъ и частей $1\frac{1}{2}$ милл. Однимъ словомъ, онъ желаетъ получить болѣе 14 милліоновъ рублей. Громадность этой суммы показываетъ, между прочимъ, и громадную выгодность контракта для г. Уайненса. Кто бы ни принималъ на себя желѣзную дорогу, безъ участія г. Уайненса, тотъ, очевидно, долженъ заплатить ему эти лишніе 14 милліоновъ, или требовать, чтобы ихъ заплатило правительство, что все равно, потому что на столько же предложеніе его для казны будетъ менѣе выгодно. Спасти отъ г. Уайненса Николаевскую желѣзную дорогу, будетъ ли она продана или нѣтъ, можетъ только одинъ, сколько нибудь благоразумный § 84 контракта, въ силу котораго правительство имѣетъ право прекратить этотъ контрактъ по прошествіи шести лѣтъ, т. е. 1 іюля 1872 года, заплативъ контрагенту сумму,

равную только 2% всей контрактной суммы за предъидущія 6 лѣтъ. А въ такомъ случаѣ можно утверждать, что г. Уайненсу осталось пользоваться контрактомъ всего около четырехъ лѣтъ. За 4 года уплачивать 8 милл. 600 тысячъ (процессное вознагражденіе оставимъ въ сторонѣ) — ни съ чѣмъ несообразно: вѣдь это придется по два милліона въ годъ! Надобно думать, что на этотъ § 84 будетъ, наконецъ, обращено вниманіе, хотя бы для умѣренія требовательности г. Уайненса, если только въ истекающихъ двухъ годахъ со времени возобновленія контракта не было достаточно данныхъ, чтобы просто уничтожить контрактъ на основаніи § 48, а именно, по недостаточности и неудовлетворительности подвижного состава. Дѣло о продажѣ Николаевской дороги едва ли не усложнено той самой мѣрою, которая была предпринята для облегченія ея. Правительство сдѣлало въ прошломъ году, безъ яснаго обозначенія—подъ залогъ ли дороги или нѣтъ—заемъ въ 75 милл., изъ которыхъ реализировано только 44 милл. 500 тысячъ металлическихъ рублей. Уплату процентовъ и погашеніе по этому займу, именно 3,115,540 р., долженъ принять на себя пріобрѣтатель дороги. Сверхъ того, онъ долженъ предоставить правительству новый заемъ, который надо сдѣлать выпускомъ новыхъ облигацій.

Главное общество за пользованіе Николаевскою дорогою въ теченіи 84 лѣтъ предлагаетъ платить изъ валового дохода, на проценты и погашеніе обоихъ этихъ займовъ, 6 милл. металлическихъ рублей изъ дохода, съ тѣмъ, чтобы правительство гарантировало эту сумму дохода, и потому требуетъ изъ новаго займа предоставленія себѣ части его, именно около $13^1/_2$ милл. бумажныхъ рублей на исправленіе дороги. Оно требуетъ еще $1^1/_2$% изъ валового дохода, пока не составится капиталъ въ 3 милл. рублей, для замѣны мостовъ деревянныхъ желѣзными. Изъ избытка дохода противъ упомянутыхъ 6 милл., Главное общество предоставляетъ правительству $^3/_4$, на пополненіе его гарантіи по дорогамъ варшавской и нижегородской, и затѣмъ на уплату долга Общества правительству (84 милл. р.).

Московское общество предлагаетъ платить правительству ежегодно $7^1/_2$ милл. бумажныхъ рублей, не требуя гарантіи въ поступленіи такого дохода и даже предлагая залоги. На исправленіе дороги оно не требуетъ себѣ доли изъ новаго предполагаемаго займа, а обязуется само собрать съ этой цѣлью 15 милл. бумажныхъ денегъ и опять предлагаетъ залоги; расходъ по замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными оно принимаетъ на себя. Наконецъ, изъ излишка доходовъ, за исключеніемъ изъ валового сбора 50% на эксплоатацію и $7^1/_2$ милл., только по истеченіи 10 лѣтъ предлагаетъ дѣлиться съ правительствомъ, предоставляя ему 40%, себѣ 40%, а 20% на улучшеніе дороги же.

Итакъ, Московское общество въ предложеніяхъ своихъ руковод-

ствуется системою совершенно отличною отъ Главнаго общества. Имѣя въ виду, что доходъ съ дороги возросъ съ 5 до 14 милл., оно главнымъ образомъ разсчитываетъ на будущее и предлагаетъ для этого затраты въ настоящемъ (такъ, вознагражденіе г. Уайненсу оно беретъ пополамъ съ правительствомъ, между тѣмъ, какъ Главное общество оставляетъ его на одномъ правительствѣ). Главное же общество, какъ должникъ правительства, имѣетъ въ виду весь почти излишекъ въ будущемъ обратить на погашеніе своего почти неоплатнаго долга. Сторонники Московскаго общества сильно напираютъ на тотъ фактъ, что оно предлагаетъ правительству не 6 милл. ежегодно, а $7\frac{1}{2}$. Но спрашивается, сколько доставятъ барыша казнѣ эти $1\frac{1}{2}$ милл. въ 84 года, когда всѣ 7 милл. предлагаются *бумагою*, а Главное общество предлагаетъ ихъ звонкою монетою. Чтó Московское общество не требуетъ гарантіи для дохода, который оно обѣщаетъ правительству, это, конечно, преимущество предъ Главнымъ обществомъ; но не слѣдуетъ преувеличивать его значенія, такъ какъ ясно, что расходы по эксплоатаціи могутъ быть сокращены, по меньшей мѣрѣ, до 50% (это можно даже поставить въ условіе гарантіи), а тогда доходъ изъ нынѣшняго валового дохода 14 милл. будетъ не 6, а даже 7 милл., стало быть гарантія не опасна.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равныхъ условіяхъ выгоднѣе предпочесть своихъ; но такъ какъ дѣло связано съ заключеніемъ новаго займа, то спрашивается, въ состояніи ли будетъ Московское общество сдѣлать его, и сдѣлать такъ выгодно, какъ Главное общество, котораго акціи и облигаціи котированы на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Весь вопросъ въ томъ, солидна ли московская компанія. Противъ Главнаго общества говоритъ безпорядочное его хозяйство въ первую эпоху его существованія; но и въ такомъ случаѣ благоразуміе требуетъ, со стороны правительства, поддержать своего должника, и доставить ему всѣ средства къ возвращенію долга.

Первыя предложенія г. Уайненса были соблазнительнѣе всѣхъ. Мы не станемъ исчислять ихъ, такъ какъ не знаемъ, въ какомъ видѣ онъ возобновитъ ихъ. Скажемъ только, что онъ предлагалъ просто уплатить правительству звонкою монетою 75 милліоновъ, да еще жертвовалъ на портъ въ Ораніенбаумѣ. Это, конечно, составляетъ меньшій итогъ, чѣмъ годичная уплата процентовъ и капитала другими обществами по прежнему, да еще новому займу и дѣлежъ избыткомъ доходовъ въ будущемъ. Но за то, какъ соблазнительно! Г. Уайненсъ на это дѣло мастеръ. Если же сообразить, что за эти 75 мил., онъ получалъ бы въ теченіи 84 лѣтъ весь доходъ съ дороги, который можетъ возвыситься въ теченіи такого времени до средней цифры милліоновъ до 20 (хотя бы и бумажными деньгами), то дѣло будетъ какъ говорится «не безвыгодное». Правда, что онъ лишился бы на 4 года

непомѣрныхъ выгодъ отъ своего контракта, но за то же ему не пришлось бы выкупать его. Онъ потерялъ бы, быть можетъ, милліона 4, но за то не заплатилъ бы 14 мил., которыхъ теперь требуетъ себѣ. Стало быть не остался бы въ накладѣ.

Такимъ образомъ, положеніе всего вопроса въ настоящую минуту можно опредѣлить такъ: г. Уайненсъ дѣлаетъ предложеніе соблазнительное. Московская компанія имѣетъ то достоинство, что она своя и предложеніе ея выгодно; но солидна ли она? Наконецъ, Главное общество — предлагаетъ меньше, но оно уже такъ солидарно съ казною своимъ долгомъ, что помочь ему не все равно, что помочь кому нибудь постороннему.

Техническія условія для передачи николаевской дороги составлены особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ графа Строгонова, и опубликованы. Говорятъ, что всѣ конкурренты потребовали значительныхъ въ нихъ измѣненій. Теперь въ министерствѣ финансовъ составляются условія финансовыя. Затѣмъ, предложенія конкуррентовъ поступятъ въ комитетъ министровъ.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ у насъ, теперь уже согласно признаваемое всѣми за одну изъ главныхъ потребностей Россіи, будетъ непремѣнно имѣть вліяніе на нашу торговлю и производительность, какъ земледѣльческую, такъ и фабричную. На самомъ дѣлѣ, только желѣзныя дороги могутъ поставить въ правильныя условія и торговлю и производительность. Фальшивость какого-либо принципа лучше всего доказывается такимъ проявленіемъ его, которое представляетъ посягательство на самую цѣль, для которой оно заявляется. Что торговля и производительность всякаго рода находятъ сильный рычагъ въ желѣзныхъ дорогахъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Что желѣзно-дорожное дѣло, въ свою очередь, да и вся производительность могутъ преуспѣвать только при дешевизнѣ и распространенности машинъ — это тоже аксіома. Дешевизна, доступность хорошихъ машинъ представляетъ одно изъ главныхъ основаній развитія какъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и большинства отраслей фабричнаго производства. Между тѣмъ, наши ревнители отечественной производительности подняли руку именно на это основаніе. Тарифная коммисія нашла, что безпошлинное допущеніе машинъ въ Россію нарушаетъ интересы нашихъ механическихъ заводовъ, и рѣшила ввести покровительственныя пошлины на ввозъ машинъ. И это въ то время, когда Россія такъ нуждается въ развитіи желѣзныхъ дорогъ, въ то время, когда производительность въ ней такъ нуждается въ усовершенствованныхъ механизмахъ! Здѣсь, можно прямо сказать, система «покровительства» внутренней производительности сама подняла руку на эту производительность. Фальшивый принципъ, развиваемый логически, непремѣнно ведетъ къ абсурду. Тарифная коммисія позаботилась о проведеніи логики протекціонизма.

Какъ интересы большинства, т. е. потребителей, протекціонизмъ приноситъ въ жертву интересамъ меньшинства, т. е. фабрикантовъ, такъ онъ же интересы большинства самихъ фабрикантовъ — мало того, интересы какъ фабричной, такъ и земледѣльческой производительности — приноситъ въ жертву нѣсколькимъ владѣльцамъ механическихъ заводовъ. За тѣмъ, остается еще одинъ шагъ: сдѣлать стачку немногихъ существующихъ у насъ механическихъ заводовъ и предупредить даже и внутреннюю конкуренцію крупнымъ заводчикамъ. Тогда остановятся у насъ и желѣзно-дорожное дѣло, и усовершенствованіе земледѣлія машинами, и стѣснится всякое производство, нуждающееся въ машинахъ, и все это будетъ сдѣлано «въ интересахъ *всей* производительности». Quos deus perdere vult...

Такимъ подвигомъ тарифная коммисія ознаменовала послѣдній мѣсяцъ своей дѣятельности, явивъ собою развѣ еще одинъ примѣръ того, какъ мало способно всякое замкнутое въ своихъ интересахъ сословіе къ предпочтенію интересовъ общихъ своимъ непосредственнымъ, хотя бы фальшиво понятымъ барышамъ. Протекціонизмъ — иностранное слово, у насъ съ этой минуты можетъ быть замѣнено своимъ; протекціонизмъ — это значитъ барышничество, искусственное возвышеніе цѣнъ.

Результаты работъ тарифной коммисіи переносятся теперь въ другой комитетъ, составленный изъ лицъ исключительно правительственныхъ, подъ предсѣдательствомъ К. В. Чевкина. Какъ мы слышали, въ этомъ комитетѣ обложеніе ввозныхъ машинъ пошлиною имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ, и подвигъ нашего мануфактурнаго «самоуправленія» остается только пріятнымъ примѣромъ для противниковъ начàла самоуправленія вообще, которое бываетъ благотворно единственно подъ условіемъ соглашенія частныхъ интересовъ съ общими; иначе это будетъ — самоуправство. Чѣмъ бы кончилось дѣло, еслибъ Петръ В. созвалъ коммиссію, на подобіе нынѣшней тарифной, для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли къ намъ вводить иностранные порядки, или нѣтъ. Тарифная коммиссія даетъ намъ близкое понятіе о томъ, какъ былъ бы рѣшенъ тогда этотъ вопросъ.

Въ области внѣшней политики продолжаются симптомы такъ называемаго «колебанія союзовъ». Съ тѣхъ поръ, какъ европейскія правительства отказались отъ союзовъ по принципамъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ этихъ правительствъ явились такія, которыхъ происхожденіе не однородно съ происхожденіемъ остальныхъ, и какъ эти остальныя, отложивъ принципы въ сторону, стали вступать съ первыми въ союзы, смотря по надобности, стали заключать союзы даже съ силами совершенно неправительственными, но не подчиняясь имъ, не

отыскивая въ нихъ новаго принципа, а думая только обратить ихъ въ свои орудія на данный случай—съ этихъ поръ «колебаніе союзовъ» сдѣлалось явленіемъ господствующимъ. Рядомъ съ такими правительствами, каково въ Англіи, въ Россіи, на нашихъ глазахъ явились правительства въ Германіи и Италіи, обязанныя своимъ происхожденіемъ такимъ силамъ, противъ которыхъ они долгое время боролись упорно; имъ предшествовало французское правительство, имѣющее также происхожденіе *sui generis*; дѣйствуя внутри безъ всякихъ принциповъ, они также развязны и во внѣшней политикѣ, въ выборѣ союзовъ не только съ правительствами, но и съ силами неправительственными, какъ напр. Франція поддерживала польское возстаніе. Долго ли продолжится такое положеніе дѣлъ — предвидѣть нельзя, но можно утверждать, что оно прекратится только вмѣстѣ съ великимъ недоразумѣніемъ, заставляющимъ видѣть въ принципахъ только орудія, дозволяющимъ забывать, что эти сегодняшніе наши слуги копятъ себѣ достояніе ошибками господъ, и, наконецъ, явятся сами господами, когда слабые, ветхіе изъ этихъ слугъ исчахнутъ окончательно на службѣ, а юные, бодрые, свѣжіе предъявятъ ко взысканію подписанные въ ихъ пользу векселя. Исторія ведетъ человѣчество впередъ иногда путемъ недоразумѣній. Слишкомъ ясная постановка вопросовъ обусловила бы взаимную нейтрализацію силъ — застой. При преобладаніи такой политики, понятно, отношенія между государствами могутъ ежедневно колебаться, и достаточно одной поѣздки наслѣднаго принца прусскаго для присутствованія при свадьбѣ итальянскаго принца, чтобы въ отношеніяхъ Пруссіи съ Италіею произошли какія-либо перемѣны, чтобы между ними были заключены какіе-либо временные уговоры. Въ настоящую минуту, достаточно было поѣздки принца Наполеона въ Берлинъ, чтобы смутить спокойствіе всей Европы. И въ самомъ дѣлѣ, почему же нѣтъ? Вѣдь императоръ Наполеонъ можетъ имѣть въ виду такую комбинацію, чтобъ склонить Пруссію на свою сторону, отказавшись отъ всякаго противодѣйствія полному объединенію Германіи и затѣмъ двинуться съ Австріею и Пруссіею (или при нейтралитетѣ Пруссіи) на Россію. Дядя его это сдѣлалъ; онъ можетъ мечтать объ этомъ. Но ничто не мѣшаетъ ему также остановиться на комбинаціи прямо противоположной: предложить Россіи чрезъ Пруссію свое согласіе на возбужденіе восточнаго вопроса въ большихъ размѣрахъ. Если Пруссія допуститъ это, то Россія современемъ уже не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи и не станетъ защищать ее противъ нападенія Франціи и Австріи. Если Пруссія отвѣтитъ отказомъ—она поколеблетъ свои дружественныя отношенія къ Россіи. Однимъ словомъ, нынѣшняя политика до такой степени сдѣлалась способною на все и годною ко всему, что, по выраженію Наполеона III, въ наше время ошибается только тотъ, кто думаетъ, что онъ дѣйствуетъ по заранѣе обдуманному плану,

и знаетъ, чего онъ хочетъ. Могутъ ли быть союзы, при этомъ качествѣ политики, прочны, и есть ли такое ничтожное событіе, которое не опрокинуло бы въ одинъ день комбинаціи цѣлаго мѣсяца?

Поѣздку принца Наполеона объясняли именно тѣми двумя, вышеизложенными, способами. Какъ бы мечтательны эти объясненія намъ ни казались—особенно послѣднее, представленное берлинскимъ корреспондентомъ «Times»—мы не можемъ безусловно отвергнуть ихъ. Вѣдь мы видѣли же, какъ императоръ Наполеонъ замышлялъ поднять латинскую расу основаніемъ имперіи за океаномъ, въ сѣверной Америкѣ—проектъ неменѣе мечтательный! Несомнѣнно, что въ Берлинѣ происходило, во время пребыванія тамъ французскаго принца, нѣкоторое колебаніе. Партія «Крестовой газеты» сильно высказывалась противъ сдѣлокъ съ Франціею, утверждая, что въ дѣйствительности Франція замышляетъ нападеніе на Пруссію, въ союзѣ съ Австріею и Италіею. По возвращеніи принца въ Парижъ, оффиціозныя французскія газеты, прежде отвергавшія политическую цѣль поѣздки его въ Берлинъ, стали провозглашать, что она имѣла весьма благопріятныя послѣдствія «для поддержанія мира». Пронесся даже слухъ о новомъ свиданіи между императоромъ Наполеономъ и прусскимъ королемъ въ будущемъ іюнѣ.

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ изъ Берлина, которыя теперь подтверждены изъ Парижа, прусское правительство разослало циркуляръ, въ которомъ объясняетъ, что поѣздка принца не имѣла политической цѣли, и находитъ нужнымъ какъ бы оправдаться въ самомъ составленіи такого циркуляра, прибавляя, что отношенія между прусскимъ и французскимъ правительствами, по прежнему, самыя дружественныя. Изъ сопоставленія этихъ фактовъ можно бы вывесть заключеніе, что поѣздка принца въ Берлинъ не имѣла успѣха, что Пруссія отказывается поддаваться на какіе бы то ни было проекты со стороны Наполеона, хорошо зная, что у насъ не ошибутся насчетъ причинъ, руководящихъ ею при отказѣ. Мы говоримъ: «можно бы вывесть это заключеніе», — но и выводить-то его въ сущности не для-чего: дѣло слишкомъ ясно само по себѣ.

Между тѣмъ, восточный вопросъ такъ и остался отсроченнымъ на неопредѣленное время, заторможенный Франціею, Англіею и Австріею. Великій визирь возвратился съ Кандіи съ увѣреніемъ, что тамъ все кончено, и Порта уже предпринимаетъ изгладить даже тотъ послѣдній протестъ кандіотовъ, который выразился въ ихъ эмиграціи. Въ новомъ циркулярѣ, Фуадъ-паша увѣряетъ, что сами эмигранты просятъ дозволенія возвратиться, и, сообщая объ этомъ въ Аѳины особою депешею, требуетъ, чтобы греческое правительство «не препятствовало выѣзду эмигрантовъ», такъ какъ это было бы «секвестрованіемъ подданныхъ султана». Мы совершенно согласны съ доводами, которыми

«Journal de St.-Pétersbourg» безъ труда доказываетъ несообразность такого утвержденія. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что въ результатѣ дипломатической кампаніи по восточному вопросу осязательны — только одни бѣдствія кандіотовъ!

Ирландскій вопросъ, представившій обширное поле для борьбы партій, подвигается къ развязкѣ только во мнѣніи британскаго общества, но не на почвѣ законодательства. Успѣхи сдѣланные имъ въ мнѣніи политическихъ людей Англіи, указаны ниже, въ особой статьѣ. Здѣсь мы изложимъ въ краткихъ чертахъ парламентскую его постановку. Недавно продолжено дѣйствіе болѣе пріостанавлявщаго въ Ирландіи силу закона о личной неприкосновенности — Habeas Corpus Act. Затѣмъ, правительство внесло проектъ нѣкоторыхъ мѣръ для облегченія положенія Ирландіи, именно: постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе католическаго университета, нѣсколько неважныхъ облегченій въ положеніи арендаторовъ земель и назначеніе коммиссіи для изслѣдованія поземельнаго вопроса. Церковный вопросъ обсуждается другою коммиссіею, и до представленія его доклада правительство не намѣрено касаться этого вопроса. Оно выражаетъ сознаніе, что въ немъ «возможны нѣкоторыя измѣненія», но полагаетъ, что эти измѣненія долженъ сдѣлать уже новый парламентъ. Такъ выразился Дизраэли въ палатѣ общинъ, и выразился согласно съ бристольскою рѣчью лорда Стэнли.

Сверхъ того, правительство представило палатѣ общинъ новый избирательный законъ для Ирландіи, какъ распространеніе на нее реформы 1867 г. Правительственный проектъ далеко не либераленъ и обнаруживаетъ именно недовѣріе къ этому самому сельскому классу, объ улучшеніи быта котораго министерство заявляетъ притворную попечительность. Въ графствахъ предполагается оставить существующій цензъ—12 фунтовъ; въ городахъ, цензъ съ 8 фунтовъ понижается до 4. Та часть новаго закона, которая производитъ перемѣны въ распредѣленіи представительства по мѣстностямъ, предлагаетъ лишеніе 6-ти мѣстечекъ представительства и увеличеніе представителей города Дублина (2) однимъ. Въ графствахъ избирательство будетъ по участкамъ, такъ что результатъ выборовъ будетъ зависѣть отъ господствующей партіи, а меньшинству не представится возможности проводить своихъ представителей.

Предложеніями правительства недовольны ни либералы, ни радикалы, ни большинство ирландцевъ, — какъ о томъ свидѣтельствуютъ митинги въ Ирландіи. Только горячіе католики склоняются въ пользу правительства проектомъ о католическомъ университетѣ. Замѣчательно, что даже «адулламаты», т. е. члены котеріи изъ виговъ, боровшейся однако противъ избирательной реформы, нападали на правительственныя предложенія. Эта оппозиція гг. Лоу и Горсмена показываетъ,

что министерство будетъ имѣть противъ себя, въ моментъ рѣшенія, все, что не принадлежитъ къ непосредственнымъ его приверженцамъ и части ирландцевъ, а это сулитъ ему пораженіе. Борьбу противъ правительства вели въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Горсменъ, Лоу, Милль, Брайтъ, который въ особенности настаивалъ на необходимости сравненія церквей въ Ирландіи. Правительство защищали Гарди и Норткотъ.

Затѣмъ выступили на бой вождь оппозиціи и глава министерства. Гладстонъ энергически настаивалъ на упраздненіи англиканскаго *establishment* въ Ирландіи и издѣвался надъ обѣщаніемъ правительства назначить еще коммиссію для изученія этого вопроса. Онъ сказалъ, что если министерство не измѣнитъ значительно своихъ предложеній, то палата выразитъ ему недовѣріе. Дизраэли объяснилъ, что вопросъ объ уничтоженіи господства англиканской церкви въ Ирландіи — не мѣстный, а общій, и что оппозиція имѣетъ въ виду, вслѣдъ за рѣшеніемъ этого вопроса въ Ирландіи, уничтожить государственную церковь и въ самой Англіи, но это значило бы потрясти весь порядокъ, завѣщанный вѣками, и за это можетъ, во всякомъ случаѣ, приняться только новое представительство страны. Онъ сильно защищалъ связь между государствомъ и церковью, и утверждалъ, что отмѣна *establishment* не можетъ не быть сопряжена съ конфискаціею, съ насиліемъ надъ частными интересами (между тѣмъ, ораторы оппозиціи тщательно оговариваютъ намѣреніе свое избѣгнуть всего похожаго на конфискацію и оградить частные интересы).

Вслѣдствіе этихъ преній, въ печати заявленъ былъ слухъ о рѣшимости министерства распустить парламентъ, въ случаѣ неблагопріятнаго ему рѣшенія по предложенію Гладстона. Затѣмъ, Гладстонъ внесъ свое предложеніе, состоящее изъ трехъ резолюцій, которыя предлагаютъ отмѣну англиканской церкви въ Ирландіи въ смыслѣ государственнаго учрежденія, съ огражденіемъ притомъ частныхъ интересовъ и правъ собственности и представленіе королевѣ адреса въ этомъ смыслѣ. По обоюдному согласію leader'овъ министерства и оппозиціи, обсужденіе резолюцій Гладстона было назначено на 30 (18) марта. Между тѣмъ, за два дня до этого срока, лордъ Стэнли заявилъ въ палатѣ общинъ, что министерство признаетъ необходимость измѣненій въ положеніи ирландской церкви, но вопросъ объ отмѣнѣ ея считаетъ необходимымъ предоставить уже новому парламенту.

Въ назначенный день началось генеральное сраженіе. Гладстонъ защищалъ свои резолюціи, а министерство, въ лицѣ лорда Стэнли, вѣрное той тактикѣ, которою оно старалось въ прошломъ году затормозить реформу, представило поправку къ предложеніямъ Гладстона, лишающую ихъ значеніе. Въ преніяхъ участвовало много ораторовъ, но Дизраэли не говорилъ, и пренія отложены.

Относительно другихъ вопросовъ, касающихся Ирландіи, прибавимъ,

что и оппозиція, въ лицѣ Гладстона, и всѣ ирландскіе депутаты находятъ избирательный законъ, внесенный правительствомъ, недостаточнымъ, а ирландскіе радикалы, сверхъ того, возстаютъ противъ учрежденія католическаго университета, какъ палліативнаго средства, и требуютъ для Ирландіи бо́льшей самостоятельности въ управленіи.

По всему видно, что ирландскій вопросъ пріобрѣтаетъ нынѣ особое значеніе: это — поле, на которомъ приготовляется радикальное измѣненіе въ церковномъ и поземельномъ вопросѣ въ самой Англіи. Консерваторовъ особенно пугаетъ не мѣстное, а именно это общее значеніе ирландскаго вопроса. «Старой» Англіи нельзя его рѣшить безъ того, чтобы не перестать быть *Old England*.

Перемѣна, происшедшая въ англійскомъ министерствѣ, не будетъ имѣть вліянія на ходъ дѣла. Въ кабинетъ вступили только два новые члена и во главѣ его сталъ главный членъ прежней администраціи, который поспѣшилъ заявить, что онъ будетъ руководствоваться тѣми же принципами, которые лежали въ основаніи политики, 20 лѣтъ связывавшей г. Дизраэли съ графомъ Дэрби. Политику эту новый первый лордъ казначейства опредѣлилъ такъ: «либерализмъ на почвѣ историческаго наслѣдія—внутри; миролюбіе, основанное не на эгоистическомъ самоустроеніи, а на сознаніи общей потребности въ мирѣ—извнѣ». Измѣненіе, послѣдовавшее въ кабинетѣ, примѣчательно собственно тѣмъ, что, во главѣ аристократической Великобританіи, сталъ человѣкъ, не имѣющій ничего общаго съ «благородною норманнскою кровью». Британское общество давно привыкло къ громадному, но закулисному вліянію Ротшильдовъ на дипломатическія дѣла всей Европы. Еще Байронъ сказалъ, что свѣтомъ управляютъ не народы, и не геній, а —

Jew Rothschild and Christhian Baring.

Но видѣть во главѣ своего оффиціальнаго міра Бенджамина Дизраэли, пробившагося изъ народа, «изъ толпы», литератора и журналиста, — для Великобританіи непривычное зрѣлище. Такого примѣра не было со времени Джоржа Каннинга, тоже пробившагося изъ толпы литературою и журналистикою.

Не безъ волненія, самъ Дизраэли представился палатѣ общинъ, въ качествѣ перваго министра. Пишутъ, что голосъ этого испытаннаго парламентскаго борца дрожалъ, когда онъ всталъ съ новаго своего мѣста на министерской скамьѣ, противъ знаменитаго, краснаго despatch-box [1]). Этотъ, въ высшей степени честолюбивый человѣкъ, ска-

---

[1]) Скамья министровъ (Treasury bench) находится по правую сторону стола, за которымъ сидятъ спикеръ и секретари. На *противоположной* скамьѣ (влѣво отъ стола) сидятъ вожди оппозиціи. Отсюда выраженіе: the gentlemen on the opposite side of the house — члены противной партіи.

залъ: «Въ моемъ положеніи есть личныя и особыя причины, которыя увеличиваютъ принимаемое мною бремя и усиливаютъ трудности». Одинъ изъ членовъ консервативной партіи, Смоллеттъ, счелъ даже нужнымъ высказать странность положенія новаго главы правительства, сказавъ, въ очень прозрачныхъ намекахъ, что консервативный кружокъ, къ которому принадлежитъ онъ, Смоллеттъ, не признаётъ своимъ вождемъ г. *Дизраэли*, при чемъ, съ циническою настойчивостію, повторилъ эту фамилію.

Но, не въ этомъ дѣло. Впечатлѣніе поверхностное изгладится. Дизраэли — законный вождь консервативной партіи, и пока она въ управленіи, онъ долженъ стоять во главѣ ея. Но дѣло въ томъ, что консервативная партія сама слаба и въ странѣ, и въ ея представительствѣ. При самомъ дебютѣ Дизраэли, г. Боуври бросилъ торійскому министерству упрекъ въ «парламентской слабости». Партія его составляетъ въ общинахъ меньшинство и держится только «потому,— какъ выразился тотъ же ораторъ о либералахъ, что у насъ — вожди, которые не хотятъ вести насъ, и послѣдователи, которые не хотятъ слѣдовать». Но фракціи либеральной партіи легко могутъ сойтись на ирландскомъ вопросѣ, не дожидая другого повода, и тогда министерство должно будетъ или пасть, или распустить парламентъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, оно рѣшится на послѣднее.

Когда въ сѣверной Америкѣ рѣшилась борьба между союзомъ и распаденіемъ, превратившаяся въ борьбу свободы съ рабовладѣніемъ, когда палъ Ричмондъ, и Джефферсонъ Девисъ былъ пойманъ въ женской одеждѣ, никому въ голову не приходило, что восторжествовавшая республика будетъ судить своего президента прежде, чѣмъ президента мятежной конфедераціи. Но случилось такъ. Формальный судъ надъ Джонсономъ долженъ былъ начаться 30 (18) марта, а судъ на Дж. Девисомъ начнется полмѣсяца спустя (14 (2) апрѣля).

Мы не будемъ излагать спора между президентомъ и конгрессомъ, предполагая элементы его извѣстными. Скажемъ только, что если формальное истолкованіе конституціонной системы можетъ быть приводимо въ оправданіе Джонсона, то весь смыслъ событій и вся правда свободы — противъ него. Если была громадная война, если принесены въ жертву милліонъ жизней и издержано три милльярда рублей на охраненіе союза, то здравый смыслъ требуетъ, чтобы за эту страшную цѣну Америка пріобрѣла *полную* свободу бывшихъ невольниковъ, давъ имъ полное уравненіе, которое одно можетъ предупредить въ будущемъ новое отдѣленіе юга, вслѣдствіе постепеннаго закрѣпощенія вновь «фридменовъ». Не скорое возстановленіе конституціонныхъ правъ юга важно, а важно полное осуществленіе гражданскаго и политическаго уравненія невольниковъ, которое одно вырветъ корень раздора.

«The ballot is peacemaker, the ballot is reconciler»! сказалъ ра-

дикалъ Сомнеръ въ 1866 году, при обсужденіи билля о расширеніи власти покровительствующаго неграмъ Freedmen's Bureau: «Только избирательное право (предоставленное неграмъ) умиротворитъ насъ»! Въ этихъ словахъ заключается великая истина, обусловленная фактами, и истина эта осуждаетъ Джонсона, вѣчно являвшагося со своимъ *veto* между легальною отмѣною невольничества и полнымъ осуществленіемъ ея на дѣлѣ.

Результаты суда скоро сдѣлаются извѣстными, такъ какъ республиканская партія приняла всѣ мѣры, чтобы процессъ не былъ продолжителенъ. Просьба Джонсона о 40-дневной отсрочкѣ подачи отзыва на обвинительный актъ, была отвергнута и, 23 (11) числа, въ назначенный срокъ президентъ прислалъ свой отзывъ. Съ своей стороны, палата представителей подала въ сенатъ, обращенный въ верховный судъ, свой отзывъ, что ни отъ одного изъ пунктовъ составленнаго ею обвинительнаго акта, она не отступается.

По всей вѣроятности, судъ признаетъ Джонсона виновнымъ въ нарушеніи закона о должностяхъ въ дѣлѣ Стантона, и произнесетъ отрѣшеніе президента отъ должности. Тогда, какъ извѣстно, въ должность президента вступитъ президентъ сената, Бенджаминъ Уэдъ. Но жаркія пренія, происходившія при обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли быть допущенъ Уэдъ къ присягѣ въ безпристрастіи, такъ какъ онъ самъ — заинтересованное лицо, доказываютъ, что въ процессѣ могутъ произойти непредвидѣнные случаи, способные устранить предполагаемое рѣшеніе.

Дѣло, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ отдачѣ Джонсона подъ судъ — дѣло о смѣнѣ заслуженнаго военнаго министра Стантона, съ комическимъ эпизодомъ безплоднаго проявленія авторитета двумя министрами, поочередно назначенными Джонсономъ вмѣсто Стантона—Томасомъ и Иуингомъ (Ewing), скомпрометировало Джонсона такъ, что дальнѣйшее президентствованіе его кажется невозможнымъ. Даже, въ случаѣ оправданія судомъ, онъ, вѣроятно, найдетъ приличнѣе всего удалиться добровольно. Эпизодъ, о которомъ мы говоримъ, обнаружилъ также важный, утѣшительный фактъ, что въ Соединенныхъ-Штатахъ армія, несмотря на авторитетъ, данный ей войною, и не смотря на заискиванье верховной власти, остается строго на сторонѣ конституціи и не отдѣляется отъ народа. Теперь можно сказать, что республика вышла съ торжествомъ изъ двухъ противоположныхъ опасностей:—распаденія по слабости центральной силы и уничтоженія свободы этой силою, окрѣпшей во время войны. *Impeachment* Джонсона было бы въ этомъ смыслѣ не двусмысленнымъ увѣнчаніемъ зданія свободы великой народной державы.

Отъ исторіи, которая такъ часто идетъ наперекоръ политикѣ, и отъ политики, которая думаетъ «дѣлать» исторію, перейдемъ къ фактамъ литературы, и—тѣмъ охотнѣе, что истекшій мѣсяцъ ознаменовался появленіемъ четвертаго, но къ удовольствію читателей, все еще не послѣдняго тома романа гр. Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ». Романъ, очевидно, все болѣе и болѣе хочетъ обратиться въ исторію: независимо отъ того, что нынѣшній разъ авторъ присоединяетъ даже и карту къ своему роману, предъ нами дѣйствительно развертывается европейская исторія первой половины 1812 года, которая, на бѣду, избрала своимъ главнымъ театромъ наше отечество; бородинская битва—трагедія человѣчества—кончаетъ собою четвертый томъ. Авторъ доводитъ нынѣшній разъ свое искусство возвращать душу отжившему до такой высокой степени, что мы готовы назвать его романъ мемуаромъ современника, если бы насъ не поражало одно, а именно, что этотъ воображаемый нами «современникъ» оказывается вездѣсущимъ, всезнающимъ, и даже мѣстами видно, что, разсказывая, напримѣръ, событіе, случившееся въ мартѣ, онъ даетъ ему такую тѣнь, какая возможна для одного человѣка, который знаетъ, чѣмъ это событіе кончится въ августѣ. Только это и напоминаетъ читателю, что предъ нимъ не современникъ, не очевидецъ: такъ велико очарованіе, наводимое на читателя высокимъ, художественнымъ талантомъ автора! Мы можемъ смѣло сказать, что даже самъ авторъ поддается вліянію своего таланта, и такимъ образомъ невольно ставитъ своего читателя и становится самъ на особенную историко-политическую и вмѣстѣ философскую точку зрѣнія по отношенію къ судьбамъ человѣчества о той ролѣ, которую играетъ свободная воля человѣка и его разумъ въ общемъ направленіи хода событій. Болѣе насъ компетентные люди обратятся критически къ литературному анализу четвертаго тома, мы же ограничимся только указаніемъ на ту точку зрѣнія автора, къ которой, по нашему мнѣнію, авторъ былъ приведенъ силою таланта, распространившаго свои чары даже на собственнаго своего владѣтеля. Находясь въ искусственномъ положеніи современника, не бывъ, однако, на дѣлѣ современникомъ, и забывая, какому обстоятельству онъ обязанъ тѣмъ, что ему въ 1812 г. уже извѣстно все, что̀ случится даже до 1868 г. включительно,—сравнивая, наконецъ, свои взгляды со взглядами современниковъ, которыхъ онъ заставляетъ говорить съ нами, читать намъ свои письма и т. д.,—авторъ приходитъ къ странному заключенію (не мало фаталистическому и весьма близкому къ мистицизму); авторъ приглашаетъ общество бросить всѣхъ историковъ, и послушать «насъ-потомковъ, не-историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія, и потому съ незатемнѣннымъ, здравымъ смысломъ созерцающихъ событіе». Что̀ же говорятъ историки о причинахъ войны 1812 года, и ка̀къ объяснятъ намъ эти причины не-историки? Историки увѣряютъ,. что причиною былъ отказъ Наполеона отвести свои

войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, интриги Англіи и континентальная система, усилія монарховъ европейскихъ возстановить *les bons principes* добраго стараго времени, неумѣнье Россіи и Австріи скрыть свой союзъ отъ Наполеона, неловкость въ изложеніи memorandum'а за № 178, и т. д., и т. д. Что же намъ скажутъ не-историки, люди, созерцающіе всякое событіе съ незатемнѣннымъ, здравымъ смысломъ? Они намъ скажутъ, что всѣ указанныя причины — вздоръ, что все это казалось современникамъ, и что «такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ (т. е. не-историкамъ, созерцающимъ событіе съ здравымъ смысломъ) желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть». Однимъ словомъ, представьте себѣ, что ни одинъ солдатъ не захотѣлъ бы сдѣлать прогулку съ Наполеономъ въ Россію, то безъ сомнѣнія война 1812 года не могла бы состояться. Но почему именно ни одинъ изъ наполеоновскихъ солдатъ не могъ въ этомъ случаѣ имѣть какой нибудь особенной воли, которая не была бы волею Наполеона — вотъ это-то именно и ускользаетъ отъ романиста, быть можетъ потому, что его взоры слишкомъ просвѣтлены и разсѣяны по мелочамъ жизни. Вотъ почему романистъ, внеся свою дробность воззрѣній въ общую исторію, долженъ будетъ, какъ гр. Л. Н. Толстой, сказать: «Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ *безсознательнымъ* орудіемъ достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей.... Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бо́льшими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе *предопредѣленность* и неизбѣжность каждаго его поступка (эти слова напоминаютъ намъ введеніе Наполеона III-го къ біографіи Юлія Цезаря). Сердце царево въ руцѣ Божіей. — Царь — есть рабъ исторіи». — И все это авторъ заключаетъ опредѣленіемъ исторіи, какъ «безсознательной, общей, роевой жизни человѣчества». Но авторъ не могъ остановиться на этомъ, и самъ себя увлекъ до конца, перенеся свое убѣжденіе о мнимомъ смыслѣ исторіи вообще на мнимый смыслъ всякой человѣческой науки. По его мнѣнію, въ разъясненіи себѣ причинъ того или другого событія не далеко ушли другъ отъ друга и ботаникъ и ребенокъ. Упало съ дерева яблоко, говоритъ авторъ; почему оно упало? На это вы имѣете два отвѣта: одинъ принадлежитъ ботанику, который, взявъ въ руки яблоко, осмотрѣлъ мѣсто разрыва; другой отвѣтъ данъ ребенкомъ, стоявшимъ подъ деревомъ. «И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подоб-

ное, будетъ *также правъ*, какъ и тотъ ребенокъ, стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало оттого, что ему хотѣлось съѣсть его, и что онъ молился объ этомъ». Много ироніи надъ тщетою человѣческихъ познаній — скажетъ кто нибудь при этомъ сравненіи; но источникъ ироніи заключенъ въ самомъ же авторѣ, скользящемъ незамѣтно по границѣ скептицизма и мистицизма. Не наши познанія тщетны, но тщетны иные вопросы, съ которыми нѣкоторые обращаются къ познанію. Для человѣческихъ познаній необходимо и полезно изслѣдованіе ботаникомъ клѣтчатки; если ботаникъ не усмотритъ въ ней причины паденія яблока, онъ пойдетъ дальше, чего ребенокъ, или оставшійся на всю жизнь ребенкомъ, не сдѣлаетъ. Познанія ботаника и ребенка бываютъ равны только въ такой области, въ которой человѣческій разумъ не задаетъ вопроса о причинѣ, и даже самый вопросъ въ этой области былъ бы признакомъ того, что вопрошающій страдаетъ мистицизмомъ. «Каждое дѣйствіе человѣка — заключаетъ авторъ весьма послѣдовательно свое философское введеніе — опредѣлено предвѣчно».

Сколько въ этихъ словахъ оправданія для Наполеона, который и самъ подсмѣивался, еще ранѣе автора, надъ исторіею, говоря: «Отъ великаго къ смѣшному одинъ шагъ»,—сокращенный нынѣ въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго до послѣдней степени! Но повторяемъ: обаяніе авторскаго таланта такъ велико, что предъ нами и теперь рисуется, съ одной стороны, картина Наполеона I-го на русскомъ берегу Нѣмана съ пучкомъ русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, и съ другой стороны дворовыя дѣвочки въ Богучаровѣ, принявшія участіе, по случаю бѣгства господъ изъ деревни, при приближеніи французовъ отъ Смоленска, въ разграбленіи господскихъ оранжерей; набравъ въ подолъ зеленыхъ сливъ, «онѣ выскочили изъ-засады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подолы, весело и быстро бѣжали по травѣ луга своими загорѣлыми босыми ноженками.» Намъ такъ и слышится обращеніе автора къ историкамъ, которые будутъ торжественно толковать о Наполеонѣ, стоящемъ на берегу Нѣмана съ пучкомъ фальшивыхъ ассигнацій, а между тѣмъ пройдутъ мимо сцены въ Богучаровѣ, и не замѣтятъ тѣхъ дѣвочекъ, которыхъ авторъ обрисовалъ такъ мастерски, что онѣ просятся на картинку. Что-же? — Но догадайтесь! Эти дѣвочки олицетворяютъ вообще невѣдѣніе человѣка, когда дѣло идетъ о міровыхъ событіяхъ. Великій человѣкъ — рабъ исторіи! — полагаетъ нашъ авторъ, а Шиллеръ считалъ ихъ подсудимыми.

Да не подумаетъ однако авторъ, что, противясь его историческимъ воззрѣніямъ, мы — хроникеры—ратуемъ *pro domo sua*, такъ какъ, увѣровавъ въ истину воззрѣній романа на человѣка, намъ ничего не оставалось бы, какъ немедленно покуситься на самихъ себя и закрыть свою хронику: если «каждое дѣйствіе человѣка—опредѣлено предвѣчно,» какъ

говоритъ авторъ, то чего же мы до сихъ поръ толковали, судили и рядили, когда намъ слѣдовало бы ограничиваться однимъ протоколомъ случившагося. Можно подумать, что мы, защищая себя и историковъ, бьемся только изъ-за того, чтобы намъ, хроникерамъ, не дали отставки, а историковъ не замѣнили бы тѣми тупыми секретарями при древнихъ персидскихъ царяхъ, которые вносили пассивно въ свою лѣтопись каждое слово и каждый шагъ царя. Мы увѣрены, впрочемъ, что авторъ самъ попрежнему будетъ все-таки заглядывать къ историкамъ для своихъ вдохновеній, а мы — сознаемся чистосердечно — при всемъ своемъ разногласіи съ авторомъ, будемъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидать обѣщаннаго имъ продолженія. «Война», повидимому, кончается; еще нѣсколько военныхъ картинъ, и авторъ введетъ насъ въ эпоху «Мира», послѣдовавшаго за вѣнскимъ конгрессомъ,— мира который, въ противоположность извѣстной пословицѣ: былъ хуже всякой брани.

ИРЛАНДІЯ ПРЕДЪ СУДОМЪ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ АНГЛІИ.

«Ирландскій вопросъ—главный вопросъ настоящаго часа»,—сказалъ недавно лордъ Стэнли, министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи. Лордъ Стэнли этими словами, которыя повторили за нимъ органы разныхъ партій, призналъ всю важность ирландскаго вопроса для британскаго общества. Отъ ирландскаго вопроса слѣдуетъ отличать такъ-называемое феніянское движеніе. «Феніянизмъ», въ смыслѣ подпольной и частью открытой борьбы съ общественнымъ порядкомъ въ Великобританіи, нисколько не разрѣшаетъ ирландскаго вопроса. Цѣль его, отторженіе Ирландіи отъ Британскаго государства и обращенія ея въ независимую республику—химерическая; средство, употребляемое феніянами, устрашеніе посредствомъ насилій, совершаемыхъ въ самой Англіи, съ принесеніемъ въ жертву безъ разбора частной собственности и даже жизни людей, стоящихъ внѣ всякой борьбы — не можетъ привесть къ цѣли. «Феніянскія покушенія — говоритъ Прево́-Парадоль — похожи на бунты, бывающіе въ школахъ: когда всѣ столы опрокинуты, всѣ чернильницы разбиты, а тетради изорваны, у бунта не остается болѣе средствъ для достиженія цѣли». «Очевидно — говоритъ тотъ же писатель — что посредствомъ убійства нѣсколькихъ полицейскихъ агентовъ, взрыва нѣсколькихъ домовъ и расхищенія нѣсколькихъ оружейныхъ магазиновъ не можетъ быть осуществлено отторженіе Ирландіи и обращеніе ея въ республику.»

Феніянское движеніе въ Америкѣ, служащее корнемъ тому же движенію въ британскихъ островахъ, серьёзнѣе въ томъ смыслѣ, что оно можетъ угрожать Канадѣ. Въ Америкѣ это движеніе поддерживается мыслью о возможности столкновенія между Соединенными-Штатами и Англіею. Образъ дѣйствій британскаго правительства во время сѣвероамериканской междоусобицы подалъ, правда, основаніе предполагать, что Соединенные-Штаты отнесутся сочувственно къ покушеніямъ ирландцевъ противъ Британскаго государства, а неуступчивость лондонскаго кабинета въ дѣлѣ о вознагражденіи, требуемомъ Америкою за убытки, причиненныя ея торговлѣ извѣстнымъ сепаратистскимъ каперомъ «Элебемою», снаряженнымъ въ Англіи,—поддерживаетъ эту мысль.

Но едвали эта надежда феніянъ можетъ имѣть прочное основаніе. Извѣстно, что однажды вторженію феніянъ въ Канаду воспрепятствовали именно энергическія мѣры уашингтонскаго правительства. Сверхъ того, не надо упускать изъ виду, что самимъ Соединеннымъ-Штатамъ въ будущности угрожаетъ нѣкоторое подобіе ирландскаго вопроса. Дѣло въ томъ, что ирландцы въ городахъ Сѣверной Америки составляютъ отдѣльныя общества, которыя дѣйствуютъ согласно для защиты своихъ членовъ даже отъ справедливаго возмездія американскихъ законовъ. Развитіе и упроченіе феніянскаго братства, съ его «правительствомъ», «конгрессомъ» и даже бюджетомъ, еще усилитъ этотъ сепаратизмъ ирландцевъ въ американскихъ городахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ни уашингтонское правительство, ни само американское общество не могутъ смотрѣть съ удовольствіемъ на возможность такого факта и содѣйствовать чѣмъ бы то ни было его установленію.

Насъ интересуетъ потому не феніянское движеніе, которое есть только преходящее проявленіе неудовольствія Ирландіи, а самыя причины этого неудовольствія и тѣ средства, которыя предлагаются политическими людьми Англіи для устраненія или сдержанія этого неудовольствія. Семисотлѣтнее подчиненіе не примирило ирландскаго народа съ Англіею; стало-быть, положеніе его въ самомъ дѣлѣ тягостно. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что къ Ирландіи примѣняются всѣ либеральныя постановленія англійской конституціи, и ирландцы не могутъ жаловаться на преслѣдованіе ихъ національности. Они уравнены въ правахъ съ англичанами; прежнія, дѣйствительно несносныя притѣсненія прекратились; вотъ уже полвѣка, какъ британское законодательство не принимало въ себя ни одной мѣры относительно Ирландіи, которая не была бы облегченіемъ для нея; самыя тѣ установленія, на существованіе которыхъ ирландцы жалуются и противъ которыхъ они возстаютъ, существуютъ въ Англіи точно также какъ въ Ирландіи; мы не говоримъ о пріостановленіи въ Ирландіи дѣйствія акта, обезпечивающаго личную свободу, Habeas Corpus-Act: это мѣра временная, мѣра, вызванная борьбою съ возстаніемъ, а не

мыслью о преслѣдованіи ирландской народности. Какъ же согласить эти два факта: равноправность Ирландіи съ Англіею и неудовольствіе ирландцевъ тѣмъ, чѣмъ довольны англичане?

Въ отвѣтъ на это мы постараемся представить въ краткомъ очеркѣ тѣ особенности положенія, сдѣланнаго Ирландіи, не нынѣшними законами, а исторіею, которыя вызываютъ ее на недовольство судьбою, и вмѣстѣ представить мнѣнія политическихъ дѣятелей Англіи, разныхъ по направленію, о положеніи Ирландіи и о томъ, что̀ слѣдовало бы для нея сдѣлать.

Въ текущемъ году, еще до открытія парламента, нѣсколько замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи воспользовались различными случаями, которые имъ представились, чтобы заявить свои мнѣнія объ ирландскомъ вопросѣ. Сводъ мнѣній такихъ людей уже самъ по себѣ представляетъ интересъ; но этотъ интересъ увеличивается отъ исключительности отношеній Англіи къ Ирландіи, подобныхъ которымъ напрасно мы искали бы въ исторіи другихъ странъ. Англія имѣетъ такую форму правленія, которая даетъ англичанину большое участіе въ государственныхъ дѣлахъ; потому присоединеніе Ирландіи было не только правительственнымъ актомъ, но и новымъ поприщемъ для дѣятельности каждаго англичанина. По той же причинѣ и ирландскій вопросъ интересуетъ въ Англіи не одно правительство, но имѣетъ экономическое значеніе для той массы англичанъ, которыя пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ завоевателя въ Ирландіи. Въ Ирландіи не было и нѣтъ, какъ напримѣръ въ Польшѣ, туземнаго эгоистическаго и корыстнаго сословія, которое эксплуатировало бы свои же нисшіе классы; въ Ирландіи такое мѣсто заняли англійскіе всельники, и потому для государственныхъ людей въ Англіи положеніе въ настоящую минуту весьма затруднительно: съ одной стороны, они хорошо знаютъ, что между туземцами, какъ и у насъ въ царствѣ польскомъ, есть все-таки значительная партія, которую не удовлетворятъ никакія уступки, съ другой стороны требованія справедливости могутъ поставить ихъ въ разрѣзъ съ матеріальными интересами своихъ соотечественниковъ, утвердившихся въ Ирландіи. Въ царствѣ польскомъ, наприм., наше правительство могло дѣлать и дѣйствительно сдѣлало либеральныя и благодѣтельныя для нисшихъ классовъ реформы, не дѣлая тѣмъ никакого ущерба выгодамъ русскаго населенія своей же страны; англійское правительство поставлено въ другое положеніе: либеральныя реформы въ Ирландіи могутъ повредить интересамъ англійскому населенію, имѣющему при томъ, по конституціи, вліяніе на правительственные распоряженія. Однимъ словомъ, англійское правительство и для либеральныхъ реформъ въ Ирландіи нуждается въ согласіи парламента, гдѣ оно можетъ найти большинство проникнутое по отношенію ирландскаго крестьянина такими же

идеями, какими были проникнуты въ С.-Американскихъ Штатахъ южане по отношенію къ негру.—Самый краткій очеркъ исторіи Ирландіи легко убѣдитъ насъ въ справедливости такого взгляда.

Ирландцы любятъ мечтать о существовавшей нѣкогда независимости «зеленаго Эрина» и о возможности возвращенія къ ней. Но эта независимость перестала существовать такъ давно, что въ ирландскомъ народѣ сохранилась память о ней только въ поэтическихъ преданіяхъ, которыя гласятъ, что когда-то было «золотое время» своеволія ирландскихъ вождей, которому положило конецъ завоеваніе страны англійскимъ королемъ Генрихомъ II, въ 1172 году. Уже тогда началась колонизація Ирландіи англійскими поселенцами. Но вѣра не отдѣляла ихъ отъ мѣстнаго населенія, и они сливались съ нимъ. Элементъ раздора былъ внесенъ католическимъ духовенствомъ, поддерживавшимъ въ Ирландіи своекорыстно суевѣріе и папизмъ противъ реформаціи, просвѣтившей Англію. Отсюда произошли возстанія, а возстанія вызвали преслѣдованія, конфискаціи массами земель и раздачу ихъ англійскимъ баронамъ, а также протестантскимъ колонистамъ изъ Шотландіи и Англіи. Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ совершались конфискаціи земель въ Ирландіи, видно изъ одного факта, что Вильгельмъ III раздѣлилъ между Бентинкомъ и графинею Оркней цѣлый милліонъ акровъ (370 т. десятинъ) земли въ Ирландіи. Такимъ образомъ установилось въ странѣ инородческое и иновѣрческое землевладѣніе. Крупные землевладѣльцы жили по большей части не въ Ирландіи и такъ явилось въ странѣ то зло, которое извѣстно и до сихъ поръ подъ названіемъ «абсентеизма». Все населеніе Ирландіи, обработывающее землю, должно было платить за это право деньги, которыя издерживались внѣ Ирландіи.

Протестантская колонизація страны сдѣлалась, мало по малу, предметомъ вѣчнаго раздора: колонисты давно уже обратились въ ирландцевъ, но Ирландія остается раздѣленною на два враждебные лагеря, такъ какъ большинство населенія лишено было всѣхъ правъ въ пользу пришельцевъ. Эти пришельцы и ихъ потомки, составляя въ странѣ опору правительства и вынося на себѣ борьбу съ интригами католиковъ, требовали за то для себя полнаго преобладанія. Такимъ образомъ, въ руки меньшинства, враждебнаго туземной націи и по самому характеру своего водворенія и по вѣрѣ, перешла вся дѣйствительная власть въ этой странѣ, и всѣ законы, которые вводились въ Ирландіи, вводились исключительно въ пользу этого меньшинства. Протестантской церкви дано было господство; мѣстное населеніе обложено было десятиною въ пользу чуждаго и враждебнаго ему духовенства, да сверхъ того должно было содержать на свой счетъ духовенство свое, католическое. Протестанты—хозяева страны, въ силу закона, ввели цѣлый рядъ законовъ, которые, во-первыхъ, преслѣдовали мѣстную вѣру даже въ мелочахъ (какъ напр. обязательное

для всѣхъ подъ высокими пенями посѣщеніе англиканскихъ церквей; этотъ законъ былъ отмѣненъ только Пилемъ, хотя онъ, конечно, давно пересталъ быть примѣняемъ; но, въ свое время, онъ, какъ множество другихъ подобныхъ постановленій, имѣлъ серьёзное практическое дѣйствіе), а во-вторыхъ, отнимали у мѣстнаго населенія возможность даже и современемъ улучшить свою судьбу, пріобрѣтеніемъ земли. Выкупъ земли фермерами былъ воспрещенъ, и права фермера всячески ограничены; владѣльцу предоставлена всевозможная свобода сгонять его съ мѣста, вознагражденія же, за сдѣланныя фермеромъ его трудомъ или деньгами улучшенія и постройки въ имѣніи, не полагалось. Итакъ, съ одной стороны—необходимость фермерскаго хозяйства; съ другой—всевозможное стѣсненіе фермеровъ. Отсюда явилась непроизводительность земледѣлія, упала плодородность почвы, а деньги продолжали уходить изъ страны къ крупнымъ владѣльцамъ—absentees.

Много притѣсненій испытала, сверхъ того, Ирландія, въ видѣ запрещеній ввоза ея продуктовъ въ Англію. Время отъ королевы Елисаветы до короля Вильгельма III, включительно, было особенно обильно изданіемъ такихъ запрещеній. Можно сказать, что не осталось ни одной отрасли производительности въ Ирландіи, которая бы не была въ значительной мѣрѣ парализована запретительными эдиктами англійскаго парламента. Это дѣлалось по духу того времени систематически, съ неумолимою строгостію, причемъ англійскій парламентъ приносилъ даже интересы своихъ союзниковъ въ Ирландіи—протестантовъ, въ жертву англійскимъ производителямъ, которые побуждали его къ такимъ мѣрамъ въ силу принципа протекціонизма и независимо отъ raison d'Etat, которая сама по себѣ влекла правительство и парламентъ къ системѣ обдуманнаго разоренія большинства ирландскаго народа. Систематическое преслѣдованіе всякой мануфактурной промышленности въ Ирландіи привязало народъ къ исключительному занятію земледѣліемъ и притомъ подъ условіемъ безземельности земледѣльца, чтобы земли конфискованныя и розданныя протестантамъ не могли перейти, мало по малу, отъ помѣщиковъ къ фермерамъ, и крестьянамъ-католикамъ было воспрещено покупать земли и даже заключать долгосрочные контракты.

Замѣчательно, что освобожденіе американскихъ колоній Англіи отозвалось на судьбѣ Ирландіи. Въ 1782 году, т. е. около года ранѣе признанія независимости Соединенныхъ-Штатовъ Англіею, она признала независимость ирландскаго парламента. Въ этомъ случаѣ уступка сдѣлана была подъ вліяніемъ страха, такъ какъ въ Ирландіи образовалось уже правильное войско для борьбы за независимость. Но признаніе независимости ирландскаго парламента не удовлетворило той партіи въ Ирландіи, которую мы теперь назвали бы партіею дѣйствія. По всей Ирландіи распространился заговоръ. Онъ былъ открытъ ранѣе предположеннаго имъ для дѣйствія срока. Но это не

предупредило нѣсколькихъ примѣровъ кровопролитной мести надъ протестантами, въ 1798 году. Къ возбужденію, вызванному въ Ирландіи американскою войною за независимость, присоединилось вліяніе французской революціи. Итакъ, въ прошломъ столѣтіи, какъ нынѣ, движеніе въ Ирландіи зависѣло отъ внѣшнихъ событій. Была даже сдѣлана попытка согласнаго дѣйствія Франціи и ирландской революціи противъ британскаго могущества. Но небольшой французскій отрядъ, высадившійся при Киллалѣ, былъ разбитъ и возмущеніе было подавлено.

Слѣдствіемъ этихъ событій было присоединеніе Ирландіи къ Великобританіи, съ отмѣною отдѣльнаго ирландскаго парламента, въ 1800 г. Съ 1 января 1801 года, законодательныя дѣла Ирландіи рѣшаются общимъ государственнымъ парламентомъ, засѣдающимъ въ Лондонѣ. Ирландскіе пэры поступили въ палату лордовъ, а представители ирландскихъ общинъ въ палату общинъ. Ирландскихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ—105 человѣкъ. Такимъ образомъ, Ирландія лишилась послѣдней тѣни политической самостоятельности.

Было ли это для нея важною потерей—вопросъ спорный. Дѣло въ томъ, что при существовавшей до соединенія (Union) системѣ, въ ирландскомъ парламентѣ преобладало все-таки протестантское, землевладѣльческое меньшинство, и ирландскій парламентъ, не безъ основанія, считается орудіемъ притѣсненій католическаго большинства. Но безусловно согласиться съ этими взглядами также нельзя, такъ-какъ именно съ тѣхъ поръ «отмѣна соединенія» (repeal of the union) сдѣлалась девизомъ и лозунгомъ ирландской національной партіи.

Съ 1802 года началась въ Ирландіи агитація, въ смыслѣ эманципаціи католиковъ, которые, по существовавшимъ законамъ, были устранены отъ всякихъ общественныхъ должностей. Органомъ этой агитаціи служило «католическое общество» (Catholic Association), образовавшееся въ этомъ году. Съ 1812 года, когда въ главѣ этого общества сталъ Даніилъ О'Коннель, начинается дѣятельность этого ирландскаго патріота.

Мирная агитація О'Коннеля въ Ирландіи привела къ уравненію католиковъ и къ установленію въ англійскомъ обществѣ болѣе справедливаго взгляда на ирландскія дѣла. Католики были допущены въ парламентъ и къ занятію общественныхъ должностей, назначено было даже пособіе отъ правительства католической семинаріи въ Майнотѣ, и всѣ законы, подававшіе поводы къ мелочнымъ придиркамъ, со стороны ирландской національности, были отмѣнены. Виновникомъ существеннѣйшихъ изъ этихъ перемѣнъ былъ знаменитый Робертъ Пиль. Но вниманіе англійскаго общества къ экономическому положенію Ирландіи было возбуждено преимущественно страшнымъ неурожаемъ картофеля въ 1846 — 1847 г. Исчисляютъ, что этотъ не-

урожай обошелся Ирландіи въ 100 милліоновъ рублей. Сверхъ того, онъ покрылъ ее трупами. Тогда только въ Англіи вспомнили, что само англійское законодательство, уничтожая систематически всякую промышленность въ Ирландіи, даже скотоводство, запрещая ввозъ изъ нея и шерсти, и кожъ, и соленаго мяса, заставило ирландскій народъ ограничиться однимъ земледѣліемъ, а вмѣстѣ введеннымъ съ политической цѣлью устройствомъ отношеній фермеровъ и рабочихъ въ Ирландіи къ землевладѣльцамъ, поразило землю безплодіемъ. Ирландцы были осуждены жить однимъ картофелемъ, а когда картофеля не оказалось, имъ осталось только гибнуть.

Съ тѣхъ поръ британскій парламентъ сталъ внимать предложеніямъ въ пользу реформы неестественнаго порядка въ Ирландіи. Множество имѣній были отягощены долгами, а продажа ихъ умышленно затруднялась формальностями. Изданъ былъ законъ, облегчавшій продажу имѣній, обремененныхъ долгами. Изданъ былъ еще законъ, облегчавшій заключеніе контрактовъ (leases) на мелкіе участки, съ цѣлью устранить лишнихъ посредниковъ, которые арендовали большіе участки и потомъ продавали ихъ враздробь. Наконецъ, оказана была непосредственная матеріальная помощь Ирландіи предоставленіемъ правительству права на заемъ въ два милл. фунтовъ ст. для улучшеній и для доставленія работы нуждавшимся. Все это, безъ сомнѣнія, были полезныя мѣры, свидѣтельствовавшія, что англійское общество, наконецъ, отвергло мысль о систематическомъ притѣсненіи Ирландіи, что оно оставило систему misgovernement, основаннаго единственно на мысли о содержаніи въ безправности и безпомощности массы населенія, и признававшей достойными покровительства законовъ только протестантскихъ союзниковъ.

Тѣмъ не менѣе, масса ирландскихъ фермеровъ и рабочихъ, поставленная вѣками въ отношенія, враждебныя къ капиталу, не находитъ до сихъ поръ никакой защиты въ законѣ противъ его злоупотребленій. Мелкій фермеръ, то есть—крестьянинъ-хозяинъ въ Ирландіи въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣетъ контракта съ помѣщикомъ и ничѣмъ не огражденъ отъ его произвола. Понятно, что помѣщики неохотно дѣлаютъ контрактныя условія (leases). Такимъ образомъ, масса самихъ хозяевъ, не говоря уже о батракахъ — являются какъ tenants at will (арендаторы по вольному условію), т. е. безъ всякой гарантіи ихъ права. Землевладѣлецъ или его управляющій можетъ, когда ему угодно, согнать его съ земли, не вознаградивъ его за сдѣланныя улучшенія, не возвративъ ему даже арендной платы, данной впередъ, безъ документа [1]).

Впрочемъ, числовой результатъ положенія дѣлъ въ Ирландіи самъ

---

[1]) Въ 1864 году въ Уэстмитскомъ графствѣ былъ такой возмутительный случай.

по себѣ достаточно краснорѣчивъ. По словамъ лорда Дофферина, въ послѣдніе семь лѣтъ ежегодная эмиграція изъ Ирландіи составляла среднимъ числомъ 90 тысячъ человѣкъ.

Правда, англійскіе писатели выставляютъ эмиграцію въ видѣ благодѣянія для Ирландіи и привѣтствуютъ тотъ фактъ, что хотя населеніе Ирландіи въ нынѣшнемъ столѣтіи не удвоилось, какъ въ Англіи, а напротивъ, уменьшилось почти на два милліона душъ, за то оставшимся въ странѣ лучше жить. Но это разсужденіе, если провѣрить его исторіею, похоже на то, какъ бы сказать, что если голодъ выгналъ изъ избы нѣсколько членовъ семейства, то тѣмъ лучше для тѣхъ, которые остались. Оно и въ самомъ дѣлѣ лучше для нихъ, но голодъ, самъ по себѣ, все-таки бѣдствіе. Истощеніе земли, недостатокъ капиталовъ производитъ то, что крупные землевладѣльцы въ Ирландіи предпочитаютъ обращать свои пашни подъ луга, и такимъ образомъ, скотоводство, замѣняя земледѣліе, еще болѣе гонитъ рабочихъ изъ страны....

Англійскіе консерваторы, до сихъ поръ, съ торжествующимъ видомъ приводятъ аргументъ, что законы тѣ же самые въ Ирландіи, какъ и въ Англіи. Но, во-первыхъ, примѣненіе законовъ не одинаково. Такъ, теперь, когда уже прошло около сорока лѣтъ со времени уравненія католиковъ, ихъ все-таки нѣтъ ни въ одной первостепенной должности, ни въ Англіи, ни въ самой Ирландіи. Министръ ирландскихъ дѣлъ—протестантъ, даже его товарищъ — протестантъ. Лордъ-намѣстникъ — тоже протестантъ. Католиковъ заботливо отстраняютъ отъ важныхъ должностей, а это — фактъ, имѣющій огромное значеніе въ цѣлой системѣ, потому что, такимъ образомъ, Ирландіею продолжаютъ управлять завоеватели, которые на нее смотрятъ все-таки не какъ на равноправную страну, а какъ на страну покоренную. Во-вторыхъ, продержавъ человѣка, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, десятка два лѣтъ, если вы выпустите его на свободу безъ всякой помощи, будете ли вы имѣть право сказать, что онъ находится въ одинаковомъ положеніи со всѣми гражданами, ибо можетъ пользоваться тѣми же законами и средствами, какъ они. Протестанты въ Ирландіи составляютъ осьмую часть населенія, а въ ихъ пользу обращены всѣ духовныя имущества страны. Почему нѣтъ англиканскаго Establishment въ Шотландіи? Потому что шотландцы не захотѣли имѣть его. А въ Ирландіи оно существуетъ. Что̀ оно существуетъ и въ Англіи, въ этомъ еще нѣтъ равенства, такъ какъ тамъ оно существуетъ для массы населенія. Ирландія, бѣдная страна, платящая, однако, британскому казначейству 6—7 милл. фунтовъ ст. налогами, имѣетъ неоспоримое право на уврачеваніе ея ранъ принесеніемъ въ жертву всей прежней системы.

Посмотримъ теперь, какъ думаютъ объ этомъ вопросѣ государствен-

ные люди Англіи разныхъ партій. Приводимыя здѣсь мнѣнія, высказанныя ими внѣ парламента, дополняются выше въ «Ежемѣсячной хроникѣ» взглядомъ на послѣднія парламентскія пренія по ирландскому вопросу, бывшія въ палатѣ общинъ.

Въ Бристолѣ собирались, 22 (10) января, торіи безъ опредѣленной цѣли, или, если хотите, съ цѣлію поздравить себя съ продолжающимся еще существованіемъ своимъ. Со временъ своего славнаго «ренегата» Пиля, который разорвалъ въ клочки послѣднія торійскія знамена — знамена, на которыхъ красовались девизы по «popery» и «corn laws», т. е. сопротивленія уравненію католиковъ и введенію свободной торговли,—никто не наносилъ торіямъ такого удара, какъ почтенный, нынѣшній leader ихъ, Бенджаминъ Дизраэли. Чтобы спасти существованіе торійскаго кабинета, онъ принужденъ былъ принесть въ жертву самый принципъ торійской партіи, и въ торжествѣ билля о реформѣ, доставилъ торійскому министерству такую побѣду, которая была полнымъ пораженіемъ не только для консерваторовъ, но даже и для умѣренныхъ либераловъ. Тѣмъ неменѣе, торіи, въ лицѣ бристольской Conservative Association, дали, 22 января, большой банкетъ въ честь министровъ. Но Дизраэли счелъ за лучшее не присутствовать на этомъ торжествѣ. Не присутствовали на немъ и многіе изъ членовъ министерства, между прочимъ и украшающіе его четыре герцога. Изъ министровъ были на лицо сэръ Джонъ Пакингтонъ, военный министръ, г. Гаторнъ Гарди, министръ внутреннихъ дѣлъ и лордъ Стэнли, министръ иностранныхъ дѣлъ, сынъ бывшаго премьера, графа Дэрби, опора и надежда консерваторовъ, въ сущности человѣкъ умный, политикъ осторожный, но едва ли способный выносить на своихъ плечахъ отживающую партію.

Вотъ что̀ сказалъ, между прочимъ, лордъ Стэнли объ Ирландіи: «Едва ли въ эту минуту найдется человѣкъ, принимающій участіе въ ходѣ общественныхъ дѣлъ, который бы не былъ занятъ этимъ вопросомъ. Я разумѣю печальное, опасное и по крайней мѣрѣ, повидимому, компрометтирующее насъ положеніе дѣлъ, къ сожалѣнію, продолжающее существовать въ Ирландіи. Намъ предстоитъ рѣшить въ этой странѣ необыкновенную и трудную задачу, и, я полагаю, еще не было времени, когда англичане всѣхъ партій и всѣхъ классовъ были бы готовы дать всякое разумное удовлетвореніе требованіямъ ирландцевъ, и даже, насколько это возможно безъ національнаго униженія, сообразоваться съ чувствами и предразсудками ирландскаго народа. Матеріальное положеніе Ирландіи не худо. Нѣтъ сомнѣнія, оно гораздо лучше средняго уровня прежнихъ годовъ. Крестьяне имѣютъ лучшую пищу, лучше одѣты и оплачиваемы за трудъ, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ. Болѣе образованный классъ пользуется безъ ограниченія выгодами британскаго гражданства. Не остается желать ничего болѣе, какъ нѣсколько

болѣе спокойствія и безопасности, чтобы безчисленные британскіе капиталы нахлынули въ эту страну, какъ англійское богатство потекло въ Шотландію и какъ оно продолжаетъ течь въ колоніи, отдѣленныя отъ насъ шириною земного шара. Однако было бы тщетно отрицать, что въ Ирландіи недовольство очень распространено, что нерѣдко встрѣчается враждебное чувство, и что есть часть населенія — надѣюсь не очень значительная, но все-таки часть — которая смотритъ на свою связь съ Англіею скорѣе какъ на бремя, чѣмъ какъ на выгоду. Итакъ, мы видимъ бѣдственное положеніе дѣлъ; но когда ищемъ средства для излеченія, кто можетъ дать намъ вразумительный отвѣтъ?

«Прежде всего, не будемъ скрывать отъ себя, что въ Ирландіи есть партія — быть можетъ значительная — которой не удовлетворятъ никакія возможныя уступки. Тѣ, кто стремится къ отдѣльному, національному существованію или къ отмѣнѣ уніи (Repeal), что практически приводитъ къ тому же, — требуютъ того, чего никогда получить не могутъ, и въ ихъ интересѣ мы должны объявить имъ это яснымъ образомъ. Мы не позволимъ, чтобы Британское государство было разорвано на куски въ силу какихъ бы то ни было фантастическихъ теорій, или на томъ основаніи, что нѣкоторые политики некстати провозглашали здѣсь священное дѣло національности, примѣнимое къ другимъ странамъ. Ирландія и Англія нераздѣльны нынѣ и навсегда». Громкія рукоплесканія отвѣчали на это заявленіе оратора.

«Затѣмъ — продолжалъ лордъ Стэнли — есть другой поводъ къ безпорядкамъ, поводъ преходящій, а именно возвращеніе ирландскихъ американцевъ, которые принимали участіе въ великой междоусобной войнѣ по ту сторону Атлантики. Каждая великая война оставляетъ за собою осадокъ людей, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ, но полныхъ энергіи, мужества и пренебреженія къ жизни. Въ настоящемъ случаѣ, по сравненію съ размѣрами существовавшихъ военныхъ силъ, этотъ остатокъ былъ не великъ, но онъ былъ, и нѣкоторыхъ представителей его мы видимъ теперь у насъ. Это неудобство, по самому роду его, не можетъ продолжаться. Но, оставляя въ сторонѣ непримѣнимый здѣсь принципъ національности, также какъ и временное зло, происшедшее отъ превращенія иностранныхъ солдатъ въ заговорщики, мы имѣемъ предъ собою два важные предмета для парламентскаго обсужденія: вопросъ о церкви и вопросъ о землѣ. Что касается перваго, то вы извините, если въ моемъ нынѣшнемъ положеніи я не буду говорить о немъ. Впрочемъ, совершенно ясно, что если въ законодательствѣ относительно разныхъ духовныхъ исповѣданій въ Ирландіи должны быть произведены перемѣны — а я не утверждаю этого — то онѣ не могутъ быть дѣломъ парламента кончающагося, исшедшаго изъ такого избирательства, которое само подлежитъ значительному видоизмѣненію. Во всякомъ случаѣ, намъ, какъ людямъ практическимъ,

слѣдуетъ помнить, что въ Ирландіи, кромѣ католиковъ, есть и протестанты, которые, хотя малочисленны, но сильны по своему общественному положенію и что, предпринимая согласить двѣ взаимно-противныя партіи, надо опасаться, чтобы не сдѣлать себѣ враговъ изъ ихъ обѣихъ.

«Относительно вопроса о землѣ, я позволю себѣ выразить вкратцѣ мое мнѣніе. Требованіе, постоянно заявляемое въ этомъ отношеніи, касается вознагражденія арендаторамъ за дѣлаемыя ими улучшенія. Проведеніе этой мѣры, съ приличными гарантіями, было бы полезно. Мы признали это въ принципѣ. Но рѣшеніе этого проекта все-таки не устранитъ главнаго повода къ раздору. Ирландскіе крестьяне или, по меньшей мѣрѣ, значительная часть ирландскаго крестьянства, желаютъ не вознагражденія за улучшенія — которыя едва ли сотый изъ нихъ и дѣлаетъ — а обращенія ихъ, безъ выкупа, изъ годичныхъ арендаторовъ въ собственники земли. Между тѣмъ, это такое требованіе, котораго, какъ мнѣ кажется, британскій законодатель ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ. Дѣло въ томъ, что если этотъ принципъ (переходъ земли въ руки крестьянъ) допустить для Ирландіи, то надо допустить его и для Англіи. Сверхъ того, если однажды совершить эту операцію, то придется повторять ее неопредѣленное число разъ, такъ какъ, если арендаторъ превратится въ собственника, то онъ, разумѣется, можетъ самъ отдавать землю въ наймы — и, на сколько я знаю характеръ ирландцевъ, они непремѣнно такъ и будутъ дѣлать и тогда вы получите новый классъ фермеровъ, подъ тѣми же условіями, и съ тою только разницею, что вами устранено сословіе землевладѣльцевъ, находившихся въ достаткѣ и замѣнено другими, которые, будучи въ нуждѣ, будутъ, стало быть, гораздо требовательнѣе. Не слѣдуетъ забывать также, что системою безчисленныхъ мелкихъ собственниковъ вы возстановите главное зло, отъ котораго страдала Ирландія въ прежнее время. Я разумѣю здѣсь постоянное подраздѣленіе наймовъ и истекающее изъ него размноженіе бѣдныхъ. Каждый собственникъ, будь онъ хорошій или дурной хозяинъ, въ собственномъ своемъ интересѣ старается препятствовать такому подраздѣленію; отнимите это препятствіе и, въ теченіи 20 лѣтъ, смѣло утверждаю это, вы будете имѣть удвоившееся населеніе, исключительно живущее на счетъ земли, стало быть все полагающееся на картофель, а когда картофель неуродится — какъ это будетъ постоянно случаться отъ времени до времени — вы снова увидите голодъ 1847 года.

«Ирландскій вопросъ — главный вопросъ настоящаго часа, и я желалъ бы быть въ состояніи также ясно указать на то, что намъ слѣдовало бы сдѣлать, какъ, по моему мнѣнію, я указалъ на то, чего дѣлать не слѣдуетъ. Но вотъ что я скажу: не будемъ обращаться къ знахарямъ (quacks); не будемъ хвататься за отчаянныя средства на

томъ только основаніи, что доктора̀ не находятъ мгновеннаго и совершеннаго лекарства для застарѣлой болѣзни; не будемъ, если бы и могли, покупать временного удовлетворенія цѣною огромнаго зла въ будущемъ. Исправимъ то, что̀ намъ кажется, что мы признаемъ несправедливымъ, но сдѣлаемъ это для удовлетворенія собственной нашей совѣсти, а не въ видѣ уступки одному шуму и угрозамъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ Гарди не разсматривалъ вопросовъ, касающихся Ирландіи. Вотъ все, что̀ въ его бристольской рѣчи относится къ ней: «Съ сожалѣніемъ я долженъ сказать, что министръ внутреннихъ дѣлъ въ послѣднее время долженъ былъ обратиться въ нѣчто похожее на полицейскаго коммиссара; большая часть его времени, которое могло бы быть употреблено полезнѣе, занято подробностями разныхъ ничтожныхъ заговоровъ, о которыхъ ему доносятъ съ разныхъ сторонъ. Феніянизмъ я назову нестолько опасностью, сколько язвою и бременемъ, которыя, какъ саранча, занесены къ намъ западнымъ вѣтромъ изъ далекой страны. Эти люди говорятъ, что они явились спасти Ирландію, но они-то и отгоняютъ отъ нея капиталы, промышленность и земледѣліе, однимъ словомъ, все то, въ чемъ она нуждается. Если бы ирландскія дѣла могли быть обсуждены спокойнымъ и умѣреннымъ языкомъ, я надѣюсь, мы бы пришли къ какому-нибудь практическому и полезному выводу; но, когда мы спрашиваемъ, какія нужны лекарства, намъ отвѣчаютъ только неопредѣленными жалобами и напоминаніями о прежнемъ величіи Ирландіи. Между тѣмъ, мнѣ не удалось узнать, когда же именно существовало въ Ирландіи это достославное положеніе дѣлъ. Намъ говорятъ о бѣдственномъ положеніи, продолжавшемся уже около 780 лѣтъ, но я полагаю, что никто незахотѣлъ бы вернуться къ тому положенію дѣлъ, которое существовало въ Ирландіи до этого періода».

Итакъ, на бристольскомъ митингѣ британскіе министры отнеслись къ требованіямъ Ирландіи, такъ сказать, оборонительно. Лордъ Стэнли согласенъ, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь, но откладываетъ это, какъ матеріалъ для рѣшеній будущаго парламента. Сверхъ того, признавая открытыми вопросами положеніе въ Ирландіи церкви и земли, онъ коснулся обоихъ этихъ вопросовъ только чтобы представить возраженія противъ требованій либераловъ, которыхъ онъ назвалъ даже почти шарлатанами. Но не надо забывать, что лордъ Стэнли говорилъ въ собраніи консерваторовъ, собравшихся для самоуслажденія силами своей партіи, не имѣющей цѣли. Эта безотвѣтность партіи тори на положительные вопросы современности и отражалась въ рѣчахъ лорда Стэнли, а особенно г. Гарди, которому не нравится должность полицейскаго коммиссара, но который неумѣетъ сказать, въ чемъ могло бы состоять то практическое рѣшеніе, о возможности котораго онъ упоминалъ. Повторяемъ, что среда, въ которой говорили министры,

сама по себѣ стѣсняла ихъ, но что, сверхъ того, въ ихъ рѣчахъ отразилась безплодность партіи ихъ поддерживающей. Такъ точно, упоминая въ своихъ рѣчахъ о совершенной избирательной реформѣ, члены того кабинета, который провелъ эту мѣру, нисколько не поздравляли себя съ ея проведеніемъ и не описывали ея вѣроятныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, а только защищали ее отъ упрековъ въ демократичности и выражали надежду, что она не измѣнитъ характера британской конституціи.

Но внѣ этихъ соображеній, исходящихъ изъ спеціальнаго положенія министровъ, въ рѣчи Стэнли выразилось отношеніе англійскаго лорда къ вопросу о переходѣ земли въ собственность крестьянъ. Тутъ говорилъ уже не собственно лордъ Стэнли, членъ кабинета; тутъ слышенъ голосъ англійскаго крупнаго собственника, которому раздробленіе землевладѣнія представляется его гибелью, выкупъ земли отъ аристократовъ неживущихъ въ странѣ и надѣлъ ею рабочихъ — представляются, какъ посягательство на принципъ собственности, а переходъ владѣній англійскихъ лордовъ къ ирландскимъ рабочимъ—какъ такое бѣдственное событіе, которое уничтожило бы почти весь смыслъ обладанія Ирландіею. «Ирландія для ирландцевъ» — этотъ девизъ особенно ненавистенъ англійскимъ аристократамъ, потому что вѣдь «то, что хорошо для Ирландіи, должно быть хорошо и для Англіи», а стало быть за примѣненіемъ этого принципа въ Ирландіи можетъ случиться, что и въ самой Англіи станутъ говорить: «Англія для всѣхъ англичанъ», а не для 30 тысячъ землевладѣльцевъ, какъ нынѣ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ владѣютъ почти половиною всей земли.

Но сила національнаго предразсудка такъ велика, что англичанинъ, даже не имѣя побужденій ни торія, ни крупнаго землевладѣльца, даже считая себя радикаломъ, можетъ противиться всякимъ либеральнымъ уступкамъ требованіямъ Ирландіи, какъ мы то замѣтили выше, указавъ на капитальное различіе ирландскаго и польскаго вопроса. Мы приведемъ теперь въ примѣръ Робака, извѣстнаго шеффильдскаго депутата. Правда, Робакъ всегда отличался оригинальностью своихъ мнѣній, иногда своихъ выходокъ; но, въ настоящемъ случаѣ, онъ говорилъ не въ парламентѣ, гдѣ политическій дѣятель вольнѣе отъ вліянія массъ, а обращался къ своимъ избирателямъ, стало быть предполагалъ возбудить своими словами сочувствіе массы; онъ былъ воленъ не избирать здѣсь этого предмета и, если избралъ именно ирландскій вопросъ, то стало быть разсчитывалъ, что мнѣніе его можетъ быть популярно. Вотъ что замѣтилъ Робакъ объ ирландскомъ вопросѣ, въ рѣчи, произнесенной въ Шеффильдѣ 24 (12) января.

Ссылаясь на письмо лорда Росселя объ ирландскомъ вопросѣ, писанное въ прошломъ году, онъ сказалъ:—«Одинъ великій государственный

человѣкъ [1]) говоритъ намъ, что принципомъ нашей законодательной дѣятельности въ этомъ вопросѣ должно быть правило: «Ирландія для Ирландіи». Что же это значитъ? Если эти слова имѣютъ смыслъ, то они значатъ, что мы должны отдѣлить Ирландію отъ Англіи. Но пока въ моемъ тѣлѣ есть дыханіе, пока есть капля крови въ моихъ жилахъ, я буду противиться всякому виду раздѣленія этихъ двухъ странъ. Когда говорятъ объ обидахъ Ирландіи, какой удивительный вздоръ разсказываютъ! Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ эти обиды? Гдѣ та разница въ законѣ относительно Англіи и Ирландіи, которая неблагопріятна интересамъ ирландскаго населенія? Въ законахъ о наймѣ земли (Tenant-right) есть ли какое-либо различіе между Англіею и Ирландіею? Развѣ въ Англіи арендаторъ требуетъ чего нибудь болѣе, чѣмъ насколько онъ имѣетъ право по закону? И развѣ законъ не тотъ же самый въ Ирландіи, какъ и въ Англіи? на что возражаютъ: да въ Ирландіи владѣльцы не соглашаются на контрактную аренду. Такъ чтожъ? И въ Англіи очень многіе землевладѣльцы не соглашаются на такія аренды (leases), и земля, въ значительной части этой страны, нанимается съ году на годъ. Законы тѣже! Развѣ у ирландцевъ нѣтъ суда присяжныхъ, развѣ у нихъ нѣтъ судей ихъ же вѣры? Есть ли въ цѣломъ свѣтѣ римско-католическая страна, въ которой съ протестантами обращались бы такъ, какъ мы съ католиками»?

«Теперь я спрашиваю — продолжалъ Робакъ — что же мы еще можемъ сдѣлать? Можемъ ли мы измѣнить законы природы и характеръ ирландской почвы? Будьте увѣрены, что не законъ можетъ сдѣлать Ирландію такою, какою ей слѣдовало бы быть. Это можетъ сдѣлать только ученіе тѣхъ, кого она признаетъ своими учителями, и пріемъ оказываемый этому ученію народомъ; сдѣлать это можетъ только рѣшимость каждаго человѣка исполнять свой долгъ въ томъ положеніи въ жизни, которое Богу угодно было ему назначить, а не болтать вздоръ о «Erin-go-bragh» и «Bryan Boru». Ирландцы, рожденные и воспитанные въ качествѣ подданныхъ ея величества, оставляютъ эту страну отправляются въ Америку и становятся американскими гражданами; затѣмъ, они возвращаются сюда и нарушаютъ наши законы; ихъ привлекаютъ къ суду, и вотъ они, съ умильной наглостью, требуютъ для себя присяжныхъ изъ американцевъ. Между тѣмъ, они сами не американцы, а ирландцы».

Итакъ, Робакъ доказалъ, что если не въ англійскомъ парламентѣ, то все-таки на политической сходкѣ въ Англіи, возможно полное отрицаніе справедливости требованій ирландцевъ. Онъ проповѣдуетъ имъ теорію покорности своей судьбѣ и находитъ, что законъ, котораго измѣненіе могло бы облегчить участь населенія Ирландіи, по-

---

[1]) Лордъ-Россель.

ставленнаго внѣ всякаго сравненія съ населеніемъ Англіи, именно вслѣдствіе вѣкового насилія, вслѣдствіе экспропріаціи и преднамѣреннаго приниженія всего туземнаго, оттого не подлежитъ никакому измѣненію, что вѣдь такой же законъ дѣйствуетъ и въ Англіи. О томъ, какое вліяніе тотъ же законъ оказываетъ въ Ирландіи по сравненіи съ Англіею, онъ ничего знать не хочетъ. Наконецъ, онъ смѣется надъ національными преданіями ирландцевъ и вполнѣ достигаетъ своей цѣли, такъ какъ ему отвѣчаютъ громкій смѣхъ и аплодисменты собранія. А между тѣмъ прошлое Робаку извѣстно. Это прошлое такъ темно, что онъ самъ не можетъ закрыть его. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ прошломъ:—«Но вотъ мы вспоминаемъ съ печалью о той великой несправедливости, въ которой мы виновны передъ Ирландіею; мы вспоминаемъ, что въ теченіи вѣковъ, мы дѣлали ей зло, и что нельзя дѣлать зла народу безъ того, чтобы его не чувствовали позднѣйшія поколѣнія. (И здѣсь раздались аплодисменты). Вѣкъ за вѣкомъ мы дурно управляли Ирландіею и притѣсняли ее, но въ теченіе послѣдняго полвѣка, мы сдѣлали все, что могли для поправленія этого зла. Эмигрантъ, который отправляется изъ Ирландіи, съ сердцемъ полнымъ горькой вражды къ Англіи, высаживается въ Америкѣ и тамъ находитъ вотъ что: двѣ партіи борются между собою, и отъ него, ирландца, зависитъ равновѣсіе между ними. Обѣ онѣ ухаживаютъ за нимъ, обѣ говорятъ пустяки, чтобы ему понравиться; и демократы, и республиканцы, поступая такъ, забываютъ себя и свой долгъ въ отношеніи къ человѣчеству, но они поступаютъ такъ и толкуютъ вздоръ въ угоду избирателю—ирландцу». Затѣмъ ораторъ взываетъ къ американцамъ, чтобы они сбросили съ себя «клеймо» того союза, въ который ихъ увлекаютъ.

Приведя мнѣніе англійскихъ политическихъ людей, неблагопріятныя для требованій Ирландіи, замѣтимъ, что въ нихъ есть доля неискренности, и доля искренности. Когда они утверждаютъ, что нельзя оставить Ирландію ирландцамъ, потому только, что ирландцы погубятъ свою страну внутренними раздорами, и показываютъ видъ, будто они только въ интересѣ самой Ирландіи не хотятъ допустить ни полнаго отдѣленія, ни возстановленія ея самостоятельнаго парламента—то это очевидное лицемѣріе, котораго далеко не чужды англичане вообще и которое у нихъ даже очень популярно, когда оно «служитъ хорошей цѣли». Но когда политическіе дѣятели Великобританіи говорятъ, что интересы ея положительно не допускаютъ отдѣленія Ирландіи — они совершенно правы, и когда они объявляютъ рѣшимость противиться всѣми силами такому отдѣленію — они вполнѣ искренни. Дѣло въ томъ, что національная своеобразность и въ значительной мѣрѣ самое могущество Великобританіи зависятъ отъ изолированнаго положенія Соединеннаго-королевства. Правда, Ламаншъ — не океанъ,

но за Ламаншемъ живутъ совсѣмъ чуждые элементы, которые не могутъ имѣть вліянія на Англію, наконецъ, въ Ламаншѣ — флотъ для охраненія отъ вторженія.

Но представьте себѣ подъ самымъ бокомъ Великобританіи независимое государство, которое будетъ непремѣнно тяготѣть къ сѣверной Америкѣ, а пожалуй и присоединится къ ней. Американскій демократизмъ и американское могущество въ *трехчасовомъ* разстояніи отъ сердца Великобританіи.... вотъ опасность, которой самая тѣнь устрашаетъ англичанъ.

Сверхъ того, англичане имѣютъ въ виду современемъ такъ или иначе разработать Ирландію, эксплоатировать ея земли. Въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи земли мало; если бы волненія въ Ирландіи затихли, если бы прекратились тамъ коалиціи рабочихъ — нѣтъ сомнѣнія, британскіе капиталы бросились бы туда, какъ говорилъ лордъ Стэнли. Ихъ болѣе всего удерживаетъ именно необезпеченность. Въ Ирландіи нѣкогда существовали фабрики; но хроническія и побѣдоносныя коалиціи рабочихъ убили тамъ фабричное дѣло, за исключеніемъ одного Бельфаста, который остался важнымъ фабричнымъ городомъ. Англичане не хотятъ упустить Ирландію и потому, что надѣются еще при улучшеніи въ ней положенія дѣлъ — найти въ ней близкое поле для дѣятельности своихъ капиталовъ. Въ противномъ же случаѣ, то есть, если положеніе дѣлъ въ Ирландіи не улучшится, то эмиграція сдѣлаетъ свое, а поля Ирландіи будутъ полезны какъ луга для скотоводства, пока эмиграція не ослабитъ, наконецъ, туземнаго населенія до такой степени, что его можно будетъ замѣнять постепенно новыми колонистами изъ Англіи и Шотландіи. Это, въ крайнемъ случаѣ, было бы самое радикальное рѣшеніе ирландскаго вопроса. Земля, во всякомъ случаѣ, не уйдетъ отъ нихъ, если они только отъ нея не откажутся сами; вотъ почему къ Ирландіи не примѣняется теорія, нынѣ преобладающая въ Англіи относительно колоній: то есть, что метрополія не должна стараться удерживать ихъ насильно подъ своей властью. Дѣло въ томъ, что колоніи, со времени примѣненія принципа свободной торговли (объ Остъ-Индіи мы не говоримъ) не приносятъ Англіи денежной выгоды своей зависимостью отъ метрополіи, напротивъ, онѣ обременяютъ ея военный бюджетъ издержками на ихъ защиту. Ирландія — совсѣмъ иное дѣло. Можно легко отказаться отъ права на комнату въ чужой квартирѣ, если это право не приноситъ выгоды; но уступить кому-либо комнату въ своей собственной квартирѣ, даже если эта комната лишняя—это совсѣмъ другой вопросъ.

Относительно одного предоставленія Ирландіи самой себѣ—Ireland for the irish—лордъ Стэнли и съ нимъ всѣ консерваторы, а также и Робакъ, какъ мы видѣли, утверждаютъ, что этотъ принципъ равносиленъ съ отдѣленіемъ Ирландіи. Но въ этомъ отношеніи англійскіе ли-

бералы совсѣмъ иного мнѣнія. Они полагаютъ, что принципъ этотъ долженъ быть признанъ прежде всего, что прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ мысли объ эксплоатаціи Ирландіи въ пользу Англіи или ея союзниковъ—однихъ ирландскихъ протестантовъ. Какъ далеко слѣдуетъ идти въ этомъ отношеніи—мнѣнія либераловъ различны. Глава виговъ, лордъ Россель, въ письмѣ къ «достопочтенному» Чичестеру Фортескью поставилъ принципъ объ управленіи Англіею для нея самой. (Это письмо вышло особою брошюрою; мы говоримъ о ней далѣе.) Радикальный писатель, профессоръ Гольдуинъ Смитъ идетъ еще далѣе; онъ допускаетъ полную самостоятельность ирландской національности, такъ, чтобы ирландецъ могъ быть патріотомъ, не будучи мятежникомъ. Но мы возвратимся къ его мнѣнію, такъ какъ оно—теоретическое, а сперва послушаемъ, что̀ говоритъ объ этомъ дѣлѣ вліятельнѣйшій изъ нынѣшнихъ политическихъ людей Англіи, Брайтъ, тотъ самый Брайтъ, который заставилъ провесть избирательную реформу. Онъ теперь перенесъ свою могущественную агитацію на поле ирландскаго вопроса, и убѣжденіе его такъ сильно, предложенія отличаются такою опредѣленностью и практичностью, что едва ли и въ этомъ дѣлѣ побѣда не останется на его сторонѣ. На рѣчь, произнесенную Брайтомъ въ Бирмингамѣ 4 февраля (23 января), къ его избирателямъ, мы должны преимущественно обратить вниманіе именно по практичности ея и по тому исключительному—скажемъ почти преобладающему—положенію, какое занимаетъ нынѣ Брайтъ въ Англіи. Но рѣчь эта такъ велика, что большую часть ея мы, по необходимости, должны замѣнить анализомъ:

«Пусть ни одинъ человѣкъ здѣсь, въ Бирмингамѣ—сказалъ онъ—не думаетъ, что онъ не заинтересованъ въ томъ, что̀ называется ирландскимъ вопросомъ. Это—вопросъ, который теперь сильно возбуждаетъ чувства, и который будетъ источникомъ немалаго взрыва страстей, пока онъ не будетъ рѣшенъ. Этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, послужитъ причиною паденія министерствъ и, быть можетъ—распущенія парламента». Тутъ Брайтъ перешелъ къ оцѣнкѣ бристольской рѣчи лорда Стэнли и напомнилъ его совѣтъ не «обращаться къ знахарямъ, потому только, что врачи не могутъ вдругъ излечить долговременной болѣзни».—«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Брайтъ, болѣзнь эта длится уже болѣе 100 лѣтъ, а потому-то, если доктора́ все еще не нашли, чѣмъ излечить ее, то, мнѣ кажется, не дурно было бы спросить хоть знахаря». Напомнивъ объявленіе Стэнли, что министры уступятъ только своей совѣсти, а не шуму и угрозамъ, ораторъ замѣтилъ, что эти слова несовсѣмъ согласны съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано въ прошлую сессію, намекая на то, что избирательная реформа была вырвана у нихъ, въ настоящемъ видѣ, прямо противъ ихъ убѣжденія. Онъ перешелъ затѣмъ къ пріостановленію въ Ирландіи дѣйствія закона о лич-

ной неприкосновенности, и замѣтилъ, что въ Ирландіи періодически возобновляется такое положеніе дѣлъ, при которомъ эта мѣра признается необходимою; онъ напомнилъ признаніе министра внутреннихъ дѣлъ, что ему пришлось обратиться въ полицейскаго коммисара, а именно, пришлось охранять обѣ резиденціи самой королевы— Бальмораль и островъ Уайтъ, отъ покушеній, и что, для противодѣйствія феніямъ въ Ирландіи и Канадѣ, содержится теперь войско въ 50 тысячъ человѣкъ.

«Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, я имѣю право пожалѣть, что министръ не предложилъ никакого средства своимъ слушателямъ за банкетомъ въ Бристолѣ. Все, что онъ сказалъ, заключалось въ томъ, что онъ не позволитъ разорвать государство на части; но мнѣ кажется, что прежде всего слѣдовало указать тотъ принципъ, которымъ онъ думаетъ удержать государство въ цѣлости». Брайтъ коснулся и шеффильдской рѣчи Робака, — и, замѣчательно, одинъ изъ представителей такъ - называемой манчестерской школы не пощадилъ при этомъ другого.—«Этотъ членъ парламента, сказалъ Брайтъ, обѣщаетъ до послѣдняго издыханія и до послѣдней капли крови противиться раздѣленію двухъ странъ; не забудьте, что этотъ самый джентльменъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, былъ самымъ рѣшительнымъ защитникомъ рабовладѣльцевъ; онъ зашолъ въ своемъ усердіи такъ далеко, что предложилъ себя въ уполномоченные между императоромъ французовъ и англійскимъ парламентомъ, съ цѣлью осуществить признаніе независимости рабовладѣльческой конфедераціи. Онъ употребилъ въ дѣло самыя оскорбительныя выходки противъ Сѣверныхъ-штатовъ, за ихъ рѣшимость не дозволять разрыва на части ихъ республики, а теперь онъ же говоритъ намъ, что пока въ немъ будетъ дыханіе и кровь, онъ не допуститъ разрыва между Великобританіею и Ирландіею.

«Мнѣ нечего объявлять вамъ, что я пришолъ сюда не съ тѣмъ, чтобы обсуждать этотъ вопросъ о раздѣленіи. Но вотъ что я скажу: министры, которые не имѣютъ предложить никакого средства, а только произносятъ возбудительныя рѣчи, и приверженцы ихъ, произносящіе рѣчи, подобныя приведенной — не истинные друзья соединенія, потому именно, что они — возбудители взаимнаго недовольства и разъединенія. Я долженъ напомнить имъ, что самый этотъ вопросъ объ отдѣленіи вовсе не выходитъ изъ границъ обсужденія: такъ, послѣ присоединенія Шотландіи, 160 лѣтъ тому назадъ, въ парламентъ внесено было предложеніе объ отмѣнѣ акта этого присоединенія; предложеніе это было отвергнуто въ полномъ составѣ палаты большинствомъ *всего двухъ* голосовъ. Итакъ, имѣется бывшій примѣръ весьма компетентнаго мѣста для тѣхъ, кто считаетъ своимъ долгомъ обсуждать вопросъ объ отдѣленіи. Сверхъ того, замѣчу, что государ-

ство было могущественно и до законодательнаго соединенія съ Ирландіею. Оно было могущественно въ войнѣ и торговлѣ, и не слѣдуетъ забывать, что ирландскій парламентъ былъ почти, если не совсѣмъ, столь же національнымъ, какъ нашъ собственный, былъ столь же священъ для Ирландіи, какъ англійскій парламентъ священъ намъ. Способы, употребленные для его уничтоженія, представляютъ одну изъ самыхъ грязныхъ исторій въ лѣтописяхъ этой страны. Насиліе, обманъ и подкупъ безпримѣрнаго характера были средствами, которыми осуществлено было уничтоженіе ирландскаго парламента.

«Впрочемъ, я все-таки не имѣю сказать ни слова въ пользу раздѣленія этихъ двухъ странъ. Замѣчу только, что ирландскій народъ никогда не изъявлялъ своего согласія на законодательную унію и, что стало быть, право его протестовать противъ нея и искать возстановленія его парламента, если это имъ признается выгоднымъ, не было и не можетъ быть разрушено.

«Но передъ нами стоитъ иной вопросъ, а именно: можемъ ли мы поступать съ Ирландіею такъ, чтобы сдѣлать соединеніе мирнымъ и неизбѣжнымъ, посредствомъ обоюдной выгодности его для обѣихъ странъ? Мы говоримъ на одномъ языкѣ съ ирландцами, читаемъ тѣ же книги, изъ которыхъ значительную часть пишутъ именно ирландцы; интересы наши общіе, родственныя связи между нами переплетены самымъ запутаннымъ образомъ, а примѣръ иныхъ странъ показываетъ намъ, что католики и протестанты могутъ уживаться одни съ другими въ полномъ согласіи. Возвращаясь къ вопросу о законодательной уніи, я сдѣлаю еще одно замѣчаніе, именно, что я самъ никогда не соглашусь ни на какую мѣру, ведущую къ нарушенію этой уніи до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что въ Англіи окончательно вымерла государственная мудрость, и до тѣхъ поръ, пока на Ирландіи не будетъ доказано, что справедливость перестала имѣть вліяніе на человѣчество. Министръ, о которомъ я упоминалъ, сказалъ, что обсужденію и рѣшенію парламента подлежатъ, относительно Ирландіи, два вопроса: о церкви и о землѣ. Но эти вопросы—болѣе чѣмъ пункты для обсужденія; это вопросы, отъ которыхъ можетъ зависѣть существованіе государства. Эти два вопроса представляютъ начало и конецъ всего ирландскаго кризиса.

«Шотландцы—нація, и, я полагаю, они еще болѣе пристрастны къ своей національности, чѣмъ ирландцы. Шотландцы, однако, считаютъ себя членами великаго народа, которымъ они имѣютъ причины быть довольны. Но вѣдь ирландцы — тоже нація, и желательно бы знать, почему мы не можемъ сдѣлать ихъ столь же довольными членами большого народа и принять участіе въ томъ величіи, которое дается большою державою? Я вѣрю, что это можетъ быть сдѣлано, вѣрю въ

это также твердо, какъ въ то, что стою на этомъ мѣстѣ. Все, что могъ бы сдѣлать парламентъ въ Дублинѣ, можетъ сдѣлать и нашъ государственный парламентъ, если искренно захочетъ. Теперь представьте себѣ, что въ Дублинѣ засѣдаетъ парламентъ, избранный свободными и равными голосами ирландскихъ квартирныхъ хозяевъ (householders) [1]; можете ли вы допустить мысль, что въ такомъ случаѣ существовало бы въ этой странѣ учрежденіе, подобное тому, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ протестантской установленной (господствующей) церкви? Я не враждебенъ протестантизму и самъ я, какъ вамъ извѣстно, протестантъ изъ протестантовъ. Я не сочувствую организаціи, нѣкоторымъ доктринамъ и практикамъ католицизма. Но я говорю здѣсь о протестантской церкви только какъ объ учрежденіи политическомъ. Если кто-нибудь скажетъ, что съ такимъ парламентомъ ирландскій народъ допустилъ бы существованіе этой политической церкви, то человѣкъ этотъ долженъ считать Ирландію немногимъ лучше дома безумныхъ. А если мы увѣрены, что ирландскій народъ (будь онъ воленъ) не допустилъ бы этого, то зачѣмъ же мы, составляя сильнѣйшую изъ трехъ частей королевства, и нашъ парламентъ, въ Лондонѣ, зачѣмъ мы поддерживали это учрежденіе, наперекоръ извѣстному намъ мнѣнію и тысячу разъ повторенному протесту огромнаго большинства ирландскаго народа?»

Вотъ какъ предлагаетъ Брайтъ рѣшить вопросъ о господствующей англиканской церкви въ Ирландіи:—«Надняхъ я видѣлъ послѣднюю оцѣнку имуществъ въ господствующей церкви въ Ирландіи. Они исчислены въ сумму неменѣе 13 милліоновъ фунтовъ. Я не могу объяснить вамъ сколько-нибудь наглядно, каково дѣйствительное значеніе такой суммы, какъ 13 милліоновъ фунтовъ. Велико ли то число людей, для пользы которыхъ предназначена эта сумма? Велико ли все населеніе, которому она приноситъ пользу, своимъ громаднымъ процентомъ, пользу въ отправленіи религіозныхъ требъ и въ религіозномъ воспитаніи? Оно едва равняется населенію двухъ такихъ городовъ, какъ Бирмингамъ. Сверхъ того, парламентъ даетъ ежегодно церкви пресвитеріанской въ Ирландіи, въ видѣ субсидіи (это называется regium donum) сумму въ 40 тысячъ фунтовъ изъ нашего податного сбора. Мнѣ кажется, настало, наконецъ, время отмѣнить преобладаніе протестантской церкви въ Ирландіи въ смыслѣ политическаго учрежденія. При этомъ, однако, было бы несправедливо вдругъ отнять у этой церкви всѣ ея средства къ существованію. Мнѣ кажется, за нею слѣдовало бы оставить даже въ видѣ постоянно, а не только временно принадлежащаго фонда, нѣкоторую часть изъ этой суммы, но

---

[1]) Послѣдняя реформа въ Англіи распространила избирательное право на всѣхъ наемщиковъ квартиръ.

съ тѣмъ, чтобы она затѣмъ отказалась отъ всякой мысли быть долѣе государственнымъ учрежденіемъ. За пресвитеріанскою церковью слѣдовало бы утвердить взятый изъ того же источника небольшой фондъ, а ежегодное назначеніе 40 т. фунтовъ изъ казначейства отмѣнить. Затѣмъ, изъ того же фонда необходимо было бы обезпечить и католическую церковь въ этой странѣ, церковь, къ которой принадлежитъ большинство населенія, и которой содержаніе нынѣ исключительно лежитъ на его добровольныхъ сборахъ; скажемъ, что католической церкви слѣдуетъ предоставить, все изъ того же фонда, 2—3 милліона фунтовъ, не болѣе трехъ, и тогда мы будемъ имѣть въ Ирландіи три совершенно-независимыя отъ государства церкви. Для успѣшнаго законодательства важно имѣть за себя согласіе тѣхъ, для кого законы назначаются. Вотъ почему я и предлагаю удѣлить фондъ и католической церкви. Для страны не важно, что́ сдѣлается съ тремя милліонами фунтовъ, но для нея чрезвычайно важно, чтобы государственная церковь въ Ирландіи была отмѣнена и чтобы система нашего управленія Ирландіею была добровольно поддерживаема ирландскимъ народомъ».

Затѣмъ, ораторъ, напоминая о разныхъ видахъ притѣсненія въ Ирландіи, посредствомъ законовъ, приводитъ разные примѣры, вставляетъ краснорѣчивые стихи О'Коннеля и доказываетъ, что система справедливости относительно церковнаго вопроса поведетъ къ примиренію ирландцевъ съ Англіею и уничтожитъ въ нихъ горькія воспоминанія.

Переходя къ вопросу о землѣ, Брайтъ напомнилъ о происхожденіи нынѣшняго положенія дѣлъ въ Ирландіи.—«Со времени королевы Елизаветы и до Вильгельма III, постепенно конфисковались земли въ Ирландіи, и едва ли тамъ остался одинъ акръ земли, который не былъ бы конфискованъ раза три. Такимъ образомъ, мы видимъ предъ собою собственниковъ-протестантовъ и арендаторовъ-католиковъ. Отсюда — взаимное недовѣріе, ненависть, нищета большинства, уничтоженіе всякаго благосостоянія и безопасности. Лордъ Стэнли говоритъ, что фермеры, по большей части, не дѣлаютъ улучшеній; разумѣется, не дѣлаютъ потому именно, что не могутъ ожидать вознагражденія за нихъ. Я не думаю даже, что одной мѣры установленія такого вознагражденія — развѣ въ размѣрѣ, на который парламентъ никогда не согласится — было бы достаточно, чтобы успокоить Ирландію. Впрочемъ, пользу эта мѣра все-таки принесла бы. А если бы ирландскимъ фермерамъ обезпечить свободу выборовъ, введеніемъ секретной подачи голосовъ, то это, освобождая фермеровъ отъ преобладанія собственниковъ, въ значительной мѣрѣ побуждало бы собственниковъ соглашаться на долгосрочные контракты.

«Главная, существенная потребность Ирландіи состоитъ въ томъ,

чтобы тамошнему населенію была предоставлена возможность, тѣмъ или инымъ путемъ, постепенно сдѣлаться собственниками земли. Прежде всего, если есть законы, которыхъ цѣль — предупреждать раздробленіе поземельной собственности, уничтожьте ихъ. Пусть дѣйствуютъ законы естественные. Потребность эту ощущали въ разныя времена въ различныхъ странахъ. Во Франціи ее удовлетворила страшная революція. Въ Пруссіи она была удовлетворена постепеннымъ, благотворнымъ дѣйствіемъ законовъ. Прусское правительство учредило ссудныя кассы, въ которыхъ фермеры могли занимать деньги для выкупа земли у ея собственниковъ. Тогда ссудная касса вступала сама въ положеніе собственника и посредствомъ долговременной разсрочки уплаты капитала съ процентами, помогала фермеру сдѣлаться полнымъ владѣльцемъ земли. Я полагаю, что подобное учрежденіе было бы полезно въ Ирландіи, но этого было бы еще недостаточно. Шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ рѣчи, произнесенной въ Дублинѣ, я предлагалъ учрежденіе парламентской коммиссіи, которая приняла бы на себя дѣло, порученное въ Пруссіи ссуднымъ кассамъ. Но ей слѣдовало бы не только являться посредницею между собственниками земли и фермерами, облегчающею выкупъ, а сверхъ того, покупать по добровольному соглашенію большія имѣнія неживущихъ въ Ирландіи помѣщиковъ (absentees) и затѣмъ продавать ихъ въ раздробленномъ видѣ, т. е. каждую ферму отдѣльно фермерамъ. Я теперь повторяю это предложеніе, несмотря на то, что его старались представить въ смѣшномъ видѣ.

«Въ интересной книгѣ г. Магайра: «Ирландцы въ Америкѣ», я нахожу примѣры подобнаго выкупа земель въ Канадѣ и на островѣ св. Эдуарда». Затѣмъ, изложивъ принятые парламентомъ въ 1849 и 1866 годахъ мѣры для облегченія ссудъ ирландскимъ помѣщикамъ, Брайтъ развилъ мысль о выкупѣ земель для фермеровъ на правѣ уплаты капитала и процентовъ 5%-мъ взносомъ въ теченіи 35 лѣтъ (наши ссуды опекунскаго совѣта). А такъ какъ доходъ неживущихъ въ Ирландіи владѣльцевъ ея почвы исчисляется въ 4 милліона фунтовъ въ годъ, то выкупъ этой ренты въ пользу страны произвелъ бы очень значительные матеріальные и нравственные результаты. Брайтъ сослался въ этомъ отношеніи и на наше освобожденіе крестьянъ:—«Въ Россіи, гдѣ крѣпостные освобождены съ землею, нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не былъ бы готовъ встать на защиту государства и императора», сказалъ онъ. Къ этому онъ могъ бы присоединить освобожденіе нашимъ правительствомъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ, гдѣ землевладѣльцы хотя и были туземцами, но были не лучше ирландскихъ, и точно также вредили своимъ абсентеизмомъ, проживая трудъ крестьянина въ большихъ городахъ или въ Парижѣ. Брайтъ сослался и на Соединенные-Штаты, сказавъ, что самый консервативный элементъ въ нихъ представляется именно мелкими земель-

ными собственниками, «почвенною демократіею». Брайтъ убѣжденъ, что совокупность исчисленныхъ имъ мѣръ удовлетворила бы ирландцевъ, дала бы имъ возможность остаться патріотами, не будучи мятежниками, даже безъ отдѣльнаго парламента, несмотря на мнѣніе Гольдуина Смита и другихъ, думающихъ, что ирландцы жаждутъ болѣе всего именно этого разрыва законодательной уніи съ Великобританіею. Такъ-то, всякая великая, благодѣтельная соціальная мѣра, подобная нашему освобожденію крестьянъ, не ограничиваетъ свое дѣйствіе непосредственнымъ кругомъ, на который она распространена, а является пріобрѣтеніемъ всего человѣчества, получаетъ силу притягательную и занимаетъ мѣсто въ исторіи общаго прогресса.

Мы привели ссылку Брайта на Гольдуина Смита. Изложимъ теперь мнѣніе этого публициста объ ирландскомъ вопросѣ. — «Ирландская унія—говоритъ онъ—не достигла своей цѣли... Итакъ, опытъ указываетъ на необходимость такой децентрализаціи для Ирландіи, чтобы Дублинъ былъ въ самомъ дѣлѣ столицею ея, и ирландецъ могъ быть патріотомъ, не будучи мятежникомъ. Осуществить это, *не разрывая уніи*, трудная задача для нашихъ государственныхъ людей; отмѣнить же унію — было бы тяжкимъ испытаніемъ для нашей гордости. Но какъ же иначе сдѣлать возможнымъ патріотизмъ въ Ирландіи? Въ духѣ этой политики скажу, что съ имуществомъ ирландской (господствующей) церкви слѣдуетъ поступить такъ, какъ того пожелаетъ законный хозяинъ — ирландскій народъ». Итакъ, Смитъ только не договариваетъ слóва: repeal, а на счетъ англиканской церкви сходится съ Брайтомъ. Вотъ, чтó онъ говоритъ о земельномъ вопросѣ:—«Я увѣренъ, что измѣненіе въ tenant-right было бы недостаточно для успокоенія Ирландіи. Ирландцы хотятъ не обезпеченія и вознагражденія фермеровъ за улучшенія, а просто *соціалистической* мѣры — перехода собственности въ руки арендаторовъ». Впрочемъ, допуская отмѣну церковнаго establishment въ Ирландіи, Г. Смитъ не скрываетъ отъ себя, что при этомъ: «мы уничтожимъ плату нашему *гарнизону* въ Ирландіи (протестантамъ), и гарнизонъ, вѣроятно, разсѣется. Протестанты обратятся просто въ ирландцевъ и, въ силу національнаго характера, быть можетъ въ самыхъ безпокойныхъ изъ всѣхъ ирландцевъ». Однако это предвидѣніе не мѣшаетъ Гольдуину Смиту защищать мѣру уничтоженія господствующей церкви, какъ государственнаго учрежденія.

Мильнеръ-Гибсонъ, одинъ изъ представителей такъ-называемой манчестерской школы, бывшій министромъ торговли въ послѣднемъ кабинетѣ Росселя-Гладстона, произнесъ 28 (16) января рѣчь къ своимъ избирателямъ, въ которой также коснулся ирландскаго вопроса. —«Отдѣленіе Ирландіи—сказалъ онъ—было бы вредно для обѣихъ сторонъ. Мнѣ кажется, должно слѣдовать прямо противоположной политикѣ: включить Ирландію совершенно въ Соединенное-Королевство,

уничтожить даже намѣстничество въ Ирландіи. Но я считаю несправедливымъ преобладаніе протестантской церкви въ Ирландіи. Я самъ протестантъ и желалъ бы, чтобы всѣ ирландцы сдѣлались протестантами; но мы должны признавать фактъ и уважать вѣру народа. Полагаю, что «establishment» протестантской церкви въ Ирландіи не можетъ быть оправдано ни по справедливости, ни по здравой политикѣ, и должно быть отмѣнено. Есть люди, которые говорятъ, что государство должно обезпечить въ Ирландіи всѣ церкви, платить всѣмъ духовенствамъ: англиканскому, католическому и протестантскому. Такова была политика Питта; но онъ не успѣлъ убѣдить парламентъ къ принятію ея. Мнѣ кажется гораздо проще — не платить никому, отказаться отъ содержанія на счетъ государства какого бы то ни было духовенства. Откажемся отъ мысли о протестантскомъ преобладаніи, будемъ управлять Ирландіею по началамъ справедливости, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергически поддерживая порядокъ, и мы сдѣлаемъ Ирландію счастливою».

Затѣмъ, Мильнеръ-Гибсонъ перешелъ къ помощи ожидаемой феніянами отъ Америки, выразилъ неодобреніе признанію за сепаратистами правъ воюющей стороны и надежду, что вопросъ о вознагражденіи за ущербъ, нанесенный катеромъ «Элебемою» американской торговлѣ, будетъ рѣшенъ взаимными уступками.

По поводу словъ Мильнера-Гибсона объ обезпеченіи католическаго духовенства въ Ирландіи и по политикѣ Питта, упомянемъ о мнѣніи, выраженномъ въ послѣдней книжкѣ «Quarterly Review» (январь 1868), въ которомъ сильно защищается именно эта мысль. Всѣ остальныя уступки въ пользу Ирландіи, консервативный журналъ положительно отрицаетъ. Онъ не хочетъ слышать объ отдѣленіи Ирландіи, напоминая, что Ирландія—не колонія, и что въ политикѣ относительно ея невозможно примѣненіе принципа о свободномъ отдѣленіи колоніи; въ отмѣнѣ establishment англиканской церкви въ Ирландіи онъ видитъ мѣру, которая лишитъ Англію преданныхъ и сильныхъ образованностью и соціальнымъ положеніемъ союзниковъ, не примиривъ враговъ; наконецъ, выкупъ земли онъ считаетъ мѣрою нелѣпою, революціонною и ведущею къ разоренію Ирландіи (какъ полагаетъ и лордъ Стэнли). Единственною полезною мѣрою «Quarterly Review» признаетъ именно обезпеченіе государствомъ участи католическаго духовенства въ Ирландіи, посредствомъ жалованья, и облегченія такимъ образомъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлеченіе католическаго духовенства на свою сторону. «Quarterly Review» доказываетъ ссылками на объявленіе лорда Кэстльри въ 1810 и 1821 годахъ, что такова именно была мысль тогдашняго правительства. Но изъ этихъ же ссылокъ оказывается, что само католическое духовенство отвергло въ то время эту мѣру.

Обратимся теперь къ самому главѣ виговъ, лорду Росселю. Онъ

издалъ въ минувшемъ февралѣ брошюру: «О положеніи Ирландіи». Мы оставимъ въ сторонѣ историческую часть ея, которая излагаетъ, очень коротко, мѣры относительно Ирландіи уже упомянутыя нами. Онъ замѣчаетъ при этомъ: — «Голодъ и выселеніе совершили дѣло, находившееся внѣ законодательства или управленія. Провидѣніе справедливо огорчило насъ зрѣлищемъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ привело ограниченіе всѣхъ средствъ народа однимъ воздѣлываніемъ картофеля и наказало насъ возбужденіемъ огня ненависти въ сердцахъ ирландцевъ». Лордъ Россель, какъ и слѣдовало ожидать отъ вождя аристократическаго либерализма Британіи, гораздо болѣе склоненъ къ уступкамъ по вопросу церковному, чѣмъ по вопросу земельному. Необходимость перехода земель въ руки прямыхъ воздѣлывателей ихъ—рабочихъ, онъ прямо отрицаетъ во имя правъ собственности и «пользы всей страны». Онъ отвергаетъ также предположеніе, что введеніе тайной подачи голосовъ заставило бы ирландскихъ помѣщиковъ соглашаться на заключеніе контрактовъ на земли. Онъ доказываетъ даже, что ограниченіе числа избирателей въ Шотландіи въ 1688 году, существовавшее до 1831 года, было благопріятно успѣхамъ земледѣлія. —«Такъ какъ наемщикъ земли не имѣлъ права голоса—говоритъ онъ—то вся забота помѣщика заключалась въ полученіи хорошаго дохода, посредствомъ улучшенія земли». Въ Ирландіи же, по его мнѣнію, право избирательства слишкомъ распространено. Отъ этого нѣсколько страннаго положенія, которое даже какъ-бы противорѣчитъ полезности реформы 1832 года, которую провелъ самъ Россель, онъ переходитъ къ изображенію того идеала, котораго осуществленіе въ Ирландіи удовлетворило бы его: — «Государство должно стараться о выполненіи слѣдующихъ трехъ главныхъ правилъ: во-первыхъ, чтобы землевладѣніе пользовалось своими правами и исполняло свои обязанности (?); во-вторыхъ, чтобы арендаторы жили въ достаткѣ и безопасности; въ-третьихъ, чтобы земледѣліе давало результатъ, представляющій, если не искусную, то порядочную обработку. Взглянувъ на состояніе Ирландіи, невозможно сказать, что эти три условія выполняются тамъ».

Единственная мѣра, которою лордъ Россель считаетъ возможнымъ касаться земельнаго вопроса не нарушая правъ собственности, это—обязательность вознагражденія для наемщика земли за сдѣланныя имъ улучшенія въ случаѣ произвольнаго изгнанія его (eviction). Произвольнымъ изгнаніемъ называется удаленіе такого наемщика, который вноситъ плату исправно и выражаетъ намѣреніе продолжать вносить ее. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Росселя и согласно съ биллемъ, проектированнымъ г. Чичестеромъ Фортескью, члены дублинскаго адвокатскаго сословія должны являться посредниками для опредѣленія суммы; съ этой цѣлью, они должны объѣзжать страну, составляя

изъ себя специальные окружные суды (circuit courts). Послѣ этого, еще разъ вождь виговъ возвращается къ напоминанію, что не слѣдуетъ останавливаться ни на какомъ, предлагаемомъ теоретиками проектѣ, нарушающемъ право собственности, и таинственно выражается, что «даже такой планъ, который, не нарушая правъ собственности, предполагаетъ въ ирландскихъ фермерахъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и допускаетъ, что они будутъ дѣлать то, чего они не будутъ дѣлать (?) долженъ быть отброшенъ».

Тѣмъ охотнѣе престарѣлый либералъ соглашается на уступки въ церковномъ вопросѣ. Прежде всего, онъ ставитъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли англиканское «establishment» въ Ирландіи первому назначенію церковнаго учрежденія — духовному просвѣщенію народа, и отвѣчаетъ себѣ отрицательно. Протестантскіе духовные въ Ирландіи до сихъ поръ тоже самое, что въ нихъ видѣлъ Свифтъ — помѣщики въ черной (духовной) одеждѣ (country-gentlemen in black coats). Не болѣе одной осьмой, а въ иныхъ мѣстахъ только одна десятая или даже двадцатая часть населенія слушаютъ ихъ поученія. Россель говоритъ, что католики въ палатѣ общинъ желаютъ только, чтобы въ Ирландіи 4½ милліона ихъ единовѣрцевъ были сравнены съ 700 тысячъ членовъ епископальной (англиканской) церкви, и находитъ это справедливымъ. Онъ ссылается на рѣчь, произнесенную въ палатѣ общинъ г. Дизраэли 24 года тому назадъ, въ которой равенство въ церковномъ отношеніи было названо непремѣннымъ условіемъ порядка и благосостоянія въ Ирландіи. Лордъ Россель объясняетъ, что, втеченіи этой четверти столѣтія, онъ (авторъ) сознавалъ, что съ его стороны попытка къ установленію церковнаго равенства въ Ирландіи была бы встрѣчена сплошною оппозиціею всей торійской партіи къ которой присоединилась бы часть его собственной (Росселя) партіи. Но Дизраэли, по отношенію къ этому вопросу, находится въ иномъ положеніи и воспитанная имъ партія имѣла уже довольно времени, чтобы одолѣть такой простой урокъ, какъ вопросъ о необходимости церковнаго равенства въ Ирландіи. Россель напоминаетъ, что еще въ 1760 году герцогъ Бедфордъ (одинъ изъ его предковъ) поддерживалъ мѣру, которая была равносильна дѣйствовавшему въ Англіи Act of Toleration. Тогдашній ирландскій тайный совѣтъ отвергъ ее. Такова же была судьба другихъ либеральныхъ предложеній въ томъ же родѣ, пока, наконецъ, не появился, въ 1828 году, О' Коннелль. «Уравненіе католиковъ (Roman Catholic Relief Bill) — говоритъ Россель — было точно также его дѣломъ, какъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ была дѣломъ г. Кобдена, а билль о реформѣ 1867 года — дѣломъ г. Брайта». Россель напоминаетъ, что отмѣна епископальнаго «establishment» въ Шотландіи (Вильгельмомъ III) была причиною необычайной перемѣны къ лучшему въ ея состояніи, и объявляетъ существованіе этого учреж-

денія въ Ирландіи главнымъ предметомъ неудовольствія этой страны. Онъ говоритъ далѣе: — «Итакъ, я прихожу къ заключенію, что было бы справедливо и полезно обезпечить римско-католическую церковь въ Ирландіи, обезпечить пресвитеріанскую церковь и сократить доходы протестантской епископальной церкви въ Ирландіи до одной осьмой нынѣшняго ихъ итога».

Итакъ, Россель желаетъ не отмѣны епископальнаго «establishement», а распространенія системы покровительства и обезпеченія средствами (endowment) на католическую и пресвитеріанскую церкви, съ такимъ сокращеніемъ доходовъ епископальной церкви, которое соотвѣтствовало бы отношенію цифры англиканскаго населенія Ирландіи ко всему населенію этой страны. Россель объясняетъ, что онъ не ожидаетъ успѣховъ для протестантизма въ Ирландіи. Онъ напоминаетъ, чрезъ сколько превратностей и гоненій прошла тамъ католическая церковь, оставшись невредимою, и требуетъ, чтобы дальнѣйшее религіозное соперничество происходило при равномъ оружіи. Россель допускаетъ, что католическіе епископы могутъ предпочитать нынѣшнее свое непризнанное, но тѣмъ самымъ независимое положеніе даромъ отъ государственнаго казначейства, но доказываетъ необходимость, чтобы въ государствѣ преобладала власть свѣтская, не нуждаясь въ обращеніи къ помощи власти духовной для поддержанія своего авторитета.—«Единственное наше средство — пишетъ Россель — это поддержать преобладаніе парламента, какъ великаго трибунала въ дѣлахъ свѣтскихъ. L'Etat est laïc, сказалъ однажды г. Гизо во Франціи. Авторитетъ королевы долженъ быть поддерживаемъ, и ея суды не должны быть поставляемы въ необходимость обращаться къ помощи шотландскихъ пресвитерствъ, какъ — англиканскихъ синодовъ или римско-католическихъ судилищъ».

Авторъ говоритъ, что для измѣненія нынѣшняго положенія Ирландіи и уничтоженія поводовъ къ ея жалобамъ необходимо, чтобы въ Англіи проявилось благопріятное такой цѣли теченіе въ общественномъ мнѣніи, а мы выше объяснили, почему англійское правительство можетъ встрѣтить противодѣйствіе, въ общественномъ мнѣніи Англіи, даже если бы оно захотѣло поступать въ отношеніи Ирландіи либерально и справедливо. Общественное мнѣніе въ Англіи, какъ замѣчаетъ Россель, поддается только страху, при этомъ онъ напоминаетъ, что торійская партія не принималась за проведеніе избирательнаго права для всѣхъ хозяевъ квартиръ (household suffrage, введенное биллемъ о реформѣ 1867 года) «пока рѣшетки Гайд-Парка не были сломаны до основанія и пока не произошли многочисленные и разнообразные митинги, болѣе примѣчательные по своей многолюдности и физической силѣ, чѣмъ по убѣдительности и краснорѣчію своихъ рѣчей». Для осуществленія благопріятной перемѣны въ законодательствѣ относительно

Ирландіи, нуженъ «человѣкъ» или «нѣсколько человѣкъ», говоритъ Россель. Человѣкъ, на котораго онъ указываетъ — Гладстонъ.—«Пусть исполненный ханжества оксфордскій университетъ не избираетъ его—говоритъ Россель,—но ланкастерское графство его не оставитъ». Затѣмъ онъ излагаетъ порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ осуществить преобразованіе для ирландской церкви.—«Достаточно всего двухъ рѣшеній палаты общинъ, говоритъ онъ: одно изъ нихъ провозгласитъ уравненіе церквей въ Ирландіи, другое будетъ обращеніемъ къ коронѣ съ просьбою принять мѣры къ примѣненію этого постановленія». Такъ какъ Дизраэли уже высказался однажды въ пользу этого равенства, и какъ онъ недавно открыто объявилъ, что не позволитъ либеральной партіи пользоваться монополіею проведенія либеральныхъ мѣръ, то такой простой вопросъ, какъ церковное равенство въ Ирландіи, «этотъ *pons asinorum* политической геометріи, вѣроятно уже усвоенъ учениками Дизраэли.» Лордъ Стэнли требуетъ еще года отсрочки. — «Нѣтъ — отвѣчаетъ Россель — скажемъ рѣшительно — нѣтъ, и не примемъ за алмазъ бристольскій камень, подносимый намъ лордомъ Стэнли».

Должно быть осуществлено дѣйствительное соединеніе обоихъ народовъ, а не разрывъ уніи, говоритъ Россель, и замѣчаетъ, что либералы въ этомъ дѣлѣ должны походить на піонеровъ въ абиссинской экспедиціи: — «Намъ предназначено указывать дорогу реформы торійскимъ министрамъ. Такъ было съ уравненіемъ католиковъ и съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ; такъ было и съ реформою 1867 года. 15 лѣтъ мы проповѣдывали, что нынѣшнее положеніе общества требуетъ допущенія рабочихъ классовъ къ избирательству, и что эта мѣра усилитъ конституцію. — Сэръ Робертъ Нэпиръ (начальникъ абиссинской экспедиціи) изъявилъ благодарность своимъ инженерамъ, а тѣ, которымъ мы пролагаемъ путь, находятъ удовольствіе въ осыпаніи бранью г. Гладстона и г. Брайта и всѣхъ остальныхъ либераловъ, бывшихъ піонерами реформы».

Россель заключаетъ такъ:—«Англичане отличаются настойчивостью, шотландцы—разсудительностью, ирландцы — великодушіемъ. Всѣ эти народы, говорящіе однимъ языкомъ, живущіе на двухъ близкихъ островахъ, управляемые смѣшанною расою нормановъ, саксовъ и кельтовъ, должны составлять, какъ они и составляли до сихъ поръ, среди опасностей, потрясеній и бѣдствій, одно общество или, если хотите—одно государство, отличающееся возвышеннымъ умомъ, свободою и цивилизаціею. Пусть только умиротвореніе Ирландіи (Hibernia pacata) будетъ присоединено къ нашимъ мирнымъ побѣдамъ, и наша будущность превзойдетъ наше прошлое».

Въ февралѣ же вышла другая брошюра объ Ирландіи,—сочиненіе знаменитаго публициста-радикала, Джона Стюарта-Милля, подъ заглавіемъ: «England and Ireland». Милль ставитъ вопросъ объ Ирлан-

діи самымъ откровеннымъ и серьёзнымъ образомъ. Онъ говоритъ англичанамъ всю правду о выказанной ими неспособности къ управленію Ирландіею и, отрицая преимущественную важность церковнаго вопроса, которымъ аристократическіе либералы нарочно отводятъ глаза Англіи отъ истинной причины бѣдственнаго положенія Ирландіи, касается твердою рукою самого больного мѣста, въ которомъ кроется корень зла — *крестьянскаго вопроса* въ Ирландіи, и выступаетъ рѣшительнымъ проповѣдникомъ необходимости рѣшить этотъ вопросъ радикально, *осуществленіемъ перехода земельной собственности въ Ирландіи въ руки крестьянъ.*

— «Чувства, обнаруживаемыя ирландцами — говоритъ Милль — кажутся совершенно естественными всему образованному міру, за исключеніемъ одной Англіи. Наша политика въ отношеніи ихъ представляетъ характеристическій примѣръ того практическаго здраваго смысла, который приписывается англійскому обществу. Нѣтъ народа въ образованномъ мірѣ, который бы не оказался болѣе способнымъ къ управленію Ирландіею, чѣмъ Англія до настоящаго времени». Одну изъ причинъ такого положенія дѣлъ, Милль видитъ въ томъ, что «нѣтъ въ образованномъ мірѣ ни одного народа, который бы такъ много воображалъ о своихъ учрежденіяхъ и всѣхъ своихъ пріемахъ общественной дѣятельности, какъ англичане». Милль бросаетъ взглядъ на мѣры, принятыя для устраненія справедливыхъ поводовъ къ бунтамъ въ Ирландіи и приходитъ къ выводу, что, не смотря на эти полезныя мѣры, неудовольствіе ирландскаго народа проявилось болѣе чѣмъ когда-либо въ феніянизмѣ. Онъ указываетъ на фактъ, что многіе, даже политическіе люди въ Англіи, выражаютъ полное непониманіе, что́ нужно и что́ можетъ быть сдѣлано для Ирландіи; они не знаютъ даже, чего желаетъ она. Впрочемъ, Милль замѣчаетъ перемѣну къ лучшему въ высокомѣріи англичанъ:—«Наши правительствующіе классы—говоритъ онъ—пріучаются теперь слышать, что тѣ учрежденія, которыя, по ихъ мнѣнію, были пригодны для всего человѣчества потому только, что они были пригодны намъ, требуютъ еще много измѣненій для того, чтобы для насъ самихъ-то быть удовлетворительными». Затѣмъ, Милль прямо указываетъ на то англійское учрежденіе, которое играетъ наибольшую роль въ бѣдственномъ положеніи Ирландіи,—на сосредоточеніе всей земельной собственности въ рукахъ малаго числа семействъ. — «Естественно—говоритъ онъ—чтобы человѣку принадлежало безусловно то, что́ создано его собственнымъ трудомъ и искусствомъ, и даже то, что́ подарено ему другими. Но съ землею дѣло представляется иначе, потому именно, что земля — предметъ, котораго ни одинъ человѣкъ не произвелъ самъ и, сверхъ того, существуетъ въ ограниченномъ пространствѣ; это ограниченное пространство составляетъ естественное наслѣдіе всего человѣчества, и завладѣвающій ею, тѣмъ самымъ, исключаетъ

отъ пользованія ею другихъ. Такое присвоеніе тамъ, гдѣ земли недостаточно для всѣхъ, представляется узурпаціею правъ другихъ людей. Истинное основаніе земельной собственности заключается въ томъ, чтобы пожиналъ тотъ, кто «сѣетъ» и это-то основаніе мало оправдываетъ права тѣхъ, кто «пожинаетъ», не высѣвая самъ, да еще присвоиваетъ себѣ власть изгонять дѣйствительныхъ сѣятелей.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію того аргумента, что то, что хорошо для Англіи, должно быть хорошо и для Ирландіи, и отрицаетъ основательность этого положенія тѣмъ, что въ Англіи бо̀льшая часть населенія живетъ не земледѣліемъ, а въ Ирландіи единственно земледѣліемъ,—фактъ, который, по мнѣнію Милля, и впредь будетъ существовать. Вслѣдствіе того, необходимо принять мѣры, чтобы въ Ирландіи на всякаго человѣка приходилось количество земли, достаточное для его содержанія. Положеніе фермеровъ въ обѣихъ странахъ различно. Въ Англіи есть многочисленный классъ фермеровъ-капиталистовъ, которые въ состояніи защищать свои интересы. Въ Ирландіи, напротивъ, землю нанимаетъ, по большей части тотъ, кто самъ пашетъ ее, и эти-то съемщики-рабочіе находятся въ полномъ распоряженіи собственниковъ земли.

Единственное средство для уничтоженія этого зла Милль видитъ въ «постоянномъ владѣніи крестьянъ землею, съ опредѣленными тягостями».— «Такая перемѣна — говоритъ онъ — можетъ показаться революціонною, но теперь именно требуются революціонныя мѣры, и ничто не удовлетворитъ Ирландію, кромѣ того, что она могла бы пріобрѣсть, если бы ей удалась революція. Управленіе Ирландіею теперь должно принадлежать по праву тѣмъ, кто захочетъ средствами, согласными со справедливостью, обратить ирландскихъ земледѣльцовъ въ собственниковъ почвы; англійскому народу предстоитъ рѣшить, желаетъ ли онъ быть такимъ справедливымъ правителемъ или нѣтъ.»

Милль не желаетъ отдѣленія Ирландіи отъ Великобританіи. Онъ находитъ, что отдѣленіе было-бы пагубно для обѣихъ сторонъ, въ особенности для Ирландіи. Онъ предвидитъ, что Ирландіи предстояло бы пройти черезъ періодъ анархій, и сдѣлаться, по всей вѣроятности, жертвою какого-нибудь новаго завоеванія. Но, если Англія не дастъ Ирландіи того справедливаго основанія земельной собственности, о которомъ упомянуто выше, то, по мнѣнію Милля, революція можетъ принесть и пользу Ирландіи, независимо отъ вреда въ другихъ отношеніяхъ.—«Пусть отдѣленіе — говоритъ онъ — будетъ во всѣхъ отношеніяхъ ошибкою; но одно дѣло оно сдѣлаетъ: оно обратитъ крестьянъ-съемщиковъ въ крестьянъ-собственниковъ; а это одно будетъ стоить болѣе всего, что̀ Ирландія можетъ потерять вслѣдствіе отдѣленія. Самое дурное правленіе, если оно только дастъ ей это, будетъ лучше выносимо ею и будетъ болѣе заслуживать поддержки массы ирландскаго

народа, чѣмъ самое лучшее правленіе, если оно не дастъ этого Ирландіи, если только можно называть хорошимъ такое правленіе, которое отказывается дать странѣ первое и величайшее благодѣяніе, въ которомъ она нуждается.»

Исходя изъ такихъ убѣжденій, Милль предлагаетъ слѣдующую мѣру: учрежденіе коммисіи съ понудительной властью, которая должна будетъ разсмотрѣть условіе относительно каждой фермы и обратить подвижную, измѣняющуюся цѣну найма въ плату, опредѣленную и постоянную. При этомъ должно быть опредѣлено, какая именно постоянная плата можетъ быть для владѣльца эквивалентомъ нынѣ получаемаго имъ дохода, а также опредѣлены всѣ тѣ статьи, которыя могутъ усилить доходъ независимо отъ собственныхъ стараній наемщика. Но годовая плата, опредѣленная коммиссіею за постоянный наемъ должна быть гарантирована помѣщику государствомъ. Помѣщику должно быть предоставлено право получать эту плату въ консоляхъ. Такимъ образомъ, каждая ферма, не воздѣлываемая самимъ помѣщикомъ обратилась бы въ вѣчную аренду нынѣшняго арендатора. Вѣчное пользованіе (fixity of tenure) замѣняетъ здѣсь собственность. Крестьянинъ будетъ платить постоянную цѣну (мы можемъ назвать это оброкомъ, ренту съ капитала, замѣняющую выкупъ консолидированнымъ долгомъ крестьянина — вѣчнаго арендатора).

Разница между суммою, которая гарантирована помѣщикамъ государствомъ, и дѣйствительнымъ поступленіемъ платы отъ крестьянъ должна быть принимаема государствомъ на свой счетъ, если ея нельзя покрыть изъ церковныхъ имуществъ.

Такова простая система предлагаемая Миллемъ. Мы, въ Россіи, конечно можемъ только сочувствовать ей, и не безъ нѣкоторой гордости думать, что наше освобожденіе крестьянъ представило первый практическій матеріалъ для ея построенія англійскимъ философомъ-публицистомъ. Противники уступокъ въ земельномъ вопросѣ Ирландіи вращаются въ такомъ cercle vicieux, котораго нелѣпость очевидна всему образованному міру, какъ то справедливо думаетъ Милль. Они признаютъ, что нынѣшнее положеніе этой страны бѣдственно, но на всякій проектъ объ устраненіи зла введеніемъ новыхъ экономическихъ началъ въ ирландское земледѣліе возражаютъ, что въ такомъ случаѣ «страшно умножится населеніе, а земледѣліе, при раздробленномъ хозяйствѣ, падетъ.» Итакъ, нынѣшняя система, которой результатъ — постоянное уменьшеніе населенія въ Ирландіи — зло, а другая система — зло потому, что при ней населеніе будетъ увеличиваться. Можетъ ли быть что нибудь нелѣпѣе такого взгляда? На аргументъ относительно чрезмѣрнаго усиленія населенія, какъ послѣдствія дробленія земельной собственности, Милль побѣдоносно возражаетъ, что тоже самое предсказывали Франціи, и между тѣмъ, въ ней населеніе уменьшается. На

аргументъ о вредѣ дробленія земельной собственности Милль возражаетъ просто отрицаніемъ, замѣчая притомъ, что во всякомъ случаѣ земледѣліе—не то, что мануфактурные промыслы: земля не потерпитъ лишнихъ «ртовъ», какъ другіе промыслы терпятъ излишество рукъ, и говоритъ, что «мостъ въ Америку» во всякомъ случаѣ останется, какъ крайнее средство избавленія отъ излишка населенія.

Итакъ, изъ всѣхъ приведенныхъ нами разнообразныхъ мнѣній объ ирландскомъ вопросѣ въ самой Англіи оказывается, что либеральная партія въ Великобританіи рѣшительно склоняется въ пользу уступокъ Ирландіи по крестьянскому или поземельному вопросу, и что сами консерваторы не рѣшаются уже проповѣдывать безусловное сопротивленіе. Остается пожелать, чтобы при исправленіи взялись откровенно за самый корень зла, — за освобожденіе ирландскаго крестьянина отъ экономическаго рабства, а не остановились на лицемѣрныхъ и не важныхъ уступкахъ.

Л. П.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ О ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ.

I.

Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ 18-го брюмера, уничтожившаго свободу печати во Франціи, Наполеонъ I, возвратясь съ острова Эльбы, издаетъ *дополнительный актъ* къ конституціи (acte additionnel), торжественно возстановляющій эту свободу. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ декабрьскаго переворота 1851 г., предавшаго печать въ руки административнаго произвола, Наполеонъ III обѣщаетъ замѣнить этотъ произволъ дѣйствіемъ общаго права. Вторая имперія, подобно первой, приведена, силою обстоятельствъ, къ измѣненію началъ, на которыхъ она воздвиглась. Главная причина перемѣны въ обоихъ случаяхъ одна и та же — внѣшнія неудачи, обнаруживающія несостоятельность внутренней правительственной системы. Дополнительный актъ 1815 г. былъ бы немыслимъ безъ событій 1812—14 г.; императорскому письму 19-го января 1867 г. не даромъ предшествовали дипломатическія пораженія по вопросамъ польскому и шлезвигъ-голштинскому, быстрое усиленіе Пруссіи въ 1866 г., вынужденное отозваніе французскихъ войскъ изъ Мексики. Этими общими чертами ограничивается, впрочемъ, сходство между двумя эпохами, нами указанными. Въ 1815 г., поворотъ къ либерализму совершился также рѣшительно и круто, какъ сильна была буря, сокрушившая въ 1814 г. престолъ Наполеона. Власть, однажды опрокинутая, не могла воскреснуть въ прежнемъ всеоружіи своемъ; преемникъ Бурбоновъ не могъ уменьшить сумму

правъ, данныхъ Франціи хартіей 1814 года. Опасность, грозившая императору со стороны Европы, могла быть отстранена только живымъ содѣйствіемъ всего народа, а не пассивнымъ повиновеніемъ его. Подчиняясь необходимости, Наполеонъ I замѣняетъ личный образъ правленія—парламентарнымъ, созываетъ палаты, объявляетъ свободу печати, назначаетъ министромъ Карно́, возстававшаго, въ 1804 г., противъ перехода отъ республики къ монархіи, приближаетъ къ себѣ Бенжамена Констана, еще недавно проклинавшаго военный абсолютизмъ императора. Эта попытка примирить имперіализмъ съ свободой была остановлена въ самомъ своемъ началѣ; трудно судить объ искренности ея, но нельзя отвергать, что она была задумана смѣло, произведена въ широкихъ размѣрахъ. Наполеонъ I былъ абсолютистомъ по природѣ, по положенію, по страсти, но не былъ теоретикомъ абсолютизма. У него не было заранѣе обдуманной политической системы; овладѣвъ властью, онъ заботился только о томъ, чтобы укрѣпить ее за собою какъ можно прочнѣе и полнѣе, чтобы сдѣлать изъ нея орудіе, пригодное для всѣхъ его честолюбивыхъ видовъ. Въ основу учрежденій, имъ организованныхъ, легла чужая мысль—мысль Сіейса, которою онъ воспользовался по своему, примѣнивъ ее къ личнымъ своимъ удобствамъ. Порядокъ вещей, созданный консульствомъ и имперіей, былъ дорогъ ему какъ средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей; онъ не относился къ нему съ тою ревнивою, слѣпою любовью, съ которою смотритъ изобрѣтатель — на свое изобрѣтеніе, политическій доктринеръ—на воплощеніе своей доктрины. Бонапартизмъ обращается въ доктрину только подъ руками Наполеона III, начинающаго съ отвлеченной проповѣди наполеоновскихъ идей (idées napoléoniennes) и оканчивающаго осуществленіемъ ихъ въ конституціи и декретахъ 1852 года. Мы видимъ въ нихъ уже не одно орудіе власти, выработанное съ бо́льшимъ или меньшимъ практическимъ искусствомъ, а цѣлую систему, претендующую на высшую политическую мудрость. Понятно, что для творца такой системы тяжела, ненавистна всякая перемѣна, нарушающая ея гармоническій складъ, колеблющая вѣру въ ея непогрѣшимость. Понятно, что онъ рѣшается на перемѣну только тогда, когда она совершенно неизбѣжна, и только въ той мѣрѣ, въ какой она неизбѣжна. Прибавимъ къ этому, что давленіе извнѣ, которымъ объясняются всѣ реформы Наполеона III, ни разу еще не проявлялось въ видѣ открытой силы, что онъ испытывалъ до сихъ поръ только неудачи, а не катастрофы. Отсюда возможность полумѣръ, неполныхъ уступокъ, компромиссовъ между новыми требованіями и старымъ порядкомъ вещей. Такимъ компромиссомъ представляется и новый законъ о печати, недавно утвержденный законодательнымъ корпусомъ.

Законодательство о печати, дѣйствовавшее во Франціи съ 1852 до 1868 г., не было временной, переходной мѣрой, какою стараются вы-

ставить ее теперь приверженцы правительства. Временная мѣра, вызванная особыми обстоятельствами, исчезаетъ вмѣстѣ съ ними или вслѣдъ за ними, — а декретъ 1852 г. пережилъ цѣлыми пятнадцатью годами положеніе дѣлъ, при которомъ онъ былъ составленъ. Въ то время Людовикъ-Наполеонъ только-что овладѣлъ властью, нарушивъ конституцію, разогнавъ законодательное собраніе, наводнивъ кровью улицы Парижа. Его правительство было лишено всякой прочной поддержки въ народѣ. Ему угрожали, съ одной стороны, роялисты старыхъ партій, еще недавно располагавшіе большинствомъ въ палатѣ и готовившіе возстановленіе королевской власти; съ другой стороны, республиканцы, разсчитывавшіе на побѣду при выборахъ 1852 года. Новая конституція не была еще введена въ дѣйствіе; принцъ-президентъ былъ, de facto, диктаторомъ съ неограниченною властью. При такой обстановкѣ, подчиненіе печати административному произволу было чрезвычайной мѣрой, совершенно однородной съ провозглашеніемъ осаднаго положенія, расширеніемъ круга дѣйствій военныхъ судовъ, ссылкою и изгнаніемъ гражданъ безъ судебнаго приговора. Во время іюньскихъ дней 1848 г., генералъ Кавеньякъ запретилъ нѣсколько журналовъ, продержалъ девять дней подъ арестомъ Эмиля Жирардена; но какъ только окончилась борьба, какъ только было возстановлено дѣйствіе законовъ, охранительная ихъ сила тотчасъ же была распространена и на дѣла печати. Наполеонъ III поступилъ иначе. Ни переходъ отъ республики къ монархіи, ни троекратное избраніе въ законодательный корпусъ огромнаго большинства, безусловно покорнаго правительству, ни блестящія побѣды 1854—55 и 1859 г., ни либеральныя вспышки 1860 и 1861 г. — ничто не повлекло за собою перемѣны къ лучшему въ положеніи печати. Не далѣе, какъ три года тому назадъ, предложеніе *средней партіи*, въ пользу умѣренной, но *законной* свободы печати, показалось правительству безумной попыткой поколебать весь существующій порядокъ вещей. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ вліяніе правительства скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось, анти-династическія партіи не исчезли, аргументы правительственныхъ ораторовъ въ пользу сохраненія statu quo не потеряли своей силы — если только допустить, что они когда-нибудь имѣли какую-нибудь силу,—а между тѣмъ Наполеонъ III нашелъ нужнымъ положить конецъ дѣйствію декрета 17 февраля 1852 г. Не явствуетъ ли отсюда, что отмѣна декрета была возможна гораздо раньше, что, поддерживая его, правительство руководилось не чувствомъ самосохраненія, а боязнью гласности и критики, желаніемъ упрочить за собою чрезвычайныя права, пріобрѣтенныя въ минуту общественнаго кризиса? Основною мыслью конституціи 1852 г. было сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, безъ ограниченій, сколько-нибудь серьёзныхъ, безъ дѣйствительной повѣрки и контроля. Съ этою

цѣлью была уничтожена отвѣтственность министровъ, увеличено значеніе сената и государственнаго совѣта въ ущербъ законодательному корпусу, введена въ узкія границы гласность парламентскихъ преній, создана система правительственныхъ кандидатуръ, дѣйствующая и до настоящаго времени, стѣснено и безъ того уже слабое мѣстное самоуправленіе; съ этою же цѣлью печать была поставлена въ зависимость отъ администраціи. Законодательство 1852 г. довело печать до крайней степени упадка; но она поднялась изъ него и опять сдѣлалась силой, съ которою нельзя не считаться. Письмо 19 января 1867 г. было только признаніемъ совершившагося факта—признаніемъ вынужденнымъ и неохотнымъ, какъ это показываетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Правительство медлило больше года исполненіемъ своего обѣщанія и нѣсколько разъ было близко къ тому, чтобы отказаться отъ него совершенно. Извѣстно, что участь новаго закона о печати была рѣшена окончательно лишь въ засѣданіи палаты 4-го февраля, послѣ долгихъ колебаній, въ которыхъ сознался самъ государственный министръ. Эти колебанія, эта нерѣшимость разстаться съ старымъ порядкомъ вещей отразились, какъ мы увидимъ, и на самомъ содержаніи закона.

II.

Зависимость печати отъ администраціи, установленная декретомъ 17 февраля 1852 г., была двоякаго рода: съ одной стороны, ни одинъ политическій журналъ не могъ быть основанъ безъ разрѣшенія правительства; съ другой стороны, всякое существующее повременное изданіе, получившее два административныя предостереженія, могло быть пріостановлено или прекращено навсегда распоряженіемъ административной власти. Новымъ закономъ о печати этотъ порядокъ вещей уничтоженъ вполнѣ; право издавать журналъ или газету предоставлено всякому желающему, административныя взысканія отмѣнены, и оставлено только преслѣдованіе повременныхъ изданій судебнымъ порядкомъ. На практикѣ необходимость предварительнаго разрѣшенія тяготѣла надъ журналистикой не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать съ перваго взгляда. За исключеніемъ первыхъ шести или семи лѣтъ послѣ изданія декрета 1852 г., получить согласіе правительства на основаніе новаго оппозиціоннаго журнала было, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, не слишкомъ трудно. Въ продолженіе послѣднихъ девяти или десяти лѣтъ возникли вновь такія газеты, какъ «Temps», «Opinion nationale», «Avenir national», «Liberté», «Epoque», «Journal de Paris», «Courrier Français». Правда, нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ «Liberté») были основаны людьми смирными, благонадежными, и только впослѣдствіи перешли въ руки оппозиціи; но правительство не помѣшало этому переходу, хотя и имѣло къ тому воз-

можность, посредствомъ наложенія veto на личность новаго редактора или издателя. Бывали, однако, и такіе случаи, когда упорный, ничѣмъ не мотивированный отказъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на всѣ просьбы лица, почему-нибудь непріятнаго высшимъ административнымъ сферамъ. Назовемъ, для примѣра, Эмиля Олливье, котораго, конечно, нельзя считать систематическимъ врагомъ имперіи. Въ провинціяхъ отказы встрѣчались еще чаще; монополія правительственныхъ журналовъ, немыслимая въ Парижѣ, въ департаментахъ была фактомъ далеко не исключительнымъ. Гораздо опаснѣе и вреднѣе было, во всякомъ случаѣ, вліяніе системы административныхъ взысканій.

Система административныхъ взысканій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ idées napoléoniennes, которыя заслуживаютъ этого названія, созданіе и осуществленіе которыхъ безспорно принадлежитъ бонапартизму. Изобрѣтателемъ ея считается герцогъ Персиньи, самый близкій и старинный изъ всѣхъ друзей Наполеона III. Главная цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы установить, de facto, нѣчто весьма сходное съ предварительной цензурой, а непосредственное ея провозглашеніе было не совсѣмъ безопасно даже въ 1852 г. Съ понятіемъ о предварительной цензурѣ было сопряжено для французовъ воспоминаніе о самыхъ худшихъ дняхъ реставраціи; уничтоженіе ея было въ ихъ глазахъ одною изъ величайшихъ заслугъ іюльскаго правительства. Возвращеніе къ 1825 г., къ эпохѣ господства эмигрантовъ, было бы слишкомъ вопіющимъ противорѣчіемъ съ тѣми демократическими началами, подъ прикрытіемъ которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ 2 декабря. Система административныхъ предостереженій и запрещеній соединяла въ себѣ всѣ существенныя удобства предварительной цензуры, безъ ненавистнаго названія ея. Она облекала администрацію неограниченною властью надъ журналами, предоставляя ей надъ ними право жизни и смерти. Оставалось только опредѣлить способы пользованія этою властью. Оффиціальное разъясненіе его было дано циркуляромъ министра полиціи къ префектамъ, 30 марта 1852 г. «Право пріостанавливать повременное изданіе, послѣ двухъ мотивированныхъ предостереженій, — сказано въ этомъ циркулярѣ, — будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ изданій *систематически враждебныхъ правительству* (systematiquement malveillantes). Вы будете пользоваться имъ съ справедливою твердостью, когда журналъ, *не совершая такихъ опредѣленныхъ проступковъ, за которые онъ могъ бы подвергнуться судебному преслѣдованію*, будетъ тѣмъ не менѣе опасенъ для порядка, религіи и нравственности.... Система административныхъ взысканій проистекаетъ изъ права разрѣшать изданіе, предоставленнаго правительству. Когда журналъ, не смотря на произнесенныя надъ нимъ осужденія, упорствуетъ въ поле-

микѣ, дѣлающей его орудіемъ смутъ и безпорядка, когда онъ угрожаетъ общественной безопасности, — однимъ словомъ, когда онъ не исполняетъ тѣхъ условій, на которыхъ было дано разрѣшеніе издавать его, правительство имѣетъ полное право взять назадъ это разрѣшеніе.» Итакъ, по смыслу циркуляра, административнымъ мѣрамъ взысканія должны были подвергаться только изданія систематически враждебныя правительству, опасныя для общества, и притомъ только тогда, когда они не совершаютъ проступковъ, подлежащихъ судебному преслѣдованію. Само собою разумѣется, что и въ этой рамкѣ, слишкомъ неопредѣленной и подвижной, система административныхъ взысканій представлялась чрезвычайно опасною для печати; но еще бо́льшая опасность заключалась въ отсутствіи гарантій противъ произвольнаго расширенія ея предѣловъ, скажемъ болѣе — въ *неизбѣжности* такого расширенія. Не дальше, какъ въ 1852 г., *правительственная* газета «Pays» получила предостереженіе за статью, имѣвшую характеръ неоффиціальнаго отчета о преніяхъ законодательнаго корпуса, т. е. за проступокъ, предусмоутрѣнный уголовнымъ закономъ и подлежавшій судебному преслѣдованію. За этимъ примѣромъ послѣдовали многіе другіе, обнаружившіе съ полною ясностью, что предостереженію можетъ подвергнуться *всякая статья*, почему-нибудь не нравящаяся администраціи, *во всякомъ журналѣ*, хотя бы и далекомъ отъ систематической вражды къ правительству. Наступилъ 1860 г.; въ высшихъ правительственныхъ сферахъ совершился легкій поворотъ къ либерализму, выразившійся въ извѣстныхъ декретахъ 24 ноября. Персиньи, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ попытку — вѣроятно искреннюю — ограничить примѣненіе системы административныхъ взысканій. Онъ объявилъ, что единственнымъ законнымъ поводомъ къ предостереженіямъ должны служить явныя нападки на династію или на основы существующаго порядка вещей, а отнюдь не порицаніе администраціи, какъ бы рѣзка ни была его форма. Но доброе намѣреніе Персиньи такъ и осталось намѣреніемъ; онъ самъ не замедлилъ отступить отъ принципа, имъ высказаннаго, и опасность предостереженія, со всѣми его послѣдствіями, продолжала висѣть надъ каждою независимою мыслью, надъ каждымъ свободнымъ словомъ. Напомнимъ, для примѣра, судьбу «Courrier du Dimanche», журнала безспорно оппозиціоннаго, но вовсе не непріязненнаго имперіи и династіи. Безпрестанныя предостереженія и пріостановки, окончившіяся совершеннымъ прекращеніемъ изданія, были вызваны преимущественно статьями Прево-Парадоля, писателя, отлично владѣющаго ироніей, крайне непріятнаго для тѣхъ, чьи дѣйствія онъ подвергаетъ своему разбору, но довольно умѣреннаго по своему образу мыслей. Напомнимъ также о предостереженіи, данномъ, въ концѣ 1861 г., «Revue des deux Mondes» за такое сужденіе о французскихъ

финансахъ, которое, нѣсколько недѣль спустя, было повторено почти буквально въ письмѣ Фульда къ императору—письмѣ, доставившемъ Фульду портфель министра финансовъ. Еще менѣе обезпечено было положеніе провинціальной прессы, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ центра государства—напримѣръ, въ Алжиріи и на французскихъ островахъ Антильскаго моря. Случаи предостереженій, данныхъ за статьи вовсе неполитическаго содержанія, за осторожную, сдержанную критику той или другой административной мѣры, насчитываются здѣсь уже не единицами, а цѣлыми, десятками.

Другихъ послѣдствій нельзя было, впрочемъ, и ожидать отъ системы, созданной декретомъ 17 февраля 1852 г. Произвольная власть, по самому своему свойству, не укладывается въ строго-опредѣленныя формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Вооруженная правомъ самозащиты, она готова пользоваться имъ, какъ только чувствуетъ себя задѣтой — все равно, основательно или неосновательно. Разсчитывать на самообладаніе ея, значило бы требовать отъ нея почти невозможнаго. Централизація, господствующая во Франціи, породила особое чувство солидарности между высшею правительственною властью и всѣми органами ея. Подъ вліяніемъ этого чувства, нападеніе, направленное противъ отдѣльныхъ дѣйствій министра или префекта, представляется нападеніемъ на цѣлую правительственную систему. Можно ли предполагать, послѣ того, что, имѣя въ рукахъ средство предупредить нападенія, административная власть станетъ переносить ихъ спокойно и терпѣливо? Она можетъ быть болѣе или менѣе осмотрительной въ возбужденіи процессовъ, исходъ которыхъ отъ нея не вполнѣ зависитъ; но что можетъ стѣснить ее въ раздачѣ предостереженій, для которой она не нуждается ни въ чьемъ уполномочіи, ни въ чьемъ содѣйствіи, за которую она ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ? Защитники административныхъ взысканій указываютъ на то, что каждое предостереженіе должно быть мотивировано, должно, слѣдовательно, имѣть болѣе или менѣе уважительныя основанія. Съ этимъ можно было бы согласиться только въ такомъ случаѣ, если бы мотивы предостереженія напоминали, своею точностью и полнотою, мотивы судебнаго рѣшенія. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно другое. Предостереженіе, составленное по французской системѣ, ограничивается, почти всегда, указаніемъ на статью, которою оно вызвано, и бездоказательнымъ увѣреніемъ, что эта статья содержитъ въ себѣ попытку «возбудить ненависть и презрѣніе къ правительству», или попытку «возстановить одну часть общества противъ другой», или «систематическое извращеніе истины» и т. п. Очевидно, что подобные мотивы равносильны совершенному отсутствію мотивовъ. Разборъ предостереженія, такимъ образомъ мотивированнаго, столь же затруд-

нителенъ (не говоря уже о другихъ неудобствахъ, сопряженныхъ вообще съ разборомъ предостереженій), какъ и разборъ рѣшенія присяжныхъ, объявляемаго безъ объясненія соображеній, на которыхъ оно основано.

О вліяніи системы административныхъ взысканій нельзя судить ни по числу предостереженій, данныхъ въ извѣстный промежутокъ времени, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ, ни по числу изданій вновь возникшихъ. Это только видимые, осязательные результаты системы; гораздо важнѣе незамѣтное, закулисное дѣйствіе ея. Кто можетъ сосчитать, сколько мыслей осталось невысказанными, сколько предметовъ — неразработанными, сколько злоупотребленій и ошибокъ — нераскрытыми, вслѣдствіе одной боязни навлечь на себя гнѣвъ административной власти? Кто можетъ перечислить всѣ случаи, въ которыхъ свобода анализа и критики была парализована негласнымъ вмѣшательствомъ администраціи, появленіемъ въ редакціи журнала такъ называемаго *чернаго человѣка?* Кто можетъ опредѣлить, сколько даровитыхъ людей отказалось отъ журнальныхъ занятій, вслѣдствіе стѣсненій, которымъ они на каждомъ шагу подвергались? Кто можетъ взвѣсить тяжесть потерь, понесенныхъ обществомъ отъ этихъ неблагопріятныхъ условій? Французская журналистика никогда не падала такъ низко, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Никогда еще въ изданіи журналовъ не преобладалъ до такой степени элементъ меркантильный, спекулятивный; рекламы никогда еще не достигали такихъ чудовищныхъ размѣровъ, промышленныя предпріятія самаго сомнительнаго свойства никогда не встрѣчали такого слабаго отпора, такой усердной, безцеремонной поддержки со стороны періодической литературы. Безспорно, этотъ упадокъ журналистики состоитъ въ самой тѣсной связи съ другими, болѣе общими явленіями, со всею совокупностью привычекъ и тенденцій, отчасти приготовленныхъ іюльскою монархіей, но достигшихъ господства только благодаря 2-му декабря 1851 г. Общество, выдвинувшее изъ среды себя Перейровъ и Миресовъ, не могло обойтись безъ журналовъ, достойныхъ этого новаго племени. Мы не ошибемся, однако, если скажемъ, что декретъ 17 февраля 1852 г. способствовалъ, непосредственно и прямо, деморализаціи французскаго журнальнаго міра. Съ одной стороны, изданіе журнала сдѣлалось предпріятіемъ гораздо болѣе рискованнымъ и дорогимъ, чѣмъ прежде; капиталисты, затрачивающіе на него свои деньги, не хотѣли, поэтому, ограничиваться прежнимъ процентомъ дохода. Чѣмъ менѣе прочны и вѣрны барыши, тѣмъ естественнѣ стремленіе ихъ увеличить. Средствомъ къ достиженію этой цѣли послужили стачки съ промышленниками и съ акціонерными обществами. Съ другой стороны, въ личномъ составѣ редакцій недоставало людей, которые бы могли и хотѣли плыть противъ теченія. Пока журналъ дер-

жался преимущественно талантомъ и политическою честностью своихъ сотрудниковъ, до тѣхъ поръ они могли охранять достоинство журнала противъ жадности издателей или акціонеровъ; но какъ только политическій отдѣлъ изданія, изувѣченный и сдавленный декретомъ 17 февраля, отошелъ на второй планъ, голосъ послѣднихъ пріобрѣлъ перевѣсъ надъ голосомъ редакціи. Лучшіе сотрудники журналовъ, утомленные неравной борьбой, уступили свое мѣсто другимъ, готовымъ идти рука объ руку съ магнатами промышленности и финансовъ. Къ концу пятидесятыхъ годовъ въ Парижѣ не осталось почти ни одного журнала, свободнаго отъ подобныхъ вліяній. Самые крупные скандалы въ биржевомъ или акціонерномъ мірѣ были встрѣчаемы всеобщимъ молчаніемъ политической прессы; подробности гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, начатыхъ противъ банкировъ и биржевыхъ маклеровъ, противъ директоровъ акціонерныхъ компаній, рѣдко выходили изъ столбцевъ спеціальныхъ журналовъ «Droit» и «Gazette des tribunaux». Оппозиціонные журналы дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, не лучше правительственныхъ, демократическіе—не лучше клерикальныхъ. Реакція противъ такого положенія дѣлъ началась только недавно и одержала побѣду только въ немногихъ журналахъ.

Другимъ, не менѣе характеристичнымъ продуктомъ эпохи, законченной новымъ закономъ о печати, представляются такъ называемые литературные журналы. Происхожденіе ихъ объясняется дороговизною политическихъ журналовъ—дороговизною, обусловленной въ свою очередь высокими залогами и тяжелымъ штемпельнымъ сборомъ (въ Парижѣ — шесть сантимовъ, т. е. почти $1\frac{1}{2}$ коп. сер., за каждый экземпляръ газеты). Minimum цѣны политической газеты, при продажѣ ея отдѣльными экземплярами (самой употребительной въ Парижѣ), было до сихъ поръ 15 сантимовъ, т. е. почти 4 коп.; подписная цѣна за цѣлый годъ колеблется между 50 и 70 франками. Очевидно, что такія цѣны недоступны для огромной массы населенія; а между тѣмъ, потребность въ ежедневномъ чтеніи распространяется все болѣе и болѣе и проникаетъ въ такія сферы, которымъ лѣтъ двадцать тому назадъ было едва знакомо самое понятіе о газетѣ. Для удовлетворенія этой потребности явились *литературные журналы*, т. е. газеты, не имѣющія права говорить ни о политикѣ, внутренней и внѣшней, ни о соціально-экономическихъ вопросахъ, не имѣющія права печатать объявленій, но освобожденныя за то отъ залога и отъ штемпельнаго сбора. Само собою разумѣется, что не смотря на неполноту программы, не смотря на запрещеніе касаться предметовъ, всего болѣе способствующихъ развитію народа, литературныя газеты могутъ приносить большую пользу, когда онѣ издаются добросовѣстно, серьозно и съ знаніемъ дѣла. Къ несчастію для Франціи, самые распространенные изъ числа литературныхъ журналовъ отличаются совершеннымъ отсут-

ствіемъ этихъ качествъ, или, лучше сказать, соединеніемъ качествъ прямо противуположныхъ. Они разсчитываютъ не на здоровую любознательность публики, а на ея страсть къ болтовнѣ и скандаламъ, и наполняютъ свои столбцы сплетнями о парижскихъ салонахъ—въ особенности о салонахъ полусвѣта,—нелѣпыми романами, грязными анекдотами, вымышленными *faits divers*, передовыми статьями à la Timothée Trimm (псевдонимъ Лео Леспе, бездарнаго редактора «Petit Journal»,—самой популярной литературной газеты, стоющей только 5 сантимовъ и расходящейся болѣе чѣмъ въ 200,000 экземплярахъ). Успѣхъ подобныхъ изданій доказываетъ, безъ сомнѣнія, что они удовлетворяютъ вкусу значительной части общества; приписывать его исключительно законодательству о печати было бы несправедливо—но столь же несправедливо было бы отрицать связь между этими двумя фактами. Существованіе литературной газеты зависитъ отъ администраціи чуть ли не въ бóльшей еще степени, чѣмъ существованіе газеты политической. Пограничная черта между политикой и литературой, между соціальной экономіей и наукой такъ неопредѣленна, такъ неуловима, что нарушеніе ея рѣшительно неизбѣжно—а каждое нарушеніе этого рода, признанное судомъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ запрещеніе газеты. Примѣры такого запрещенія нерѣдки; жертвами его всегда бывали газеты, чѣмъ-нибудь навлекшія на себя неудовольствіе администраціи. Понятно, что большинство литературныхъ газетъ, заботясь лишь о своихъ матеріальныхъ интересахъ, избѣгаютъ какъ огня тѣхъ опасныхъ областей, въ которыхъ возможно соприкосновеніе съ запретной сферой,—или вступаютъ въ нихъ только для того, чтобы сказать что-нибудь пріятное правительству. Романы Понсонъ-дю-Терраля, плоскія разсужденія Тримма нравятся и администраціи, и большинству публики,—конечно, по различнымъ причинамъ; отсюда пристрастіе издателей и редакцій къ этимъ родамъ литературы. Въ послѣднее время желаніе дешевой прессы жить въ мирѣ со всѣми властями—а можетъ быть и желаніе властей окончательно забрать въ руки дешевую прессу—дошло до того, что нѣкоторые издатели литературныхъ газетъ стали представлять ихъ на предварительный просмотръ администраціи. Никто не замѣчалъ еще, чтобы отъ этого повысился нравственный уровень дешевой прессы.

Изъ всего сказаннаго нами видно, какъ важно, какъ благотворно для французской печати уничтоженіе системы административныхъ взысканій; но не менѣе ясно и то, что одной этой мѣры недостаточно для коренного обновленія журналистики. Оно совершится только тогда, когда печать сдѣлается безусловно независимой отъ административнаго произвола, когда основаніе и изданіе журнала перестанетъ требовать огромныхъ затратъ и постояннаго риска, когда политическіе журналы будутъ поставлены на одинъ уровень съ литературными,

когда отвѣтственность за проступки печати будетъ упадать только на тѣхъ, кто дѣйствительно ихъ совершаетъ, когда судебное производство по дѣламъ печати будетъ обставлено гарантіями, на которыя имѣетъ право каждый подсудимый. По всѣмъ этимъ предметамъ новый законъ о печати или оставляетъ въ силѣ существующій порядокъ вещей, крайне неудовлетворительный, или производитъ въ немъ самыя недостаточныя перемѣны. Онъ оставляетъ въ рукахъ администраціи нѣсколько могущественныхъ средствъ вліянія на періодическую прессу, сохраняетъ высокіе залоги и высокій штемпельный сборъ, удерживаетъ привилегированное и вмѣстѣ съ тѣмъ шаткое положеніе литературныхъ журналовъ, распространяетъ отвѣтственность за проступки печати на тѣхъ, кто вовсе къ нимъ непричастенъ, не вноситъ необходимыхъ реформъ ни въ судебную процедуру по дѣламъ печати, ни въ самую сущность уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ проступки печати и назначающіе наказанія за нихъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ пунктовъ.

III.

Во Франціи не существуетъ до сихъ поръ свобода типографскаго промысла. Для открытія типографіи необходимо разрѣшеніе администраціи, которое можетъ быть взято назадъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Отсюда зависимость типографщиковъ отъ администраціи, и какъ неизбѣжный результатъ ея — зависимость журналистики отъ типографщиковъ. Оппозиціонному журналу не всегда легко было найти типографію, которая бы согласилась его печатать, не легко было и удержать за собою согласіе, однажды данное. Получивъ разрѣшеніе отъ правительства на изданіе журнала, нужно было получить еще такое же разрѣшеніе отъ типографщика. Смертельный ударъ журналу, уже существующему, могъ быть нанесенъ не только распоряженіемъ министра или префекта, но и рѣшеніемъ типографщика или типографщиковъ. Первоначальный проектъ закона о печати, внесенный въ законодательный корпусъ, установлялъ полную свободу типографскаго промысла; но правительство скоро стало жалѣть объ этой уступкѣ, и большинство палаты, враждебное реформѣ, убѣдило его сдѣлать важный шагъ назадъ. Коммиссія палаты, разсматривавшая проектъ закона, нашла, что уничтоженіе монополіи, которою до сихъ поръ пользовались типографщики (число типографій въ каждой мѣстности было ограничено опредѣленнымъ maximum), представляется нарушеніемъ права собственности и можетъ быть допущено не иначе, какъ за извѣстное вознагражденіе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, она предложила оставить въ силѣ существующій порядокъ вещей, пока не будутъ собраны болѣе точныя свѣдѣнія объ основаніяхъ, на которыхъ можно было бы приступить къ его отмѣнѣ. Въ видѣ переходной мѣры, она предло-

жила дозволить учрежденіе типографіи каждому отвѣтственному редактору журнала, но съ тѣмъ, чтобы въ этой типографіи не печаталось ничего другого кромѣ журнала, имъ издаваемаго. Отъ правительства зависѣло, безъ сомнѣнія, настоять на принятіи первоначальной статьи проекта; но оно предпочло перейти на сторону коммиссіи. Напрасно Симóнъ указывалъ на то, что свобода типографскаго промысла — необходимое дополненіе первой статьи закона, дозволяющей каждому французу издавать журналъ безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, что вмѣстѣ съ правомъ должны быть даны и средства къ осуществленію его. Напрасно было неопровержимое замѣчаніе Пелльтана, что мѣра вознагражденія типографщиковъ можетъ быть опредѣлена и впослѣдствіи времени, и что собраніе свѣдѣній по этому предмету не должно препятствовать реформѣ, необходимость которой признана самимъ правительствомъ. Напрасны были убѣдительные доводы Беррье о непрактичности временной мѣры, придуманной коммиссіею, о невыгодности или, лучше сказать, невозможности учрежденія типографіи спеціально для изданія одного журнала. Хорошо еще, если журналъ издается ежедневно; а если онъ выходитъ только разъ въ недѣлю или въ двѣ недѣли? Чтó будутъ дѣлать рабочіе въ дни свободные отъ занятій? Кто вознаградитъ хозяина типографіи за простой машинъ, за неупотребленіе шрифта? Кто, наконецъ, вознаградитъ его за громадныя потери, которымъ онъ подвергнется въ случаѣ запрещенія или пріостановки журнала? Большинство палаты почти не возражало на всѣ эти доводы. Убѣжденное въ томъ, что монополія типографій помѣшаетъ, по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ, основанію нѣсколькихъ оппозиціонныхъ журналовъ, оно поспѣшило одобрить предложеніе коммиссіи, которое и вошло въ составъ закона.

Независимость печати отъ администраціи немыслима, когда послѣдняя имѣетъ законную возможность награждать преданность и карать сопротивленіе журналовъ. Французская администрація облечена, въ этомъ отношеніи, двумя важными правами: она опредѣляетъ, въ какихъ газетахъ должны быть печатаемы судебныя объявленія, т. е. даетъ однимъ, отнимаетъ у другихъ крупный источникъ дохода, а въ провинціяхъ—даже средство къ существованію; она можетъ запретить продажу газеты отдѣльными номерами на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, т. е. уменьшить по своему усмотрѣнію, и уменьшить въ весьма значительной степени (особенно въ Парижѣ), число экземпляровъ, въ которыхъ расходится газета. Нужно ли прибавлять, что право печатанія судебныхъ объявленій предоставляется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, газетамъ оффиціознымъ или по меньшей мѣрѣ нейтральнымъ, что запрещеніе разносной продажи постигаетъ не циническіе листки въ родѣ «Evénement» или «Petit Journal», а серьоз-

ныя оппозиціонныя газеты, въ родѣ «Gironde», или »Courrier français»? Противъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ, нетронутаго проектомъ новаго закона о печати, возстала не только оппозиція, но и часть большинства законодательнаго корпуса. Шестнадцать депутатовъ большинства и средней партіи представили поправку, смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы выборъ газеты для печатанія судебныхъ объявленій зависѣлъ каждый разъ отъ усмотрѣнія сторонъ. Они доказали, что отъ существующаго порядка вещей страдаетъ не только журналистика, но и публика, что судебныя объявленія печатаются не въ газетахъ наиболѣе распространенныхъ, а въ газетахъ наиболѣе преданныхъ, и не получаютъ той гласности, которая для нихъ необходима. Такъ напримѣръ, изъ всѣхъ вечернихъ парижскихъ газетъ право печатанія судебныхъ объявленій принадлежитъ одному малоизвѣстному «Etendard», число подписчиковъ котораго такъ незначительно, что правительство не рѣшилось назвать его во время преній. Въ Бордо издается оппозиціонная газета «Gironde», имѣющая отъ 6 до 9 тысячъ подписчиковъ; право печатанія судебныхъ объявленій принадлежитъ не ей, а оффиціозному «Journal de Bordeaux», имѣющему около 1,500 подписчиковъ. Въ Безансонѣ самая распространенная газета, «Franche-Comté», пользовалась правомъ печатанія судебныхъ объявленій, пока редакторъ ея, депутатъ Латуръ-Дюмуленъ, подавалъ голосъ съ большинствомъ; какъ только онъ перешелъ на сторону средней партіи, право печатанія судебныхъ объявленій было отнято у его газеты и передано другой, имѣющей вдвое менѣе подписчиковъ. Не смотря на эти вопіющіе факты, поправка была отвергнута большинствомъ 186 голосовъ противъ 47. Тогда Беррье предложилъ передать право избранія, теперь принадлежащее префекту, суду первой инстанціи; но и эта поправка, не смотря на поддержку самаго вліятельнаго изъ числа умѣренныхъ бонапартистовъ, Сегри, была отвергнута большинствомъ 126 голосовъ противъ 103. На другой день палата перешла къ разсмотрѣнію поправки, направленной къ огражденію разносной продажи газетъ отъ административнаго произвола. Трудно представить себѣ чтó-нибудь слабѣе тѣхъ аргументовъ, которые были приведены противъ этой поправки государственнымъ министромъ,—отъ имени правительства, докладчикомъ коммиссіи,—отъ имени большинства палаты. На простые, но неопровержимые доводы Ріонделя, Фавра, Пикара, Руэ и Ножанъ-Сенъ-Лоранъ отвѣчали фразами въ родѣ слѣдующихъ: «Нельзя обезоруживать правительство»,—«правительству принадлежитъ право наблюдать за порядкомъ на улицахъ»,—«есть случаи, когда дерзость журналовъ должна быть сдержана немедленно, не ожидая судебнаго преслѣдованія». Но развѣ разносная продажа газетъ нарушаетъ, сама по себѣ, порядокъ на улицахъ? Развѣ противъ нарушителей порядка, если бы

они случайно воспользовались этимъ средствомъ для своихъ цѣлей, нельзя принять обыкновенныхъ мѣръ предупрежденія и взысканія? Почему разносная продажа «Courrier Français» опаснѣе для общественнаго порядка, чѣмъ продажа «Pays» и «Constitutionel»? Если есть основаніе думать, что толпа, прочитавъ статью Вермореля, отправится выбивать стекла въ квартирѣ Гранье-де-Кассаньяка, то почему же не предположить, что, прочитавъ статью Гранье-де-Кассаньяка, она отправится съ такою же цѣлью къ редакціямъ «Siècle» и »Opinion Nationale»? [1]) Запрещеніе разносной продажи не всегда совпадаетъ съ начатіемъ судебнаго преслѣдованія противъ газетъ; это доказываетъ, что оно не всегда бываетъ вызвано положительнымъ нарушеніемъ законовъ о печати. Пикаръ привелъ даже одинъ случай запрещенія разносной продажи газеты, первый нумеръ которой еще не появлялся въ свѣтъ!—Поправка оппозиціи, послѣ непродолжительныхъ преній, была отвергнута большинствомъ 194 голосовъ противъ 32; средняя партія, на этотъ разъ, подала голосъ вмѣстѣ съ ультра-консерваторами. Ее запугали, вѣроятно, слѣдующія слова Руэ:—«Намъ говорятъ, что власть, принадлежащая намъ, есть власть произвольная. Да, она произвольна — но я громко и открыто требую ея для правительства, во имя общества»! Эта избитая формула, изобрѣтенная въ то время, когда была мода говорить о *«красномъ чудовищѣ»* (le spectre rouge) и объ опасности, угрожающей обществу, давно потеряла свой смыслъ (если только когда-нибудь его имѣла), но все еще не потеряла, для нѣкоторыхъ слабыхъ умовъ, своей магической силы.

IV.

Переходимъ теперь къ вопросу о матеріальномъ бремени, лежащемъ на политическихъ журналахъ — къ вопросу о залогахъ и о штемпельномъ сборѣ. Дѣйствовавшее до сихъ поръ законодательство о печати требовало отъ политическихъ журналовъ залога въ размѣрѣ отъ 7,500 до 50,000 франковъ, смотря по тому, гдѣ и какъ часто они выходятъ. Самый высокій залогъ установленъ для политическихъ журналовъ, выходящихъ ежедневно въ департаментахъ Сены (т. е. въ Парижѣ), Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Роны. Второй и третій изъ этихъ департаментовъ уравнены съ департаментомъ Сены, потому что они почти непосредственно прилегаютъ къ Парижу, департаментъ Роны — потому что Ліонъ, его главный городъ, занимаетъ между французскими городами первое мѣсто послѣ Парижа. Новый законъ о печати не измѣнилъ ни въ чемъ прежнихъ постановленій о залогахъ. Оппозиція не

---

[1]) Извѣстно, что Гранье-де-Кассаньякъ, редакторъ «Pays», обвинялъ редакторовъ «Siècle» и «Opinion Nationale» въ служеніи, за деньги, интересамъ Италіи и Пруссіи.

настаивала на ихъ отмѣнѣ, не потому, чтобы она считала ихъ необходимыми или справедливыми, а потому, что она была убѣждена въ невозможности поколебать ихъ. Она ограничилась попыткой — оставшейся безъ успѣха — понизить цифру залога въ департаментахъ Роны и Сены-и-Марны. Тѣмъ сильнѣе была борьба, возбужденная оппозиціей — и не одною только оппозиціей — по вопросу о штемпельномъ сборѣ. Первоначальный проектъ закона о печати сохранялъ этотъ сборъ въ прежнемъ его размѣрѣ; но коммиссія убѣдила правительство понизить его съ 6 сантимовъ на 5 для департаментовъ Сены и Сены-и-Уазы, съ 3 сантимовъ на 2 — для всѣхъ другихъ. Не довольствуясь этой уступкой, оппозиція потребовала совершенной отмѣны штемпельнаго сбора. Когда это требованіе было отвергнуто, она предложила понизить штемпельный сборъ до 3 сантимовъ въ Парижѣ, до 1 сантима — во всѣхъ другихъ мѣстахъ, но распространять его безразлично на всѣ журналы, какъ политическіе такъ и литературные. Такое же предложеніе было сдѣлано девятью депутатами средней партіи, съ тою только разницей, что они полагали понизить штемпельный сборъ еще на половину для журналовъ небольшого формата. Ни одно изъ этихъ предложеній не было принято большинствомъ палаты. Неискренность правительства и большинства, недовѣріе и нерасположеніе ихъ къ политической печати нигдѣ, можетъ быть, не выразились такъ ясно, какъ въ преніяхъ и рѣшеніяхъ палаты о штемпельномъ сборѣ. Оппозиція поставила вопросъ опредѣлительно и ясно: она спросила правительство, какое значеніе оно приписываетъ штемпельному сбору — фискальное или политическое? Министръ-президентъ государственнаго совѣта, Вюитри, отвѣчалъ, что штемпельный сборъ есть мѣра исключительно фискальная. Логическій выводъ изъ этого положенія сдѣлать не трудно. Если штемпельный сборъ есть налогъ и больше ничего какъ налогъ, онъ долженъ, во-первыхъ, соразмѣряться съ цѣнностью предмета, который имъ обложенъ; онъ долженъ, во-вторыхъ, распространяться на всѣ журналы, не различая политическихъ отъ литературныхъ. Съ точки зрѣнія финансовой нѣтъ никакого разумнаго основанія взыскивать съ журнала нѣсколько сотъ тысячъ франковъ (штемпельный сборъ въ 5 сантимовъ съ журнала, расходящагося въ 10 тысячахъ экземплярахъ, составляетъ въ годъ около 200,000 франковъ, съ журнала, расходящагося, подобно «Siècle», въ 40 тысячахъ экземплярахъ — около 800,000 франковъ), между тѣмъ какъ всякое другое коммерческое предпріятіе, столь же или еще болѣе выгодное, вноситъ въ казну какую-нибудь тысячу франковъ. Съ точки зрѣнія финансовой нѣтъ никакого разумнаго основанія освобождать отъ штемпельнаго сбора изданіе въ родѣ «Petit Journal», дающее огромные барыши, и подвергать этому сбору «Temps», принесшій своимъ основателямъ, въ шесть или семь лѣтъ, около милліона франковъ убытка. Не очевидно

ли, что налагая штемпельный сборъ на одни только политическіе журналы, и налагая его въ размѣрахъ до крайности высокихъ, правительство преслѣдуетъ цѣль чисто политическаго свойства? Не очевидно ли, что оно желаетъ стѣснить распространеніе политической прессы, подавить въ массѣ народа интересъ къ политической жизни, удержать большинство населенія, особенно сельскаго, въ томъ невѣдѣніи, которое уже оказало такъ много услугъ второй имперіи? Правительство должно было выбрать одно изъ двухъ: оно должно было либо объявить прямо и открыто, что поддерживаетъ штемпельный сборъ, какъ политическую мѣру, либо согласиться на установленіе одной общей, по возможности низкой нормы сбора для всѣхъ повременныхъ изданій, сохранивъ только различіе между журналами столичными и провинціальными. Оно не сдѣлало ни того, ни другого. Оно не было ни на столько откровенно, чтобы высказать свою настоящую мысль, ни на столько благоразумно, чтобы отъ нея отказаться. Увѣренное въ сочувствіи большинства, оно сражалось съ оппозиціей не столько доводами, сколько подачей голосовъ, и одержало на этомъ поприщѣ дешевую, но мало почетную побѣду. Противъ предложеній, клонившихся къ пониженію штемпельнаго сбора, оно возражало ссылкою на давность его существованія, на невозможность пополнить пробѣлъ, который бы произошелъ въ государственномъ бюджетѣ [1]). Ему отвѣчали на это, что потери для бюджета въ сущности никакой не будетъ, такъ какъ, независимо отъ увеличенія числа подписчиковъ и покупателей газетъ, явится новый источникъ дохода — сборъ съ литературныхъ журналовъ. Тогда оно переносило пренія на другую почву и начинало утверждать, что литературные журналы не перенесутъ штемпельнаго сбора, что оппозиція хочетъ убить дешевую прессу и лишить народъ дешеваго чтенія. Ему доказывали, что въ замѣнъ свободы отъ штемпельнаго сбора, дешевой прессѣ можетъ быть дано разрѣшеніе печатать объявленія, и что народъ не только не лишится дешеваго чтенія, но, напротивъ того, получитъ дешевое чтеніе болѣе разнообразное, болѣе серьёзное и полезное. Распространеніе права печатать объявленія сдѣлаетъ ихъ менѣе дорогими, болѣе доступными для бѣдныхъ людей, которые теперь едва имѣютъ возможность пользоваться этимъ могущественнымъ средствомъ гласности. Къ какимъ аргументамъ прибѣгалъ Вюитри, чтобы опровергнуть доводы оппозиціи и средней партіи, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру: онъ утверждалъ, что большинство населенія не заинтересовано въ пониженіи цѣны политическихъ журналовъ, потому что не подписывается на нихъ и не покупаетъ ихъ, а получаетъ ихъ даромъ отъ

---

[1]) Общая цифра штемпельнаго сбора составляетъ около 7 милліоновъ франковъ, т. е. каплю въ морѣ бюджета, превышающаго полтора милліарда.

знакомыхъ, или читаетъ ихъ въ кофейняхъ, трактирахъ и т. п.! Какъ бы то ни было, правительство восторжествовало, и штемпельный сборъ, уничтоженный въ Англіи, уничтожаемый въ Пруссіи, никогда не существовавшій въ Россіи, продолжаетъ тяготѣть надъ французской печатью. Замѣтимъ, для полноты картины, что политическіе журналы платятъ за пересылку по почтѣ 4 сантима за экземпляръ, между тѣмъ какъ для литературныхъ журналовъ допущена пересылка кипами по желѣзной дорогѣ, обходящаяся имъ только по 1 сантиму за экземпляръ. Замѣтимъ также, что предложеніе Даримона освободить отъ штемпельнаго сбора неполитическіе журналы, посвященные соціальной экономіи, было отвергнуто большинствомъ, доказавшимъ еще разъ, что оно боится и избѣгаетъ именно умственнаго развитія народа, увеличенія въ его средѣ массы полезныхъ свѣдѣній. Перемѣна къ лучшему удалась либеральной партіи только по двумъ второстепеннымъ пунктамъ: коммиссія согласилась освободить отъ штемпельнаго сбора такъ называемыя *избирательныя аффиши* (affiches électorales), т. е. объявленія по поводу выборовъ въ законодательный корпусъ, въ генеральные и муниципальные совѣты, если только они исходятъ непосредственно отъ самихъ кандидатовъ, а не отъ лицъ постороннихъ. Она согласилась также освободить отъ штемпельнаго сбора брошюры, содержащія въ себѣ не менѣе шести печатныхъ листовъ [1], и понизить его для остальныхъ брошюръ съ пяти на четыре сантима за печатный листъ.

Если освобожденіе отъ штемпельнаго сбора продолжаетъ составлять привилегію литературныхъ журналовъ, то въ этомъ привилегированномъ положеніи заключается для нихъ, какъ и прежде, источникъ слабости, зависимости отъ правительства. Всякое уклоненіе литературнаго журнала въ области политики или соціальной экономіи наказывается по прежнему немедленнымъ запрещеніемъ изданія. Оппозиція пыталась устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить эту аномалію; она предложила замѣнить запрещеніе денежнымъ штрафомъ— но противъ этого предложенія возсталъ министръ юстиціи Барошъ, и оно было отвергнуто палатой. Дешевой прессѣ суждено, повидимому, остаться еще надолго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи.

V.

Отвѣтственность за проступки печати должна упадать и de jure, и de facto, на того, кто ихъ совершаетъ и исключительно на него одного. Привлеченіе къ отвѣтственности такого лица, которое не участвовало непосредственно и прямо въ совершеніи проступка, справед-

[1]) До сихъ поръ штемпельному сбору подлежали всѣ брошюры, содержавшія въ себѣ менѣе *десяти* печатныхъ листовъ.

ливо только тогда, когда настоящій виновникъ проступка не можетъ быть преданъ суду, по какой бы то ни было причинѣ. Французское законодательство о печати постоянно шло въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ; рядомъ съ авторомъ статьи, оно всегда подвергало отвѣтственности и редактора, и типографщика. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ нераціональна эта система, достаточно замѣтить, что строго-логическимъ послѣдствіемъ ея было бы распространеніе отвѣтственности на наборщиковъ, набиравшихъ статью, и на печатниковъ, ее печатавшихъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, содержаніе статей, печатаемыхъ въ типографіи, столь же мало извѣстно хозяину типографіи, какъ и его рабочимъ. Есть типографіи, въ которыхъ печатается одновременно десять, двѣнадцать газетъ; содержатель такой типографіи не имѣетъ, очевидно, даже физической возможности читать все выходящее изъ-подъ станковъ ея. Другая еще худшая сторона дѣла заключается въ томъ, что страхъ отвѣтственности обращаетъ типографщика въ цензора печатаемыхъ у него изданій. Но чѣмъ вреднѣе такой порядокъ вещей для свободы печати, тѣмъ крѣпче держится за него французская администрація. На всѣ аргументы оппозиціи, — сославшейся, между прочимъ, и на примѣръ Россіи [1]),—правительственный коммиссаръ отвѣчалъ стереотипной фразой, что отвѣтственность типографщика—необходимая гарантія для общественнаго спокойствія. «Il faut que la justice reste armée — воскликнулъ онъ — il faut que la société soit protégée», — и большинство палаты, всегда готовое покровительствовать обществу противъ его воли, отвергло всѣ поправки, направленныя къ освобожденію типографщика отъ отвѣтственности за статьи, авторъ или издатель которыхъ извѣстенъ и можетъ подлежать судебному преслѣдованію. Не довольствуясь этимъ, правительство хотѣло пойти еще гораздо дальше и перенести всю тяжесть отвѣтственности съ редактора и автора на собственниковъ журнала. Авторъ журнальной статьи выражаетъ въ ней, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, бо́льшею частію свое убѣжденіе, свой образъ мыслей, за который онъ

---

[1]) По нашему закону, типографщикъ привлекается къ суду только тогда, когда ни сочинитель, ни редакторъ неизвѣстны, или когда мѣстопребываніе ихъ неизвѣстно, или когда они находятся за границей (Улож. о Наказ. ст. 1042 пун. 3). Исключеніе изъ этого правила допускается только тогда, *когда будетъ доказано*, что типографщикъ, зная преступный умыселъ главнаго виновника, завѣдомо содѣйствовалъ публикаціи и распространенію изданія (ст. 1043). На практикѣ типографщикъ былъ преданъ суду только одинъ разъ (по дѣлу Соколова), и то освобожденъ судомъ отъ всякой отвѣтственности. Во Франціи, на оборотъ, преданіе суду типографщика вмѣстѣ съ авторомъ и редакторомъ составляетъ общее правило, оправданіе его—рѣдкое исключеніе. Хотя французскій законъ и освобождаетъ отъ отвѣтственности типографщика, дѣйствовавшаго несознательно, но доказать эту причину невмѣненія долженъ типографщикъ, между тѣмъ какъ по смыслу нашего закона обвинительная власть должна доказать, на оборотъ, что типографщикъ дѣйствовалъ сознательно.

готовъ отвѣчать передъ судомъ, готовъ рисковать своей свободой. Редакторъ журнала, принимая статью, которая соотвѣтствуетъ его взглядамъ, относится къ ней точно также, какъ и самъ авторъ. Страхъ наказанія, даже довольно строгаго, не остановитъ ни того, ни другого; временное лишеніе свободы не уменьшитъ ихъ энергіи, не повредитъ ихъ доброй славѣ. Положеніе собственниковъ журнала совершенно другое; для нихъ журналъ есть только матеріальная цѣнность, охраненіе и увеличеніе которой и составляетъ единственный предметъ ихъ заботы. Поставьте ихъ интересы въ прямую зависимость отъ направленія журнала,—и они сдѣлаются самыми усердными, самыми придирчивыми его цензорами. Отправляясь отъ этой мысли, составители закона о печати предложили отмѣнить личныя наказанія (т. е. тюремное заключеніе) за проступки печати и замѣнить ихъ денежными штрафами въ сильно-увеличенныхъ размѣрахъ—отъ одной пятнадцатой до половины залога. Другими словами, за каждый проступокъ печати, совершенный ежедневною политическою газетой въ Парижѣ, каждый изъ участниковъ проступка могъ бы быть присужденъ къ штрафу отъ 3,000 до 25,000 франковъ, или всѣ три участника вмѣстѣ (т. е. авторъ, редакторъ и типографщикъ)—къ штрафу отъ 10,000 до 75,000 франковъ! Штрафы по закону покрываются изъ залога, а залогъ принадлежитъ собственникамъ журнала, на которыхъ, такимъ образомъ, и обрушилась бы вся отвѣтственность за проступки печати. Короткая, но вполнѣ вѣрная характеристика этой чудовищной системы заключается въ слѣдующемъ восклицаніи Пелльтана: «Vous cherchez à substituer à l'avertissement du ministre l'avertissement du caissier!» (Вы хотите замѣнить предостереженіе министра предостереженіемъ кассира!) Къ счастію, для достоинства и независимости печати предложеніе правительства, одобренное коммиссіей, встрѣтило отпоръ не только со стороны оппозиціи и средней партіи, но и со стороны многихъ консервативныхъ членовъ большинства. Послѣдніе не могли примириться съ мыслію, что ненавистныхъ имъ *писакъ* не будутъ болѣе сажать въ тюрьму; простодушная вражда ихъ къ печати не могла возвыситься до глубокаго макіавелизма, руководившаго составителями проекта. Благодаря союзу двухъ противоположныхъ партій, статья, установлявшая отмѣну личныхъ наказаній, была возвращена въ коммиссію и затѣмъ совершенно исключена изъ закона. Система наказаній, существовавшая до сихъ поръ для проступковъ печати, осталась безъ измѣненій. Денежные штрафы играютъ важную роль и въ этой системѣ, но не доходятъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ свобода дѣйствій редакціи была бы окончательно стѣснена контролемъ собственниковъ журнала. Другимъ, болѣе важнымъ стѣсненіемъ этой свободы представляется право суда прекращать или пріостанавливать изданіе журнала.

На основаніи новаго закона о печати, осужденіе журнала за *преступленіе* [1]) влечетъ за собою, ipso jure, совершенное прекращеніе изданія. Въ случаѣ повторенія проступка прежде истеченія двухъ лѣтъ со времени перваго осужденія, судъ *имѣетъ право* пріостановить изданіе журнала на время отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ; въ случаѣ совершенія проступка въ третій разъ, въ продолженіе того же двухъ-лѣтняго промежутка времени, судъ имѣетъ право пріостановить изданіе журнала на время отъ двухъ до шести мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ случаяхъ (напримѣръ, за оскорбленіе императора) изданіе журнала можетъ быть пріостановлено судомъ, на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, хотя бы журналъ и не подвергался передъ тѣмъ судебному осужденію. Въ продолженіи всего срока пріостановки, залогъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ въ казначействѣ (для того, чтобы съ помощью его не могъ быть основанъ новый журналъ). Противъ прекращенія изданій, обусловленнаго совершеніемъ *преступленія*, оппозиція почти не возражала, какъ потому, что дѣла о преступленіяхъ судятся не коронными судьями, а присяжными, такъ и потому, что случаи преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, чрезвычайно рѣдки. Всѣ усилія оппозиціи были сосредоточены противъ права коронныхъ судей пріостанавливать, по своему усмотрѣнію, изданіе журнала. Латуръ-Дюмуленъ, не обинуясь, назвалъ это право правомъ конфискаціи, котораго не допускаетъ французское законодательство. Пикаръ ярко выставилъ на видъ всю несправедливость системы, переносящей отвѣтственность съ лица на изданіе, заставляющей страдать многихъ за вину одного. Геру указалъ на то, что для журнала, имѣющаго ограниченное число подписчиковъ, временная пріостановка будетъ равносильна совершенному запрещенію. Онъ напомнилъ, что лѣтъ десять тому назадъ была пріостановлена на два мѣсяца газета (вѣроятно «Presse»), имѣвшая 34,000 подписчиковъ; когда она стала выходить вновь, число подписчиковъ ея уменьшилось ровно на половину. Всѣмъ этимъ доводамъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пинаръ и членъ коммиссіи Матье противопоставили только одно возраженіе: главный виновникъ въ проступкахъ печати — не авторъ, не редакторъ, а *журналъ*, на который и должно упадать самое тяжкое наказаніе. Эта теорія имѣетъ по крайней мѣрѣ одно достоинство — достоинство откровенности. Нѣкоторые члены большинства нашли проектъ закона даже слишкомъ мягкимъ, и предложили предоставить суду право пріостанавливать изданіе *за каждый проступокъ печати*,

---

[1]) Преступленіями (crimes) называются во французскихъ законахъ, въ противуположность проступкамъ (délits), особенно важныя правонарушенія, влекущія за собою тяжкія уголовныя наказанія — смертную казнь, каторжную работу, изгнаніе, ссылку и особые роды лишенія свободы (détention, réclusion).

хотя бы и въ первый разъ совершенный, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ повторенія проступка, пріостановленіе изданія было уже обязательно для суда. Но это предложеніе, какъ и поправка оппозиціи, было отвергнуто палатой, утвердившей, большинствомъ 205 голосовъ противъ 33, первоначальное постановленіе проекта.

Къ многочисленнымъ и разнообразнымъ оружіямъ, которыми правительство располагаетъ противъ печати, проектъ новаго закона о печати хотѣлъ присоединить еще одно — временное лишеніе политическихъ правъ (т. е. права участвовать въ выборахъ, быть избираемымъ и т. п.), какъ прибавочное наказаніе за проступки печати, назначеніе или неназначеніе котораго должно было зависѣть отъ усмотрѣнія суда. Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная въ защиту этого нововведенія, какъ нельзя болѣе характеристична. «Лишеніе политическихъ правъ есть наказаніе личное и потому справедливое; оно будетъ постигать только самого автора осужденной статьи». Прекрасно; но если министръ признаетъ справедливость личныхъ наказаній, то почему же онъ полагалъ замѣнить ихъ денежными штрафами, т. е. отвѣтственностью собственниковъ журнала? Развѣ можно руководствоваться въ одно и то же время двумя масштабами справедливости, примѣняя одинъ сегодня, другой завтра, смотря по надобности?—«Вторая отличительная черта этой мѣры — продолжалъ Пинаръ — заключается въ томъ, что она имѣетъ характеръ нравственный, а не матеріальный; *она будетъ служить предостереженіемъ для писателей и заставитъ ихъ быть болѣе умѣренными въ полемикѣ*». Таже самая мысль выражена еще яснѣе въ докладѣ коммиссіи. Источникъ проступковъ печати заключается въ честолюбіи; наказаніе за нихъ должно, поэтому, наносить ударъ именно честолюбію писателя. Онъ надѣялся пріобрѣсти извѣстность своими оппозиціонными статьями, проложить себѣ, съ помощью ихъ, дорогу въ законодательный корпусъ; такъ пускай же эта дорога будетъ закрыта ему судебнымъ приговоромъ, пускай же онъ будетъ наказанъ именно въ томъ, чѣмъ согрѣшилъ. Возражая противъ этой теоріи, Ж. Симонъ справедливо назвалъ ее возвращеніемъ къ тѣмъ временамъ, когда господствовалъ принципъ возмездія въ самой грубой своей формѣ: *око за око и зубъ за зубъ*. «Мы обязаны — замѣтилъ далѣе министръ — охранять чистоту всеобщей подачи голосовъ, мы обязаны заботиться о томъ, чтобы никто не являлся избирателемъ или избираемымъ *послѣ проступка или посредствомъ проступка!*» Эти слова возбудили въ палатѣ цѣлую бурю.—«Вы хотите присвоить себѣ контроль надъ всеобщей подачей голосовъ» — воскликнулъ Ж. Фавръ. «Такъ говорили въ національномъ конвентѣ» — прибавилъ Глэ-Бизуанъ. Пренія сохранили до конца бурный, возбужденный характеръ. Когда президентъ, подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, остановилъ Ж. Фавра, послѣдній отвѣчалъ ему:—«Я еще

не лишенъ политическихъ правъ; эта участь ожидаетъ меня только въ будущемъ». Оканчивая свою рѣчь, Ж. Фавръ напомнилъ, что правительства не вѣчны, что большинство въ свою очередь можетъ сдѣлаться меньшинствомъ и испытать на себѣ всю тяжесть постановленныхъ имъ законовъ. «Г. Фавръ—отвѣчалъ Руэ—говоритъ о непрочности правительствъ; она извѣстна ему по опыту» (Одобрительный смѣхъ на многихъ скамьяхъ). *Ж. Фавръ:* «Этотъ опытъ сдѣланъ и вами, съ тою только разницею, что вы переходили съ одной стороны на другую». Не смотря на всю свою находчивость, г. Руэ не могъ возразить ни слова на это восклицаніе Ж. Фавра. Статья закона, дозволявшая суду карать лишеніемъ политическихъ правъ каждый, даже первый проступокъ печати, была возвращена въ коммиссію, потому что правительство согласилось ограничить примѣненіе ея только случаями повторенія проступковъ. Въ этой новой формѣ она опять подверглась сильнымъ нападеніямъ со стороны оппозиціи и средней партіи, и была отвергнута большинствомъ 134 голосовъ противъ 72. Для правительства это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что въ защиту статьи говорили всѣ министры—Руэ, Пинаръ, Барошъ,—очевидно признававшіе ее однимъ изъ самыхъ важныхъ постановленій новаго закона.

VI.

Въ сравненіи съ системой административныхъ взысканій, всякое другое положеніе дѣлъ, подчиняющее печать одной судебной власти, представляется конечно существенной перемѣной къ лучшему; но это еще не значитъ, чтобы для печати было все равно, какому суду подвѣдомы дѣла о ея проступкахъ, какими формами, какими гарантіями обставлено ихъ производство. При извѣстныхъ условіяхъ, судебныя преслѣдованія могутъ обратиться въ орудіе тиранніи, сохраняющей только внѣшнія формы законности. Палатѣ прежде всего предстояло опредѣлить, должны ли дѣла о проступкахъ печати подлежать, наравнѣ съ другими дѣлами о проступкахъ, вѣдѣнію судовъ исправительной полиціи, или же рѣшеніе ихъ должно быть предоставлено суду присяжныхъ. Первый порядокъ существовалъ во время реставраціи [1]), второй—во время іюльской монархіи [2]) и февральской республики; въ 1852 г., проступки печати опять были отнесены къ предметамъ вѣдомства судовъ исправительной полиціи. Новый законъ о печати не отступаетъ, въ этомъ отношеніи, отъ декрета 17 февраля 1852 года.

---

[1]) За исключеніемъ короткаго промежутка времени между 1819 и 1822 г., въ продолженіе котораго дѣла печати были подвѣдомы суду присяжныхъ.

[2]) Сентябрьскіе законы 1835 г. установили, впрочемъ, для важнѣйшихъ проступковъ печати, спеціальную подсудность, предоставивъ разсмотрѣніе ихъ палатѣ перовъ.

Предложеніе оппозиціи подчинить всѣ дѣла о проступкахъ печати суду присяжныхъ было отвергнуто большинствомъ 199 голосовъ противъ 35; такой же участи подверглись и всѣ поправки средней партіи, предлагавшія создать для дѣлъ печати особый, спеціальный судъ присяжныхъ. Разсмотрѣніе преній, происходившихъ по этому предмету въ законодательномъ корпусѣ, завело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи; вопросъ, возбуждаемый ими, слишкомъ важенъ, чтобы можно было говорить о немъ мимоходомъ. Замѣтимъ только, что положеніе оппозиціи, требовавшей для печати суда присяжныхъ, было чрезвычайно затруднительно. Франція привыкла гордиться своей магистратурой, точно также какъ своимъ войскомъ; отозваться непочтительно о той или о другомъ, значитъ задѣть самую чувствительную струну національнаго самолюбія. Безпристрастіе и независимость магистратуры обратились какъ-бы въ аксіому, не требующую дальнѣйшей повѣрки. И дѣйствительно, было время, когда французскіе судьи были достойны своей славы. Не смотря на быструю смѣну правительствъ, судебное сословіе умѣло оберегать свою самостоятельность, свое спокойное отношеніе къ волненіямъ политической жизни. Правительство Наполеона III поставило себѣ задачей измѣнить это положеніе дѣлъ, и успѣло, по крайней мѣрѣ отчасти, достигнуть своей цѣли, назначая и повышая только людей послушныхъ и уступчивыхъ, систематически пользуясь всѣми средствами вліянія на судей, возвышая значеніе, расширяя власть публичнаго министерства. Эта перемѣна чувствуется всѣми, но упоминать о ней прямо и открыто все еще считается чуть не государственной измѣной. Оппозиція не остановилась, однако, передъ этимъ затрудненіемъ. Она объяснила, въ выраженіяхъ почтительныхъ, но твердыхъ, почему она не признаетъ коронныхъ судей достаточно безпристрастными для правильнаго рѣшенія дѣлъ о проступкахъ печати. Большинство и правительственные ораторы отвѣчали ей то взрывами негодованія, очевидно, заученнаго и искуственнаго, то статистическими данными, фактически невѣрными. Такъ напримѣръ, министръ юстиціи утверждалъ, что въ промежутокъ времени между 1852 и 1859 гг. по дѣламъ печати было больше оправданій, нежели осужденій; но Пелльтанъ доказалъ съ полною ясностью, что выводъ министра основанъ на смѣшеніи процессовъ политическихъ съ неполитическими, что изъ сорока судебныхъ преслѣдованій за политическіе проступки печати, возбужденныхъ съ 1852 по 1866 годъ, *ни одно* не окончилось оправданіемъ подсудимыхъ. Цифры, приведенныя Пелльтаномъ, были такъ неопровержимы, что министръ не возразилъ противъ нихъ ни одного слова.

Проигравъ вопросъ о судѣ присяжныхъ, оппозиція, поддерживаемая нѣкоторыми членами большинства, направила всѣ усилія къ тому, чтобы уменьшить неудобства, сопряженныя съ производствомъ дѣлъ

о проступкахъ печати въ судахъ исправительной полиціи. Она обратила вниманіе на личный составъ судебныхъ присутствій, разсматривающихъ дѣла печати. Какъ суды первой инстанціи, такъ и суды императорскіе (т. е. апелляціонные), раздѣляются на нѣсколько палатъ (chambres), соотвѣтствующихъ нашимъ департаментамъ судебной палаты или отдѣленіямъ окружнаго суда; въ одной изъ нихъ сосредоточиваются дѣла о проступкахъ печати. Очевидно, что въ интересахъ правосудія личный составъ этой палаты долженъ быть опредѣляемъ совершенно независимо отъ всякаго административнаго вліянія. До 1820 г., судьи переходили изъ одной палаты въ другую по-очереди. Въ 1820 г., ежегодное распредѣленіе судей по палатамъ было поручено особому собранію, состоявшему изъ президента, вице-президентовъ и старшихъ членовъ суда, по одному отъ каждой палаты; представитель публичнаго министерства могъ дѣлать замѣчанія по поводу распредѣленія, но не принималъ въ немъ никакого активнаго участія. Въ 1859 г., этотъ порядокъ былъ замѣненъ другимъ; распредѣленіе судей было предоставлено усмотрѣнію президента и прокурора, съ тѣмъ, чтобы составленный ими списокъ былъ представляемъ на утвержденіе министра юстиціи. Другими словами, выборъ судей для производства тѣхъ или другихъ уголовныхъ дѣлъ отданъ, de facto, въ руки административной власти; отъ нея зависитъ, по истеченіи каждаго года, удалить судей, которые не оправдали ея ожиданій, — т. е. перевести ихъ въ одну изъ гражданскихъ палатъ, — и замѣнить ихъ другими, болѣе благонадежными. Понятно, съ какими опасностями сопряжено такое положеніе дѣлъ, въ особенности для процессовъ печати. Попытка возвратиться къ прежнему порядку вещей была сдѣлана Беррье, котораго никто не заподозритъ въ систематической враждѣ, систематическомъ недовѣріи къ магистратурѣ. Его полувѣковая адвокатская дѣятельность дала ему возможность, лучше чѣмъ кому бы то ни было другому, оцѣнить всѣ хорошія стороны французскихъ судовъ и судей, установила между ними тѣсную связь, которую не могутъ разрушить никакія разочарованія. Предлагая очередной переходъ судей изъ одной палаты въ другую, Беррье руководствовался, можетъ быть, не столько желаніемъ оградить интересы печати, сколько желаніемъ поддержать упадающее достоинство магистратуры. Его спокойная, но глубоко прочувствованная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на палату. Чтобы изгладить это впечатлѣніе, министръ юстиціи прибѣгнулъ къ обычнымъ фразамъ о репутаціи французскихъ судей, стоящей выше всякаго подозрѣнія, о злонамѣренной клеветѣ, распространяемой врагами магистратуры, и т. п. Онъ спросилъ Беррье, извѣстенъ ли ему хотя одинъ фактъ, возбуждающій сомнѣніе въ независимости судей. Беррье, выведенный изъ себя беззастѣнчивостью министра, напомнилъ, что изъ числа восьми судей, предсѣдательствовавшихъ, съ 1859 по

1866 годъ, въ той палатѣ парижскаго окружнаго суда, гдѣ разсматриваются дѣла о проступкахъ печати, шестеро были переведены, въ видѣ награды, на высшія судебныя должности. Эти слова Беррье подали поводъ къ одной изъ самыхъ бурныхъ сценъ, когда-либо происходившихъ въ законодательномъ корпусѣ.—«Я надѣялся и прежде— воскликнулъ, въ заключеніе ея, Барошъ, обращаясь къ членамъ большинства — что вы отвергнете поправку г. Беррье; но теперь, послѣ оскорбленія, нанесеннаго магистратурѣ, я въ этомъ больше не сомнѣваюсь». Разсчетъ министра оказался вѣрнымъ; палата, сначала склонявшаяся на сторону Беррье, отвергла его поправку большинствомъ 175 голосовъ противъ 48.

Декретъ 17 февраля 1852 г. запретилъ печатаніе судебныхъ преній по дѣламъ печати. Оппозиція предложила совершенную отмѣну этого запрещенія; средняя партія, останавливаясь на полъ-дорогѣ, хотѣла по крайней мѣрѣ предоставить суду, въ отношеніи къ дѣламъ печати, тоже самое право, которымъ онъ пользуется (также съ 1852 г.) по всѣмъ другимъ дѣламъ, т. е. право дозволять или запрещать, по своему усмотрѣнію, печатаніе преній. Обѣ поправки были отвергнуты палатой (первая большинствомъ 204 голосовъ противъ 30, вторая — большинствомъ 164 голосовъ противъ 58); запрещеніе публиковать пренія по дѣламъ печати осталось въ полной силѣ, безъ всякаго ограниченія или смягченія. Отстаивая существующій порядокъ вещей, правительственные ораторы — Пинаръ и Матьё — ссылались на вредъ, сопряженный съ оглашеніемъ преслѣдуемой журнальной статьи, на соблазнъ, возбуждаемый ея защитой; они утверждали, что производство дѣлъ о проступкахъ печати нельзя назвать негласнымъ, потому что къ слушанію ихъ допускаются постороннія лица. Не трудно замѣтить, что отсюда только одинъ шагъ до совершеннаго отрицанія гласности, до возвращенія къ канцелярской тайнѣ и письменному судопроизводству. Если присутствіе публики въ залѣ засѣданія составляетъ достаточную гарантію гласности по дѣламъ печати, то почему бы не ограничиться ею и по всѣмъ другимъ дѣламъ, почему бы не запретить безусловно печатаніе всѣхъ вообще судебныхъ преній? Если чтеніе защитительныхъ рѣчей, произнесенныхъ по дѣламъ печати, опасно для общественной нравственности или для общественнаго спокойствія, то почему бы не признать опаснымъ и чтеніе защитительныхъ рѣчей, произнесенныхъ по дѣламъ объ убійствахъ, о поджогахъ, о кражахъ? Аргументація Матьё и Пинара похожа, какъ двѣ капли воды, на тѣ жалкіе софизмы, которыми еще недавно—лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи, лѣтъ десять тому назадъ у насъ въ Россіи — старались доказать весь вредъ гласнаго судопроизводства. Но въ этихъ софизмахъ было, по крайней мѣрѣ, достоинство логичности, послѣдовательности, котораго лишены французскіе консерваторы; они были направ-

лены противъ цѣлой системы, а не противъ примѣненія ея къ одной отрасли проступковъ. Публичность судебнаго засѣданія никогда и нигдѣ не можетъ замѣнить оглашенія судебныхъ преній путемъ печати; но всего менѣе возможна такая замѣна именно въ Парижѣ, вслѣдствіе тѣсноты судебныхъ помѣщеній, полицейскихъ мѣръ предосторожности противъ переполненія ихъ и щедрой раздачи такъ называемыхъ billets de faveur, достающихся, въ случаяхъ особенно важныхъ, преимущественно знакомымъ президента, т. е. лицамъ благонадежнымъ. Можно сказать утвердительно, что до тѣхъ поръ, пока запрещена публикація преній по дѣламъ печати, производство этихъ дѣлъ находится внѣ контроля общественнаго мнѣнія, и полезная сторона гласности для нихъ вовсе не существуетъ.

Для вчинанія дѣлъ о проступкахъ печати установленъ закономъ трехлѣтній срокъ давности. Оппозиція предложила сократить его до трехъ мѣсяцевъ. Предложеніе это было отвергнуто палатой, хотя его мотивы были какъ нельзя болѣе уважительны. Установленіе продолжительныхъ сроковъ уголовной давности необходимо тамъ, гдѣ могутъ встрѣтиться затрудненія въ обнаруженіи проступка или открытіи преступника; но проступки печати обнаруживаются тотчасъ же послѣ совершенія ихъ, такъ какъ каждое повременное изданіе должно быть представляемо, въ самый моментъ обнародованія его, префекту, субпрефекту или меру. Виновники проступка также не могутъ оставаться неизвѣстными, потому что подъ каждой журнальной статьей есть подпись автора ея, подъ каждымъ повременнымъ изданіемъ — подпись отвѣтственнаго редактора. Съ другой стороны, преслѣдованіе журнальной статьи справедливо только въ самое первое время послѣ ея появленія, потому что слова, невинныя и безвредныя сегодня, завтра могутъ пріобрѣсти характеръ проступка, потому что судъ надъ проступкомъ печати долженъ, по возможности, происходить при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ совершенъ проступокъ. На практикѣ почти не бываетъ примѣра, чтобы преслѣдованіе за проступокъ печати было возбуждаемо болѣе чѣмъ мѣсяцъ спустя послѣ появленія преслѣдуемой статьи. Для чего же нуженъ правительству продолжительный срокъ давности по дѣламъ печати? На этотъ вопросъ коммиссія отвѣчала довольно откровенно. Она объяснила, что возможность возбужденія преслѣдованія за статьи, напечатанныя передъ тѣмъ за два, за три года, представляется для правительства весьма удобнымъ орудіемъ противъ журнала, продолжающаго навлекать на себя его неудовольствіе. Другими словами, журналъ, непріятный для правительства, во всякое время можетъ быть поставленъ въ необходимость покориться, сотворить дѣла достойныя покаянія—или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ судебнаго преслѣдованія за статью, давно забытую и обществомъ, и редакціей, и самимъ авторомъ. У правительства была, по-

видимому, еще другая цѣль, которой оно не рѣшилось высказать; оно надѣялось прекратить оппозиціоннымъ журналистамъ доступъ въ депутаты, выжидая, для судебнаго преслѣдованія ихъ, именно времени производства выборовъ въ законодательный корпусъ. Этотъ разсчетъ не удался, потому что палата, какъ мы уже знаемъ, исключила потерю политическихъ правъ изъ числа наказаній, налагаемыхъ за проступки печати.

По общему правилу уголовнаго судопроизводства, исполненіе приговора не можетъ предшествовать вступленію его въ законную силу. Проектъ закона о печати содержалъ въ себѣ отступленіе отъ этого правила, допуская немедленное исполненіе приговора, постановленнаго судомъ первой инстанціи и подлежавшаго обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ, если этимъ приговоромъ заключено пріостановить или прекратить изданіе журнала. Противъ этого нововведенія, неслыханнаго въ лѣтописяхъ французскаго законодательства, возстало даже послушное большинство палаты, и законъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что осужденному дано право остановить исполненіе приговора, обжаловавъ его въ двадцать четыре часа со времени объявленія. Стѣсненіе правъ защиты, такимъ образомъ, только уменьшено, а не уничтожено, и уменьшено въ самой незначительной степени; предложеніе отсрочить исполненіе до истеченія трехъ сутокъ со дня объявленія приговора не было принято большинствомъ палаты. Чѣмъ же объясняется это нетерпѣніе, это желаніе исполнить какъ можно скорѣе приговоръ, состоявшійся надъ журналомъ? Ничѣмъ другимъ, какъ стремленіемъ нанести журналу матеріальный вредъ, ничѣмъ невознаградимый. Положимъ, что приговоръ суда первой степени, которымъ пріостановлено изданіе журнала, будетъ отмѣненъ высшимъ судомъ; кто же возмѣститъ журналу всѣ убытки, понесенные имъ черезъ предварительное исполненіе приговора? — Понятно, что возможность карать журналы не только въ случаѣ осужденія, но и въ случаѣ оправданія ихъ, представляла много привлекательнаго для враговъ печати, и что они отказались отъ нея не вполнѣ и неохотно.

VII.

Новый законъ о печати оставилъ безъ измѣненія всю систему постановленій, опредѣляющихъ свойство и сущность проступковъ печати. Въ этихъ постановленіяхъ, изданныхъ при разныхъ условіяхъ и въ разное время, заключается богатый арсеналъ орудій противъ печати. Неясность опредѣленій даетъ возможность подвести подъ дѣйствіе закона чуть ли не каждое слово, относящееся къ вопросамъ политики, нравственности, религіи, соціальнаго устройства. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, туманнѣе и эластичнѣе словъ: «возбужденіе нена-

висти и презрѣнія къ правительству», «оскорбленіе практической и религіозной нравственности» (outrage à la morale pratique et religieuse)? Справедливо ли, съ другой стороны, наказывать журналъ за сообщеніе ложныхъ извѣстій, хотя бы онъ и былъ убѣжденъ въ ихъ достовѣрности, хотя бы распространеніе ихъ не имѣло и не могло имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій? Оппозиція пыталась устранить эти несообразности, попытки ея остались безъ успѣха. Эмиль Олливье пошелъ еще дальше; слѣдуя теоріи своего друга Эмиля Жирардена, онъ предложилъ провозгласить полную ненаказуемость печатнаго слова, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда оно употребляется какъ орудіе для оскорбленія или оклеветанія частныхъ лицъ, или для прямого подстрекательства къ дѣйствіямъ, запрещеннымъ общими уголовными законами. Нѣчто въ этомъ родѣ предложилъ и бонапартистъ Бельмонте. Само собою разумѣется, что оба предложенія были отвергнуты палатой почти безъ преній. Самый горячій споръ возникъ по поводу правила, запрещающаго всякое неоффиціальное сообщеніе, всякую неоффиціальную передачу преній законодательнаго корпуса. Прежде каждая газета, печатала свой отчетъ о преніяхъ палатъ, отчетъ бо́льшею частью неполный и пристрастный, составленный въ духѣ той партіи, органомъ которой служила газета. Конституція 1852 г. положила конецъ этому порядку вещей, дозволивъ печатаніе только одного оффиціальнаго отчета о преніяхъ законодательнаго корпуса. Сенатское постановленіе 2 февраля 1861 г., состоявшееся вслѣдствіе декретовъ 24 ноября 1860 г., допустило составленіе двухъ отчетовъ, одинаково, впрочемъ, оффиціальныхъ: одного — полнаго, стенографическаго, цѣликомъ печатаемаго въ «Монитёрѣ», другого — нѣсколько сокращеннаго (compte-rendu analytique). Отъ газетъ зависитъ избраніе того или другого изъ этихъ отчетовъ; бо́льшею частью онѣ ограничиваются печатаніемъ второго, потому что первый занимаетъ слишкомъ много мѣста. Всякій другой отчетъ, кромѣ оффиціальныхъ, остается запрещеннымъ подъ страхомъ строгаго наказанія; но право *обсуждать* пренія не отнято у журналовъ. Отсюда проистекаетъ слѣдующее затрудненіе: обсуждать пренія почти невозможно, не сообщивъ предварительно, въ главныхъ чертахъ, ихъ содержаніе. Между тѣмъ, всякое сообщеніе этого рода можетъ быть признано неоффиціальнымъ отчетомъ и подать поводъ къ судебному преслѣдованію. Для газетъ, такимъ образомъ, устроена ловушка (traquenard, какъ выразился одинъ изъ членовъ оппозиціи), въ которую онѣ не могутъ не попадаться, и которою администрація пользуется каждый разъ, когда считаетъ это для себя полезнымъ. Когда пренія идутъ о предметахъ второстепенной важности, когда журналистика, по какой бы то ни было причинѣ, говоритъ о нихъ умѣренно и безстрастно, тогда никто не мѣшаетъ ей передавать своими словами содержаніе преній, лишь бы

только рядомъ съ этимъ былъ напечатанъ и оффиціальный отчетъ. Но когда полемика внутри и внѣ палаты принимаетъ болѣе ожесточенный, болѣе бурный характеръ, правительство спѣшитъ произнести свое *Quos ego*, напомнивъ, посредствомъ «Монитёра», что всякая неоффиціальная передача преній можетъ подвергнуть виновныхъ судебному преслѣдованію. Если это напоминаніе оказывается недѣйствительнымъ, то угроза приводится въ исполненіе, иногда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, во время преній о военномъ законѣ, *семнадцать* парижскихъ журналовъ — въ томъ числѣ, для приличія, и нѣсколько оффиціозныхъ—были преданы суду, въ одинъ и тотъ же день, за неоффиціальное сообщеніе преній законодательнаго корпуса. Противъ семи журналовъ преслѣдованіе было прекращено обвинительною властью, но остальные десять были присуждены къ уплатѣ штрафа, каждый по тысячѣ франковъ. Основаніемъ осужденія послужили передовыя статьи, въ которыхъ были приведены отрывки изъ преній, или передано содержаніе той или другой рѣчи, какъ исходная точка для полемики противъ выраженныхъ въ ней мнѣній. Послѣ этого ни одинъ журналъ, говорящій о преніяхъ законодательнаго корпуса, не могъ считать себя обезпеченнымъ противъ судебнаго преслѣдованія и приговора, и либеральныя газеты, какъ бы по безмолвному соглашенію, прекратили почти совершенно обсужденіе преній. Разбирать, а въ случаѣ надобности и цитировать ихъ продолжали только правительственныя газеты, заранѣе увѣренныя въ безнаказанности. Чтобы устранить такое ненормальное положеніе дѣлъ, оппозиція и средняя партія предложили разрѣшить журналамъ передавать, въ какой угодно формѣ, содержаніе преній, оффиціальное изложеніе которыхъ напечатано въ томъ же или въ одномъ изъ предшествующихъ нумеровъ журнала. Противъ этого предложенія говорилъ, и притомъ нѣсколько разъ, самъ государственный министръ, доказывая этимъ, какъ дорого для правительства сохраненіе status quo, доставляющаго ему постоянно готовый матеріалъ для преслѣдованія всей оппозиціонной прессы. Большинство, какъ всегда, исполнило волю государственнаго министра: за поправку, предложенную Э. Олливье, подали голосъ только 66, за поправку, предложенную Даримономъ — только 62 депутата. Вопросъ о томъ, гдѣ оканчивается сообщеніе и гдѣ начинается обсужденіе, остался для французской печати, по удачному выраженію Тьера, чѣмъ-то въ родѣ сфинкса, пожирающаго всѣхъ, кто не разгадалъ предложенную имъ загадку.

VIII.

Отмѣняя систему административныхъ взысканій въ отношеніи къ французской прессѣ, новый законъ о печати сохраняетъ ее, и притомъ въ самой первобытной, грубой ея формѣ, для иностранныхъ

журналовъ. Администрація удерживаетъ за собою безусловное право допускать или не допускать ихъ въ предѣлы французскаго государства, уничтожать каждый отдѣльный номеръ журналя, содержащій въ себѣ что-нибудь для нея непріятное, пріостанавливать или прекращать раздачу журнала его французскимъ подписчикамъ. Извѣстно, что даже русскія газеты испытываютъ на себѣ строгость французской цензуры; судя по этому, нетрудно составить себѣ понятіе о ея образѣ дѣйствій въ отношеніи къ газетамъ англійскимъ, нѣмецкимъ и въ особенности французскимъ, выходящимъ внѣ предѣловъ Франціи (въ Бельгіи, въ Швейцаріи). «Indépendance Belge» часто не раздается въ Парижѣ по цѣлымъ недѣлямъ. За тайный привозъ во Францію хотя бы одного экземпляра иностранной газеты опредѣлены закономъ строгія наказанія. Такъ напримѣръ, одинъ французъ, возвращавшійся, въ февралѣ нынѣшняго года, изъ Брюсселя въ Парижъ, черезъ Лилль, былъ задержанъ на границѣ за то, что у него въ карманѣ нашли одинъ номеръ газеты «Etoile Belge», отправленъ въ Лилль и подвергнутъ, по рѣшенію тамошняго суда, тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ. Въ защиту существующаго порядка вещей приводится обыкновенно тотъ аргументъ, что иностранные журналы не могутъ быть подчинены французскому суду, и слѣдовательно должны оставаться подъ властью администраціи. Но этотъ аргументъ совершенно невѣренъ; стóитъ только припомнить, что въ Пруссіи уничтоженіе отдѣльнаго номера иностранной газеты допускается не иначе, какъ по судебному приговору, а совершенное запрещеніе газеты—не иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ приговоровъ этого рода. Какъ бы то ни было, французская администрація не хочетъ и слышать объ ограниченіи своей произвольной власти надъ иностранными журналами. Поправка Гарнье-Пажеса, предлагавшая открыть свободный доступъ во Францію всѣмъ журналамъ, выходящимъ за границей, поправка Жаваля, предлагавшая предоставить это право по крайней мѣрѣ газетамъ, издаваемымъ не на французскомъ языкѣ, были оспариваемы правительствомъ съ одинаковою настойчивостью, и обѣ отвергнуты палатой.

Французскій законъ запрещаетъ обвиняемому въ диффамаціи доказывать справедливость фактовъ, имъ приведенныхъ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано только для обвиненій, взводимыхъ на чиновниковъ, по поводу исправленія ими обязанностей службы; но справедливость такихъ обвиненій можетъ быть доказываема только письменными документами, которыми обвинитель, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, конечно не располагаетъ. Оппозиція предложила допустить, въ дѣлахъ этого рода, доказательство истины посредствомъ свидѣтелей; но предложеніе ея было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Таже участь постигла и поправку Беррье, предлагавшаго поставить на одинъ уровень съ чиновниками администра-

торовъ и директоровъ акціонерныхъ обществъ, злоупотребленія которыхъ, благодаря закону о диффамаціи, не могутъ быть изобличаемы печатью. Большинство законодательнаго корпуса не ограничилось сохраненіемъ въ силѣ дѣйствующихъ постановленій о диффамаціи: оно предложило и провело новую статью закона, запрещающую, подъ страхомъ денежнаго штрафа, всякое оглашеніе фактовъ, относящихся къ частной жизни (toute publication relative à un fait de la vie privée)! На основаніи этой статьи, можно будетъ преслѣдовать газету (конечно не иначе какъ по жалобѣ частнаго лица), сообщившую о чьемъ-нибудь пріѣздѣ или отъѣздѣ, о вечерѣ, гдѣ-нибудь данномъ, о вещи, кѣмъ-нибудь купленной, и такъ далѣе до безконечности. Всякое неосторожное слово, сказанное безъ злого намѣренія и не содержащее въ себѣ рѣшительно ничего оскорбительнаго, можетъ обойтись журналу въ 500 франковъ, не считая судебныхъ издержекъ. Таковъ единственный подарокъ, сдѣланный большинствомъ законодательнаго корпуса французской печати.

Итакъ, новый законъ о печати не обѣщаетъ французской прессѣ ни безмятежнаго существованія, ни спокойнаго, безпрепятственнаго движенія впередъ, по гладкой, торной дорогѣ. Она будетъ окружена затрудненіями и опасностями всякаго рода, связана самыми разнообразными узами, поставлена внѣ покровительства общихъ законовъ. Множество силъ будетъ тратиться понапрасну, множество трудовъ — оставаться безплодными. Но свобода, какъ бы она ни была ограничена,—все-таки свобода, т. е. возможность жизни, дѣятельности, развитія. Поворотъ къ лучшему, совершившійся въ французской журналистикѣ еще во время господства системы административныхъ взысканій, служитъ ручательствомъ за то, что она съумѣетъ воспользоваться всѣми хорошими сторонами новаго закона. Время покажетъ, можетъ быть, что отъ стѣснительныхъ постановленій этого закона правительство пострадаетъ больше, чѣмъ пресса, освобожденная настолько, чтобы расширить кругъ своихъ дѣйствій, но не настолько, чтобы примириться съ существующимъ порядкомъ вещей, съ господствующей правительственной системой.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ТЕАТРЪ.

ЭМИЛЬ ОЖЬЕ И РЕАЛИЗМЪ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ.

«Реализмъ», какъ извѣстное направленіе искусства вообще, и драматическаго въ особенности, вызываетъ самые противоположные взгляды и оцѣнку. Но весь вопросъ въ томъ, какъ реалистическій драматургъ относится къ окружающей его дѣйствительности; довольствуется ли онъ, такъ сказать, фотографіею ея, или у него оказывается на столько творческой силы и таланта, чтобы употребить самое сходство для возбужденія въ обществѣ мысли о томъ, какъ его физіономія мало походитъ на то, чѣмъ ей слѣдуетъ быть. Что́ бы ни говорили о современной драмѣ во Франціи, гдѣ недавно реализмъ вытѣснилъ такъ-называемую школу «здраваго смысла», гордившуюся именемъ Понсара, но, во всякомъ случаѣ, во Франціи реализмъ нашелъ себѣ представителей, въ лицѣ которыхъ вполнѣ выяснился характеръ и значеніе новаго направленія. Правда, въ реалистической современной драматургіи никто не господствуетъ такъ исключительно и всецѣло, какъ Понсаръ царилъ въ предшествовавшую эпоху «здраваго смысла»; нѣсколько именъ выдаются впередъ и раздѣляютъ между собою общественное мнѣніе и симпатіи: Александръ Дюма (сынъ), Октавъ Фелье́, Барьеръ, Викторіенъ Сарду и, наконецъ, Эмиль Ожье́ — вотъ имена, которыя первенствуютъ на сценѣ,—хотя, правда, на долю Октава Фелье́ приходится весьма незначительная область въ царствѣ реалистической драматургіи, а Александръ Дюма ограничилъ себя въ цѣломъ обществѣ извѣстною его частью, взялся за разработку одной его стороны, впрочемъ довольно значительной въ современной Франціи и фигурирующей подъ извѣстнымъ именемъ «полусвѣта» (demi-monde). Гораздо болѣе единства, законченности и цѣльности представляютъ остальные три драматурга, а именно Барьеръ, В. Сарду и Э. Ожье́. Оттого въ ихъ недовольствѣ современнымъ обществомъ несравненно болѣе искренности, ироніи, отвращенія къ сдѣлкамъ. Но ни у кого эти качества не проникаютъ такъ глубоко въ цѣлое произведеніе, какъ у Ожье́; въ произведеніяхъ В. Сарду насмѣшка, иронія, являются остроумною приправою къ дѣйствію, которое весьма часто ведется неудачно; у Барьера тоже самое выражается въ однихъ страстныхъ порывахъ дурно скрытой злобы, въ мгновенныхъ вспышкахъ, хотя и искренняго негодованія, но быстро охладѣвающаго. Напротивъ, у Ожье́ реальное отношеніе искусства къ обществу составляетъ задачу цѣлаго произведе-

нія, для него сочинена вся «фабула», завязка и развязка драмы; — вотъ почему мы останавливаемся на Ожьé, какъ на самомъ полномъ представителѣ реализма современной драматургіи во Франціи, по стопамъ которой, можно сказать, слѣдуетъ и вообще вся современная драматургія.

Талантъ Ожьé народился въ эпоху исключительнаго преобладанія и торжества драматической школы «здраваго смысла», когда волею-неволею всѣ начинавшіе должны были выходить путемъ, проложеннымъ руками Понсара. Молодой Ожьé подчинился требованіямъ того времени и дебютировалъ небольшой пьеской *«la Ciguë,»* съ сюжетомъ изъ греческой жизни — необходимый паспортъ для успѣха въ обществѣ. Почти вслѣдъ за тѣмъ, Ожьé сдѣлалъ попытку къ самостоятельности и перешелъ къ дѣйствительной жизни, но не имѣлъ успѣха. Тогда Ожьé удалился въ область чистой фантазіи, и написалъ одно изъ своихъ удачныхъ произведеній: *«l'Aventurière»*, — пьесу, дѣйствіе которой происходитъ неизвѣстно гдѣ и когда, въ XV или XIX вѣкѣ. Не смотря на весь потраченный авторомъ талантъ, эта пьеса не представляла значительнаго шага впередъ, и характеръ ея остался неопредѣленнымъ. За тѣмъ слѣдуетъ опять нѣсколько произведеній, сюжеты которыхъ заимствованы попеременно то изъ дѣйствительной жизни, то изъ фантазіи и греческаго міра. Къ этой нерѣшительной, неопредѣленной эпохѣ принадлежатъ: *«l'Homme de bien»*, *«Joueur de flûte»* и большая неожиданная пьеса, проводившая банальную мораль и воспѣвавшая добродѣтель буржуазіи: *«Gabrielle»*. Все въ этой пьесѣ было фальшиво, и характеры, и описанія страстей и нѣжныя чувства, но не смотря на то, пьеса имѣла большой успѣхъ. Еслибы въ то время у кого нибудь спросили, какого рода талантомъ обладаетъ Эмиль Ожьé, врядъ ли бы кто нибудь взялся отвѣтить. Въ его дѣятельности замѣтно колебаніе; онъ бросается туда и сюда, затрогиваетъ всѣ стороны своего таланта и упорно уклоняется отъ того направленія, въ смыслѣ котораго у него были написаны лучшія сцены. Ему справедливо дѣлали вопросъ, отчего онъ не хочетъ выказать себя такимъ какъ онъ есть, зачѣмъ онъ умышленно уклоняется отъ своей природы, и не ищетъ успѣха въ своей оригинальности. Ему дѣлали упрекъ въ недостаткѣ смѣлости, и приписывали причину этого — боязни повредить своему успѣху, для котораго нужно было еще слѣдовать за общимъ теченіемъ, а реализмъ не былъ еще тогда въ «модѣ», не сдѣлался господствующимъ направленіемъ. «Его произведенія (первыя) говоритъ извѣстный критикъ, Эмиль Монтегю, достаточно обличаютъ колебанія человѣка, желающаго показаться не тѣмъ, что́ онъ есть, и которому его истинная натура не измѣняетъ, на зло его же усиліямъ. Рядомъ съ свѣжею и сильною тирадою, у Ожьé является тирада полная поэтическихъ претензій и сантиментальныхъ нѣжностей, которыя вдругъ

заступаютъ мѣсто простого языка, гдѣ авторъ такъ хорошъ; ложное и искусственное примѣшивается къ простому и естественному; чувствуешь, что поэтъ истощается въ несчастномъ стараніи дать ложное направленіе своей богатой натурѣ и испортить дѣйствительный талантъ.... Онъ обладаетъ самыми счастливыми дарами, и вотъ пятнадцать лѣтъ, какъ онъ прилагаетъ всѣ свои силы, чтобы заставить ихъ принести такіе плоды и цвѣты, для которыхъ у нихъ нѣтъ зародыша. Такъ, онъ умѣетъ шутить, и умъ его естественно насмѣшливъ; но комическая черта, которую онъ бросаетъ съ такою ловкостью, ему недостаточна, ему зачѣмъ-то нужно ее заострить, утончить, округлить. Черта первоначально обладала большою силою, онъ думаетъ улучшить, дѣлая ее только остроумною. Его главное качество, это—веселье, веселье откровенное и хорошаго свойства; въ иномъ мѣстѣ его охотно принимаешь за правнука Реньяра или даже Мольера, и вдругъ онъ падаетъ въ натяжки и въ какую-то искусственную утонченность.» Эти слова какъ нельзя болѣе вѣрно рисуютъ характеръ, если можно такъ выразиться, первой манеры Ожье́, когда онъ не понималъ еще, умышленно или искренно, своего настоящаго призванія. Комедіи его, не смотря на присутствіе ума, жизни, сильнаго и мѣткаго языка, не смотря на попадавшіяся мастерскія сцены, въ цѣломъ представляли что-то недоконченное, недосказанное, вялое. Въ нихъ не было не только оригинальности, но не было даже той своеобразной манеры, которая присуща всякому, болѣе или менѣе талантливому, автору. Вслѣдствіе насилованія, которое онъ дѣлалъ своему таланту, его реальныя комедіи стоятъ ниже его фантастическихъ произведеній, у которыхъ была по крайней мѣрѣ цѣльность. Вотъ почему, не смотря на всѣ данныя, которыя были у Ожье́ для того, чтобы заслужить имя комическаго поэта, ему отказывали въ этомъ и отказывали справедливо. Комедія имѣетъ своимъ назначеніемъ изображать дѣйствительную жизнь, и потому имя комическаго поэта нельзя было дать писателю, который, не смотря на реальное направленіе своего таланта, всегда болѣе счастливо вдохновлялся фантазіею, почерпнутою изъ прошедшаго, чѣмъ изображеніемъ пороковъ и тѣхъ смѣшныхъ сторонъ, на которыя мы наталкиваемся каждый день. Эмиль Ожье́, если онъ хотѣлъ сдѣлаться комическимъ поэтомъ, долженъ былъ оставить фантазію и отдаться наблюденію дѣйствительности, такъ какъ «самая остроумная фантазія, самый колоритный стиль никогда не замѣнятъ для комическаго поэта изученія и представленія дѣйствительности, потому что комедія ею только и живетъ» [1]). Это мнѣніе высказывалъ въ 1851 году суровый и часто несправедливый критикъ сороковыхъ годовъ, Густавъ Планшъ, и съ тѣхъ поръ, за немногими промахами, Ожье́, точно послушавшись

---

[1]) Portraits littéraires, par Gustave Planche. T. II, p. 255.

совѣта, вступилъ на настоящую свою дорогу и понялъ, что языкъ, который болѣе всего подходитъ къ его здоровому уму—это сильная проза, простая, естественная рѣчь, безъ нѣжности, скорѣе даже нѣсколько рѣзкая, которая одна способна передать его саркастическую мысль. Ему до такой степени удалось отбросить свой искусственный языкъ, свою притворную мягкость, что современные критики упрекаютъ его теперь уже въ слишкомъ большой рѣзкости, какъ прежде упрекали въ излишней нѣжности. Ему говорятъ, что языкъ его потерялъ ровность, сдѣлался иногда вульгарнымъ; но нужно спросить, можетъ ли современный драматургъ, пишущій съ натуры, всегда избѣгнуть того, когда на улицѣ, въ салонѣ онъ только и слышитъ эту испорченную рѣчь, въ которую слишкомъ часто замѣшивается «argot».

Вооружившись твердымъ, нѣсколько рѣзкимъ языкомъ, оставивъ фантазію и углубившись въ дѣйствительность, онъ взялъ, какъ модель для своихъ произведеній, все современное общество со всѣми его слабостями и пороками, и написалъ нѣсколько комедій, которыя далеко отстоятъ отъ его первыхъ произведеній. Смѣло написанная пьеса *«le Mariage d'Olympe»*, о которой мы будемъ еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ, *«le Gendre de M. Poirier»* и *«les Lionnes pauvres»*—были первымъ и большимъ успѣхомъ съ тѣхъ поръ, какъ Ожье́ рѣшительно и твердо перешелъ на сторону реализма. Но успѣхъ двухъ послѣднихъ произведеній принадлежалъ ему только на половину; они были написаны въ сотрудничествѣ съ другими авторами, изъ которыхъ одинъ былъ даровитый писатель Жюль Сандо́. Впрочемъ, сколько таланта ни показалъ Ожье́ во всѣхъ этихъ комедіяхъ, однако никто бы ему еще не рѣшился дать послѣ нихъ того мѣста, которое онъ занимаетъ теперь. Рѣшительный день, рѣшительная побѣда была для него еще впереди. Полная зрѣлость его таланта проявилась въ послѣдующихъ его комедіяхъ: *«les Effrontés»*, *«le fils de Giboyer»*, и наконецъ (впрочемъ эта пьеса не имѣла сравнительно большого успѣха), въ его послѣднемъ произведеніи *«la Contagion»*. Но мы далеки отъ безусловнаго поклоненія предъ этими послѣдними произведеніями репертуара Ожье́. Для настоящей комедіи мало схватывать на-лету одни наружныя, бросающіяся въ глаза стороны общественной жизни и ограничиваться ихъ поверхностнымъ изображеніемъ, мало еще одного выраженнаго презрѣнія къ тому или другому явленію; чтобы комедія осталась, пережила одинъ какой-нибудь моментъ, необходимо углубиться въ самыя сокровенныя тайны общества, освѣтить его темныя, больныя мѣста, создать такой типъ, такой характеръ, который заключалъ бы въ себѣ, помимо наносныхъ, проходящихъ, принадлежащихъ одному только дню, мѣсяцу или году чертъ, — всѣ тѣ вѣчныя, присущія вообще человѣку свойства, качества, чувства, которыя не исчезали бы съ такою же быстротою, съ какою исчезнетъ сегод-

няшній снѣгъ отъ перваго солнечнаго луча; но этого-то, именно, мы и не найдемъ въ произведеніяхъ Ожье́. Къ сожалѣнію, въ нихъ слишкомъ много такого, что черезъ какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ потеряетъ всякій интересъ, и выведенные имъ характеры сдѣлаются намъ почти также чужды, какъ чужды теперь уже добродѣтельные офицеры или полковники Скриба и приторно-сладкія фигуры Мариво́.

До сихъ поръ, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, Ожье́ не столько заглядываетъ въ душу человѣка, не столько занимается созданіемъ типа, сколько нападеніемъ, бичеваніемъ, *сатирою* современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, его «*les Effrontés*», его «*Fils de Giboyer*», его наконецъ «*Contagion*», могутъ ли они, строго говоря, быть названы комедіями? Есть ли въ нихъ та сила, которая необходима, чтобы придать изображаемымъ имъ уродливостямъ, глупостямъ, порокамъ такую солидность, такой рельефъ, такую каменную выпуклость, чтобы по нимъ могли пройти вѣка, и все-таки не изгладить, не стереть начертаннаго? Обладаютъ ли его черты такою живучестью, чтобы они могли пережить всевозможныя политическіе и соціальные перевороты, коренное измѣненіе нравовъ, обычаевъ, вкуса общества? Воплощаются ли всѣ изображаемыя имъ глупости, уродливости и пороки до такой степени въ его герояхъ, чтобы имена ихъ дѣлались тожественными съ именами этихъ уродливостей и пороковъ? Будетъ ли отнынѣ называться типъ продажнаго писаки именемъ *Giboyer*, великосвѣтскаго мошенника—именемъ *d'Estrigaud*, какъ скупецъ зовется *Арпагономъ*, ревнивецъ—*Отелло*, иппокритъ—*Тартюфомъ*; какъ страстно влюбленный зовется *Ромео?* Если этого нельзя сказать, если авторъ ограничивается изображеніемъ той формы пороковъ и уродливостей, которые сотрутся даже мѣсяцами, годами, а не столѣтіями, тогда его трудъ исчезнетъ вмѣстѣ съ своей минутой, съ своими обстоятельствами. Такой авторъ, какъ Ожье́, можетъ написать прекрасную сатиру, но никогда хорошей комедіи. А Ожье́ именно и бьетъ на сатиру; сатира составляетъ главное, чтобы не сказать исключительное содержаніе его пьесъ.

Начнемъ съ лучшаго, выходящаго изъ ряда произведенія—«*les Effrontés*»*?* Тутъ нѣтъ ни одного характера, который врѣзался бы въ память; имя главнаго героя скоро сглаживается, но остается одно — это основное положеніе пьесы, ради котораго она и была написана. Положеніе это создано настоящею минутою, вмѣстѣ съ нею оно и исчезнетъ, а пьеса сохранитъ только интересъ, развѣ какъ документъ, свидѣтельствующій о глубинѣ паденія даннаго общества въ извѣстную минуту. Ожье́ былъ, очевидно, пораженъ печальнымъ состояніемъ, до котораго доведена была пресса порядками второй имперіи; его затронуло то положеніе общества, благодаря которому первый попавшійся негодяй, человѣкъ объявленный судомъ, какъ мошенникъ, потерявшій

слѣдовательно право вращаться среди честныхъ людей, вслѣдствіе покупки журнала и обѣщаній быть защитникомъ всѣхъ мѣръ и дѣйствій правительства, можетъ получить вдругъ не только входъ въ порядочное общество, но присвоить себѣ всѣ права верховнаго судьи. Благодаря отсутствію политической свободы, никто не можетъ вывести его на чистую воду; правительство само стоитъ часовымъ у его дверей, и онъ заставляетъ всѣхъ не только молчать, но протягивать ему руку подъ опасеніемъ фальшиваго доноса, который онъ сдѣлаетъ, клеветы, которую онъ распространитъ при помощи своего журнала или комка грязи, чѣмъ онъ всегда готовъ бросить въ человѣка, не стоящаго въ рядахъ преданныхъ правительству. Около этого могущественнаго мошенника - владѣтеля журнала, *Vernouillet*, Ожьé заставляетъ вертѣться всѣ классы, и аристократа-легитимиста, маркиза *d'Auberive*, и буржуа-орлеаниста *Charrier*, и нищаго журналиста, который по приказанію дѣлается и легитимистомъ и орлеанистомъ и республиканцемъ — *Giboyer*. Кто же тутъ является представителемъ настоящей эпохи? Хотя пьеса, въ виду цензуры, и помѣчена 1845 годомъ, но нетрудно догадаться, что дѣйствіе происходитъ въ самомъ разгарѣ господства второй имперіи, которой по всѣмъ правамъ, и тѣломъ и душею, принадлежитъ самъ герой *Vernouillet*. Ожьé смѣется надъ однимъ, презираетъ другого, бичуетъ третьяго, его симпатія не принадлежитъ ни одному изъ нихъ. Можно было бы подумать, судя по этой пьесѣ, что онъ болѣе сочувствуетъ легитимистамъ, но его слѣдущая пьеса написана, чтобы разубѣдить въ этомъ. Въ «*les Effrontés*» онъ выводитъ маркиза *d'Auberive*, который носится со старымъ режимомъ, поклоняется только ему, а все другое клянетъ, и всѣхъ людей, кромѣ легитимистовъ, презираетъ одинаково, зовутся ли эти люди орлеанистами, республиканцами или *Vernouillet*. Онъ ненавидитъ орлеанистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ, что они сдѣлали своимъ богомъ только деньги, деньги и однѣ деньги. Когда орлеанистъ *Charrier* хвастается, что вмѣсто прерогативъ аристократіи они провозгласили всеобщее равенство, маркизъ *d'Auberive* прерываетъ его словами: — «Поговоримъ объ этомъ равенствѣ, оно красиво! Вы замѣнили одну касту другою, вотъ и все! Вы женитесь между собою, какъ и мы это дѣлали, — вы говорите: «тутъ нѣтъ копѣйки», а мы говорили: «нѣтъ происхожденія». Вы имѣете свое родовитое богатство, какъ мы имѣли свое родовитое дворянство, и *вчерашній* милліонеръ обращается съ презрѣніемъ къ *сегодняшнему*. Вы пользуетесь монополіею власти, какъ и мы; наслѣдственность есть у васъ, какъ и у насъ.»—И нѣсколько далѣе, на замѣчаніе *Charrier*, который говоритъ, что деньги и при старомъ порядкѣ были божествомъ:—«Позвольте, отвѣчаетъ гордый маркизъ, въ наше время деньги были только полу-богомъ. Чтó меня именно смѣшитъ въ вашей удивительной революціи, это то, что она не замѣтила, что,

уничтоживъ дворянство, она уничтожила единственную вещь, которая могла первенствовать надъ богатствомъ. 89-й годъ былъ совершенъ въ пользу нашихъ управляющихъ и ихъ дѣтей; аристократію вы замѣнили плутократіею; что же касается до демократіи, это до тѣхъ поръ останется словомъ, лишеннымъ смысла, пока вы не установите, какъ тотъ славный Ликургъ, мѣдной монеты, которая была бы слишкомъ тяжела, чтобы ею можно было играть.»

Изъ подобныхъ разсужденій мы могли бы составить небольшую книжку, которая не была бы многимъ тоньше самихъ «Effrontés», потому что главное содержаніе пьесы именно политика, а приплетенная любовь любовника маркизы и дочери буржуа-орлеаниста является только побочнымъ обстоятельствомъ. Журналъ въ рукахъ негодяя — вотъ центръ дѣйствія.—Если такъ обращается маркизъ съ буржуа, то какъ же ведетъ онъ себя по отношенію героя *Vernouillet?* Онъ съ восторгомъ глядитъ на эту креатуру новаго порядка, потому что видитъ въ ней разложеніе общества, и онъ счастливъ этимъ разложеніемъ, потому что въ немъ видитъ месть за уничтоженіе стараго порядка. Кто даетъ уничтоженному раскрытіемъ его мошенническихъ продѣлокъ *Vernouillet* мысль поднять свою опущенную голову, смѣло смотрѣть на общество, которое не многимъ разнится отъ него, кто даетъ опубликованному негодяю совѣтъ: «Не смущайтесь, покупайте журналъ, бичуйте, клевещите, бросайте грязью во всѣхъ, кто станетъ на вашей дорогѣ, и вы увидите, что общество будетъ у вашихъ ногъ»? Этотъ совѣтъ даетъ маркизъ *d'Auberive!* Зачѣмъ? — Потому что злоба кипитъ въ его груди. На благодарность *Vernouillet* за совѣтъ, на увѣренія въ вѣчной преданности, маркизъ съ ироніею отвѣчаетъ:—«Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Ваше величіе будетъ моею наградою. Я люблю видѣть на верху честныхъ людей, какъ вы, которые обогатились своимъ трудомъ и своею способностью: это хорошій примѣръ; это честь нашего времени и утѣшеніе моей старости!» Онъ все смѣшиваетъ въ одну кучу—и честныхъ людей и негодяевъ современнаго общества, онъ не хочетъ дѣлать различія, для него всѣ одинаковы, онъ разжигаетъ страсть къ мошенничествамъ и покровительствуетъ имъ, потому что онъ желаетъ гибели этого общества; но, бросая грязью во всѣхъ и давая совѣтъ негодяю поступать также, онъ не предвидѣлъ, что его совѣтомъ воспользуются такъ хорошо, что и его собственное имя будетъ забрызгано.

Мы знаемъ теперь маркиза *d'Auberive*, представителя легитимистской партіи, ненавидящаго современное общество и мечтающаго о томъ времени, когда весь народъ, всѣ классы существовали только для аристократіи; мы знаемъ разбогатѣвшаго точно также мошенническою продѣлкою *Charrier*, представителя орлеанизма, преклоняющагося передъ богатствомъ и успѣхомъ и только въ нихъ видящаго цивилизацію. Онъ

сдѣлался теперь честенъ, какъ Аристидъ, и отказывается подать руку новѣйшему мошеннику—*Vernouillet*, но только до тѣхъ поръ, пока онъ гнетъ свою шею; но лишь только *Vernouillet* покупаетъ журналъ, онъ въ свою очередь сгибаетъ передъ нимъ свою, и счастливъ, что можетъ называть его пріятелемъ: mon cher! Онъ до такой степени теперь боится его и преклоняется передъ нимъ, что даетъ немедленно свое согласіе, и даже уговариваетъ свою дочь выйдти замужъ за этого господина, котораго, нѣсколько дней назадъ, публично называлъ негодяемъ. Мы знаемъ, наконецъ, *Vernouillet*, этого героя эпохи, съ успѣхомъ послушавшаго совѣтовъ маркиза. Остается одинъ *Giboyer*, съ которымъ нужно еще познакомиться.

Еслибы третій актъ, и особенно двѣ прекрасныя сцены, которыя показываютъ, какого человѣка хотѣлъ вывести Ожье, еслибы все это не было такъ длинно, мы бы рѣшились выписать его цѣликомъ. *Giboyer*—сынъ привратника, служившаго у маркиза, который отказалъ ему отъ мѣста за то, что этотъ привратникъ имѣлъ дерзость отдать своего сына въ школу. Мы встрѣчаемъ *Giboyer*, получившаго блистательное образованіе, въ редакціи журнала *Vernouillet*, уже готоваго, наученнаго жизнію, не имѣющаго ни убѣжденій, ни чести и съ восторгомъ принимающаго всѣ предложенія *Vernouillet*. За нѣсколько су онъ беретъ на себя отдѣлывать въ газетѣ кого угодно, сообщать ложныя извѣстія, которыя причиняли бы на биржѣ *baisse* или *hausse*, смотря потому, что́ нужно *Vernouillet*. Цинизмъ этой фигуры съ удивительнымъ умѣньемъ изображенъ въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ понимаетъ отлично мошенника *Vernouillet* и съ досадою восклицаетъ: «Сказать, что я не могу поживиться вмѣстѣ съ тобою, за неимѣніемъ маленькаго капитала!» Съ какою завистью онъ долженъ смотрѣть на новаго редактора, который съ гордостью произноситъ: «Пресса — это удивительный инструментъ, котораго могущество никто не подозрѣваетъ. До сихъ поръ являлись только жалкіе журнальные скрипачи; сторонитесь! мѣсто Паганини!» По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, *Giboyer*, готовый на всякія низости, не можетъ выползть изъ своего пресмыкающагося положенія; и кого же онъ за это обвиняетъ? революцію, которая, по его мнѣнію, была только начата, но не додѣлана. *Giboyer* — революціонеръ, демократъ, соціалистъ. Бичуя всѣхъ, Ожье справедливо бичуетъ и тотъ классъ людей, которые пишутъ широкими буквами эти имена на своемъ знамени, для того, чтобы подъ прикрытіемъ этихъ словъ можно было совершать всевозможныя преступленія. Ожье правъ: такой классъ, дѣйствительно, существуетъ во Франціи, и не трудно отыскать людей, которые, прикрываясь этимъ знаменемъ, доползаютъ, по шею въ грязи, до самыхъ высшихъ званій и почестей. Когда *Giboyer* жалуется, что онъ не могъ вылѣзть наверхъ, *Vernouillet* прерываетъ его, говоря, что онъ назоветъ двад-

цать человѣкъ, которые вышли, благодаря своимъ достоинствамъ, изъ народа.—«Parbleu! восклицаетъ *Giboyer*, я назову тебѣ пятьдесятъ!» —«Чтожъ ты жалуешься тогда?»—«Я жалуюсь, что могу назвать только пятьдесятъ; я жалуюсь, что нужно особенное достоинство, чтобы пролѣзть; жалуюсь, что это исключеніе, а не правило».—«Жалуйся тогда правительству, а не мнѣ».—«Правительство, отвѣчаетъ *Giboyer*, тутъ ни причемъ; это соціальный, а не политическій вопросъ».—«А, а, прерываетъ его маркизъ, господинъ *Giboyer* соціалистъ?»—«Еще бы! до мозга костей! Скажите, господинъ маркизъ, откровенно, развѣ то, что̀ мы имѣемъ съ 89 года, можетъ назваться обществомъ?»—«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ маркизъ». И затѣмъ начинается длинное объясненіе *Giboyer*, въ которомъ онъ высказываетъ требованіе, чтобы революція была докончена, чтобы капиталъ былъ свергнутъ, чтобы денежная аристократія была уничтожена, что свобода, равенство — это только работа разрушенія, что нужно выстроить новое общество, что нужно создать новую аристократію!—«На какомъ же принципѣ вы создадите ее въ демократическомъ государствѣ?» спрашиваетъ маркизъ.—«На самомъ принципѣ демократіи, отвѣчаетъ *Giboyer*, на личномъ достоинствѣ.... Съ тѣхъ поръ, что̀ свѣтъ есть свѣтъ, все человѣчество клонится къ этому. Я берусь самъ доказать это, съ исторіею въ рукахъ, начиная съ древности, которая была боготвореніемъ силы, до XVIII вѣка, этого безсмертнаго похода разума, который приводитъ къ взрыву 89-го года, къ объявленію правъ человѣка и къ вѣнчанію генія». Послѣ того, онъ съ жаромъ доказываетъ, что настанетъ господство разума, такъ какъ это законъ свѣта, и маркизъ, испуганный пророчествомъ *Giboyer* относительно всевозможныхъ будущихъ благъ, съ ироническою горечью произноситъ:—«Я надѣюсь умереть прежде, чѣмъ исполнятся всѣ эти прекрасныя вещи».—«Да въ чемъ же, перебиваетъ его *Giboyer*, господство разума можетъ вамъ мѣшать?» — «Въ чемъ? спрашиваетъ маркизъ, да въ томъ, что оно узаконило бы наше пораженіе!» *Giboyer*, видя, что маркизъ уходитъ, останавливаетъ его, говоря:—«Господинъ маркизъ.... въ концѣ концовъ, вы знаете, все это мнѣ рѣшительно все-равно!»

Какая глубокая иронія разлита во всемъ этомъ актѣ! какая злобная насмѣшка надъ этимъ представителемъ стараго порядка, какое истинное пренебреженіе къ этому буржуа-орлеанисту, сколько презрѣнія къ герою продажной прессы, сколько ѣдкаго отвращенія къ этой породѣ людей, которые швыряютъ въ васъ блестящими фразами о революціи, республикѣ, прогрессѣ, разумѣ, въ то самое время, когда они ведутъ торгъ и набиваютъ цѣну на свое перо, на свою совѣсть, на свою легкую добродѣтель и украденный красный, революціонный мундиръ. Если здѣсь не пощажены всѣ партіи, то точно также не пощаженъ и оффиціальный, правительственный міръ. Двухъ строчекъ

было достаточно для талантливаго автора *«les Effrontés»*, чтобы и его бросить въ ту же кучу, въ которой лежитъ и маркизъ *d'Auberive*, и *Charrier*, и *Gibdyer*, и самъ *Vernouillet*. Этотъ съ пренебреженіемъ читаетъ письмо министра, который точно также заискиваетъ въ грозномъ редакторѣ, какъ заискиваетъ какой-нибудь *Charrier*. — «Милостивый государь, пишетъ министръ къ *Vernouillet*, знаніе людей не оставило во мнѣ большого уваженія къ человѣчеству. Я тѣмъ болѣе счастливъ, когда встрѣчаю истинный характеръ. Вы представляете его, ваше письмо внушило мнѣ сильное желаніе познакомиться съ вами. Не сдѣлаете ли мнѣ честь пожаловать завтра обѣдать въ министерство». Этихъ строчекъ было достаточно, чтобы сказать, въ какого рода людяхъ правительство ищетъ себѣ опоры, съ кѣмъ вынуждено оно идти рука объ руку. Переводя мысль Ожьé, эти слова означаютъ: какова масса, каково большинство общества, таково и правительство!

Не знаемъ, сколько причинъ было у автора обозначить свою пьесу 1845 годомъ; но неужели въ 1861 г., когда написана была пьеса, общество представляло столько разлагавшихся элементовъ, неужели, среди этого сброда, не было никакой общественной группы, на которой глазъ современника могъ бы остановиться, если не съ полнымъ довольствомъ, полнымъ спокойствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ надеждою. Нѣтъ, среди всей этой компаніи «наглецовъ», Ожьé останавливается или, вѣрнѣе, скользитъ и по молодому, будущему поколѣнію, которое представляется однимъ честнымъ журналистомъ, негодующимъ на порядокъ, допускающій продажность прессы, господство въ ней негодяевъ, да еще сыномъ *Charrier*, потребовавшимъ отъ своего отца, чтобы онъ отдалъ все свое состояніе на удовлетвореніе своихъ старыхъ, въ незапамятныя времена обманутыхъ, кредиторовъ. Но Ожьé не далъ рельефа этимъ представителямъ будущаго;—отчего?—оттого именно, что они представляютъ собою будущее, и онъ не знаетъ навѣрное, не можетъ ручаться, останутся ли они вѣрны своей молодости, или съ годами, съ опытностью перейдутъ также въ лагерь тѣхъ людей, которые представляются тѣми «наглецами». Если ко всѣмъ этимъ фигурамъ мы прибавимъ маркизу *d'Auberive*, разъѣхавшуюся съ мужемъ и находящуюся въ сношеніяхъ съ молодымъ журналистомъ *Sergine*, который тяготится своею связью съ маркизою и жертвуетъ для ней своею любовью къ дочери *Charrier*, блѣднаго образа дѣвочки, любящей *Sergine*'а; если прибавимъ, что маркиза, гордая и вмѣстѣ великодушная, освобождаетъ своего любовника и не принимаетъ отъ него жертвы, давая ему, такимъ образомъ, возможность жениться на дочери *Charrier*, то читатель можетъ себѣ составить понятіе объ «Effrontés». Замѣтимъ только мимоходомъ, что завязка, сѣть всей любовной интриги, происходящей между маркизой, Сержиномъ и дочерью Шарье, можетъ быть и безъ вины Ожьé, слишкомъ много напоми-

наетъ собою, во всѣхъ даже подробностяхъ, одну изъ самыхъ удачныхъ пьесъ Скриба: «Une chaine». Но еслибы даже Ожье́ и заимствовалъ любовную интригу «Effrontés» у Скриба, то и тогда это нисколько бы не уменьшило достоинства его произведенія, потому что, главный, исключительный интересъ этой замѣчательной пьесы заключается совсѣмъ не въ отношеніяхъ маркизы и Сержена. Изъ того, что̀ было сказано, не трудно видѣть, что весь интересъ принадлежитъ политикѣ, и только политикѣ. Задача, которою задался Ожье́, была выставить это разношерстное современное общество, показать, какими гнилыми, мелкими, эгоистичными чувствами пропитаны здѣсь всѣ партіи; и они въ самомъ дѣлѣ превосходно рисуются, сгруппированныя съ большимъ талантомъ вокругъ главнаго основанія пьесы — купленнаго негодяемъ журнала. Злоба, отчаяніе, отвращеніе къ своему обществу, страхъ за его окончательное разложеніе, могли создать такое произведеніе, въ которомъ на каждомъ словѣ, въ каждой мысли слышится горькая и ѣдкая иронія; на каждомъ шагу раздается голосъ автора, который раздраженнымъ голосомъ говоритъ всѣмъ партіямъ: оставьте обманъ, онъ не нуженъ, мы знаемъ, что подъ громкими и большими словами, слишкомъ часто, къ несчастью, скрываются самые низкіе инстинкты!

Успѣхъ *«les Effrontés»* не позволилъ остановиться Ожье́ на этомъ первомъ опытѣ политики въ дѣйствіи, и послѣ двухъ лѣтъ, онъ ставитъ новую пьесу: *«le Fils de Giboyer»*. Одно названіе уже показываетъ намъ, что мы встрѣтимся со старыми знакомыми, что сюжетъ взятъ авторомъ изъ то̀й же сферы, какъ и сюжетъ *«les Effrontés»*; и въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала мы наталкиваемся на двухъ извѣстныхъ уже героевъ, именно на маркиза *d'Auberive* и на самого *Giboyer*. Эта пьеса подняла еще бо̀льшій шумъ, нежели *«les Effrontés»*; публика, во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, старалась отыскать живые портреты, клерикальная партія, противъ которой главнымъ образомъ написано было новое произведеніе, лѣзла изъ кожи, чтобы остановить его и не допустить до сцены. Но приверженность къ католицизму въ высшихъ сферахъ не была тогда такъ сильна, какъ въ 1868 г., и пьеса была пропущена. Клерикальная партія готова была разорвать на части несчастнаго автора; публика называла имена Гизо, M-me Свѣчиной, какъ лицъ, выведенныхъ Ожье́ въ «Fils de Giboyer». Весь поднятый шумъ принудилъ автора написать небольшое предисловіе къ изданію своей пьесы, въ которомъ онъ говорилъ, что пьеса должна была бы называться «Клерикалы», еслибы это слово было допущено на афишѣ, но что касается до того, что, будто въ своей пьесѣ онъ сдѣлалъ портреты, вывелъ извѣстныя личности — все это клевета, и онъ горячо протестуетъ противъ такого обвиненія. Онъ сознавался, что только одну личность онъ дѣйствительно желалъ вывести, именно одного

извѣстнаго клеврета католической партіи, бросавшаго безнаказанно оскорбленіями направо и налѣво. Но, не смотря на весь шумъ, скорѣе повредившій пьесѣ, дѣлая ее какимъ-то политическимъ памфлетомъ, «le Fils de Giboyer» по достоинству стоитъ несравненно ниже «les Effrontés». Тутъ нѣтъ того сжатаго и сильнаго интереса, который не позволяетъ въ «Effrontés» остановиться и перевести дыханіе, нѣтъ больше того мѣткаго удара, той рѣзкой, не разведенной водой, рѣчи, — нѣтъ, главное, той выдержанности, послѣдовательности всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыми такъ отличается его предъидущая пьеса. Задача Ожье была—показать, какими интригами переполненъ католическій міръ, къ какимъ низкимъ средствамъ прибѣгаетъ онъ для своей защиты, чего онъ не дѣлаетъ, какія пружины не приводитъ въ дѣйствіе, какими правдами и неправдами добивается своего торжества. Ожье направилъ противъ него свою насмѣшку, свой бичь, желая вызвать въ публикѣ, если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, пренебреженіе къ католическому стаду. Маркиза *d'Auberive* и баронессу Пфеферсъ онъ сдѣлалъ пастухомъ и пастушкою въ этомъ стадѣ. Въ ихъ лагерѣ произошло страшное несчастіе—умеръ ихъ присяжный защитникъ, слава и опора католической прессы. Тревога и опасенія, что ему не найдется преемника, достигли уже высшихъ размѣровъ, когда маркизъ объявляетъ баронессѣ, что знаменитый журналистъ будетъ замѣщенъ съ честью.— «Да, говоритъ маркизъ, я отыскалъ такое неистовое, циническое, язвительное перо, которое заплевываетъ и забрызгиваетъ грязью все; я нашелъ такого малаго, который нашпигуетъ эпиграммами своего родного отца за ничтожное вознагражденіе, а за пять франковъ, не больше—и совсѣмъ его проглотитъ». Читатель уже догадывается, ктó обладаетъ этимъ неистовымъ перомъ, заплевывающимъ и забрызгивающимъ грязью? Это тотъ самый герой, который, послѣ долгой защиты революціи, громкихъ и жаркихъ фразъ о соціализмѣ, прибавлялъ: «Вы знаете, маркизъ, въ концѣ-концовъ, все это мнѣ рѣшительно все-равно!» Да, это—*Giboyer* въ своей собственной персонѣ, только постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ. И такъ, комплектъ полонъ: маркизъ, госпожа Пфеферсъ и *Giboyer*, вотъ главные и дѣйствительные герои пьесы,—все остальное стоитъ на второстепенномъ планѣ, прибавлено для оживленія политической интриги, политическаго дѣйствія и разговора этихъ трехъ главныхъ лицъ. Двухъ изъ нихъ мы уже знаемъ, остается одна госпожа Пфеферсъ, представляющаяся ревностной католичкой, ханжою, съ политическими стремленіями, клонящимися къ торжеству клерикальной партіи, но въ сущности желающая своимъ католическимъ усердіемъ пріобрѣсти себѣ славу, поймать какого-нибудь маркиза или виконта и владычествовать такимъ образомъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Прошедшее ея покрыто мракомъ, и въ обществѣ только ходитъ слухъ, что, прежде, чѣмъ выйти

замужъ за барона, она была компаньонкой его матери, и если онъ женился на ней, то.... и т. д. и т. д. Впрочемъ, намъ нечего трудиться опредѣлять характеръ героини *«Fils de Giboyer»*, такъ какъ самъ Ожье позаботился объ этомъ, и вѣроятно сдѣлалъ это лучше, нежели могъ бы сдѣлать кто нибудь другой. Онъ влагаетъ опредѣленіе характера госпожи Пфеферсъ въ уста маркиза: «Простяки, говоритъ онъ, принимаютъ васъ за святую, скептики за женщину, которая доискивается власти; я же, Guy-François Condorier, маркизъ d'Auberive, я принимаю васъ просто-на-просто за тонкую *берлинку* (Berlinoise), стремящуюся воздвигнуть себѣ тронъ въ самомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Вы господствуете уже надъ мужчинами, но женщины противятся вамъ; ваша репутація имъ не нравится, и не зная, за что уцѣпиться, онѣ хватаются за этотъ скверный слухъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ вамъ. Однимъ словомъ, вашъ флагъ недостаточенъ, и вы ищете большаго, который покрылъ бы васъ. *Парижъ стоитъ обѣдни*, говорилъ Генрихъ IV. Вы держитесь того же мнѣнія». Однимъ словомъ, интриганка, которая съ честью займетъ мѣсто рядомъ съ покупающимъ рѣчи маркизомъ и продающимъ ихъ *Giboyer*, госпожа Пферсъ одарена умомъ, тактомъ, умѣньемъ обманывать, завлекать, и во все время ея поведеніе представляется крайне выдержаннымъ и послѣдовательнымъ. Ея фигура выведена съ такою же силою въ *«Fils de Giboyer»*, какъ фигуры маркиза и *Giboyer*, въ *«Effrontés»*, и если она менѣе интересуетъ, то вѣроятно потому, что такія женщины, какъ она, являются гораздо рѣже, чѣмъ такіе люди, какъ *Vernouillet*. Что касается маркиза, то, постарѣвъ нѣсколькими годами, также какъ и *Giboyer*, онъ много потерялъ въ своей рѣзкости, въ своей нетерпимости, въ своемъ олимпійскомъ презрѣніи къ людямъ, которое такъ шло къ нему, и въ своей гордой рѣшимости не смѣшиваться со всею «canaille» современнаго общества. Раньше, его роль ограничивалась только насмѣшкою, желаніемъ, чтобы все поскорѣе рушилось,—теперь же, онъ является главою клерикальной партіи, онъ что-то отстаиваетъ въ этомъ обществѣ, къ чему-то стремится, онъ борется теперь съ тѣмъ, что прежде только презиралъ, а разъ что начинаешь съ кѣмъ нибудь бороться, тотчасъ же остается развѣ мѣсто для ненависти, но никакъ для презрѣнія, которое больше шло къ нему, болѣе гармонировало съ его характеромъ. Роль тайнаго шефа партіи, клерикальнаго заговорщика, разъискивающаго себѣ какое-нибудь неистовое продажное перо для собственной поддержки и защиты, союзъ съ сыномъ своего «portier», такая роль должна бы ему быть противна и заставила бы вызвать къ самому себѣ то презрѣніе, на которое онъ былъ такъ щедръ къ людямъ. Рѣшительно, перейдя къ «Fils de Giboyer» маркизъ потерялъ свою выдержанность характера, свою цѣльность, безъ которой его личность не имѣетъ болѣе ни силы, ни интереса маркиза d'Aube-

rive, принадлежащаго «Effrontés». Если личность маркиза, дѣйствующаго въ «*Fils de Giboyer*» сдѣлалась болѣе блѣдною, менѣе рельефною, то что же сказать о *Giboyer*, у котораго неизвѣстно откуда явилась и честность, и благородство и истинная любовь ко всему тому, про что онъ съ цинизмомъ говорилъ: «мнѣ это рѣшительно все равно»! Поразительная непослѣдовательность *Giboyer* проявляется въ отношеніи къ его сыну. Да, у *Giboyer* есть незаконный сынъ, служащій секретаремъ у одного глупаго буржуа, по фамиліи Марешаль, про котораго маркизъ говоритъ: «Г. Марешаль не человѣкъ, это крупная буржуазія, которая присоединяется къ намъ. Я люблю эту честную буржуазію, которая стала ненавидѣть революцію съ тѣхъ поръ, что она ничего больше не можетъ отъ нея выиграть, и которая желаетъ остановить приливъ, который ее пригналъ, и возсоздать маленькую феодальную Францію въ свою собственную пользу... да здравствуетъ господинъ Марешаль и всѣ ему подобные буржуа божественнаго права! Почтемъ этихъ драгоцѣнныхъ союзниковъ почестями и славою до той минуты, пока наше торжество не отброситъ ихъ на свое мѣсто!» Фигура Марешаля черезъ-чуръ утрирована, онъ слишкомъ приближается къ типу чванливаго идіота, чтобы клерикальная партія съ успѣхомъ могла бы употребить его въ дѣло. Она желаетъ, чтобы въ законодательномъ корпусѣ была произнесена сильная рѣчь въ защиту католицизма, и выборъ главы партіи падаетъ на Марешаля. Разумѣется, не Марешаль можетъ сочинить эту рѣчь, ее сочиняетъ *Giboyer*, который продается клерикаламъ за 12 тысячъ франковъ въ годъ. У этого то Марешаля служитъ секретаремъ *Maximilien Gerard*, сынъ *Giboyer*. Что *Giboyer* можетъ любить своего сына, мы это охотно допускаемъ; любовь отца, матери—слишкомъ врожденное человѣку чувство, чтобы на него не были способны даже самые крупные мошенники; но вотъ чему мы отказываемся вѣрить, съ чѣмъ не согласится никакая логика, чтобы этотъ самый *Giboyer*, который не только всегда топталъ, но продолжаетъ топтать въ грязь всѣ принципы, всѣ убѣжденія, чтобы человѣкъ, не имѣющій для себя ничего святого, не подкупнаго, не продажнаго, для котораго честность, благородство—пустыя и глупыя слова, чтобы этотъ человѣкъ, торгующій собою въ стократъ, въ милліоны разъ хуже, чѣмъ самая развращенная публичная женщина, чтобы онъ могъ до такой степени дрожать не надъ счастіемъ своего сына, что мы еще поняли бы, но надъ его принципами, политическими мнѣніями, которыя самъ онъ старается лично раздавить за ничтожную плату. Если мы миримся съ любовью Лукреціи Борджіи къ своему сыну, Трибуле къ своей дочери, то потому, что мы встрѣчаемъ здѣсь дѣйствительно сильныя исключительныя натуры, возвышенныя въ своихъ страстяхъ, въ своихъ преступленіяхъ, и то они желаютъ только одного: сохраненія жизни и счастія ихъ дѣтей; но здѣсь, мириться съ двой-

ственностью, съ этою честностію, идущею рука объ руку съ подлостью мелкаго продажнаго писаки, который по натурѣ своей не допускаетъ ничего возвышеннаго, было бы непростительнымъ нарушеніемъ простого человѣческаго смысла. Какъ! *Giboyer*, который готовъ былъ бы пустить себѣ пулю въ лобъ въ ту самую минуту, когда, какимъ нибудь чудомъ, на него сошло бы откровеніе честности, до такой степени онъ показался бы себѣ гадокъ и отвратителенъ, этотъ *Giboyer* восклицаетъ: «Моя бы жизнь еще разъ разбилась!» оттого только, что его честный сынъ объявляетъ свою склонность къ легитимизму,—да гдѣ же тутъ правда? Можно бы еще допустить, что *Giboyer*, тотъ, котораго мы встрѣтили въ «les Effrontés» подъ конецъ своей жизни измѣнился, почувствовалъ къ своему прошлому презрѣніе, ненависть, что въ сынѣ онъ хотѣлъ видѣть свое оправданіе, что въ книгѣ, которую онъ написалъ для защиты революціи и демократіи, онъ хотѣлъ оставить свою исповѣдь, свое раскаяніе и очищеніе передъ обществомъ,—все это еще могло бы быть объяснено, безъ особеннаго ущерба для цѣльности его характера; но писать такую книгу и рядомъ съ нею продавать опровергающія ее рѣчи, это рѣшительно невозможно. Одинаково непослѣдователенъ и его сынъ, человѣкъ съ убѣжденіями, демократъ, который, какъ флюгеръ, вертится то въ одну сторону, то въ другую. Онъ прочелъ эту знаменитую рѣчь, написанную его отцемъ для защиты клерикальной партіи, которую самъ авторъ называетъ «сборомъ софизмовъ и старыхъ напыщенныхъ фразъ»,—рѣчь, которая, скажемъ мимоходомъ, является въ «Fils de Giboyer» такимъ же краеугольнымъ камнемъ и центромъ, вокругъ котораго вращается все дѣйствіе, какъ журналъ въ «les Effrontés»,—и этой рѣчи ему достаточно, чтобы перейти на сторону легитимистовъ; потомъ *Giboyer* даетъ ему свою знаменитую книгу, и онъ опять дѣлается пламеннымъ демократомъ. Такихъ людей нельзя выставлять, какъ серьезные характеры. И тутъ точно также, какъ и въ предъидущей пьесѣ, мы оставимъ въ сторонѣ любовную интригу между дочерью Марешаля и сыномъ *Giboyer*, интригу, кончающуюся ихъ свадьбой, потому что она ничего не убавляетъ, ни прибавляетъ собою къ додостоинству пьесы, которая, подобно «les Effrontés», построена на политическомъ интересѣ. Изъ того, что было сказано о характерахъ и положеніи «Fils de Giboyer», читатель видитъ, на сколько эта пьеса стоитъ ниже перваго политическаго произведенія. Но, не смотря на то, что она не имѣетъ всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которыя дѣлаютъ изъ «Effrontés» замѣчательное произведеніе, не смотря на ея относительную слабость какъ комедіи, на большую или меньшую неудачу всѣхъ новыхъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ M-me Пфеферсъ, *«le Fils de Giboyer»* остается крайне интереснымъ произведеніемъ какъ тонкая сатира на одну изъ самыхъ могущественныхъ политическихъ партій во Франціи, именно клерикальную, а для насъ оно имѣетъ

еще и то значеніе, что служитъ новымъ и яркимъ доказательствомъ того духа, которымъ пропитанъ весь театръ Эмиля Ожье.

Оставимъ теперь политику и обратимся къ соціальной сатирѣ Ожье; тутъ точно также можно было бы выбрать нѣсколько произведеній, но мы возьмемъ одно, именно послѣднюю его пьесу: *«la Contagion»*.

Кто же является главнымъ героемъ его пьесы? Баронъ *Raoul d'Estrigaud*, новый типъ, созданный второю имперіею, царь современнаго общества, стоитъ на первомъ планѣ, и какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Человѣкъ, принадлежащій къ аристократическому міру, находящійся въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ оффиціальною сферою, левъ свѣтскаго общества, диктующій законы моды и вкуса, подчиняющій себѣ всѣхъ, кто только ни подойдетъ къ нему, очаровывая своимъ острымъ и привлекательнымъ умомъ и самыми элегантными манерами, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ самый ловкій мошенникъ, ведущій на биржѣ большую игру, пріобрѣтая заранѣе свѣдѣнія, которыя должны причинить baisse или hausse, обманывающій простяковъ, затягивающій въ свои сѣти и компрометирующій для своей цѣли женщинъ, человѣкъ, рѣшающійся наконецъ жениться за большія деньги на публичной женщинѣ, не отказывающійся ни отъ какихъ средствъ для выполненія своихъ плановъ, и нарочно вызывающій на дуэль человѣка, чтобы искуснымъ ударомъ отдѣлаться отъ него, разъ что этотъ человѣкъ стоитъ на его дорогѣ и своею жизнію мѣшаетъ его жизни. Таковъ баронъ *d'Estrigaud*, современный герой, выведенный авторомъ «Contagion». Если таковъ герой, то посмотримъ, какова героиня? Что касается до нея, то она не только ни въ чемъ не уступаетъ элегантному барону, но даже въ концѣ концевъ даетъ ему однимъ ударомъ и шахъ и матъ! *Navarette* — имя этой публичной женщины, служащей барону оффиціальной любовницею, ширмою, какъ онъ говоритъ, прикрывающею его свѣтскія интриги; но въ сущности она ему гораздо болѣе служитъ, доставляя черезъ другого своего любовника, находящагося при ней, разумѣется съ согласія, если не по наущенію самого д'Эстриго, всѣ тѣ свѣдѣнія, безъ которыхъ ни баронъ, ни она сама не могли бы такъ быстро богатѣть. *Navarette*, самая модная женщина въ Парижѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, актриса какого-то театра, дающаго на своей сценѣ вѣроятно только одно представленіе — обнаженныя женскія тѣла. Коса, какъ говорятъ, нашла на камень въ ту минуту, когда д'Эстриго протянулъ руку *Navarette*, которая съ ловкостью ведетъ ихъ общія дѣла къ тому, чтобы въ концѣ концевъ баронъ разорился, благодаря фальшивому извѣстію, доставленному ею для игры на биржѣ, и не имѣя другого спасенія рѣшился дать ей свое имя взамѣнъ тѣхъ денегъ, которыя она бережетъ для него. Читатель видитъ, что одинъ стóитъ другого, героиня не уступаетъ герою. Въ этихъ двухъ лич-

ностяхъ скрывается та «зараза» которую они разносятъ по всему обществу, представляемому въ пьесѣ маркизою *Galéotti;* послѣдняя стремится изъ всѣхъ силъ не отставать отъ моды, и съ безконечнымъ уваженіемъ смотритъ на ея представителя д'Эстриго. Ее неотразимо притягиваетъ къ себѣ міръ продажныхъ женщинъ, потому что она видитъ, какую роль онѣ стали играть въ современномъ обществѣ и на сколько оттиснули онѣ порядочныхъ женщинъ или перемѣшались съ ними. Ея самолюбіе задѣто: на нее меньше обращаютъ вниманія чѣмъ прежде; ея любопытство затронуто, она желаетъ узнать, что̀ же есть въ этихъ женщинахъ, если онѣ такъ привлекаютъ къ себѣ; ей завидно, и она рѣшается помѣриться своими силами съ ними. Это чувство и заставило маркизу Галеоти пригласить къ себѣ *Navarette*, чтобы взять у нея нѣсколько уроковъ «драматическаго искусства». Какъ маркиза Галеоти, молодая вдова, тянется за *Navarette*, точно также и ея братъ только живетъ и дышетъ, что своимъ идеаломъ, барономъ *d'Estrigaud.* Онъ молится на него какъ на языческаго бога, каждое слово барона служитъ для него закономъ. Но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понять весь смыслъ, все значеніе д'Эстриго, и молодость его, помимо его воли, борется противъ «заразы». Но юноша, почти ребенокъ, какая это для нея добыча! «Зараза» не довольствуется тѣмъ и идетъ все дальше, дальше и еще дальше. Изъ Парижа она пробирается въ провинцію, и мы видимъ—Ожье́ показалъ намъ—какъ честная, прямая натура, не знакомая ни съ ложью, ни съ порокомъ, попадая въ эту среду, ослѣпляется всею роскошью, мишурою, прикрытою фальшивымъ золотомъ, испорченностію, и пьянѣетъ отъ столбомъ подымающихся испареній новаго для него разврата. Вся прошлая жизнь честнаго провинціала Лагарда, всѣ его выработанныя убѣжденія, всѣ мечтанія о славѣ, все это блекнетъ, вянетъ въ атмосферѣ д'Эстриго и *Navarette*, все его будущее ускользаетъ изъ подъ его ногъ, какъ плата за одинъ часъ упоенія этимъ одуряющимъ ароматомъ. Мы сейчасъ, кажется, сдѣлаемся свидѣтелями его паденія, подъ ловко направленными ударами двухъ героевъ, но, къ счастію для Лагарда «Заразы», является спасающее его обстоятельство. Въ жизни, если бы оно и явилось, то вѣроятно часомъ позже.

Отдавая всю справедливость таланту Ожье́, его силѣ въ борьбѣ съ общественными пороками, мы тѣмъ не менѣе должны признать во всѣхъ его созданіяхъ ту легкость въ построеніи образовъ, которая не вынесетъ продолжительной пробы времени: уйдетъ время и унесетъ съ собою всѣ эти образы. Къ славѣ Ожье́ можно развѣ отнести то, что талантъ этого драматурга могъ содѣйствовать улучшенію общественныхъ нравовъ, но тѣмъ самымъ онъ безкорыстно содѣйствовалъ бы и къ упраздненію значенія своихъ трудовъ—если только нравственное улучшеніе общества можетъ достигаться подобнымъ путемъ.

В. О.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАРТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Описаніе Кіева. Сочиненіе *Николая Закревскаго.* Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано иждивеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ отдѣльнымъ атласомъ въ 13 листовъ. М. 1868. Стр. 955. Ц. 7 р.

Къ разнообразнымъ вопросамъ въ современной жизни, стоящимъ впереди для будущей русской исторіи, принадлежитъ вопросъ, возникающій самъ собою изъ сѣтованій на сѣверное положеніе нашей Петровской столицы, вызванной изъ ничтожества могучею волею преобразователя, и для важныхъ цѣлей, но достигнутыхъ уже давно! Поклонники «старой Москвы» [1]) и недоброжелатели (большею частію съ напускнымъ недоброжелательствомъ) реформъ Петровскихъ, конечно, скажутъ при этомъ, что и самое перенесеніе столицы на берега Невы было дѣломъ насильственнымъ, не вызваннымъ въ свое время потребностію и народными стремленіями—подвигомъ властелинскаго своенравія; что Петербургъ вовсе былъ не нуженъ для Руси, и потому легко можетъ опять возникнуть мысль о перемѣнѣ мѣста для столицы. Мы такъ не думаемъ. Мы признаемъ за Петербургомъ историческую необходимость и громадныя услуги отечеству, но полагаемъ, что политическое время его исполнилось, и прежнее значеніе проходитъ, какъ проходитъ и все въ мірѣ семъ. Русская исторія представляла уже намъ одинъ за другимъ нѣсколько центровъ государственнаго единенія, возникавшихъ вслѣдствіе обстоятельствъ: Кіевъ, Владиміръ, Москва, смѣняютъ другъ друга съ новыми поворотами исторической жизни. Петербургъ вполнѣ естественно замѣнилъ Москву, когда послѣдняя совершила свое назначеніе и наступила потребность условій, которымъ Москва не могла удовлетворить. Каждому центру приходилось на долю свое. Кіевъ принялъ христіанство и выработалъ до извѣстной степени задатки христіанской цивилизаціи на Руси. Владиміръ далъ пріютъ русской жизни на востокѣ, когда ее вытѣснили съ юго-запада, и подъ этимъ первенствомъ укрывалось великое дѣло ославяненія русскихъ инородцевъ. Москва собрала Русь въ единую монархію; Петербургъ создалъ европейское государство. Каждый изъ этихъ центровъ въ своей главной задачѣ былъ подготовленъ своими предшественниками и во всемъ другомъ продолжалъ начатое своими предшественниками, а наконецъ,

[1]) Дѣло идетъ не о современномъ городѣ, но объ извѣстномъ и уже отжившемъ историческомъ порядкѣ вещей.

наступала пора новыхъ потребностей, которыхъ нельзя было удовлетворить вполнѣ старому центру, и онъ долженъ былъ передавать свое первенство другому. Москва должна была уступить мѣсто новому, послѣ себя центру, Петербургу, именно потому, что она была далека отъ западной Европы, и заключала въ себѣ слишкомъ много застарѣлаго, противодѣйствовавшаго обновленію Руси. Этихъ условій, дававшихъ Петербургу право на господство, теперь уже нѣтъ. Петербургъ не единственный пунктъ на русскихъ берегахъ, и главное — не единственный удобный проводникъ связи Руси съ западною Европою. Изъ той же Москвы, которая казалась нѣкогда за тридевять земель отъ Европы, при существованіи прямой линіи желѣзныхъ дорогъ, также легко и скоро можно достигнуть всѣхъ странъ западной Европы, какъ и изъ Петербурга. Столица Петра Великаго теряетъ свое значеніе «окна» въ Европу, когда въ ту же Европу отовсюду открываются настежь ворота. Петербургъ въ настоящее время не можетъ болѣе внушать Россіи потребность европейской цивилизаціи; противъ нея нѣтъ уже борьбы, и во всякомъ другомъ мѣстѣ, какъ и въ Петербургѣ, понимаютъ ея необходимость. Между тѣмъ, не имѣя особенныхъ достоинствъ, которыя бы усвоивали за Петербургомъ права на столицу, онъ имѣетъ много неудобствъ, которыя побуждаютъ желать, чтобъ его мѣсто заступилъ другой центръ.

Первое неудобство Петербурга, какъ столицы,—его климатъ. Едва ли объ этомъ можетъ быть даже споръ. Едва ли найдутся люди, способные восхищаться петербургскимъ небомъ. Оно не даетъ условій, выгодныхъ для здоровья и усиленныхъ трудовъ человѣка, какія только и могутъ встрѣчаться въ столицѣ. Народонаселеніе нашей столицы большею частію болѣзненно; тифы, грипы, ревматизмы, геморрои, всякаго рода недуги сокращаютъ и убиваютъ жизнь на каждомъ шагу; пріѣзжіе въ столицу очень часто не переносятъ убійственныхъ для нихъ воздушныхъ перемѣнъ, и если не успѣваютъ убѣжать заранѣе, то отправляются преждевременно въ могилу. Суровая природа дозволяетъ жить съ нею не болѣе какихъ нибудь трехъ мѣсяцевъ, да и то, когда искусственность дополняетъ ея недостатки. Бо́льшую часть года житель Петербурга осужденъ прозябать въ комнатной атмосферѣ, иногда очень удушливой для бѣднаго класса. Край, прилежащій столицѣ, бѣденъ до крайности естественными дарами; многое необходимое столица должна получать изъ отдаленныхъ провинцій или изъ-за границы. Эта скудость природы по сосѣдству поддерживаетъ дороговизну, которая, падая на трудящійся классъ, увеличиваетъ и безъ того неизбѣжныя для него тягости. Но невыгодныя условія края, вредно дѣйствуя на матеріальную сторону человѣка, отражаются также и на его духовномъ бытіи. Вліяніе окружающей природы на духовное развитіе человѣка не подлежитъ сомнѣнію. Оно всегда преуспѣвало тамъ, гдѣ природа сама возбуждала въ человѣкѣ умственную дѣятельность; оно останавливалось тамъ, гдѣ природа ему мѣшала. Мысль, наука, поэзія, искусство нуждаются, между прочимъ, въ солнечномъ свѣтѣ, благорастворенномъ воздухѣ, точно такъ, какъ и тѣло человѣка. Горы, вода, зелень, цвѣты воспитываютъ и поддерживаютъ живость чувствъ, быстроту ума, крѣпость нравственной воли. Конечно, человѣкъ, съ окрѣпшею цивилизаціею, несравненно болѣе можетъ противостоять вліянію природы, если она неблагопріятна, чѣмъ человѣкъ съ развивающимся образованіемъ,—но время все-таки беретъ свое. Толпы петербургскихъ жителей, уѣзжающихъ каждый годъ за границу въ западную Европу, хоть на два или на три мѣсяца, чтобъ освѣжиться, какъ говорятъ они, и въ такое время уносящіе съ собою значительную часть русскихъ экономическихъ силъ и тѣмъ самымъ, противъ собственной воли, способствующіе обѣднѣнію своего края, явленіе вполнѣ человѣчески-законное при условіяхъ петербургскаго климата и всей вообще петербургской природы, и кто знаетъ, какъ бы заглохло, завяло это населеніе, еслибъ перестало хотя по временамъ дышать инымъ воздухомъ. Что́ ни говорите — во всякомъ государствѣ — столица значитъ многое; на нее тратятся силы всего организма, чтобы сосредоточить въ ней все лучшее; и какихъ усилій, въ этомъ отношеніи, стоитъ Россіи Петербургъ?! Столица всегда будетъ средоточіемъ умственнаго труда, главною мастерскою современнаго движенія жизни, передовымъ возжатаемъ всей страны. Чего же стоило придать такое значеніе Петербургу съ его природою? Петербургъ выбралъ для себя уголокъ самый отдаленный отъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ

русскихъ областей. Всякая столица имѣетъ то прирожденное ей по существу свойство, что она возбуждаетъ силы человѣка и природы къ дѣятельности, наиболѣе въ томъ краю, который къ ней ближе по мѣстности. Близость столицы во всякомъ государствѣ сказывается наиболѣе возбужденнымъ обращеніемъ промышленной, торговой и духовной жизни народа. Какого же ближайшаго края силы возбуждаетъ Петербургъ наиболѣе? Самаго скуднаго, самаго неблагодарнаго, самаго непроизводительнаго. И это тогда, когда вдали отъ него простираются огромныя полосы южнаго края Россіи, чрезвычайно благодарнаго, плодороднаго, благословеннаго разнообразными дарами природы. Зачѣмъ же не быть столицѣ въ томъ краю? Зачѣмъ самой ей не пользоваться тѣми выгодами, какихъ она желала, находясь на суровомъ балтійскомъ побережьи, зачѣмъ не возбуждать ей силы такого края, который во сто разъ, при меньшихъ усиліяхъ, можетъ произвести богатствъ, чѣмъ тотъ, который окружаетъ теперь столицу россійской имперіи или прилегаетъ къ ней? Если бы наше отечество ограничивалось сѣверною его частію, Петербургъ могъ бы еще быть столицей; условія его природы, пожалуй, не хуже тѣхъ, какія представляютъ губерніи: Олонецкая, Новгородская, даже Псковская; но когда сѣверъ Россіи составляетъ самую худшую часть ея по природнымъ условіямъ, зачѣмъ столица не одного сѣвера, но всей Россіи, находится въ тундрахъ и болотахъ. Зачѣмъ не поставить ее въ лучшихъ краяхъ обширнаго отечества. Очень естественно для первенствующаго города Россіи выбрать себѣ самое лучшее мѣсто, такъ точно, какъ естественно хозяину-домовладѣльцу изъ квартиръ, находящихся у него въ домѣ, для своего жилья выбрать самую для себя подходящую.

Не будетъ неумѣстнымъ, если мы замѣтимъ еще одно обстоятельство. Въ послѣднее время мы стали сильно хлопотать о своей народности; намъ не хочется болѣе повторять европейскіе зады, мы увидали много тупоумія въ своей вѣковой подражательности западу; намъ хочется сдѣлаться духовно независимыми, самобытными, мы стыдимся того разрыва, который утвердился между стихіями образованнаго класса и народной громады; мы хотимъ объединиться, хотимъ имѣть свою физіономію въ семьѣ человѣчества. Мы сознаемъ всѣ потребности этого поворота нашей исторической жизни, мы всѣ чувствуемъ, что дожили до рубежа между однимъ періодомъ нашей исторіи, который мы оканчиваемъ, и другимъ, который предстоитъ открыть и начать нашему поколѣнію. Вмѣстѣ съ этимъ, подобно тому, что совершалось съ нами прежде въ такихъ же переходныхъ положеніяхъ — является нужда перенести столицу изъ Петербурга....

Вотъ, полагаемъ, мысли, которыя невольно родятся въ головѣ каждаго при чтеніи только-что вышедшаго «Описанія Кіева»—этого древнѣйшаго нашего первоначальнаго града, этой «матери городовъ русскихъ».

Представьте себѣ Кіевъ, на первый разъ, лѣтнею резиденціею, и не будетъ никакой надобности прибѣгать къ какому нибудь крутому экономическому перевороту, который былъ бы неизбѣженъ, еслибъ захотѣли не рѣшить, а разсѣчь вопросъ. Между тѣмъ, передвиженіе нашего политическаго центра и государственнаго къ такому мѣсту, какъ Кіевъ, могло бы весьма благодѣтельно подѣйствовать на многіе вопросы, возникшіе въ послѣднее время на нашихъ западныхъ окраинахъ. Насъ спросятъ, какую же участь мы приготовляемъ Петербургу?—Петербургъ никогда не потеряетъ экономическаго и военнаго значенія; первое можно усилить, наприм., посредствомъ открытія porto-franco, а увеличивать послѣднее не представляетъ никакихъ затрудненій. Наконецъ, во все переходное время Петербургъ можетъ оставаться зимнею столицею, когда этотъ городъ представляетъ несравненно лучшія условія жизни, нежели весною и осенью: не говоримъ о нашемъ лѣтѣ, потому что у насъ лѣто иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ дней, отдѣляющихъ тонкою чертою весеннюю грязь отъ осенней.

Въ новомъ и распространенномъ изданіи описанія г. Кіева, за которое мы обязаны благодарить столь полезную дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества, читатель найдетъ и лѣтописное изображеніе древней судьбы этого города, и современное его состояніе, и наконецъ, превосходно выполненные чертежи, планы и рисунки.

Авторъ дѣлитъ исторію этого города на четыре періода: 1) отъ древнихъ временъ до христіанства; 2) отъ принятія христіанства до нашествія Батыя; 3) отъ Батыя до возвращенія

Кіева подъ российскую державу; и 4) отъ послѣдняго событія до нашего времени. Время отъ опустошенія Кіева Батыемъ до возвращенія Кіева Россіи онъ соединилъ въ одинъ періодъ, тогда какъ здѣсь на самомъ дѣлѣ два: одинъ—до присоединенія Кіева къ литовской державѣ, другой—подъ властью Москвы, а потомъ Польши; даже строго обозначая, можно бы раздѣлить это протяженіе времени и на три отдѣла, обозначивъ третьимъ—время отъ 1569 года, или отъ присоединенія Кіева собственно къ польской коронѣ. Изложеніе удѣльно-вѣчевого періода, когда Кіевъ игралъ такую важную роль не только спеціально въ русской, но и во всеобщей исторіи, изложено авторомъ блѣдно и слабо. Авторъ не идетъ въ своихъ взглядахъ глубже Карамзина; не даетъ понятія о томъ, чѣмъ, по его мнѣнію, былъ удѣльно-вѣчевой періодъ, среди котораго процвѣталъ Кіевъ; не изслѣдуетъ, въ какой степени проникла въ Кіевъ цивилизація, заимствованная изъ Греціи, въ какой степени должно было отразиться на немъ вліяніе Востока чрезъ хазаръ; какія условія были въ туземномъ населеніи къ воспринятію образованности; чтó этому мѣшало; какія общественныя понятія развивались и укрѣплялись въ кіевскомъ народѣ; какое нравственное вліяніе имѣлъ онъ на прочую Русь; наконецъ, изъ описаній его нельзя представить съ полною ясностію, какъ великъ, какъ многолюденъ, какъ обстроенъ, какъ и чѣмъ богатъ былъ древній Кіевъ? Авторъ повторяетъ всѣмъ извѣстные внѣшніе факты, находящіеся во всякой исторической книгѣ о Россіи, и меньше всего говоритъ то, чего мы вправѣ отъ него требовать собственно о городѣ Кіевѣ и о его жизни и бытѣ. Конечно, для этого недостаточно глядѣть въ однѣ лѣтописи; принявши на себя спеціальную исторію Кіева, необходимо уяснить себѣ, чтó значилъ въ тѣ времена, вообще, городъ гдѣ бы то ни было. Кіевъ можно понять только путемъ сравненія. Чтобы ясно себѣ представить: чтó это было за возрожденіе въ Кіевѣ въ XI и XII вѣкахъ, когда зачатки цивилизаціи стали процвѣтать — нужно начинать съ Византіи и разсмотрѣть, чтó она въ состояніи была передать намъ. Этихъ вопросовъ необходимо было коснуться тому, кто хотѣлъ писать исторію Кіева. Если авторъ нашелъ нужнымъ говорить о лѣтописи, то слѣдовало бы уже говорить и вообще о литературѣ, возникшей въ Кіевѣ. Излагая періодъ литовскаго владѣнія, авторъ приводитъ много отрывковъ изъ современныхъ актовъ и другихъ источниковъ, заимствуя ихъ изъ разныхъ печатныхъ сборниковъ, насколько они указываютъ на видъ и состояніе города, на нравы и отношенія жителей, на борьбу православія съ латинствомъ. Авторъ только приводитъ кучу извѣстій, но не созидаетъ на основаніи ихъ стройнаго образа жизни, не объясняетъ, не связываетъ и не осмысливаетъ ихъ; не видно у него движенія жизни, нѣтъ сравненія съ предшествовавшимъ бытомъ, не собраны послѣдствія, отразившіяся на жизни грядущихъ временъ. Приводя разныя мѣста изъ законодательства и постановленій, онъ не указываетъ, каково было ихъ приложеніе. Авторъ даже, какъ явствуетъ, не всегда понимаетъ смыслъ актовъ, изъ которыхъ приводятся мѣста. Такъ, возьмемъ на выдержку страницу 36. Авторъ затрудняется въ словѣ *новина,* когда это обыкновенное чисто русское слово значитъ: нововведеніе, новшество. Въ той обстановкѣ, въ какой оно употреблено въ приведенномъ имъ актѣ, легко даже по одному смыслу рѣчи догадаться. Говоря объ оскорбленіяхъ православію, чинимыхъ римскими католиками, авторъ говоритъ, что они одинаково продолжались отъ флорентійскаго собора до присоединенія Кіева къ Россіи, въ теченіи 290 лѣтъ, тогда какъ, напротивъ, исторія показываетъ, что въ теченіи этого періода отношенія католиковъ къ православнымъ подвергались большимъ измѣненіямъ, и никакъ нельзя думать, чтобы все было одинаково. Попытки введенія латинства при Казимірѣ Ягеллоновичѣ въ XV вѣкѣ были временны, а потомъ, православные пользовались опять спокойствіемъ со стороны великихъ князей и королей, и вообще гнетъ латинства не чувствовался при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ. Онъ усилился и дошелъ до невыносимыхъ размѣровъ только въ XVII вѣкѣ, послѣ церковной уніи.—О такомъ важномъ предметѣ, какъ магдебургское право, говорится на страничкѣ, тогда какъ если о чемъ, то объ этомъ болѣе всего мы въ правѣ были ожидать яснаго и подробнаго образа и здравыхъ разсужденій, тѣмъ болѣе что въ русской литературѣ почти ничего не было спеціально и дѣльно писано о томъ, какъ принималось западно-русскими городами это право, въ чемъ оно

расходилось и сходилось съ прежними обычаями, и какое вліяніе оказывало на жизнь, дѣятельность и благосостояніе городовъ.—Четвертый періодъ изложенъ занимательнѣе, въ особенности любопытенъ заимствованный цѣликомъ изъ нѣмецкаго сочиненія доктора Лерхе разсказъ о моровой язвѣ въ 1770 г., а также о пребываніи въ Кіевѣ императрицы Екатерины II изъ книги, переведенной въ 1799 г. съ англійскаго языка. За исторіей слѣдуетъ въ «Описаніи» статистика города Кіева, съ любопытными данными, а потомъ, самая «суть» книги: *Частное описаніе древностей и достопамятностей города Кіева, расположенное по азбучному порядку.* Въ этомъ археологическомъ лексиконѣ не господствуетъ, однако, точность и порядокъ, главное условіе подобныхъ трудовъ. Такимъ образомъ, читатель, которому окажется нужнымъ узнать что-нибудь о предметахъ, относящихся къ Кіеву, напрасно будетъ искать ихъ подъ соотвѣтствующими буквами. Вотъ напр., Боричевъ взвозъ, Ручай Кожемяки, Хоревица, Угорьское и многое, очень многое! Объ иномъ говорится вскользь, безъ изслѣдованія, безъ отвѣтовъ на необходимо возникающіе вопросы. Авторъ много разъ безпрестанно приводитъ разныя чужія мнѣнія и показываетъ ихъ несостоятельность, но чаще всего этимъ онъ нисколько не облегчаетъ изслѣдованія и не уясняетъ вопросовъ, а только загромождаетъ изложеніе лишнимъ грузомъ и напрасно отягощаетъ читателя, ищущаго доводовъ и результатовъ, но принужденнаго перебирать старый хламъ. Отъ многихъ опровергаемыхъ имъ мнѣній ни тепло ни холодно, и дѣло не подвигается ни на волосъ; гдѣ было темно, тамъ и остается темно; подобную полемику со всякою покойною рухлядью можно было помѣстить въ особомъ отдѣлѣ примѣчаній, а никакъ не въ прямомъ текстѣ. Между тѣмъ, при всемъ своемъ критицизмѣ, авторъ допускаетъ себѣ пускаться въ через-чуръ невыдерживающія критики предположенія, какъ напр., на стр. 331, по поводу *пасынчей бесѣды* и мѣстоположенія церкви св. Ильи. Съ другой стороны, не можемъ отказать автору въ нѣкоторыхъ, по нашему мнѣнію, здравыхъ сужденіяхъ и удачныхъ опредѣленіяхъ мѣстностей. Такъ, между прочимъ, доводы автора убѣждаютъ насъ, указывая мѣсто упоминаемаго въ лѣтописяхъ Копырева конца въ Кожемяцкомъ ущельи. Намъ кажется, что вообще Кожемяки и Глубочица въ древній періодъ были заселены, потому что, въ порядкѣ тогдашней жизни, сообразно съ обстоятельствами было прятаться въ такія непристунныя ущелья и, вѣроятно, тамъ же и помѣщался Подолъ, когда, по извѣстію лѣтописца, на мѣстѣ нынѣшняго Подола была вода, а подъ именемъ Ручая, въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть именно ручей Глубочицу. Названіе Глубочица не встрѣчается въ лѣтописяхъ, но есть названіе Ручай, а позднѣйшее названіе Глубочица показываетъ, что потокъ этотъ былъ глубокъ. Тогда и Боричевскій взвозъ придется искать не тамъ, гдѣ его обыкновенно ищутъ, то есть, между андреевскою и тресвятительскою церковью. Онъ могъ быть именно тою дорогою, которая теперь не существуетъ, но еще недавно существовала, подымаясь отъ Подола черезъ Кожемяки мимо десятинной церкви на Старый Кіевъ. Авторъ «Описанія» справедливо и проницательно указываетъ на древность этого взвоза, но однако думаетъ, что кромѣ его былъ еще Боричевскій, тамъ, гдѣ его привыкли видѣть; но отъ автора мы не узнали: на какихъ несомнѣнныхъ данныхъ онъ слѣдуетъ общепринятому мнѣнію? Мы не выдаемъ ничего предполагаемаго за что нибудь вполнѣ неопровергаемое, но сообщаемъ его, предоставляя лучше насъ знающимъ Кіевъ, и не такъ давно, какъ мы, видѣвшимъ его, вдуматься въ него.

При тѣхъ недостаткахъ, какія мы приняли смѣлость указать, книга г. Закревскаго, до новыхъ, болѣе удачныхъ трудовъ по этому предмету, останется лучшимъ руководствомъ для желающихъ ознакомиться съ древнимъ и настоящимъ Кіевомъ, и наука русская должна съ признательностію къ почтенному автору принять его трудъ въ свою сокровищницу, и пожелать другимъ русскимъ городамъ найти для себя такихъ же трудолюбивыхъ писателей.

Н. К—въ.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. игумена Волоцкаго. Соч. *И. Хрущева.* Спб. 1868. Стр. 266. Ц. 2 руб.

Мы имѣли случай только заявить о выходѣ въ свѣтъ этого сочиненія въ одномъ изъ нашихъ «Библіографическихъ Листковъ», и потому теперь возвращаемся къ болѣе подробному разсмотрѣнію его содержанія.

Это — магистерская диссертація молодого

ученаго. Вообще говоря, магистерскія и даже докторскія диссертаціи нерѣдко пишутся такъ, что, доставивъ (при свойственной русскому добродушію снисходительности) своимъ авторамъ желаемую степень, а часто теплое для нихъ, и холодное для другихъ мѣсто, удаляются во мракъ забвенія, не обнаруживъ на послѣдующій ходъ науки никакого вліянія. Диссертаціи, переживающія свое оффиціозное значеніе, диссертаціи, которыя могутъ впослѣдствіи читаться и изучаться, — у насъ явленія не обыденныя и достойны вниманія и уваженія. Авторъ настоящаго сочиненія, предназначеннаго для полученія степени, изучалъ свой предметъ долгое время, какъ видно по его труду, пересмотрѣлъ множество рукописей въ разныхъ книгохранилищахъ нашихъ, изложилъ свой предметъ ясно и безъ ученой болтовни, обыкновенно затемняющей, а не разъясняющей дѣло. Намъ не разъ случалось встрѣчать пышныя названія разсужденій и изслѣдованій: «Такой-то и его время»; авторъ настоящаго изслѣдованія ограничился скромнымъ названіемъ, а между тѣмъ читатель найдетъ въ этомъ изслѣдованіи не только объ Іосифѣ Санинѣ и его сочиненіяхъ, но также и о средѣ, въ которой жилъ и обращался Іосифъ. Вначалѣ авторъ указываетъ на (большею частію рукописные и мало тронутые) источники для изученія біографіи и письменной дѣятельности Іосифа Санина; но было бы желательно, чтобы это дѣлалось съ большею отчетливостію и точностію, какая необходима для того, чтобы облегчить возможность другимъ заниматься тѣмъ же предметомъ. Мы, напротивъ, находимъ, напримѣръ на стр. 248, указаніе на «Слово отвѣтно противу клевещущихъ истину евангельскую», съ ссылкою на Православный Собесѣдникъ 1861, тогда какъ ни въ одномъ номерѣ этого журнала за означенный годъ такого сочиненія не оказывается.

Далѣе авторъ дѣлаетъ первый опытъ того, чего уже многіе желаютъ. Говоря о появленіи монастырей одного за другимъ въ XIV и XV вѣкахъ и объ ихъ святыхъ основателяхъ, пріобщенныхъ къ лику святыхъ (а это почти всегда бывало), авторъ собираетъ изъ разныхъ чтеній того времени болѣе или менѣе общія для всѣхъ черты, и такимъ образомъ у него образовался типическій образъ подвижника русскаго XIV и XV вѣковъ. Это важно какъ указаніе пути къ болѣе полному труду, котораго мы должны ожидать для нашей науки, и который мы бы скорѣе всего осмѣлились возложить на самого автора изслѣдованія объ Іосифѣ Волоцкомъ, какъ на обѣщающаго, по своему труду, всѣ данныя для исполненія такого дѣла. Здѣсь недостаточно указать на однѣ черты, общія русскимъ святымъ; нужно еще сравнить житія нашихъ святыхъ съ греческими и указать, насколько въ нихъ общаго и насколько въ нашихъ есть своеобразнаго.

Значеніе Іосифа Волоцкаго опредѣлится для насъ только тогда, когда мы сообразимъ: что́ такое былъ монастырь въ исторіи нашей образованности. Если бы подобный Іосифу дѣятель явился въ наше время, онъ бы спеціально принадлежалъ только исторіи церкви, даже преимущественно ея отдѣлу—исторіи монастырскаго быта; но въ XV вѣкѣ не то: тогда единственно церковь удовлетворяла духовнымъ стремленіямъ человѣка, единственно она отвѣчала на вопросы ума, а въ церкви монастырь былъ центромъ раздачи духовной пищи и мѣстомъ умственныхъ работъ. Въ наше время есть наука и искусство, отдѣльно отъ религіозной сферы; есть университеты, академіи, театры, училища; въ тѣ времена, вмѣсто всего этого, была церковь и преимущественно монастырь. Туда обращалась душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея неудовлетворительною, когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она чувствовала въ себѣ голосъ иной природы. На Западѣ, монастыри воспринимали оставленное древнимъ языческимъ просвѣщеніемъ знаніе, умножали его собственными трудами и передавали грядущему по нихъ новому міру, созидаемому и вырабатываемому на основахъ точнаго познанія и ясной мысли. Замѣтятъ намъ, что у насъ подобнаго не было. Спросятъ насъ: гдѣ въ нашихъ монастыряхъ наука, гдѣ плоды ихъ умственныхъ трудовъ, что́ дали они для жизни грядущихъ по себѣ поколѣній? Наше просвѣщеніе не заимствовано ли цѣликомъ съ Запада? Развѣ мы не идемъ по дорогѣ, проложенной прежде насъ не нами? Что́ такое сдѣлали эти монастыри, чтобъ при изученіи какой нибудь науки можно вспомнить объ нихъ? Что́ оставили они въ произведеніяхъ своей письменности? Схоластика, риторика, формалистика... Въ нашихъ монастыряхъ писали, толковали, спорили о томъ, какъ и когда что́ слѣдуетъ читать или

пѣть въ богослуженіи, да какъ бороться съ бѣсами, безпокоившими любителей молчанія и уединенія: все это можетъ быть очень хорошо, но годится только для монаховъ, а не для общества, не для людей, обращающихся другъ съ другомъ въ потѣ насущнаго труда, въ сложной путаницѣ общественныхъ вопросовъ. Все, что́ касается монастырей, не составляетъ ли скорѣе ихъ спеціальную исторію безотносительно къ исторіи народной жизни? Такъ дѣйствительно должно показаться, если только скользить по поверхности нашихъ письменныхъ памятниковъ, не вдаваться глубоко въ прошедшую жизнь, думать объ исторіи слегка и дѣлать заключенія, единственно руководствуясь внѣшними признаками. При этомъ мы неможемъ не вспомнить замѣчательныхъ мыслей К. Д. Кавелина, выраженныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу исторіи С. М. Соловьева. Что́ касается до насъ, то мы думаемъ, что тамъ въ первый разъ у насъ высказана прямо истина, которая всегда должна быть во главѣ угла нашихъ сужденій о прошедшемъ русскаго народа. Это та простая истина, что при оцѣнкѣ достоинства того, что́ выработано нашею прошлою жизнію, не слѣдуетъ брать сравненія съ дѣятельностію другихъ народовъ, находившихся въ иныхъ, гораздо счастливѣйшихъ условіяхъ, а имѣть въ виду прежде всего тѣ обстоятельства, при которыхъ прошлая жизнь наша протекала. И если только мы приложимъ то правило къ сужденію о монастыряхъ, если обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на тѣ трудности, которыя долженъ былъ претерпѣвать русскій человѣкъ на пути своего развитія, если, съ другой, сознаемся, какъ, въ самой природѣ человѣка, медленно и постепенно совершается переходъ отъ животной жизни къ умственной, то для насъ станетъ ясно, что независимо отъ всего, что монастыри оставили намъ въ области письменности, независимо отъ того, сколько они участвовали въ составленіи общественныхъ, экономическихъ и государственныхъ связей русскаго народа — одно уже ихъ значеніе, одна цѣль ихъ существованія была великимъ рычагомъ интелектуальнаго пробужденія спавшей много вѣковъ животнымъ сномъ громады. Но какіе признаки ихъ бытія? Постъ, молитва, умерщвленіе плоти, возвышеніе духа, стремленіе къ достиженію блаженства не матеріальнаго.... это среди общества грубаго, самаго животнаго. Развѣ это одно уже не великая школа? Мы говоримъ такимъ образомъ совсѣмъ не только съ религіозной точки зрѣнія. Начало умственной жизни всегда предполагало постъ, воздержаніе, умерщвленіе плоти въ извѣстной степени, однимъ словомъ то, что называется аскетизмомъ, — разумѣется, давая этому слову обширное значеніе. Да, въ аскетизмѣ являлся прежде зародышъ науки, искусства, философіи, успѣховъ жизни, даже житейскаго комфорта, какъ ни кажутся противоположными понятія комфорта и аскетизма. Животная природа человѣка, съ грубыми привычками, не въ силахъ отстать отъ нихъ и обратиться къ умственному труду прежде, чѣмъ не почувствуетъ существованія чего-то противнаго тому, что ее до сихъ поръ удовлетворяло, и не захочетъ ради этого подвергнуть себя лишеніямъ. Мы развѣ не видимъ этого въ извѣстной степени каждый день на дѣтяхъ? Развѣ первое ученье, послѣ беззаботныхъ младенческихъ игръ, не запечатлѣвается въ большей или меньшей степени тягостями, лишеніями, развѣ замѣненіе лакомствъ азбукою не дѣтскій аскетизмъ? Развѣ можетъ отрокъ достигнуть чувства любви къ ученію, къ размышленію, прежде чѣмъ испытаетъ борьбу съ лѣнью и животными наклонностями? Человѣчество, во всей своей громадѣ подчиняясь тѣмъ же законамъ своей природы, какимъ подчиняется каждый изъ насъ, не могло инымъ путемъ достигать духовнаго быта — науки, знанія, искусства, цивилизаціи, какъ проходя черезъ аскетизмъ. Брамины, бонзы, дервиши, терапевты, факиры, постъ, уединеніе, молитва, самолишеніе, самоиспытаніе въ самыхъ уродливыхъ для нашего воззрѣнія формахъ, что́ это, какъ не слѣдствіе интеллектуальной потребности человѣческой природы идти къ торжеству ума надъ побужденіемъ, которое на религіозномъ языкѣ называется борьбою съ плотію. Религія — первая научительница человѣческаго духа, предвѣстница и предтеча науки, безъ аскетизма, — игрушка, народная сказка; какъ только человѣкъ начинаетъ вѣровать и вдумываться въ свое вѣрованіе, какъ только онъ начнетъ размышлять о томъ, чему покланяется, передъ чѣмъ благоговѣетъ, неизбѣжно является аскетизмъ. Божество представляется существомъ выше тѣхъ существъ, которыя доступны его тѣлеснымъ чувствамъ, именно потому, что оно неподчиняется чувственнымъ ощущеніямъ; а

слѣдовательно, чтобы приблизиться къ нему, нужны пути несходныя съ обычнымъ путемъ животнаго самоудовлетворенія: отсюда возникаетъ понятіе, что коль скоро человѣкъ не можетъ къ нему приблизиться и угодить ему, удовлетворяя самому себѣ, то стало быть онъ долженъ избрать противный путь — путь самолишенія; такимъ образомъ является идея жертвы. Сначала человѣкъ лишаетъ себя, въ угоду божеству, плодовъ, которыя самъ можетъ съѣсть, потомъ овецъ и коровъ, которыя нужны ему самому; наконецъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, развивающихъ въ немъ мысль о требованіи со стороны божества бо́льшихъ самолишеній — онъ, въ угоду этому божеству, рѣжетъ или жжетъ собственныхъ дѣтей. Что́ такое жертвы какому-нибудь Молоху или Мархартесу, какъ не аскетизмъ, выражающійся желаніемъ угодить божеству страданіемъ за тѣхъ близкихъ, которыхъ человѣкъ лишается. Уродливыя, приводящія въ ужасъ варварства, разсказываемыя о мексиканскомъ каннибальствѣ, въ сущности есть первичное проявленіе самыхъ высшихъ побужденій человѣческой природы, стремленіе найти наслажденіе духовное, высшее надъ всѣми матеріальными, создать нравственный законъ, который былъ бы драгоцѣннѣе всего, что́ можетъ быть дорого человѣческимъ животнымъ побужденіямъ. Въ религіяхъ, гдѣ созерцаніе божества достигло болѣе высшаго развитія, исчезаютъ такія грубыя формы и замѣняются другими, вырабатывается нравственный законъ, и самолишеніе, въ угоду божеству, начинаетъ ограничиваться отреченіемъ отъ того, что́ хотя льститъ чувствамъ, но считается противнымъ нравственному закону. Этотъ нравственный законъ признается исходящимъ отъ божества, и то, что противорѣчитъ закону, противно Богу и называется грѣхомъ. Чѣмъ болѣе расширяется предъ человѣкомъ нравственный идеалъ, относимый имъ къ божеству, тѣмъ больше онъ сознаетъ въ себѣ недостатковъ и грѣховъ, которые слѣдуетъ, въ угоду Богу, побороть, и, наконецъ, находя, что въ немъ все грѣховно, человѣкъ доходитъ до вѣры, что только убійствомъ въ себѣ всякихъ страстей, побужденій, желаній, всевозможнѣйшимъ самолишеніемъ и терпѣніемъ можно угодить божеству. Отсюда и пустынножительство, и всѣ формы удаленія отъ міра и отъ жизни съ ближними. Христіанство, повидимому, не устанавливало монашества, и ратовавшіе противъ послѣдняго протестанты постоянно указывали не только на отсутствіе заповѣдей Богочеловѣка и его учениковъ о монашествѣ, но даже на мѣста, положительно, по ихъ мнѣнію, не допускающія возникновенія въ церкви этого учрежденія; равнымъ образомъ, они обращали вниманіе на то, что монашество явилось не въ близкія къ основанію христіанства времена, и церковь существовала долгое время безъ монашества, поэтому и считали послѣднее чѣмъ-то привитымъ извнѣ. Формы монашества, дѣйствительно, не составляютъ непремѣнныхъ условій церкви, и потому онѣ были всегда очень разнообразны. Но въ духѣ Христова ученія лежитъ неизбѣжно аскетизмъ и, поэтому, зародышъ монашества. Нравственный іудейскій законъ, преимущественно выражаемый отрицаніемъ зла, въ христіанствѣ возведенъ въ положительныя стремленія къ добру, къ безконечной любви. Богачу, соблюдавшему отъ юности заповѣди Моисеева закона, Христосъ открываетъ, что онъ еще не кончилъ всего для вѣчнаго спасенія: Онъ даетъ ему совѣтъ продать все свое достояніе, раздать нищимъ и пойдти за Христомъ проповѣдывать людямъ правду и подвергаться за нее всевозможнымъ лишеніямъ и страданіямъ, въ надеждѣ пріобрѣсти за то̀ сокровище на небесахъ. Молодой человѣкъ отъ Господа удалился, потому что былъ очень богатъ. Да; онъ былъ очень богатъ, не только монетами и имѣніями, дававшими ему доходы, но также и рутиною, выработанною прошедшими вѣками, рутиною законченною, освященною признаніемъ многихъ поколѣній нравственнаго ученія, съ которымъ, казалось, шелъ въ разрѣзъ новый путь къ совершенству, ему предложенный. Молодой человѣкъ читалъ въ своихъ книгахъ, что Богъ награждаетъ угождающихъ ему, не только по смерти, но и въ этой земной жизни — благоденствіемъ и успѣхами. Самъ Іовъ, угодивъ Богу терпѣніемъ въ страданіяхъ, награжденъ былъ здѣсь, на землѣ. Еврейскій законъ, предписывая добродѣтель въ земной жизни, представилъ земное благополучіе, какъ послѣдствіе добродѣтели. Ученіе о безконечной любви, съ надеждою блаженства въ томъ мірѣ, о которомъ земной человѣкъ не могъ себѣ составить яснаго представленія, не было принято тамъ, гдѣ оно встрѣтило подобный законъ, слишкомъ давно вошедшій въ

кровь и плоть народа, слишкомъ всѣмъ ясный, и всѣми, болѣе или менѣе, если не одинаково, то сходно принимаемый; новое ученіе принималось или тамъ, гдѣ, въ хаосѣ разнообразныхъ вѣрованій, школъ и ученій, человѣческій умъ, утомившись безполезною работою, искалъ чего-нибудь успокоительнаго, или тамъ, гдѣ нравственныя понятія, по младенчеству духовной жизни, не успѣли еще облечься въ строгую систему — или въ одряхлѣломъ греко-римскомъ, или въ молодомъ варварскомъ мірѣ. И тамъ и здѣсь аскетизмъ былъ кстати.

Вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ протестантовъ, аскетизмъ былъ душою уже первыхъ христіанскихъ обществъ, хотя форма монашеская еще и не выработалась. Долгія молитвы, посты, безбрачіе или вдовство послѣ перваго брака, были въ обычаѣ у древнихъ христіанъ; болѣе всего аскетизмъ выражался и поддерживался мученичествомъ; гоненія на новую вѣру давали поводъ проявляться потребности самопожертвованія и самолишенія, въ угоду Богу, фактами произвольнаго страданія и терпѣнія; мученіе для христіанъ не ограничивалось стоическимъ терпѣніемъ за правду, силою воли, готовой все переносить за свои убѣжденія, оно было желаннымъ актомъ, котораго не слѣдовало никакъ избѣгать, а, напротивъ, надлежало искать и радоваться, когда является случай пріобрѣсти вѣнецъ вѣчнаго блаженства за временныя мученія. Съ умаленіемъ и прекращеніемъ гоненій за вѣру, развивается пустынножительство и монашество; такъ какъ мученичество было протестомъ противъ языческой вѣры, такъ пустынножительство и монашество было протестомъ противъ языческой цивилизаціи, слишкомъ плотской, эгоистичной и развращенной для того, чтобъ христіанство уживалось съ нею, безъ опасности для себя самого. Іеронимъ, боровшійся въ своей виѳлеемской пещерѣ съ воспоминаніями о римскихъ танцовщицахъ, безпокоившихъ его воображеніе даже и тогда, когда изнуренныя постомъ кости его стучали одна объ другую,—живой примѣръ той борьбы, какую приходилось выдержать христіанству съ привычками древняго міра. Новая вѣра расширялась, торжествовала, но старая языческая жизнь продолжала господствовать внутри наружно обновленнаго общества, и противъ нея-то становился борцомъ и обличителемъ христіанскій аскетизмъ въ образѣ пустынножительства, монашества, покаянія. Подобно какъ мученикъ, временъ Декія или Діоклеціана, говорилъ язычникамъ: «Смотрите на меня; я вашимъ богамъ не вѣрую, дѣлайте со мною что хотите, я все перенесу, а вы изъ этого уразумѣете, что, стало быть, наша вѣра справедлива, когда люди за нее могутъ терпѣть такія муки», — преподобный отецъ говорилъ людямъ охристіанившагося, но проникнутаго языческими привычками греко-римскаго міра: «Смотрите на меня; я презираю то, что вы такъ цѣните, я не ѣмъ вкусныхъ яствъ, не пью винъ, не ношу дорогихъ одеждъ, не собираю сокровищъ, не посѣщаю зрѣлищъ, удаляюсь отъ забавъ и бесѣдъ, я не только гнушаюсь сладострастіемъ, но отрекаюсь отъ удовольствій семьи, я терплю зной, голодъ, холодъ, я вѣчно въ трудѣ и лишеніи, и я счастливѣе васъ: изъ этого уразумѣйте, что есть для человѣка наслажденія выше тѣхъ, которыми вы такъ, въ своей слѣпотѣ, дорожите».

И вотъ, христіанское общество, видя такіе примѣры, должно было постоянно поддерживать у себя мысль, что все, полученное имъ отъ язычества—есть мерзость, и препятствуетъ достиженію спокойствія; а идеалъ христіанскаго житія есть аскетизмъ. Онъ достояніе только избранныхъ, которымъ мы должны подражать по возможности, и которые за всѣхъ насъ грѣшныхъ Бога молятъ: ихъ святыми обѣтами и молитвами стоитъ міръ, и душою религіи служитъ аскетизмъ. Такія понятія господствовали въ церкви, когда Русь приняла св. крещеніе. На ея дѣвственную почву перешло монашество. Но здѣсь ему приходилось бороться уже не съ привычками древней цивилизаціи, а съ животными побужденіями первобытной природы человѣка, чуть ступившаго на путь цивилизаціи. И что же? Если на почвѣ древняго греко-римскаго міра монахъ проповѣдывалъ отреченіе отъ цивилизаціи, здѣсь, напротивъ, онъ былъ проводникомъ цивилизаціи. Такимъ же образомъ, не смотря на видимое тождество греческаго аскетизма съ русскимъ, мы видимъ рѣшительную противоположность между тѣмъ и другимъ: греческій аскетъ убѣгалъ изъ многолюдныхъ городовъ, отъ гнилыхъ мѣстъ и торжищъ въ пустыню; русскій аскетъ хотѣлъ подражать ему, но выходило противное; тамъ, гдѣ онъ поселялся, являлись человѣческія жи-

лища, города, процессіи и торжища. Русскій аскетъ (часто безсознательно и даже противъ воли) своею жизнію говорилъ окружавшему его обществу: «Смотрите! вы находите удовольствіе только въ томъ, чтобы ѣсть, да пить, вы не удерживаете своихъ страстей, ничему не учитесь, ничего не знаете, лѣнитесь; что приходитъ вамъ на сердце, то вы, не размышляя, и дѣлаете, другъ съ другомъ деретесь, другъ друга убиваете; а я ѣмъ и пью мало, лѣнь мнѣ противна, я всегда въ трудѣ, отъ женщинъ удаляюсь, я читаю книги и думаю надъ ними, стало быть, есть добро духовное, есть наслажденія ума выше тѣхъ, которымъ вы преданы, и не насыщаетесь; вамъ трудно удерживать свои звѣрскія страсти, а я вотъ какъ удерживаю мои». При отсутствіи другихъ путей къ умственному развитію, это былъ единственный способъ, будившій народъ въ его животномъ оцѣпенѣніи, воздвизавшій отъ грубой жизни желудка и крови. Въ монастырѣ русскій человѣкъ пріучался думать, получалъ понятіе о томъ, что́ такое познаніе, пріобрѣталъ свѣдѣнія о томъ, что можетъ быть жизнь съ отправленіями выше его обыденной животной жизни, жизнь ума и мысли; въ монастыряхъ сосредоточились и развивались письменныя работы; литературная дѣятельность была къ нимъ привязана даже и у тѣхъ, которые участвовали въ ней, не принадлежа къ монашескому званію. Народъ стоялъ на той степени развитія общественнаго, когда, по общечеловѣческому закону, духовное развитіе можетъ быть сообщаемо только въ области религіи, когда знаніе, мудрость, просвѣщеніе прикованы къ религіозному воззрѣнію. Но этимъ не ограничивалось вліяніе монастырей на нашу жизнь. Истинные проводники цивилизаціи, монастыри были въ странѣ нашей и путеводителями къ матеріальному благосостоянію. Нигдѣ лучше не обработывали земель, какъ тамъ, гдѣ онѣ принадлежали монастырямъ, нигдѣ не было хозяйства лучше монастырскаго; поселяне, принадлежавшіе съ своими землями монастырямъ, были самые зажиточные. Гдѣ появлялся монастырь, тамъ дикія пустыни обращались въ жилыя и обработанныя мѣстности, около ихъ стѣнъ строились города и посады, возникали промыслы, развивалась торговля. Сами монастыри подавали примѣръ торговой дѣятельности. Авторъ разбираемаго сочиненія справедливо говоритъ, что записки богатыхъ имѣній въ монастыри дали возможность самымъ монастырямъ превратиться въ хозяйственныя учрежденія, и нѣкоторые, пользуясь льготою, вели въ большомъ размѣрѣ торговыя операціи. Гдѣ только появлялся монастырь, тамъ проливалось благословеніе по окрестности; люди чувствовали это и потому такъ уважали монастыри.

При благодѣтельномъ вліяніи древнихъ монастырей, конечно, отыщется и много сторонъ, которыя замедляли ходъ умственнаго развитія; но мы должны помнить, что все совершается во времени, и ничто человѣческое не изъято отъ черныхъ пятенъ. Насъ можетъ возмущать драка удѣльныхъ князей сама по себѣ, но въ сущности удѣльно-вѣчевой періодъ для Руси принесъ чрезвычайную пользу; безъ призванія единаго рода князей, междоусобія русскихъ земель и народовъ совершались бы, конечно, съ бо́льшею жестокостью и вредомъ для всѣхъ. Такъ точно, если бы у насъ не было монастырей, народъ русскій пребывалъ бы въ гораздо бо́льшемъ невѣжествѣ и скорѣе наклонялся бы къ дикости, чѣмъ къ образованности.

Умноженіе и процвѣтаніе монастырей нашихъ шло рука объ руку съ развитіемъ гражданственности, которой они такъ много способствовали. Съ принятіемъ христіанства, монастырское житіе стало процвѣтать на югѣ и процвѣтало до тѣхъ поръ, пока русская гражданственность не была смягчена на югѣ и не удалилась на сѣверъ. Вмѣстѣ съ нею переходило туда и монашество со всѣми пріемами своей дѣятельности. Татарское нашествіе перевернуло Русь вверхъ дномъ: это бѣдствіе отразилось и упадкомъ монастырей. Многіе изъ существовавшихъ до того времени исчезли вовсе, другіе влачили жалкое существованіе. Когда, черезъ столѣтіе слишкомъ, орда начала разлагаться, а Русь оживала, тогда и монастырское житіе стало возрастать. Къ XIV и XV вѣку относятся возстановленія обителей, основанныхъ святыми подвигомучениками и впослѣдствіи пріобрѣвшихъ знаменитость. Такимъ образомъ, появился монастырь Сергіевъ св. Троицы, Кирилла Бѣлозерскаго, Соловецкій, Боровскій, Волоцкій и другіе. Съ возрастаніемъ монастырей поднималась и письменность русская. Знаменитѣйшіе монастыри того времени, напр., Троицкій, Кирилловскій, Соловецкій, Во-

лоцкій, заключали богатѣйшія библіотеки рукописей, до сихъ поръ составляющія сокровища нашей древней умственной дѣятельности. Изученіе этого явленія, безъ сомнѣнія, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ отечественной исторіи.

Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI, обозначились у насъ въ монастырскомъ быту два различныя направленія. Внѣшними признаками ихъ были—одного: общежительство, другого—особное житіе; но этою внѣшностію не ограничивалось ихъ различіе; оно проникало глубже въ ихъ духовную жизнь и понятія. Два направленія высказывались и внутренними свойствами. Одно опиралось на авторитетъ, другое на самоубѣжденіе; одно проповѣдывало повиновеніе, другое совѣтъ; одно стояло за строгость, другое за кротость; — важнымъ представителемъ перваго явился Іосифъ Волоцъ, второго—Нилъ Сорскій. Эти различія совпадали съ тѣмъ общественнымъ различіемъ, какое показывали въ своемъ строѣ сѣверъ и средина Руси—Новгородъ и Москва. Новгородская земля изобиловала издавна монастырями, но общежитія въ нихъ избѣгали; личная свобода—душа новгородской жизни — господствовала и въ монастырскомъ быту; и такъ, новгородецъ не хотѣлъ налагать на себя тяжелаго ярма. Между тѣмъ въ московской Руси монастырское общежитіе совпадало съ общиннымъ устройствомъ, господствовавшимъ въ міру, и строгая власть настоятеля была въ его монастырѣ подобіемъ неограниченной власти великаго князя надъ землею. Вмѣстѣ съ покорностію власти, въ общежительныхъ монастыряхъ соединенной Руси утвердилось строгое господство буквы и обряда, отражавшееся такъ выпукло на всемъ религіозномъ строѣ Руси до нашего времени. Оба упомянутыя нами направленія равномѣрно сообразны съ духомъ православной церкви, но злоупотребленія перваго приводили къ пыткамъ, казнямъ, церковному деспотизму; злоупотребленіе другого къ вольнодумству, желающему поставить то, что кажется истиннымъ собственному разумѣнію, выше священныхъ авторитетовъ. Въ грядущія времена безусловное подчиненіе догмату и повиновеніе священной власти привели къ той церковной нетерпимости, которая вооружилась противъ западной науки, называемой плодомъ бусурманщины, а строгое благоговѣніе передъ буквою отозвалось впослѣдствіи безпоповщиною, такъ какъ противоположное направленіе, конечно, противъ желанія слѣдовавшихъ ему, могло подготовлять къ молоканству и другимъ вольнодумнымъ сектамъ.

Характеръ Іосифа Волоцкаго, на сколько онъ высказывается въ его дѣйствіяхъ и писаніяхъ, есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Это была совсѣмъ не одна изъ тѣхъ многочисленныхъ въ его кругѣ натуръ, кроткихъ, мягкихъ и мечтательныхъ, которыя уходили въ монастыри или пустыни, когда ихъ доброе сердце оскорблялось людскими неправдами или слишкомъ дрожало отъ мірского треволненія, когда у нихъ воли недоставало, чтобы возложить на себя тягость житейской добродѣтели и вступить въ борьбу съ неправдой посреди людского общества. Это была также не одна изъ тѣхъ пламенныхъ поэтическихъ натуръ, которыхъ увлекало обаяніе созерцанія и самоуглубленія, нужда духовной свободы, допускающей приближаться къ тому, что, по ихъ мнѣнію, мѣшаютъ видѣть земныя отношенія; Іосифъ былъ человѣкъ дѣла и разсудка, но никакъ не чувства и воображенія. Въ наше время, съ подобнымъ характеромъ человѣкъ менѣе могъ попасть въ монастырь, развѣ тогда, когда монашество служило бы ему средствомъ для иныхъ цѣлей. Въ наше время, такой человѣкъ скорѣе всего сдѣлался бы публицистомъ, и всего вѣроятнѣе консервативнымъ, или ораторомъ при условіяхъ существованія парламентарности; въ XV вѣкѣ, когда монашество было наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для умственной дѣятельности вообще, такая личность явилась, въ званіи игумена, борцемъ за преданія церкви, организаторомъ монашескаго общества. Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ какъ ему должно быть, сообразно давно признаннымъ авторитетамъ; повиноваться тому, что указано и установлено, и карать безъ всякаго снисхожденія непокорныхъ — таковъ былъ духъ понятій и дѣйствій этого человѣка. Сердечности у него было мало, если совсѣмъ не было: правда, онъ поучаетъ вельможу о милованіи рабовъ, побуждаетъ князя кормить голодный народъ; но его поученія вѣютъ холодомъ, и авторъ настоящаго изслѣдованія справедливо замѣтилъ, что страданія рабовъ не на столько возбуждали сожалѣніе Іосифа, какъ отвѣтственность предъ Богомъ за дурное съ ними обращеніе.

Осмѣливаясь произносить слова за слабыхъ передъ сильными, Іосифъ не подражаетъ въ тонѣ Амвросію или Іоанну Златоустому; онъ приступаетъ къ вельможѣ съ тою робостію, какую долженъ ощущать передъ высшимъ низшій, называетъ себя дерзкимъ и безстыднымъ за то, что осмѣливается говорить ему, и только заботливость о душѣ того, къ кому онъ обращается, побуждаетъ его къ этому поступку. Въ своемъ посланіи къ дмитровскому князю о кормленіи народа во время голода, Іосифъ говоритъ очень кратко и сухо; онъ не возбуждаетъ состраданія князя къ голодному народу, не двигаетъ его сердца изображеніемъ страданій, ему нѣтъ дѣла до сердца князя, онъ напоминаетъ ему только долгъ, указываетъ на примѣры византійскихъ императоровъ, которымъ подражать долженъ русскій князь. То подобострастіе, съ какимъ Іосифъ вообще относится въ своихъ письмахъ къ людямъ сильнымъ и знатнымъ его времени, понятно, когда мы сообщимъ, что всю свою жизнь Іосифъ, какъ человѣкъ практическій, постоянно искалъ дружбы съ знатными и сильными людьми, привлекая ихъ жертвовать монастырю, въ особенности ради спасенія душъ усопшихъ родственниковъ. Въ одномъ изъ такихъ посланій, онъ объясняетъ, что если иногда Богъ лишаетъ родителей прежде времени ихъ дѣтей, то это дѣлается для того, чтобъ возбудить родителей къ пожертвованію имѣній на церкви и нищую братію; кто не дастъ по душѣ своихъ дѣтей въ монастырь, тотъ, значитъ, лишаетъ дѣтей своихъ наслѣдія и законной части (участія), и такіе родители будутъ осуждены отъ Бога за жесткость и немилосердіе. Поминовенія, составлявшія важнѣйшую вѣтвь монастырскаго благосостоянія, у Іосифа строго соразмѣрялись съ цѣнностію даннаго за нихъ вклада. Въ этомъ отношеніи любопытно посланіе Іосифа ко вдовѣ-княгинѣ, напечатанное въ первый разъ авторомъ разбираемаго изслѣдованія въ приложеніяхъ къ своей книгѣ. Вдова эта, какъ видно, была недовольна Іосифомъ за то, что съ нее берутъ дорого за поминовеніе. Іосифъ, оправдываясь, самымъ щепетильнымъ образомъ разъясняетъ ей, что поминовеніе должно быть непремѣнно сообразно со вкладомъ; вдова княгиня напрасно понимала такъ, что за данныя ею приношенія поминать будутъ ея родныхъ и ближнихъ навсегда; оказалось, что ихъ перестали поминать, потому что окончили поминовеніе на столько, сколько было дано въ монастырь. Для этой цѣли Іосифъ доказывалъ, что монастырь съ нею не рядился о вѣчномъ поминовеніи, ибо въ подобномъ случаѣ всегда постановляется особый рядъ. Такимъ образомъ, молитва, которая должна была способствовать вступленію души въ царствіе небесное, отправлялась въ количествѣ соразмѣрномъ тому, что за нее заплачено. Эта сухость и холодная практичность Іосифа не мѣшала ему, однако, дѣлать добро, и когда случился голодъ, его обитель ревностно помогала нуждающимся. Недостатокъ теплоты сердечной вознаграждался повиновеніемъ нравственному долгу, и надеждою угодить Богу.

Изъ многихъ памятниковъ письменной дѣятельности Іосифа, его монастырскій уставъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ насквозь пропитанъ сухостію и суровостію своего творца. Строгое исполненіе обрядовъ, буквы, повиновеніе начальству — дѣло монаха; жезлъ и желѣзныя узы лучшее побужденіе къ добронравію. Іосифъ ссылается на примѣръ Венедикта, смирявшаго братію жезломъ. Но нигдѣ такъ не проявилась эта суровость Іосифа, какъ въ его борьбѣ съ іудействующею ересью, противъ которой онъ написалъ «Слово просвѣтителя»—самый драгоцѣнный памятникъ ума и учености. До насъ только могъ дойти недюжинный по способностямъ и уму русскій человѣкъ XVвѣка. При своемъ практичномъ умѣ Іосифъ, однако, мало вѣрилъ въ силу вліянія своихъ убѣжденій на еретиковъ. Дѣло шло о томъ, какъ съ ними поступать. Кроткій и благодушный Нилъ Сорскій и ученикъ его, Вассіанъ (Патрикѣевъ), а за ними такъ-называемые заволжскіе старцы-ревнители скитскаго житія, совѣтовали дѣйствовать кротостью, обращать ихъ на путь истины, а не мучить, не истреблять. Самъ Иванъ Васильевичъ, человѣкъ, какъ извѣстно, уже никакъ не мягкаго сердца, колебался быть неумолимымъ къ отпадшимъ отъ вѣры. Іосифъ требовалъ жестокихъ казней. Іосифъ побуждалъ не вѣрить даже ихъ покаянію, не принимать его и казнить ихъ, какъ бы они ни увѣряли, что измѣняютъ свои мнѣнія. Соучастникъ Іосифа, Геннадій, архіепископъ новгородскій, указывалъ какъ на примѣръ, достойный подражанія, на испанскаго короля, преслѣдовавшаго неистово мавровъ. Голосъ

Нила и Вассіана, ополчавшійся за свойственную духу православія кротость и снисходительность, долженъ былъ умолкнуть передъ энергическими и холодными требованіями Іосифа. На сторонѣ послѣдняго была та безпощадная логика, которая не хочетъ имѣть дѣла съ сердечными порывами: Иванъ Васильевичъ, привыкши повиноваться этой логикѣ всю жизнь, и на этотъ разъ долженъ былъ послушаться ея. Каявшіеся еретики, по большей части, каялись притворно; иначе и быть не могло; убѣжденія не измѣняются отъ заточеній и пытокъ. Еретики были сожигаемы, къ удовольствію Іосифа. Ересь, однако, продолжала тлѣть подъ пепломъ костровъ и глубоко сохранилась въ землѣ русской, какъ показываетъ сходство существующей въ наше время іудействующей секты съ тою, о которой мы узнаемъ изъ обличеній «просвѣтителя», Іосифа Волоцкаго, тѣ же пріемы въ доводахъ противъ православія, такое же полупризнаніе Новаго Завѣта, съ сознаніемъ превосходства надъ нимъ Ветхаго. Уча смиренію и повиновенію старшимъ и вообще подчиненію формальному авторитету, Іосифъ, однако, самъ долженъ былъ почувствовать на себѣ самомъ тягость этого процесса, когда поссорился съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ. Не поладивши съ преемникомъ расположеннаго къ нему волоцкаго князя Бориса Ѳеодоровича, Іосифъ обратился къ великому князю московскому, съ просьбою принять его монастырь въ свое вѣдомство. Противъ этого вооружился, въ защиту своихъ епархіальныхъ правъ, архіепископъ новгородскій. Іосифъ далъ этому дѣлу характеръ политическій, и потому спорить съ Іосифомъ Серапіону — значило тягаться съ Москвою. Принятіе монастыря, находившагося въ удѣльномъ состояніи, для Москвы совпадало съ ея завѣтными постоянными стремленіями подчинить отдѣльныя части Руси, сливая ихъ во едино. Кромѣ того, Іосифъ имѣлъ много друзей и благопріятелей въ Москвѣ, центрѣ силы. Новгородскій владыко, осмѣлившись спорить съ Москвою, покушался, казалось, воскрешать древнія, уже избитыя, права новгородской автономіи; новгородскій владыко былъ лишенъ святительскаго сана и заключенъ въ монастырь, да еще въ добавокъ въ такой монастырь, гдѣ настоятель былъ сторонникъ Іосифа. Друзья и почитатели Волоцкаго игумена, однако, соблазнились этимъ и стали просить его примириться и проститься съ Серапіономъ. Іосифъ былъ непреклоненъ и клеймилъ своего соперника именемъ отлученнаго. До нравственной причины отлученія не было дѣла; достаточно того, что фактъ этотъ совершился. Серапіонъ скитался въ Троицкой обители и за свою святую жизнь пріобщенъ къ лику святыхъ. Житія двухъ соперниковъ, равномѣрно удостоившихся святости, разбираются въ извѣстіяхъ объ ихъ послѣднихъ отношеніяхъ.

Послѣднія лѣта жизни Іосифа ознаменованы также усиліями уничтожить своихъ соперниковъ. Великій князь Иванъ умеръ. Дошло до Іосифа, что преемникъ его, Василій, поддается Вассіану Патрикѣеву, жившему тогда въ Симоновѣ монастырѣ, который твердилъ ему о вѣротерпимости, о снисходительности къ заблудшимъ, о великодушіи къ кающимся. Іосифъ убѣждалъ великаго князя не вѣрить никакому раскаянію, и казнить лютою смертью всѣхъ, кто окажется виновнымъ въ ереси. Великій князь, по словамъ жизнеописателя Іосифова, велѣлъ еретиковъ, поднявшихъ-было голову по смерти Ивана, посадить въ темницу, но вскорѣ опять было склонился къ Вассіану. Двое старцевъ изъ Іосифова монастыря нарочно отправились къ заволжскимъ старцамъ, скитнякамъ, хранившимъ завѣтъ недавно усопшаго Нила, и потомъ доносили на послѣднихъ, что они еретики. Попа, который привезъ отъ нихъ доносъ, подвергли пыткѣ и замучили; но, по внущенію Вассіана, великій князь разгнѣвался на доносчиковъ и приказалъ перевести ихъ въ Кирилло-бѣлоозерскій монастырь, оставивъ обвиняемыхъ ими старцевъ-скитниковъ въ покоѣ. Враги Іосифа подняли голову. Вассіанъ, въ свою очередь, обвинялъ въ ереси Іосифа и его сторонниковъ за то, что, осуждая еретиковъ такъ безжалостно, онъ не допускаетъ возможности принять ихъ покаяніе, основывается на ветхомъ завѣтѣ, вопреки духу новаго, открывающаго всѣмъ грѣшникамъ путь къ покаянію и примиренію съ Богомъ и совѣстью. Іосифъ, по своей нетерпимости, оказывался одномысленъ съ еретикомъ Новатомъ, также отвергавшимъ покаяніе еретиковъ. Вслѣдствіе этого была полемика между двумя старцами, замѣчательная въ умственномъ мірѣ нашей старины, хотя авторъ настоящаго сочиненія коснулся ея слегка, тогда какъ слѣдовало бы разсмотрѣть

ее съ большимъ вниманіемъ. Споръ не ограничивался одними еретиками, но касался другихъ предметовъ первой важности въ нашемъ духовномъ мірѣ. Такимъ образомъ, Іосифъ домогался, чтобы вдовымъ священникамъ запрещено было священнодѣйствовать. Это требовалось въ той увѣренности, что бо́льшая часть овдовѣвшихъ священниковъ можетъ, по немощи тѣлесной, впасть въ блудъ. Мнѣніе Іосифа взяло верхъ, вопреки стараніямъ его противниковъ. Съ другой стороны, эти противники не добились того, чего сами домогались ввести въ церковь. Вопреки Іосифу, побуждавшему богатыхъ, ради спасенія душъ, дарить въ монастыри имѣнія, грозившему божіимъ гнѣвомъ тѣмъ, которые по своему состоянію могутъ это дѣлать, а не дѣлаютъ, Нилъ Сорскій и его послѣдователи вопіяли противъ накопленія богатствъ въ монастыряхъ, указывали на обѣтъ монаха хранить нищету, и требовали лишить монастыри ихъ имѣній; монахи должны быть настоящими отшельниками; они должны жить трудами рукъ своихъ, и не вмѣшиваться въ мірскія дѣла отнюдь. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вооружались противъ обычая украшать иконы золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, и считали даже употребленіе золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ въ церквахъ — неприличнымъ. Споръ этотъ рѣшенъ былъ уже могучею на Руси московскою властью въ пользу Іосифа и его мыслей. Понятно, что всѣ важнѣйшіе духовные сановники, сами достигавшіе сана изъ монашества, не расположены были на отнятіе у монастырей ихъ имѣній. Московская политика не находила для себя умѣстнымъ послѣдовать совѣту скитниковъ; пока ея великое дѣло не приведено было къ концу, благоразумнѣе, казалось, воспользоваться возникшимъ споромъ, чтобы привязать къ себѣ на будущее время вліятельное во всей Руси иноческое сословіе, чѣмъ раздражать. Надобно правду сказать, торжество Іосифа въ этомъ вопросѣ оказало благодѣянія многимъ тысячамъ русскаго народа, потому что жизнь поселянъ подъ властью монастырей была льготнѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ подъ всякою другою властью того времени.

Вообще, признавая сочиненіе г. Хрущова, при его недостаткахъ, вполнѣ полезнымъ явленіемъ въ области науки отечественной исторіи, мы тѣмъ болѣе желали бы имѣть изданіе всѣхъ сочиненій Іосифа Волоцкаго, какъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ хранятся только въ рукописяхъ и сборникахъ, такъ равно и тѣхъ, которыя хотя являлись и печатно, но въ различныхъ изданіяхъ и въ разное время, а потому способъ такого печатанія не доставляетъ удобства для занимающихся этимъ предметомъ.

Н. К—въ.

O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodów słowianskich. *R. Hube.* Warszawa. 1868. 89 стр. (О значеніи права римскаго и римско-византійскаго у славянскихъ народовъ).

Сенаторъ варшавскихъ департаментовъ, Р. М. Губе, не смотря на постоянную служебную дѣятельность и участіе въ законодательныхъ работахъ какъ для царства, такъ и для имперіи, никогда не прерывалъ ученыхъ своихъ занятій и отъ времени до времени обнародовалъ многія изслѣдованія объ отдѣльныхъ юридическихъ вопросахъ. Въ прошломъ году, онъ издалъ разсужденія о законахъ салическихъ франковъ, о законахъ бургундскихъ и о гражданскомъ кодексѣ италіанскаго королевства 1865 г. Въ нынѣшнемъ изслѣдованіи о значеніи римскаго права у славянскихъ народовъ, на которое мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе ученыхъ, онъ затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей науки права, который однакоже почти совершенно не разработанъ. Римское право сложилось въ томъ видѣ, въ какомъ перешло въ наслѣдство новымъ народамъ Европы, въ періодъ византійскій. На кого же византійская монархія имѣла наибольшее вліяніе, какъ не на племена славянскія? Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства она вносила къ нимъ законы церковные, каноническіе: а вмѣстѣ съ ними и постановленія императорской власти. Духовныя лица, греки по народности, служили непосредственнымъ орудіемъ примѣненія этихъ постановленій къ жизни новыхъ племенъ, къ ихъ нравамъ, обычаямъ и законамъ. Съ другой стороны, и обычаи и законы славянскихъ племенъ, населявшихъ большую часть европейскихъ областей византійской имперіи, не могли не оказать вліянія на ея законодательство, особенно въ эпоху послѣ Юстиніана. На эту мысль нападали уже нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ юристовъ, занимавшихся византійскимъ правомъ, какъ напримѣръ извѣстный Цахарія.

Эту же мысль г. Губе развиваетъ болѣе и, руководясь, ею объясняетъ нѣкоторыя изъ постановленій *Еклоги* Льва Исаврянина и Константина Копронима и *Новеллы* 922 г. Константина Порфиророднаго. Конечно, это отдѣльныя замѣчанія и предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя; но ничего другого и не могъ сдѣлать сочинитель разсматриваемаго нами разсужденія. Въ предисловіи къ нему онъ справедливо замѣчаетъ, что для объясненія судьбы римско-греческаго права у славянскихъ народовъ необходимо, чтобы совершенъ былъ такой же трудъ, какой знаменитый Савиньи выполнилъ въ отношеніи къ исторіи народовъ западной Европы въ средніе вѣка (Geschichte des Römisch. Rechts im Mittelalter, 7 томовъ). Хотя и необходимъ подобный трудъ какъ въ видахъ бо́льшаго изученія самого римскаго права, такъ и законодательствъ славянскихъ народовъ; но въ настоящее, однакоже, время, когда много источниковъ еще неизвѣстны, извѣстные не изданы ученымъ образомъ, и изданные не обработаны критически, онъ едва ли возможенъ. Но заявлять о его необходимости, подготовлять матеріалы для его созиданія и тѣмъ пролагать путь и облегчать трудъ будущимъ дѣятелямъ, составляетъ уже заслугу. Поэтому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ разсужденію г. Губе, хотя оно и далеко не разрѣшаетъ задачи.

На значеніе греко-римскаго права онъ указываетъ—въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Россіи, Далмаціи, Хорваціи, Чехіи, Силезіи и Польшѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на законодательство всѣхъ этихъ племенъ, римское право имѣло вліяніе, но—не одинаково. Хотя всѣ славянскія племена получили христіанскую вѣру отъ Восточной имперіи; но нѣкоторыя изъ нихъ скоро подпали зависимости отъ Рима, таковы: Польша и Силезія, Богемія и Моравія, Хорватія и, частію, Далмація. Римское право дѣйствовало на ихъ юридическій бытъ чрезъ посредство Рима, итальянскихъ и германскихъ племенъ. Оттого, въ этомъ отношеніи онѣ примыкаютъ ко всѣмъ другимъ западно-европейскимъ народамъ, между тѣмъ какъ племена русскія, сербскія и болгарскія сохранили непосредственную и живую связь съ Восточною имперіею, и поэтому историческая судьба у нихъ римскаго права представляется совершенно въ иномъ видѣ. Авторъ разсматриваемаго сочиненія хотя и не обратилъ вниманія на это различіе, но изъ его же замѣчаній и изслѣдованій о каждомъ изъ этихъ племенъ, это различіе ясно выказывается. Изслѣдовать вліяніе римскаго права на законодательство западныхъ славянскихъ племенъ, конечно, любопытно; но это изслѣдованіе будетъ только дополнительною книгою вообще къ исторіи римскаго права въ средніе вѣка въ западной Европѣ, и вовсе не можетъ имѣть того новаго и важнаго значенія, какъ изслѣдованіе о судьбѣ римскаго права у восточныхъ славянъ и вліяніи обычаевъ и законовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на самое развитіе римскаго права послѣ Юстиніана.

Но и въ отношеніи къ этой сторонѣ вопроса мы встрѣчаемъ въ разсужденіи г. Губе нѣсколько указаній и предположеній, не лишенныхъ нѣкоторой степени вѣроятности. Въ отношеніи къ Россіи, онъ не предлагаетъ ничего новаго для нашихъ юристовъ, пользуясь самъ только тѣми свѣдѣніями, которыя почерпаетъ изъ ихъ же трудовъ; но въ отношеніи къ Болгаріи и Сербіи въ его разсужденіи находимъ любопытныя указанія. Не можемъ не обратить вниманія на его предположеніе, что извѣстный сборникъ, подъ названіемъ *Закона суднаго царя Константина великаго,* попадающійся и въ отдѣльныхъ спискахъ и вошедшій въ составъ нашей *Кормчей книги,* онъ считаетъ судебникомъ для болгарскаго царства, составленнымъ вѣроятно во время царя Самсона, изъ законовъ римскихъ и болгарскихъ. Это предположеніе, конечно, не представляется невѣроятнымъ; но оно требуетъ многихъ и подробныхъ изслѣдованій для того, чтобы сдѣлаться достояніемъ науки. Въ отношеніи къ Сербіи, г. Губе не ограничился предположеніями, но узнавъ, что рукопись сербскаго *Законника* царя Стефана Душана, изданнаго Шафарикомъ въ 1851 г. (Památky drevniho pismenitstwi juhoslovanuv, v Praze), кромѣ этого памятника, заключаетъ въ себѣ сборникъ постановленій, извлеченныхъ большею частію изъ римскаго права, но съ добавленіями, очевидно мѣстными, сербскими, онъ составилъ списокъ съ этого сборника и издалъ его въ приложеніи къ разсматриваемому разсужденію. Обнародованіе этого новаго памятника законодательства, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ, заслуживаетъ особенной благодарно-

сти г. Губе со стороны русскихъ ученыхъ юристовъ.

А. П—въ.

Сцены природы въ Сѣверной Америкѣ, *Одюбона,* съ литографированными рисунками. Переводъ К. Жилиной. Москва, 1868. Стр. 79. Ц. 1 р. 25 к.

Американецъ Одюбонъ прославился изданною въ началѣ тридцатыхъ годовъ «Біографіею Птицъ». Это великолѣпное изданіе заключаетъ въ себѣ полное описаніе птицъ Америки и цѣлыхъ три тома in folio рисунковъ, въ натуральную величину. Экземпляръ его стоитъ до 4,000 франковъ. Одюбонъ принадлежалъ къ тѣмъ піонерамъ науки и поэзіи, которые пошли въ лѣса и пустыни Сѣверной Америки, по слѣдамъ піонеровъ—земледѣльцовъ и звѣролововъ. Тайна неприступныхъ лѣсовъ, дикость природы и оригинальность обитателей этихъ чащъ влекли ихъ къ себѣ и запечатлѣли ихъ произведенія своеобразною поэзіею, въ которой прелесть красокъ соединяется съ привлекательностью открытія. Сынъ богатаго пенсильванскаго плантатора, Одюбонъ съ дѣтства съ увлеченіемъ занимался изученіемъ птицъ, пробовалъ рисовать ихъ. Отецъ его, видя въ этомъ направленіи только страсть къ рисованію, послалъ сына въ Парижъ, учиться живописи у знаменитаго Давида. Но молодой орнитологъ удовольствовался тѣмъ, что научился вѣрно рисовать съ натуры и возвратился въ Америку, гдѣ занялся всецѣло изученіемъ своего любимаго предмета. Онъ скитался по лѣсамъ, испыталъ тамъ не мало приключеній и возвращаясь домой отдѣлывалъ свою добычу — рисунки видѣнныхъ имъ птицъ. Мысль объ изданіи этихъ наблюденій и рисунковъ подалъ Одюбону извѣстный орнитологъ Люціанъ Бонапартъ, съ которымъ онъ познакомился въ Нью-Іоркѣ. Одюбонъ поѣхалъ въ Англію, и тамъ нашелъ 75 подписчиковъ изъ которыхъ каждый далъ ему по 1000 долларовъ на изданіе его сочиненія. Онъ умеръ въ 1851 г.

«Сцены природы», переведенныя г-жею Жилиной, заключаютъ въ себѣ популярно написанныя монографіи нѣсколькихъ птицъ, и нѣсколько настоящихъ «сценъ природы», напр., пожаръ въ лѣсу. Впрочемъ монографіи описываютъ собственно бытъ птицъ и охоту за ними, такъ что могутъ быть названы «сценами» или картинами.

«Картины» Одюбона очень популярны за границею и давно слѣдовало познакомить съ ними русскую публику. Къ сожалѣнію, московское изданіе довольно неопрятно, хотя впрочемъ помѣщенные въ немъ нѣсколько раскрашенныхъ рисунковъ весьма удовлетворительны. Переводъ представляетъ не мало примѣровъ замѣчательной неправильности языка: «Къ нему (бѣлоголовому орлу) подойти легко, когда не имѣешь при себѣ ружье, *но* употребленіе *его*, вѣроятно *ему* хорошо извѣстно.... Не смотря на всю *его* осторожность, *ихъ* все-таки убиваютъ очень много изъ-за деревьевъ», и т. д. Подобный складъ рѣчи попадается не разъ.

Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями. Сочин. *Артура Манжена.* Переводъ съ французскаго, съ дополненіями П. Ольхина. Съ 157 политипажами въ текстѣ. Изд. М. О. Вольфа. Спб. и Москва. 1868. Стр. 547. Ц. 3 р.

Это сочиненіе представляетъ довольно полное описаніе воздуха въ физическомъ и химическомъ отношеніяхъ, очеркъ метеорологіи и общій взглядъ на міръ «летающихъ». При такой программѣ сюда вошло описаніе изобрѣтенія аэростатовъ, вмѣстѣ съ очеркомъ летающихъ насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ птицъ. Программа эта, какъ вообще программа подобныхъ сборниковъ, не можетъ быть названа раціональною и, охватывая множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, предполагаетъ поверхностность въ ихъ изложеніи. Чтобы избѣгнуть, по возможности, этого недостатка, Манженъ включилъ въ свое сочиненіе такіе общіе очерки, которые дали ему право ограничиваться затѣмъ нѣсколькими примѣрами и на этихъ примѣрахъ остановиться дольше. Такъ, онъ помѣстилъ статью о строеніи насѣкомыхъ и затѣмъ остановился на нѣкоторыхъ родахъ ихъ, какъ бы въ видѣ примѣровъ. Вслѣдствіе того, описываемые имъ роды не кажутся произвольно выхваченными фактами энтомологіи. Точно такъ, своему описанію нѣкоторыхъ породъ птицъ, онъ предпослалъ общую статью объ устройствѣ летательнаго снаряда птицъ.

Въ книгѣ Манжена изложеніе остается строго-научнымъ, несмотря на свою популярность, которая достигается у него приведеніемъ множества опытовъ, разсказовъ (разсказаны даже воздухоплаванія пресловутаго Надара), цитатъ,

и историческимъ пріемомъ при изложеніи научныхъ фактовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшее средство растолковать неприготовленному уму значеніе какой-либо научной истины и запечатлѣть въ немъ эту истину состоитъ въ томъ, чтобы разсказать, какъ сама наука пришла къ открытію этой истины. Дѣлаясь, такимъ образомъ, какъ бы сотрудникомъ изслѣдователей, читатель заинтересовывается въ результатѣ, къ которому они пришли, и усвоиваетъ его себѣ съ полной ясностью и критически.

Для чтенія книги Манжена въ оригиналѣ вовсе не нужна научная подготовка; но, для чтенія русскаго перевода, необходимо первоначальное знакомство съ физическою терминологіей, такъ какъ переводчикъ не вездѣ перевелъ иностранныя названія. Въ книгѣ Манжена есть, между прочимъ, біографія Одюбона и его портретъ. Помимо указаннаго недостатка въ терминологіи, переводъ можетъ быть названъ тщательнымъ, а рисунки насѣкомыхъ сдѣланы весьма отчетливо.

Путешествіе по Амуру и восточной Сибири, А. Мичи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій г. Радде, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ольхина. Съ 80 рисунками. Спб. 1868. Стр. 351. Ц. 2 р. 50 к.

Путешествіе Мичи съ добавленіями, старательно и удачно выбранными переводчикомъ, образуетъ интересный сборникъ. Здѣсь можно встрѣтить, конечно, наивныя сужденія иностранцевъ, вообще мало знакомыхъ съ складомъ нашего общества; но взглядъ на условія громадныхъ восточныхъ владѣній Россіи, на промыслы и бытъ инородцевъ, отличается безпристрастіемъ и основательностью. При всемъ интересѣ, который представляетъ вообще весьма серьезное и научное описаніе земель нашихъ, мы, къ сожалѣнію, бѣдны собственными изслѣдованіями, и потому должны довольствоваться чужими трудами иностранцевъ, гдѣ, естественно, встрѣчается смѣсь дѣльнаго съ оригинальными замѣтками, обличающими крайнее непониманіе ими описываемой среды. Вотъ, для образчика, одно изъ разсужденій иностранцевъ: «Отношенія русскихъ и китайцевъ въ торговлѣ и дипломатіи особенныя. Уже давно замѣчено, что русскіе весьма хорошо умѣютъ обращаться съ азіятцами; этимъ объясняется, отчего они тихо и мирно проложили себѣ путь въ Китай, между тѣмъ, какъ англичане вторглись въ него съ огнемъ и мечемъ. Русскіе обращаются съ китайцами, какъ греки съ греками (!). При взаимныхъ сношеніяхъ, они дѣйствуютъ силою противъ силы, учтивостью противъ учтивости, и терпѣніемъ противъ терпѣнія: одинъ понимаетъ другого отлично». Есть даже пренаивная параллель между развитіемъ Китая и Россіи, государствъ, «которыя оба были покорены монголами». Такой взглядъ можетъ быть поставленъ на ряду съ увѣреніемъ путешественника, что «члены русской аристократіи», которымъ принадлежатъ золотые пріиски около Иркутска, «постоянно живутъ тамъ со своими семействами». Но все это, обличая незнакомство иностранцевъ съ Россіею и русскимъ обществомъ, нисколько не уменьшаетъ цѣны ихъ наблюденій надъ такими предметами, которые изучаются легко, при достаточномъ запасѣ научныхъ свѣдѣній и наблюдательности. Замѣтимъ, что въ одномъ мѣстѣ высказывается такое убѣжденіе: «Монголія давно уже желаетъ присоединиться къ Россіи и лишь ждетъ для этого удобнаго случая».

Разсказъ ведетъ самъ переводчикъ, котораго собственно слѣдуетъ назвать составителемъ сборника. Такимъ образомъ, о Мичи, Радде и др. говорится въ третьемъ лицѣ. Рисунки вообще недурны (какъ напр., внутренность русской избы и почтовая станція). Но есть и крайне плохіе (напр. на стр. 89, гдѣ изображается что-то совсѣмъ непонятное и уродливое).

ПОПРАВКА КЪ «ВОСПОМИНАНІЯМЪ» ПАНАЕВА.

(Письмо въ Редакцію.)

«Вѣстникъ Европы», издавая «Воспоминанія» Панаева, весьма справедливо напомнилъ своимъ читателямъ «о необходимости относиться *критически*» къ подобнаго рода произведеніямъ, и замѣтилъ, что «въ исторіи, какъ и въ судѣ, *обвиняющій* очень легко можетъ выдти изъ суда самъ *обвиненнымъ*». Редакція, съ своей стороны, представила два довольно яркихъ примѣра тому, какъ иногда относится къ лицамъ и событіямъ упомянутый авторъ «Воспоминаній» въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшаны личные его интерессы. Я намѣренъ съ своей стороны дополнить указанное редакціею, и притомъ по поводу лица, на которое авторъ пытается бросить, по крайней мѣрѣ, тѣнь сомнѣнія, за невозможностью, вѣроятно, оклеветать его прямо. Это лицо — Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Онъ, въ 1828 году, былъ предсѣдателемъ особаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій и обревизованія счетовъ директора петергофской бумажной фабрики Вистингаузена. Членами комитета были: министръ юстиціи князь Долгорукій и государственный контролеръ Хитрово, а Панаевъ назначенъ правителемъ дѣлъ. (См. Вѣст. Евр. 1867 г. т. IV, отд. I, стр. 137—142.) Комитетъ въ первое свое засѣданіе, выслушавъ приготовленную Панаевымъ печатную записку о положеніи хозяйственныхъ дѣлъ фабрики, призналъ необходимымъ поручить подробное обревизованіе счетовъ фабрики опытному чиновнику государственнаго контроля, и по рекомендаціи А. З. Хитрово возложилъ это дѣло на меня.

Считаю безполезнымъ опровергать здѣсь разсказъ Панаева объ отношеніяхъ моихъ къ нему и о бывшихъ будтобы состязаніяхъ съ нимъ, касательно причиненныхъ Вистингаузеномъ казнѣ убытковъ. Каждый, кому хотя сколько нибудь извѣстны права и обязанности самостоятельныхъ ревизоровъ государственнаго контроля, въ восхваленіяхъ себя Панаевымъ найдетъ только причину не довѣрять и прочему его разсказу. Обращаюсь къ самому дѣлу, по поводу котораго Панаевъ, желая помрачить безкорыстную дѣятельность Сперанскаго, не щадитъ и меня; но въ оправданіе свое, я нахожу достаточнымъ указать только на то, что обвиняюсь вмѣстѣ съ Сперанскимъ, и вотъ въ чемъ состоитъ самое обвиненіе. Панаевъ придумалъ, что Перовскій послѣ того, какъ Шамшинъ окончилъ и доложилъ комитету ревизіонную свою записку, сталъ подозрѣвать «не только Шамшина, но и самаго Сперанскаго въ понаровкѣ Вистингаузену», тѣмъ болѣе что послѣдній будто бы хвалился (какъ отъ кого-то Перовскій слышалъ), что, «пожертвовавъ пятьдесятъ тысячъ, онъ не опасается никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій». А въ доказательство такого подозрѣнія Перовскаго, авторъ приводитъ извѣстный только ему одному поступокъ Перовскаго··«Въ подозрѣніи своемъ — замѣчаетъ Панаевъ — Перовскій дошелъ до того, что не остановился сказать объ этомъ слухѣ Михайлу Михайловичу (Сперанскому); причемъ такъ устремилъ на него глаза (какъ самъ мнѣ разсказывалъ), что тотъ покраснѣлъ». Положимъ, что авторъ спѣшитъ объяснить за тѣмъ, что Перовскій въ своемъ «подозрѣніи не только Шамшина, но и самого Сперанскаго» — зашелъ слишкомъ далеко, что все это оказалось слухомъ, который Перовскій *придумалъ* съ цѣлью — «чтобы переконфузить членовъ Комитета»; авторъ даже признаетъ, что поступокъ Перовскаго былъ «дерзкимъ предположеніемъ», «обидною выходкой.» Но не смотря на то, что такимъ образомъ Панаевъ скорѣе оскорбилъ память Перовскаго нежели Сперанскаго,—нельзя не замѣтить, что авторъ «Воспоминаній» воспользовался здѣсь своею же выдумкою, чтобы прибѣгнуть ловко къ такъ называемой фигурѣ умолчанія, и заставить читателя думать, что если Сперанскій и, дѣйствовавшій съ нимъ за-одно, Шамшинъ и не виновны во взяточничествѣ, то все же они рѣшили дѣло не по правдѣ, и, какъ говорится, *въ пику* Перовскому—рѣшились защитить неправое дѣло Вистингаузена. Дѣйствительно, Панаевъ говоритъ далѣе, что «дерзкій поступокъ Перовскаго произвелъ противное дѣйствіе: оскорбленный Сперанскій *рѣшился* вести дѣло

вопреки мнѣнію министра двора, «и по возможности выгородить изъ бѣды подсудимаго», а читателю авторъ предоставляетъ догадаться, что, при тѣхъ обстоятельствахъ, дѣйствовать «вопреки мнѣнію министра» значило дѣйствовать вопреки мнѣнію Панаева: слѣдовательно, вопреки правдѣ! Весьма естественно, что Панаевъ на эту тему разсказываетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла, и соотвѣтственно своей цѣли искажаетъ и переиначиваетъ всѣ факты. Считаю своею обязанностью поправить автора, съ документами въ рукахъ, и доказать, что М. М. Сперанскій и тѣ, которые занимались одновременно съ нимъ по этому дѣлу, не только не могли быть подкуплены — что впрочемъ и авторъ не принимаетъ на себя смѣлости подтверждать — но и не думали принимать въ соображеніе какое нибудь личное оскорбленіе, и дѣйствовали по совѣсти, безъ всякаго чувства мести за какое бы то ни было «дерзское предположеніе».

Какимъ же образомъ повелъ дѣло Сперанскій, вопреки мнѣнію министра двора, или лучше сказать, вопреки мнѣнію Панаева, который силится вездѣ намекнуть, что начальство руководилось его мнѣніемъ? Какими средствами Сперанскій выгораживалъ изъ бѣды подсудимаго, вмѣстѣ съ тѣми, которые будто бы были его единомышленниками въ этомъ дѣлѣ?

По времясчисленію Панаева, обида, нанесенная Сперанскому Перовскимъ, относилась къ началу октября 1827 года. Около 20 октября, Панаевъ явился къ Сперанскому съ журналомъ по дѣлу Вистингаузена. Сперанскій, замѣчаетъ Панаевъ, подъ вліяніемъ той обиды, не далъ ему дочитать журнала, отзываясь недосугомъ, а во время чтенія опровергалъ его, «впрочемъ весьма спокойно, хладнокровно, безъ малѣйшаго вида заступничества» — такъ говоритъ Панаевъ. Откуда же, спрашивается, усмотрѣлъ Панаевъ это заступничество, когда онъ въ тоже время признается, что опроверженія дѣлались «безъ малѣйшаго вида заступничества», и на какомъ основаніи авторъ «Воспоминаній» предполагаетъ, что Сперанскій не хотѣлъ дослушать его подъ предлогомъ недосуга? Но не въ томъ дѣло: было ли, или не было досуга у Сперанскаго, во всякомъ случаѣ недослушать журнала Панаева не могло быть средствомъ къ тому, чтобы выгородить Вистингаузена. Сперанскій, по словамъ Панаева, просилъ оставить бумаги у него, для прочтенія въ свободное время. Сперанскій не призывалъ его цѣлый мѣсяцъ, и наконецъ, встрѣтившись съ нимъ 21 ноября на Невскомъ (при семъ Панаевъ спѣшитъ замѣтить, что съ того времени прошло слишкомъ 30 лѣтъ, какъ онъ не былъ на Невскомъ для прогулки), остановилъ Панаева и сказалъ ему: «Я не присылалъ за вами, потому что самъ занялся составленіемъ журнала.... въ субботу (разговоръ происходилъ въ четвергъ) мы соберемся въ послѣдній разъ для прочтенія журнала, а въ воскресенье я доложу дѣло Государю».

Что же случилось? «Суббота, говоритъ Панаевъ, прошла безъ присылки за мною, а въ воскресенье Государь уже передалъ князю Петру Михайловичу (Волконскому) журналъ Комитета, въ которомъ весьма были *ослаблены* и вины Вистингаузена и самые убытки казны».

Вотъ какимъ образомъ, то посредствомъ анекдота съ Перовскимъ, то сомнительными выраженіями, въ родѣ: *вопреки мнѣнію министра,* или *выгородить изъ бѣды подсудимаго,* или, наконецъ, *ослабить вины,*—авторъ вселяетъ мало по малу въ читателѣ мнѣніе, что Сперанскій и другіе вмѣстѣ съ нимъ, если и не по корыстнымъ побужденіямъ, то по чувству уязвленнаго самолюбія, рѣшились нарушить правду и дѣйствовать беззаконно.

Чего же долженъ ожидать читатель, предрасположенный такимъ образомъ въ пользу навѣтовъ Панаева?! Но вопреки всякаго чаянія, изъ дальнѣйшихъ словъ автора «Воспоминаній» оказывается, что онъ наивно самъ себя обличаетъ въ несостоятельности своего вымысла, ибо Панаевъ увѣряетъ, что будто бы при журналѣ комитета Сперанскій представилъ Государю двѣ записки, изъ которыхъ въ одной предполагалъ онъ *внести дѣло для окончательнаго рѣшенія въ государственный совѣтъ,* а въ другой, и притомъ предпочтительно, *предоставить оное разсмотрѣнію перваго департамента сената,* поелику оно заключало въ себѣ тяжбу частнаго лица съ казною». Но кто же не пойметъ, что этого не могло быть; что представлять Государю одновременно двѣ докладныя записки по одному и тому же дѣлу — невозможно!

Неужели Сперанскій, въ виду существованія государственныхъ учрежденій, отказался бы воспользоваться дарованнымъ правомъ экстренному комитету рѣшить участь Вистингаузена?

Всякій сколько нибудь безпристрастный человѣкъ видитъ, что нельзя выгородить изъ бѣды подсудимаго тѣмъ, что предать его суду людей, независящихъ уже отъ нашей воли. И не смотря на это, Панаевъ восклицаетъ: «Такимъ образомъ, Сперанскій отплатилъ Перовскому за его обидную выходку и ловко уклонился отъ рѣшенія участи Вистингаузена, хотя съ тѣмъ именно Комитетъ и былъ учрежденъ».

Враги Панаева, если бы они захотѣли дѣйствовать его же оружіемъ, могли бы изъ всего этого сдѣлать другого рода выводъ.

Если бы Сперанскій желалъ, побуждаемый какимъ нибудь неблагороднымъ чувствомъ, мстить своимъ противникамъ, то онъ, конечно, не отказался бы воспользоваться правомъ Комитета, рѣшить участь Вистингаузена окончательно. И наоборотъ, если такіе противники Сперанскаго, какъ Панаевъ, считали местью такой отказъ отъ того права со стороны Сперанскаго, то не выразили ли они неосторожно тѣмъ самымъ сожалѣнія, что участь Вистингаузена уходитъ изъ ихъ рукъ?

За тѣмъ, Панаеву пришлось оставить область фразъ, намековъ, сомнительныхъ выраженій, и перейти въ область фактовъ. Посмотримъ, какъ онъ будетъ справляться съ фактами.

Панаевъ увѣряетъ, что «*по докладу князя Петра Михайловича,* Вистингаузенъ былъ уволенъ, а дѣло внесено въ государственный совѣтъ, который потомъ опредѣлилъ предать его суду за разные безпорядки по управленію мануфактурою и за самозванство, потому что онъ, будучи коллежскимъ ассессоромъ, подписывался надворнымъ совѣтникомъ; убытки же взыскать съ имѣнія, какое гдѣ окажется».

Но Панаевъ не подумалъ, что во всемъ этомъ изложеніи легко замѣтить весьма важный недостатокъ, а именно неозначеніе времени, когда рѣшеніе государственнаго совѣта состоялось. Съ другой стороны, кто повѣритъ автору, чтобы донесеніе Сперанскаго было представлено государю не лично имъ самимъ, а чрезъ посредство князя Волконскаго, который будто бы чрезъ то и достигъ того, что дѣло было внесено не въ сенатъ, а въ государственный совѣтъ? Нельзя повѣрить также и тому, чтобы отставка Вистингаузена могла предшествовать рѣшенію дѣла судебнымъ порядкомъ.

Все это дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

По выслушаніи и утвержденіи моей докладной записки, Михаилъ Михайловичъ приказалъ мнѣ оставить ее у него для того, что онъ самъ намѣренъ былъ написать журналъ Комитета, въ которомъ Панаевъ не былъ, а потому и не могъ знать рѣшенія его во всей подробности, главное потому, что находилъ неприличнымъ поручить ему дальнѣйшее производство дѣла, какъ подчиненному министра двора.

Около двухъ мѣсяцевъ Михаилъ Михайловичъ не принимался за это дѣло, будучи занятъ другимъ важнѣйшимъ — составленіемъ свода законовъ, о которомъ надлежало ему лично донести государю, по возвращеніи его величества съ театра войны. Настала уже зима, какъ въ одинъ день государственный контролеръ прислалъ мнѣ проектъ доклада при слѣдующемъ къ нему письмѣ Сперанскаго:

«Посылаю къ вашему превосходительству составленный мною проэктъ доклада, покорнѣйше прося передать его г. Шамшину съ тѣмъ, чтобы онъ, прочитавъ его съ вѣрнымъ своимъ взглядомъ, сказалъ мнѣ откровенно соотвѣтствуетъ ли онъ ревизіонной его запискѣ».

На другой же день я представилъ лично Михаилу Михайловичу проектъ его съ однимъ только замѣчаніемъ противъ того мѣста, гдѣ онъ требовалъ, чтобы я опредѣлилъ число счетовъ и дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Комитета. Я отмѣтилъ, что этого со всею точностію сдѣлать невозможно, а лучше сказать неопредѣленно: *множество счетовъ и дѣлъ за 14 лѣтъ,*—съ чѣмъ онъ согласился, и за тѣмъ сказалъ: «Я еще прочиталъ вашу записку съ большимъ вниманіемъ. Вы теперь знаете, что я намѣренъ представить ее при докладѣ государю императору, испрашивая повелѣніе передать все дѣло *на окончательное разрѣшеніе сената;* но въ вашей запискѣ вы разсуждаете о нѣкоторыхъ лицахъ высшаго званія въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по моему мнѣнію, не совсѣмъ умѣстны; я загнулъ листы, на которыхъ вы найдете, что слѣдуетъ исправить; сдѣлайте это, какъ вы признаете за лучшее и прикажите

переписать». Я извинился, что не имѣя въ виду, чтобъ моя записка получила такое направленіе, писалъ для Комитета по совѣсти все, что открылъ въ дѣлахъ фабрики. «Хорошо, за это я представлю васъ къ награжденію орденомъ св. Анны 2 ст. съ алмазами, или другимъ соотвѣтственнымъ тому подаркомъ, такъ какъ уже теперь носится слухъ, что съ новаго года вмѣсто бриллiантовъ орденскіе знаки будутъ украшаться Императорскою короною».

Поблагодаривъ за такую благосклонность, я отправился въ департаментъ удѣловъ, гдѣ попросилъ г-на Панаева указать мнѣ свободное мѣсто и дать тѣхъ же двухъ писцовъ, которые переписывали мою записку, что онъ исполнилъ, но съ явнымъ неудовольствіемъ. Спустя часа два, какъ я принялся за свою работу, исправляя загнутые листы и давая ихъ переписывать, подходитъ ко мнѣ Перовскій, вѣроятно извѣщенный Панаевымъ съ предубѣжденіемъ о моемъ занятіи. — Здравствуйте! что вы дѣлаете?—Я отвѣчалъ откровенно, что по приказанію Михаила Михайловича нужно смягчить нѣкоторыя выраженія въ докладной моей запискѣ и для этого переписать листа четыре, не болѣе. — А! — и съ этимъ словомъ Перовскій удалился отъ меня, примѣтно недовольный. Надо замѣтить, что записка моя въ первоначальномъ ея видѣ была переписана, какъ послѣ канцелярскіе чиновники мнѣ разсказывали, въ двухъ экземплярахъ: одинъ для меня, а другой, безъ вѣдома моего, для Перовскаго, который поэтому, зная о содержаніи ея, не только не имѣлъ причины быть мною недовольнымъ, но, напротивъ, оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Панаевъ, безъ сомнѣнія, еще прежде Перовскаго прочитывалъ списокъ съ моей записки; слѣдовательно до того времени, т. е. до ноября мѣсяца, когда пришлось мнѣ сдѣлать въ ней небольшія поправки въ выраженіяхъ, вовсе не касающихся начетовъ на Вистингаузена, которые и не могли быть измѣнены безъ ломки всей записки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода думать, что я держу сторону Вистингаузена. А въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, писанныхъ спустя 30 лѣтъ послѣ совершившагося факта, онъ объявляетъ жестокую борьбу противъ небывалыхъ моихъ мнѣній, называя ихъ «софизмами и цифирнымъ подъячизмомъ». Объяснивъ выше, по какой причинѣ Сперанскій не рѣшился оставить его правителемъ дѣлъ Комитета, мнѣ остается сказать послѣднее слово о томъ только, чѣмъ кончилось дѣло о Вистингаузенѣ. При донесеніи, а не при журналѣ Комитета, представлена была въ подлинникѣ и ревизіонная моя записка. Комитетъ полагалъ передать это дѣло на окончательное разрѣшеніе прав. сената; но государь повелѣлъ внести его прямо въ государственный совѣтъ, о чемъ Сперанскій и сообщилъ по принадлежности министру императорскаго двора. Изъ этого оказывается, что князь Волконскій былъ исполнителемъ высочайшаго повелѣнія, а *не докладчикомъ, воспротивившимся намѣреніямъ Сперанскаго,* къ чему онъ и не имѣлъ никакой основательной причины, знавши въ точности содержаніе какъ моей ревизіонной записки, такъ и донесенія Комитета. Все это вполнѣ оправдывается высочайше утвержденнымъ *8 января 1829 г.* мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ которомъ между прочимъ постановлено слѣдующее:

«Государственный совѣтъ въ департаментѣ экономіи и въ общемъ собраніи разсматривалъ внесенныя по высочайшему соизволенію министромъ императорскаго двора донесеніе и докладную записку [1]) особеннаго Комитета, бывшаго для разсмотрѣнія дѣлъ о петергофской бумажной фабрикѣ.

«Государственный совѣтъ признавая убытокъ, понесенный означенною фабрикою, *доказаннымъ*, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оный произошелъ отъ неисполненія контракта директоромъ фабрики Вистингаузеномъ. Нарушеніе контракта со стороны его состоитъ въ томъ: 1) что ни въ количествѣ, ни въ качествѣ, ни въ сортахъ, ни въ цѣнѣ бумаги не исполнилъ онъ припятыхъ имъ обязательствъ, а отъ сего въ продажѣ бумаги произошла дороговизна, медленность и остановка, вообще же по управленію фабрикою, убытки; 2) что число рабочихъ простирается на фабрикѣ до 320 человѣкъ, тогда какъ по договору 1814 года и по смѣтѣ, въ 1816 году имъ представленной, оно должно было составлять не болѣе 60 человѣкъ; 3) что даже не исполнилъ онъ и тѣхъ обязанностей, кои въ 1826 году были постановлены, и употребивъ въ послѣдніе два года до 1.230,000 р., возвратилъ Кабинету едва 596 т. руб.

---

[1]) Упоминаемая здѣсь докладная записка есть та самая, которая составлена мною, подписана однимъ мною и Комитетомъ утверждена.

«Присовокупивъ къ сему описанныя въ донесеніи комитета виды злоупотребленій, какъ-то [1]).... государственный совѣтъ полагаетъ: дѣйствіе договора съ Вистингаузеномъ — прекратить, и вслѣдствіе того предоставить министру императорскаго двора съ удаленіемъ фабриканта, принять мѣры, и проч.»

Обращаясь за симъ къ вознагражденію убытковъ и къ мѣрѣ взысканія ихъ, государственный совѣтъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла съ общимъ закономъ, утвердилъ заключеніе Комитета и вслѣдствіе того положилъ: «Взыскать съ Вистингаузена убытки по тому расчету, какой въ донесеніи Комитета подробно означенъ» [2]).

Къ сему, согласно съ мнѣніемъ Комитета, государственный совѣтъ присовокупилъ, «что въ число долга, *исчисленнаго по ревизіи дѣлъ и счетовъ,* слѣдуетъ принять не только всю наличную бумагу, но и всѣ готовые матеріалы, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы принять ихъ не по произвольной цѣнѣ, какую фабрикантъ назначитъ и не безъ разбора издѣлій годныхъ отъ негодныхъ, но по надлежащему освидѣтельствованію и оцѣнкѣ, и слѣдовательно взыскать съ Вистингаузена только то, что за симъ зачетомъ составляетъ дѣйствительный недостатокъ въ отпущенныхъ ему капиталахъ и процентахъ».

По разрѣшеніи такимъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ дѣла о Вистингаузенѣ, оно было передано къ исполненію министру императорскаго двора, а съ тѣмъ вмѣстѣ поступило къ нему и представленіе Сперанскаго о моей наградѣ, вслѣдствіе чего по докладу князя Волконскаго всемилостивѣйше пожалованъ мнѣ, 29 января 1829 года, изъ кабинета его величества бриллiантовый перстень въ 2,000 р.—Теперь спрашивается: подтверждаютъ ли эти документы разсказъ Панаева? Онъ, безъ сомнѣнія, внимательно читалъ ихъ; зналъ также, что и Левъ Алексѣевичъ Перовскій, по просьбѣ моей, охотно исходатайствовалъ у князя Волконскаго предписаніе кабинету выдать мнѣ, вмѣсто перстня, означенную сумму безъ всякаго вычета, чего конечно онъ не сдѣлалъ бы, еслибъ раздѣлялъ обо мнѣ мысли Панаева, а не отдавалъ трудамъ моимъ справедливости; и послѣ всего этого, съ какимъ намѣреніемъ Панаевъ вздумалъ черезъ 30 лѣтъ, вопреки существующихъ еще неоспоримыхъ данныхъ, написать въ своихъ воспоминаніяхъ небылицу о служебной своей дѣятельности, исказить истину въ похвалу себѣ и въ помраченіе имени столь высоко стоявшихъ надъ нимъ лицъ, каковы были: графъ Сперанскій, министръ юстиціи князь Долгорукій и государственный контролеръ Хитрово? Осуждая дѣйствія Сперанскаго, приписывая ему умышленное заступничество за Вистингаузена, онъ явно относилъ эти дѣйствія и къ прочимъ членамъ Комитета. Имѣя предъ собою положительные документы, мы не считали себя въ правѣ остаться равнодушными къ нареканію, и своимъ молчаніемъ поддерживать старую пословицу: «Хорошая слава лежитъ, а худая бѣжитъ». Панаевъ хотѣлъ пустить худую славу, и притомъ о людяхъ, пользовавшихся уваженіемъ современниковъ; онъ разсчитывалъ на силу той пословицы; но истина оказывается далеко не на его сторонѣ.

С.-Петербургъ. — 20 марта, 1868. *И. Шамшинъ.*

---

[1]) Описанные въ донесеніи Комитета виды злоупотребленій (по обширности дѣла, о нихъ здѣсь не упоминается) взяты, какъ само собою разумѣется, изъ моей докладной записки, въ которой исчислены и убытки казны, отъ этихъ злоупотребленій происшедшіе.

[2]) Изъ сенатскихъ вѣдомостей 1829 года № 2, гдѣ при указѣ сената, отъ 22 февраля того года, опубликовано рѣшеніе государственнаго совѣта, видѣть можно, что по составленному мною разсчету, объясненному въ донесеніи Комитета, убытки казны, подлежащіе ко взысканію съ Вистингаузена, простираются до 1,448,068 руб.! Можно ли послѣ того утверждать, что эти убытки весьма были уменьшены, или ослаблены, какъ пишетъ Панаевъ, умышленно не поставляя на видъ этой суммы?

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1868.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ: ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ.

Стран.	Строки.	Напечатано:	Вмѣсто:
18	2 снизу	ней	той
19	16 »	сама	сими
20	15 »	угостила	угобзила
55	11 »	contre	comme
66	21 сверху	Херсонъ, гдѣ	Херсонъ, названный въ память мѣста, гдѣ
121	17 снизу	Синай	Скиѳію
170	22 »	ставить	сопоставить
269	19 »	пчоремъ	прочемъ
346	16 сверху	народъ	назадъ
349	5 снизу	долдіяхъ	дождіяхъ
350	4 сверху	вахчанговыхъ	вахтанговыхъ
—	27 »	подвергали	подвергались
—	12 снизу	направленіи	исправленія
351	16 сверху	представители враждебныхъ реформъ	противники, враждебные реформѣ,
354	7 снизу	обоихъ	общихъ
371	34 сверху	подвергало	подвержено
376	36 »	и, конечно,	и какое-то
377	19 »	замѣчанія	заключенія
—	2 снизу	transitaria	transitoria
378	21 сверху	по	ко
—	32 »	а	и

Война и миръ. Романъ гр. *Л. Н. Толстаго.* Часть четвертая. Москва. 1868.

Продолженіе первыхъ трехъ частей романа, о которыхъ былъ уже нами представленъ критическій отчетъ, останавливается нынѣшній разъ на Бородинской битвѣ, и потому основная мысль всего произведенія остается до сихъ поръ еще не вполнѣ объясненною; ожидать такого объясненія отъ четвертой части оказалось тѣмъ болѣе трудно, что эта часть ушла почти вся на попытку автора, не всегда счастливую, обратить исторію въ романъ. Къ какимъ политическимъ и философскимъ воззрѣніямъ пришелъ авторъ, не найдя романа въ своей области и усиливаясь отыскать романъ тамъ, гдѣ его не слѣдовало искать—на это подробнѣе указала наша «Ежемѣсячная хроника».

Замѣтки по средне-азіятскому вопросу, *Д. И. Романовскаго.* Съ приложеніями и картою Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Спб. 1868. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

При важности средне-азіятскаго вопроса для всего нашего будущаго и при крайней отрывочности и недостаточности нашихъ свѣдѣній о ходѣ его въ настоящее время, общественное мнѣніе у насъ смотритъ на это дѣло, почти какъ на чуждое его интересамъ. Между тѣмъ, вся сила новыхъ пріобрѣтеній заключается именно въ той степени участія, которую обнаруживаетъ общество, зорко слѣдя и подвергая критикѣ всѣ военныя и административныя дѣйствія въ новомъ краѣ. Только въ такомъ случаѣ, за арміями правительства слѣдуютъ цѣлыя арміи промышленныхъ и цивилизованныхъ силъ страны, которыя собственно и овладѣваютъ краемъ. Въ этомъ отношеніи, трудъ Д. И. Романовскаго, снабженный на половину весьма важными оффиціальными документами, является какъ нельзя болѣе кстати.

Справочная книжка Оренбургской губерніи на 1868 годъ. Изданіе Оренбургскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Оренбургъ. 1868. Ц. 1 руб.

Безъ сомнѣнія, наперекоръ мнѣнію большинства, мы назовемъ эту книжку, наполненную собственными именами и цифрами, весьма любопытною; но за то съ нами согласятся люди наблюдательные, и тѣ историки, которые иногда за одну цифру отдадутъ цѣлые томы разноглагольствій. *Notitia dignitatum*, этотъ адресъ-календарь римской имперіи, считается драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ исторіи, хотя онъ весь состоитъ почти изъ одной номенклатуры. «Справочная книжка» Оренбурга, ближайшей мѣстности къ театру средне-азіятскаго вопроса, представляетъ именно такой мѣстный *Notitia dignitatum*, т. е. исчисленіе лицъ, составляющихъ администрацію края, но, къ сожалѣнію, безъ тѣхъ подробностей, которыя мы находимъ въ римскомъ адресъ-календарѣ. За то въ ней мы встрѣчаемъ большое число статистическихъ таблицъ, которыя даютъ намъ точное понятіе о промышленныхъ, умственныхъ и физическихъ средствахъ края. Выводы изъ цифръ красноречивы, но не блестящи! 18 декабря 1866 года было произведено въ Оренбургѣ однодневное *народоисчисленіе;* при этомъ подвергли исчисленію не только жителей, но и домашній скотъ, такъ что, въ табл. I, мы находимъ 7 рубрикъ: первыя шесть посвящены числу жителей по возрастамъ, по состояніямъ и т. д., а послѣдняя, седьмая, назначена для скота. Оказалось, что въ Оренбургѣ—34,330 душъ обоего пола, и на это число приходится неграмотныхъ почти 17,953, а безсловесныхъ (лошадей, коровъ и т. д.) 11,439. Неграмотныхъ болѣе, чѣмъ безсловесныхъ! Кто не пожелаетъ, для матеріальнаго благосостоянія города, увеличенія послѣднихъ, а для его нравственнаго преуспѣянія — совершеннаго уничтоженія цифры первыхъ!

Труды Донскаго Войсковаго Статистическаго Комитета. Выпускъ первый. Новочеркаскъ. 1867.

Мы имѣемъ предъ собою сборникъ статей, заключающихъ въ себѣ разнообразныя историческія и статистическія свѣдѣнія о земляхъ Войска Донскаго, значеніе которыхъ увеличивается молвою о важныхъ предстоящихъ реформахъ въ этомъ богатомъ краѣ, недостаточно эксплуатируемомъ туземцами, между тѣмъ какъ мѣстныя привилегіи воспрещаютъ не-уроженцамъ вносить туда свой трудъ и капиталы. Особенно любопытна статья г. Карасева: «Донскіе крестьяне», и «Матеріалы для уголовной статистики въ Войскѣ Донскомъ», А. Савельева. Большая часть уголовныхъ преступленій служитъ живымъ протестомъ противъ дурныхъ условій семейной жизни казаковъ, въ основаніе которой положено не добровольное вступленіе въ бракъ и необходимость продолжительныхъ разлукъ по службѣ.

Курсъ гражданскаго права. Соч. *Побѣдоносцева*, почетнаго члена Московскаго Университета. Ч. I: Вотчинныя права. Т. I и II. Спб. 1868. Стр. 392 и 246. Ц. 3 р. 50 к.

Университетскій курсъ гражданскаго права, читанный г. Побѣдоносцевымъ, является нынѣ въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ. Намѣреваясь возвратиться впослѣдствіи къ этому труду, заключающему въ себѣ гораздо больше, чѣмъ можно бы подумать, судя по его спеціальному заглавію, — мы ограничимся теперь замѣчаніемъ, что, послѣ извѣстнаго курса Д. И. Мейера по тому же предмету, служившаго до сихъ поръ почти единственнымъ руководствомъ, наука гражданскаго права дѣлаетъ въ сочиненіи г. Побѣдоносцева новое и серьозное пріобрѣтеніе.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ, за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію;* **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, *въ Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, исключительно: *въ Редакцію* журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

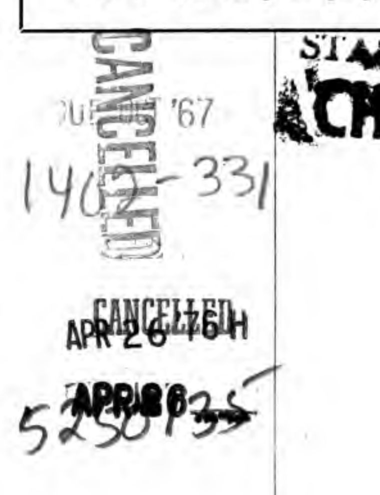
☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☜ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

С.-Петербургъ. — Типографія Ф. С. Сущинскаго, Могилевская, 7.

3 2044 019 213 677


CANCELLED
'67
1402-331
CANCELLED
APR 26 76 H
APR 26
525013
CHARGE